

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА КРСУ

Петр Петрович Литвинов

**1916 год:
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОПТИМИЗМ ТРАГЕДИИ**

Бишкек 2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(5)
Л 64

Ответственный редактор:

Владимир Матвеевич Козьменко, доктор исторических наук,
профессор, академик РАЕН, зав. кафедрой истории России
Российского университета дружбы народов,
заслуженный деятель науки РФ

Рецензенты:

Д.А. Ляпин, д-р ист. наук, профессор Елецкого
государственного университета им. И.А. Бунина,
В.И. Коротких, д-р филос. наук, профессор Елецкого
государственного университета им. И.А. Бунина,
М.Н. Омаров, канд. ист. наук, ученый секретарь ИСАП КРСУ

Рекомендовано к изданию НТС КРСУ

Литвинов П.П.

Л 64 1916 год: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ ТРАГЕДИИ: монография / отв. ред.
В.М. Козьменко. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2022. – 356 с.

ISBN 978-9967-19-867-8

Монография посвящена проблемам восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. против царской власти. Автор признает большое историческое значение события, значительные научные достижения в его изучении. Вместе с тем он отмечает отсутствие должной научной рефлексии над некоторыми аспектами трагических событий 1916 г. В связи с этим автором предлагается собственная интерпретация оценки историографии, источников и методологии проблемы, углубленный анализ предпосылок и причин восстания 1916 г.

Рассматриваются основные черты мотивации повстанцев и излагаются события мятежного времени в Туркестане через призму деятельности царской администрации в регионе. Особое внимание акцентируется на властных злоупотреблениях как российских чиновников, так и представителей местного самоуправления, приведших к драматическим итогам. В исследовании характеризуется роль в восстании мусульманского духовенства, а также позиция деятелей элиты коренных жителей Туркестанского края по отношению к нему. Отмечается значение межцивилизационного сотрудничества местного и русскоязычного населения. Пожалуй, впервые изучено положение Русской православной церкви в Средней Азии до и во время трагедии 1916 г., а также поведение царской «охранки» в этот период.

Книга может вызвать интерес не только научного сообщества, педагогических коллективов, но и широкой читательской аудитории.

УДК 94(47)
ББК 63.3 (5)

ISBN 978-9967-19-867-8

© ГОУВПО КРСУ, 2022
© Литвинов П.П., 2022

ВВЕДЕНИЕ

Историческая наука, в отличие от прочих отраслей знания, всегда вызывала всеобщее любопытство. Независимо от профессиональной деятельности, этнической ментальности, образования, воспитания и т. п., фактически, все люди интересуются прошлым своего народа, государства и общества. Распространено мнение о том, что уроки прошлого никого и ничему не учат, однако оно слишком категорично. Более верно утверждение о том, что многие люди, к сожалению, слабо их усваивают, что можно проиллюстрировать примерами мировой истории как в прошлом, так и в настоящем.

Великий немецкий поэт Шиллер провозглашал: «Всемирная история – это всемирный суд». Смысл лозунга глубокий, но он настолько понятен, что вряд ли нуждается в комментариях. И он только подчеркивает великое значение исторической науки и ее огромную ответственность перед человечеством. Приведем несколько назидательных мнений по этому поводу. Древнекитайская мудрость гласит: «Не поняв того, что было, не поймешь того, что есть». А.С. Пушкин отмечал, что «у человека, не знающего прошлого, нет будущего». Близкую по содержанию мысль высказывал выдающийся русский историк В.О. Ключевский: «Ключи от будущего хранятся в прошлом». Знаменитый Цицерон, считавший, что «история – наставница жизни», указывал: «Первая задача истории – воздерживаться от лжи, вторая – не утаивать правды, третья – не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или в предвзятой враждебности». Гёте писал: «Обязанность историка состоит в том, чтобы отличать подлинное от фальшивого, определенное от смутного, сомнительное от неприемлемого». У кыргызов есть пословица: «В древних сказаниях много богатей, но еще больше вымысла». Выдающийся востоковед, академик В.В. Бартольд отмечал, что «задачей историка является исследование не того, что могло быть или не могло быть, а установление того, что было». Американец Сантаяна считал, что «тот, кто не помнит своего прошлого, осужден на то, чтобы пережить его вновь». Существует мнение о том, что «ложь в истолковании прошлого приводит к провалам в настоящем и готовит катастрофу в будущем». Можно привести немало примеров, подтверждающих его правоту.

Действительно, во все времена были весьма распространены национальные интерпретации мировой истории и прошлого определенных стран. Российский исследователь Г.А. Бордюгов пишет о том, что после распада СССР и образования на его месте самостоятельных, независимых государств каждая «национальная» история относится неоднозначно к «своему» и к «чужому». Политический и научный дискурсы слились¹. Таджикский академик-историк Р.М. Масов отмечает, что после обретения независимости и суверенитета странами Средней Азии и Казахстаном в них появилось много разных дизобъективных, недостоверных, приукрашивающих и т. п. сочинений о прошлом. Он указывает, что менее всего такого в работах кыргызских и казахских авторов, но «больше всех в этом смысле грешат ученые Узбекистана, Туркмении и Таджикистана, которыми искажается действительная история народов, особенно в работах, написанных за последние годы отдельными историками и далекими от науки дилетантами. Это заметно в “заказных” работах – по желанию и от имени первых лиц государств, считающих, что они лучше всех знают историю своего народа. Можно привести как пример “труд” пожизненного президента Туркменистана Сапармурада Ниязова (Туркменбаши), книги других руководителей центральноазиатских

¹ Бордюгов Г.А. «Свое» и «чужое» прошлое // Отечественная история. 1999. № 5. С. 3–4.

стран»¹. Кыргызстанский исследователь С. Малабаев справедливо отмечает, что многие «национальные» историки стран «Центральной Азии» пишут о восстании 1916 г. необъективно, а именно: только об уничтожении восставших царскими карателями, однако при этом забывают о жестокости самих повстанцев². Он приводит примеры такого рода. С. Малабаев указывает, что правительственные власти старались предотвратить жестокие действия русских по отношению к взбунтовавшимся людям.

У всех националистически ориентированных историков в молодых и независимых государствах, возникших на обломках СССР, не хватает ряда качеств, которые должны отличать действительно профессионального специалиста от всех прочих, на то претендующих, но не оправдывающих такого звания. А именно: хладнокровия исследования, высокой требовательности к себе, объективизма, честности, бескорыстия, принципиальности, благородства и великодушия. Их постоянно захлестывает желание за что-то кому-то отомстить, что порождает субъективизм в оценке фактов и событий. Это «зеркальное отражение» того классового подхода, который так много напортил в исторической науке во времена «сталинщины». Но даже в трудах историков, работавших в сталинский период, не было такой амбициозности в претензиях на истину, зато было много объективного, научно значимого. Так, несмотря на жестокость и зверства гитлеровцев на территории СССР, советские историки изучали историю Германии с объективных и позитивных позиций. В годы войны с фашистской Германией в СССР издавались сочинения немецких авторов. Таким образом, советские историки могли отделять фашизм от немецкого народа. Однако историки-националисты из молодых независимых и суверенных государств «Центральной Азии» в силу интеллектуальной слабости и ангажированности не способны подняться на такой уровень профессиональной научной силы и нравственности. Они по сей день ссылаются на тезис советской историографии сталинского периода о том, что «многочисленные нерусские народности царской России были совершенно неправы, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям»³. Поэтому они не отделяют царизм от русского народа, хотя именно он более других пострадал от самодержавия за многие столетия его существования. Для них всё «русское» – и царское, и советское, которое надо мазать одной, причем только черной, краской. Националистически ангажированные историки Средней Азии и Казахстана прикрывают свои сомнительные манипуляции ссылками на любовь к родному отечеству.

Между тем известный французский критик Фенелон писал: «Историк, любящий отечество, никогда и ни в чем не должен льстить ему». Однако идея исключительности собственной истории, ее превосходства над другими всегда была популярна и поддерживалась государственной властью. Она торжествовала в Великобритании, а в США вообще приобрела сакральное выражение. В фашистской Германии такая идея была возведена в абсолют и стала базовой основой тотального геноцида «неполноценных» народов. В современном мире она продолжает господствовать. Американец Т. Паркер утверждал, что «наше благоговение перед прошлым пропорционально нашему неведению о нем». Это прекрасно иллюстрируют своими историческими опусами, например, «специалисты» из Польши и республик Прибалтики. Их труды свидетельствуют о том, что польско-прибалтийское братство «клиофилов» вообще не знает собственной истории – настолько их опусы безответственны и антинаучны. Например, утверждать о том, что Красная Армия не принесла народам Европы освобожде-

¹ Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2003. С. 39.

² Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): Кол. моногр. / ред.-сост.: Т.В. Котюкова. М.: Русский импульс, 2017. С. 213–214.

³ История ВКВ (б): Краткий курс. М., 1936. С. 6.

ния от фашизма, могут только люди или страдающие олигофренией, или продажные с головы до пят. Но всё это выдается за «национальный» подход к пониманию исторического процесса.

Великий Альберт Эйнштейн отмечал, что «национализм – детская болезнь, корь человечества», а Карл Маркс справедливо указывал, что «традиции всех мертвых поколений довлеют как кошмар над умами живых». Немецкий ученый Лихтенберг писал: «Самая опасная ложь – это слегка извращенная правда». Поэтому современные западные русофобы не отрицают побед Красной Армии во второй мировой войне, но, «слегка» извращая правду, утверждают, что решающую роль в разгроме фашизма сыграли США и Великобритания. Поэтому из всех гуманитарных и общественных наук более всех, пожалуй, не повезло истории. Она раньше и сильнее других подверглась политизации, которая, в отличие от издавна присущей ей идеологизации, означает полное выхолащивание содержания фактов и целевую (заказную) их интерпретацию. В конце концов, это и есть то, что мы называем фальсификацией истории и относим к ней все творения историков-националистов и шовинистов из стран «Центральной Азии».

Некто П. Уваров сообщает в журнале «Российская история» об образовании на одном из заседаний в Российской академии наук «комиссии по фальсификациям», указывая, что «желающих выступить по этому поводу нашлось немало, и они говорили <...>: недопустимы любые попытки фальсифицировать историю, в каких бы целях это ни делалось»¹. Другой исследователь З. Галиева призывает отказаться от политизации проблемы восстания 1916 г.² Но никто из фальсификаторов не интересуется, не прислушивается и, тем более, не руководствуется рекомендациями такого рода. Наивно полагать, что фальсификации российской истории начались только в советский или в постсоветский периоды. Фальсификаторы заявили о себе еще в дореволюционное время, и примеров тому, начиная с XV в., можно привести немало. Однако в данном случае нас интересует конкретное событие – восстание коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г.

Известный кыргызстанский ученый, академик С. Табышалиев писал о необходимости «зная правду истории, не предъявлять друг другу счет за своих предков»³. Его последователь доктор исторических наук А.Л. Салиев выступает против сведения исторических счетов между потомками противоборствующих сторон восстания 1916 г. Он отмечает, что «историки от политики спекулируют на трагедии 1916 г. и предъявляют претензии тем, чьи деды привнесли в Туркестан идеи революции и свободы»⁴. Думается, что кыргызы, выступающие с идеями возмездия, мщения, компенсаций и т. п., не осознают мудрость, честь и достоинство своего народа.

Великий Нельсон Мандела говорил: «Я не могу забыть, но я могу простить». В свое время Махатма Ганди победил английских колонизаторов идеей «непротивления злу насилием». Но она была пассивной, тогда как великодушные кыргызского народа позволило ему, забыв старые обиды, активно включиться в созидание новой жизни, несмотря на все трудности «сталинского» периода, коллективизацию, голод, войну и проч.

Любопытно, что кыргызстанский историк и политолог З.К. Курманов провел в 2007 г. опрос среди кыргызстанцев, выясняя их отношение к значимости исторических событий

¹ Российская история. 2013. № 1. С. 11.

² Галиева З. Восстание 1916 г. в Кыргызстане и Центральной Азии: новые подходы и интерпретации // Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: сб. ст. Бишкек: Нео Принт, 2017. С. 39–40.

³ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в документах: в 6 т. Т. I / под ред. В.И. Нифадьева, А.Ч. Какеева. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. С. 20.

⁴ Салиев А.Л. Политические отзвуки восстания 1916 года // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16. № 3. С. 203.

в жизни кыргызского народа. И только 1 % респондентов отнесли к значимым историческим событиям в истории кыргызского народа восстание 1916 г.¹ Безусловно, рейтинг тех или иных исторических событий в общественном мнении не должен влиять на интерес к ним науки и публицистики, тем более если это касается прошлого, которое его мало волнует в повседневной жизни. Поэтому обращение к теме восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. представляется нам научно значимым и необходимым. Генерал А.Н. Куропаткин называл подавление восстания 1916 г. «вторым завоеванием Средней Азии»².

Вместе с тем нельзя не заметить, что вокруг указанной темы существует и искусственный ажиотаж. Кыргызстанский историк А.У. Джакишев пишет: «К сожалению, некоторые националистически настроенные политики в Кыргызстане используют тему восстания 1916 г. для разжигания межнациональной розни, перекладывая вину царского режима на современную Россию и русский народ»³. 24 декабря 2015 г. многие ученые участвовали в состоявшемся в Бишкеке заседании круглого стола «Восстание 1916: взгляд через 100 лет», где директор Института истории Национальной академии наук КР А. Джуманалиев требовал от Владимира Путина или спикера Государственной думы РФ Сергея Нарышкина извинений за 1916 год. Но не все с ним согласились, указав, что современная Россия не имеет ничего общего с политикой царизма⁴. И это правильно, поскольку нельзя осуждать детей за грехи отцов. Рассуждает о «геноциде» кыргызов в 1916 г. и кыргызский политик А. Бекназаров. Организованный им «народный курултай» признал события 1916 г. «геноцидом» кыргызского народа.

Однако, по мнению кыргызстанского исследователя С. Малабаева, факты свидетельствуют о том, что «никакого геноцида в отношении киргизского народа в трагических событиях 1916 г. не было»⁵. Он считает, что в них были одинаково виновны как царская администрация, так и «туземная». Как бы там ни было, А. Бекназаров призвал руководителей России, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана (но без Туркмении) отметить 100-летие восстания вместе. Однако широко отметили 100-летие восстания 1916 г. только в Кыргызстане и России.

Представляется очевидным, что проблема восстания 1916 г., образно выражаясь, становится «разменной монетой» в политической борьбе. В свое время кандидат в президенты Кыргызстана Нурлан Мотуев обвинил Россию в геноциде как тотальном уничтожении кыргызского народа и потребовал от нее 100 млрд долларов компенсации. При этом он, однако, не упоминал о том, кто заплатит за тысячи гражданских русской национальности, уничтоженных во время восстания. По нашему убеждению, Чингиз Айтматов никогда бы не поддержал те эпатажные заявления. Думается, что такие, как Джуманалиев, Мотуев, Бекназаров и иже с ними, не осознают в полной мере последствий таких призывов, сеющих антагонизм между народами, которые, по сути, сегодня не имеют никаких поводов к конфликтам. Более того, в самой России такие призывы к «покаянию» могут вызвать на ее территории рост ксенофобских настроений по отношению к мигрантам из стран «Центральной Азии». Такие

¹ Курманов З.К. Об исторической самоидентификации кыргызстанцев // История и идентичность: Кыргызская Республика / Изд. фонда им. Фр. Эберта. Бишкек, 2007. С. 36.

² Рахимов Н. На перепутье: Генерал-востоковед Н.С. Лыкошин и восстание 1916 года в Средней Азии // Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 82.

³ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.)... С. 376–377.

⁴ Жаны агым. 2015. № 60. 25 декабря.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 223.

настроения существуют в Российской Федерации и сегодня, но их усиление сдерживается традиционным (интернационалистским с советских времен) культурным воспитанием населения. А ведь количество мигрантов из стран «Центральной Азии» в современной России исчисляется миллионами. Это может показаться странным, так как угнетенные, по мнению «центральноазиатских» стрекулистов, русскими – царскими и советскими «колонизаторами» – коренные жители Туркестана, Коканда, части Китая и иных племенных территорий устремляются не в Турцию, Афганистан, Иран, китайский Синьцзян и др., а тянутся к бывшей «метрополией», которая принимает их и обеспечивает работой, что позволяет их семьям благополучно существовать на родине.

Мы могли бы привести и иной весьма поучительный пример. Всем известны ужасающие потери советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – они несопоставимы с жертвами восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Однако Советский Союз не стал мстить немцам. Напротив, известно немало фактов, когда пострадавшие от фашистского нашествия русские, украинцы, белорусы и другие делились последним куском хлеба с военнопленными немцами. Гитлеризм обрек на мучения и жертвы и свой народ. Поэтому в сегодняшней Германии большинство населения, видимо, искренне ненавидит фашизм, сурово осуждает его проявления и высоко чтит память советских воинов, погибших в войне на немецкой территории. Хотя до 1950–1960-х гг. в этой стране открыто процветали идеи реваншизма и милитаризма, поддерживаемые государственной властью.

Следует также не забывать о том, что Туркестан был дефицитным регионом империи. В 1872 г. знаменитый «первооткрыватель» Средней Азии – генерал М.Г. Черняев писал министру финансов М.Х. Рейтерну о том, что пятилетний опыт существования Туркестанского края убеждает, что ежегодные правительственные расходы на него на четырех млн руб. превышают доходы¹. Данные Черняева подтверждал Ю. Скайлер – американский дипломат, посетивший край в 1870-х гг. и приводивший более конкретные цифры о пятилетнем его дефиците в 1868–1872 гг.: 18 908 955 руб. (при доходах в 10 588 549 руб. и расходах в 29 497 414 руб.)². Выдающийся британский политический деятель XIX столетия У. Гладстон поражался росту российского дефицита в Туркестане: если в 1868 г. он составлял около трех млн руб., то в 1872 г. уже достигал пяти с половиной млн руб.³. При рассмотрении проекта нового «Туркестанского Положения» министр внутренних дел Д.А. Толстой в 1884 г. писал военному министру П.С. Ванновскому о том, что «Туркестанский край представляет собой редкий в истории пример колонии, существующей за счет метрополии». При этом он отмечал, что за период 1865–1884 гг. дефицит Туркестана уже составил около 100 млн руб.⁴. Туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский писал во «всеподданнейшем» отчете от 18 февраля 1898 г. за период 1895–1897 гг. о превышении расходов на Туркестанский край над доходами от него в 1889–1897 гг. Он приводил следующие данные: 1889 г. – 3 652 300 руб.; 1890 г. – 2 198 200 руб.; 1891 г. – 1 460 400 руб.; 1892 г. – 2 506 800 руб.; 1893 г. – 1 734 100 руб.; 1894 г. – 2 158 900 руб.; 1895 г. – 2 200 100 руб.; 1896 г. – 440 000 руб.; 1897 г. – 1 330 700 руб.⁵.

¹ См.: Архив Гос. ист. музея. Ф. И-307. Оп. 1. Д. 42. Л. 58.

² *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. In 2 vols. Vol. 2. London, 1876. P. 213.

³ *Gladstone W.E.* Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan with her tracts. Leipzig, 1876. P. 8.

⁴ Новое время. 1914. № 13685. 19 апреля.

⁵ *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб.: Лисс, 1898. С. 847.

Министр финансов С.Ю. Витте подсчитал, что на рубеже XIX–XX вв. дефицит Туркестанского края без «мелочей» составлял ежегодно два–четыре млн руб.¹.

В конце XIX в. Средняя Азия давала лишь 1/4 потребляемого в стране хлопка, а остальной ввозился из Персии, Египта, Индии и США². Э. Терри в книге «Россия в 1914 году» подчеркивал, что из более чем 22 млн пудов хлопка, перерабатываемого в стране, только 11,2 млн поставлял Туркестан³. Таким образом, рассуждения некоторых историков о том, что Средняя Азия «завалила» Россию дармовым хлопком, лишены всяких оснований.

В 1912 г. царский министр А.В. Кривошей представил доклад «Доходен или убыточен для казны Туркестан», в котором отмечал, что с существующей «доходностью» края правительству трудно примириться. Он указывал, что период владения Туркестаном обошелся России в более чем 150 млн руб., не считая «чрезвычайных» расходов – например, строительства железной дороги, стоившего казне 164 млн руб. А.В. Кривошей авторитетно свидетельствовал о том, что правительство ежегодно приплачивало Туркестанскому краю 3,5 млн руб. на «текущие» расходы. При этом он дал впервые казне прибыль всего лишь в один млн руб. в 1909 г., что составило только 1/136 часть доходов, полученных Россией в этом году, то есть менее одного процента. Министр отмечал, что с учетом населения края и его территории Туркестан давал казне вчетверо меньше других районов страны. Кривошей пояснял, что такая «доходность» края обуславливалась либеральной политикой правительства, не желавшего обижать мусульманское население Туркестана, которое, как он подчеркивал, не участвовало наравне с прочими регионами России в общегосударственных расходах и погашении государственных долгов. Более того, до 1907 г. оно даже получало от казны пособие «на свои повседневные нужды» и поэтому при русских властях заметно поправило свое материальное положение. Министр особо подчеркивал то, что поставляемые мусульманами Туркестана в Россию хлопок, шелк, фрукты и т. п. стоили дешевле товаров, ввозившихся из «метрополии», – железа, хлеба, ситца, сахара и др. К тому же значительные прибыли мусульманам края приносила Оренбургско-Ташкентская железная дорога⁴.

Таким образом, по мнению автора, Туркестанский край обходился весьма недешево народному хозяйству страны. И это обстоятельство в полной мере оправдало многие первоначальные опасения царского правительства, ставшего щедрым «донором» для отсталого во всём региона. Поэтому всякие рассуждения о том, что царский «колониализм» приносил «огромные» доходы России, абсолютно беспочвенны. Исследователь В.С. Дякин справедливо отмечал, что «создание огромной евразийской империи» спасло некоторые народы (Грузия, Армения, пограничные с Китаем) от закабаления враждебными соседними государствами, однако «оно, несомненно, отрицательно повлияло на судьбу русского народа»⁵. По его мнению, «падение Казани можно с полным правом считать трагедией не только татарского, но и русского народа»⁶ (курсив наш. – П.Л.). Ленинское выражение: «Россия – тюрьма народов» многими трактуется как кому угодно, но в целом так, чтобы показать, что нерусские народы страны жили хуже всех русских. Но это плутовство, поскольку главным заключенным в царской «кутузке» был именно русский народ. Декабрист А.М. Муравьев в записках «Мой журнал» писал: «В России каждый нерусский свободен. Если русский привезет с собой негра в Россию, негр становится свободным. Даже женщина, купленная в Азии

¹ Новое время. 1908. 12 января.

² История СССР. Ч. 2. 1861–1917. М., 1978. С. 109.

³ См.: Знание – сила. 1991. № 2. С. 21.

⁴ Закаспийское обозрение. 1912. № 144. 2 июня. Дорога официально называлась Ташкентской.

⁵ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.)... С. 14.

⁶ Там же.

и привезенная господином в Россию, становится свободной»¹. При этом он подчеркивал, что зато русские люди страдают от позорного и унижительного крепостничества. А ведь последнего никогда не знали уроженцы Средней Азии, несмотря на все трудности своей жизни.

Известный британский русофоб генерал-майор англо-индийской службы Генри Роулинсон в 1882 г. говорил на заседании Королевского Географического общества: «Утверждение русского господства, на самом деле, над киргизами, узбеками и туркменами на большей части Центральной Азии явилось, бесспорно, благом для человечества. Отвратительная работоторговля с сопутствующими ей ужасами была отменена, подавлены грабежи, а фанатизм мусульман и жестокость в целом смягчены и контролируются»². Он отмечал, что российское завоевание Средней Азии стимулировало развитие торговли и производства, а к местным жителям установлено «более серьезное отношение, чем это было во времена правлений азиатских правителей»³. К таким же выводам приходил и не меньший русофоб будущий вице-король Индии и министр иностранных дел лондонского правительства Дж. Керзон⁴. Известный дореволюционный историк ислама немец А. Мюллер писал: «Не желая особенно входить в рассмотрение политических вопросов, я все-таки считаю своим долгом положительно заявить, что поглощение ханств Россией было истинным счастьем для населения этих стран»⁵. Таким образом, противники России в Азии и те вынуждены были признать гуманное содержание российской политики в Туркестане, ее положительное влияние на жизнь местного населения.

С начала текущего столетия автор много раз посещал Кыргызскую Республику и не наблюдал в ней антирусских настроений. По нашему мнению, они сместились в сферу политической оппозиции, представленной относительно узкой прослойкой кыргызстанского общества. Несмотря на то, что Кыргызстан стал членом ЕАЭС, получил известные выгоды от этого, она всё же пытается влиять на общественное сознание, и тема «геноцида» коренного населения Туркестана продолжает витать в сферах политической борьбы в этой стране. К сожалению, образование ЕАЭС мало снизило накал страстей по этому поводу в Средней Азии, так как Узбекистан и Туркмения не присоединились к этой организации.

Между тем в самой России научное сообщество обсуждает проблему восстания 1916 г. в Туркестанском крае весьма серьезно, обстоятельно и с действительным интересом. Так, 31 мая 2016 г. в Оренбурге состоялась вторая международная научно-практическая конференция «Цивилизационные и исторические основы гуманитарного сотрудничества России с государствами Центральной Азии». Она явилась продолжением международной встречи ученых, состоявшейся в сентябре 2015 г. на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. На форумах обсуждались вопросы восстания в 1916 г., на конференции в Оренбурге, в частности, выступили В. Амелин, Т. Котюкова, А. Хабутдинов, М. Суюнбаев и др. Была запланирована новая встреча ученых 27 июня 2016 г. в Бишкеке. В целом, ученые России и стран «Центральной Азии» на научных конференциях, в монографиях, статьях и т. п. старались честно и профессионально разобраться в обстоятельствах трагических событий 1916 г. Вместе с тем учебные заведения Турции и США в странах «Центральной Азии» продолжают пропагандировать идеи «геноцида» в 1916 г., хотя Турция не только не компенсирует последствия геноцида армян в 1915 г., но даже не признает его. Американцы отказываются

¹ Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 139.

² Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии / пер. с англ. Г. Борубаевой. Бишкек, 2016. С. 19.

³ Там же.

⁴ Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London, 1889. P. 393.

⁵ Цит. по: Крымский А. Мусульманство и его будущее. М., 1899. С. 50.

признавать геноцид коренного индейского населения Нового света в период его колонизации европейцами.

Интерес Запада к восстанию коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. понятен – ему хочется иметь влияние в этих регионах. Советник по Центральной Азии Центра изучения проблем ОБСЕ Гамбургского университета Арне Зайферт во введении к сборнику материалов международного круглого стола (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) пишет о том, что «центральноазиатские государства выполняют роль незаменимых и ценных связующих звеньев между Европой и Азией, роль, имеющую большое значение не только в контексте поддержания политической стабильности на евроазиатском пространстве. Эта роль постоянно приобретает всё большую значимость, так как ЦА в цивилизационном, культурном и религиозном отношении является точкой пересечения двух континентов. Здесь сталкиваются две разные религиозные и ценностные системы: секуляризм и ислам. Рассудительность и политическая готовность их приверженцев сосуществовать и сотрудничать друг с другом определяют будущее партнерских отношений на нашем общем евроазиатском континенте в высшей степени»¹.

Совершенно очевидно, что в Туркестанском крае силы всегда были неравны, так как коренное население составляло около 95 % жителей региона. Если бы они восстали в общерегиональном (до 1916 г.) масштабе, то положение пришло бы к критическому. Но восстание вспыхнуло только тогда, когда, с точки зрения диалектики, произошел переход от количества (накопленного жизненного негатива) в качество – открытое противостояние с властью. Силы и в это время были далеко не равны. Генерал А.Н. Куропаткин отмечал, что в Туркестанском крае на момент восстания 1916 г. проживало 540 тыс. русских, а «туземцев» – 7 млн человек, то есть некоренное население составляло лишь около 7 %². И тем не менее, только в нескольких уездах края дело дошло до уничтожения пришлых жителей, что было характерно преимущественно для Семиречья. Мы полагаем, что восстание было антирусским, но не антироссийским, поскольку, по нашему убеждению, ни экзальтированные мятежным периодом народные массы, ни политические организации коренного населения в большинстве своем не ставили целью выход из состава Российской империи, даже после жестокого подавления восстания царским режимом³.

В послереволюционный период было популярно мнение о том, что в Средней Азии конца XIX – начала XX в. существовали возможности национально-освободительного движения местного населения против царского колониального ига. Безусловно, рост такого движения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. был объективным процессом, порожденным как противоречиями внутриросийского развития, так и влиянием извне – с Востока, где нарастал вал борьбы против европейского колониального угнетения. Но в Средней Азии, по мнению «сталинского» историка П.Г. Галузо, «это было движение, идущее в основном под гегемонией эксплуататорских классов – знати и духовенства»⁴. И он был прав. Но отчасти, так как во время восстания народ не всегда покорно шел за знатью и духовенством. Галузо отмечал, что в период завоевания Средней Азии «газават был лозунгом революции и потому, что в нем содержался призыв борьбы против наступающих русских, и потому,

¹ Зайферт А. Введение // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: Матлы междунар. круглого стола (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.). Алматы, 2008. С. 15.

² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 97.

³ См.: Программные документы мусульманских политических партий 1917–1920 гг. Оксфорд, 1985.

⁴ Галузо П.Г. Туркестан – колония: Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935. С. 95.

что он отражал необходимость объединения всей Средней Азии для этой борьбы»¹. Вместе с тем он считал, что в XX в. газават стал «лозунгом совершенно реакционным»². По его мнению, газават как национально-освободительное движение в Средней Азии мог бы создать единое мусульманское государство (или несколько), «которые могли бы в своем развитии идти самостоятельно, без колониального подчинения по пути капиталистического развития»³. Это было наивное мнение, так как сопредельные со Средней Азией страны: Афганистан, Персия, Китайский Туркестан – не были колониями, однако владели отсталое существование в экономической, социальной, культурной и иных сферах жизни.

Мы вынесли в заглавие книги тезис о том, что восстание 1916 г., трагичное по своему характеру, стало, тем не менее, источником исторического оптимизма. И мы убеждены в этом. Французский поэт Т. Банвиль писал о том, что оптимизм – это религия народных восстаний и революций. К. Маркс считал, что восстания и революции являются локомотивами истории. Видный кыргызский историк К. Усенбаев указывал, что восстание 1916 г. «имело большое политическое значение и сыграло важную роль в жизни киргизского народа»⁴. Это был сильный удар по царизму, и он ускорил поражение России в войне и приход революции. На опыте восстания 1916 г. «киргизский народ понял, что свободу он может завоевать лишь объединившись с рабочими и трудовыми крестьянами России для борьбы против помещиков, капиталистов и местных эксплуататоров»⁵. Революция 1917 г. и гражданская война в России стали истоками исторического оптимизма в исторических судьбах народов Средней Азии и Казахстана. «Центральноазиатский» публицист М. Кабылбеков подчеркивает, что «если бы не Ленин, кыргызы вообще могли бы исчезнуть как этнос – их было всего 800 тысяч»⁶. И это, безусловно, историческая правда. Однако можно только сожалеть, что она по сей день является предметом сомнительных манипуляций.

Великая Октябрьская народная революция в России явилась, пожалуй, самым значительным событием в мировой истории, что признают даже западные профессиональные историки. Она перевернула весь мир и стала примером для многих народов и стран. Она открыла невероятные возможности для простого народа, где ранее социальная сегрегация закрывала любые возможности для роста и самореализации индивида в условиях, когда сословная иерархия и рабовладение просто исключали такую возможность для большинства людей буквально с рождения. Десятки миллионов раскрепощенных людей, ранее обреченных на тяжкий труд, нищету, прозябание и т. п., получили возможность свободного развития – становились учеными, деятелями культуры, военачальниками и др. Но торжественную дату Великой революции запросто «украли» у народа, предложив взамен событие, никоим образом не сопоставимое с ней. Кстати, французы, несмотря на всю действительную историческую правду о жестокостях революции 1789 г., чудовищных жертвах якобинского террора, тем не менее свято чтут дату ее начала – 14 июля, которая считается главным государственным праздником – днем народных демонстраций и военных парадов.

То же можно сказать и об отношении к исторической правде о великих людях. Их было в истории немало, причем последним, на наш взгляд, был Мао Цзэдун. Но великие люди, как правило, лишь круто изменяли обстоятельства, и только величайшие из них смогли, кроме этого, изменить людское сознание и поведение. Историк и математик Майкл

¹ Галузо П.Г. Туркестан – колония: Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935. С. 97.

² Там же.

³ Там же. С. 117.

⁴ Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе: Илим, 1967. С. 306.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: Орлова Т. Открыть другие горизонты // МСН. 2006. № 21. 28 февраля.

Харт составил список 100 самых значимых людей в истории по 32 параметрам, и первым в списке оказался пророк Мухаммед. Ленин и Конфуций также считаются весьма значимыми фигурами в истории. Китайцы при всех режимах – императорском, гоминдановском и коммунистическом – были и остаются конфуцианцами. То же самое можно сказать и о мусульманах – адептах религии Пророка. Ленин породил новое сознание – советское, которое отвергается частью либералов и демократов, но по принципу «от противного» – отталкиваясь от постулатов ленинизма.

Поэтому автор считает, что установление действительной исторической истины о событиях 1916 г. в Русском Туркестане еще не означает ее полного и однозначного торжества, как как эти события могут по-разному интерпретироваться не только профессиональными специалистами, но и простыми людьми. Так, например, кыргызы имеют неоспоримое право по-своему оценивать исторически точно установленные жертвы своего народа в период восстания и соответствующим образом отмечать трагические события в своей истории. Но такое же право имеют и потомки тех тысяч русских людей, которые были физически истреблены в то же время восставшим коренным населением Туркестанского края. И никто не может помешать им вспоминать имена своих трагически погибших предков.

Таким образом, любая действительная, *нигде и ни в чем не искаженная* историческая правда всегда неоднозначна в эмоциональном и интеллектуальном восприятии. И так, видимо, будет всегда. Совместить разные «правды» чрезвычайно сложно, но возможно. Единственное, что нужно для этого, это постижение подлинного исторического смысла событий, иначе любое из них может стать объектом искажения, фальсификации, политизации и т. п. в той мере, в какой сегодня это делают, к примеру, в Польше, Украине и прибалтийских сателлитах «свободного» мира. Это обстоятельство представляется весьма важным и значимым именно для характеристики разного рода народных движений – восстаний, крестьянских и гражданских войн, революций и т. п.

Народные движения против власти известны с древнейших времен. Достаточно вспомнить, например, крестьянские войны в Древнем Китае. И все они были сопряжены с жертвами с обеих сторон. И в истории России так было. Авторитетный российский историк Н.И. Павленко указывает, что «изъян в освещении того времени (дореволюционного периода. – *П.Л.*) относится к крестьянским войнам. Он состоял в игнорировании их разбойного характера, умалчивании грабежей и разрушении производительных сил. Не осуждались убийства, жестокость, падение нравственных устоев, сопровождавших крестьянские войны»¹. По его мнению, «недостаток заключен в общей оценке крестьянских войн – на них смотрели как на двигатель прогресса». Историк считает, что это не так, и «ближе к истине был Г.В. Плеханов, утверждавший, что крестьяне в этих войнах боролись не за новые порядки, с которыми было сопряжено повышение уровня эксплуатации, а за сохранение идеализированных ими старых устоев»². Крестьянские войны, действительно, сопровождались массовыми убийствами – представителей правящих сословий. Это происходило не только в России, так было, например, в годы Крестьянской войны в Германии 1524–1526 гг. под предводительством Томаса Мюнцера.

Таким образом, жестокости крестьянских войн были, по нашему убеждению, исторической закономерностью народных движений. Это же относится к революциям и гражданским войнам. С этим трудно согласиться, но это невозможно отрицать. История народно-освободительных движений не знает случаев борьбы без жертв. Дело в их количестве. Народная революция 1917 г. в России могла бы свести их к минимуму, если бы не вмешательство

¹ История России с древнейших времен до 1861 года / под ред. Н.И. Павленко. М., 1996. С. 11.

² Там же.

внешних сил, активно поддерживавших «белое» движение, старавшееся возродить в стране старые порядки, при которых можно было бы по-прежнему считать народ бесправным и безмолвным. Нас пытаются сегодня убедить в том, что это движение преследовало возвышенные исторические цели, а его адепты были воплощением демократии и благородства. Исследователь Н.Я. Лактионова пишет о том, что сейчас многие охаивают «красный террор», «хотя по количеству жертв массовые зачистки местного населения со стороны “белых”, особенно в регионах Сибири, являются кратно большими по отношению к противоположной стороне. К тому же – за “белыми” народ не пошел»¹. Со слов очевидцев автор знает о том, как белогвардейцы с остервенением пороли, вешали и вспарывали животы русским мужикам и их семьям. Сегодня в России есть те, кто воспевают Александра Колчака, но они забывают о том, сколько народа в Сибири извел этот душегуб в адмиральском мундире. Тому есть бесспорные доказательства, в том числе документальные кинофильмы. И приговорили его к смерти не большевики, как принято считать, а эсеры, заправлявшие тогда в иркутском Политическом центре. Можно только представить себе, сколькими виселицами была бы усеяна страна, если бы победили «белые». Не менее известно, как проигравшие в гражданской войне в бессильной злобе готовы были на всё, чтобы отомстить своему народу. И они немало сделали на этом поприще, вплоть до открытого сотрудничества с фашистскими захватчиками.

Сегодня находится немало тех, кто порицает Ленина, высланного в 1922 г. за рубеж паромом с представителями «умственной элиты» России.

Таким образом, по нашему убеждению, несмотря на все эксцессы действительно народные движения были всегда устремлены к общественно-историческому прогрессу. И в этом отношении восстание коренного населения Туркестанского края в 1916 г. не является исключением. Жертвы, порожденные им, были не беспричинны и не случайны. Они заслуживают памяти своих потомков как с одной стороны, так и с другой. И любые корыстные манипуляции с такой памятью должны становиться объектами всеобщего гнева и проклятия, только в таком случае она будет заслуживать взаимного уважения и признания.

Сегодня становится всё более очевидным, что успешное будущее молодых независимых и суверенных государств «Центральной Азии» и всего их населения зависит от упрочения сотрудничества с Россией. Оправдываются слова дореволюционных авторов, которые писали в 1865 г., в год взятия Ташкента русскими войсками: «Относительно этих стран (среднеазиатских ханств. – *П.Л.*). России предназначена историческими судьбами первенствующая роль в деле водворения цивилизации и гражданственности»². Еще в феврале 2004 г. мы писали в статье «Исторический оптимизм распада», опубликованной в газете «Слово Кыргызстана», о том, что СССР стал преемником Российской империи, что, создавая его, «большевики лишь формально закрепили то, что сложилось задолго до них»³. Несмотря на все трудности, в том числе восстание 1916 г. в Средней Азии, Россия сыграла свою роль в исторических судьбах народов региона. И она была исполнена оптимизма, который в последующем будет только нарастать.

¹ Лактионова Н.Я. Новая концепция истории и задачи укрепления российской государственности // Преподавание отечественной истории. Исторические факты и их интерпретация: мат-лы XVIII Всерос. науч.-теорет. конф. Москва, РУДН, 15–16 мая 2014 г. М., 2014. С. 125.

² Предисловие от издателей // Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии: Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865. С. I–II.

³ Литвинов П.П. Исторический оптимизм распада: Размышления российского историка // В конце недели: Прил. к газ. «Слово Кыргызстана». 2004. 27 февраля.

Исторический оптимизм восстания 1916 г. подтверждается в документах современных властей Кыргызстана. Еще в октябре 2013 г. Жогорку Кенеш принял постановление «О 100-летию событий 1916 года». Предполагалось проведение многих мероприятий, связанных с этим юбилеем. Документ свидетельствовал об историческом оптимизме драмы 1916 г. Затем 27 мая 2015 г. последовал указ президента Кыргызстана «О 100-летию трагических событий 1916 года». Лейтмотивом документа являлось предложение профессиональным специалистам разобраться в исторических хитросплетениях, вспомнить о жертвах, увековечить память о них. Восстание в документе называлось «Уркун» («Великий исход»). Он прямо указывал на исторический оптимизм события: «Февральская и Октябрьская революции 1917 года кардинально изменили положение кыргызов... В отличие от царского самодержавия, советская власть смогла обеспечить перспективы национального развития кыргызов и других народов Туркестана... была заложена основа для возрождения кыргызской государственности. Бежавшим во время “Уркуна” в Китай кыргызам Советская власть обеспечила возвращение на родину. Произошла модернизация образа жизни населения. Направленные из центра специалисты существенно помогли в проведении индустриализации и культурной революции. Если до советской власти в числе местного населения грамотные составляли около 1 %, то уже через 20 лет их число увеличивалось до 70 %. В Кыргызстане появилось профессиональное искусство, развитие кыргызского языка и культуры вышло на новый высокий уровень»¹. В СССР появилась методология кыргызского языка, существенно сократилась детская смертность, социальный лифт получили практически все слои общества, что было немыслимо в дореволюционном сословном обществе кыргызов.

Таким образом, исторический оптимизм выступления коренного населения Средней Азии и Казахстана против царизма в 1916 г. трудно отрицать. Так как основополагающая ретроспектива, несмотря на всю свою трагичность, содержала мощный потенциал народного сопротивления и страстного желания победы в борьбе за свое будущее. Жертвы, конечно, стали реальностью движения, однако они изначально были заложены ошибочной политикой царизма, в том числе переселенческой, с произволом в части земельных изъятий у коренного населения и злоупотреблений власти.

Для нас представляется очевидным, что накопленных сведений о восстании коренного населения Средней Азии и Казахстана против царизма в 1916 г. вполне достаточно для того, чтобы составить о нем предельно ясное представление с научной точки зрения. Однако наличие одного фактического материала для этого недостаточно. Видный кыргызстанский историк и общественный деятель, академик Национальной академии наук Кыргызстана А.Ч. Какеев справедливо указывает «на необходимость непредвзятого анализа всей суммы фактического материала. Только в таком случае общество сможет извлечь уроки истории, заботясь о своем мирном и процветающем будущем»². Это первое. Второе. По нашему убеждению, необходимо развивать исследование тех сторон или аспектов восстания 1916 г., которые либо не получили достаточной научной рефлексии, либо вообще не подвергались изучению. Например, в данной работе мы впервые обращаем внимание на вопрос о положении институтов Русской православной церкви (РПЦ) во время восстания, поскольку по сей день в работах, посвященных ему, упоминаются только разгром Иссык-Кульского монастыря и сожжение православных храмов в русских селениях. О поведении Церкви и ее клира фактически ничего не известно. Мы поднимаем в книге также ряд проблем, которые были в разной степени выведены за черту специального научно-исследовательского анализа.

¹ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в документах: в 6 т. Т. I. С. 4.

² Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в документах: в 6 т. Т. II. С. 5.

Вместе с тем мы не относим данное исследование к разряду «классических» монографий, поскольку его содержание носит фрагментарный (очерковый) характер. Его органическое единство представляется относительным. Каждая глава, по сути, является самостоятельным произведением «статейного» типа. Мы сознательно придали работе «мозаичное» выражение, поскольку именно таким образом главная проблема может быть рассмотрена через «аспектную» призму с выделением для изучения тех или иных ее сторон и граней. Это очень схоже с коллективными монографиями на ту же тему¹, с той лишь разницей, что у всего содержания исследования один автор. В связи с указанным подходом автора в содержании работы изредка встречаются повторения, которые он предпочел не изымать из контекста отдельных разделов (глав), с тем чтобы не разрушать их внутреннюю органику. Насыщение фактами и цитированием может показаться излишним, однако оно адекватно динамике исследуемого сложного общественно-исторического процесса. В целом, на наш взгляд, данное исследование можно считать состоявшимся.

Есть еще одно важное обстоятельство, по поводу которого нам хотелось бы высказать свое мнение. Сегодня применительно к тому, что мы раньше называли Средней Азией и Казахстаном, почти повсеместно – от публицистики до научной литературы (что особенно печально) применяется термин «Центральная Азия». Мы не зря пишем здесь об этом, поскольку в связи с сегодняшним употреблением этого термина возникает много путаницы, которой мы как раз и хотели бы избежать в настоящей работе. То есть мы сразу хотели бы расставить все точки над «i», высказавшись по поводу применения термина «Центральная Азия». Насколько правомерно оно сегодня? Нам приходилось более двух десятилетий назад отвечать на этот вопрос в одной из своих монографий. Мы писали тогда в связи с этим о том, что «автор сознательно избегал употребления в исследовании новейшего термина “Центральная Азия” без кавычек, так как считает, что с чисто научной точки зрения он не имеет никакого отношения к Средней Азии как таковой, являясь плодом чьих-то политических амбиций»².

Действительно, до начала 1990-х гг. термин «Центральная Азия» применялся к тому пространству, которое в научно-географическом плане ему соответствовало, а именно: Тибетское нагорье, Джунгария, Кашгария, Внутренняя и Внешняя Монголия, тогда как под термином «Средняя Азия» выступали: Туранская низменность, Памир и Тянь-Шань³. Казахстан (кроме южных районов) не относился в науке ни к Средней, ни к Центральной Азии. Естественно, что сегодня в контексте рассмотрения современных проблем так называемой «Евразии» читатель может понять, что за термином «Центральная Азия» стоит то, что ранее мы считали Средней Азией и Казахстаном. Но тогда как быть в том случае, если речь идет о понимании этого же термина, обозначенного в литературе, изданной в дореволюционный период, а также в советский и до середины 1990-х гг.? Разумеется, в таком случае надо понимать под этим термином ту Центральную Азию, которая признана официально и авторитетно научной географией.

Полагаем, что смысл наших рассуждений понятен любому образованному человеку. Но все-таки мы кое-что добавим. Например, молодой и неопытный исследователь хочет изучать проблемы истории Джунгарии. Он идет в библиотеку или находит в Интернете издания по истории Центральной Азии. Новейшие. Но он обнаруживает в них не сведения из истории

¹ См. напр.: Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2008; Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном...

² См.: Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по арх. мат-лам). Елец: Изд-во ЕГПИ, 1998. С. 19.

³ См.: Азия // БСЭ. Т. 1. С. 282. Стлб. 821.

этого региона, а повествования о прошлом Средней Азии и Казахстана, которые теперь тоже стали именоваться Центральной Азией. Естественно, мы не в силах отменить употребление термина «Центральная Азия» в нынешнем его понимании (как Средняя Азия и Казахстан) – слишком уж он, образно говоря, «въелся в поры» современной историографии, политологии и публицистики. Его употребляют и видные политики. А зря – всё должно называться так, как это признано действительной наукой, а не амбициями некоторых политических лидеров, желающих жить именно в «центре» Азии, а не поблизости от него. Поэтому мы, стараясь избежать вышеуказанной путаницы, возвращаемся к старой терминологии. В тех случаях, когда речь будет идти о современном (признаваемом нами лишь вынужденно) понимании термина «Центральная Азия», то мы будем употреблять его в кавычках, то есть так, как мы это делали и раньше.

Кто-то может сказать, что такого рода терминологические «игры» малосущественны – главное, чтобы была ясна суть проблемы. Вряд ли с этим можно согласиться. Например, великий русский путешественник Н.М. Пржевальский много писал о Центральной Азии, но если читатель будет понимать у него под термином «Центральная Азия» то, что под ним большинство разумеет сегодня, то он непременно запутается, поскольку сам путешественник и разведчик обозначал указанным термином только то, что установила для него географическая наука. Понятно, что то же относится и к сочинениям всех других авторов, которые употребляли этот термин в его дореволюционном и советском значении.

Хотелось бы дать пояснения и другим географическим терминам, используемым в данной работе. В тексте будет употребляться термин «Русский Туркестан». Под ним автор имеет в виду все российские территории в дореволюционной Средней Азии, поскольку некоторые из них не входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства, называвшегося также «краем». Реально до 1898 г. (а официально до июня 1899 г.) он включал в себя лишь одну «изначальную» (с 1867 г.) область – Сырдарьинскую. Вторая такая область, входившая в состав Туркестанского края во время его образования в 1867 г., Семиреченская, в 1882 г. была выведена из его подчинения и передана в Степное генерал-губернаторство (край). Однако в нашем исследовании мы относим ее к «Русскому Туркестану», так как географически Семиречье всегда причислялось к Средней Азии. В 1876 г., после так называемой «самоликвидации» Кокандского ханства, в составе Туркестанского края была образована Ферганская область, а в 1886 г. была учреждена также Самаркандская область. Учитывая, что к тому времени в составе Туркестанского генерал-губернаторства (края) уже не было Семиреченской области, то до 1898–1899 гг. его составляли три области: Сырдарьинская, Ферганская и Самаркандская, называвшиеся «коренными», так как существовали во время издания «Туркестанского положения» 1886 г. Такое название вошло в оборот после присоединения к краю Закаспийской и Семиреченской областей, считавшихся «некоренными». Это важно знать всем тем, кто занимается ныне историей так называемой «Центральной Азии».

Важно также знать, что существовавшая в Средней Азии с 1881 г. Закаспийская область до 1890 г. находилась в ведении кавказских властей. С 1890 по 1898 гг. она находилась непосредственно в подчинении Военного министерства. Но она всегда относилась к Русскому Туркестану, так как была территорией Средней Азии, то есть Западного Туркестана. Лишь после того, как с июня 1899 г. Семиреченская и Закаспийская области окончательно (на деле это произошло уже в 1898 г.) были слиты с другими тремя областями («коренными») в единый Туркестанский край (генерал-губернаторство), термин «Русский Туркестан» стало возможным полностью отождествлять с термином «Туркестанский край».

Но и это еще не всё в изъяснении термина «Русский Туркестан». Известно, что в Туркестане существовали Бухарское, Кокандское и Хивинское ханства, находившиеся под

российским протекторатом. К началу 1876 г. Кокандское ханство окончательно развалилось вследствие «тектоники» народного восстания 1873–1875 гг. После этого в Средней Азии осталось только два ханства – Бухарское и Хивинское. В зарубежной литературе их иногда тоже причисляют к «Русскому Туркестану». Мы считаем это не совсем правильным, так как оба ханства формально считались независимыми и самостоятельными (но только во внутренней политике). Естественно, что они не включаются нами в понятие «Русский Туркестан». Однако, когда мы употребляем термин «Средняя Азия» или «Туркестан», то оба ханства, естественно, в них включаются.

Иногда понятие «Туркестан» разделяют надвое – «Западный Туркестан» и «Восточный Туркестан». Под Западным Туркестаном понимается «Русский» (все пять областей и оба среднеазиатских ханства), а под Восточным Туркестаном – «Китайский» (Кашгария или Синьцзян). Некоторые националистически настроенные псевдоисторики из молодых государств «Центральной Азии» (бывших союзных республик СССР) очень не любят термин «Русский Туркестан», считая его употребление напоминанием о царистском и советском «колониализме». Тогда из исследований по истории XVIII – второй половины XX вв., например, следовало бы убрать термины «Британская Индия», «Французская Африка», «Бельгийское Конго», «Португальская Гвинея», «Турецкая Аравия» и др. Но как тогда разъяснять историческое время рассмотрения, когда сами термины говорят о нем без лишних слов – что, где и когда именно всё происходило.

Мы употребляем термин «Русский Туркестан», во-первых, чтобы не указывать «хронологию», ибо известно, что он существовал только с лета 1865 г. до падения царизма в начале 1917 г.; во-вторых, для того, чтобы отличать российскую территорию Туркестана от, как отмечалось, Китайского, а равно Афганского Туркестана; наконец, в-третьих, кроме российских территорий в Средней Азии (Туркестане) существовали еще и ханства – Бухарское и Хивинское, которые не входили в состав Российской империи, они были ее протекторатами, но с полной самостоятельностью во внутренней политике.

Таким образом, тема восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. против царизма за столетие с лишним пережила разные этапы исследования, подходы к пониманию его сущности. Интерпретация событий восстания была тоже неоднозначной, однако во все периоды она не была лишена идеологизации и политизации. Следует отметить, что указанные события были восстановлены советской исторической наукой в значительной мере добросовестно и ответственно. Были изданы сборники документов и материалов о восстании 1916 г. в Туркестанском крае без существенных купюр. Это позволило ученым иметь достаточно объективное представление о нем. Естественно, что характеристика событий 1916 г. была «классовой» и идеологической. Однако и «свободная» западная историография восстания была тоже ангажированной, к тому же лишенной серьезного архивно-документального обеспечения. По нашему убеждению, восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане относится к числу тех народных движений, которые были устремлены к лучшему будущему, избавлению от гнета и социальной несправедливости. Оно было жертвенным, как и все исторические аналогии, однако оптимистичным, поскольку наносило сильный удар по отжившим формам государственной жизни и открывало новые возможности общественного развития.

К сожалению, освобождение от советского режима и коммунистической идеологии не привело к полному объективному и беспристрастному исследованию обстоятельств трагедии 1916 г. В поисках путей утверждения и упрочения собственной идентичности националистически ангажированные историки и политики государств региона прибегли к инсинуациям относительно «русского колониализма» как главного условия трагедии 1916 г. Проблема восстания стала предметом политизации со стороны определенных общественных

сил, добивающихся власти в странах указанного региона. Они прибегли к обвинениям современной России в драматических событиях 1916 г., требовали от ее руководителей принесения извинений и выплаты компенсации за действия царизма.

Не снимая вины с российского самодержавия, мы полагаем, что драматические события восстания были во многом порождены эндогенными обстоятельствами развития коренных социумов – кочевого и оседлого в условиях трансформации экономических, социальных, культурных и прочих обстоятельств перехода к капиталистическим отношениям при сохранении множества пережитков феодального и патриархального обществ. Сыграл свою роль и религиозный – исламский фактор, по существу, тоже эндогенный. Однако в любом случае тема восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. должна изучаться и в дальнейшем. Но не в ракурсе идеологизации и политизации, а в направлении расширения горизонтов научно-исследовательского изыска, в том числе в части детализации обстоятельств трагического времени в отдельных местностях бывшего Туркестанского края. И тогда в общем выражении научная рефлексия над рассматриваемой темой приобретет действительно полноценный научный характер.

ГЛАВА 1

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ

В научно-исследовательской практике уже давно сложилась традиция предварять изучение тех или иных тем обзорами историографии и источников рассматриваемых проблем. Позже к ним добавилась необходимость методологического анализа последних. Не желая изменять вышеуказанной практике, мы предлагаем обзор историографии и источников по теме восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г., а также раздел о методологии данного исследования.

Историография

В любом серьезном историческом исследовании обзор литературы по его теме является не только весьма значимым, но и обязательным, так как он отмечает наиболее важные вехи в соответствующем научном пространстве. Естественно, что проблема восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане не является в данном случае исключением. Следует отметить, что ее профессиональное изучение историками фактически началось только после революции и гражданской войны на территории бывшей царистской империи.

Исследователь А. Локшин выделяет три этапа советской историографии восстания 1916 г.:

- 1) 1920-е – начало 1930-х гг. В этот период историки достаточно свободно обсуждали проблему на основе своих личных впечатлений, привлечения очевидцев, имеющихся документов и т. п. Были разные эмоции, подходы, оценки и проч., но преимущественно с точки зрения официальной марксистско-ленинской методологии, которой еще не все достаточно глубоко овладели;
- 2) начало 1930-х – 1953 г. – ужесточение идеологических и политических установок относительно восстания 1916 г., торжество марксистско-ленинской методологии;
- 3) 1953–1991 гг. – более свободные подходы, однако в рамках господствующей идеологии и методологии¹.

В первый период о восстании 1916 г. писал его участник и очевидец казахский большевик Т. Рыскулов, выдвинувший «теорию плацдарма», согласно которой царизм при помощи восстания хотел наполнить Туркестанский край войсками, с тем чтобы потом двинуть их на соседние страны – Западный Китай, Афганистан и Персию. В 1925 г. Г.И. Бройдо, тоже очевидец восстания 1916 г., выступил со статьей о «теории провокации». Суть её сводилась к тому, что царизм спровоцировал восстание, с тем чтобы, подавив его, конфисковать земли участников мятежа и раздать их русским переселенцам, увеличив социальную опору царской власти в регионе. Взгляды Рыскулова и Бройдо критиковал Е. Федоров, считавший, что восстание 1916 г. было направлено против царизма и местных феодалов, то есть оно носило антиколониальный и антифеодальный характер. Исследователь восстания 1916 г.

¹ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: Сб. ст. Бишкек: Нео Принт, 2017. С. 19.

И.А. Чеканинский считал работу Г.И. Бройдо о восстании 1916 г. как политизированную и лишённую серьёзных оснований¹. В наше время воззрения Рыскулова и Бройдо осуждает исследователь А. Панфилов². К 10-летию восстания 1916 г. в 1926 г. была опубликована статья И. Меницкого. Он игнорировал национальный вопрос в восстании 1916 г. и представлял его только как выступление против царизма, местной буржуазии и эксплуататоров всех национальностей. Т. Рыскулов критиковал его точку зрения. К 15-летию восстания 1916 г. в газете «Правда Востока» комитет Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) опубликовал тезисы о восстании в Средней Азии и Казахстане. Они задали тон всем будущим его исследованиям. Все, кто с ними не соглашался, были подвергнуты репрессиям: Турар Рыскулов, Юсуп Абдрахманов, Баялы Исакеев, Иван Чеканинский, Григорий Бройдо и др. Тезисы установили главные идеологические постулаты: 1) восстание 1916 г. было национально-освободительной войной против российского империализма; 2) в некоторых местностях руководителями восстания были баи и манапы (часто под давлением бедных сородичей), а также русские кулаки. Не было руководящей роли пролетариата в этом движении, так как в Туркестане отсутствовали революционные рабочие партии³. На научной конференции 1953 г. во Фрунзе было констатировано, что в изучении восстания 1916 г. сделано ещё очень мало. И потому вскоре в 1960 г. был издан объёмный источник документов по восстанию 1916 г. в Средней Азии и Казахстане⁴. А. Локшин отмечает, что современная российская историография мало уделяет внимания восстанию 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, а те, кто пытается в нём разобраться, допускают ошибочные толкования. Локшин критикует работы В. Булдакова, С.Н. Абашина и др.⁵. В сентябре 2015 г. в Москве была проведена конференция ученых России, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Локшин тоже критикует ее содержание и указывает, что сборник материалов этой конференции «явно не стал историографическим событием, прорывом в исследовании трагедии 1916 года»⁶. В заключение Локшин утверждает, что и после 100-летия восстания 1916 г. «многие вопросы остаются открытыми»⁷. Он рекомендует изучать наследие предков – воспоминания очевидцев восстания, устное народное творчество и т. п.

Любопытно, что известный большевик Г. Сафаров в своей работе о Туркестане, изданной в 1921 г., только кратко писал о восстании 1916 г. в регионе: «Доведенные до отчаяния, они (кочевники. – *П.Л.*) восстали с дубинками и кетменями, первобытными орудиями труда и защиты. Усмирение было чудовищным по своей жестокости»⁸. Он указывал на убийства царскими карателями мирного «туземного» населения, разрушение ими десятков кишлаков и аулов, конфискацию земель восставших, передачу их «русским кулакам, принявшим живейшее участие в усмирении», и заключал: «Память о 1916 годе еще и сейчас крепко живет в сознании мусульманской бедноты»⁹. О тысячах русских, убитых и потерпевших от восстания большевистский туркестановед даже не упоминал. В 1920-х – 1953 гг. кроме него

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 475.

² Панфилов А. Еще раз к вопросу о событиях 1916 года в Средней Азии и Казахстане // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI): Проблемы генезиса и трансформации: Мат-лы Междунар. конф. (г. Алматы, 5–7 июня 1995 г.). Алматы, 1995. С. 102–103.

³ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 25.

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский...

⁵ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 30.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). М.: Госиздат, 1921. С. 79.

⁹ Там же. С. 80.

и упомянутых выше Т. Рыскулова и Г. Бройдо¹ о восстании 1916 г. в Средней Азии и Казахстане писал И. Чеканинский². В частности, он писал о значении фактора первой мировой войны в восстании 1916 г. Современный исследователь П. Дятленко выражает сожаление по поводу того, что труды Чеканинского мало используются при изучении восстания 1916 г.³ В довоенное время проблемы последнего изучались многими советскими историками⁴. В тот же период о восстании 1916 г. писали некоторые зарубежные исследователи, в том числе политические эмигранты из России⁵.

Новые подходы к истории восстания 1916 г. обнаружались в 1950-х гг. еще при жизни И.В. Сталина. О том, как они развивались и утверждались в последующем, мы позволим себе сослаться на характеристику процесса, данную видным узбекским историком, специалистом по восстанию 1916 г. в Средней Азии и Казахстане Х. Турсуновым. В марте 1951 г. в Среднеазиатском государственном университете состоялась дискуссия по проблемам восстания 1916 г., однако она носила весьма общий характер. В том же году вышла статья Ю.М. Тарасова о восстании 1916 г. в Туркмении. Он характеризовал восстание 1916 г. как «реакционное, националистическое движение, которое было подчинено исключительно интересам феодально-родовой верхушки, ориентированной на Турцию, Германию, Персию и Афганистан»⁶. По поводу этой статьи в апреле 1952 г. состоялось обсуждение в Институте истории АН Туркменской ССР. Выступили Ю.М. Тарасов и О.К. Кулиев. Кулиев возражал доводам Тарасова о реакционности восстания 1916 г., однако не все его доводы были убедительными. Перед этим, в январе 1952 г. по поводу выступления коренного населения этих регионов в 1916 г. состоялась дискуссия в Алма-Ате, которая стала полезной, так как была направлена против тех, кто считал восстание реакционным.

¹ См.: *Рыскулов Т.* Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г. Кзыл-Орда, 1927; *Бройдо Г.И.* Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году // Восстание казахов и киргизов в 1916 году. Лондон, 1989. С. 123–168.

² *Чеканинский Ив.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле–сентябре 1916 г. Кзыл-Орда, 1926.

³ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 480.

⁴ См.: *Асфендияров С.Д.* Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата – М., 1936; *Брайнин С., Шапиро Ш.* Восстание казахов Семиречья в 1916 году. Алма-Ата – М., 1936; *Галузо П.Г.* Туркестан – колония: Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии...; *Галузо П.* Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими // Революция в Средней Азии: Сб. Т. 2. Ташкент, 1929. С. 82–117; XV лет Киргизской ССР. Фрунзе, 1941; *Исакиев Б.* Киргизское восстание 1916 года (Доклад на собрании рабочих «Интергельпо» и железнодорожников в связи с 15-летием восстания 1916 года). Фрунзе, 1932; *Климович Л.И.* Ислам в царской России: Очерки. М., 1936; *Манджара Д.И.* Революционное движение в Средней Азии в 1905–1920 гг. Ташкент, 1934; Материалы к докладу о двадцатилетии киргизского восстания 1916 г. Фрунзе, 1936; *Миндлин З.* Киргизы и революция // Новый Восток. 1924. Т. 5; Революция в Средней Азии. Ташкент, 1929; *Шестаков А.В.* Восстание в Средней Азии 1916 года // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 84–114 и др.

⁵ См.: *Брун А.Х.* Смутные времена: опыт большевистской России в Туркестане. Лондон, 1931; *Козн Г.* История национализма на Востоке. Нью-Йорк, 1929; *Чокаев М.* Басмаческое движение в Туркестане // Азиатское обозрение. 1928. Апрель. Т. XXIV. С. 273–288; *Чокаев М.* Революция в Туркестане. Февральская эпоха (Публикация М.С. Исхакова) // Вопросы истории. 2001. № 2 (отд. оттиск). С. 1–15 и др.

⁶ *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Госиздат УзССР, 1962. С. 25.

Таким образом, вплоть до 1953–1954 гг. среди советских историков были разные оценки восстания 1916 г., особенно в Семиречье, которое одни исследователи считали национально-освободительным, а другие – реакционным.

В мае 1953 г. состоялась научная конференция о восстании 1916 г. в Киргизском филиале АН СССР. Присутствовали ученые из Москвы, Ленинграда и ряда советских республик. С основным докладом выступил профессор А.В. Пяковский. Х. Турсунов отмечал, что «в этом докладе впервые правильно был определен характер восстания 1916 года в Киргизии»¹. С докладчиком А.П. Зима согласился с доводами Пяковского. Конференция в г. Фрунзе признала, что восстание 1916 г. «носило в основном прогрессивный, народно-освободительный характер»². Вместе с тем она указала, что в ряде мест оно было антирусским, националистическим и реакционным.

В мае 1953 г. в Ашхабаде состоялось совещание историков Туркменистана, братских республик и АН СССР. Оно обсудило два основных доклада – профессора Пяковского и доклад О. Кулиева и А. Рослякова. Пяковский отмечал, что в оценке восстания 1916 г. преобладают диаметрально противоположные подходы, которые надо преодолеть. Он дал правильную оценку восстанию 1916 г. в Туркмении, отринув «черно-белый» подход. Кулиев и Росляков в своем выступлении пришли к аналогичным выводам. Совещание признало, что восстание 1916 г. в Туркмении было частью всеобщего выступления народов Средней Азии и Казахстана. Оно отметило, что в целом восстание было прогрессивным и национально-освободительным, хотя в ряде мест движение приобрело реакционное содержание.

В конце января – начале февраля 1954 г. в Ташкенте состоялась объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. В ней участвовали ученые республик Средней Азии и Казахстана, Москвы, Ленинграда и других научных центров. На сессии участники по-прежнему характеризовали восстание 1916 г. по принципу «черное – белое». Но сессия осудила такой подход, она признала, что «в целом восстание носило прогрессивный, народно-освободительный характер и было направлено своим острием против царского самодержавия, отчасти – против феодально-байских элементов. Оно возникло в обстановке начавшегося в России революционного кризиса и смыкалось с революционной борьбой русского рабочего класса и крестьянства против империалистической войны и царизма»³. При этом сессия отмечала, что в отдельных районах Туркестана феодально-клерикальные документы превратили восстание «в антирусское, националистическое, феодально-монархическое движение, которое носило реакционный характер»⁴. Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, призвала историков углубленно изучать историю восстания 1916 г., издавать о нем монографии, научные статьи и сборники документов. Ученые откликнулись буквально в том же году, когда проходило это научное собрание⁵.

Историки республик Средней Азии и Казахстана, руководствуясь рекомендациями ташкентской сессии 1954 г., стали писать о восстании 1916 г. более глубоко, профессионально и ответственно. Но, как отмечал Турсунов в 1962 г., специальной монографии о восстании пока не было. Он критиковал работы зарубежных турецких авторов – Абдуллаха Байсуни, Зеки Валидова, Мустафы Чокаева, Б. Хаита и др., уделил серьезное внимание анализу книги

¹ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Госиздат УзССР, 1962. С. 27.

² Там же.

³ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 32–33.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ См.: К вопросу о характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. М., 1954.

американского исследователя Э. Сокола, изданную в 1954 г.¹, критиковал работы Ч. Хостлера и Р. Пирса. Турсунов характеризовал источники, особенно изданный в 1960 г. в Москве весьма объемный сборник материалов о восстании 1916 г.² Он отмечал, что это издание не лишено недостатков. Кроме того, Турсунов описал использованные им архивные материалы, а также приводил воспоминания участников и очевидцев восстания. По его мнению, «факты не оставляют сомнений в том, что феодально-клерикальные элементы края в годы первой мировой войны и особенно в 1916 г. в связи с набором готовили панисламистское реакционное восстание»³. Он отмечал, что они надеялись на помощь Афганистана.

Итоги дискуссий о восстании 1916 г. в 1950-х гг. подвел большой специалист по революционному движению в Средней Азии в начале XX в. профессор А.В. Пясковский. В 1960 г. он отмечал, что «многие годы велись горячие споры по вопросу об оценке характера восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане», но только в 1953 – начале 1954 гг. на научных конференциях историков из республик Средней Азии и Казахстана с участием ученых Москвы и Ленинграда «был, наконец, правильно определен характер этого сложного восстания»⁴. Он указывал: «Национально-освободительное восстание народов Средней Азии и Казахстана в 1916 г. носило в основном антиимпериалистический, антивоенный характер. Восстание было разрозненным, стихийным крестьянским движением, не имевшим пролетарского руководства... не имело единого, общего для всего края централизованного руководства. Почти всюду руководили отдельными выступлениями представители самих народных масс, выдвигавшиеся по отдельным районам, иногда даже по отдельным селениям в ходе восстания. Это была, по сути дела, крестьянская война, направленная острием против царского самодержавия»⁵. По мнению Пясковского, восстание, вместе с тем, приобретало «кое-где» антифеодальный характер. Восставшие расправлялись с представителями «туземной» администрации и богачами.

Советский историк С.П. Поляков отмечал, что «попытки некоторых историков истолковать это движение как “антифеодальное” серьезной критики не выдерживают»⁶. По его мнению, если бы оно было таковым, то восстание непременно охватило бы и Бухарское, и Хивинское ханства. Пясковский указывал, что для правильного понимания характера восстания 1916 г. «необходим строго дифференцированный подход к изучению отдельных очагов этого восстания»⁷. Он писал о влиянии первой русской революции 1905–1907 гг. на национальное движение в Средней Азии и Казахстане и приходил к выводу о том, что «первая русская революция оказала весьма серьезное влияние на характер восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане»⁸. На наш взгляд, Пясковский в данном случае преувеличивал, однако его утверждение о воздействии первой мировой войны на положение в Туркестанском крае в 1916 г. нельзя отрицать. Ученый был, видимо, прав и в том, «что восстание 1916 г. в подавляющем большинстве районов Средней Азии и Казахстана почти повсеместно носило национально-освободительный, антицаристский характер»⁹. По его мнению, восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане сливалось с общероссийской революционной борьбой.

¹ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 36–37.

² См.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский...

³ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 260.

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 5.

⁵ Там же.

⁶ Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989. С. 14.

⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 6.

⁸ Там же. С. 6.

⁹ Там же. С. 7.

Как отмечалось выше, долгое время в советской историографии не было специальной монографии об этом мощном выступлении коренного населения Туркестана против царской власти. В 1962 г. ее предложил научному сообществу и широкой читательской аудитории видный узбекский советский историк Х.Т. Турсунов¹. Как и А.В. Пясковский, он был убежден в том, что «восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане явилось одним из ярких примеров благотворного влияния первой русской революции на политическое пробуждение народов угнетенного Востока. Именно революция 1905–1907 годов в России дала толчок к развитию освободительного движения народов колониальных и зависимых стран во всем мире»². Х. Турсунов критиковал труды Т. Рыскулова, который считал убийства русских во время восстания 1916 г. революционными акциями «туземцев», называл всех русских переселенцев эксплуататорами и утверждал, что все русские в Туркестанском крае были против восстания «туземцев». Турсунов указывал, что это не так, поскольку были среди русских в крае и революционеры – социал-демократы, в том числе большевики. По мнению Т. Рыскулова, во время восстания 1916 г. «алашордынцы» и «джадиды» были революционерами и только после Октябрьской революции 1917 г. они стали реакционерами. Но это было не так. Напротив, лидеры «алашордынцев»: А. Букейханов, А. Байтурсунов, М. Дулатов и др. – после революции стали деятелями партийно-советского режима³. Турсунов признавал, что Е. Федоров и другие исследователи справедливо критиковали рыскуловскую «теорию плацдарма». Однако отмечал, что и сам Е. Федоров допускал ошибочные толкования восстания 1916 г. В частности, в своей книге «Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии» (Ташкент, 1925) он «обошел молчанием реакционные происки манапства в Семиречье»⁴. Исследователь Ф. Божко писал в 1926 г. о том, что «манапы, родовые вожди в Киргизии и Туркмении под давлением бедноты встали во главе движения, боясь потерять свое влияние на население»⁵. Турсунов, критикуя это мнение, указывал, что там, где восстание возглавили манапы, движение стало реакционным. Он подвергал сомнению взгляды А. Миклашевского, который отмечал в 1924 г., что восстание «носило национальный характер борьбы: 1) против русской власти, 2) против русского населения, поскольку первое и второе в понимании восставших представляло одно целое»⁶. Он был прав, так как среди оседлого населения «коренных» областей Туркестанского края такого отождествления во многих случаях не было.

Первая крупная дискуссия по восстанию 1916 г. развернулась в 1926–1927 гг. в связи с его 10-летием. Она была инициирована СредАзбюро ЦК ВКП(б). В ней приняли участие И. Меницкий, А.В. Шестаков, П. Галузо, Е. Федоров и др. Меницкий был прав, утверждая, что восстание 1916 г. представляло собой «выступление угнетенных классов с протестом против гнета невыносимой эксплуатации как своей туземной буржуазии, так и равно всех других эксплуататоров без различия национальностей и русской администрации как защитника этих эксплуататоров»⁷. Турсунов писал о том, что и после дискуссий 1920-х гг. интерес историков к восстанию 1916 г. в Средней Азии и Казахстане не угасал. Когда отмечали 20-летие и 30-летие восстания, то юбилейные даты сопровождались дискуссионной полемикой историков. При этом они выявляли как правильные оценки восстания, так

¹ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане...

² Там же. С. 4.

³ См.: Казахи о русских до 1917 года / А. Букейханов, М. Дулатов, А. Байтурсун, Т. Рыскулов. Оксфорд, 1985.

⁴ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 16.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Там же. С. 17–18.

и ошибочные, с точки зрения господствующей идеологии. Узбекский советский историк считал особенно ошибочным утверждение о том, что восстание 1916 г. было «сплошь реакционное, националистическое, направленное против русских, то есть против русских трудящихся»¹. По его мнению, оно исходило из убеждения в том, что восстанием руководили феодально-клерикальные элементы и агенты зарубежных разведок.

Важным вкладом в историографию восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане явилось исследование крупного кыргызского советского историка К.У. Усенбаева². В отличие от Х. Турсунова, он изучал выступление коренного населения этих регионов не в краевом масштабе, а областном – Семиреченском. К. Усенбаев утверждал, что «в оценке и определении характера восстания 1916 г. в Киргизии имеется ряд неточностей и ошибок»³. Он отмечал, что, по мнению царских властей, «восстание было спровоцировано агентами некоторых иностранных государств, враждебных России»⁴, что восстание 1916 г. в Киргизии было делом рук манапов, имевших «тесные связи с соседними государствами». К. Усенбаев порицал труды зарубежных авторов о восстании 1916 г. – Эдуарда Сокола, Чарльза Хостлера, Ричарда Пирса, Баймурзы Ханта, Реджеба Байсуни, Заки Валидова, Мустафы Чокаева и др. Он отрицал мнение Е. Саркисянца о том, что восстание кыргызов «протекало совершенно изолированно и не имело ничего общего с революционным движением русского пролетариата и трудового крестьянства»⁵. К. Усенбаев критиковал Т. Рыскулова, Ю. Абдурахманова, Б. Исакеева и др., считавших, что восстание 1916 г. было направлено против всех русских. Он не соглашался с А. Шестаковым, полагавшим, что «во главе восставших всюду были представители феодальной знати»⁶. К. Усенбаев резонно отмечал, что местная феодальная знать угнетала народ. Он писал о дискуссиях по вопросу о восстании 1916 г. в советской исторической науке, указывал, что Х. Турсунов не рассматривал в своем труде о восстании 1916 г. участие в нем только отдельных народов, характеризуя его в общем региональном плане. Писал о том, что в 1954–1955 гг. проходили научные конференции и ученые сессии по проблемам восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.

К. Усенбаев отмечал слабости в изучении восстания 1916 г., однако выдвигал сомнительную версию о том, что «в конце XIX – начале XX вв. социальные отношения кыргызов носили ярко выраженный антагонистический характер», и приводил много примеров «классовой» борьбы кыргызов еще до восстания 1916 г. Он, видимо, и сам сомневался в своем тезисе о «ярко» выраженном антагонистическом характере классовой борьбы в кыргызских сообществах, в связи с чем признавал, что «в ряде случаев классовая борьба в дореволюционной Киргизии напоминала родовую междоусобицу, разжигаемую представителями феодально-родовой знати»⁷. Поэтому Усенбаев отмечал, что на нее влияли патриархально-родовые пережитки: «Восстание 1916 г. было направлено не только против царского самодержавия, но и против местных эксплуататоров, особенно против тех манапов и баев, которые, занимая определенные должности в аппарате “туземной администрации”, пытались выполнить указ царя»⁸, и приводил тому много примеров.

К. Усенбаев характеризовал политические предпосылки восстания 1916 г.: проникновение революционных идей в Киргизию, политическое пробуждение революционных масс,

¹ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 22.

² Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии...

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Там же. С. 262.

ташкентское выступление солдат в 1905 г., попытки некоторых зарубежных стран использовать национально-освободительное движение и революционную борьбу народных масс в своих корыстных интересах, в частности, подрывную деятельность Германии и ее агентуры в Туркестанском крае, реакционную роль ислама, деятельность протурецких сил и джаидов, влияние Афганистана и Персии. Среди причин восстания он выделял колониальную политику царизма и ее ужесточение в годы первой мировой войны, национальное угнетение, произвол и насилие царских чиновников. Но основным «детонатором» восстания 1916 г. он считал земельную политику царизма. Усенбаев не осуждал образование русских поселений в Кыргызстане, но отмечал, что усиление переселенческих потоков в начале XX в. и форсированное изъятие земель чрезвычайно обострили отношение кочевников Семиречья к русской власти.

Катализатором восстания против царизма выступила первая мировая война, усугубившая тяжелое положение населения региона. К. Усенбаев описывал ход восстания в Семиречье, карательные действия царского режима по его подавлению, людские потери со стороны повстанцев и русских жителей, жестокие наказания восставших царскими судами, предательское поведение кыргызской знати, отмечая, что «далеко не все баи и маналпы принимали участие в восстании... Основная часть местной феодальной знати осталась верной царизму»¹. Усенбаев отмечал страдания кыргызов, бежавших от царских карателей в пределы Китайского Туркестана. По словам К. Усенбаева участники восстания «открыто выражали свою ненависть к царю... Повсеместно (особенно на севере Киргизии) они уничтожали портреты императора и даже бумажные деньги и серебряные монеты с его изображением»². Очевидец восстания В.К. Сапожников отмечал, что при этом «они посылали проклятия в адрес царя и членов его семьи»³.

Можно утверждать, что восстание 1916 г. окончательно уничтожило остатки авторитета российского монарха среди «туземцев» Туркестанского края, которые потом, естественно, горячо приветствовали его свержение. В ЦГА Узбекистана есть несколько ящичков, плотно забитых карточками о делах, связанных с оскорблениями в адрес царя и Церкви. Самое любопытное заключается в том, что большинство из них свидетельствует о хулении «августейшего» монарха именно русскими людьми. Естественно, что во время восстания 1916 г. в «процесс» не могли не включиться повстанцы. Усенбаев отмечал, что «восстание 1916 г. было общенародным. В нем принимали участие самые широкие слои трудящихся, различные социальные группы, представители разных классов. Его движущую силу составляли рядовые скотоводы, земледельцы и батраки, изнемогавшие под гнетом колонизаторов и местной феодальной знати»⁴. И нет серьезных оснований считать восстание 1916 г. феодально-монархическим и антирусским, следовательно, реакционным и антинародным. По его мнению, оно было именно антицаристским, но не было религиозным.

К. Усенбаев выявил этапы, специфические особенности восстания 1916 г., его политическое значение и пришел к следующим выводам: 1) восстание 1916 г. имело глубокие исторические корни; 2) восстание проходило в условиях сохранившихся патриархально-родовых отношений, которые, однако, расшатались под влиянием вхождения в состав России и приобщения к ее капиталистическому развитию; 3) восстание 1916 г. развернулось в годы первой мировой войны; 4) на возникновение восстания повлияла первая русская революция, но вместе с тем связь его с российским революционным движением была слабой;

¹ Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии... С. 269.

² Там же. С. 257.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 264.

5) «движение 1916 г. носило ярко выраженный национально-освободительный, антифеодальный, антивоенный, антиимпериалистический и революционный характер»¹. В Киргизии оно получило особенный размах и «приобрело характер крестьянской войны». Движущую силу восстания составляли рядовые скотоводы и трудовые земледельцы. «Основная масса баев и манапов, как и раньше, оставалась социальной опорой царского самодержавия и приняла все меры к подавлению восстания»².

Восстание 1916 г. стало составной частью общероссийского революционного движения и имело свои специфические (региональные, исторические, этнические и др.) особенности. В 1960–1980-х гг. о восстании писали как киргизские ученые, так и российские³. Советские этнографы в 1963 г. отмечали, что «восстание (1916 г. – *П.Л.*) в целом было антиимпериалистическим и антифеодальным. Однако в некоторых местах феодально-клерикальным элементам – баям и манапам – удалось обманным путем использовать это стихийное движение темных, забитых масс в своих классовых интересах, превратить его в антирусское, националистическое движение»⁴.

В советское время в исторической науке существовало особенное отношение к зарубежной историографии вообще и восстания 1916 г. в частности. Считалось похвальным введение в научный оборот трудов западных специалистов, но с непременно критическим к ним отношением. Авторы пятитомной академической «Истории Киргизской ССР» писали: «Современные буржуазные фальсификаторы истории восстания 1916 г. усердно стараются изобразить его как религиозное движение мусульман края против русских вообще, как проявление “извечной борьбы ислама против неверных”»⁵. В советский период в зарубежной историографии была, пожалуй, только одна работа (E. Sokol), специально посвященная восстанию 1916 г., она была издана в 1954 г. в США⁶. К 100-летию восстания она была переведена киргызстанскими специалистами и издана в Бишкеке⁷.

Во вступительном слове к монографии Э. Сокола американский историк С.Ф. Старр утверждает, что после 1920-х гг. большевики, строившие интернациональную империю, ввели запрет на тему о восстании 1916 г., что, конечно, не соответствует действительности. Это противоречит фактам, приведенным нами выше: в 1930-х гг. были изданы не только работы о восстании, но и сборники документальных источников о нем, о которых будет еще сказано далее. Более того, американец доходит до того, что пишет: «Даже сегодня правительство Путина запрещает доступ к царским архивам в Москве, где хранятся записи о событиях, приведших в 1916 году к самому восстанию». И настойчиво повторяет, что «русские официальные лица закрыли основные московские архивы ученым»⁸. Любопытно, что в наше время Старр полагает, что книга американского ученого Э.Д. Сокола является «единственным исключением из этого всеобщего молчания»⁹. Это заявление несерьезно,

¹ Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии... С. 305.

² Там же.

³ Чукубаев А.А. Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900–1917). Фрунзе, 1967; Трудящиеся Киргизии в борьбе за социальное и национальное освобождение в конце XIX – начале XX в. Фрунзе: Илим, 1982; Киргизия в трех российских революциях. Фрунзе, 1987; Кастельская З.Д. Основные предпосылки восстания 1916 г. в Узбекистане. М., 1972; Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980.

⁴ Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М., 1963. С. 183.

⁵ История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 2. Фрунзе, 1986. С. 345.

⁶ Sokol E.D. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1954.

⁷ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии...

⁸ Там же. С. 6, 8.

⁹ Там же. С. 6.

поскольку книга Э. Сокола – это компилятивное сочинение, причем не отличающееся глубиной исследования и профессионализмом, – больше продукт в жанре политологии, изобилующий множеством противоречий и ошибок. Так, например, Э. Сокол пишет о том, что в Джизакском уезде ишан Насыр-ходжа якобы пытался усмирить толпу, но она стянула его с лошади и убила, однако далее он утверждает, что при разгроме восстания в этом уезде Насыр-ходжа был схвачен¹. К тому же автор, видимо, понятия не имел о том, что военный губернатор Семиреченской области М.А. Фольбаум в годы мировой войны сменил свою фамилию на Соколов-Соколинский, и поэтому писал: «Соколинский (один из бывших русских чиновников)...»².

Интерпретации Э. Соколом взглядов советских ученых на восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане поверхностны и наивны, а его ошибки многочисленны, и поэтому мы приведем лишь некоторые из них. В своем сочинении он не раз утверждает о том, что ревизия Туркестанского края сенатором К.К. Паленом состоялась в 1906 г. Однако, как известно, ее проводили в 1908–1909 гг. Сокол явно идет на поводу у дореволюционных авторов, называвших всех кочевников Семиречья «киргизами». Поэтому он пишет о «киргизских» землях без кавычек даже по отношению к тем местам, где кочевали казахи. Сокол неправильно применяет географические данные. Так, он указывает, что город Верный был центром *Семипалатинской* области, а Коканд входил в состав *Скобелевского уезда Ферганской области*. Общеизвестно, что после образования последней Коканд изначально был центром одного из крупнейших ее уездов. Американец отмечает, что составной частью политики царской России в Туркестане было «и создание “туземных государств” (Хивинского и Бухарского ханств)»³. Во-первых, эти ханства были созданы задолго до появления русских в Средней Азии, а во-вторых, в регионе до 1876 г. существовало также и сильное Кокандское ханство. Сокол пишет о том, что восстание под предводительством Пулат-хана произошло в 1880-х гг. в Ферганской области⁴. Над этим рассмеется любой кыргызстанский школьник, знающий о том, что оно имело место в 1870-х гг. в Кокандском ханстве, а в середине 1880-х гг. в Средней Азии возникло так называемое движение «джетым-ханов». Тогда же обострились до предела русско-афганские противоречия, в связи с чем был Пендинский кризис, и царская Россия оказалась, по словам В.И. Ленина, на волосок от войны с Англией. Сокол уверяет, что в день издания царского указа от 25 июня 1916 г. о призыве «туземцев» на тыловые работы – «в тот же самый день» в Ташкенте было созвано совещание военных губернаторов Туркестанского края по этому вопросу. Однако на самом деле оно состоялось 2 июля 1916 г. Современный исследователь П. Дятленко пишет о том, что книга Э. Сокола о восстании 1916 г. не совсем глубока, что признавал сам автор, так как он не работал в архивах, не знакомился с очевидцами восстания и т. п.⁵.

Среди зарубежных авторов относительно добросовестно и объективно писала о восстании 1916 г. секретарь Французской академии наук Х.К. д'Анкосс⁶. Но и в ее сочинениях есть немало ошибок и сомнительных толкований, о чем мы писали еще в прошлом

¹ *Сокол Э.Д.* Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 95, 97.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 383–384.

⁶ *Д'Анкосс Э.К.* Николай II. Расстрелянная преемственность / пер. с франц. М., 2006. С. 273–276; *Central Asia. A Century of Russian Rule* / Ed. by E. Allworth. New-York–London: Columbia Univ. Press, 1967; *D'Encausse H.K.* Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. London, 1988; *Central Asia: 130 years of Russian Dominance: A historical overview* / Ed. by E.A. Allworth. London, 1994.

столетии¹. Менее профессионально и ответственно писали о выступлении коренного населения Средней Азии в 1916 г. другие зарубежные историки². Например, американский русовед Р. Пирс злобно отмечал, что «главной причиной восстания 1916 года в Туркестане была только ненависть к русским»³ (курсив наш. – П.Л.). Вместе с тем он признавал, что повстанцы в 1916 г. «убивали местных волостных, аульных старшин и др., так как их ненавидели в течение долгого времени за коррумпированность и сотрудничество с русскими властями»⁴.

Помимо евроамериканских специалистов интерес к восстанию 1916 г. в Туркестанском крае проявили историки мусульманской Турции. Современный исследователь А. Пылев указывает, что турецкие историки в 1920–1930-х гг. характеризовали восстание 1916 г. в Русском Туркестане как национально-освободительное движение. В послевоенный период этот тезис не утратил своего значения. Пылев отмечает, что часть современных турецких исследователей истории восстания 1916 г. в Русском Туркестане «трактует событие более осторожно»⁵. Роль Турции в восстании не преувеличивается и не идеализируется. Вместе с тем турецкая историография ввела в научный оборот новые источники, ранее неизвестные другим исследователям. О соответствующих работах зарубежных авторов пишет казахстанский исследователь восстания 1916 г. С.Ф. Мажитов⁶. Среди зарубежных критиков положения в царском Туркестане быстро приобрел известность ярый русофоб и антисоветчик Мустафа Чокаев (1890–1941), сбежавший из Средней Азии после провала так называемой «Кокандской автономии» на Кавказ, а оттуда в Турцию, после чего перебрался в Европу. М. Чокаев отмечал, что «нигде в пределах подвластной России территории политика русского правительства не была такой гнусной, такой откровенно колонизаторской и национально-угнетательской, как именно в Туркестане»⁷. Он считал, что «не будь Россия разгромлена революцией, районы русского переселения в Персии были бы присоединены к России»⁸. Чокаев писал об отношении России к «Турецкой Армении», однако не упоминал о геноциде армян в 1915 г. в Османской империи. С 1929 г. М. Чокаев был редактором ежемесячного журнала «Яш Туркестан», выходившего на турецком языке. В 1935 г. он издал на русском языке весьма тенденциозную книгу о советском режиме в Средней Азии, проникнутую духом национализма, русофобии, антикоммунизма и антисоветизма⁹. Объективность М. Чокаева была сомнительной. Так, например, он отмечал, что на туркестанских железных

¹ См.: Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917... С. 278–279.

² См.: Bacon E.E. Central Asia under Russian Rule. A study of Cultural Change. New-York, 1966; Becker S. Russian protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva. 1865–1924. Harvard Univ. Press, 1968; Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C. Islam in the Soviet Union. London, 1967; Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London, 2003; Edwardes Michael. Playing the Great Game: A Victorian cold war. London, 1975; Esserton P.T. In the heart of Asia. London, 1925; Geiss P.G. Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Order in Change. London; New-York: Routledge Curzon, 2003; Gillard D. The struggle for Asia. A study in British and Russian imperialism. London, 1977; Crews R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA; London: Harvard Univ. Press. 2006; Lattimore O. Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asia frontiers of China and Russia. Boston, 1950; Pierse R.A. Russian Central Asia: A study of colonial rule. Los Angeles, 1960; The Cambridge History of Islam. Vol. 1. The Central Islamic lands. Cambridge Univ. Press, 1970 и др.

³ Pierse R.A. Russian Central Asia. 1867–1917: A study of colonial rule. Los Angeles, 1960. P. 222.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 425.

⁶ Там же. С. 504–505.

⁷ Чокаев М. Революция в Туркестане. Февральская эпоха (Публикация М.С. Исхакова)... С. 1.

⁸ Там же.

⁹ Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов (К характеристике диктатуры пролетариата). Париж: Яш Туркестан, 1935.

дорогах не было «ни одного рабочего-туркестанца, будь это хотя бы железнодорожный сторож на захолустной станции. Почта, телеграф – тоже привилегия русских»¹. Во-первых, среди подсобных рабочих на Среднеазиатской и Ташкентской железных дорогах было немало коренных жителей Туркестанского края, что подтверждается документально. А во-вторых, они просто были неподготовлены к занятию транспортных должностей, включая и сторожей как материально ответственных работников при станционных сооружениях. Нелишне заметить, что в 1986 г. книга была переиздана в Оксфорде, но с предисловием на английском языке. В нем указывалось, что после захвата в 1940 г. Парижа немцами М. Чокаев был доставлен в Берлин, где в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. немцы создали из бывших джадидов так называемый «Туркестанский национальный комитет», а в Дрездене разведшколу «Арбайте гемайншафт Туркестан»². Думается, что Чокаев, умерший в Берлине в декабре 1941 г., был причастен к этому делу – надо просто поработать в соответствующих германских архивах, с тем чтобы доказательно это подтвердить.

Примечательно, что в послевоенной Украине Степан Бандера всегда считался предателем и пособником фашистов, но сегодня местные радикалы признают его «национальным героем», что вызывает возмущение среди российских средств массовой информации, историков, политологов, публицистов и проч. Однако они воспринимают как нечто само собой разумеющееся героизацию Мустафы Чокаева в современном Казахстане. Мы полагаем, что каждый народ, руководствуясь своей совестью и честью, сам со временем разберется в том, кто есть кто, и без информационного прессинга. Но мы можем смело утверждать о том, что генерал Власов, которого кое-кто пытается представить борцом за демократию и свободу в России, пособник фашистских захватчиков, никогда не станет героем русского народа.

В постсоветский период проблемы восстания 1916 г. стали рассматриваться как в России, так и государствах Средней Азии и Казахстане в атмосфере научной свободы от бывшего цензурного и идеологического надзора. Однако это, на наш взгляд, не вызвало мощного прилива принципиально новых подходов, идей и интерпретаций выступления коренного населения этих регионов в 1916 г. против царизма и российских пришельцев. Более того, стало намного больше его извращенных, идеологически ангажированных толкований и ошибок. Снижился профессиональный уровень научно-исследовательских работ по проблемам выступления коренного населения царского Туркестана.

Кыргызстанский исследователь З. Галиева пишет о том, что «в постсоветской историографии государств Центральной Азии основной акцент делается на антиколониальном (национально-освободительном) характере восстания, имеющего всемирно-историческое значение»³. Таджикский историк И. Мамадалиев устроил диспут относительно начала восстания 1916 г. – 3 или 4 июля 1916 г. в Ходженте. На наш взгляд, это спорно – если бы Великая Отечественная война 1941–1945 гг. началась не 22, а 21 июня, то это вряд ли повлияло бы на ее результаты. Галиева отмечает, что «в постсоветской историографии возник решительный подход к восстанию 1916 г. Оно стало рассматриваться как событие всемирно-исторического масштаба в русле национально-освободительного движения народов Востока в первой четверти XX в.»⁴. Казахский академик М. Козыбаев считал восстание 1916 г. «революцией», равноправной с Февральской 1917 г. Он отвергал термин «восстание», так

¹ Чокаев М. Революция в Туркестане. Февральская эпоха (Публикация М.С. Исхакова)... С. 6.

² Ислам в СССР: Особенности процесса секуляризации в республиках Советского Востока. М., 1983. С. 47.

³ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 33.

⁴ Там же.

как тот был связан с понятием мятежа и бунта. По его мнению, «шла национально-освободительная война колониального Востока против империи, которая переросла в революцию»¹. Исследователь А. Бисенбаев называет движение 1916 г. не восстанием, не революцией, а «национальной войной»². Галиева пишет: «На наш взгляд, это новые попытки политизировать исторические события 1916 года, при этом забывается, что восстание было больше стихийным, хаотичным, чем организованным, не имело единого руководства, и в целом “не тянет” ни на революцию, ни на национальную войну»³. Галиева приводит мнения по этому поводу Т. Рыскулова, Г. Бройдо, Ю. Абдрахманова, К. Усенбаева, А. Асанканова, Т. Шейшеканова и др. по поводу геноцида кочевого населения Средней Азии. Она полагает, что царские власти готовились к проведению геноцида против кыргызов. Однако есть и противники «теории геноцида». Так, Ш. Батырбаева считает, что восстание 1916 г. – «это был не геноцид, а противостояние между метрополией и колонией»⁴. По мнению З. Галиевой, германская и турецкая агентуры не могли не вмешаться в события 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, так как и ранее имели там своих шпионов. Исследователь И. Баринов выражает сомнение в том, что Германия могла активно вмешаться в восстание 1916 г. в Туркестанском крае, так как он был отдален от нее как периферия. К тому же исход движения был фактически предрешен. И делать на него ставку было глупо. Другое дело – подрывать положение в крае, портить отношение «туземцев» к России, помогать им агитацией, пропагандой, материальными средствами и т. п.⁵. Постсоветский российский исследователь В.И. Яковлев указывает, что восстание 1916 г. «было и национально-освободительное, и антифеодальное выступление обществ, в которых созрели предпосылки для выхода на новый, более высокий уровень развития»⁶. Это похоже на «и вашим, и нашим», то есть весьма неопределенно, но самым загадочным представляется всё же связь спонтанного мятежа кочевников, путавшихся в тенётах пережитков патриархального (родоплеменного) строя, с таинственным «новым, более высоким уровнем развития». Но каким именно? На этот вопрос В.И. Яковлев ответа не дает.

Столетний юбилей восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане вызвал закономерный интерес среди российских исследователей. Была издана коллективная монография на эту тему⁷. В аннотации к ней указывается: «В коллективной монографии впервые предпринята попытка анализа разноплановых причин и предпосылок восстания 1916 г.»⁸ (курсив наш. – *П.Л.*). Получается, что всё написанное о выступлении коренного населения Туркестана до издания этой монографии не имело к указанному анализу никакого отношения. Однако не менее нас удивляет подзаголовок: «К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.», то есть не самого восстания, а нормативно-правового акта, его вызвавшего. Такой подход характерен не для «чистой» истории, а для истории государства и права, которая считается отдельной отраслью научно-исторического знания. Из этого следует, что статьи, помещенные в коллективной монографии, должны в той или иной мере, но быть связаны, в первую очередь, именно с законом от 25 июня 1916 г. *как правовым документом*, а уже потом как с поводом восстания. Этого в коллективной монографии не наблюдается, в связи

¹ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 35.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 39.

⁶ Яковлев В.И. Сравнительные заметки о преобразованиях в Туркестане и Советской Средней Азии // Кентавр: Ист.-полит. журн. 1993. № 2. С. 98.

⁷ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном...

⁸ Там же. С. 2.

с чем мы полагаем, что подзаголовок был придуман ее составителями для пущей псевдонаучной оригинальности. Следует отметить, что не во всех постсоветских российских изданиях тема восстания 1916 г. получила подробное изъяснение. Так, например, группа авторитетных историков во главе с Д.Ю. Араповым и С.Н. Абашиным в своем двухтомном сочинении об исторических отношениях России и Средней Азии только упоминают о восстании 1916 г. в Средней Азии, но фактически не комментируют его специальным образом¹.

В исследовании восстания 1916 г. лидирующие позиции практически всегда принадлежали кыргызстанской историографии, так как именно на территории дореволюционной Киргизии оно достигло своего апогея. Авторы пятитомной академической «Истории Киргизской ССР» писали о том, что восстание 1916 г. было вызвано сложным положением трудящихся масс в Туркестанском крае начала XX в. Характеризовали его основные этапы и события, отмечали переходы русских людей на сторону повстанцев, предательскую роль баев и манапов, выдающуюся роль знаменитого кыргызского акына Токтогула Сатылганова в дни всенародной борьбы с царизмом. Несмотря на «классовый» подход, в целом они достаточно объективно оценивали характер восстания, его слабые стороны, историческое значение и т. д.².

Исследователь П. Дятленко пишет о том, что современная версия восстания 1916 г. в Кыргызстане «носит крайне политизированный по содержанию и узколокальный по охвату местности характер, основана на ряде политических мифов и существенно противоречит национальному дискурсу»³. Он критикует ее однобокость и ограниченность, крайне политизированный и публицистический характер. П. Дятленко отмечает, что на оценку восстания 1916 г. влияют политические элиты, «негативное воздействие со стороны прозападных и протурецких структур и ученых», деградация науки и научного сообщества, политизация ученых, доминирование «фолк-истории» и др. Он указывает, что политические спекуляции на тему восстания 1916 г. начались еще в годы горбачевской «перестройки» и «гласности». Реакционная сущность феодально-клерикальных элементов приглушалась или вообще не бралась в расчет. В 1986 г. в связи с 70-летием восстания 1916 г. в Академии наук Киргизской ССР провели специальные заседания ученых советов. Дятленко указывает, что во время мероприятий по случаю 75-летия восстания 1916 г. 80 % статей о нем были изданы на кыргызском языке. Они отличались разнообразием, были переизданы работы прошлых годов. Дятленко пишет о двоякой позиции К. Усенбаева – соединении советской идеологии и «родовой солидарности», в связи с чем его критиковали Б.М. Зима, В.П. Яншин и С.К. Малабаев. Он отмечает, что Д.А. Аманжолова критикует историков Казахстана и республик «Центральной Азии» за разрыв своего прошлого с историей Российской империи и СССР. С.К. Малабаев считает, что восстание 1916 г. было не национально-освободительным, антифеодальным, антивоенным, антиимпериалистическим и революционным, а «было в большей степени феодальным выступлением». В заключение статьи Дятленко выражает надежду, что более взвешенные отношения к теме восстания «могут позволить постепенно вернуть ее из политического пространства в академическую сферу»⁴. Таджикский исследователь И. Мамадалиев критикует и кыргызстанских историков за умалчивание фактов обоюдосторонних убийств во время восстания 1916 г.⁵.

¹ Россия и Средняя Азия. Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX в. М., 2011. С. 219.

² История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней. Т. 2... С. 337–347.

³ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 376.

⁴ Там же. С. 387.

⁵ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 99.

Видные кыргызстанские историки, опровергая версию «революционера» Г.И. Бройдо о том, что восстание 1916 г. было спровоцировано самим царизмом «для уничтожения человеческого материала... и для расчистки земель для новых колонизаций», пишут о том, что «данная версия не имеет ничего общего со здравым смыслом... Было ли в интересах режима, терпящего одно поражение за другим на фронтах империалистической войны, иметь в тылу восстание многомиллионного населения Туркестана? Главной и определяющей причиной восстания... были всё расширяющаяся колонизация, вытеснение местного населения с плодородных земель, подведшее его к опасной черте – вымиранию»¹. Они объективно признают факты взаимных (и повстанцев, и царских войск) преступных деяний в ходе мятежа и в процессе его подавления, гибели тысяч ни в чем неповинных людей и с той, и с другой стороны. И это вряд ли можно оспаривать. На наш взгляд, академик НАН КР В.М. Плоских и его ученики-соавторы правы в том, что «приписывание общенародному восстанию антифеодалного характера... является результатом пресловутого классового подхода к анализу исторических событий. Отрицание антирусского характера восстания объясняется не столько научной объективностью, сколько стремлением защитить “справедливое” выступление народа от причисления его к ряду реакционных... Вызывает сомнение и правомерность определения восстания 1916 г. как прогрессивного движения». Перечислив отрицательные итоги восстания, ученые признают, что «прогрессивными такие последствия назвать никак нельзя»².

Академик НАН КР А.Ч. Какеев справедливо отмечает, что восстание 1916 г. «до сих пор не получило должной толерантной историко-политической оценки и надлежащего источниковедческого подкрепления существующих версий научного описания»³. Он обозначает пять основных подходов к историко-политической оценке восстания 1916 г., в том числе тенденциозные, малопрофессиональные намерения отдельных политиков-радикалов, использующих «трагедийный материал прошлого для собственной политической карьеры»⁴.

По мнению кыргызстанского исследователя Э. Каптагаева, «восстание 1916 года было не случайным явлением, оно имело глубокие социально-экономические, политические предпосылки и причины». Он считает, что «основной причиной восстания явилась аграрная политика царизма, проводимая в период колониального господства России в крае»⁵. Каптагаев отмечает, что в 1916 г. в распоряжении переселенцев в Туркестанском крае оказалось 57,6 % обрабатываемой земли (то есть 3,17 десятины на каждого из них), тогда как коренное население владело 42,4 % такой земли. При этом «русско-украинские» переселенцы составляли всего 4 % населения Туркестанского края. К 1914 г. коренное население Семиреченской области лишилось 4,2 млн десятины удобной земли, и планировалось изъять еще 4 млн десятины⁶. Во время мировой войны положение коренного населения еще более усугубилось.

Исследователь Д. Маджун (Мусарова) считает, что «восстание стало результатом провокационной деятельности ряда государственных чиновников, жандармов и военных, представителей имперской и “туземной” администрации, использовавших набор тыловиков

¹ Воробаева В., Джунушалиев Д., Плоских В. История Отечества: Краткий курс лекций по истории Кыргызстана. Изд. 3-е, доп. Бишкек, 2006. С. 102.

² Там же. С. 105.

³ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в документах. Т. I... С. 8.

⁴ Там же.

⁵ Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011. С. 4.

⁶ Там же. С. 4.

с целью наживы и грабежа коренного населения»¹. Однако при этом она ничего не пишет о зверском избиении дунганами Мариинской волости Пржевальского уезда русского населения окрестных селений.

Кыргызский историк М.К. Иманкулов полагает, что «восстание явилось, по сути, национально-освободительной борьбой против колонизаторской политики Российской империи»². Его коллега по «цеху» О.Дж. Осмонов отмечает, что «царское правительство давало прямые указания безжалостно подавлять восставших, карать и уничтожать местное население, грабить и сжигать айылы»³ (курсив автора. – П.Л.). Уже само выделенное им курсивом свидетельствует о том, что он изображает восстание односторонне, забывая о тысячах русских людей, которые пали или серьезно пострадали от рук повстанцев. Учебник Осмонова не лишен недостатков и ошибок, на которые мы здесь не обращаем внимания только потому, что они не имеют прямого отношения к рассматриваемой нами проблеме восстания 1916 г.

В постсоветской кыргызстанской историографии можно выделить работы и других авторитетных специалистов⁴. Кыргызстанский историк, профессор Ч.Д. Чотаева пишет о том, что «наиболее массовый и жестоко подавленный протест против российского колониального режима, восстание 1916 г., всё еще остается наименее изученным в истории Центральной Азии»⁵. Она утверждает, что Международное совещание 20–21 мая (2016 г.) в Бишкеке «ознаменовало собой новый этап в изучении восстания 1916 года, этап пересмотра и переосмысления существовавших и принятых ранее установок относительно причин, характера, хода и последствий восстания в рамках всего региона Центральной Азии, а не в отдельно взятой республике»⁶. Чотаева отмечает, что по случаю 100-летия восстания 1916 г. было много разных мероприятий, однако «в отличие от других подобных мероприятий, это Совещание имело целью представить более широкую междисциплинарную и международную научную платформу, а также концептуальное видение проблем, связанных с восстанием 1916 года. Таким образом, целью Совещания стало создание научного, неполитизированного, всестороннего, объективного видения восстания 1916 года». Вместе с тем она признает, что «многие доклады не являлись завершенными научными исследованиями, а скорее представляли собой определенную постановку вопроса на тот или иной аспект восстания 1916 года, требовавшего дальнейшего изучения»⁷.

Безусловно, современная кыргызстанская историография рассматриваемого периода добилась заметных успехов, однако имеются в ее рядах и откровенно научно слабые

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 135.

² Цит. по: Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. М., 2009. С. 339.

³ Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (С древнейших времен до наших дней): Уч. для вузов. Бишкек, 2008. С. 322.

⁴ См. напр.: Салиев А.Л. Политические отзвуки восстания 1916 года... С. 200–203; Шейшеканов Т.Б. Восстание 1916 года в Туркестане и начало деятельности генерал-губернатора Куропаткина А.Н. // Тюрко-согдийский синтез: процессы культурогенеза и политогенеза в зоне Великого Шелкового пути // Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. 2004. Вып. 4. Сер. 1. Гум. науки. История. Регионоведение. Этнография. Религиоведение. Бишкек, 2004. С. 202–205; Шейшеканов Т.Б. Государственная дума и восстание 1916 года в Туркестане // Тюрко-согдийский синтез: процессы культурогенеза и политогенеза в зоне Великого Шелкового пути... С. 206–208.

⁵ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 9.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

представители. Так, например, некто А.А. Князев пишет о том, что «перед вторжением в Среднюю Азию русских и англичан (? – П.Л.) именно *таджики являлись здесь культурной и политической элитой*. Именно *таджикские правители* активно сопротивлялись российской экспансии в Средней Азии. *Таджики правили в Бухаре, Хиве, Коканде*, а их язык был официальным языком этих государств и литературным языком местных народов»¹ (курсив наш. – П.Л.). Sancta simplicitas!² Умному и знающему человеку такое даже во сне не приснится! Только некомпетентный человек в знании истории Средней Азии может утверждать о том, что региональными ханствами перед приходом России, а равно и после него правили таджики, поскольку на самом деле на троне в них всегда восседали этнические узбеки – династии Мангытов (Бухара), Мингов (Коканд) и Кунгратов (Хива). И в «сталинский» период ханства в научных исследованиях часто называли «узбекскими». Если г-н А.А. Князев докажет нам обратное, то есть что среднеазиатскими ханствами перед «вторжением» в регион России действительно правили таджикские династии, то автор этих строк готов публично отречься от научной степени. Можно только сожалеть о том, что среди славной когорты кыргызстанских историков – учеников Б.Д. Джамгерчинова, С.И. Ильясова, К.К. Каракеева, К.У. Усенбаева, А.Ч. Какеева, В.М. Плоских и др. водятся люди сомнительного научного достоинства.

Следующей наиболее заинтересованной стороной всестороннего исследования восстания 1916 г. стала когорта казахстанских историков, так как оно приобрело в «кочевом» Казахстане черты, отличавшиеся от оседлых регионов Средней Азии. В сталинский период казахстанские специалисты оценивали его адекватно идеологическим требованиям³. В постсталинский советский период они действовали таким же образом⁴. После распада СССР и появления независимой и суверенной Республики Казахстан взгляды ее историков претерпели существенные изменения. Казахский исследователь Е. Сыздыкова пишет о том, что и сейчас среди казахстанских историков нет единства во взглядах на восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. По ее мнению, тут играет свою роль политический фактор состояния современных отношений России, стран Средней Азии и Казахстана⁵. Таджикский исследователь И. Мамадалиев критикует взгляды на восстание 1916 г. казахстанских авторов за политизацию и попытки повысить его исторический ранг до революции⁶. Тон в полемике о восстании 1916 г. задавал академик Национальной Академии наук Казахстана Манаш Козыбаев. В советское время он исправно служил коммунистической идеологии, получал за то похвалы, однако на склоне лет быстро и удачно «переобулся» в антикоммуниста, антисоветчика и русофоба. По сути, он стал «придворным трубадуром» новой этнократической власти в Казахстане. В 1997 г. Козыбаев отмечал, что в советский период «феномен 1916 г. назван “восстанием”, одновременно “освободительным движением”... По В. Далю, “восстание – мятеж, возмущение”. События 1916 г. выходят за пределы мятежа, возмущения. На самом деле, шел процесс, в котором находили выражение все формы всена-

¹ Князев А.А. Афганский фактор для Центральной Азии // А.А. Князев. Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии: Сб. док. и мат-лов. Бишкек, 2001. С. 128.

² Лат.: святая простота. По легенде, эти слова произнес Ян Гус, стоявший у столба на аутодафе перед сожжением и увидевший, как одна старуха поправила связку хвороста, с тем чтобы она обязательно попала в пламя костра.

³ См. напр.: История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней. Т. 1. Алма-Ата, 1949. С. 454–483.

⁴ См. напр.: Сапаргалиев Г.С. Карательная политика царизма в Казахстане. Алма-Ата, 1966.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 358.

⁶ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 98–100.

родного сопротивления колонизаторам»¹. М. Козыбаеву не нравилось и то, что в советские времена считали «основными причинами восстания усиление колониального гнета, изъятие земель, увеличение налогов и поборов, рост эксплуатации трудящихся феодально-байской верхушкой, разжигание национальной розни, резкое ухудшение положения масс в связи с войной, политика русификации... Будучи неоднородным, движение в Казахстане в большинстве районов носило народно-освободительный характер и своим острием было направлено против царизма, империалистической войны и баев»². Казалось бы, тут всё верно, но М. Козыбаеву признания указанных причин было мало – он хотел стать выше всех советских казахстанских историков, оригинальным и неповторимым. А потому он сделал такое «открытие» относительно рассматриваемого события: «В сущности, феномен 1916 года является новым этапом национально-освободительного движения казахского народа, не прекращавшегося ни на один день с момента вхождения его в состав империи. В 1916 году шла народная, освободительная война против царизма»³. В 1991 г., в дни 75-летия восстания 1916 г., казах-академик оценил «феномен 1916 года как национально-освободительную революцию»⁴. Видимо, за всё время служения коммунистической идеологии М. Козыбаев так и не понял отличия революции от иных форм выступлений народных масс против власти. Он критиковал казахского историка А. Бисенбаева за признание в 1994 г. того, что «во время выступлений 1916 года осуществлялась реставрация феодальных, доколониальных институтов власти, резко обострились межнациональные противоречия, принявшие характер взаимного истребления. Достаточно четко оформленная идеология национального движения и политическая организация возникли гораздо позже, с созданием партии “Алаш” в середине 1917 года». Однако в 2000 г. сам утверждал, что «во главе восставших стали избранные народом ханы, а во главе ополчения – избранные сардарбеки, сложилась налоговая система, устанавливались через посланников связи с внешним миром... Во многих местах в руководящем ядре восставших заметную роль сыграли представители степной элиты»⁵. М. Козыбаев осуждал авторов пятитомной «Истории Казахской ССР» 1979 г. издания за то, что они неверно рассматривали «феномен 1916 года» как «составную часть общероссийского процесса», но при этом признавал «значение 1916 года как самостоятельного потока мирового национально-освободительного движения, с одной стороны, так и самостоятельного потока общероссийского революционного движения в целом»⁶. Удивительная «гибкость». Академик очень похвально отзывался о партии «Алаш», несмотря на то что ее лидеры призывали казахов: «Послушайтесь, не лейте кровь, не сопротивляйтесь». Он так пояснял их позицию: «Лидеры казахской интеллигенции были сторонниками эволюционного развития. Поэтому они во имя завоевания национальной автономии (! – *П.Л.*) в составе демократической России считали целесообразным выполнить долг казахского народа перед своей неродной отчизной»⁷. Поразительное сочетание: «неродная отчизна»! Казахстанский историк Т. Зозуля считает, что «значительная часть национальной (казахской. – *П.Л.*) интеллигенции в это время не поддержала повстанческое движение. Вокруг газеты “Казах” объединилась казахская либерально-демократическая интеллигенция, возглавляемая А. Букейхановым...

¹ *Козыбаев М.К.* Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избр. тр.). Алматы, 2006. С. 147.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же. С. 151.

⁷ Там же. С. 162.

Такая позиция интеллигенции объясняется, прежде всего, их пониманием необходимости сохранения казахского народа, его этнической целостности, их выживания в этот сложный период»¹.

Профессионализм М. Козыбаева можно поставить под сомнение хотя бы таким его заявлением: «Между тем, Сибирь, включая Казахстан, Среднюю Азию, Хиву, Бухару и Кавказ, были колониями России»². Это нелепость! Сибирь никогда не включала в себя Казахстан, Среднюю Азию, Хиву, Бухару и Кавказ. Это первое. Второе. М. Козыбаев, видимо, не зная, что Хива и Бухара всегда были частью Средней Азии, тем не менее отделяет их от этого региона. Любопытно, что он не упоминает Коканд (ханство), который более всех причинил страданий казахам. От нынешних казахских историков нередко звучат противоречивые заявления. Так, например, они пишут: «Основные причины восстания носили социально-экономический характер. К ним относились: усиление колониального гнета, насильственное изъятие земель, непомерный рост налогов, политика усиления русификации в отношении коренного и других нерусских народов, населявших Казахстан, ухудшение жизненного уровня населения»³. При этом, однако, по их мнению, «главной целью данного восстания было национальное и политическое освобождение казахского народа от колониального ига»⁴. Мы полагаем, что причины такого подхода кроются в желании показать, что независимость Казахстана появилась не случайно, то есть как итог распада СССР, а сложилась где-то в исторических глубинах. Башкирский ученый С.У. Таймасов пишет: «К сожалению, современная казахская историография... не всегда отличается объективностью и последовательностью. Порой серьезные противоречия наблюдаются даже в рамках одной работы»⁵. Российский исследователь А. Грозин указывает, что казахские ученые переписывают историю своей страны, но не вводят никаких новых документов. Проповедуется так называемый «тюркизм-огузизм». Активно применяются тезисы советской историографии о «колониальной» политике царизма в Казахстане и труды «новейших» специалистов о том же. Например, А. Абдиров в книге «Хан Кучум: известный и неизвестный» (Алматы, 1996) писал о том, что исторически границы Казахстана достигали Северного Ледовитого океана⁶. Казахстанский «ученый», некто П.С. Белан в своей книге дает раздел «Границы Казахстана в древности, в средние века и в составе царской России»⁷. Причем он связывает границы Казахстана в древности даже с Бехистунской надписью персидского царя Дария I (522–486 гг. до н. э.)⁸. Немудрено, что казахстанские историки причисляют к казахам даже Чингисхана, а некоторые делают таковым и Тимура. Они тоскуют: «Проснувшись от векового сна, переборов все тяготы истории, казахский народ вновь идет в ногу со временем. Нет государства, нет независимости, самостоятельности. Нет нации без колыбели – родины, родного языка. Нет народа без истории. К сожалению, в свое

¹ Зозуля Т. История Казахстана. Справочник школьника. Алматы, 2006. С. 227.

² Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана... С. 5.

³ Турлыгул Т., Жолдасбаев С., Кожакеева Л. История Казахстана (важнейшие периоды и научные проблемы): Уч. Изд. 2-е. Алматы, 2011. С. 51.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Таймасов С.У. Роль Оренбургской экспедиции в присоединении Башкирии к России (1730-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 145.

⁶ Грозин А. Интернет и образы постсоветской Азии в России // Вестник Евразии. 2005. № 2 (28). С. 20.

⁷ См.: Белан П.С. Границы Казахстана: краткая история формирования. Алматы, 2008. С. 14–85.

⁸ Там же. С. 14.

время мы не вспомнили об этом. Или не учли. Не знали. Или делали вид, что не знали. Молчали, терпели. Говорили, но не о том. Кривили душой. Ну а тех, кто осмелился – сослали в лагеря, расстреляли. До сих пор не написана история нашего народа и его государственности так, чтобы она могла ответить на все животрепещущие вопросы. Не говоря уже о важности проблемы для исторической и государственно-правовой науки, какой вред получают от этой безызвестности, наши потомки»¹. И тут же козыряют вождю – цитируют Назарбаева, как в добрые советские времена цитировали генсеков и «классиков». А он писал о периоде «русского владычества» в Казахстане: «То была особенно тяжкая пора в истории казахов. Нетрудно представить себе положение огромных просторов, оказавшихся на пути хищных интересов Империи, решившей захватить как можно большую часть земного шара, как можно дальше продвинуться через Среднюю Азию на юг и восток. Надо было силком внедрить в степь порядки и форму власти могущественной метрополии»² (курсив наш. – **П.Л.**). И ни слова о том, что казахский хан Абулхаир сам просился под руку российской императрицы Анны Иоанновны в 1730 г., или о том, что в 1733 г. под ту же руку потянулись батыры и бии Старшего жуза. Но далее Н. Назарбаев, раскритиковав российскую систему управления «Степью», писал, что «более плачевной участи некогда единого народа невозможно было и представить. Должно быть, немного на земле народов, не испытывавших ига колониализма, но такого народа, как казахи, который в течение одного века претерпел столь сокрушительные реформы, столь тяжкие удары и испытания судьбы, вряд ли еще окажется на земле. Такой была коварная колониальная политика... так родилось отвратительное явление – “окультуривание инородцев”»³. Об этом елбасы говорил в своем «Слове об Абае». А ведь сам великий поэт и мыслитель Абай Кунанбаев отмечал, что хороши и сарты, и татары, но «о русских нечего и говорить. Мы не можем сравниться даже с их прислугой»⁴. В «Двадцать пятом слове» своих «Назиданий» Абай советовал: «Не торопись женить сына, обучай его русской науке, хотя бы пришлось тебе для этого заложить всё имущество»⁵. Выходит, что бывший президент Казахстана либо не знал указанных слов Абая, либо забыл о них, либо слишком доверился своим «спичрайтерам», либо считает мнение великого казаха ошибочным.

Думается, что в казахстанской историографии со временем пройдет «детская болезнь» сведения счетов с «колониальной» Россией. Ведь первый президент Казахстана как-то сам признавался: «Мое отношение к великой, без всяких оговорок и скидок, русской культуре и тому, что она дала казахам, известно. И я не сторонник скороспелых прозрений тех, кто только вчера писал пухлые монографии о величии русской литературы, а сегодня плюется в сторону всего, что идет с севера. Эти хамелеоны не менее отвратительны, нежели замороженные манкурты»⁶. И это заявление странным образом отличается от тех его заявлений, которые мы привели выше. Но ему, на наш взгляд, можно простить противоречивые заявления, так как елбасы относится к политикам, которым, как многие полагают, можно всё то, что выгодно. Однако мы так не считаем.

¹ *Абенов Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н.* Казахстан: эволюция государства и общества. Алматы, 1996. С. 3.

² *Назарбаев Н.А.* Слово об Абае // Пять лет независимости: Из докладов, выступлений и статей президента Республики Казахстан. Алматы, 1996. С. 340.

³ *Назарбаев Н.А.* Слово об Абае... С. 340, 341–342.

⁴ Абай (Ибрагим) Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата. 1958. С. 287.

⁵ Там же. С. 309.

⁶ Цит. по: *Мансуров Т.А.* Приоритеты в казахстанско-российских отношениях на рубеже столетия // Отечественная история. 1999. № 6. С. 68.

Узбекистанская историография в советский период единодушно считала, что восстание 1916 г. было национально-освободительным движением, но к нему «примазались» «некоторые представители феодально-байской верхушки и духовенства»¹. В 1974 г. их точка зрения фактически не изменилась, и они характеризовали его опять как «национально-освободительное»². Советские узбекские исследователи А. Аминов и Б. Бабаходжаев отмечали, что «восстание 1916 г. носило сложный, в известной мере противоречивый характер, но в целом, несомненно, являлось движением антиколониальным и отчасти антифеодальным»³.

В нынешнем Узбекистане государственное влияние на историческую науку и надзор за ней, пожалуй, намного сильнее, чем в соседних странах – Казахстане и Кыргызстане. Узбекский исследователь М.А. Рахимов пишет о политическом устройстве современного Узбекистана: новые веяния плюс учет «национальных особенностей и культурной традиции»⁴. В 2012 г. президент Узбекистана И.А. Каримов принял документ «О создании Общественного совета по новейшей истории Узбекистана» при Министерстве высшего и среднего образования Республики Узбекистан. Новый президент страны Ш.М. Мирзиёев подписал 30 июня 2017 г. постановление «Об организации и деятельности Общественного совета по новейшей истории» при Академии наук Узбекистана⁵. Вследствие установившейся в постсоветском Узбекистане «традиции» и согласно указанным документам, современная официальная узбекская историография не различает «колониализма» Российской и советской «империй» и считает его крах объективным. Российский туркестановед А. Грозин указывает, что в Узбекистане возвеличивается амир Темур – созидатель, зато о Чингисхане пишут как о разрушителе. Это понятно, для оседлого жителя Средней Азии кочевник всегда представлялся бездельником, живущим за счет грабежа. Нельзя писать «Тамерлан», то есть «Тимур-хромец». Культ амира Темура превосходит все мыслимые пределы. Он объявляется чуть ли не «первооткрывателем Америки», так как он сломил монголо-татар и дал Европе сосредоточиться на изучении мира и открытии новых континентов. Советский период в истории Узбекистана изображается как иго. Нельзя писать о том, что после ташкентского землетрясения Узбекистану помогали все народы СССР, а надо писать, что республика обошлась своими силами⁶. Автор предисловия ко второму разделу монографии в документах о дореволюционном Туркестане узбекский историк Б.М. Бабаджанов по отношению к региону вообще не знает никакого иного термина, как «колониальный»⁷. Узбекский историк Д.А. Алимова пишет о том, что для историографии Средней Азии присущ «один недостаток – отсутствие анализа деятельности центральной власти по руководству Туркестанским генерал-губернаторством как частью империи, требовавшем особого внимания всех ведомств от военных до гражданских»⁸. Этот вывод несостоятелен, так как такой анализ существует издавна, хотя и не без идеологических наслоений дореволюционного и советского периодов. В настоящее время он только

¹ История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 557.

² История Узбекской ССР: С древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974. С. 183–189.

³ Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966. С. 118.

⁴ Новейшая история Центральной Азии. Проблемы теории и методологии: Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2018. С. 87.

⁵ Там же.

⁶ Грозин А. Интернет и образы постсоветской Азии в России... С. 22.

⁷ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. М., 2016. С. 133–135.

⁸ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 176.

углубляется¹. Нам тоже приходилось не раз писать на эту тему². Поэтому Д.А. Алимовой следовало бы заинтересоваться недостатками современной узбекской историографии. Узбекистанский исследователь В.В. Германова пишет о том, что узбекский историк Ж. Рахимов «посвятил свой учебник Средней Азии в составе России... Вместо объективного показа событий с позиций историзма автор начинает навешивать ярлыки, применять набор штампов, оскорбительный для истории русского народа, таких как: “захватчики”, “колонизаторы”, “ценой зверского уничтожения людей”, “невиданные грабежи”, “жестокость была беспримерной”, “гибель невинных людей, плач младенцев, детей, оставшихся под ногами врага”... Такой обильный урожай лжи и ненависти собран только с двух страниц учебника Ж. Рахимова... На страницах учебника Ж. Рахимова содержатся бесконечные упоминания о бесчисленных массовых убийствах женщин, стариков и малолетних людей русскими войсками и царской администрацией, что в малой степени соответствует действительности... неоднократно говорится о шовинизме русского народа, о презрительном и отрицательном отношении к покоренным народам, местному населению... Ясно одно – в современной узбекской историографии набирает силу антироссийская тенденция, стремление переписать историю так, чтобы вызвать у гражданина современного Узбекистана отрицательные эмоции по отношению к России. Достигается эта цель чаще всего негодными средствами – подлогом, передергиванием фактов, недостойными оскорблениями»³. Таджикский исследователь И. Мамадалиев отмечает, что «позиция узбекских историков заключается в том, что независимо от характера и содержания эта борьба (восстание 1916 г. – *П.Л.*) была направлена против “империи зла”»⁴. Естественно, что нынешние узбекские историки интересуются восстанием 1916 г. в Туркестанском крае. А. Сабиров обработал сведения о нем, собранные советским узбекским историком Хамидом Зияевым⁵. Узбекский исследователь Д.Х. Зияева указывает, что исследователи восстания 1916 г. П. Галузо, И. Меницкий, Н. Кузьмин и другие отрицали его национально-освободительный

¹ См. напр.: *Васильев Д.В.* Форпост империи: Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М.: ИБП, 2015; *Васильев Д.В.* Бремя империи: Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Полит. энцикл., 2018; Россия и Средняя Азия. Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX в. М., 2011 и др.

² См.: *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам): Моногр. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007; *Литвинов П.П.* Российское государство и судопроизводство мусульманских народов Русского Туркестана (1865–1917) // Мат-лы Первых науч.-метод. чтений ист. фак-та / ЕГПИ. Елец, 1998; *Литвинов П.П.* Государство и суды кочевого населения Средней Азии. 1865–1917 (по арх. мат-лам) // Мат-лы науч.-практ. конф. юрид. фак-та ЕГУ им. И.А. Бунина. Елец, 2000; *Литвинов П.П.* Прокурорский надзор в «кочевых» судах Русского Туркестана // Вестник ЕГУ им. И.А. Бунина. Вып. 1. Сер.: История, право. Елец, 2002; *Литвинов П.П.* К вопросу о специфике государственного управления национальными окраинами в царской России (на примере Русского Туркестана) // Вестник Елецкого гос. ун-та им. И.А. Бунина. Вып. 19. Сер.: Право. Елец, 2008; *Литвинов П.П.* «Военно-бюрократическое» управление в России XIX – начала XX вв. (по материалам Русского Туркестана) // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Мат-лы XII Всерос. науч.-практ. конф. М.: Изд-во РУДН, 2008; *Литвинов П.П.* О модели «военно-административного» управления в царской России (на примере Туркестана) // Диалог цивилизаций. культурно-цивилизационные мосты истории и современности. Бишкек: Наука, 2009. № 9 и др.

³ *Германова В.В.* Вторжение Российской империи в Среднюю Азию (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана) // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 373, 375, 380, 381.

⁴ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 100.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 481–485.

характер. В 1930-х гг. возобладала сталинская концепция восстания 1916 г. – классовая борьба угнетенных масс против эксплуататоров и угнетателей. Д.Х. Зияева критикует западные работы за то, что они расценивали восстание 1916 г. как борьбу всех «туземцев» против всех русских и как соперничество ислама с православием. По ее мнению, тезис о «классовой борьбе» как содержании восстания 1916 г. господствовал в советской историографии до середины 1980-х гг. Она же сообщает о том, что в 1996 г. по случаю 80-летия восстания 1916 г. в Узбекистане состоялась научная конференция, которая признала восстание всенародным и антиколониальным¹. Некоторые сведения о восстании 1916 г. содержатся в трудах узбекского историка Ш.Б. Мухамедова².

Но есть в Узбекистане и свободная историческая мысль. Ташкентский исследователь Ю. Флыгин пишет о том, что ради достижения правды о восстании 1916 г. надо видеть проблему со всех сторон. Вместо этого 100-летие восстания 1916 г. стало поводом для новых спекуляций и ангажированности. Он отмечает, что в узбекистанской историографии имеет место героизация избиения русских в Туркестане, но игнорирование фактов «чудовищного зверства» по отношению к ним³.

Вспомним, Русь находилась два с половиной столетия под властью Золотой Орды. Фактически, она была ее колонией, правители которой привнесли в жизнь русского народа немало негатива. Однако никто из серьезных исследователей не считает этот период только черной полосой в истории России и не винит в этом современную Монголию.

Несмотря на то, что основная территория нынешнего Таджикистана находилась в пределах Бухарского ханства, некоторые таджикские районы входили в состав Туркестанского края. Поэтому проблемы восстания 1916 г. не чужды историкам Таджикистана. В советский период оно оценивалось ими в привычном для тогдашней официальной историографии ракурсе⁴. Современная трактовка событий 1916 г. близка к оценкам прошлого⁵. Об истории изучения восстаний в 1916 г. в Таджикистане сегодня подробно пишет А. Гафуров⁶. В 1966 г. в Таджикистане отмечали 50-летие восстания в Ходженге, в 2016 г. в Ходженге были опубликованы материалы, посвященные 100-летию восстания 1916 г., в книге «Центральная Азия и Россия: дружба и сотрудничество, испытанные временем». Таджикский исследователь И. Мамедалиев отмечает, что по восстанию 1916 г. есть своя позиция и у таджикских историков, которые считают, что «это историческое событие в истории Таджикистана оценено как национально-освободительная борьба»⁷. Современный таджикский историк Р. Ахмедов пишет о том, что восстание 1916 г. «имело антивоенный, антиколониальный, антиимпериалистический характер»⁸. Мы считаем это «перепевом» оценки восстания 1916 г. советской историографией. Не отрицая того, что пишет Р. Ахмедов, мы бы добавили к его словам: антирусский, националистический характер.

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 391, 392.

² См.: Мухамедов Ш.Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917 гг.). Ташкент, 2013; Мухамедов Ш.Б. Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии. Ташкент, 1916.

³ Флыгин Ю. Семиреченские события 1916 г.: ради достижения правды надо видеть проблему со всех сторон // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 513.

⁴ История таджикского народа. Т. II. М., 1964. С. 236–243.

⁵ История таджикского народа. Т. IV. Душанбе, 2010. С. 802–855.

⁶ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 394–399.

⁷ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 100.

⁸ Ахмедов Р. Материалы по истории таджикского народа. Душанбе, 2004. С. 135.

Современная туркменская историография дистанцируется от общего научно-исследовательского пространства стран СНГ и, в частности, «центральноазиатского». Исследователь С. Горак отмечает, что Туркменбаши создал идеологию, имеющую якобы историческую подоплеку, доказывающую партикуляризм туркменского народа не только в «Центральной Азии», но и во всём мире, и суммировал всё это в «Рухнаме». В ней утверждается, что у истоков всех великих открытий в науке и технике стояли туркмены. Горак пишет: «Туркменская историография крайне негативно оценивает годы пребывания нынешнего Туркменистана в составе Российской империи и Советского Союза»¹. Утверждается, что туркмен заставляли забыть свой язык, историю, культуру. Наибольшее унижение туркмен связывается в «Рухнаме» не с царской Россией, а с советской эпохой. О советском периоде Туркменбаши писал в «Рухнаме»: «74 года тоски, уныния, безверия в свой завтрашний день!»². Туркменские ученые в 1990-х гг. вполне серьезно и активно искали доказательств тому, что предками Туркменбаши был Александр Македонский, а позже – сам Пророк. Исследователь И. Мамадалиев пишет о позиции туркменских историков по восстанию 1916 г., которые считают, что это событие имело множество причин и их надо всесторонне исследовать. Поэтому среди туркменских историков до сих пор продолжают диспуты относительно причин восстания 1916 г.³. Поскольку историки Туркменистана руководствуются в своих трудах содержанием «библии» современных туркмен – сочинением первого президента Туркмении Сапармурата Ниязова (Туркменбаши) «Рухнама», вышедшем в том числе и на русском языке в Ашхабаде⁴, то им трудно угодить власти в оценке восстания 1916 г., о котором покойный «диктатор» в своем труде вообще не упоминал. Он отмечал лишь, что «трагическим апофеозом, терновым венцом духовной истории туркмен стал XX век. Никогда прежде не тянувшие чужой груз, туркмены – впервые за свою историю – попали в зависимость от другого государства. В молох этой зависимости угодили не только духовные основы нации, она понесла ни с чем не сравнимые человеческие жертвы»⁵. И далее он писал о гибели туркмен во время первой мировой войны 1914–1918 гг. Кроме как в «Рухнаме», покойный туркменский вождь, как правило, избегал «сильных» оценок по поводу царского и советского периодов в истории Туркменистана. Например, в своем продолжительном выступлении на пятом Всетуркменском совещании старейшин президент С.А. Ниязов (Туркменбаши) давал им взвешенную оценку⁶. Он хорошо отзывался о России и об истории связей туркмен с ней⁷. Таким образом, Туркменбаши не оставил точного и ясного ориентира в оценке российско-туркменских отношений, а без него нынешние туркменские историки будут и впредь дискутировать относительно их прошлого, в том числе и восстания 1916 г. в Закаспийской области, Туркестанского генерал-губернаторства (края). Но они будут это делать, как отмечает известный туркменистанский историк С.М. Демидов, покинувший Туркмению в 1998 г., демонстрируя «резкое изменение в интерпретации целого ряда вопросов, настойчивую тенденцию удревления всё и вся с безудержной идеализацией прошлого, фактическое игнорирование некоторых исторических периодов и событий и стремление к исключительности»⁸. Он пишет,

¹ Горак Славомир. Мифы великого Туркменбаши // Вестник Евразии. 2005. № 2 (28). С. 113.

² Там же.

³ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 100.

⁴ Сапармурат Туркменбаши. Рухнама. Кн. первая. Ашхабад, 2003. 415 с.; Сапармурат Туркменбаши. Рухнама. Кн. вторая. Ашхабад, 2005. 463 с.

⁵ Сапармурат Туркменбаши. Рухнама. Кн. вторая. Ашхабад, 2005. С. 298.

⁶ Ниязов Сапармурат Туркменбаши. По пути возрождения. Ашгабат, 1994. С. 10–11.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Демидов С.М. Постсоветский Туркменистан. М.: Наталис, 2002. С. 146.

что по воле новой власти из истории Туркмении исчез 40-летний период ее пребывания в составе Российской империи. Естественно, что препирания туркменских историков по поводу восстания 1916 г. в существующих условиях вряд ли приведут к действительно позитивным итогам – объективным и правдивым.

В постсоветский период в изучении проблем восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. российская историография ни в чем не уступала специалистам из молодых независимых и суверенных государств «Центральной Азии». В юбилейные годы (1996, 2006) проходили соответствующие научные конференции, издавались тематические труды. Особенно урожайным в этом отношении стал 100-летний юбилей восстания 1916 г. Но нам хотелось бы остановиться на одном научном изыскании, весьма показательном во всех отношениях для состояния современного туркестановедения в России и вне ее.

В год 100-летия восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана против царизма бывший узбекистанский историк, а ныне российский исследователь Т.В. Котюкова представила на суд читателей свой труд о положении в Туркестане накануне этого события¹. Безусловно, Котюкова в ташкентский период своей деятельности накопила известный объем архивных материалов, которыми заполнила свое сочинение. Однако степень их научно-исследовательской обработки свидетельствует о том, что молодой ученый пока не имеет правильного целостного представления о Средней Азии в прошлом, особенно в начале XX в. Так, например, она указывает, что «в 1881 г. из завоеванных туркменских земель был создан Закаспийский отдел, преобразованный позднее в Закаспийскую область (1882)»². Она допускает тут две ошибки. Во-первых, Закаспийский отдел был образован в марте 1874 г.³, во-вторых, Закаспийская область была создана в 1881 г.⁴. По ее мнению, «Российское Императорское политическое агентство в Бухаре было учреждено в 1886 г.»⁵. И это неверно, поскольку оно было учреждено в 1885 г.⁶. Котюкова пишет о том, что «в 1871 г. в долине р. Или (Илийский край) в Синьцзяне (Китайский Туркестан) произошло уйгуро-дунганское восстание против китайских властей»⁷. Это неверно, восстание произошло намного раньше, что подтверждал ее сотоварищ по коллективной монографии 2008 г. исследователь О.В. Боронин⁸. Но в работе Котюковой есть и более существенные прорехи. Так, она считает, что в Туркестане «военные губернаторы областей назначались и увольнялись военным министром»⁹. Это не так. В § 18 проекта «Туркестанского положения» 1867 г. указывалось, что «военные губернаторы определяются и увольняются Высочайшими (то есть царскими. – П.Л.) указами и Высочайшими приказами, по представлению Военного министра»¹⁰. Не менее

¹ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы. М.: Науч.-полит. кн., 2016. 391 с.

² Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 137.

³ Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству – Временное Положение об управлении в Закаспийском Отделе. 9 марта 1874 г. // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53233. С. 333–338.

⁴ Именной, данный Сенату – О присоединении к Империи, занятой Нашими войсками территории туркмен Текинского рода и образовании из нея и земель Закаспийского военного отдела области Закаспийской с включением оной в состав Кавказского Военного Округа. 6 мая 1881 г. // ПСЗРИ-3. Т. 1. Отд. 1. СПб., 1885. № 142. С. 66.

⁵ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 14.

⁶ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении Политического Агентства в Бухаре. 12 ноября 1885 г. // ПСЗРИ-3. Т. 5. Отд. 1. СПб., 1887. № 3274. С. 453.

⁷ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 137.

⁸ См.: Центральная Азия в составе Российской империи... С. 79–80.

⁹ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 15.

¹⁰ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 4.

ошибочно утверждение Котюковой о том, что в Туркестанском крае «уездные и волостные начальники *назначались* из числа военных чинов»¹ (курсив наш. – *П.Л.*). В § 85 проекта «Туркестанского положения» 1867 г. отмечалось, что «волостные и аульные старшины *выбираются народом*»² (курсив наш. – *П.Л.*). То есть они не могли назначаться. Вместе с тем это допускалось, но только в исключительных случаях. Более того, сама Котюкова пишет: «К *выборной* администрации принадлежали: волостной управитель, ведавший волостью...»³. О выборности волостных управителей и сельских старшин гласила статья 82 «Положения об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г.⁴ Это первое. Второе. Нам не известно ни одного случая, чтобы в Туркестанском крае был назначен волостным управителем кто-либо «из числа военных чинов». Он мог быть только избран, что тоже весьма сомнительно. Котюкова утверждает, что «в Закаспийском положении 1891 г. существовал раздел, посвященный управлению духовными делами мусульман»⁵. Она, видимо, никогда не читала этот документ, кстати, принятый в 1890 г., так как в нем не было такого раздела⁶. Он присутствовал в содержании «Степного положения» 1891 г., на основании которого управлялась Семиреченская область, входившая с 1898 г. в состав Туркестанского края⁷. Котюкова пишет о «Департаменте духовных дел и инославных исповеданий (ДДДИИ)»⁸ (курсив наш. – *П.Л.*). Такого ведомства в царской России никогда не было, а был Департамент духовных дел иностранных (а не инославных) исповеданий МВД. Она отмечает, что туркестанский генерал-губернатор требовал предоставления ему права председательствовать в Совете туркестанского генерал-губернатора и «Особое совещание» под председательством П.А. Хариотонова предоставило ему «возможность председательствовать в состоящем при нем Совете»⁹. Это иначе как странным назвать трудно, так как статья 18 «Положения об управлении Туркестанского края» от 12 июня 1886 г. гласила: «Совет туркестанского генерал-губернатора состоит под председательством генерал-губернатора»¹⁰. И вряд ли «главный начальник края» генерал А.В. Самсонов мог добиваться права, предоставленного ему законом четверть века назад. Котюкова утверждает, что первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман «единоличным решением» ввел в Ташкенте и Верном «Городовое положение» 1870 г.¹¹. Мы охотно согласимся с ней относительно города Ташкента, однако в городе Верном – центре Семиреченской области – это положение не было введено. Например, это подтверждает авторитетный российский туркестановед, доктор исторических наук Д.В. Васильев¹².

¹ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 15.

² Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 14.

³ Котюкова Т.В. Указ. соч. С. 17.

⁴ Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 326.

⁵ Котюкова Т.В. Указ. соч. С. 18.

⁶ См.: Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 г. // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6576. С. 70–75.

⁷ См.: Управление духовными делами инородцев. Статьи 97–100 // Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 г. // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 142.

⁸ Котюкова Т.В. Указ. соч. С. 30.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 321.

¹¹ Котюкова Т.В. Указ. соч. С. 44.

¹² См.: Центральная Азия в составе Российской империи... С. 98.

Котюкова отмечает, что «статьи 207 и 262 Положения об управлении краем запрещали приобретение земли и недвижимого имущества лицами, не имевшими русского подданства»¹. Но, во-первых, статья 207 не имела к этому никакого отношения, так как была посвящена опекунам делам в Туркестанском крае². Во-вторых, мы бы уточнили, что статья 262 запрещала приобретение недвижимости и российским подданным из числа лиц нехристианских исповеданий, кроме имеющих статус «туземных» жителей края. Исследовательница пишет о том, что идея построить католический храм в Ташкенте возникла еще в

1875 г., но строительство началось «по разным данным, в 1911–1912 гг., но фактически в 1914 г.»³. Это не так. Четверть века назад мы отмечали, что «строительство ташкентского костела протекало довольно быстро и к середине октября 1905 г. было завершено. Оно обошлось католической общине в 10 тыс. руб.»⁴. Мы подкрепляли это ссылкой на достоверный источник⁵. Котюкова называет «молитву за царя», произносимую иногда в мусульманских мечетях и школах Русского Туркестана, «хутбой», что не совсем верно⁶. Она указывает, что «14 января 1906 г. Государственной думой были утверждены новые правила для начальных национальных училищ»⁷. При этом она, видимо, даже не подозревает, что первое заседание I Государственной думы состоялось только 27 апреля 1906 г. и работала она до 8 июля того же года. Любопытно, что Котюкова сама признает, что «выборы в I Государственную думу в Европейской России состоялись в марте 1906 г.»⁸. Соответственно, в январе того же года Государственной думы как таковой в России не было. Котюкова пишет о том, что Исмаил Гаспринский «в 1892 г. прислал туркестанскому генерал-губернатору Н.О. фон Розенбаху проект переустройства мусульманских школ»⁹. Этого не могло быть, так как Розенбах был отстранен от должности в 1889 г., а в 1892 г. уже три года краем управлял генерал-лейтенант барон А.Б. Вревский. Котюкова называет начальника туркестанской «охранки» «Квинцицкий», хотя его звали Квицинский. Она отмечает, что было решено «заведование городским хозяйством на основании статьи 88 Положения об управлении Туркестанским краем возложить на начальника при участии избираемых горожанами депутатов: два человека от русского населения и четыре от коренного»¹⁰. Вревский не мог сослаться на эту статью, так как она касалась выборов волостных управителей в Туркестанском крае¹¹. Котюкова указывает, что «военно-полевые суды были учреждены по указу царя 19 августа 1905 г.»¹². Это не так. Они были учреждены уже при премьерстве П.А. Столыпина и по его инициативе¹³. Она отмечает, что туркестанский генерал-губернатор Ф.В. Мартсон в 1914 г. писал

¹ Котюкова Т.В. *Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы...* С. 93.

² Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 335.

³ Котюкова Т.В. Указ. соч. С. 102.

⁴ Литвинов П.П. *Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.)*. Елец: Изд-во ЕГПИ, 1996. С. 56.

⁵ Туркестанские ведомости. 1905. № 151. 12 октября.

⁶ См.: Ислам. Словарь атеиста. М.: Политиздат, 1988. С. 240–241.

⁷ Котюкова Т.В. Указ. соч. С. 178.

⁸ Там же. С. 235.

⁹ Там же. С. 181.

¹⁰ Там же. С. 210.

¹¹ См.: Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 326.

¹² Котюкова Т.В. Указ. соч. С. 260.

¹³ Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об учреждении военно-полевых судов. 19 августа 1906 г. // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28252. С. 813–814.

военному министру А.А. Поливанову¹. Этого не могло быть, так как последний стал военным министром только в 1915 г., а в 1914 г. военное ведомство еще возглавлял В.А. Сухомлинов. Она упоминает «начальника Азиатской части генерала М.М. Михневича»². Но такого генерала в должности начальника Азиатской части Главного штаба никогда не было. Был генерал-лейтенант М.М. Манакин, а генерал от инфантерии Н.П. Михневич был начальником Главного штаба. И этим ошибки Котюковой не ограничиваются. Например, в своей статье 2003 г. она пишет, что телеграмму Главного штаба туркестанскому генерал-губернатору подписывают некие «генерал от инфантерии Мирневич и начальник Азиатской части генерал-лейтенант Манашев»³. Но и таких людей в Главном штабе никогда не было, а были, как отмечалось выше, Н.П. Михневич и М.М. Манакин. Котюкова пишет о том, что приготовительная школа 2-го Оренбургского кадетского корпуса переехала в Ташкент, где была торжественно открыта 1 сентября 1900 г. Она утверждает, что «4 декабря 1901 г. школа получила статус самостоятельного кадетского корпуса. В 1904 г. корпус получил шефа и стал именоваться Ташкентский Его Императорского Высочества Наследника престола Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича кадетский корпус»⁴. Ничего подобного не было. Ташкентская приготовительная школа была преобразована в кадетский корпус только 25 апреля 1904 г.⁵. И наименование Ташкентский кадетский корпус получил иное: «Ташкентский Наследника Цесаревича кадетский корпус»⁶. Всё это подтверждается правовыми документами, являющимися властными актами непреодолимой силы. Котюкова пишет о том, что Семиреченская область 26 декабря 1897 г. «Указом Правительствующего Сената была возвращена в состав Туркестанского генерал-губернаторства»⁷. Она ошибается, это был «именной», то есть царский, а не сенатский указ⁸. Котюкова отмечает, что в Государственной думе законопроект об объявлении свободных земель Туркестанского края государственной собственностью вызвал неоднозначную реакцию со стороны депутатов, однако 5 декабря 1910 г. он был принят. К сожалению, она и на сей раз ошибается. 5 декабря 1910 г. было принято всего два закона, и они не имели никакого отношения к землям Туркестанского края⁹. А интересующий Котюкову закон был принят 19 декабря 1910 г.¹⁰

Естественно, что мы привели не все огрехи сочинения весьма работоспособной и напористой исследовательницы, иначе это еще более удлинит бы и без того немалый перечень

¹ Котюкова Т.В. *Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы...* С. 295.

² Там же. С. 325.

³ См.: Туркестан и Государственная дума Российской империи: Документы ЦГА Республики Узбекистан 1915–1916 гг. (публикация Т.В. Котюковой) // Исторический архив: Науч.-публикатор. журн. 2003. № 3. С. 130.

⁴ Котюкова Т.В. *Указ. соч.* С. 336.

⁵ Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О преобразовании Ташкентской приготовительной школы в кадетский корпус. 25 апреля 1904 г. // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24434. С. 396–397.

⁶ Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – О наименовании Ташкентского кадетского корпуса «Ташкентским Наследника Цесаревича кадетским корпусом». 20 августа 1904 г. // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25051. С. 907–908.

⁷ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 137.

⁸ Именной, Высочайший указ, данный Сенату – О разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего гражданского управления. 26 декабря 1897 г. // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14818. С. 711.

⁹ См.: ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34440 и 34441. С. 1251–1252.

¹⁰ Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем. 19 декабря 1910 г. // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34501. С. 1280.

ее ошибок. Указанные неточности могут кому-то показаться невинными, однако истинный историк-профессионал не должен ошибаться.

В каждом действительно научном труде должно быть фундаментальное основание, определяющее всё его содержание и смысл. Для понимания этого тезиса позволим себе несколько отвлечься.

Сила профессионализма в том и заключается, что он способен заметить самое главное – недостающее, но определяющее. Кандидат исторических наук Т.В. Котюкова пишет о Туркестане как об «окраине на особом положении», однако такое состояние у нее сводится только к его географической, демографической, вероисповедной и иной специфике. Но если исходить из «методы» Котюковой, то такое же особое положение имели фактически все так называемые «национальные окраины» Российской империи – Сибирь, Дальний Восток, Кавказ и др. Между тем указанное положение в царские времена – в конце XIX – начале XX в. рассматривалось как юридическое, нормативно-правовое понятие. Мы бы посоветовали исследователям истории тех или иных регионов царской России прежде всего поинтересоваться, не находился ли он в указанный период в состоянии «исключительного» положения – усиленной или чрезвычайной охраны.

О важности этого обстоятельства пишут специалисты¹. Кто-то может подумать, что его не обязательно учитывать в исторических исследованиях. Как бы не так. Введение особого положения – усиленной или чрезвычайной охраны расширяло обычные пределы власти, наделяло ее дополнительными полномочиями, изменяло характер взаимоотношений административных органов, их контактов с населением и т. п. А всё это нельзя не учитывать историкам. Т.В. Котюковой следовало бы, прежде всего, изучить закон от 14 августа 1881 г., который устанавливал принципы «усиленной» и «чрезвычайной» охраны в Российской империи². Он, в частности, гласил: «а) Когда общественное спокойствие в какой-либо местности будет нарушено преступными посягательствами против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ, или подготовлением таковых, так что для охранения порядка применение действующих постоянных законов окажется недостаточным, то местность может быть объявлена в положении усиленной охраны; б) Когда такими посягательствами население известной местности будет приведено в тревожное настроение, вызывающее необходимость принятия исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного порядка, то означенная местность может быть объявлена в положении чрезвычайной охраны»³. Особенно сильное влияние на жизнь регионов оказывало положение «чрезвычайной» охраны, когда в том же Туркестанском крае генерал-губернатор получал права «главноначальствующего», в связи с чем все гражданские административные учреждения в этих условиях подчинялись по вертикали не своим министерствам и ведомствам, а только ему. Кроме того, он имел полномочия исполнять другие функции ужесточения по отношению к населению. Нельзя игнорировать это обстоятельство в действительных исторических изысканиях. Любой историк Средней Азии конца XIX – начала XX в. должен знать о том, что в этот период отдельные местности Туркестанского края фактически постоянно находились в состоянии исключительного положения.

¹ *Фомин А.А.* Исторические этапы развития чрезвычайного законодательства в России (конец XIX–XX в.) // *История государства и права: Науч.-правовое изд.* 2006. № 3. С. 29–32; *Биюшкина Н.И.* Теория исключительного положения и Закон «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // *История государства и права: Науч.-правовое изд.* 2011. № 3. С. 34–39.

² Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 г. // *ПСЗРИ-3.* Т. 1. СПб., 1885. № 350. С. 261–266.

³ Там же. С. 262.

Это подтверждают многочисленные нормативно-правовые акты, которые мы считаем нужным привести для вящего сведения исследователей. Положение «усиленной» охраны устанавливалось в Туркестанском крае чаще¹, состояние «чрезвычайной» охраны объявлялось несколько реже, но тоже определенно².

На «особом» положении находились и другие регионы Российской империи³. В том числе даже отдельные уезды и селения⁴. Правда, в конце декабря 1904 г. царь Николай II в «именном» указе сообщал о пересмотре изданных ранее актов против нарушений государственного порядка и общественного спокойствия об исключительном положении (усиленной и чрезвычайной охраны. – *П.Л.*) с тем, чтобы остались действующими только действительно нужные благу государства и народа законы, но были ограничены пределы их распространения⁵. Однако это осталось только благим пожеланием, так как акты об «усиленной» и «чрезвычайной» охране продолжали издаваться, особенно в условиях вскоре начавшейся первой русской революции, а тем более после нее.

Приведение нами указанных выше документов можно отнести к характеристике источников, использованных в данном исследовании. Следует заметить, что Т.В. Котюкова всего лишь трижды упоминает о введении в Туркестанском крае «исключительного» положения, в частности об объявлении его 24 июля 1914 г. в состоянии «чрезвычайной» охраны, но при этом она не приводит уточняющего нормативно-правового акта об этом. Видимо, поэтому Котюкова считает, что простые ответы «крайне опасны для неподготовленного и неискушенного в деталях обывателя. М.Н. Ключевский считал, что история – это политика, опрокинутая в прошлое»⁶. Непонятно, почему «М.Н. Ключевский», если его звали Василий Осипович. Действительно профессиональный историк не может не знать этого. Вообще, ее упоминания о введении в регионе нормативов «исключительного» состояния растворяются в потоке общих рассуждений, хотя именно с этого ей следовало бы начинать писать о Туркестане накануне драмы – восстания 1916 г. Нельзя ведь писать о российской культуре 1941–1945 гг., не упоминая при этом о том, что в это время страна жила в условиях войны и по законам военного времени. Поэтому «особое положение» Туркестана необходимо доказывать не досужими рассуждениями, а на основе законодательных актов, так как именно они его устанавливали и определяли. Нам приходилось писать: «Правовой документ – это воля государства, облеченная в нормативную форму. Ей обязаны подчиняться все... Законы устанавливают те “правила поведения”, которым все должны следовать, и в этом отношении они бесспорны. В них можно сомневаться, но их нельзя не учитывать в действительно исторических исследованиях, тем более ими нельзя пренебрегать»⁷. Исследователи А.А. Тилле и Г.В. Швеков пишут: «История государства и права теснейшим образом связана с общей (иногда ее называют “гражданской”) историей общества и составляет ее часть... но другой своей стороной история государства и права входит в систему юридических наук, поскольку предметом ее изучения является государство и право»⁸. Если бы не были приняты приведенные нами юридические акты, то действия туркестанской администрации накануне и во

¹ См.: прил. 1 (а).

² См.: прил. 1 (б).

³ См.: прил. 1 (в).

⁴ См.: прил. 1 (в-1).

⁵ Именной, Высочайший указ, данный Сенату – О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка. 12 декабря 1904 г. // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. С. 1197.

⁶ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 8.

⁷ Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по арх., правов. и иным материалам): Моногр. Елец: Изд-во ЕГУ, 2014. С. 36.

⁸ Тилле А.А., Швеков Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., 1978. С. 103.

время восстания коренного населения Средней Азии носили бы совершенно иной характер. Поэтому объявление 17 июля 1916 г. Туркестанского края на военном положении мало что меняло в поведении царской власти в регионе, поскольку оно включало в себя фактически все принципы «усиленной» и «чрезвычайной» охраны, которые уже давно применялись ею. В прочих своих сочинениях Т.В. Котюкова демонстрирует похвальную работоспособность, однако не со всеми ее суждениями мы склонны безоговорочно соглашаться. Например, она пишет о том, что «политическое и правовое бесправие населения, национальное и культурное угнетение, административный произвол – вот *основные причины*, вызвавшие взрыв 1916 г.»¹ (курсив наш. – *П.Л.*). Кроме того, она считает, что «причиной и историческим фоном восстания, которое проходило в 1916 г. как в Туркестане, так и в других регионах России, был системный кризис российской этнорегиональной политики»². Заявление двусмысленное, но при этом ни слова об изъятии земель у кочевого населения региона. При такой «глубине» исследования любая проблема может быть решена только поверхностно, а не действительно сущностно.

Котюкова пишет: «На наш взгляд, восстание 1916 г. в Азиатской России – это крайняя форма проявления так называемого “мусульманского вопроса”, являвшегося в позднеимперский (почему именно тогда? – *П.Л.*) период, наряду с “остзейским”, “польским”, “еврейским” и др. составной частью государственной этноконфессиональной политики»³. Она отмечает, что этот вопрос не был решен, и это мешало интеграционной и модернизационной политике правительства. Безусловно, она права в том, что «“мусульманский вопрос” являлся составной частью имперской политики в регионах с преобладанием населения, традиционно исповедующего ислам»⁴. Однако, по нашему убеждению, восстание не было «крайней формой» проявления «так называемого мусульманского вопроса». Поскольку, во-первых, по существу, оно не было религиозным, а во-вторых, в нем превалировали экономические факторы – прежде всего «земельные», а также финансовые, налоговые, имущественные и проч. Вызывает недоумение высказывание Котюковой о том, что «Россия не предпринимала активных попыток “выдавливания” ислама из Туркестана»⁵. Это верно – на такую глупость царизм не мог пойти, понимая, что это равносильно выдавливанию крови из тела человека. Далее Котюкова рассуждает об ошибках царизма в проведении интеграционной и модернизационной политики в Туркестанском крае. Она пишет о том, что не надо искать виноватых, а надо искать взвешенно и корректно истину события, чтобы оно не повторилось. При этом она призывает к беспристрастной аргументации⁶. Как нам представляется, этот призыв будет услышан «центральноазиатскими» историками, но вряд ли они его реализуют. Вместе с тем мы согласны с Котюковой в том, что научное историческое исследование восстания 1916 г. часто подменяется спекулятивными политическими интерпретациями⁷. Ее удручает то, что «смешение журналистики, публицистики и научного анализа... не приближает нас ни на шаг к постижению истины, а только разжигает страсти и увеличивает градус кипения взаимных претензий, исторических обид и порождаемой этим неприязни.

¹ Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики России 1905–1917 гг.). М., 2008. С. 148.

² Там же. С. 152.

³ Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. С. 102.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 103–105.

⁷ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 9.

В такой ситуации историческая наука выступает не фундаментом, а инструментом для создания образа врага, частью информационной пропагандистской войны. Не установление Истины, а жажда Сатисфакции становится двигателем подобного рода технологических приемов»¹. И Котюкова снова пишет о том, что в коллективной монографии «авторами впервые предпринята попытка анализа разноплановых причин и предпосылок восстания 1916 г.»². Однако ничего принципиально нового в ней нет. Ее не устраивает то, что «Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. по сложившейся традиции большинство коллег называют “царским указом”»³. Это несерьезно, ибо это игра в терминологические бирюльки, так как, кроме царских указов, манифестов, повелений и т. п., все иные документы проходили процедуру «высочайшего» утверждения, в том числе и в «думский» период. Вообще, по мнению Котюковой, «серьезное изучение восстания 1916 г. невозможно начинать с 25 июня 1916 г. – даты подписания Высочайшего повеления “О призыве на тыловые работы”». Многие аспекты этого нелинейного события уходят своими корнями чуть ли не во вторую половину XIX столетия, и заканчиваются в 1920-е гг. XX столетия»⁴. С этим можно согласиться, но здесь несколько странно звучит: «чуть ли не», так как именно туда они и уходят, а также «1920-е гг. XX столетия» – 1920-е – это, понятно, и есть XX столетие. Выходит, что теперь мы должны писать, например, «1380-е гг. XIV столетия», «1540-е гг. XV века», «1860-е гг. XIX столетия» и т. п.

На наш взгляд, заявленная Котюковой книга является не коллективной монографией, а ординарным сборником статей. То же самое можно сказать и о вышедшем в 2017 г. сборнике, составленном кыргызстанскими историками⁵. В его названии заявлено переосмысление восстания 1916 г. в Центральной Азии, однако, как представляется, оно не состоялось. На наш взгляд, переосмысление как умственный процесс должно порождать принципиально новые взгляды на то событие, которое ему подвергается, находить в нем скрытое доселе, то есть ранее неведомое сущностное содержание. Без этого оно превращается в банальную «переоценку ценностей». А она, как правило, ничего не дает действительной науке. Мы это уже проходили в оценке событий прошлого в дореволюционный, советский и современный периоды. Историческая правда не нуждается в переосмыслении – она остается самой собой в любом случае. А переосмысливать фикции – дело безнадежное и ненужное с научной точки зрения. Что касается статей, составляющих указанный сборник, то мы воздержимся от их критического анализа, тем более что в настоящем исследовании автор не раз ссылается на них.

Таким образом, есть основания полагать, что имеющаяся на сей день историография восстания 1916 г. в Туркестанском крае – как российская, так и зарубежная («центрально-азиатская» и др.) – дает о нем достаточно целостное представление. Однако в историческом знании об этом событии есть еще лакуны, которые должны быть восполнены научным миром.

Источники

Кыргызстанский государственный деятель Э. Каптагаев писал в 2011 г. о том, что «многие годы ведутся горячие споры об оценке характера восстания кыргызов 1916 г.», однако,

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 9.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов... С. 20.

⁵ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»...

по его мнению, «история национально-освободительного восстания 1916 г. и по сей день остается в общем еще мало изучена»¹. С этим можно согласиться. Но он явно ошибается, утверждая, что «нет сколько-нибудь полных сборников документальных материалов»². Они есть, и их немало.

Еще в довоенный период были изданы сборники документов и материалов о восстании 1916 г. в республиках Средней Азии и Казахстане³. Они включают в себя не только документы, но и воспоминания участников и очевидцев этого события. Первый сборник документов о восстании 1916 г., изданный в 1932 г., включал в себя только материалы Центрального государственного архива Узбекистана. Один из его составителей С. Волин писал о том, что таких единиц хранения около 300. При этом он отмечал, что рядом с ценными сведениями в них много «неинтересного для историка хлама»⁴. Далее он характеризовал наиболее значимые архивные материалы по группам. Содержание всех других указанных сборников носило «республиканский» характер и зиждилось преимущественно на материалах центральных государственных архивов Киргизской, Казахской и Туркменской ССР.

Непосредственно после Великой Отечественной войны, в 1947 г., был издан сборник документов и материалов о восстании 1916 г. в Казахстане⁵. В него вошли документы не только Центрального государственного архива республики, но и материалы ЦГА Узбекистана, Омского областного архива, так как Акмолинская и Семипалатинская области находились до революции в составе Степного генерал-губернаторства (края) с центром в Омске, Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА) и др. Сборник состоит из трех глав: 1) «Движущие силы восстания»; 2) «Проникновение идей большевизма в среду восставших»; 3) «Ход восстания». В первой главе есть раздел «Предательская роль баев и национальной интеллигенции»⁶. В приложении представлена хроника восстания 1916 г., перечень волостей, охваченных им, список опубликованных документов и др.

В 1960 г. вышел весьма объемный (почти 800-страничный) сборник документов о восстании 1916 г. в Средней Азии и Казахстане⁷. Его материалы были систематизированы по регионам Туркестана и отличались оригинальностью и многообразием. Они снабжены соответствующими комментариями, и в целом содержание сборника позволяло сложить широкое представление обо всех основных и обыденных обстоятельствах восстания. Для историков этот сборник стал мощным подспорьем в изучении как выступления коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г., так и многих других аспектов их прошлого. Вообще, следует заметить, что, несмотря на торжество «классового» подхода в советской историографии, тем не менее в сборниках 1930-х – 1960 гг. содержание документов

¹ Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док... С. 3.

² Там же.

³ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо; подг. к печ. Ф. Божко, С. Волин. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. 173 с.; Восстание 1916 года в Киргизстане: Док. и мат-лы, собранные Л.В. Лесной / под ред. и с предисл. Т.Р. Рыскулова. М.: Соц.-экон. изд-во, 1937. 167 с.; Восстание 1916 года в Казахстане [Сб. воспоминаний и рассказов участников и очевидцев восстания] / КНИИМЛ. Алма-Ата: Казгосиздат, 1937. 316 с.; Восстание 1916 года в Туркмении (Док. и мат-лы). Ашхабад: Туркмен. гос. изд-во, 1938. 317 с.

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 165.

⁵ Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / под ред. Б.С. Сулейменова; сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафири. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1947. 212 с.

⁶ Там же. С. 20–46.

⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 794 с.

приводилось текстуально точно, хотя, конечно, сам их подбор, некоторые купюры, комментарии и т. п. были идеологически выверенными. Вместе с тем это позволяло исследователям, знакомясь с документами, оценивать события восстания в значительной мере самостоятельно, без «классовых» методологических шор и оков.

Новый импульс изданию документов и материалов о восстании 1916 г. в Туркестане последовал уже с постсоветский период. В 1998 г. в Казахстане был составлен соответствующий двухтомный сборник¹. Его особенность составили: ограниченность комментариев, а также привлечение документов из архивов тех мест, где некогда работали мардикёры (тыловые рабочие из Туркестанского края), – Латвии, Литвы и Эстонии. Кроме того, в этом сборнике были более широко представлены документы об отношении российских либерал-демократов к восстанию 1916 г., преимущественно через обсуждение его обстоятельств в IV Государственной думе. Естественно, что указанное издание заметным образом раздвинуло рамки изучения рассматриваемой нами проблемы.

В постсоветский период на источниковедческом фронте хорошо поработали кыргызстанские специалисты². Пальма первенства, безусловно, принадлежит специалистам Кыргызско-Российского Славянского университета, всемерно поддержанных его ректором – академиком НАН КР В.И. Нифадьевым, возглавившим редакционный совет издания³. Шеститомный сборник материалов о восстании 1916 г. составлен на базе документов центральных архивов Кыргызской Республики и Российской Федерации. Предисловия к изданиям написаны видным кыргызским интеллектуалом академиком А.Ч. Какеевым, большим знатоком проблемы. В первом томе собраны соответствующие сведения из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Многие документы публикуются впервые, что облегчает их введение в научный оборот. Присутствует аннотированный перечень материалов АВПРИ о восстании 1916 г. в Средней Азии. Во втором томе сборника представлены документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Среди них немало материалов, ранее неизвестных исследователям, приводится хроника восстания 1916 г. Третий том содержит документы и материалы вышеуказанных архивов, а также Архива внешней политики Российской Федерации, многие из которых публикуются впервые. В четвертый том включены, в основном, документы из фондов РГВИА и РГИА, дополняющие материалы первых трех томов. В пятый том вошли ранее не публиковавшиеся архивные материалы из фондов РГВИА и РГИА, параллельно обнаруженные сотрудниками университета в процессе подготовки томов к изданию. Основу шестого, заключительного тома сборника составили научные статьи современных ученых Казахстана, Кыргызстана, Китая, России о восстании 1916 г. в Туркестанском крае.

Значение документального шеститомника КРСУ для изучения вопросов восстания 1916 г. огромно, так как многие исследователи из государств Средней Азии и Казахстана по материальным и иным обстоятельствам не могут приезжать и заниматься в российских архивах Москвы, Санкт-Петербурга и др. Содержащиеся в сборнике материалы существенным образом помогут им использовать документы для продолжения своей работы

¹ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов: в 2 т. / под ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1998 (Т. 1 – 423 с.; Т. 2 – 247 с.).

² См. напр.: Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док. / сост.: Г.Т. Гуля, Е.А. Романова, Б.О. Самаева; отв. ред. Э.С. Каптагаев. Бишкек, 2011. 304 с.; Восстание 1916 года: Док. и мат-лы / под. ред. К.И. Мамбеталиева. Бишкек, 2015. 264 с.

³ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в документах: в 6 т. / под ред. В.И. Нифадьева, А.Ч. Какеева. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015–2016 (Т. I. 206 с.; Т. II. 324 с.; Т. III. 228 с.; Т. IV. 240 с.; Т. V. 204 с.; Т. VI. 187 с.).

над источниками о восстании. Нелишне заметить, что многие материалы в шеститомном сборнике КРСУ приводятся не в типографском наборе, а в фотокопиях оригиналов, что повышает исследовательскую ценность его содержания, так как для историков-исследователей важны пометки, резолюции, замечания и т. п. царских чиновников на тех или иных документах.

Важным источником для исследования явились труды о восстании 1916 г. выдающегося кыргызского партийно-советского деятеля Юсупа Абдрахманова, трагически погибшего во времена сталинских репрессий¹. Автор сам пережил перипетии этого события, от которого пострадали его родные и близкие. Однако он, видимо, преувеличивал, указывая, что «условием оседания киргиз на землю местные представители царизма ставили обязательно принятие православия и службу киргиз в рядах царской армии»². Он приводит в пример заявление только одного царского чиновника, из которого, однако, не следует, что это была официальная государственная политика в этом вопросе. Действительно, как явствует из массива документов, указанные условия перед седентаризацией кочевников как обязательные русской властью не выдвигались. Абдрахманов указывал, что «восстание, направленное против царизма, приняло характер восстания против всех русских, как угнетающей нации»³. И он был прав, несмотря на то, что в ряде мест кыргызы не трогали тех русских, которые к ним ранее хорошо относились, а иногда и присоединялись к ним в борьбе против царского режима. Но это было более характерно для Семиреченского региона. Вряд ли можно усомниться в выводе Абдрахманова о том, что освобождение трудящихся масс кыргызов было бы «невозможно без победоносной социалистической революции пролетариата метрополии»⁴. Царизм обязательно бы примерно наказал не только повстанцев, но и весь кыргызский этнос, поставив его на грань вымирания. Таким образом, работы Ю. Абдрахманова представляют интересные источники для исследователей трагических событий 1916 г.

К 100-летию юбилею восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. подготовили сборник соответствующих документов и материалов о нем российские специалисты⁵. Т.В. Котюкова отмечает в издании, что «в 1920–1960-е гг. вышел целый ряд интереснейших сборников документов и документальных публикаций, посвященных восстанию»⁶. Любопытно, что в 2016 г. она не упоминает ни об изданном в 1998 г. казахстанском двухтомном сборнике источников, ни о кыргызстанских собраниях документов и материалов 2011 и 2015–2016 гг. При этом она утверждает, что «в истории трагедии остается еще много лагун и белых пятен»⁷. Котюкова, видимо, не подозревает о том, что многие из них уже были восполнены усилиями профессиональных специалистов Кыргызстана и Казахстана. Но зато в предисловии к сборнику она указывает на новые находки по теме восстания 1916 г., нашедшие в нем отражение⁸. Это можно только приветствовать, однако новые находки имеют разный исследовательский вес применительно к рассматриваемой нами главной проблеме. Но что есть в этом сборнике, так это оплошности его составителей. Например, приводится «Письмо начальника Андижанского уезда полковника П.П. Иванова...»,

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе: Кыргызстан, 1991. 320 с.

² Там же. С. 221.

³ Там же. С. 229.

⁴ Там же. С. 230.

⁵ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. 468 с.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 18–23.

а под ним подпись: «и. д. начальника уезда подполковник Иванов»¹. Непонятно, повышен или, напротив, он был понижен ими в воинском чине. Котюкова пишет о том, что во время восстания 1916 г. «царь мог издавать только три вида документов: “Указ Правительствующему Сенату”, “Манифест” и “Рескрипт”. В годы первой мировой войны, когда Николай II взял на себя командование войсками, к ним добавился еще “Приказ по армии и флоту”»². Это не так. После «Основных законов» 23 апреля 1906 г. царь издавал (утверждал) любые акты: «именные» («высочайшие») указы, утверждал положения об управлении территориями, положения Совета министров, положения Военного совета, разные правила, мнения Государственного совета, уставы различных обществ и товариществ и мн. др., акты, принятые Государственной думой, тоже вступали в силу только после царской «конфирмации». Таким образом, власть российского самодержца фактически не имела ограничений вплоть до своего падения.

Безусловно, документальное богатство вышеприведенных сборников документов и материалов использовалось нами в данном исследовании. Однако за десятилетия исследовательской работы у нас накопилось много источников из архивохранилищ бывших среднеазиатских республик СССР, а также документов из центральных российских архивов, некоторые из которых в той или иной мере связаны с восстанием 1916 г. В частности, любопытным источником является полный текст дневника архимандрита Иринарха из архивного дела Центрального государственного архива Кыргызстана, но, к сожалению, без указания листов/страниц³. При этом нельзя не отметить, что часть дневника была опубликована кыргызстанским историком Е.Е. Озмитель⁴.

Особо хотелось бы отметить важность для исследования материалов Фонда Канцелярии туркестанского генерал-губернатора, отложившегося в Центральном государственном архиве Узбекистана. Нам пришлось в свое время прочитать множество докладных записок этого административного звена по самым разным поводам, и надо признать, что генерал-губернаторы менялись (иногда часто), но главная Канцелярия Туркестанского края всегда работала одинаково – усердно, каждодневно, добросовестно, ответственно и т. д. и т. п. Однако среди докладных записок, подготовленных краевой Канцелярией, встречались и сырые, недостаточно проработанные, угодливые, подстроенные под «главноначальствующее» мнение и, конечно, откровенно ошибочные, выражавшие неспособность Канцелярии понять истинную сущность проблем, что напрямую относилось и к восстанию 1916 г., когда в чехарде событий было трудно быстро, ясно, четко и точно определить вектор необходимых действий. Но отрицать то, что краевые канцеляристы фактически в абсолютном большинстве случаев ставили правильный «диагноз» возникшему вопросу, было бы в корне ошибочным. Краевая Канцелярия хорошо знала то, о чем она писала в своих «докладных», так как именно ее мнение, как правило, утверждалось высшим лицом в крае и представлялось уже как личное указание последнего. Сказать о том, что Туркестанским краем, по сути, управляла краевая Канцелярия, значит ничего не сказать – так оно было всегда и везде в России, высшие лица не могли сами решать все вопросы, вникая в детали и подробности великого множества дел. Канцелярии решали всё основательно

¹ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. С. 114.

² Там же. С. 39.

³ ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 45 – Дневник настоятеля Иссык-Кульского монастыря о восстании киргизов. 70 л.

⁴ См.: *Озмитель Е.Е.* Православие в Киргизии: XIX–XX вв.: Исторический очерк. Бишкек: Изд-во КРСУ. 2003. С. 154–159.

и со знанием дела. Нельзя сказать, что все туркестанские генерал-губернаторы были людьми слабыми, малознающими и всецело полагавшимися на мнение краевой Канцелярии. Все они были по-своему оригинальными людьми, даже такие, как генерал А.Б. Вревский. Но были среди них и, безусловно, выдающиеся личности: К.П. Кауфман, М.Г. Черняев, Н.И. Гродеков. Но и они, имевшие по многим позициям свое исключительное мнение, в разной степени объективное и безошибочное, всё же зависели от оценок и анализа ситуации со стороны краевой Канцелярии, более эффективной в решении многих вопросов хотя бы потому, что она была органом коллегиальной мысли, более знающей, взвешенной, ясной, трезвой, учитывающей все мелочи вопроса, в меру беспристрастной, объективной, честной и т. д.

С интересом мы ознакомились с результатами полевых исследований российского исследователя О.И. Брусиной в Прииссыккулье в 1993 г., где она встречалась с теми, кто помнил о восстании 1916 г.¹ Но мы лично общались с десятками (если не сотнями) его участников и очевидцев в период проживания в городе Пржевальск (ныне Каракол) в 1955–1960 гг., 1971–1992 гг. и в городе Чимкент и Южно-Казахстанской области в 1960–1965 гг.

В качестве источников мы привлекли к исследованию средства массовой информации, прежде всего туркестанские и иные газеты. Современный узбекистанский исследователь О.Г. Пуговкина справедливо пишет о том, что газета «Туркестанские ведомости» является «ценным источником по истории, географии, археологии и этнографии Средней Азии»². Газета регулярно информировала общественность о ходе восстания 1916 г. в Туркестанском крае, как правило, в разделе «Местная хроника»³. Кроме того, сведения о восстании публиковались и в таких региональных изданиях, как «Туркестанский курьер», «Туркестанские епархиальные ведомости», «Туркестанская туземная газета» и др. Нами использовались публикации некоторых центральных российских средств массовой информации – «Новое время», «Свет», «Русское знамя» и др.

Подводя итог вышеизложенному, по нашему убеждению, таких источников, на основании которых можно понять сущность процесса, более чем достаточно. Безусловно, появление новых сведений о нем можно только приветствовать. Не менее желательны новые аспектные исследования восстания 1916 г. Например, необходимо серьезное изучение его влияния на экономическую жизнь Туркестанского края (промышленность, транспорт, сельское хозяйство, финансы и т. п.) и среднеазиатских ханств, на внешнеполитические обстоятельства, на межконфессиональные отношения и др. Но они будут только дополнением к уже имеющемуся, признанному большинством ученых взгляду на восстание коренного населения Средней Азии и Казахстана, его ход и последствия. Будущее изучение обстоятельств восстания 1916 г. видится нам как исследование пока еще неизвестных сторон и аспектов этого народного движения. Расширение на основании имеющихся и вновь появляющихся источников спектрального анализа событий рассматриваемой исторической трагедии является, на наш взгляд, главной задачей для историков России и молодых независимых и суверенных государств «Центральной Азии».

¹ См.: Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 461–466.

² Пуговкина О.Г. «Туркестанские ведомости»: штрихи к портрету главного редактора Н.Г. Маллицкого // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2010. С. 298.

³ См.: Местная хроника // Туркестанские ведомости. 1916. № 151; 205, 207, 209, 210, 212, 214, 217–219, 222, 233, 234, 253; 1917. № 32, 136.

Методология

Методология научных исследований сегодня возведена в ранг некоего фетиша, критическое отношение к которому как постулату считается *mauvais ton* – дурным тоном. Это – эхо советского периода, когда разделы о методологии считались обязательными для научных работ любого уровня. Российский востоковед А.К. Аликберов считает, что «подчинение содержания работы общей методологии является признаком академического труда»¹.

С ним трудно не согласиться, так как существуют даже академические труды, слабоватые в методологическом отношении. Примером тому могут служить, в частности, сочинения выдающегося российского востоковеда, академика В.В. Бартольда. Видный советский историк А.Ю. Якубовский указывал, что тот «не преодолел в себе идеалистической методологии и это, прежде всего, сказалось в том, что до конца жизни он так и остался во власти преувеличенного представления о роли культурных влияний»². Российский исследователь номадизма С.Г. Кляшторный справедливо отмечал, что «было бы ошибочным видеть в концепции, изложенной В.В. Бартольдом, сколько-нибудь последовательное отражение его перехода на подлинно материалистические позиции – марксизм как единая и цельная концепция исторического мировоззрения оставался ему чужд»³. Нам пришлось самым серьезным образом изучить все работы, вошедшие в девятитомное собрание его сочинений, сделать массу полезных выписок. И мы не могли не обратить внимания на то, что чрезвычайно насыщенные оригинальными материалами работы академика не раз удивляли известной наивностью его выводов – академик В.В. Бартольд, действительно, до конца своей жизни так и не встал на рельсы марксистского понимания всемирно-исторического процесса. Кроме методологических у него были и иные ошибки. Так, например, он называл «золотую грамоту» Кауфмана «золотой книгой»⁴. И если исходить из внешних признаков этого документа, а особенно его содержания, то такая ошибка академика не кажется нам невинной. Академик ошибался даже в элементарных вещах. Например, он считал, что Туркестанская область была образована «Высочайшим указом от 6 августа 1865 г.»⁵. Но известно, что образование этой области состоялось ранее – в феврале 1865 г.⁶. Что же касается 6 августа 1865 г., то в этот день было «высочайше» утверждено «Временное положение об управлении Туркестанской областью»⁷. Академик допускал и иные подобные неточности.

После распада СССР и краха коммунистической идеологии многие исследователи отшатнулись от марксизма как теории и метода, полагая, что в условиях нахлынувшей «демократии», свободы мысли они найдут нечто более методологически совершенное. По мнению казахской исследовательницы Е. Сыздыковой, «марксистско-ленинская теория как единая методология исследования чрезвычайно сужала исторический контекст»⁸. Она права, хотя следует уточнить, что его ограничивала официальная теория как методология, а не марксизм как философия и метод познания. Историк Л.Б. Алаев пишет о том, что базисом

¹ Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: Сб. ст. ... С. 12.

² *Якубовский А.Ю.* Предисловие // Бартольд В.В. Соч.: в 9 т. Т. 1. М., 1963. С. 7.

³ *Кляшторный С.Г.* Предисловие // Бартольд В.В. Соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1968. С. 15.

⁴ *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Соч.: в 9 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 358.

⁵ Там же. С. 357.

⁶ Именной, объявленный Сенату Военным Министром – Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792. С. 184.

⁷ Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской областью. 6 августа 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42372. С. 876–881.

⁸ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 362.

ошибочных положений Маркса являлся европоцентризм, так как он писал о Западной Европе¹. Это сомнительное заявление, так как К. Маркс препарировал развитие общественно-исторического процесса в передовых развитых странах, поскольку изучать его сущность следовало на лучших примерах. Вместе с тем, как известно, Маркс писал и об «азиатском» способе производства. Во всяком случае, правильность его историко-материалистических прогнозов была в последующем убедительно доказана. Например, Маркс еще в 1862 г. в статье «Китайская война» предрекал, что дешевая рабочая сила китайцев кардинальным образом изменит облик мирового экономического развития. Алаев наивно указывает, что «понимание классовой борьбы Марксом и Энгельсом тоже может быть оспорено. Они упирали на **борьбу**, в то время как на протяжении большей части истории классы **сотрудничали**, иначе общества не могли бы существовать»² (выделено автором. – *П.Л.*). Во-первых, сотрудничество разных социальных групп людей не отменяет борьбы между ними, что происходит в жизни сплошь и рядом. Во-вторых, можно утверждать, что классовая борьба подтверждает универсальный закон диалектики о единстве и борьбе противоположностей, отменить действие которого никто не в силах. Мао Цзэдун писал о том, что из трех законов диалектики, провозглашенных марксизмом, «в два из них я не верю – *основной закономерностью является единство противоположностей, переход количества в качество есть единство противоположностей*, а отрицания отрицания вообще не существует»³ (курсив наш. – *П.Л.*).

Стало популярным обращение к «передовой» западной теоретической мысли. Вошло в моду увлечение теориями «вестернизации»⁴. В борьбе с методологическим наследием прошлого исследователи как-то «незаметно» выкинули «вместе с водой из корыта ребенка», а именно – универсальный диалектический метод познания. Некто А.Н. Медушевский, редактировавший одно время даже главный исторический журнал России, заполнил статью о предреволюционных годах в царистской империи, относящуюся, кстати, и к пониманию времени восстания 1916 г., такими словесными «перлами»: «конфликт легитимности и законности», «конституирующая и конституционная власть», «институциональные ловушки», «неоинституциональный подход», «в контексте концепций переходных процессов», «транзитологические подходы», «универсальная текстологическая закономерность», «разрыв социальной границы», «подавленное рефлексивное поведение масс», «нарративные механизмы», «всесильная Конституанта», «продолгование ситуации неопределенности», «институциональная нестабильность», «деструктивные антиконституционные силы, представленные суррогатной системой», «спонтанная психологическая реакция масс на подавление базовых инстинктов», «эрозия легитимности» и др.⁵. И в прочих трудах он демонстрирует поразительную «ясность» мысли: «В очевидном противоречии с консервативной постмодернистской философией историзм провозглашается другим ключевым методом в отношении не только общей ретроспективной ориентации социологической теории, но и романтической идеализации будущего как возврата в прошлое»⁶.

¹ Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: Сб. ст. ... С. 31.

² Там же. С. 34.

³ Маоизм без прикрас: Сб. / под ред. О.Е. Владимирова. М.: Прогресс, 1980. С. 66.

⁴ Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 41–43.

⁵ Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3–27.

⁶ Медушевский А.Н. К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // Российская история. 2012. № 1. С. 7.

«Новые методологии» изначально представлялись нам мыльными пузырями – их век короток. Сегодня адепты цивилизационной методологии попрекают сторонников формационного подхода в том, что он якобы полностью зиждется на истмате, насквозь пропитанном коммунистической идеологией. Мы находим такое отождествление диалектической методологии с историческим материализмом неправомерным, поскольку еще в советские времена никто из серьезных ученых его не признавал, не отрицая, однако, при этом связи между ними. Исторический материализм есть не что иное, как социология марксизма. И не более того. Зарубежный марксист Г. Лукач в книге «Разрушение Разума» (Берлин, 1954) писал: «Исторический и диалектический материализм является тем всеобъемлющим взглядом, в котором поступательный характер и рационально познаваемая закономерность истории выражены в наивысшей форме и фактически является единственным исчерпывающим взглядом, который может дать последовательное философское обоснование прогрессизму и разумности»¹. Как известно, связь иногда существует даже между разнородными понятиями и объектами. И вообще, в конечном счете, в мире всё взаимосвязано. Этому нас учит диалектика, и мы упоминаем здесь о ней не только «кстати», но и потому, что за методологическими распрями «цивилизационщиков» и «формационщиков» скрывается часто небрежение диалектикой или забывчивость о ней. Образно говоря, за деревьями многие не видят леса. В методологических дискуссиях о том, что правильнее – цивилизационный или формационный подходы, забывают о диалектике, которая никогда не была классово и «провинилась» лишь в том, что ее некогда оправданно взяли на вооружение К. Маркс и Ф. Энгельс, позже В.И. Ленин, а за ним – официальное советское марксистско-ленинское обществоведение. Но люди такого ума не могли выбрать для руководства «абы что». Это первое. Второе. Диалектику открыли не вышеуказанные лица, а еще древние философы, идеи которых обобщил и усовершенствовал знаменитый Гегель. Диалектический метод приобрел популярность в российской гуманитарной мысли еще до становления марксизма как теории. Диалектику, например, отстаивал В.Г. Белинский, которого никак нельзя обвинить ни в марксизме, ни в социализме, ни в коммунизме. Он писал: «В движении исторических событий, кроме внешней причинности, есть еще и внутренняя необходимость, дающая им глубокий внутренний смысл: само движение событий есть не что иное, как движение из себя самой и в себе самой диалектически развивающейся идеи. И потому в общем ходе истории, в итоге исторических событий нет случайностей и произвола, но всё носит на себе отпечаток необходимости и разумности. Такой взгляд на историю далек от всякого фатализма: он допускает и произвол, и случайность, без которых жизнь была бы механически несвободна»².

Можно стоять на любой методологической платформе – цивилизационной, формационной, неопозитивистской, конструктивистской, структуралистской, фрейдистской и прочей. Но если пренебрегать диалектикой, то никакого позитивного результата ни в одном исследовании, как бы оно ни было нашпиговано интересными фактами, материалами и т. п., не добьешься. Только действительно диалектический подход может дать указанный результат. В процессе исследования «работают» все универсальные законы и категории диалектики – в сложном переплетении, органическом единстве, которое достижимо только в том случае, когда они действуют все вместе, синхронно, так как при «забегании» вперед какого-либо компонента подлинный диалектический анализ проблемы (или совокупности проблем) становится, по определению, как бессмысленным, так и невозможным. Только

¹ Цит. по: *Штраус Лео*. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 129.

² *Белинский В.Г.* История Малороссии Николая Маркевича. М., 1842 // Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1979. С. 231.

синхронное действие законов и категорий диалектики в исследовании может сделать его действительно продуктивным. Такая синхронность, однако, не означает, что в исследовании какие-то определенные элементы диалектики не могут выступать на первом плане как основные. Могут и должны, при этом, однако, не мешая всем другим законам и категориям диалектики действовать с ними слаженно, как действуют цилиндры в исправном двигателе внутреннего сгорания.

В нашем исследовании основными являются все три универсальных закона диалектики, а также категории общего, единичного и особенного, необходимого и случайного, причины и следствия, возможного и реального и проч. Диалектика их взаимосвязи не проста, так как они имеют склонность к перемещению (превращению одной категории в другую), поскольку различие между ними относительно. В процессе исследования, в зависимости от рассматриваемых проблем, «особенное» может рассматриваться иногда как «единичное», и наоборот. И это не игра, не жонглирование категориями диалектики, а естественный процесс грамотного и эффективного познания. Главное, чтобы, смещаясь, заменяя друг друга, они «работали» все вместе, согласованно, синхронно, в органическом единстве – без опережения одной других. Всё вышеуказанное будет нашим главным методологическим ориентиром в данном историческом исследовании.

В настоящее время представляется очевидным возвращение диалектического метода в историческую науку. Исследователь В.П. Кохановский пишет: «Диалектизация науки как ее важнейшая закономерность означает все более широкое внедрение во все сферы научного познания идеи развития (а значит, и времени) Причем именно во все науки, а не только в так называемые «исторические науки»¹ (курсив авт. – *П.Л.*). Он отмечает, что «процесса диалектизации современной науки нельзя не заметить или обойти его стороной». Дело в том, что, как не без основания замечает академик А.Б. Мигдал, «ученые всего мира, как правило, мыслят диалектически, не называя и не формулируя “законов диалектики”, а руководствуясь здравым смыслом и научной интуицией»². Поскольку диалектика является душой марксизма и его методологии, то ее «реанимация» является объективным требованием времени.

Исследователи Т. Кунце, А.К. Аликберов и М.А. Рахимов пишут о том, что к концу XX в. «выяснилось, что марксистская теория истории может быть еще востребована в XXI в.»³. Они указывают: «Историческая наука на всём постсоветском пространстве в последнюю четверть века постепенно начала выходить из состояния некоторой методологической растерянности, в которой она пребывала накануне и в первые годы после распада СССР. Однако теоретико-методологическое переоснащение исторического знания после отказа от концептуальных ориентиров в виде господствующих на протяжении многих десятилетий марксистских приоритетов, как показала практика, оказалось довольно непростым делом. Этот процесс потребовал и продолжает требовать со стороны специалистов серьезных интеллектуальных усилий, направленных на практическое переосмысление теоретической базы исторической науки и на упорядочение ее терминологии»⁴.

Процесс возвращения к истокам марксистской методологии затронул и исторические школы стран «Центральной Азии». Узбекский исследователь В.С. Хан пишет: «Несмотря на декларацию оппозиции советской науке и идеологии, в ОНГ (общественно-гуманитарные науки) на постсоветском пространстве, и особенно в странах Центральной Азии, можно об-

¹ Кохановский В.П. *Философия и методология науки: Уч. для вузов.* Ростов н/Д.: Феникс, 1999. С. 105.

² Цит. по: Кохановский В.П. *Философия и методология науки...* С. 106.

³ Кунце Т., Аликберов А.К., Рахимов М.А. Предисловие // *Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: Сб. ст. ...* С. 6.

⁴ Там же. С. 6.

наружить явные следы советского наследия (как по форме, так и содержанию)»¹. По его мнению, большинство обществоведов на постсоветском пространстве следуют методологическим принципам, выработанным в советской науке. Хан считает, что отказ от марксистско-ленинской методологии «после распада СССР для многих преподавателей, особенно в Центральной Азии, имел *формальный* характер»² (курсив авт. – *П.Л.*). Хан отмечает, что в странах Центральной Азии идет процесс пересмотра своего прошлого. При этом он пишет: «Возьмем центральноазиатскую *историю*. Историки региона клянутся в объективности, которая в подавляющих случаях на поверку оказывается ее этноцентрической версией (казахской, киргизской, таджикской, туркменской, узбекской). Этноцентризм является одним из базовых принципов обществензнания в постсоветских национальных республиках...»³ (курсив авт. – *П.Л.*). Узбекский исследователь Ш.Б. Мухамедов пишет о новых подходах в оценке прошлого, указывая, что в новых учебниках по истории Узбекистана нет никакой русофобии⁴. Видимо, до их появления она все-таки была в «старых» учебниках. Вообще, для историографии стран «Центральной Азии» характерны разного рода методологические шатания. Так, например, ташкентский историк В.А. Иванов, ссылаясь на мнение англичанина Дж.Р. Сили, высказанное на рубеже XIX–XX вв., пишет о том, что «история все-таки имеет сослагательное наклонение»⁵. Он считает, что «включение Средней Азии в состав Российской империи, будучи событием, безусловно, грандиозным по своим масштабам, не было подчинено роковой необходимости, но был возможен иной характер межкультурного взаимодействия»⁶. Мы сомневаемся в этом. Сослагательность в истории может быть, по нашему убеждению, только гипотетическим предположением, допустимым в научных исследованиях лишь как возможный вариант (альтернатива) развития тех или иных событий. На наш взгляд, всемирно-исторический процесс провиденциален, и в нем случается только то, что в него единственно было заложено. В этом нет никакого идеализма, мистики, фантазии и проч. Это можно считать роком, судьбоносным предназначением. Но он не иррационален, он – плод всей совокупности условий развития, в которых изначально живет мир. Тот, кто познал эти условия, способен правильно понимать прошлое, настоящее и прогнозировать будущее. А сделать это можно только с помощью диалектики. В сентябре 2004 г. мы отмечали в газете «Слово Кыргызстана», что «в своей глубинной сущности диалектика провиденциальна, т. е. всегда и во всем будет именно так, как это предопределено ее законами, которые являются не чем иным, как выражением *всеобщей закономерности, взаимосвязи и целесообразности Бытия*. ... Не исключаем, что все наши доводы о диалектике как перманентно действующем отражении Провидения могут быть восприняты как сугубо теоретические абстракции, в реальной жизни очевидным образом ничем не подтверждаемые, в связи с чем их нельзя рассматривать в жизненной конкретике. Это будет ошибочным. Для нас нет сомнений в том, что все мы подвержены влиянию энергетики вечного и бесконечного Мироздания»⁷ (курсив наш. – *П.Л.*). Кстати, в той же статье мы писали о том, что исторически «в свое время было предопределено, чтобы народы нынешней Центральной Азии

¹ Кунце Т., Аликберов А.К., Рахимов М.А. Предисловие // Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: Сб. ст. ... С. 44.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Иванов В.А. Россия – Средняя Азия» и роль фактора случайности в истории их взаимоотношений // Востокведческие чтения памяти Н.П. Остроумова: Сб. мат-лов. Ташкент, 2008. С. 69.

⁶ Там же.

⁷ Литвинов П.П. Исторический, судьбоносный // В конце недели: Прил. к газ. «Слово Кыргызстана». 2004. № 96. 10 сентября. С. 9.

соединили свои судьбы с Россией»¹. Разумеется, были альтернативы этому обстоятельству, однако они не состоялись, так как это не было предусмотрено диалектикой тогдашнего мирового развития.

Российский историк А.К. Аликберов пишет о том, что возникает вопрос: «Должна ли методология истории выполнять функцию единственно верного “руководства к действию”, как, например, в свое время марксизм в его ленинской интерпретации, или достаточно того, чтобы исследователь самостоятельно отбирал наиболее актуальные и перспективные для своей темы концепции истории»². Мы полагаем, что он должен быть самостоятельным, однако его подходы и методы должны быть диалектичными. Аликберов совершенно прав в том, что без идеологии «существование человека и общества невысказимо», однако «идеология неприемлема как основа методологии науки»³. Он отмечает, что «методология исторического исследования должна обладать внутренней целостностью и завершенностью»⁴.

Мы тоже стремились к этому. По нашему мнению, методология является, по сути, идейно-концептуальным остовом исследования. Поэтому игнорировать ее в процессе изучения тех или иных проблем невозможно. Считаем необходимым указать, что во время научно-исследовательской работы нами применялись принципы историзма, научной объективности, целостности, детерминизма и др., всеобщие, общенаучные и частнонаучные методы, а также подходы: эволюционный, системный, структурно-функциональный, формационный, цивилизационный и др. Естественно, что в качестве *всеобщего* в исследовании выступает *диалектический метод*. Среди общенаучных (основных) методов применялись историко-генетический, сравнительный, историко-типологический и др. Среди частнонаучных можно выделить методы специальных исторических дисциплин – этнологии, археологии, архивоведения, исторической географии, исторической антропологии и др.

На основании всего вышеизложенного в данной главе можно прийти к выводу о том, что автор обеспечил настоящее исследование достаточным объемом историографического материала как отечественного, так и зарубежного, относящегося к дореволюционному, советскому и современному периодам, дал ему посильную профессиональную оценку. К работе был привлечен обширный круг источников, большинство из которых составили опубликованные в разные времена в «центре» (Москва) и на местах – в республиках Средней Азии и Казахстане, ныне независимых и суверенных государствах. Вместе с тем использовались и личные архивные и иные материалы автора. Работа осуществлялась на базе тех методологических подходов и принципов, которые автор как приверженец диалектики считает единственно верными и максимально эффективными в процессе грамотного исторического исследования.

¹ Литвинов П.П. Исторический, судьбоносный // В конце недели: Прил. к газ. «Слово Кыргызстана». 2004. № 96. 10 сентября. С. 9.

² Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: Сб. ст. ... С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 17.

ГЛАВА 2

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА

Любое событие во всемирной истории всегда имеет свои предпосылки. Их часто путают с причинами, что, на наш взгляд, неправомерно. Известный «Словарь русского языка» С.И. Ожегова трактует предпосылки как «предварительное условие чего-нибудь»¹. Он же изъясняет понятие причины как «явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления»². С точки зрения профессионально-исторической, оба определения близки друг другу по смыслу, но, на наш взгляд, не отражают сущности указанных дефиниций. Мы полагаем, что предпосылки – это формирующаяся во времени цепь событий, сходных по своему содержанию с рассматриваемым историческим явлением, с которыми оно связано, и вытекает из них. По сути, это предыстория восстания 1916 г. в региональном и временном измерении. Что касается причин восстания, то они рассматриваются в специальном разделе данного исследования.

Совершенно очевидно, что восстание 1916 г. нельзя рассматривать вне контекста освободительной борьбы коренного населения Средней Азии как до, так и после прихода России в регион. Сотрудник Ферганской межевой комиссии Т-ов писал о том, что еще во времена ханского владычества мусульмане Средней Азии не раз восставали против угнетения, за идеалы братства, равенства, свободы и т. п. И всегда повсеместно «неизменно фигурировало зеленое знамя пророка, покрывающее собой все истинные причины событий. Таким образом, фанатизм являлся лишь маской, так как другой великой, побуждающей к протесту силы, кроме религии, в народе не было»³. Таким образом, Т-ов считал фанатизм второстепенной причиной народных выступлений. Во время выступлений против власти трудящиеся массы накапливали боевой и иной опыт, ощущали свою силу и достоинство, проникались уверенностью в своих силах и духом сопротивления силам зла и несправедливости. Восстания подавлялись, но историческая память народов региона сохраняла славные страницы прошлого и имена его героев, придавала им фольклорную рефлексию. Например, так кыргызы и казахи Старшего жуза отреагировали на агрессию Кокандского ханства в первой половине XIX в. Известия о народной борьбе против власти в том или ином месте Средней Азии широко распространялись среди всего регионального социума и вызвали у него соответствующую реакцию. Если бы восстание 1916 г. не имело такой предыстории (предпосылок), то оно вряд ли приобрело бы то выражение, с которым столкнулась царская власть в последний год своего существования в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах (краях).

Вообще, говоря о предпосылках восстания 1916 г. в Средней Азии, нельзя игнорировать факты истории выступлений коренного населения региона, которые начались вскоре после утверждения русской власти в Туркестане. А они свидетельствуют о том, что мусульманское духовенство Туркестана всегда исподволь поддерживало многие выступления антирусских и антиправительственных исламских сил. Французская исследовательница Х.К. д'Анкосс пишет о том, что «с самого начала российского завоевания антирусская пропаганда

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М: Рус. яз., 1983. С. 514.

² Там же. С. 535.

³ Т-ов. Андижанское восстание и его причины // Исторический вестник. 1908. Май. С. 666.

спорадически возникала в Средней Азии»¹. Например, в 1870 г. она оказала «воспитывающее» воздействие на казахского бия (из бывшего Старшего жуза) Ута-Телау (так писалось его имя в документах), который поднял восстание против русских в 1871 г. Мятеж беспокойного бия был подавлен, а сам он был пойман, но наказан достаточно мягко – власти не хотели обострять отношения с местным мусульманским населением². Х.К. д'Анкосс пишет о том, что «практически со дня своего утверждения в Средней Азии русские власти пребывали в состоянии страха перед возможными восстаниями мусульманского населения, которое хитрое исламское духовенство могло довести до крайнего фанатизма»³.

В Ходженте в 1872 г. вспыхнул мусульманский мятеж в связи с начавшейся кампанией оспопрививания. Эту гуманную акцию русских военных властей, направленную на спасение «туземцев» от страшного заболевания, духовенство «разъясняло» желанием «кафиров» забрать мусульман на службу в армии. Об этом восстании подробно пишет исследователь А.И. Стеценко⁴. В начале 1873 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман получил правдивую записку от неизвестного лица о причинах волнений в Ходженте в 1872 г. и отправил ее начальнику Главного штаба Ф.Л. Гейдену для сведения⁵.

Восстанию 1873–1875 гг. в Кокандском ханстве, направленному против его правителя Худояр-хана, духовенство придало антирусский характер на том основании, что он «дружит с русскими и отвратил свое лицо от страны мусульман». Духовенство объявило газават – «священную войну» против русских. Видный киргизский ученый, академик Б. Джамгерчинов писал о том, что в этом восстании «реакционный лозунг “газавата” отталкивал народы Средней Азии от русского народа и воспитывал в них реакционную идею национализма, разжигал вражду между народами Средней Азии и великим русским народом»⁶ (курсив наш. – П.Л.).

Во второй половине 1870-х гг. в Ферганской области (и одноименной долине) развернулось антирусское движение «джетым-ханов» (лжеханов), в борьбе с которым принимал участие и знаменитый русский генерал М.Д. Скобелев⁷. Оно, безусловно, вдохновлялось исламским духовенством, использовавшим религиозный фанатизм мусульман недавно образованной (на основе бывшего Кокандского ханства) Ферганской области, включенной в 1876 г. в состав Туркестанского края. Так, в середине 1870-х гг. в Наманганском отделе Ферганской области действовали отряды Батырхан-тюри, сосланного позже в Олонецкую

¹ D'Encausse H.K. Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. London, 1988. P. 66.

² См.: ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 3052 – О беспорядках, произведенных по рапорту военного губернатора Сыр-дарьинской области. Л. 1–6; ЦГА Узб. Ф. И-1396 (Штаб Туркестанского военного округа). Оп. 2. Д. 71 – Рапорты командующего войсками Сыр-дарьинской области о подавлении восстания бия Ута-Телау. Л. 2–35.

³ Central Asia. A century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth. New-York – London: Columbia Univ. Press, 1967. P. 162.

⁴ Стеценко А.И. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX – начале XX в. (1870–1917 гг.). Душанбе, 1963. С. 96–97.

⁵ РГАДА. Ф. 1385 (Остен-Сакен Ф. Р.). Оп. 1. Д. 688 – Записка фон Кауфмана к Ф.Л. Гейдену о возвращении записки неизвестного лица о причинах волнений в Ходженте 1872 года (14 января 1873 г.). Л. 1–2.

⁶ Джамгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии XIX века. Фрунзе, 1966. С. 373.

⁷ См.: Отдел рукописей РНБ (С-Петербург). Ф. 874 (Архив С.Н. Шубинского). Оп. 2. Д. 140 – Рапорт Скобелева М.Д. (ген-май.) командующему Туркестанским военным округом К.П. фон Кауфману о поимке Джетым-хана от 5 октября 1876 г. Л. 1–7.

губернию¹. Во всех выступлениях принимали участие номады, преимущественно кыргызы. Туркестанский чиновник А.Л. Кун еще в 1876 г. писал о том, что «побуждаемый из ненависти к богатому сарту, пользующемуся лучшими условиями жизни... кочевник скоро пристает к поднимающему знамя восстания»².

Профессор А.В. Пясковский отмечал, что до конца XIX в. в Русском Туркестане (Ферганской долине) имели место около 600 восстаний «джетым-ханов», и все они проходили под лозунгами «газавата»³. У Х.К. д'Анкосса есть иная статистика. Она приводит такие данные по антирусским выступлениям в Туркестане: в 1899 г. – 50, в 1905 г. – 235, в 1907 г. – 346, в 1916 г. – 382, в 1917 г. – 547⁴. Она пишет о том, что больше всего выступлений против русских было в Ферганской области (бывшем Кокандском ханстве. – *П.Л.*): за период 1899–1917 гг. – 2249, тогда как за этот же период по другим областям Туркестанского края – 4922 выступления⁵. В Семиреченской области в этот период произошло 283 выступления, в Сырдарьинской – 398, в Закаспийской – 775, в Самаркандской – 1215⁶. По мнению Х.К. д'Анкосса, все эти выступления мусульман Туркестана были «более социальными движениями, нежели религиозными»⁷. И с ней можно согласиться. Так, например, исследователь А.И. Стеценко повествует о забастовке рабочих хлопковых плантаций товарищества «Кудрин и К^о» в 1889 г. в Ходжентском уезде Самаркандской области, а также весьма подробно – о волнениях в кишлаке Гузы Пенджикентского участка Самаркандского уезда Самаркандской области⁸. В том же году имели место волнения в местности Корантак Ура-Тюбинского участка. И в 1909 г. тут они были, и в них не было религиозных (исламских) причин, а присутствовали чисто социально-экономические, классовые. Вместе с тем, несмотря на вышеприведенное, Х.К. д'Анкосс, противореча себе, считает, что активные антирусские восстания начались с 1885 г. и «все эти восстания происходили по одной схеме: они заканчивались как религиозные по своей сути, принимая нередко форму “священной войны” против русских, иногда под флагом восстановления независимости Кокандского ханства. Они обычно возглавлялись религиозными лидерами, преимущественно из суфийских орденов Туркестана»⁹. Она отмечает, что первым таким восстанием было движение под предводительством Дервиш-хана-тюри. Он поднял его в Андижане, Оше и Маргилане, «но русские быстро разбили его». Х.К. д'Анкосс пишет о том, что мусульманские восстания в Русском Туркестане имели столь глубокие корни и причины, что их не понимали даже такие люди, как Кауфман, Остроумов или Наливкин, – «как результат, даже самые благие намерения российской власти казались местному мусульманскому населению дьявольскими только потому, что они исходили от русских»¹⁰.

На основании вышеприведенной статистики выступлений мусульман Туркестанского края против русской власти есть основания полагать, что они держали царскую администрацию региона в перманентном напряжении. Поскольку, согласно шариату, газават может

¹ См.: Розберг, кап[итан]. Действия против шайки Батыр-тюря в Наманганском отделе // Русский инвалид. 1876. № 29 // Туркестанский сборник. Т. 150. Ташкент. С. 117.

² Кун А.Л. Очерк истории Кокандского ханства // Известия ИРГО. Т. 12. Вып. 1. 1876. С. 70.

³ Пясковский А.В. Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. М., 1958. С. 44.

⁴ D'Encausse H.K. Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia... P. 74.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Стеценко А.И. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX – начале XX в. (1870–1917 гг.)... С. 123–129.

⁹ Central Asia. A century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth... P. 163.

¹⁰ Там же. С. 165.

объявлять только исламское духовенство, то указывать на подлинных вдохновителей движения – «джетым-ханов» нет необходимости. Но следует отметить, что постоянное тревожное состояние в Туркестанском крае, особенно в Ферганской области в 1880–1890-х гг., нагнеталось улемами (авторитетные духовные лица в исламе), что отразилось во многих архивных делах, относящихся к тому времени¹. Представители духовенства часто непосредственно сами провозглашали себя «джетым-ханами» и становились главарями шаек, грабивших население под видом оказания им «помощи» в борьбе с «кафирами» – русскими. Любопытно, что военная администрация Туркестанского края проявляла к ним похвальное снисхождение. Так, например, известный «джетым-хан» Нусрат-хан, выдававший себя за «потомка Тамерлана и помощника самого Пророка», был приговорен всего лишь к одному году и четырем месяцам тюремного заключения, причем приговор утверждал лично сам император². В начале 1890-х гг. члены шайки «джетым-хана», обвинявшиеся в антиправительственной и антирусской пропаганде, получили трехмесячные сроки тюремного заключения, что также не вызвало никакого удивления у царя, подтвердившего такой приговор³.

Таким образом, у нас есть все основания утверждать, что в то время в Туркестанском крае (особенно в самой «исламистской» области – Ферганской) антирусские (в том числе и антиправительственные) настроения мусульманской массы поддерживались улемом в постоянном напряжении. Х.К. д'Анкосс справедливо отмечала полвека назад, что вследствие влияния духовенства «даже самые благие намерения российского правительства казались мусульманскому населению сатанинскими, если они исходили от русских»⁴. Поэтому многие авторы вполне оправданно писали о движении «джетым-ханов» как явлении в политической жизни Русского Туркестана. Так оно и было. В 1878 г. в Ферганской области имело место движение «джетым-ханов» во главе с Маматом. В 1882 г. в той же области обнаружилось новые претенденты в «джетым-ханы», которые пытались объявить газават. Как отмечалось, в 1885 г. началось движение в Андижанском и Маргиланском уездах во главе с Дервиш-хан-тюрей, тут же разгромленное. В 1892 г. восстание охватило Кокандский уезд Ферганской области. Кстати, в нем принимал участие и ишан Мухаммед-Али (Мадали) – будущий организатор андижанского мятежа 1898 г. и резни русских переселенцев. В 1893 г. в Кокандском уезде пытался поднять народ на газават Сабыр-хан. Еще до андижанских событий, в 1895 г., ишан из ордена Накшбендия Исмаил-хан-тюря был арестован в Аулие-Ате за то, что «собирал средства на священную войну против русских и вербовал мюридов»⁵. Однако власти не сделали из этого должных выводов. Газета «Туркестанские ведомости» справедливо отмечала в июле 1898 г., что мусульмане в Фергане (особенно кочевые) постоянно выступали против власти в 1870–1880-х гг.⁶.

Таким образом, в Туркестанском крае постоянно присутствовала грозная атмосфера антицаристских и антирусских выступлений коренного населения региона. Она напоминала

¹ См. напр.: ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 22. Д. 117 – О маргиланском курбаши Фазыл-Илаке; ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 508 – О волнениях народных умов в Ферганской области; ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 3 – О беспорядках в Ферганской области; ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 9 – Донесение Ферганского областного прокурора об открытом восстании коренного населения против русских властей; ЦГА Узб. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 587 – О враждебных отношениях жителей из местного населения к русским и о принятии против этого строгих мер; ЦГА Узб. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2004 – О беспорядках, произведенных кокандскими муллами из-за подложного налога и др.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 435 – Доклады министра юстиции царю. Л. 115.

³ Там же. Л. 393 об.

⁴ Цит. по: Central Asia. A century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth... P. 165.

⁵ Там же. P. 167.

⁶ См.: Андижанское дело // Туркестанские ведомости. 1898. № 56. 23 июля.

хроническое заболевание, которое не всегда сильно беспокоит человека, но периодически ощутимо напоминает о себе. Фактически каждый год в том или ином месте края происходили вспышки народного недовольства, которые, как правило, умиротворялись компромиссами властей с инсургентами, но нередко – и с применением вооруженных сил. Они не влияли существенным образом на краевую жизнь, но слухи о них распространялись среди коренного населения, подогревая в его среде соответствующие настроения. Туркестанские власти относились к ним спокойно, считая их естественным проявлением недовольства народа своим положением, которое наблюдалось практически во всех краях, губерниях и областях Российской империи. Однако иногда в Туркестанском крае происходили мощные выступления коренного населения, приобретавшие общегосударственную известность и требовавшие правительственных мероприятий для их подавления. Мы имеем в виду «холерный» бунт 1892 г. в Ташкенте и Андижанское восстание 1898 г.

Любопытно, что «Туркестанская туземная газета» писала по случаю праздника Пасхи в Ташкенте 5 апреля 1892 г. о том, что мусульмане тоже «радовались» торжеству православных, и выражала надежду, что «взаимная радость» проявит себя и летом, когда мусульмане будут отмечать праздник Курбан-байрам¹. Однако ее надежды не оправдались: исламский праздник совпал с распространением в городе и его окрестностях холеры, что вызвало восстание мусульман Ташкента. «Старый туркестанец» Г.П. Федоров писал о том, что «холерный» бунт среди мусульман возник из-за распоряжения русских властей засыпать в могилы при захоронении известь. «Этим распоряжением воспользовались некоторые фанатики-мусульмане и стали волновать чернь, проповедуя в мечетях, что правверный мусульманин от этого не попадет в рай Магомета»². Но о самом бунте Федоров писал без детальных подробностей, весьма обтекаемо, а они важны для понимания сущности «холерных» событий в Ташкенте. Действительно, в июне 1892 г. русские власти закрыли по случаю начавшейся холеры 12 мусульманских кладбищ в Старом городе и приказали хоронить всех умерших на особом «холерном» погосте. Однако они запретили не все ритуальные церемонии. Особо назначенные люди из мусульман совершали на «холерном» кладбище все обряды над покойниками по шариатским нормам и немедленно погребали их. В последующем «Обвинительный акт» гласил по этому поводу, что было воспрещено только «сопровождать умерших на кладбище массой – что составляет обычное явление у мусульман»³. Вряд ли кто сегодня станет утверждать, что такое решение властей было негуманным, не стремящимся спасти людей от еще большего распространения холерной заразы.

Характерно, что «советский историк З.Д. Кастельская писала по этому поводу, что русские власти своими санитарно-гигиеническими мерами «оскорбляли» религиозные чувства мусульман. По ее мнению, царские власти должны были спокойно взирать на разгул холерной эпидемии и не предпринимать никаких мер, лишь бы только не «оскорбить» религиозные чувства стремительно вымирающих людей»⁴. Так, видимо, считали жители Шейхантаурской части г. Ташкента, составившие 22 июня 1892 г. в мечети Таллак петицию на имя начальника города полковника С.Р. Путинцева, в котором утверждали, что меры русских властей враждебны исламу. В документе указывалось, что захоронение

¹ Туркестанская туземная газета. 1892. № 14. 11 апреля.

² Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906 годы) // Исторический вестник. 1913. Ноябрь. С. 458.

³ Обвинительный акт о туземцах Азиатской части города Ташкента (по поводу восстания 1892 года). Ташкент, 1892. С. 1.

⁴ Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени): Моногр. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 321.

холерных по приказу русских нарушает нормы шариата – покойников положено нести на руках, врачам нельзя осматривать трупы женщин, надо совершать в точности все похоронные обряды и т. п. Мусульмане требовали, чтобы захоронения продолжались на закрытых старых кладбищах, поскольку они не верили в то, что от этого может усилиться заражение холерой. В петиции «туземцев» отмечалось, что если они поступят против шариата, подчинившись приказу русских властей, то «опозорятся в глазах мусульман соседних государств»¹. Многие (но не все) представители исламского духовенства, турецкие и иные агенты распространяли по городу и его окрестностям слухи о злодействах «кафиров» (русских) над трупами мусульман. Агентура военного сыска доносила о том, что идут тайные захоронения по ночам.

Власти приняли жесткие меры по пресечению подобных действий. Однако это еще более накалило обстановку. Везде собирались толпы, призывавшие к газавату – «священной войне» с «неверными» – русскими. В обвинительном акте отмечалось, что имели место выкрики: «Если кто мусульманин, тот должен идти за нами!»². Любопытно, что за 20 лет до «холерного» бунта 1892 г., то есть в 1872 г., во время такой же опасной холерной эпидемии мусульманское духовенство само просило русские власти сгонять людей в мечети для того, чтобы они молились там о всеобщем спасении от смертоносной заразы. Однако военная администрация края, понимая, чем могут грозить во время эпидемии большие скопления людей в одном месте, отказала, но и не запретила мусульманам молиться в мечетях³. Это заставляет задуматься над ролью исламского духовенства во время «холерного» бунта 1892 г. в Ташкенте. Действительно, многие представители улема, особенно его высокообразованная часть, понимали истинный смысл санитарно-гигиенических мероприятий русской власти и поддерживали их. 30 июня 1892 г. 14 высших мусульманских лидеров, возглавляемых магистром накшбендийского ордена (братства) 80-летним ишаном Абуль-Касим-ханом, встретились с туркестанским генерал-губернатором А.Б. Вревским и представили ему документ, в котором осуждали бессмысленный бунт единоверцев⁴. Мероприятия русских властей поддержал старейший ташкентский казий Шариф-ходжа. Однако большинство мулл всё же оказались на противоположной стороне, разжигая антирусские настроения. И многие из них позже предстали перед судом.

В советской историографии (особенно в республиках Средней Азии) утверждалось, что «русский царизм» беспощадно и жестоко расправился с участниками ташкентского восстания 1892 г. Это далеко не так. Председатель военно-окружного суда генерал-майор Мордвинов оправдал 25 человек из 60 обвиняемых, то есть почти половину. И это при том, что в обвинительном акте они были представлены как нарушители статьи 31 «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.⁵. Мусульманская газета «Терджиман» писала 31 декабря 1892 г. (№ 48) о том, что все виновные в «холерном» бунте в Ташкенте в 1892 г. были приговорены к смертной казни, однако туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский отменил приговор военного суда и заменил казнь отбыванием больших сроков на каторге в Сибири. Главному аксакалу

¹ Обвинительный акт о туземцах Азиатской части города Ташкента (по поводу восстания 1892 года)... С. 2.

² Там же. С. 7.

³ Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы. 1878. Г. XIII. Кн. 7. Июль. С. 142.

⁴ Туркестанские ведомости. 1892. № 27. 7 июля; Туркестанские ведомости. 1892. № 50. 15 декабря.

⁵ См.: Обвинительный акт о туземцах Азиатской части города (по поводу восстания 1892 г.)... С. 1.

г. Ташкента Иногам-ходже дали четыре года тюремного заключения, а казия Ташкента лишь выслали из города в административном порядке¹.

Ранее зарубежные «специалисты» по истории Русского Туркестана, а ныне их коллеги из числа националистов – «историков» стран «Центральной Азии» утверждали и утверждают, что царизм-де проявлял беспредельную жестокость по отношению к борцам за «национальное освобождение». И это чистейшей воды ложь. Например, по результатам «холерного» бунта 1892 г. в Ташкенте было осуждено всего 17 человек. Лишь трое были приговорены к смертной казни, так как их руки были обагрены кровью русских солдат и гражданских лиц, в том числе медиков. Пятеро получили бессрочную каторгу, двое – 20 лет каторги, трое – 15. Еще трое получили всего по два года тюремного заключения, а один – 12 месяцев отсидки в «крепости»². Указанная ложь становится тем более очевидной, что холера и вызванные ею волнения среди населения были не только туркестанским явлением. Военный министр П.С. Ванновский писал во «Всепопданнейшем» отчете за 1892 г. о том, что «холерные» беспорядки в России имели место в истекшем году в Астраханской, Саратовской, Казанской и других губерниях, и к их «усмирению» были привлечены войска в количестве 194 рот и 41 казачьей сотни. Относительно ташкентского «холерного» бунта он отмечал, что «для подавления вызванных холерою беспорядков было наряжено... в Туркестанском округе 24 роты и 4 сотни»³. Ванновский сообщал, что были приняты все меры в Закаспийской области, чтобы не пропустить холеру на территорию Туркестанского края, но безуспешно – 7 июня 1892 г. холера достигла Ташкента. Военный министр указывал, что «санитарные меры, принятые по этому случаю, вызвали неудовольствие населения, выразившееся 24 июня открытым возмущением, причем население произвело насилие над начальником города и чинами городского управления... Порядок был восстановлен вызванными из лагеря войсками, а зачинщики возмущения были осуждены по законам военного времени»⁴. Военный министр отмечал, что с 10 сентября 1892 г. г. Ташкент, Ташкентский, Чимкентский, Аулиеатинский уезды Сырдарьинской области, а также «вся Ферганская область были объявлены в положении “усиленной охраны” сроком на один год»⁵. Известный мусульманский общественный деятель России И. Гаспринский, поддержавший меры русских властей, писал в 1893 г. в своей газете «Терджиман» («Переводчик») о том, что «прошлогодний бунт (в Ташкенте. – *П.Л.*), видимо, оставил по себе глубокое впечатление, но милостивое, успокаивающее отношение генерал-губернатора барона Вревского поддержало престиж справедливого, гуманного правления, с коим уже свыкается всё население»⁶. Советские узбекские историки в «сталинский» период отмечали, что санитарно-гигиенические меры русских властей носили второстепенный характер, тогда как главным было «недовольство царскими “колонизаторами”»⁷. По их мнению, «лозунги газавата, по-видимому, не выдвигались»⁸. Любопытно, что Гаспринский писал в газете «Терджиман» от 21 августа 1892 г. (№ 31) о том, что с 7 июня по 2 августа в Ташкенте из 396 холерных русских умерли 209 человек, тогда как из 1344 мусульман – 1325 человек. Он отмечал: «Удивительно,

¹ См.: *Абдирашидов З.* Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883–1917). Токио, 2011. С. 78.

² Туркестанская туземная газета. 1892. № 29. 25 июля.

³ ОР РГБ. Ф. 169 – Всепопданнейший доклад по военному министерству за 1892 г. Л. 63.

⁴ Там же. Л. 46.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: *Флыгин Ю.С.* Семиреченские события 1916 г.: ради достижения правды надо видеть проблему со всех сторон... С. 61.

⁷ История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 78.

⁸ История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947. С. 362.

половина заболевших русских выздоровела, а мусульмане почти все заболевшие умерли; значит, мы сами должны заботиться о своем здоровье»¹. Таким образом, основатель джадидизма рекомендовал туркестанским мусульманам учиться у русской медицины.

Безусловно, после восстания 1892 г. в Ташкенте, в Сырдарьинской области в умах «туземцев» происходило «прозрение» в части оценки мер русской администрации и больше такие масштабные антиэпидемические потрясения в этой части Туркестанского края не происходили, в том числе и в 1916 г. Но вряд ли, на наш взгляд, такое «прозрение» полностью искоренило общее латентное негативное отношение «туземцев»-мусульман ко всем русским как к «незванным гостям», тем более что исламское духовенство в основной своей массе поддерживало такую искру в тлеющем костре традиционной ментальности своих единоверцев в Средней Азии.

Между тем митрополит Среднеазиатский Владимир (Иким) писал о том, что между царскими властями и мусульманами Туркестана всегда царили мир и согласие. Архиерей считал, что «единственным плачевным исключением был нелепый “Андижанский бунт” 1898 года, поднятый неким религиозным фантазером Дукчи-ишаном (прозвище его означало: “ишан-веретёнщик”, так как он был изготовителем веретён)»².

Андижанского восстания 1898 г. было трудно избежать, поскольку после краха Кокандского ханства в 1876 г. и образования Ферганской области она стала средоточием основной массы фанатично настроенного мусульманства и источником взрывоопасных выступлений его представителей. Как отмечалось, именно в Ферганской области в 1880–1890-х гг. имели место вспышки антирусских «возмущений» адептов религии Пророка. В 1890-х гг., непосредственно перед мятежом в Андижане, в Фергане было несколько случаев мусульманских бунтов. 11 сентября 1897 г. помощник военного министра генерал от инфантерии Н.А. Махотин писал министру юстиции Н.В. Муравьеву в отзыве на проект «Временных правил» о применении «Судебных уставов» 1864 г. в Туркестанском крае и «степных» областях. Писал о том, что введение в действие «Туркестанского положения» 1886 г. подорвало престиж русской власти, что способствовало проявлению «в разных местах края брожения, беспорядков 1892 года и *последних случаев в Ферганской области*»³ (курсив наш. – *П.Л.*).

Таким образом, предпосылки восстания в Андижане в 1898 г. ощущались в Туркестанском крае заранее, что давало основания туркестанскому генерал-губернатору А.Б. Вревскому принять превентивные меры по его предотвращению. Однако он покинул должность в марте 1898 г., предоставив расследование с Андижанским восстанием своему преемнику, генерал-губернатору С.М. Духовскому. Российская газета «Свет» писала о том, что военная администрация и полиция Туркестанского края оказались неспособными заранее выявить истоки андижанского бунта 1898 г., поверив в то, что «туземцы» достаточно «цивилизировались» под российским влиянием, стали преданными и оценили демократические права, предоставленные им «Положением об управлении Туркестанским краем» 1886 г. В ответ за эти иллюзии они получили кровавый мятеж в Андижане под предводительством «минтюбинского ишана»⁴. Ферганская «военная» полиция, действительно,

¹ Цит. по: *Абдирашидов З.* Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883–1917)... С. 77.

² *Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский.* Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2002. С. 192.

³ РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084 – Дело об устройстве Судебной части в Туркестанском крае и Степных областях. Л. 174.

⁴ Отголоски // Свет. 1899. 4 февраля.

проявила поразительную близорукость в отношении деятельности ишана Мухаммеда-Али-хальфы (Мадали). С одной стороны, ее можно понять – ишанов было много и за всеми было трудно уследить, с другой – она не могла не заметить, что Дукчи-ишан («ишан-веретёнщик»), во-первых, пользуется большой популярностью, а во-вторых, позволяет себе делать то, на что другие его «коллеги» не могли осмелиться. В отчете правительственной комиссии, возглавляемой генерал-лейтенантом Н.И. Корольковым, расследовавшей причины и обстоятельства андижанского мятежа 1898 г., отмечалось: «Значение ишана было настолько велико, что он три года тому назад начал назначать в ближайшие к Минь-Тюбе местности райсов. Эти воскрешенные им цензора нравов были вооружены, как в ханские времена, плетями и били ими народ за неисполнение требований шариата. Таким образом, рядом с нашей властью жили и действовали ставленники ишана»¹. Кроме того, многие чины «туземной» администрации сочувствовали и помогали движению Дукчи-ишана. Советский историк З.Д. Кастельская писала о том, что, почувствовав его крах, они испугались и тут же стали доносить друг на друга, а также на участников восстания из простого народа². Понятно, что полицейский сыск не мог не знать об этом. Но были и объективные причины, препятствовавшие купированию бунтарных настроений. В выводах по расследованию причин и обстоятельств андижанского бунта комиссия генерала Н.И. Королькова справедливо указывала на «неудовлетворительное положение уездной администрации, недостаточной по числу и забытой в ее материальных требованиях», отсутствие «вовсе низшего служилого состава русских полицейско-административных чинов (вроде земских стражников в Царстве Польском)», отсутствие у уездной полиции «средств на тайную агентуру, столь необходимую при затруднительности, по местным условиям, наружного наблюдения», «излишнюю и незаслуженную уверенность в преданности туземного населения и невозможности вспышек, подобных настоящей», и т. д.³

Андижан имел давнюю историю города-«бунтаря». Недаром именно здесь в мае 2005 г. якобы ваххабитские питомцы устроили антиправительственный мятеж, подавленный тогдашним президентом Узбекистана И.А. Каримовым. На наш взгляд, он сам его инспирировал для того, чтобы свести счеты со своими противниками. Кстати, зарубежный исследователь Ширин Акинер усматривала сходство между андижанскими событиями 1898 и 2005 гг., отмечая, что «в нашем случае оно вполне могло быть»⁴. Соответственно, некогда и весь Андижанский уезд считался опасным, в связи с чем в 1879 г. Кауфман дал в его управление должность третьего помощника уездного начальника, чего не было ни в одном другом уезде Туркестанского края. В Андижанском уезде были расселены родственники бывшего кокандского хана Худояра и Алымкула, возглавлявшего оборону Ташкента от русских войск. 14 января 1884 г. военный губернатор Ферганской области генерал-майор Н.А. Иванов писал туркестанскому генерал-губернатору М.Г. Черняеву о том, что этого не стоило делать, так как от этого Андижан «приобретает особое политическое значение»⁵. Неудивительно,

¹ Из отчета о расследовании обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г. // Кыргызстан – Россия: История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат-лов: в 2 ч. Ч. 1. Бишкек, 2007. С. 88.

² Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980. С. 72.

³ Из отчета о расследовании обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г. ... С. 93, 94.

⁴ Ширин Акинер. Акция насилия в Андижане 13 мая 2005 года // Вестник Евразии: Независ. науч. журн. 2005. № 4 (30). С. 259–260.

⁵ Архив СПб филиала ИВ РАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 264 – Материалы, касающиеся преобразования управления Туркестанским краем. Л. 30.

что именно в таком уезде Дукчи-ишану было легче всего устроить в 1898 г. антирусский кровавый мятеж.

В дореволюционный период Андиганское восстание 1898 г. расценивалось фактически всеми исключительно негативно. Однако многие исследователи признавали и вину царской администрации Туркестанского края в его возникновении. Исследователь В.П. Сальков писал о том, что андиганские события 1898 г. были следствием ослабления русской власти после введения в действие «Туркестанского положения» 1886 г., «которым русская власть безгранично доверила себя мировоззрению туземца, признав вполне достаточным лишь слабый чисто пассивный надзор за тем, как туземец быстро шагает по пути европейского прогресса с муллами, казиями и ишанами во главе»¹. В этом мнении была значительная доля сарказма, так как многим туркестанским администраторам казалось, что местные мусульмане достаточно активно сближаются с «европейским» прогрессом. Сальков считал, что главной причиной Андиганского восстания 1898 г. явился «низкий уровень умственного развития безумцев, вздумавших угрожать палками, серпами и дубинами нашей обширной Империи». Сделав такое великодержавное заявление, он писал: «Нечего нянчиться с туземцами – они низкопоклонны, себялюбивы, злопамятны, льстивы и крайне плутоваты». При этом Сальков подчеркивал, что «теперешняя их покорность и безусловное повиновение администрации зависят, по всей вероятности, не от сознания ими долга, а от сознания полного бессилия пред русским могуществом»². Сотрудник Ферганской межевой комиссии Т-ов, указывая, что он сомневается в этом, писал: «Считаю необходимым добавить, что живущие или же жившие более или менее продолжительное время в Средней Азии русские вряд ли ощутили на себе без всякого повода со своей стороны проявление фанатизма от туземных жителей»³. Он отмечал, что, конечно, были исключительные случаи, но на них нельзя строить серьезные выводы о причинах восстания андиганских мусульман. В 1908 г. большую статью к 10-летию Андиганского восстания опубликовал «старый туркестанец» полковник Н.С. Лыкошин, осудивший авантюризм восставших и их лидера⁴. Бывший преподаватель Туркестанской учительской семинарии М. Машанов писал о том, что именно татары «нафанатизировали» андиганских мусульман с тем, чтобы они восстали против русских⁵. В 1916 г. видный туркестанский администратор генерал-майор С.А. Геппенер указывал, что «Андиганское восстание воочию показало, как далеко стоит от населения русская власть»⁶. Но, пожалуй, лучшую оценку андиганскому бунту мусульман 1898 г. дал выдающийся узбекский поэт Мухаммад Амин-ходжа – Муками (1851–1903), назвавший его «заглавной страницей в книге мерзостей земных»⁷. И мы абсолютно разделяем справедливость такой оценки бунта, который по своему омерзительному вероломству и жестокости можно сравнить только со страшными прецедентами восстания мусульман 1916 г. в Туркестанском крае.

События Андиганского восстания внимательно отслеживались местной и центральной прессой. Сообщение о том, что 18 мая 1898 г. в Андигане восстала часть мусульман

¹ Сальков В.П. Андиганское восстание в 1898 году. Казань, 1901. С. 123.

² Там же. С. 124, 125, 128.

³ Т-ов. Андиганское восстание и его причины // Исторический вестник. 1908. Май. С. 664.

⁴ См.: Лыкошин Н.С. Десятилетие андиганской резни (1898–1908) // Туркестанские ведомости. 1908. № 115, 116.

⁵ Машанов М.А. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам. Казань, 1910. С. 103.

⁶ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4995 – Вырезки из газет к вопросу о пересмотре Туркестанского Положения. Л. 10.

⁷ Цит. по: Рашидов Ш.П. Знамя дружбы. М., 1967. С. 75.

во главе с ишаном Мухаммедом-Али-хальфой, было опубликовано в «Туркестанской туземной газете» фактически сразу же после его начала¹. Газета «Туркестанские ведомости» давала в конце мая 1898 г. передовицу о восстании мусульман в Андижане². В конце июня 1898 г. она уведомляла читателей о неудавшемся нападении фанатиков на город Ош во время андижанского бунта³. А чуть позже – об образовании в Оше временного военного суда⁴. В июле 1898 г. газета писала о том, что в городе Пржевальск Семиреченской области распространялись подметные письма, призывавшие местных мусульман подняться против русской власти⁵. В конце августа 1898 г. «Туркестанские ведомости» сообщали о поиске участников Андижанского восстания 1898 г. в Семиреченской области⁶. «Семиреченские областные ведомости» писали о разделении территорий, которые участвовали в андижанском бунте 1898 г., на четыре группы по степени их вины. С учетом этого на каждый район бунта накладывалась правительственная контрибуция⁷. Авторитетные «Московские ведомости» сообщали о том, что в Туркестанском крае поймали Шадыбекова, который пытался поднять «знамя газавата» среди горных кыргызов. Газета также писала об окончательном подавлении остатков андижанского мятежа 1898 г., поднятого минтюбинским ишаном⁸. В начале 1899 г. туркестанский публицист Н.Ф. Ситняковский опубликовал в «Туркестанских ведомостях» пространную статью о минтюбинском ишане Мухаммеде-Али⁹.

В советское время оценка андижанского бунта мусульман в 1898 г. была неоднозначной. В сталинскую эпоху он характеризовался как «прогрессивное», «национально-освободительное движение». Авторы «Истории народов Узбекистана» писали в 1947 г. о том, что в Андижане были лозунги газавата против русских, признавая, что «идеология восстания была прикрыта религиозными мотивами, имевшими власть над темной дехканской массой». Но при этом они утверждали о том, что «в целом Андижанское восстание 1898 г. было прогрессивным историческим явлением, силой, двинувшей вперед историческое развитие Узбекистана и подготовившей в известной мере последующие народные движения, в частности восстание 1916 г.»¹⁰. Казахский революционер Т. Рыскулов писал коротко, но ясно о том, что «Андижанским восстанием руководили ишаны»¹¹. По мнению исследователя Н.А. Смирнова, Андижанское восстание было религиозным. От него значительно выиграло духовенство – его власти стали больше бояться. Духовенство ненавидело русскую власть из-за наступавшего капиталистического развития Туркестана¹². Кыргызстанские авторы указывали в 1941 г., что участие кыргызов в Андижанском восстании

¹ Туркестанская туземная газета. 1898. № 20. 23 мая.

² Беспорядки в Фергане // Туркестанские ведомости. 1898. № 37.

³ См.: Андижанское дело // Туркестанские ведомости. 1898. № 49. 30 июня.

⁴ См. там же. № 51.

⁵ См. там же. № 55. 21 июля.

⁶ См. там же. № 62. 27 августа.

⁷ Разверстка контрибуции по Андижанскому делу // Семиреченские областные ведомости. 1898. № 68.

⁸ См.: Ферганская область. Поимка последнего зачинщика бунта // Московские ведомости. 1898. № 187.

⁹ См.: Ситняковский Н.Ф. Минтюбинский ишан Мухаммед-Али // Туркестанские ведомости. 1899. № 2, 4, 8, 16.

¹⁰ История народов Узбекистана. Т. 2... С. 369.

¹¹ Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году... С. 117.

¹² Смирнов Н.А. Современный ислам. М., 1930. С. 185.

объяснялось их тяжелым положением, вызванным джудом (гибель скота из-за бескормицы) зимой 1897–1898 гг.¹. Мы считаем, что это ближе к истине.

В год смерти И.В. Сталина с резкой критикой оценки Андижанского восстания как «прогрессивного» и «национально-освободительного движения» мусульман выступил видный ученый и крупный партийный деятель Б. Гафуров. Он отмечал, что это «было реакционное феодально-националистическое восстание. Своей целью оно провозглашало восстановление ханской власти, привилегий духовенства и феодалов, тянуло страну назад к средневековью». Б. Гафуров особо подчеркивал, что восстание подрывало дружбу мусульманских народов Средней Азии со «старшим братом» – русским народом². Таким образом, он признавал характер восстания 1898 г. в Андижане антирусским. Он утверждал, что восхваляемый авторами «Истории народов Узбекистана» (Ташкент, 1947) Дукчи-ишан был обыкновенным мошенником, обманывавшим простой народ ради собственной выгоды. Нам хотелось бы подчеркнуть, что академик считал доказанным тот факт, что ишан Мадали был турецким агентом, и не исключал его связей также и с британской разведкой. Гафуров писал: «До нас дошло много документальных свидетельств о том, что большинство населения проклинали Дукчи-ишана за его провокацию, квалифицируя это выступление как авантюру»³.

И в постсоветский период историки-националисты «Центральной Азии», по сути, перепевают сталинские мотивы, объявляя ишана-убийцу «героем» борьбы против «колониаторского ига». Появляются несколько иные оценки «подвигов» ишана-авантюриста, более объективные⁴. Например, современные историки Кыргызстана однозначно свидетельствуют о том, что «восстание приняло антирусскую направленность под лозунгами газавата»⁵. Современный узбекский ученый А. Эркинов пишет об историках-националистах «Центральной Азии»: «История, похоже, мало кого учит. По горькой иронии, люди, прежде писавшие о колониальном периоде в соответствии с советской идеологической установкой, ныне, немало не смущаясь, сменили “положительные оценки” на прямо противоположные. Андижанское восстание стали определять исключительно как антиколониальное»⁶. Он указывает, что «признанные поэты того времени почти единодушно осудили Андижанское восстание и особенно его руководителя»⁷. Узбекский историк Б.М. Бабаджанов пишет о том, что «большинство местной религиозной элиты, поэты, торговцы и др. резко осудили восстание»⁸. Постсоветские кыргызстанские авторы считают, что восстание 1898 г. в Андижане было порождено налоговым и социальным гнетом⁹.

События в Андижане разворачивались быстро. Повстанцы, возглавляемые ишаном Мухаммедом-Али (Мадали), напали на воинскую казарму и вырезали более двух десятков спящих русских солдат. Личность ишана заслуживает некоторого описания. В 1880 г. он совершил хадж в Мекку и потом пробыл в Стамбуле два года. Потом он поселился в курганче (хозяйственная постройка в Средней Азии) на окраине кишлака Мин-тепе, по дороге

¹ XV лет Киргизской ССР. Фрунзе, 1941. С. 24.

² Гафуров Б. Об Андижанском «восстании» 1898 года // Вопросы истории. 1953. № 2. С. 56, 61.

³ Там же. С. 59.

⁴ См. напр.: Эркинов А. Андижанское восстание и его предводитель в оценках поэтов эпохи // Вестник Евразии: Независ. науч. журн. 2003. № 1 (20). С. 111–137.

⁵ История кыргызов и Кыргызстана: Уч. пос. для вузов / под ред. Т.К. Койчуева, С.С. Даниярова, В.М. Плоских. Бишкек: Наука, 1996. С. 149.

⁶ Эркинов А. Андижанское восстание и его предводитель в оценках поэтов эпохи... С. 113.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 526.

⁹ История кыргызов и Кыргызстана: Уч. для вузов. Изд. 3-е. Бишкек, 2000. С. 173.

из Маргилана в Ош, по которой шли массами паломники к знаменитому «святому месту» – Сулейман-горе. Он лечил их и приобрел славу чудотворца. Но открыто ишаном себя не провозглашал. Со временем «ишан-веретенщик» разбогател. Он имел 447 танапов (ок. 80 десятин) поливной земли, в самом кишлаке Мин-тепе ему принадлежали восемь танапов (ок. 1,2 десятины) земли, четыре маслобойни, две мельницы и кирпичный заводик. Дукчи-ишан учил мюридов (последователей) плотничать, а их изделия продавал сам. Такова была его биография.

Вместе с тем мы бы не стали утверждать, что только мусульманское духовенство в лице ишана подготовило совершенное им злодеяние и благословило его. Ташкентский историк Ю.С. Флыгин, ссылаясь на мнение узбекских историков, пишет о том, что «договор о “газавате”, найденный у Мадали-ишана, был подписан бывшими начальниками и крупными чиновниками кокандского хана, представителями духовенства и волостными управителями»¹. Он правомерно связывает андижанский бунт 1898 г. с активизацией сил панисламизма и пантюркизма среди мусульманства Средней Азии. Туркестанский чиновник В.И. Яровой-Раевский считал, что «главным виновником» андижанского бунта в 1898 г. был турецкий подданный Абдуджалиль Мир-Садык Кары-оглы, который «сходил в Мекку и принес Дукчи-ишану священный волос Мухаммеда, фирман и халат от турецкого султана»². После провала восстания в Андижане он бежал в Закаспийскую область, где осенью 1898 г. его задержала Мервская уездная полиция, а также с ним семеро других ишанов – участников бунта и 10 подозрительных лиц³.

Зарубежный историк Х.К. д’Анкосс, утверждает, что Андижанское восстание «было религиозным, в котором вокруг ишана собралась не только элита бывшего Кокандского ханства, но и простые мусульмане, так как все были недовольны русским присутствием в регионе»⁴. Американский исследователь Э.Д. Сокол отмечает, что ишан Мадали «связывал падение Кокандского ханства с падением нравственности; с появлением русских дела стали намного хуже. Азартные игры, пьянство и проституция уже стали синонимами российского владычества. Отмена раисов (блюстителей права) значительно ослабила власть мусульманского духовенства над простыми людьми»⁵. Он излагает версию о письме Мадали турецкому султану с жалобами на падение веры и получении от него «морального предписания» и «старого халата». По мнению Сокола, всё это было фальшивой подделкой. Он считает, что Мадали тем самым желал возвыситься в глазах простого народа. Вместе с тем американец верит в то, что ходжа Абдуджалиль Мир-Садык Кариев (Кары-оглы), привезший ишану «подарки» от султана, был на самом деле турецким агентом, а «султан Абдул Хамид умело использовал движение панисламизма»⁶. Султан засылал своих агентов в Афганистан, Среднюю Азию, Поволжье, на Кавказ и другие места. Сокол пишет о том, что «знать, в целом, была настроена против восстания. Она боялась российской власти»⁷. Он отмечает, что во время Андижанского восстания 1898 г. «туземная» администрация проявила пассивность по отношению к происходящим событиям.

¹ Флыгин Ю.С. Семиреченские события 1916 г.: ради достижения правды надо видеть проблему со всех сторон... С. 64.

² Сборник материалов по мусульманству. СПб., 1899. С. 156.

³ ЦГА Тур. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2739 – Об удалении из области персидских дервишей-шиитов, занимающихся сбором пожертвований. Л. 1.

⁴ Central Asia. A century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth... P. 169.

⁵ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 62.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Там же.

Утверждения западных русофобов и современных националистических историков стран «Центральной Азии» о том, что «национально-освободительный» мятеж Дукчи-ишана и его приверженцев в Андижане 1898 г. поддерживался всеми слоями мусульманского общества, – миф. Бунт осуждали многие коренные жители Средней Азии, понимавшие его бесцельность. В июне 1898 г. был опубликован «Адрес представителей туземных жителей гор. Ташкента, поданный Начальнику города», в котором именитые и почетные мусульмане краевого центра заклеили позором ишана и его мюридов за резню спящих русских солдат¹. Сами мусульмане понимали, что ни Коран, ни шариат такие деяния не приветствуют. «Туркестанская туземная газета» писала в августе 1898 г. о том, что во время встречи мусульман с туркестанским генерал-губернатором С.М. Духовским они выразили полное осуждение Дукчи-ишана и его учеников, а «народный судья Ишан-ходжа прибавил, что шариат повелевает повинаться каждому Государю и правителям его, а противодействие и восстания запрещает»². Военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Г.П. Федоров писал в отчете за 1898 г. о том, что «лучшая часть туземного населения, сознательно оценивающая существующий здесь политический порядок и значение культурных задач Русского правительства, искренне была опечалена событием в Фергане... Лучшая часть туземцев собрала 8652 руб. для помощи семьям убитых в Андижане нижних чинов»³.

Нет никаких оснований считать, что исламское духовенство Средней Азии, включая улемы Бухарского и Хивинского ханств, имело какое-то отношение к организации этого мятежа. Отнюдь. Оно и само было потрясено им, несмотря на свою явную неприязнь к русским. Это первое. Второе. Ишаны как «вольные стрелки» ислама в Туркестане лишь формально относились к духовенству, поскольку так или иначе, но эти духовные наставники-суфии проповедовали веру Пророка, преимущественно среди кочевников. Но дело даже не в том, насколько ферганское духовенство было причастно к организации бессмысленного в своей жестокости андижанского бунта 1898 г. Важнее то, что оно подготовило для него прекрасную «питательную» среду – развитый религиозный фанатизм масс и их негативное отношение к русским. Туркестанский чиновник С. Янчевский писал о том, что «русские офицеры, проезжая по сартовскому городу, подвергались брани со всех сторон самыми беспощадными русскими словами, а нередко побивались камнями, бросаемыми с крыш и дворов»⁴ (курсив авт. – П.Л.). Историк присоединения Средней Азии генерал М.А. Терентьев писал о том, что негативное отношение к русским во многом подогревалось корыстью – мусульмане раскапывали русские могилы, особенно офицерские, чтобы забрать из них ценности (кольца, золотые зубы, часы и проч.), а также мундиры с эполетами, чтобы потом всё это выгодно продать. Заодно они отрезали покойникам головы, чтобы прослыть борцами газавата против «неверных»⁵. Прокурор Туркестанского военно-окружного суда генерал-майор Долинский писал 21 августа 1898 г. в рапорте командиру войсками Туркестанского военного округа С.М. Духовскому о том, что «общей причиной восстания необходимо признать религиозный фанатизм туземцев-мусульман, в невежественной среде которых “газават” – война с неверными, составляющий основной догмат вероучения в давно прошедшие времена воинствующего ислама, сохранил еще в значительной мере свою силу и значение»⁶. Однако

¹ Туркестанская туземная газета. 1898. № 25. 28 июня.

² Там же. № 34. 31 августа.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 299 – Отчет губернатора Самаркандской области за 1898 г. Л. 9 об.

⁴ Янчевский С. «Русский мир» по отношению к Туркестанскому краю. Ташкент, 1875. С. 7.

⁵ Терентьев М.А. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. Т. 55. № 9–11. С. 94.

⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 221 – Отчеты и рапорты командиру войсками Туркестанского военного округа и военного прокурора о расследовании причин восстания местного населения Ферганы. Л. 42.

он нигде не обвинял непосредственно мусульманское духовенство в организации мятежа. И мы тоже придерживаемся такой же позиции.

Военный губернатор Ферганской области генерал-майор А.П. Чайковский писал в отчете за 1898 г. о том, что кауфманская политика «невмешательства» во внутреннюю жизнь мусульманства не позволила установить за ним должный полицейский надзор, особенно за мектебами и медресе, «требующими особого надзора, дабы предупредить возможность воспитания подрастающих поколений в нежелательном для нас направлении»¹. Он отмечал: «Опыт продолжительного невмешательства в духовные интересы здешнего многомиллионного мусульманского населения не только не уменьшил косности последователей ислама и не принес особенно заметных результатов в смысле смягчения нетерпимости магометан, а скорее содействовал обособлению внутренней жизни населения, исповедующего жесткие принципы своего религиозного учения»². В 1907 г. Департамент духовных дел МВД составил «Записку о мусульманах в Туркестанском крае», в которой, вопреки фактам, желая «насолить» Военному министерству, которое в самый последний момент всё же не позволило МВД прибрать к рукам Туркестанский край³, писал о том, что «фактически участие в Андижане эмиссаров мусульманских государств доказано не было и основывалось только на предположениях и слухах. Причины андижанской резни были гораздо ближе нам, русским, и едва ли правильно искать их извне»⁴. Безусловно, это отражало точку зрения всемогущего в то время временщика – председателя Совета министров и министра внутренних дел П.А. Столыпина, который тем самым хотел лишний раз «пнуть» извечного конкурента за управление Туркестанским краем – Военное министерство.

Однако, на наш взгляд, нельзя не признать непосредственного участия в андижанском бунте внешних антирусских сил. Авторитетный туркестановед профессор Д.Ю. Арапов в свое время говорил о том, что нет доказательств присутствия «турецкого следа» в андижанском мятеже мусульман в 1898 г. Но мы считаем, что нет и доказательств отсутствия такого «следа». Он ссылаясь на то, что такой авторитетный знаток Туркестана, как российский генеральный консул в Кашгаре, действительный статский советник Н.Ф. Петровский, признал присланную ему на исследование грамоту, якобы полученную Дукчи-ишаном от турецкого султана, разрешавшую ему объявить газават русским, подложной. Да, мы это признаем и можем уточнить, что факт этот был засвидетельствован консулом 3 ноября 1898 г. в письме начальнику Штаба Туркестанского военного округа генерал-губернатору С.М. Духовскому. Но, во-первых, генерал М.А. Терентьев, тоже неплохой знаток Туркестана, сомневался в выводах Петровского, указывая, что отсутствие на документе султанской печати еще не доказывает его подложности⁵. Мы тоже считаем, что турецкая разведка могла вполне сфабриковать такой документ для ишана Мадали, слабо разбиравшегося в том, где должна стоять печать султана, а где нет. И о нем даже мог знать султан, не скрепивший ее своей печатью потому, что вообще смешно делать это на документе, отправляющемся далекому фанатику-авантюристу, поскольку в случае разоблачения это вызвало бы большой международный скандал. Во-вторых, расследование показало, что грамота была доставлена Дукчи-ишану давним турецким агентом туркестанского происхождения ходжой Абдуджалилем

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 320 – Отчет губернатора Ферганской области за 1898 г. Л. 2.

² Там же. Л. 2 об.

³ Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства внутренних дел. 30 июля 1907 г. // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29439. С. 476–477.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612 – Об устройстве духовных дел магометан Туркестанского края. Л. 356 об.

⁵ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии: в 3 т. Т. 3. СПб., 1906. С. 465.

Мир-Садык Кариевым, который в молодости отправился в хадж в Мекку, а на обратном пути надолго застрял в Стамбуле, где, по нашему убеждению, проходил обучение в спецслужбах Османской империи, после чего по их заданию с паспортом китайского подданного («кашгарлыка» – жителя Кашгарии) посетил Семиреченскую область, Ташкент, а зимой 1894–1895 гг. объявился именно в Андижане с привезенным «муйбараком» (священной реликвией) – волосом из бороды пророка Мухаммеда. Народ массами притекал в город, чтобы поклониться «святыне», а Мир-Садык Кариев вел с мусульманами «беседы» антирусского характера. После этого он исчез и позже уже появился в Андижане с «грамотой султана» для ишана Мадали. Расследование установило, что дней за пять до резни, устроенной мюридами «веретёнщика» в русской казарме, именно Мир-Садык Кариев передал ишану, якобы от султана, золотой перстень и зеленое знамя Пророка для объявления газавата «неверным» (русским)¹.

Мы полагаем, что в деле о «турецком следе» совершенно неважно – сам султан послал грамоту, кольцо и зеленое знамя или это делали за него другие. Конечно, смешно полагать, чтобы «халиф правоверных» лично этим занимался. Но только наивный человек может сомневаться в том, что этого не могла сделать турецкая разведка. У нас есть немало доказательств тому, что она делала такие политические провокации неоднократно, но мы не будем их сейчас обнародовать в связи с намерением когда-нибудь высказаться подробно о деятельности военной разведки и контрразведки в Русском Туркестане. Известно, однако, что уже в 1840-х гг., после того как Россия создала форт у северных берегов Каспия, в Туркестане появились (и тоже под личиной ишанов) три турецких агента (с немалыми деньгами для подкупа верхушки туркменских племен), главный из которых даже стал именоваться «Каракум-ишаном» с правом передачи этого звания достойным (то есть присланным новым турецким агентам) ишанам. Выдающийся путешественник, ученый-разведчик Ч.Ч. Валиханов еще в 1856 г. писал о том, что «в Бухаре, в магометанских ханствах Средней Азии (также Кокандском и Хивинском. – *П.Л.*) уже появились поджигательные фирмы турецкого султана... появилось и английское золото, и люди из Стамбула»². И это, по нашему мнению, можно считать вполне доказательным. П.Т. Галузо писал об антирусских листовках, распространявшихся во время андижанских событий 1898 г.³. Естественно, что неграмотные повстанцы не могли сами их изготовить, и в этом им помогали, на наш взгляд, стамбульские типографии. Поэтому есть основания утверждать о подрывной деятельности турецкой агентуры и ее наймитов из среды местного мусульманства. Но если исходить из того неопровержимого факта, что в Туркестанском крае существовала достаточно развитая турецкая агентура, что русско-турецкие отношения всегда были острыми на исламском Востоке, нередко выливаясь в войны, то почему, спрашивается, стоит сомневаться в наличии «турецкого следа» в андижанском безумии 1898 г.? Мы, например, в этом нисколько не сомневаемся, как, впрочем, и другие наши коллеги по цеху.

Безусловно, нам бы хотелось также затронуть вопрос и об иных «следах», которые тоже можно обнаружить в андижанском мятеже 1898 г. Есть основания утверждать, что в нем существовал, например, заметный «афганский след» – агенты эмира Абдуррахман-хана в немалом числе «гостили» на территории Туркестанского края, а равно в Бухарском ханстве – протекторате России. Афганский эмир, живший до своего восшествия на престол на русских

¹ РГИА, Ф. 565. Оп. 1. Д. 3193 – По расследованию обстоятельств восстания туземцев в Ферганской области в 1898 г. Л. 43 об. – 44.

² Валиханов Ч.Ч. Об управлении казахами Большого жуза // Собр. соч. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 223.

³ Галузо П.Т. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929. С. 41.

харчах в Самарканде, оказался неблагодарным и выступал за газават (джихад) – священную борьбу против «неверных» (русских) в Средней Азии. Во-первых, он был недоволен ими за то, что они не позволили ему захватить часть Памира, а во-вторых, антирусские настроения в нем постоянно нагнетали англичане, так как «в результате второй англо-афганской войны (1878–1880) был установлен английский контроль над внешними сношениями Афганистана»¹. Но дело даже не в этом. Мало кому известно, что еще до Андижанского восстания афганский эмир «почему-то» проявил большой интерес к теоретическим проблемам джихада как шариатского установления о «священной войне» с «неверными». Он созвал видных богословов и факихов и приказал им писать «научные» труды на эту тему. «Туркестанские ведомости» за год до андижанского бунта сообщали о том, что эмир лично читал рукописи и делал в них соответствующие поправки². Но одна из таких книг была издана в Кабуле еще в 1896 г. под названием «Слова амира городов о побуждении к священной войне» и принадлежала перу муллы Мир-Мухаммед-Азим-хана, приближенного афганского владыки. Нам знаком перевод этой книги, сделанный поручиком Яковлевым и отредактированный выдающимся исламоведом, директором Ташкентской учительской семинарии, действительным статским советником Н.П. Остроумовым. И мы можем свидетельствовать о том, что в ней нет открытого призыва к «священной войне» против русских, зато много богословско-правового суесловия с намеками на то. Поэтому Н.П. Остроумов в предисловии к переводу книги не зря писал в 1899 г. о том, что «в андижанских беспорядках прошлого года прямое или косвенное влияние афганского амира также не подлежит сомнению, о чем высшей администрации Туркестанского края известно» (курсив наш. – *П.Л.*)³. Любопытно, что оригинал этой книги в 1898 г. достал (выезжая специально для этого в Афганский Туркестан (Чорвилает)) офицер Генерального штаба капитан Л.Г. Корнилов, впоследствии приобретший печальную известность как несостоявшийся российский «диктатор». Но материалы, им написанные о Китайском и Русском Туркестане, в архивах мы читали с интересом. Кстати, перед началом восстания начальник Памирского отряда докладывал военному губернатору Ферганской области генерал-лейтенанту А.Н. Повало-Швейковскому о том, что в Ферганскую долину проникли три важных афганских агента «из таджиков». Позже оказалось, что они прибыли в Маргилан «целевым» образом – способствовать началу восстания⁴. Мы полагаем, что для доказательства «афганского следа» в андижанских событиях 1898 г. вышеприведенных фактов вполне достаточно.

Еще в меньшей мере, к сожалению, изучен «английский след» в андижанском бунте мусульман в 1898 г. Но мы можем свидетельствовать, что он был, причем весьма заметный. Три с лишним десятилетия назад мы писали о значительной активности английских «туземных» разведчиков, так называемых «пандитов», проникавших в Русский Туркестан через Памиро-Алай. Кроме того, мы указывали, что в 1890-х гг. «в Сарыколе (город у Памира, на территории Китайского Туркестана. – *П.Л.*) англичане создали специальный шпионский центр во главе с преданным воспитанником их разведслужб Яр Магомет-ханом. Он вербовал агентуру из числа сарыкольских киргизов и направлял их с заданиями на российскую территорию... Деятельность английской агентуры в Кашгарии была далеко не безрезультатной»⁵. Англичане печатали провокационные прокламации для мусульман Туркестанского края,

¹ Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки. М., 1975. С. 395.

² Туркестанские ведомости. 1897. № 36. 18 мая.

³ РГВИА. Ф. Военно-ученый архив (445). Оп. 1. Д. 35 – О сочинении афганского муллы Мухаммед Азим-хана «О священной войне (джихад)». Л. 12 об.

⁴ См.: Т-ов. Андижанское восстание и его причины // Исторический вестник. 1908. Май. С. 665.

⁵ Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. (Изд. для служ. польз.). Фрунзе, 1989. С. 36, 65.

указывая бессовестным образом адресом их издания священную Мекку. Русский исследователь Б.В. Станкевич писал о том, что английские шпионы-пандиты и мусульмане-дервиши несли их потом через Памиро-Алай в Ферганскую долину, где распространяли по городам и селениям. Он уверенно отмечал, что такие английские «листовки» явились одной из причин андижанского мятежа мусульман в 1898 г.¹ И таких британских (как, впрочем, и иных) шпионов контрразведка Штаба Туркестанского военного округа отлавливала немало, хотя официально (законодательно) контрразведка была создана в России значительно позже². Но русские военные издавна активно боролись со шпионажем, причем в Туркестанском крае это дело было поставлено на должной высоте.

Англо-индийские спецслужбы, вне всякого сомнения, активно участвовали в подготовке если не Андижанского восстания 1898 г., то, во всяком случае, условий, благоприятствующих его взрыву. Они всемерно нагнетали антирусские настроения среди мусульман Туркестана, особенно ферганских. И британские офицеры, соответствующим образом замаскированные, во время бунта на месте руководили действиями своей агентуры. Известный британский разведчик-«туркестановед», капитан англо-индийских спецслужб Ральф Коббольд в конце XIX в. «пропутешествовал» по Памиру, Фергане, Прииссыккулью, откуда он через Ат-Баши и Нарын ушел в Кашгарию, написав позже об этом книгу, читаемую не без интереса, но содержащую много всякого рода неточностей и откровенных измышлений³. Но главное не в этом. Коббольд опубликовал в газете «Дейли ньюс» от 30 марта 1899 г. статью, в которой откровенно признавался: «Я был в Фергане в прошлом году»⁴. И вряд ли это было пустой похвальбой. Вообще, о деятельности английской разведки в Туркестане можно написать целую книгу, причем более правдивую, нежели сочинение Коббольда. Таким образом, на наш взгляд, присутствие «английского следа» в андижанском бунте мусульман в 1898 г. можно считать несомненным. О прочих «следах», дабы не тратить время, мы можем лишь заметить, что в Ферганской долине в это время «работали» агенты из Персии, Китайского Туркестана и, конечно же, Османской империи. Мы не исключаем, что в связи с активизацией восточной политики кайзера Вильгельма II в Средней Азии того времени появились и германские агенты, что упрощалось относительно значительным немецким населением Туркестанского края, в среде которого они до поры до времени могли смело и надежно укрываться. Таким образом, можно констатировать тот факт, что в андижанских событиях 1898 г. (и после них) закордонные враги России «наследили» в достаточной мере.

Нам хотелось бы быть во всём точными и последовательными, следуя вышеприведенному совету великого Гёте о том, что «обязанность историка состоит в том, чтобы отличать подлинное от фальшивого, определенное от смутного, сомнительное от неприемлемого», не забывая, однако, что при всём своем величии как человек он был во многом обыкновенным немцем-филистером. Исследовательская точность требует от нас затронуть вопрос об активном участии в андижанском мятеже 1898 г. кочевников-кыргызов, тем более что они-то как раз и были, пожалуй, тоже главной движущей силой восстания 1916 г., составляющего основной предмет рассмотрения в данной монографии. И, возможно, это просветит для нас таинственный смысл слова «парадигма».

Действительно, не вызывает сомнения то обстоятельство, что андижанский бунт 1898 г. устроили мусульмане-фанатики. Но мы всегда писали о весьма поверхностной

¹ Станкевич Б.В. По Памиру (Путевые заметки). СПб., 1904. С. 95.

² См.: Мерзляков В.М. Об организации контрразведывательных органов России // Российские спецслужбы: история и современность: Мат-лы ист. чтений на Лубянке 1997–2000 гг. С. 60–74.

³ См.: Cobbold R.P. The Innermost Asia: Travel and sport in the Pamirs. London, 1900. М., 2003.

⁴ Цит. по: Туркестанские ведомости. 1899. № 30. 30 апреля.

исламской религиозности кочевников, в том числе и кыргызов, которая вряд ли могла стать основой такого изуверского фанатизма. Нет ли здесь противоречия, которое противопоставило бы сомнительное (мусульманский фанатизм кыргызов) неприемлемому (их участию в бунте)? Скажем сразу – нет. А «парадигма» есть. Кыргызы Ферганской долины в 1890-х гг., перед восстанием, лишились значительных по размерам своих традиционных «низовых» земель в Ферганской долине, которые были отданы русским переселенцам, образовавшим четыре довольно многолюдных селения, где каждая семья имела солидные наделы, зависевшие от качества почвы. Будем точны и назовем их конкретно: в 1893 г. было основано селение Покровское, а в 1897 г. – сразу три: Александровское, Успенское и Николаевское. Естественно, что такой земельный «грабеж» не мог не породить перед андижанскими событиями «фанатические» настроения среди кыргызов и побудить их примкнуть к бунту действительных мусульманских фанатиков-головорезов. Зарубежный исследователь Л. Кройдер, касаясь вопроса об Андижанском восстании 1898 г., справедливо отмечал, что «киргызы предгорий Ферганы перед этим с негодованием переживали переселенческое нашествие на их традиционные территории»¹.

Вместе с тем не следует забывать, что далеко не все кыргызы примкнули к восстанию. Известно, что Дукчи-ишан перед восстанием послал своих людей к знаменитой «царице Алая» Курбанджан-датхе, надеясь на поддержку ее сородичей в борьбе против русских, но та прогнала их палкой². Позже она послала своего племянника Карабека Хасанова предупредить русские власти о готовящемся мятеже андижанских фанатиков. Но сообщение это не было воспринято всерьез, за что позже Ошский уездный начальник, подполковник В. Зайцев, получил строгое служебное внушение. О готовящемся мятеже минтюбинского ишана Мухаммеда-Али и его мюридов против российских властей последних предупреждала не только «алайская царица», но и другие мусульмане Ферганской области. Например, некий Абдукадыр сообщил о замыслах Дукчи-ишана начальнику Маргиланского уезда, а волостной управитель Низамутдин Магзум уведомил о них же Ассакинского участкового пристава (мусульманина-татарина) капитана Еникеева³. Следует отметить, что предупреждения делались тогда, когда полиция могла без труда принять необходимые меры по предотвращению нападения на казармы, в результате которого позже мятежниками-фанатиками были вырезаны русские солдаты. Например, Карабек Хасанов предупредил подполковника Зайцева в воскресенье 17 мая, в час дня, явившись к нему прямо на квартиру. Повторно Карабек сообщил Зайцеву о планах Дукчи-ишана в тот же день, в 6 часов вечера. Заранее были предупреждены и другие вышеуказанные нами лица. Однако никто из них, к сожалению, не предпринял мер, адекватных реально сложившейся ситуации и, таким образом, не предотвратил чудовищных последствий мусульманского фанатизма. Вместе с тем, факт такого рода предупреждений свидетельствует о том, что наиболее трезвомыслящие «туземцы» Ферганской области хорошо понимали то, что ишан-авантюрист может увлечь массы своими бредовыми идеями, за что им придется расплачиваться перед русскими. И поэтому они старались предупредить последних о грядущем мятеже.

Тем не менее, многие номады Ферганской области всё же приняли участие в андижанском бунте 1898 г. по тем же побудительным мотивам, какие заставили их снова подняться против царской власти через 18 лет, в 1916 г. Таким образом, участие кыргызов

¹ Krauder L. Peoples of Central Asia. Indiana Univ. Press. 1963. P. 106.

² По Туркестану: Обезд туркестанским генерал-губернатором С.М. Духовским Самаркандской и Ферганской областей в 1898 году. Ташкент, 1898. С. 181.

³ См.: Из рапорта военно-окружного суда об Андижанском восстании 1898 г. // Хрестоматия по истории дипломатии Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века. Бишкек, 2007. С. 288.

в андижанских событиях 1898 г. можно причислить к тем случаям, которые ранее характеризовались словами: «и примкнувший к ним». Естественно, что кыргызы – участники бунта были привлечены к суду, но в большинстве своем избежали тяжелых наказаний. Вместе с тем, за участие в восстании был сослан в Сибирь 34-летний, приобретавший общенародную известность поэт-песенник Токтогул (Сатылганов), позже ставший знаменитым кыргызским акыном.

Факты свидетельствуют о том, что Ассакинский участковый пристав капитан-татарин С.Г. Еникеев приехал в Минь-Тюбе, чтобы арестовать Дукчи-ишана, но не нашел его и потому арестовал только прислугу ишана. А за Дукчи-ишаном не погнался. Позже его обвиняли в том, что он сознательно спас своего единоверца-мусульманина, однако прокурор Туркестанского военно-окружного суда генерал-майор Долинский писал о том, что было бесполезно преследовать ишана, не зная, куда за ним гнаться¹. Газета «Русское знамя» писала в июне 1914 г. о том, что «некий князь Еникеев» активно выступает на мусульманском «конгрессе» в чине генерал-майора. Она отмечала, что он «оформился» в Туркестанском крае, где был приставом, потом земельно-податным комиссаром и «не сегодня-завтра попадет на губернаторский пост». По мнению газеты, в андижанском «деле» 1898 г. он действовал так ловко, что провел даже такого человека, как генерал Н.И. Корольков². Кстати, Сахиб-Гирей Еникеев был избран на Мусульманский съезд от жителей Ташкента³.

Как известно, для расследования обстоятельств Андижанского восстания в 1898 г. была образована специальная правительственная комиссия под председательством военного губернатора Сырдарьинской области генерал-лейтенанта Н.И. Королькова⁴. Отчет комиссии был готов к концу 1898 г. и быстро отпечатан в количестве 199 экземпляров в типографии Военного министерства. 8 января 1899 г. Азиатская часть Главного штаба составила «докладную записку» о том, куда, кому и сколько экземпляров отчета следует разослать. Экземпляры отчетов предполагалось разослать всем министрам, государственному контролеру, обер-прокурору Святейшего правительствующего синода и др. Примечательно, что из 199 экземпляров туркестанскому генерал-губернатору С.М. Духовскому планировалось направить 80, тогда как главноначальствующему гражданской частью на Кавказе – всего 8 экземпляров⁵. Основной базовой основой отчета комиссии Королькова явились документы туркестанской уездной администрации⁶.

Непосредственно сразу же после кровавой «акции» в Андижане туркестанские власти начали принимать меры по пресечению распространения идей ишана Мадали на сопредельные территории. Уже 21 мая 1898 г. военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Г.И. Иванов писал начальнику Пржевальского уезда штабс-капитану Н.Г. Сатову о том, чтобы тот перекрыл границу с Ферганской областью с тем, чтобы мюриды Дукчи-ишана не проникли в Семиреченскую область⁷. 21 мая 1898 г. из Верного по приказу Г.И. Иванова сотня казаков выступила в сторону Нарына. Эти меры были нелишними,

¹ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612 – Об устройстве духовных дел магометан Туркестанского края. Л. 97 об.

² Русское знамя. 1914. № 137. 20 июня.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 525 – Дело о магометанских конгрессах и съездах. Л. 135.

⁴ РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Д. 3193 – По расследованию обстоятельств восстания туземцев в Ферганской области в 1898 году.

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2429 – О рассылке отчетов по расследованию обстоятельств Андижанского восстания (Список министерств и ведомств). Л. 1–3.

⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 221 – Отчеты и рапорты командующего войсками Туркестанского военного округа и военного прокурора о расследовании причин восстания местного населения Ферганы.

⁷ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 7318 – Об отзывах Андижанского восстания в Пишпекском уезде. Л. 16.

поскольку уже 1 июня 1898 г. начальник Пржевальской уездной полиции штабс-капитан Н.Г. Сатов докладывал в рапорте военному губернатору Семиреченской области о том, что на границе с Ферганской областью полицейский стражник Бахирев задержал одного из ближайших помощников Дукчи-ишана – некоего Атакуна, которого потом отправили в Пишпекскую тюрьму¹. 3 июля 1898 г. Сатов сообщал военному губернатору Семиреченской области о том, что в Пржевальском уезде ходят слухи, что кыргызы намерены «поднять восстание против русского населения». Но он, видимо, чего-то не договаривал, так как 20 июля 1898 г. туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской телеграфировал военному губернатору Семиреченской области Г.И. Иванову о том, что, по данным разведки Штаба Туркестанского военного округа, в «присутственные места г. Пржевальска разосланы письма, обрызганные кровью, с извещением о предстоящем газавате»². К сожалению, в архивном деле нет сведений, подтверждающих или отрицающих эти данные. 26 мая 1898 г. военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Г.И. Иванов распространил циркуляр уездным начальникам и полицмейстеру г. Верного, в котором требовал незамедлительного и повседневного предоставления сведений в Семиреченское областное правление о том, какие отзвуки реально имел бунт мусульман Андижана в подведомственных им пределах. Требовал от них привлечь к наблюдению за положением волостных и сельских старшин, особенно в русских поселениях и станицах семиреченских казаков³.

Представляется любопытным, что 11 июня 1898 г. начальник Верненской уездной полиции направил отдельное «секретное» предписание всем волостным писарям, требуя от них усилить бдительность по контролю над положением в волостях, поведением «туземных» администраторов, появлением неизвестных и подозрительных лиц и т. п.⁴. Это свидетельствует о том, что волостные писари были важным звеном в цепи политического сыска полиции. Уже с конца мая 1898 г. начали поступать сведения, которые заставляли задуматься. Выяснилось, что дунгане и уйгуры начали усиленно скупать порох по 10–12 фунтов, хотя они никогда не занимались охотой и не имели больших стад, которые надо было бы охранять с помощью огнестрельного оружия. То, что порох закупали и кочевники, настораживало, но казалось оправданным – они имели большие стада мелкого и крупного рогатого скота, а также лошадей, которых надо было защищать от хищников с оружием в руках. В уездах стали появляться так называемые «дуваны» и дервиши, проповедовавшие Коран, но сведения о том, что они при этом пропагандировали газават, в донесениях полиции в то время отсутствовали. В конце июня 1898 г. военная разведка Штаба войск Семиреченской области доложила губернатору о том, что вожди кочевых кланов намерены провести под видом поминок сборище в верховьях реки Чилик, в урочище Аксы. 27 июня 1898 г. семиреченский губернатор Г.И. Иванов потребовал от начальника Верненской уездной полиции выяснить, кто явился инициатором этого сборища, установить за ними негласное наблюдение и никоим образом не допустить проведения запланированной тайной «сходки». В конце июня из Ташкента пришло сообщение о том, что турецкий генштаб направил в Туркестанский край 8 лучших офицеров – знатоков Средней Азии. Предлагалось выследить этих эмиссаров и арестовать. 13 августа 1898 г. в г. Верном

¹ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 7318 – Об отзвуках Андижанского восстания в Пишпекском уезде. Л. 58 об.

² Там же. Л. 98.

³ ЦГА Каз. Ф. 41. Оп. 1. Д. 96 – Дело об установлении надзора за мусульманским населением в связи с восстанием 1898 года в Андижане. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Л. 8.

в одном из караван-сараяев задержали двух кашгарлыков (мусульман из китайской Кашгарии), которые распространяли листовки, на которых был изображен оттиск ладони правой руки с арабскими письменами и мечом в области большого пальца. Известный ученый и чиновник администрации Семиреченской области Н.Н. Пантусов признал содержание листовок преступным. 18 августа 1898 г. военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Г.И. Иванов упрекал верненского полицмейстера в том, что подвешенные ему чины упустили двух местных сартов, которые помогали кашгарлыкам в их преступном деянии, но успели скрыться, оставив после себя лишь свои имена: Ашим и Амин¹.

Судя по документам, осенью и зимой 1898–1899 гг. Семиреченскую область лихорадило. На ее территорию через горные проходы перебралось много сторонников минтюбинского ишана, которые вели антиправительственную пропаганду и агитацию. 3 апреля 1899 г. Г.И. Иванов издал циркулярное распоряжение всем начальникам уездных полицейских управлений и полицмейстеру г. Верного об усилении наблюдения за всеми подозрительными лицами, особенно выходцами из Ферганской долины. 7 апреля 1899 г. такое предписание было направлено волостным управителям и сельским старшинам («туземным» и русским). Однако «туземные» администраторы присылали уездным начальникам рапорты, из которых явствовало, что у них ничего антиправительственного не происходит. Так, например, волостной управитель Западно-Кастекской волости писал начальнику Верненской полиции о том, что у него проживает ферганский сарт Мухаммед-наби Мулла Шакиров, который, однако, ни в чем подозрительном не замечен. Современный узбекский историк Б.М. Бабаджанов пишет: «Опасения, что бунт будет распространен и дальше, оказались напрасными»². Однако его «метастазы» все-таки проникли в некоторые места Туркестанского края, в том числе в среду кочевников Семиречья. Позже они проявят себя в восстании 1916 г.

Летом 1899 г. военная полиция расследовала дело ишана Хабибуллы Абдрахманова на основе улик, предоставленных Ташкентской судебной палатой. Были задержаны три подозрительных подростка, при которых было обнаружено письмо ишана Абдрахманова к своим чимкентским и аулиеатинским мюридам, в котором тот перечислял их поименно и просил передать ранее розданное им оружие четырем доверенным людям, которых он пришлет для того, чтобы они передали его всем «желающим ради газавата»³. Кроме этого, имелось прошение «киргиза» Мамбета Калкабекова на имя военного губернатора Сырдарьинской области генерал-лейтенанта Н.И. Королькова, в котором проситель указывал, что его обидел волостной управитель, и просил, чтобы того наказали, потому что он тайно поддерживал минтюбинского ишана, получил от него ружья и хранит их, убеждая всех тайно, что они еще пригодятся, так как надо готовиться к новому газавату. Калкабеков перечислял лиц, у которых должно храниться оружие⁴. 24 июня 1899 г. начальник Аулиеатинской уездной полиции писал прокурору Ташкентской судебной палаты о том, что на основе данных Калкабекова он изъял 60 ружей у «киргизов»⁵, которые при этом доказывали ему, что они его хранили для охраны скота от хищников и для охоты и что они получили

¹ ЦГА Каз. Ф. 41. Оп. 1. Д. 96 – Дело об установлении надзора за мусульманским населением в связи с восстанием 1898 года в Андижане. Л. 141 об.

² Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 526.

³ ЦГА Каз. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7 – Материалы дознания по вопросу тайного снабжения оружием населения ишаном Абдрахмановым. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ В официальных документах того времени «киргизами» называли всех кочевников Средней Азии, в том числе казахов, но исключая туркмен.

их не от ишана, а по наследству. Уездный начальник (он же начальник полиции) отмечал, что при обширной разбросанности кочевий изъять оружие у всех «будет крайне затруднительно»¹.

Как известно, Андижанское восстание 1898 г. закончилось военным судом, который приговорил к смертной казни 9 человек, а «387 понесли разные наказания»². Жена туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского Варвара писала том, что вдовствующая императрица добила помилования участника Андижанского восстания 1898 г. по телеграмме его 90-летней матери следующего содержания: «Самая несчастная мать просит самую счастливую о помиловании приговоренного сына»³. Адвокату за умелое сочинение телеграммы дали от мусульман 10 тыс. руб.

Генерал М.А. Терентьев, излагая биографию Дукчи-ишана⁴, отмечал, что на суде прокурор Туркестанского военно-окружного суда генерал-майор Долинский хвалил преданность ишана Мадали ценностям религии Пророка и даже сравнивал его с Иоанном Кронштадтским⁵. Исследователь И. Ювачев указывал в 1907 г., что на суде Дукчи-ишан признавал, что с «завоеванием» русскими Средней Азии жизнь «туземцев» стала тише и спокойнее, сарты быстро богатели, им не приходилось теперь дрожать за свою жизнь, за жену, детей или за имущество, как это было при ханах. Вместе с тем он отмечал, что русские привнесли в жизнь «туземного» населения «столько нечестивого, столько развращающего душу человека, что правоверные становятся неузнаваемыми. Пьянство, разврат, обман, воровство и другие пороки овладели мусульманами»⁶. Современный узбекский историк Б.М. Бабаджанов указывает, что «порча нравов и норм поведения» – основная тема в произведении самого Дукчи-ишана («Ибрат ал-гафилин»). Это же самое он говорил и во время следствия, пытаясь оправдать свой эмоциональный порыв»⁷. В июле 1898 г. «Туркестанская туземная газета» напечатала «Объявление от туркестанского генерал-губернатора», в котором, в частности, говорилось о том, что на суде «ишан... заявил, что действовал в болезненном иступлении и что он теперь ясно видит, сколь была неразумна и преступна его затея»⁸. По итогам суда туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской 22 августа 1898 г. в телеграмме императору Николаю II в Севастополь предложил ликвидировать три селения «туземцев» и на их месте образовать русские поселки, наложив на всё «туземное» население области контрибуцию в 1 млн руб. 24 августа 1898 г. царь «Высочайше» утвердил предложение Духовского, но уменьшил контрибуцию до 300 тыс. руб., что можно расценить только как гуманный жест. Позже 382 семейства «туземцев» были выселены из Хакентской волости, а их земли отдали городу Андижану – 190 десятин и 96 десятин – Андижанскому гарнизону⁹. И. Ювачев писал: «По восточному обычаю кишлак Минь-Тюбе совершенно разрушили,

¹ ЦГА Каз. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7 – Материалы дознания по вопросу тайного снабжения оружием населения ишаном Абдрахмановым. Л. 15.

² Особый журнал Совета министров от 25 ноября 1909 г. – По Всеподданнейшему прошению жителей Хакентской волости о возвращении им конфискованных у них в 1899 году земель // Особые журналы Совета министров Российской империи (1909–1917 гг.). 1909 год. М., 2000. С. 442.

³ Духовская В. Туркестанские воспоминания. СПб., 1913. С. 38.

⁴ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: в 3 т. Т. 3. СПб., 1906. С. 473–482.

⁵ Там же. С. 473.

⁶ Ювачев И. Курбан-Джан-Датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. 1907. № 12. С. 977.

⁷ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 527, в сноске.

⁸ Туркестанская туземная газета. 1898. № 26.

⁹ Особый журнал Совета министров от 25 ноября 1909 г. – По Всеподданнейшему прошению жителей Хакентской волости о возвращении им конфискованных у них в 1899 году земель... С. 443.

срыли и вычеркнули из списка селений»¹. Советский исследователь Н.А. Смирнов уточнял, что кишлак Минь-Тюбе сравнивали с землей и образовали на его месте селение Русское на 200 дворов². Кстати, здесь поселили не только русских православных, но и «малороссийских» (каневских) штундистов, которые до этого были неудачно расселены в Чаткальской долине Ферганской области³.

Зарубежные русофобы, а ныне националисты-историки из стран «Центральной Азии» утверждают, что десятки тысяч людей были жестоко наказаны «колонизаторами» за участие в андижанском бунте 1898 г. Однако это не так. Российские власти не скрывали от «туземного» населения то, каким образом происходило расследование дела зачинщиков мятежа в Андижане и какие наказания они получили после суда над ними. Подробная информация об этом была опубликована в «Туркестанской туземной газете»⁴. Несколько раньше в газете был опубликован приказ (№ 228) туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа от 29 июня 1898 г., в котором описывались ужасы андижанского мятежа и зверства его участников. В газете предавался всеобщей гласности и судебный приговор по делу о бунте⁵. Подавляющее большинство участников бунта отделались легким испугом и не были преданы суду. В августе 1898 г. и после мусульмане Туркестанского края с большим интересом обсуждали сообщение о том, как 90-летняя старуха Биби Сарымсакова телеграфом просила «вдовствующую» императрицу Марию Федоровну помиловать ее сына – осужденного участника андижанских событий. И мать царя уговорила его помиловать бунтовщика⁶ (об этом мы уже упоминали).

Более того, были наказаны туркестанские чиновники разных рангов. Получил выговор военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант А.Н. Повало-Швейковский, которого сменил в должности «старый туркестанец» генерал-майор А.П. Чайковский. Выговор получил начальник Ошского уезда (и полиции) полковник В.Н. Зайцев, которому родич «алайской царицы» Курбанджан-датхи – Карабек Хасанов сообщил о готовящемся мятеже, но тот не придал этой вести должного значения. Кстати, за это предупреждение Карабек Хасанов получил пожизненную пенсию в 300 руб. в год, сумму немалую по тем временам для простого кочевника. Сняли с должностей с отчислением в запас начальника Маргиланского уезда полковника Брянова и начальника Андижанского уезда подполковника Коишевского. Был отстранен от должности асакинский участковый полицейский пристав капитан-мусульманин Еникеев, который «странным» образом не догнал бежавшего Дукчи-ишана. Тем не менее Еникеев позже стал генералом и членом Государственной думы, причем выступал в ней с антирусских, промусульманских (читай: панисламистских) позиций. Были смещены со своих должностей все волостные управители и кишлачные (и аульные) старшины, на территории которых проживали мюриды Дукчи-ишана – участники андижанского бунта⁷.

В 1909 г. 320 семейств жителей Хакентской волости Андижанского уезда Ферганской области подали «всеподданнейшее» прошение о возврате им земель, конфискованных после Андижанского восстания 1898 г. В нем кратко излагалась его история и последствия. Документ хакентцев обсуждался на заседании Совета министров 25 ноября 1909 г.

¹ Ювачев И. Курбан-Джан-Датха, кара-киргизская царица Алая... С. 977.

² Смирнов Н.А. Современный ислам... С. 185.

³ См. об этом: Литвинов П.П. Переселення українців-сектантів до Середньої Азії наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. // Український історичний журнал. 1996. № 2. С. 47–55.

⁴ Туркестанская туземная газета. 1898. № 28. 20 июля.

⁵ Там же. № 27. 11 июля.

⁶ Там же. № 30. 31 июля.

⁷ Новое время. 1898. № 8123. 8 октября.

В правительстве было отмечено, что ходатайство хакентцев не получило одобрения туркестанских властей, а также главы «ревизии» Туркестанского края сенатора К.К. Палена. Кабинет министров указал, что 1/3 конфискованных земель была уже возвращена «туземцам» в виде бесплатных наделов в объеме 600 танапов, то есть около 100 десятин. Поэтому правительство «положило»: ходатайство хакентских жителей о возвращении им конфискованных ранее земель отклонить¹.

Несомненно, предпосылки восстания «туземцев» Русского Туркестана в 1916 г. вызревали в течение всего периода российского присутствия в Средней Азии, то есть на протяжении фактически полувека – срока, однако, весьма незначительного в истории человечества, чем и обусловлено то, что корни его были явно неглубокими. Изначально в силу межцивилизационного (Запад и Восток) и межконфессионального (ислам и христианство) противостояния сформировалась главная предпосылка – неприятие мусульманами не столько чужой власти, сколько привнесенных ею порядков и форм жизни, со временем всё больше объективно подтачивавших устои традиционного консервативного «туземного» быта. Эта предпосылка породила антирусские настроения, которые, однако, в реальной жизни не мешали аборигенам жить и сотрудничать с пришельцами по очень многим направлениям жизнедеятельности. Она была скорее неким общественным настроением, абстракцией, сублимированной из множества смутных чувств «туземного» мусульманского населения, порожденных приходом России и ее цивилизации в регион, как было принято называть, традиционного распространения ислама. Таким образом, эта предпосылка как «аура» в течение полувека всегда таила в себе возможность тех или иных антирусских выступлений.

Однако в диалектическом процессе возможное не всегда становится реальностью. Как известно, мелких (по масштабам) антирусских выступлений в Туркестане за полвека происходило немало. Такими были и мусульманские мятежи в Ташкенте и Андижане. Естественно, что они были небеспричинны, но, при разности обстоятельств, всегда имели предпосылкой вышеуказанную «ауру». То же можно сказать и о восстании 1916 г., несмотря на то что оно было единственным за полвека выступлением «туземцев», имевшим действительно общерегиональный масштаб. И здесь мы наблюдаем уже взаимодействие таких диалектических категорий, как *сущность* и *явление*. Сущностью восстания 1916 г. в наиболее острой форме был аграрный вопрос, а явлением – весь тот негатив, который скопился в вышеупомянутой нами «ауре» сложных взаимоотношений власти и народа, «туземного» и пришлого населения, ислама и христианства, новых форм жизни и отживающих, традиционных таковых. Но сущность мятежного времени в 1916 г. была понятна немногим, зато его явление – очевидно для всех.

¹ Особый журнал Совета министров от 25 ноября 1909 г. – По Всеподданнейшему прошению жителей Хакентской волости о возвращении им конфискованных у них в 1899 году земель... С. 444.

ГЛАВА 3

ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В ТУРКЕСТАНЕ

В предыдущей главе о предпосылках восстания 1916 г. мы указывали на различие понятий «предпосылки» и «причины» и приводили определение первого из них. В данном случае есть необходимость уточнить понятие причины. Мы отмечали, что «Словарь русского языка» С.И. Ожегова изъясняет ее как «явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления»¹. На наш взгляд, это весьма общее определение. Мы полагаем, что причина есть постепенное накопление противоречивых обстоятельств, которые в своем диалектическом развитии достигают перерыва постепенности, то есть перехода количества в качество, выступающего как ее следствие. Действительно, если оглянуться на всю предыдущую историю человечества, в частности России, то можно без труда обнаружить, что причины социальных восстаний вызревали в течение долгого времени, а потом обнаруживали себя посредством повода как детонатора взрыва всеобщего народного негодования, накопленного на протяжении длительного периода. Повод часто путают с причиной. На вопрос о причинах первой мировой войны часто отвечают: «Из-за того, что где-то убили наследника какого-то престола». Наиболее знающие люди говорят о Сараеве, выстреле Гаврилы Принципа и австрийском эрцгерцоге Франце-Фердинанде. Но, как говорится, «quod licet jovi, non licet bovi»² – что допустимо любителю, то не положено профессионалу. Последний, понятно, никогда не спутает причину с поводом. Поэтому при анализе восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане мы должны отделять его причины от повода, его вызвавшего, то есть от царского указа от 25 июня 1916 г. о призыве представителей коренного населения окраин Российской империи к тыловым работам. Исследователь С. Волин пишет: «Несомненно, что роль указа о наборе туземцев на тыловые работы как толчка, непосредственно вызвавшего восстание, очень велика. Об этом говорят все без исключения источники»³. По его мнению, главной причиной восстания было ограбление кочевнических земель⁴.

Японский историк Т. Уяма задается вопросом – почему восстание 1916 г. случилось в Средней Азии и Казахстане, хотя мобилизация на тыловые работы была объявлена в Сибири, на Кавказе, в Калмыкии и др.⁵ Турар Рыскулов считал, что восстание в Туркестане вызревало в течение 50 лет владычества России в крае. Уяма пишет о том, что царский указ от 25 июня 1916 г. был подготовлен спешно, без консультаций с Государственной думой, генерал-губернаторами и губернаторами. Калмыки и буряты не были подготовлены к призыву на тыловые работы, а на Кавказе вообще набор на тыловые работы отменили⁶. Призыв якутов тоже отменили, поскольку они снабжали всем необходимым золотые прииски. На Алтае «инородцы» выступили одиночно. Уяма указывает, что в Центральной Азии не было метрических книг, и потому списки призывников на тыловые работы составляли по собственному произволу должностные лица «туземной» администрации. Среди сибирских «инородцев»

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М: Рус. яз., 1983. С. 535.

² Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку (лат.).

³ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 6.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 104.

⁶ Там же. С. 106.

метрические записи велись, они заполнялись и среди мусульман Оренбургского и Таврического муфтиятов. На Кавказе муллы тоже вели метрические книги. У буддистов – бурят и калмыков были метрические книги. Но, как отмечает Уяма, их не было у мусульман Средней Азии и Казахстана, за исключением казахов Букеевской орды (Астраханской губернии), которые вели метрические книги¹. Для понимания причин восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане это обстоятельство имеет немаловажное значение, так как именно манипуляции «туземной» администрации с зачислением людей по возрастным показателям в списки тыловых рабочих стали одним из главных факторов озлобления восставших. За отсутствием метрических записей, возраст людей определялся мздоимцами на глазок, с завышением или занижением его, исходя из своекорыстных побуждений.

Исследователь В.П. Сальков справедливо отмечал, что «народные восстания редко бывают последствием одной причины: они отражают в себе частью сознательное, частью бессознательное – стремление положить конец всему, что в глазах мятежников представляется вопиющей неправдой и ближайшим источником их бедствий»². Он указывал, что часто все причины бунтов в Средней Азии сводятся к фанатизму, «который всегда является для объяснений непонятных явлений в общественной жизни мусульманских народов»³ (курсив наш. – П.Л.).

Действительно, существует немало оценок причин восстания 1916 г., которые трудно назвать глубокими и объективными. Нелишне отметить, что они появились еще во время его развития и последующего подавления. Так, среди туркестанской и центральной российской администрации были деятели, считавшие причиной мятежа в Средней Азии «модный» тогда для разного рода негативных ссылок панисламизм. Один из немногих «туземцев», имевших высшее образование (инженер путей сообщения), М. Тынышбаев по требованию прокурора Верненского окружного суда писал о том, что панисламизм не был причиной в восстании 1916 г. Он указывал: «Разумеется, всякому простому киргизу приятно, когда ему говорят, что единственная Турция сильна, что магометане сделали то-то, победили балканские народы и т. д., но говорить, что простой малокультурный народ, всецело поглощенный своими повседневными мелкими интересами, отдаленный таким пространством мог подняться до сознания образования какой-то цельной организации, преследующей отвлеченную малоуловимую идею, может так думать человек с болезненной фантазией или имеющий в виду какую-нибудь особую цель»⁴.

Как отмечалось, основные причины восстания 1916 г. вызревали в течение долгого времени. Так или иначе, катализатором их превращения в трагическое следствие явилась переселенческая политика П.А. Столыпина. Но даже главная причина никогда не бывает единственной в любом явлении, ей всегда сопутствуют множество иных, становящихся базовой основой для обретения этой причиной доминирующей роли в достижении окончательного разрешения процесса в том или ином выражении. При этом хотелось бы особо отметить, что главная причина определяет преимущественно форму проявления процесса, в нашем случае – восстания мусульман 1916 г. в Туркестане, а его характер во многом зависел от других, сопутствующих причин.

Вряд ли кто станет оспаривать то, что в пылу восстания «туземцы» региона уже мало думали о том, что действительно было основной причиной их антицаристского

¹ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 108.

² Сальков В.П. Андижанское восстание в 1898 году... С. 124.

³ Там же.

⁴ ЦГА Кыр. Ф. 75. Оп. 1. Д. 46 – Всеподданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области за 1916 год. Л. 127.

и антирусского бунта. Всех охватил вихрь безумной мести за всё то, что накопилось в умах и душах за годы царистского управления краем. Однако это обстоятельство было характерно, на наш взгляд, только для Семиреченской области и отчасти Закаспийской, то есть для тех мест Туркестанского края, где проживали номады. Что касается его «коренных» областей – Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской, то земельный вопрос был острым, пожалуй, только в Джизакском уезде Самаркандской области. Поэтому в указанных областях сыграли свою роль иные «взрывные» факторы. Примечательно, что даже казахстанские авторы пишут о том, что «основные причины восстания носили социально-экономический характер. К ним относились: усиление колониального гнета, насильственное изъятие земель, непомерный рост налогов, политика усиления русификации в отношении коренного и других нерусских народов, населявших Казахстан, ухудшение жизненного уровня населения»¹. По их мнению, «главной целью данного восстания было национальное и политическое освобождение казахского народа от колониального ига»².

Естественно, что при такой постановке вопроса они отодвигают в сторону проблему изъятия земель у кочевников как главную причину их восстания в 1916 г. Известный казахский общественный деятель начала XX в. Алихан Букейханов тоже ее игнорировал и видел причины восстания 1916 г. в политике «русификации» казахов, породившей антирусские настроения в среде номадов Степи³. Исследователь А. Моррисон правомерно ставит вопрос о том, что восстание началось в городской (в Ходженте), а не в кочевой среде, а значит, горожан будировала не земельная проблема⁴. Но при этом он признает, что самое большое кровопролитие в восстании 1916 г. случилось в Пишпекском и Пржевальском уездах Семиреченской области⁵. Любопытно, что советские кыргызстанские историки тоже не считали земельный вопрос главным. По их мнению, только «одну из отличительных черт восстания следует видеть в том, что в его глубокой основе лежала борьба киргизских дехкан за землю. Национальный вопрос в Киргизии, как и на других колониальных окраинах царской России, сливался с аграрным вопросом»⁶. Многие исследователи не считают земельный вопрос главной причиной восстания 1916 г. в Средней Азии. Например, А. Безугольный пишет о том, что в Туркестанском крае «беспорядки были направлены главным образом против русских чиновников и их семей и имели ярко выраженный шовинистический характер»⁷. Зарубежный исследователь Э.Д. Сокол отмечает, что восстание сартов – оседлых жителей Туркестанского края определялось тем, что в нем играла роль проблема рабочих рук для уборки хлопка. Цены на хлопок фиксировались – были низкими. Кроме того, сыграло свою роль составление списков «туземной» администрацией – ее взяточнические манипуляции с установлением возраста призывников. Куропаткин писал в своем дневнике о том, что в этом деле вращались миллионные суммы⁸. Среди оседлого населения края восстание началось 4 июля в Ходженте, 9 июля 1916 г. в Андижане, а 11 июля 1916 г. в Намангане⁹. По мнению Э.Д. Сокола, главной причиной восстания 1916 г. была деятельность панисламистов – внутренних и внешних. Он указывает, что «религиозный фанатизм был, безусловно, одним

¹ Турлыгул Т., Жолдасбаев С., Кожакеева Л. История Казахстана (важнейшие периоды и научные проблемы): Уч. ... С. 51.

² Там же.

³ Казахи о русских до 1917 года / А. Букейханов, М. Дулатов, А. Байтурсун, Т. Рыскулов... С. 33–35.

⁴ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 146.

⁵ Там же.

⁶ История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней. Т. 2... С. 346–347.

⁷ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 115.

⁸ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 88.

⁹ Там же. С. 89–90.

из главных рычагов восстания»¹. Что касается кочевников, то Сокол говорит не об их земельных проблемах, а о том, что они должны были работать на семьи русских, ушедших на фронт, или платить им по 18–26 руб.². Известный мусульманский деятель Ахмет-Заки Валиди отмечал, что, кроме земельной, у восстания 1916 г. были и другие причины: трудности хлопководства, вопрос о воинской повинности «туземцев», военный налог, обязательные сборы на войну, которые присваивались всеми – от генералов до волостных управителей³. Кыргызстанский исследователь Т. Шейшеканов пишет о том, что в 1913 г. в Пржевальском уезде была чума, от которой пострадало много людей и их жизненный уровень. Во время первой мировой войны материальное положение населения Семиреченской области резко ухудшилось. Сыграл свою роль «опиумный» налог. Шейшеканов указывает, что «неуклонное ухудшение социально-экономического положения, невыносимые мучения и страдания не могли не переполнить чашу терпения кыргызов»⁴, они не могли не восстать против режима, обрекшего их на жалкое существование. Положение других социальных групп населения Средней Азии было не на много лучше. Поражение царской России в мировой войне отрицательно повлияло на настроение всего населения в Туркестанском крае и, конечно, особенно на «туземное». Начальник Кокандского отделения Жандармско-полицейского управления Среднеазиатской железной дороги писал в ноябре 1915 г. о том, что «слухи о войне, дороговизне жизни и забастовках, которые не проникают в печать, еще более нервируют население»⁵. Он отмечал, что говорят о пользе погромов и «растет недовольство народонаселения, могущее вылиться в открытое возмущение»⁶. В 1915 г. в Ташкенте и других местах Туркестанского края имели место «бабьи бунты», в которых участвовали русские женщины. Множились народные выступления против ухудшающегося материального положения.

Любопытны мнения о причинах восстания 1916 г. высших руководителей Туркестанского края. Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин телеграфировал 18 августа 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о том, что в свое время кыргызы во главе с Шабданом Джантаевым помогли Скобелеву покорить оседлых жителей Ферганы. Однако «за период в 40 лет мы не приблизили к себе сердца этих простых, но еще первобытных людей, а чрезмерной деятельностью по отчуждению лучших земель, находившихся веками в распоряжении киргизов, для образования русских селений вызвали недовольство киргизов новым режимом управления»⁷ (курсив наш. – П.Л.). В своем дневнике он указывал, что земельная политика правительства в Туркестане была ошибочной, особенно среди кочевого населения, и отмечал: «Выставка рабочих явилась толчком, а недовольство киргиз русским режимом росло давно»⁸ (курсив наш. – П.Л.). Там же Куропаткин писал о том, что у кочевников Туркестанского края отняли лучшие земли. При переходе на оседлость им давали только пахотные земли, а земли для кочевого скотоводства в размере 1 800 000 десятин попали аферистам. Военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Н.С. Лыкошин указывал, что восстание было осуществлено «на постепенно подготовленной почве недовольства русскими порядками... Видимо, за протекшие после завоевания края полвека нам

¹ Sokol E.D. The revolt of 1916 in Russian Central Asia... P. 96.

² Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 77.

³ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 462.

⁴ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: Сб. ст. Бишкек: Нео Принт, 2017. С. 120.

⁵ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 168.

⁶ Там же.

⁷ Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док. / КРСУ... С. 29.

⁸ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 51.

не удалось побороть в народе фанатичную его нетерпимость к иноверцам-завоевателям и убедить народ в преимуществах русской культуры и русской гражданственности»¹. Он обозначал 17 пунктов причин восстания: 1) отсутствие общей программы и системы управления и неопределенность целей; 2) частая смена представителей высшего управления краем, которые игнорируют политику предшественников и действуют по собственному почину; 3) «общее незнакомство русских... в крае с бытом населения, его языком и верованиями»; 4) нарушение мусульманских обычаев допущением вина и регламентацией проституции; 5) не всегда удачный подбор лиц русской администрации, многие из которых не знают туземный быт и языки; 6) малочисленность русской администрации для огромной территории края; 7) недостаточность участковых полицейских приставов, неспособных уследить за всеми волостными управителями, сельскими старшинами и прочими из «туземной» администрации; 8) проникновение в среду «туземцев» неблагонадежных русских и инородцев, подрывающих престиж русского имени; 9) злоупотребления низшей «туземной» администрации – объездчиков, сторожей и т. п. (в Джизакском уезде восставшие перебили всех объездчиков вместе с семьями, не исключая детей); 10) неосведомленность русской администрации о духовном и умственном развитии «туземцев», невмешательство в дела традиционной мусульманской школы; 11) равнодушие к деятельности ишанов, которые сыграли пагубную роль в Джизакском уезде; 12) изъятие земель для русской колонизации; 13) низкий нравственный уровень переселенцев и их плохое отношение к «туземцам»; 14) «агентура из Турции через периодически появляющихся в крае разного рода хаджи, далилей и других агентов турецкого правительства»; 15) неудачное направление в Туркестанский край беженцев военного времени, которые порождают у «туземцев» мнение о том, что Россия терпит поражение в войне; 16) «агитация германских военнопленных, признаки которой были замечены в Джизаке»; 17) малочисленность русских войск в Туркестанском крае в военное время². Лыкошин ставит земельный вопрос только 12-м пунктом. Это можно объяснить только тем, что земельный вопрос в возглавляемой им Самаркандской области, населенной преимущественно оседлыми жителями, не стоял так остро, как в «кочевой» Семиреченской области.

Газета «Туркестанский голос» от 17 сентября 1916 г. приводила мнение и. д. (исполняющего должность) военного губернатора Ферганской области полковника П.П. Иванова о причинах восстания 1916 г.: «Экономическое порабощение туземцев коммивояжерами туземного и пришлого капитала, подчас откровенное вымогательство – вот где нужно искать корни июльских событий (1916 г.)»³. Он писал о том, что «туземцы» Ферганской области оказались не готовы к восприятию всего того, что привнесла к ним русская власть. Они были преданы своему традиционному быту. Вместе с тем и всё новое, привнесенное русскими, распространялось среди «туземного» населения неравномерно – большей частью там, где было больше русских. Полковник указывал: «Проникновение в край спиртных напитков и русской проституции увлекло бывшую в страхе у старших молодежь на путь разгула и порока, что потрясло основы патриархального мусульманского уклада и вызвало негодование среди всех слоев туземного населения, одновременно расшатав и престиж русской власти и русского народа»⁴. В Ферганскую область хлынули любители легкой наживы. Русская власть тоже делала ошибки, так как разные ведомства были разрозненны. П.П. Иванов также отмечал, что выборный народный суд, который и раньше был кривосудным, быстро сросся

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 26.

² Там же. С. 26–28.

³ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 185.

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 65.

с русской властью, чинил произвол от ее имени, занимался лихоимством, прикрываясь традиционным правом¹. Он писал о том, что усилилась пропаганда мусульманского фанатизма, презрения к «неверным»; облегчилось паломничество в Мекку, откуда паломники привносили вредные, антирусские идеи панисламизма; в Туркестанском крае перед восстанием 1916 г. активно распространились младотурецкие идеи; неудачи России в войне германские агенты в Персии и Афганистане раздували, подчеркивая ее военную слабость и неумение управлять Туркестанским краем. Полковник указывал на отрицательную деятельность мусульманского духовенства, которое обвиняло Россию в привнесении в Среднюю Азию разной «скверны»². Вследствие этого народ качнулся в сторону религии. Таким образом, в Туркестанском крае постепенно накапливался «взрывчатый» материал для восстания, и царский указ о мобилизации «туземного» населения на тыловые работы стал поводом к его вспышке. Как явствует из вышеизложенного, и. д. ферганского военного губернатора полковник П.П. Иванов не только не считал земельный вопрос основной причиной восстания 1916 г., но даже не упоминал его.

Не менее значимы мнения о причинах восстания 1916 г. авторитетных его современников. Житель города Пржевальска, 73-летний отставной генерал-майор Я.И. Корольков показал на допросе 1 октября 1916 г. мировому судье 3-го участка Пржевальского уезда о том, что русские крестьяне использовали труд работников-кыргызов. Он свидетельствовал о незаконных изъятиях кыргызских земель российскими чиновниками. Далее он отмечал, что летом 1916 г. разрешили высевать опиумный мак, и многие работники-кыргызы решили заняться этим промыслом, в связи с чем стали уходить от русских работодателей³. Другой житель Пржевальска, отставной генерал-майор И.Я. Нарбут, на допросе у ротмистра Отдельного корпуса жандармов Г.А. Юнгмейстера 3 ноября 1916 г. показал, что основной причиной восстания 1916 г. было изъятие у «киргизов» их лучших земель, а также «плохое отношение русского населения, главным образом, новоселов к киргизам, которых они ставили на одном уровне с животными»⁴.

Совершенно естественно, что большинство исследователей – как отечественных, так и зарубежных – считают главной причиной восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане все-таки земельный вопрос. Как отмечалось, эту точку зрения отстаивал в своих работах выдающийся деятель Советского Туркестана – кыргыз Юсуп Абдрахманов⁵. Об обостренных земельных отношениях между кочевниками и русскими переселенцами писал кыргызстанский советский историк А.А. Сапелкин⁶. Авторитетный российский исследователь С.Н. Брежнева указывает, что важнейшей причиной восстания 1916 г. явилось изъятие земель у кочевников и передача их русским переселенцам⁷. Исследователь С. Малабаев относит к причинам восстания 1916 г. изъятие лучших земель кочевников для русских новоселов, злоупотребления при этом чиновников переселенческого ведомства; неожиданность царского указа о призыве коренного населения на тыловые работы, суть которого народ не понял, и то, что должностные лица «туземной» администрации включили в число мардикёров не своих родных и близких, а бедных сородичей, подогревая тем самым антивластное настроение народа. Кроме того, он отмечает преступную халатность и измену царских властей, приводя в пример поведение начальника Пржевальского уезда

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 65.

² Там же. С. 66.

³ Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док... С. 91.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ См.: *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе: Кыргызстан, 1991.

⁶ *Сапелкин А.А.* Аграрные отношения в Киргизии в начале XX в. Фрунзе, 1977. 280 с.

⁷ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 453.

полковника В. Иванова, который, по его мнению, преступно бездействовал. Малабаев указывает, что восстания не было там, где феодалам и их приспешникам не удалось поднять народ на восстание, и приводит примеры такого рода¹. Исследователь Д. Алимова пишет о том, что к 1916 г. налоги с кочевого населения Туркестанского края увеличились в два раза².

К признанию земельного вопроса как основного в восстании 1916 г. склоняется и большинство зарубежных специалистов. Например, Ширин Акинер пишет о том, что русское переселение сопровождалось захватом земли у кочевников, что «накаляло обстановку и вылилось потом в восстание 1916 г., которое было жестоко подавлено, однако перед этим погибло большое число русских и было разграблено много их имущества»³. М. Ривкин считает, что «основной причиной восстания 1916 г. послужило изъятие “свободных” земель у кочевых народов края»⁴. Секретарь Французской академии наук, туркестановед Х.К. д’Анкосс отмечала, что «киргизы Семиречья более всего пострадали от экспроприации земель, переданных русским и украинским поселенцам»⁵. При этом признавала разнообразие причин восстания: «Если основной проблемой 1916 года для казахов и киргизов была земля, то для узбеков это обстоятельство играло меньшую роль – для них важнее всего было признание равноправия»⁶. По ее мнению, «восстание 1916 г. было особенно серьезным в отсталых районах, далеких от больших городов, где развивалась идея национализма, но и где влияние мулл было сильнее»⁷.

Таким образом, есть все основания полагать, что главной причиной восстания *кочевого* населения Туркестанского края в 1916 г. был земельный вопрос.

В истории человечества многие важные события связываются с конкретными персоналиями – например, реформы Солона, крещение Руси князем Владимиром, завоевания Чингисхана, преобразования Петра Великого и т. д., и т. п. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане можно связывать с именем всемогущего временщика и лукавого царедворца времен Николая II. Действительно, неразумная переселенческая политика П.А. Столыпина в этом регионе привела к обезземеливанию местного, особенно кочевого, населения, которое утратило свои традиционные пастбища для скота, в связи с чем самый большой пожар восстания наблюдался именно в Семиреченской области (и более всего в районе Прииссык-куля). «Кочевая» Закаспийская область была в меньшей мере задета прессингом переселенческого энтузиазма царского «фаворита», поскольку в ней было очень мало пригодных для обрабатывания земель (не было поливной воды, которая могла бы их ввести в хозяйственный оборот). К тому же, природно-климатические условия края пустынь тоже были малопривлекательны для переселенцев из России. Поэтому царские власти заселяли область преимущественно российскими «раскольниками» (сектантами), которым просто некуда было деваться. Были в Закаспийской области и поселения немецких сектантов. Что касается «коренных» областей Туркестанского края (Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской), то здесь преобладало оседлое мусульманское население, плотность которого была достаточно высокой, отчего фонд свободных земель, особенно в Ферганской долине, был весьма и весьма ограничен. Но Столыпин всё же направил переселенцев и сюда, преимущественно в Джизакский уезд Самаркандской области, и именно здесь восстание «туземцев» в 1916 г.

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 220.

² Там же. С. 177.

³ *Shirin Akiner*. Islamic Peoples of the Soviet Union. London, Boston, Melbourne and Henley, 1983. P. 290.

⁴ *Rywkin M.* Russia in Central Asia. London, 1963. P. 31.

⁵ Central Asia. A century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth... P. 211.

⁶ Там же. С. 212.

⁷ Там же. С. 213.

имело наибольшее напряжение, что лишний раз подтверждает то обстоятельство, что главной причиной восстания был всё же земельный, а не какой-либо иной вопрос.

Таким образом, можно утверждать, что Столыпин заложил в Туркестанском крае своей переселенческой политикой, образно говоря, мину замедленного действия, которая сработала в канун пятилетия со дня его гибели от пули ангажированного «охранкой» псевдоанархиста Д. Богрова. Царь не участвовал в похоронах убиенного, так как к тому времени осознал, что тот своим «третьеиюньским законом» 1907 г., военно-полевыми судами, аграрной «реформой» и т. п. подвел его к краю пропасти всенародного презрения. Можно только удивляться, что нынешнее российское правительство учредило медаль имени П.А. Столыпина, который, в отличие от С.Ю. Витте, не привнес ничего действительно стоящего для России и ее народа. Те провозглашаемые им лозунги, которые любят повторять современные российские «государственники», отличались склонностью Столыпина к банальному краснобайству и эпатажу. Кстати, С.Ю. Витте, реально возвысивший российскую экономику и финансы, писал: «Можно сказать, что Столыпин *был образцом политического разврата*, ибо на протяжении пяти лет из либерального премьера обратился в реакционера и такого реакционера, который *не брезгал никакими средствами* для того, чтобы сохранить власть и, *произвольно, с нарушением всяких законов*, править Россией»¹ (курсив наш. – П.Л.). И прав был видный российский ученый А.М. Анфимов, когда писал: «А тень Столыпина над сегодняшней страной всё гуще и темней»². Мы твердо убеждены в том, что если бы не провальная переселенческая политика П.А. Столыпина в Средней Азии и Казахстане, то восстания 1916 г. не случилось бы, даже с учетом всех трудностей военного времени.

Вместе с тем, было бы несправедливым возлагать все огрехи переселенческой политики царизма в Российской империи только на одного человека, даже такого одиозного, как П.А. Столыпин. Есть все основания утверждать, что переход кочевников Средней Азии к оседлости начался еще до прихода России в регион, так как буквально через год после утверждения русской власти в Туркестане видный российский специалист по региону, член «степной комиссии» А.К. Гейнс констатировал в 1866 г., что кочевники Туркестана постепенно переходят к оседлости и земледелию³. Процесс был закономерным и естественным следствием многовекового и разнообразного сотрудничества оседлого и кочевого населения Средней Азии. Поэтому считать, что его начало было положено установлением в регионе русской власти, нет никаких оснований. Однако то, что он был ускорен этим обстоятельством, сомнению не подлежит. И дело тут не в самой русской власти, а в том, что с присоединением Средней Азии к Российской империи в Туркестане, не исключая, разумеется, и местных ханств – Бухарского и Хивинского, стали утверждаться новые капиталистические отношения, повлиявшие на весь хозяйственный уклад коренного населения. Кочевая экономика, во многом зависевшая от природных условий, устремилась к более стабильным порядкам существования и меньшей зависимости от капризов природы, главным образом зимней бескормицы – джута. О его тяжелых последствиях для жизни кочевников писал, например, туркестанский публицист С.Е. Дмитриев⁴. Номады стали всё чаще осознавать, что заготовка кормов на зиму в состоянии оседлости может гарантированно предотвратить падеж скота.

Процесс седентаризации кочевого населения Туркестанского края в конце XIX – начале XX в. постоянно отслеживался местными и центральными средствами массовой

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 393.

² Анфимов А.М. Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1991. № 4. С. 120.

³ См.: Гейнс А.К. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан // Собрание литературных трудов. Т. II. СПб., 1898. С. 420.

⁴ См.: Дмитриев С.Е. Перед угрозой джута // Семиреченские областные ведомости. 1908. № 21.

информации. В газетах и журналах достаточно объективно оценивалась ситуация с земельным вопросом в областях края, преимущественно, правда, в Семиреченской области, поскольку именно здесь он приобретал день ото дня чрезвычайную остроту. В публикациях не только отмечались достижения, ошибки, просчеты, огрехи и т. п. аграрной политики туркестанской администрации, но и говорилось о препятствиях оседанию номадов, чинимых родоплеменной верхушкой, заинтересованной в сохранении многовековых патриархальных отношений¹. Так, например, петербургская газета «Народ» писала о процессе седентаризации среди кочевников Аулиеатинского уезда и о сопротивлении ему со стороны баев, биев и проч.². Это соответствовало действительности. Х. Турсунов подтверждал, что бедные кочевники подавали прошения о переходе к оседлости, но с тем, чтобы в их поселениях не было богачей. Поэтому кочевая верхушка препятствовала переходу к оседлости рядовых сородичей³. Материалы по земельному вопросу у кочевников нашли отражение в содержании разных томов «Туркестанского сборника»⁴. Кроме того, переселенческие

¹ См.: Семиречь. Киргизы-крестьяне // Туркестанские ведомости. 1897. № 70; Стремление киргиз к народной жизни // Народ. 1897. № 173. 13 июня; Образование киргизских оседлых поселений в Семиреченской области // Киргизская степная газета. 1897. № 37; Оседлые поселения киргизов // Киргизская степная газета. 1898. № 26; Пономарев Н. Оседлые поселения киргиз в Семиреченской области // Туркестанские ведомости. 1900. № 16; Токмак // Туркестанские ведомости. 1905. № 48; Федоров Н. От Оша до Кашгара // Туркестанские ведомости. 1900. № 55, 58; Шкапский О.А. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 19–52; Воронков В. По вопросу о поземельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области // Семиреченские областные ведомости. 1908. № 12, 14, 16, 22, 24, 27, 34–35, 37–38, 40, 42–43; Чиркин Г. Землеустройство киргиз в связи с колонизацией степи // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 44–68; Гаврилов Н. Переселенческое дело в 1907 году // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 439–444; Еще о киргизской оседлости // Семиреченские областные ведомости. 1910. № 127; Землеустройство в Семиречь // Семиреченские областные ведомости. 1910. № 100; Переход киргиз на оседлость // Семиреченские областные ведомости. 1910. № 109; К землеустройству киргиз // Семиреченские областные ведомости. 1910. № 141; Землеустройство киргиз // Семиреченские областные ведомости. 1910. № 252; Первая киргизская оседлая волость // Семиреченские областные ведомости. 1911. № 224; Джайнаков И. О киргизской оседлости // Семиреченские областные ведомости. 1912. № 63; Ш-в Г. Из быта киргиз // Туркестанские ведомости. 1912. № 220; Шкапский О.А. Прошлое и настоящее Туркестана (К пятидесятилетию штурма г. Ташкента) (О земледелии киргизов Ошского уезда) // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 142; Местная хроника (О переводе кочевников Джамансартовской, Багишевской, Карабалтинской и Глеубердинской волостей, Пишпекского уезда на оседлое положение) // Туркестанские ведомости. 1916. № 41 и др.

² Стремление киргиз к народной жизни // Народ. 1897. № 173. 13 июня.

³ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 122–123.

⁴ См.: А.И. Киргизский вопрос в Государственной думе (1907) // Туркестанский сборник. Т. 447. С. 14–28; К вопросу о киргизских землях (1907) // Туркестанский сборник. Т. 428. С. 61–63; Переселение и кочевники (1907) // Туркестанский сборник. Т. 428. С. 64–66; Совещание о земельном устройстве киргизских областей (1907) // Туркестанский сборник. Т. 431. С. 166–167; К землеустройству киргиз (1907) // Туркестанский сборник. Т. 453. С. 60–61; Р.П. Притязания на Алай // Туркестанский сборник. Т. 478. С. 81–82; Успенский А. Влияние колонизации на киргизское хозяйство // Туркестанский сборник. Т. 472. С. 152–166; Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи (1909) // Туркестанский сборник. Т. 472. С. 35–36; Свободные киргизские земли (выработка Правил о порядке обращения в государственный фонд земель, излишних для киргиз (1909) // Туркестанский сборник. Т. 507. С. 118–119; Федоров Е. Аграрные недоразумения в Туркестанском крае (инцидент между киргизами и земельно-податной комиссией) (1909) // Туркестанский сборник. Т. 510. С. 33–35; Тимаев К.А. Государственная дума и туркестанские киргизы // Туркестанский сборник. Т. 542. С. 149–152; В.Г. О землеустройстве кочевников // Туркестанский сборник. Т. 542. С. 73–79 и др.

органы информировали общественность по вопросам «киргизского» землепользования, публикуя материалы о решении аграрного вопроса в среде номадов Туркестанского края¹.

Известно, что между кочевниками и переселенцами, особенно «стольпинского» периода, нередко возникали проблемы, связанные с землепользованием. Однако они не всегда принимали опасный поворот, чреватый открытыми столкновениями, которые участились именно в связи со «стольпинским» переселением. Х. Турсунов подтверждал, что «захват казахских и киргизских земель особенно усилился в период стольпинской реакции»². Исследователь Г. Ситнянский справедливо отмечает, что «стольпинская реформа» создала новые конфликты между переселенцами и местным населением³. В 1906 г. между крестьянами селения Александровского Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области и кочевниками имели место столкновения по земельным делам, в связи с чем для разбирательства туда был направлен полковник В.Н. Сусанин⁴. Однако чаще всего переселенцы старались заключать с номадами договоры аренды или покупки земли мирным образом и на законном основании. Например, таким образом заключали свои сделки с кочевниками немцы-меннониты из Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области. Так, в ноябре 1909 г. лидеры меннонитских селений подали прошение в краевую канцелярию о продлении договора аренды земли у соседних кочевников, мотивируя это желанием расширять свою хозяйственную деятельность⁵. Арендовали землю у номадов по сходным мотивам и русские переселенцы либо «самовольцы», которым были не положены государственные наделы. Однако это не всегда и не везде имело успех. Так, в 1907 г. «Туркестанские ведомости» сообщали о том, что кочевники Ферганской области относились отрицательно к «самовольческим» поселкам, в частности, в Кугартской долине⁶. Журнал «Туркестанское сельское хозяйство» в том же году писал о нелегкой судьбе кугартских переселенцев⁷. Однако со временем положение изменилось, и уже в 1910 г. газета «Туркестанские ведомости» отмечала, что кочевники Кугартской долины согласились продавать свои земли русским «самовольным» переселенцам⁸. Таким образом, средства массовой информации

¹ См.: Чиркин Г.Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье: Записка командированного в Семиреченскую область летом 1908 года ревизора землеустройства Г.Ф. Чиркина. СПб.: Изд. Переселен. упр. Главн. упр. землеустройства и земледелия, 1908; Материалы по киргизскому землепользованию: Сыр-Дарьинская область, Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911; Материалы по киргизскому землепользованию: Сыр-Дарьинская область, Казалинский уезд. Ташкент, 1913; Материалы по киргизскому землепользованию: Ферганская область, Наманганский уезд. Ташкент, 1913; Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения Южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915; Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Талас Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1915.

² Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 118.

³ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 39.

⁴ См.: ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 4. Д. 997 – О командировании полковника Сусанина в Аулиеатинский уезд для расследования дела о столкновении крестьян сел. Александровского с киргизами. Л. 1–1 об., 3–3 об., 7, 10.

⁵ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 17. Д. 769 – По прошению менонитов – немцев Янцена, Шмидта и др. об оставлении за ними земли, арендованной у киргизов Биштатской волости Аулиеатинского уезда. Л. 1–2 об.

⁶ См.: Кугартская долина (Корр.) // Туркестанские ведомости. 1907. № 178. 17 октября.

⁷ Печальное положение занимают переселенцы Ферганской области // Туркестанское сельское хозяйство. 1907. № 6.

⁸ Виг. Продажа киргизами земель // Туркестанские ведомости. 1910. № 250. 7 ноября.

не оставляли без внимания проблему земельных взаимоотношений между кочевниками и русскими переселенцами¹.

Среди публикаций встречались тревожные сообщения, которые должны были стать предметом изучения тогдашних правительственных аналитиков. Так, например, еще до восстания, в марте 1912 г., в газете «Туркестанские ведомости» была опубликована статья о тревожном положении кочевников-кыргызов, которых русские переселенцы, захватив бывшие земли номадов в Пржевальском уезде Семиреченской области, оттеснили с полей и пастбищ в горы, где они не могли нормально существовать². Газета отмечала, что это вызывает сильное возмущение кочевого населения уезда. Если бы такая практика была вовремя пресечена местными русскими властями, то можно с уверенностью утверждать о том, что восстания кыргызов, тем более в жестокой форме, в Прииссыккулье не было бы. И некоторые чиновники из царской правительственной администрации предупреждали власти о возможном «возмущении» коренного населения из-за земельных конфликтов между коренным и пришлым населением. Сенатор-ревизор Туркестанского края К.К. Пален указывал, что безудержная колонизация региона «закладывает семена национальной розни в инородческом крае»³. Военное министерство, в чьем ведении находился Туркестанский край, было тоже обеспокоено перспективами переселенческой политики. Военный министр А.Ф. Редигер писал 14 января 1908 г. в письме П.А. Столыпину «о возможности открытых возмущений среди доселе лояльных киргиз»⁴. Он обосновывал это земельными проблемами переселения. Его преемник В.А. Сухомлинов 29 октября 1909 г. отмечал в письме тому же адресату, что кочевники Туркестанского края менее законопослушны, чем сарты – оседлые жители, а потому от них можно ожидать чего угодно⁵.

Узбекистанский исследователь Ю. Флыгин пишет о том, что земли у кочевников изымали не русские власти, а ее продавали в аренду русским переселенцам местные манапы. Известный казахский деятель, инженер-путеец М. Тынышпаев признавал, что все недоразумения по землям между русскими и «туземцами» русские власти решали в пользу «киргизов». Нехватка земель у кочевников была связана с ростом их численности – с 1870 по 1897 г. она возросла с 47 тыс. до 128,3 тыс. человек. И распределение земель среди кочевников было

¹ См.: А.Т. Из Пишпекского уезда // Туркестанские ведомости. 1902. № 4; По краю // Туркестанские ведомости. 1904. № 41; Токмак // Туркестанские ведомости. 1904. № 155; *Воротников В.С.* Чуйские переселенческие участки в Пишпекском уезде Семиреченской области // Семиреченские областные ведомости. 1908. № 60, 62, 64, 66–69, 71–73; Пишпек // Семиреченские областные ведомости. 1908. № 128; *Тимаев К.* Государственная дума и туркестанские киргизы // Туркестанский курьер. 1910. № 85; *Трегубов А.Л.* Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях: Впечатления и заметки по поездке летом 1909 года // Вопросы колонизации. 1910. № 5. С. 104–172; *Трегубов А.Л.* Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях: Впечатления и заметки по поездке летом 1909 года // Вопросы колонизации. 1910. № 6. С. 122–125; Туркестанец. Покупка земли для колонизации // Туркестанские ведомости. 1910. № 286; На Алае // Туркестанские ведомости. 1911. № 133–135; Рассмотрение законопроекта о дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем в Государственной Думе и Государственном Совете // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 252–338; Россия и кочевники // Семиреченские областные ведомости. 1911. № 174–177; *Скварский П.* Ответ (на вопрос № 17 об условиях покупки земель у киргизов) // Туркестанское сельское хозяйство. 1911. № 7. С. 494–495; X. Y. Z. Аренда киргизских земель // Туркестанские ведомости. 1914. № 72 и др.

² См.: *К-в И.* О переселенцах в Пржевальском уезде // Туркестанские ведомости. 1912. № 59. 13 марта.

³ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 146.

⁴ *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.)... С. 889.

⁵ Там же. С. 858–859.

по этому вопросу. В правительстве документ обсуждался 25 ноября 1909 г. Совет министров указал, что «установленное для крестьян земельное обеспечение из расчета 15 десятин на мужскую душу являлось бы в применении к семиреченским киргизам едва ли справедливым»¹. Указывалось, что по статье 279 за «туземцами» и так закреплено право на потомственное использование земель в своих целях. Здесь была допущена неточность, так как такое право устанавливалось статьями 275 и 278 «Положения об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г.² Против перевода семиреченских кочевников на оседлость с предоставлением им земельных наделов выступил также глава правительственной «ревизии» Туркестанского края сенатор К.К. Пален. Поэтому Совет министров «положил»: представление Военного министерства от 26 октября 1909 г. за № 69080 (по Главному штабу) о введении в селении Таш-Тюбе Семиреченской области управления по закону об оседлых поселениях отклонить. Исследователь Котюкова пишет о том, что русские власти не поддерживали стремление кочевников к оседлости, так как хотели передать «излишки» земельномадам русским переселенцам³. Вместе с тем, царские власти вынуждены были идти навстречу кочевникам, желающим перейти на оседлость. В Семиреченской области из числа кочевников, пожелавших перейти на оседлость, было образовано 15 поселков, а также четыре хутора. В Сырдарьинской области для кочевников, переходящих к оседлости, приготовили в 1911 г. 554 участка, в 1912 г. – 2799, в 1913 г. – 59⁴. Котюкова отмечает, что семиреченский губернатор М.А. Фольбаум «понимал, что дальнейшее игнорирование их (кочевников. – П.Л.) просьбы о скорейшем землеустройстве приведет к самым трагическим последствиям»⁵. Такие же настроения были и у ферганского губернатора А.И. Гиппиуса. Однако переселенческие органы всё равно старались «сэкономить» землиномадам для переселенческого фонда русских мигрантов.

Положение переселенческого дела в Туркестанском крае осложнялось тем, что его администрация не могла вольно распоряжаться землями кочевников в Семиреченской области, которая управлялась на основании «Степного положения» от 25 марта 1891 г., статья 125 которого гласила: «Каждый кочевник имеет право на участке, отведенном в его пользование для зимового стойбища, обрабатывать землю, разводить сады, огороды и рощи и возводить жилые и хозяйственные постройки. Земли, обрабатываемые, а равно занятые постройками и насаждениями, переходят по наследству, доколе земли возделываются или существуют строения или насаждения. Постройки составляют собственность владельцев, но лицам, не принадлежащим обществу, могут быть отчуждаемы только на снос»⁶. «Положение об управлении Туркестанского края» от 12 июня 1886 г. такого установления не содержало. Статья 270 этого документа указывала: «Государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное общественное пользование кочевников на основании

¹ Особый журнал Совета министров от 25 ноября 1909 года – По представлению Военного министерства от 26 октября 1909 г. за № 69080 (по Главному штабу) о введении в селении Таш-Тюбе, Семиреченской области, управления по закону об оседлых поселениях // Особые журналы Совета министров Российской империи (1909–1917 гг.). 1909 год. М., 2000. С. 448.

² Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 339, 340.

³ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 78.

⁴ Там же. С. 78, 79.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 г. // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 144.

обычаев и правил настоящего Положения»¹. Такое установление сдерживало переселенческие «аппетиты» Столыпина. Поэтому он добился принятия закона о дополнении статьи 270 «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г.², который гласил: «В дополнение к статье 270 Положения об управлении Туркестанского края постановить: 1. Земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Главного Управления Землеустройства и Земледелия. 2. Впредь до утверждения закона о землеустройстве местного населения... производить образование переселенческих участков из земель, указанных в отделении 1, руководствуясь при этом подлежащими правилами статей 124–154 Правил о переселении на казенные земли»³. Таким образом, «излишние» земли кочевников были переданы в ведение Главного управления землеустройства и земледелия и могли распределяться между новыми потоками русских переселенцев.

Что касается земель кочевников Закаспийской области, то «Положение об управлении Закаспийской области» от 6 февраля 1890 г. вообще не содержало никаких установлений относительно землепользования ни кочевого, ни оседлого населения⁴. Поэтому закаспийская администрация расселяла людей на основании правительственных постановлений и наличия свободных земель в области⁵. Туркменистанские историки отмечали, что с 1874 по 1910 гг. в Закаспийской области появилось 34 переселенческих поселка, из них половина (17) в Асхабадском уезде, в Мангышлакском – 4, Красноводском – 4, Тедженском – 5, Мервском – 4. На 1911 г. в них было 1057 дворов, они имели 17 тыс. га, то есть в среднем по 16 десятин на двор, не считая выпасов и т. п.⁶ Русские переселенцы в Закаспийской области получили разного рода льготы. А после Андижанского восстания 1898 г. они были еще и вооружены. К 1901 г. у переселенцев в Закаспийской области было 430 винтовок, а в 1908 г. – 1146⁷. Оружие предназначалось и для защиты от нападений со стороны Персии. Туркменистанские историки отмечали, что «предпринятое в 1909–1910 году по Туркестанскому краю “разоружение” поселенцев на Закаспийскую область не распространялось»⁸. Таким образом, во время восстания 1916 г. русское население в этом регионе могло обороняться с оружием в руках.

В марте 1912 г. кочевники Чимкентского уезда Сырдарьинской области направили прошение министру земледелия и государственных имуществ⁹. Они писали о том, что уже перешли на оседлость и им нужны законные земельные наделы, которые теперь почему-то пере-

¹ Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 339.

² Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем. 19 декабря 1910 г. // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34501. С. 1280.

³ Там же. С. 128.

⁴ Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 г. // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6576. С. 70–75.

⁵ См. напр.: Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – О переселении в Закаспийскую область, на реку Кушку, 218 семей русских земледельцев. 5 мая 1892 г. // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8590. С. 341; Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – О переселении русских земледельцев в Закаспийскую область. 26 декабря 1892 г. // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 9200. С. 725.

⁶ Восстание 1916 года в Туркмении (Док. и мат-лы)... С. 8.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 116–121.

дают русским переселенцам. Вначале кочевники были не против этого, так как от русских они учились хлебопашеству, покупали у них недорогой хлеб и т. п. Они даже помогали русским, которые вскоре разбогатели. Но потом земли стали произвольно раздавать новым переселенцам, которые начали и самовольно захватывать земли кочевников. Переселенцев год от года становилось всё больше. Чиновники Переселенческого управления во всём им потакали. Воды для полива и раньше не хватало, а теперь ее вообще не стало, так как переселенцы захватили головные арыки. Они стали запахивать даже горные места. Кочевники просили министра выделить им земельные наделы по закону, как и русским переселенцам. Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия 25 мая 1912 г. отвечало просителям, что изъятие «киргизских» земель производится на основании решения Совета министров от 9 июня 1909 г., что устройство кочевников на оседлом положении будет производиться и впредь¹. Историк В. Лаврентьев писал во времена «сталинщины» о том, что, по данным ревизии сенатора Туркестанского края в 1908–1909 гг. К.К. Палена, в Семиреченской области за 20 лет было подано 30 заявлений от кочевых айлов о переводе их на оседлое состояние, однако из них «только по четырем ходатайствам были приняты некоторые меры к осуществлению желания киргизов, причем в двух случаях были командированы межевщики для распланировки селений, но съёмки и ограничения не были произведены и условия землепользования просителей остались, таким образом, прежними»². Казахский советский историк Б. Сулейменов отмечал, что с 1913 по 1915 гг. в Семиреченской области у кочевников было изъято 1,8 млн десятин³. Он указывал: «К началу восстания 1916 года общая площадь изъятой земли в Казахской степи превышала 20 млн десятин. Кроме того, земельная площадь такого же размера была зачислена в переселенческий фонд»⁴. При этом процветали поборы и взятки. В 1916 г. русские жители Туркестанского края имели 57,6 % земель, тогда как 94 % коренного населения – только 42,4 % земельных владений. Таким образом, в 1916 г. на каждого русского жителя края приходилось 3,17 десятины, а на каждого «туземца» – лишь 0,21 десятины⁵.

Фактически изначально, с момента образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г., в крае стало функционировать учрежденное правительством Семиреченское казачье войско в составе двух полков из числа казаков Сибирского войска. По этому поводу российский исследователь О.И. Брусина пишет, что «в 1850 г. Семиреченское казачье войско было выделено из Сибирского войска»⁶. Однако она ошибается, оно было официально учреждено только в июле 1867 г.⁷. Казаки как сословие, действительно, появились в Семиречье раньше, но в качестве представителей Сибирского казачьего войска. Казахстанский исследователь К.С. Бижигитова пишет о том, что Семиреченское казачье войско, в отличие от других таких войск, до начала XX в. не имело своего «Положения о поземельном устройстве». Земельный надел семиреченских казаков основывался на нормах «Положения

¹ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 121–122.

² Лаврентьев Вл. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). Л., 1930. С. 29–30.

³ Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро... С. IV.

⁴ Там же.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 302.

⁶ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 216.

⁷ Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении Семиреченского Казачьего Войска. 13 июля 1867 г. // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44845.

о Сибирском казачьем войске» от 5 декабря 1846 г., то есть по 30 десятинам на душу¹. Еще в 1864 г. начальник Алатавского округа генерал-майор Г.А. Колпаковский предлагал уменьшить надел для казаков Семиречья до 20 десятинам на душу, поскольку земля в Семиречье хорошая, климат благотворный, а земель не хватает «киргизам», переходящим на оседлость или занимающихся кочевым животноводством. Однако в верхах его не поддержали и 21 апреля 1869 г. Военный совет Военного министерства подтвердил норму надела семиреченским казакам в 30 десятинам на душу. В 1884 г. генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский как степной генерал-губернатор снова поднял вопрос о снижении земельных наделов для семиреченских казаков до 20 десятинам, но и на этот раз его не поддержали в правительстве. Тем не менее Г.А. Колпаковскому удалось за период 1874–1890 гг. уменьшить общий надел Семиреченского казачьего войска на 214 511 десятинам, из которых 206 983 вернули в пользование «киргизов».

Преемник Колпаковского в должности степного генерал-губернатора генерал-лейтенант М.А. Таубе пытался продвинуть идею о земельном наделе в 20 десятинам, и в 1895 г. этот вопрос рассматривался уже не в Военном совете, а в Комитете министров, который решил детально изучить проблему. Расследование длилось очень долго, так как многие были против такой идеи. К 1914 г. были разработаны «Правила о наделении землей Семиреченского казачьего войска», законопроект внесли на рассмотрение в Государственную думу. Она его приняла, сохранив прежний надел семиреченским казакам в 30 десятинам, тогда как, например, в Донском казачьем войске он составлял 13,5 десятинам. Закон был «высочайше» утвержден 3 июля 1914 г., а в начале 1915 г. на его основании Главное управление землеустройства и земледелия составило представление в Совет министров об отпуске в 1915 г. 369 500 руб. на работы по землеустройству Семиреченского казачьего войска².

Таким образом, обширные казацкие земли были «отрезаны» от пространства традиционного кочевания казахов и кыргызов Семиречья. Казаки, обладавшие огромными наделами, сами их практически не обрабатывали, а сдавали в аренду как самим кочевникам, так и позже русским переселенцам. Выдающийся русский путешественник Н.М. Пржевальский писал о том, что семиреченский казак «на земледельческие работы смотрит с презрением, считая такое дело принадлежностью мужика. Иностранцы... нередко берут наших казаков к себе в работники. Выходит, что не мы влияем своей культурой на иностранцев, а наоборот, ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих иностранных соседей, от себя же не передают ничего»³. Генерал-майор А.Э. Циммерман в январе 1861 г. представил военному министру Д.А. Милютину записку «О положении дел на кокандской границе», в которой писал: «Можно сказать, что если бы вместо казаков, недостаточно рачительных в сельском хозяйстве, были поселены там более трудолюбивые люди (например, немецкие колонисты), то сельское хозяйство могло бы развиваться в этом крае в изумительных размерах»⁴. Таким образом, бывшие земли кочевников оказались

¹ *Бижигитова К.С.* Законодательная база землепользования в Семиреченском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. Ист. и соц.-полит. науки. 2017. № 1 (52). С. 38.

² Особый журнал Совета министров от 17 февраля 1915 года – По представлению Главного управления землеустройства и земледелия от 11 февраля 1915 года об отпуске в 1915 году 369 500 рублей на работы по землеустройству Семиреченского казачьего войска // Особые журналы Совета министров Российской империи (1909–1917 гг.). 1915 год. М., 2008.

³ *Пржевальский Н.М.* Отчет о состоянии китайской армии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 1. СПб., 1883. С. 300.

⁴ Цит. по: *Тимченко С.В.* Среднеазиатский вопрос в англо-русских отношениях в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Мат-лы науч. конф. Барнаул: Изд-во АлтайГУ, 2008. С. 127.

в руках хозяйственно неумелых людей. Вместе с тем, изъятие значительных объемов кочевнических земель в пользу семиреченского казачества тоже можно причислить к причинам восстания 1916 г., хотя, как известно, во время него не пострадала ни одна казачья станица.

Следует отметить, что и ранее, и сейчас восстание мусульман Туркестана в 1916 г. представляется многими неожиданным, спонтанным, стихийным и т. п. Это ошибочно, поскольку антидиалектично. Анализ всемирно-исторического процесса в его общем и частном выражении показывает, что в нем никогда и ничего не было неожиданного, спонтанного и стихийного – всё и всегда имело диалектическую, причинно-следственную основу. Конечно, причины того или иного явления в истории имели разные сроки возникновения, формирования и развития. Случалось немало событий, причины которых, в силу диалектики причинно-следственных связей, проявляли себя достаточно быстро, что давало основание считать их «спонтанными» и «неожиданными». Но так, на наш взгляд, бывает относительно редко и преимущественно в поверхностных по своей значимости событиях, относящихся к «пене», о которой некогда писал В.И. Ленин, рассуждая о соотношении диалектических категорий сущности и явления. Но если иметь в виду серьезные общественно-исторические процессы, то их причины вызревали на протяжении длительных периодов – в течение веков, а то и тысячелетий. Для того, чтобы вызрели причины, например, такого важнейшего в истории человечества процесса, как «неолитическая революция», потребовались десятки тысячелетий.

Причины восстания коренного населения Средней Азии против царизма и русского контингента вызревали фактически изначально со времени появления России в регионе. Ни один его народ не отнесся положительно к захвату своего жизненного пространства чужими людьми. Но туркестанцы показали способность терпеть власть завоевателя, если она окажется разумной и справедливой. Однако царская администрация в Туркестане не проявила таких качеств в должной мере, что не раз вызывало открытые выступления коренного населения против чуждой ему власти. Их подавление только усиливало процесс накопления негативного антивластного потенциала в сознании «туземных» жителей края. Вместе с тем народы Средней Азии интуитивно осознавали и оценивали положительный характер русского присутствия в местах своего традиционного обитания, в связи с чем в целом во временном измерении они, как правило, мирно и спокойно сотрудничали и с властью, и с российскими людьми в регионе. Однако противоречивые тенденции во взаимодействии туркестанской администрации с коренным социумом не только не снижались, но и, напротив, нарастали, так как царская власть в Средней Азии не смогла вовремя и адекватно на них реагировать, снимать напряженность морально-психологического климата в регионе. Поэтому в начале XX в. бунтарские настроения коренных жителей Туркестанского края постоянно усиливались, а в 1916 г. вылились во всеобщее восстание против царизма. В разных местах края причины восстания были тоже разными. В «коренных» областях они носили более социально-экономический (имущественная дифференциация, пауперизация, властные злоупотребления и т. п.), а не земельный и антирусский характер. В «кочевых» областях, особенно в Семиреченской, главной причиной восстания стал земельный вопрос, наиболее актуальный и животрепещущий для местных номадов. Оно приобрело антирусский характер, так как огромные пространства извечно их земель были произвольно (зачастую наглым образом) изъяты в пользу российских переселенцев, которые поэтому не могли не стать врагами в глазах обозленных кочевников. Тем не менее ясно одно: при разности причин восстания 1916 г. в Туркестанском крае повод к нему везде был одним и тем же – царский указ о призыве «туземных» жителей региона на тыловые работы.

ГЛАВА 4

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МОТИВАЦИИ ПОВСТАНЦЕВ

Факты свидетельствуют о том, что мотивация участников восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. была сложным, многослойным явлением. Вместе с тем, в своем сущностном выражении она фактически повсеместно была связана с религиозным фактором движения, хотя его влияние на него было далеко неоднозначным. Еще в 1910 г. видный русский военный и общественный деятель А.Н. Куропаткин прогнозировал возможность регионального восстания коренного населения против царизма. Он писал: «В религиозном отношении ныне мусульманское население спокойно, но на почве религиозного возрождения еще возможны попытки населения сбросить с себя господство русской власти»¹ (курсив наш. – *П.Л.*). Однако такие попытки в региональном масштабе до 1916 г. не предпринимались. Даже в Ферганской области, которая была постоянно средоточием разного рода бунтов мусульманского населения, в начале XX в. сохранялось относительное спокойствие. В 1913 г. среди населения был распространен царский манифест о 300-летию дома Романовых². Кыргызы Ошского уезда Ферганской области достойно отметили этот юбилей³. Вместе с тем, пребывая в должности туркестанского генерал-губернатора, А.Н. Куропаткин писал 29 августа 1916 г. начальнику Управления земледелия и государственных имуществ Н.М. Булатову: «Русской власти за полувековое владычество не удалось не только сделать инородцев верными слугами Российского императора и преданными гражданами Российского государства, но и вселить в их сознание единство их интересов с интересами русского народа»⁴.

К сожалению, далеко не все исследователи восстания 1916 г. сумели выявить в своих трудах ту грань, которая отделяет религиозность повстанцев как черту обыденного сознания от влияния на них профессиональных и прочих проповедников религии Пророка. Так, например, известный исследователь восстания 1916 г. И.А. Чеканинский писал о значении религиозного фактора в событиях 1916 г., однако он связывал его только с деятельностью мусульманского духовенства⁵. Российский генеральный консул в Кашгаре писал 1 декабря 1916 г. дипломатическому чиновнику при туркестанском генерал-губернаторе о том, что повстанцы «были смущаемы разными мусульманскими агитаторами, введшими их в заблуждение относительно действительных условий их призыва»⁶. Совершенно очевидно, что надо умело отделять религиозную мотивацию от социальных выступлений народа. Кыргызстанские исследователи В.М. Плоских и В.Я. Галицкий писали о том, что фактически все массовые выступления в Средней Азии против социального и иного угнетения имели религиозную оболочку⁷.

¹ Куропаткин А.Н. Россия для русских. Т. 2. Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой. СПб., 1910. С. 147.

² Ферганские областные ведомости. 1913. № 44. 23 февраля.

³ См.: ЦГА Кыр. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8 – О праздновании 300-летия царствования Дома Романовых (1913).

⁴ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 53.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 477.

⁶ Восстание 1916 года в Киргизстане: Док. и мат-лы, собранные Л.В. Лесной... С. 104.

⁷ Галицкий В.Ч., Плоских В.М. Старинный Ош. Фрунзе, 1987. С. 141–142.

Таким образом, есть все основания рассмотреть вопрос о религиозном факторе в восстании коренного населения Туркестанского края в 1916 г. Казахский исследователь восстания 1916 г. С.Ф. Мажитов пишет о том, что пока он не изучен должным образом¹. Действительно, исследователи часто упоминают о нем, но не изучают его серьезно и глубоко. Так, например, исследователь С. Малабаев признает, что «в трагических событиях 1916 г. особо был примечателен исламский фактор, когда восставшие разрушали церкви и заставляли переселенцев-христиан насильственно принимать ислам»². Зарубежный исследователь А. Моррисон отмечает, что «если в некоторых районах мятежники действительно использовали религиозные лозунги, то ислам всё же не был основным движущим фактором восстания»³. Иного мнения придерживался американский историк Р. Пирс, полагавший, что во всех восстаниях мусульман Туркестана против власти «одной из объединяющих сил всегда выступала исламская религия, которой все были преданы»⁴. Американский дипломат Ю. Скайлер, посетивший Туркестанский край в 1870-х гг., писал о том, что русские склонны во всём видеть фанатизм «туземцев». Дореволюционный исследователь Ю. Россель замечал по этому поводу: «И пусть будут себе фанатиками муллы и дервиши. Нужно отделять от них народную массу, в которой фанатизма никакого нет»⁵. В выводах по итогам своей ревизии Туркестанского генерал-губернаторства в 1882–1883 гг. сенатор Ф.К. Гирс писал: «Вообще, нельзя не заметить, что население Туркестанского края далеко не так неприязненно относится к русской власти, как мусульманские народности, проживающие в других частях Империи»⁶. Тем не менее проблема мусульманского фанатизма всегда тревожила русские власти в Средней Азии, поскольку его проявления действительно имели место в крае, особенно в Ферганской области – территории бывшего Кокандского ханства. И тому есть немало примеров. Поэтому и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант М.Р. Ерофеев направил 14 июля 1916 г. запросы областным руководителям Туркестанского края относительно возможности перехода народного движения «на религиозную подкладку со всеми идеалами мусульманского мученичества за веру»⁷. Те в своих ответах высказывали тревожные настроения, так как в крае распространялись слухи о готовящемся газавате против «неверных», который иначе как к исламскому фанатизму отнести нельзя. Однако, выступая с докладом 13 декабря 1916 г. на закрытом заседании IV Государственной думы, А.Ф. Керенский, посетивший Туркестанский край по ее заданию, в частности, говорил о том, что попытки внести религиозную идеологию в восстание 1916 г. имели место только «в двух-трех местах»⁸. То есть он отвергал решающее влияние мусульманского фанатизма на восстание. Любопытно, что туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин надписал напротив этих слов: «Верно»⁹.

Известно, что большинство исследователей дореволюционного, советского и постсоветского периодов отмечают слабый уровень исламской религиозности среди кочевого

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 508.

² Там же. С. 222.

³ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 147.

⁴ *Pierse R.A. Russian Central Asia. 1867–1917: A study of colonial rule...* P. 222.

⁵ *Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке...* С. 142.

⁶ Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884. С. 454.

⁷ *Ковалев П.А. Эпизоды из истории восстания 1916 года в Туркестане (Дело Ферганского губернатора, генерала А. Гиппиуса) // Труды Среднеазиатского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Вып. 150. Ташкент, 1963. С. 4.*

⁸ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 179.

⁹ Там же. С. 179.

населения Средней Азии¹. Однако бишкекский историк Е. Озмитель считает иначе. Она утверждает, что в начале XX в. ислам в Кыргызстане «был глубоко укоренен в сознании и образе жизни не только манапов, но и простых людей»². В качестве доказательства своего вывода она указывает на множество мечетей у кочевников Семиречья. Но это, на наш взгляд, слабый аргумент, так как количество церквей в современной России вряд ли отражает господство православной идеологии в умах большинства россиян. Напротив, увеличение числа епископий не только удивляет, но и раздражает ростом «черной сотни» – бюрократии духовенства, неплохо живущей за счет народных даяний и коммерческих оборотов от продажи свечей, атрибутики, исполнения разного рода треб и т. п.

Представляется очевидным, что мечетей сегодня немало в Кыргызстане, однако местные «кочевники» и сейчас сохраняют многие языческие пристрастия своих предков. Зарубежный исследователь Э.Д. Сокол пишет о пережитках язычества у номадов Средней Азии, в связи с чем, по его словам, «муллы пользовались у них наименьшим авторитетом»³.

Вопрос о религиозном факторе в восстаниях народных масс разных стран представляет собой достаточно «тонкую материю». Особенно это касается проявлений религиозного фанатизма. Дореволюционный исследователь К.К. Арсеньев отмечал, что «религиозный фанатизм принадлежит, по-видимому, к числу тех страстей, которые как остаток давно прошедшего дремлют в глубине человеческой души и пробуждаются порой с поразительной силой. Не гарантирует от таких пробуждений ни одно исповедание, не создает против них непреодолимого оплота ни рост веротерпимости, ни общее смягчение нравов. Они возможны в самых культурных странах, хотя, конечно, степень их вероятности и интенсивности обратно пропорциональна степени культуры»⁴. Князь В.И. Массальский писал о жизни мусульман Туркестанского края: «Духовная жизнь и религиозная ее сторона менее других затронуты русским влиянием, но и в этом отношении произошли некоторые изменения, зависящие не столько от воздействия русских, сколько от перемены житейской обстановки туземного населения. Новые (читай: буржуазные. – *П.Л.*) условия жизни нарушили веками сложившийся распорядок мусульманского дня»⁵. Он отмечал, что ради наживы и выгоды мусульмане легко нарушают обряды веры, даже пятикратную дневную молитву – намаз. Массальский указывал, что «в то же время и религиозная нетерпимость по отношению к неверным, по крайней мере, среди наиболее просвещенных, имеющих частое общение с русским населением туземцев, заметно ослабела и последние в сношениях своих с русскими всё чаще и чаще руководствуются мудрой туземной поговоркой, по которой “все люди – люди”»⁶. Но при этом он предупреждал: «...не надо, однако, забывать, что за этим передовым меньшинством стоит немало людей старого мусульманского закала, чуждающихся русских и избегающих общения с ними. Эти чувства находят себе поддержку не только в мусульманском духовенстве, утратившем с водворением русского владычества значительную часть своего значения, но и в населении Бухарского и Хивинского ханств, до сего времени почти не затронутых русским (читай: буржуазным. – *П.Л.*) влиянием. Обстоятельство это имеет большое значение, и с ним еще долгое время

¹ См.: Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по арх. мат-лам)... С. 155.

² Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 52.

³ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 17.

⁴ Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость. СПб., 1905. С. 260.

⁵ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XIX. Туркестанский край / сост.: В.И. Массальский. СПб., 1913. С. 342.

⁶ Там же.

придется считаться»¹. Именно оно двигало антирусскими выступлениями в Туркестане, например, в движении «джетым-ханов», ташкентском бунте 1892 г. или андижанской резне 1898 г. Но было ли оно основным, определяющим? Полагаем, что нет. Религиозный фанатизм всегда был «оболочкой» выступлений, порожденных причинами социально-экономического характера.

По нашему убеждению, рост мусульманского фанатизма в Русском Туркестане был следствием вовлечения региона в орбиту буржуазных (капиталистических) отношений в России. Как и повсеместно, он породил здесь усиление имущественной дифференциации среди населения, пауперизацию большей части коренных жителей, привыкших ранее жить в условиях «равенства», то есть стабильной бедности. Нарушение такого «равенства» новыми явлениями в региональной экономической, социальной и иной жизни, массовое обнищание коренного населения не могло не вызвать в его среде роста крайне негативных настроений. Заметим, что в самой России протестные настроения тоже нарастали, там тоже происходили так называемые «классовые» выступления, и к чему они привели в конечном счете, тоже хорошо известно. Мусульмане Туркестанского края не могли понять объективных причин того сложного положения, в котором они оказались, а поэтому видели основную причину своих бед в приходе в край русских и иных христиан. Духовенство, а равно ишаны, матдахи, дервиши и т. п., многие из которых к тому же были связаны с зарубежными спецслужбами (прежде всего турецкими), умело подогревали недовольство мусульман, которое могло в те времена выразиться более всего в росте религиозного фанатизма, точно так же как это было и в других частях мира в разные времена. Неслучайно ишан Мадали – предводитель андижанских мятежников на допросах обвинял во всех бедах не плохую русскую администрацию, а сам приход России в Среднюю Азию и ее негативное влияние на жизнь мусульманства. Турецкие султаны, носившие одно и то же имя – Мухаммед (II, III, IV), отличились на этом поприще. Невиданная по размерам жертв резня армян-христиан в Турции в 1915 г. была тоже «зеркалом» того политического кризиса первой мировой войны, в котором пребывала турецкая исламская государственность и вся османская правящая элита. Видный зарубежный философ Д. Юм писал о том, что именно «религиозное исступление вызывает наиболее жестокие беспорядки в человеческом обществе», но они быстро истощаются и наступает «апатия и безразличие»². В Туркестанском крае таких выступлений было немало. Ходжент, Ташкент, Андижан и прочие служат тому примером. Однако, по нашему убеждению, восстание 1916 г. не было следствием религии.

Вообще, начало XX в. было для мусульманского сообщества Туркестанского края противоречивым временем. С одной стороны, оно относилось к русской власти мирно и оснований для восстания против нее, казалось бы, не было. Так, с началом русско-японской войны в 1904 г. кочевое население Семиреченской области (где в 1916 г. разыгрались наиболее горячие и длительные события) проявило патриотические настроения – 20 кочевников из Пишпекского уезда решили добровольно поступить в действующую армию со своими лошадьми³. Газета «Семиреченские областные ведомости» опубликовала список кочевников Пишпекского уезда, пожелавших ехать в действующую армию⁴. Кыргызы Ферганской области жертвовали на нужды русско-японской войны деньги и скот, а знаменитая «царица Алая» Курбанджан-датха лично внесла 100 руб. в фонд помощи русскому

¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XIX. Туркестанский край / сост.: В.И. Массальский. СПб., 1913. С. 342.

² Юм Д. О суеверии и исступлении // Религия и общество: Хрест. по социологии религии / сост.: В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. Ч. 1. М.: Наука, 1994. С. 20.

³ См.: Местные известия // Семиреченские областные ведомости. 1914. № 243.

⁴ Там же. № 280.

оружию¹. Газета «Туркестанские ведомости» сообщала о патриотическом порыве кочевников Семиреченской области, пожелавших добровольно поступить на русскую военную службу². Узбекистанский исследователь Ю. Флыгин пишет о том, что в начале первой мировой войны был патриотический подъем не только среди русских, но и среди коренного населения. Н.П. Остроумов записывал в своем дневнике о патриотическом шествии мусульман с портретами царя, царицы и наследника престола, с песнями, организованном учителем ташкентской «новометодной» школы Мунаввар-кары Абдурашидхановым³. Туркестанский революционер Г.И. Бройдо отмечал, что «по Пишпекскому уезду за ноябрь и декабрь 1914 года, по официальным отчетам Красного Креста, поступило от киргиз Пишпекского уезда около 30 000 рублей, 1000 шуб, 10 000 пайпак, кошмы, чулки и т. п., затем киргизы обложили себя в пользу Красного Креста налогом от 1–3 руб. с юрты»⁴. С другой стороны, в начале XX в. всё чаще отмечались проявления недовольства мусульман Туркестанского края русской властью. Генерал А.Н. Куропаткин писал: «Обилие денег у части населения сопровождалось падением нравственности, особенно у туземной молодежи. Кутежи, пьянство, разврат и азартная карточная игра возмущали туземное духовенство и стариков и вызывали у них недовольство русским управлением, допустившим такое падение нравственности»⁵.

Военный губернатор Ферганской области генерал-майор Г.А. Арендаренко писал в отчете за 1901 г. о том, что среди всех мусульман наиболее беспокойным элементом являются киргизы, всегда готовые присоединиться к любому возмущению⁶. Один из его преемников – генерал-майор А.И. Гиппиус писал 8 июня 1911 г. в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора о том, что 10 января 1911 г. известный исследователь Средней Азии Д.И. Мушкетов выступил с докладом в Императорском Российском Географическом обществе, извлечения из которого поступили в Туркестанский край. Ферганский губернатор отмечал, что Мушкетов считает риском вывод войск из Оша, основываясь, видимо, на своих беседах с «туземцами», «однако такие отзывы нельзя подтвердить какими-нибудь конкретными явлениями». Он указывал, что алайские киргизы были беспокойным элементом, но сейчас они умиротворены «и оснований для опасений пока нет»⁷.

Чиновник особых поручений при министре внутренних дел А. Наумов писал 25 сентября 1910 г. в докладной записке на имя главы МВД П.А. Столыпина о том, что он объехал весь Туркестанский край и убедился в том, что ситуация в нем сложилась очень напряженная. Усиливаются панисламистские настроения среди местного мусульманства, из Турции поступает враждебная русской власти литература, в мусульманских школах татары нагнетают антирусские настроения и т. п.⁸. Автор введения к сборнику документов и материалов о восстании 1916 г. издания 1960 г. А.В. Пясковский отмечал: «Характерно отношение руководителей движения к русскому населению: жизнь их сохранялась лишь при обязательном согласии принять мусульманство»⁹.

Не все мусульмане Туркестанского края приняли участие в восстании 1916 г. Так, например, исследователь В.Я. Суровинков указывал, что против участия в мятеже

¹ См.: Ош // Туркестанские ведомости. 1904. № 40.

² См.: По краю // Туркестанские ведомости. 1904. № 29.

³ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 515.

⁴ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 164.

⁵ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 95.

⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 545 – Отчет Ферганского губернатора за 1901 год. Л. 136.

⁷ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 807.

⁸ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.)... С. 922.

⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 16.

выступили жители Лянгара. Тогда побуждаемые муллами жители восставшего Санзара сожгли склады зерна и базарные лавки, принадлежавшие лянгарцам и жителям Яны-Курганской волости¹.

7 августа 1916 г. в Тургайском областном правлении состоялось совещание представителей «туземцев» Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей по вопросам призыва на тыловые работы. Председателем собрания избрали А.Н. Букейханова, секретарями – М.Я. Дулатова и О. Алмасова. Совещание призвало исполнить царский указ о призыве на тыловые работы². Здесь представляется важным согласие делегатов от Семиреченской области, которая уже пылала в огне восстания 1916 г. Однако и в «коренных» областях Туркестанского края были прецеденты такого рода. Так, 27 июля 1916 г. состоялось собрание представителей населения и «туземной» администрации Черняевского (бывшего Чимкентского. – *П.Л.*) уезда Сырдарьинской области, которое постановило исполнить указ царя о призыве на тыловые работы³.

Не все участники восстания 1916 г. запятнали себя жестоким отношением к русским людям. Советские историки писали о том, что во время восстания 1916 г. кыргызы Прииссыккуля спасали жизнь русских крестьян региона от ярости своих соплеменников-повстанцев⁴. Видный кыргызстанский историк К. Усенбаев приводил много примеров такого рода⁵. Узбекский историк Х. Турсунов писал о том, что было немало случаев, когда «туземцы» помогали русским спастись от восставших⁶. Исследователь Т.В. Котюкова отмечает, что были реальные примеры, когда «туземцы», рискуя жизнью, спасали русских людей⁷. Но это свидетельства историков, не живших во время восстания 1916 г. Поэтому приведем мнение очевидца этого события. Аулиеатинский уездный начальник полковник С.Н. Кастальский писал в рапорте от 29 ноября 1916 г. о том, что «из числа нападавших некоторые киргизы давали возможность бежать женщинам и детям, а также были случаи, когда киргизы охраняли русское имущество»⁸. Он отмечал, что это происходило потому, что русское население Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области не так обижало «туземцев», как это было в Семиречье⁹.

Таким образом, мотивация участников восстания 1916 г. в Туркестанском крае была неоднозначной, то есть основанной не только на принципе «свой – чужой». Она представляла собой сложное хитросплетение традиций, морально-психологических установок, чувств, эмоций и т. п. Сводить ее лишь на уровень межконфессиональных отношений представляется ошибочным и бесплодным в научном отношении. Безусловно, религиозный фактор противостояния ислама и христианства сыграл свою роль в восстании, однако он не был ни определяющим, ни решающим. В таком качестве выступили простые

¹ ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 466 – Суровинков В.Я. Антинародная деятельность клерикалов в Узбекистане 1916 г. Л. 60.

² Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 31–36.

³ Там же. С. 21–24.

⁴ *Абрамзон С.М., Антипина К.И., Васильева Г.П. и др.* Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан: колхоз имени К. Е. Ворошилова («Ала-Тоо») Покровского района Иссык-Кульской области Киргизской ССР / С.М. Абрамзон, К.И. Антипина, Г.П. Васильева, Е.И. Махова, Д. Сулайманов М.: Наука, 1958. С. 35–37.

⁵ *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии... С. 289–290.

⁶ *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 237.

⁷ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 87.

⁸ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 49.

⁹ Там же.

жизненные отношения, прежде всего экономические. Иначе и быть не могло, так как условия человеческого существования являются основой его житейских идеалов и ориентаций. В областях Туркестанского края с преимущественным оседлым населением мотивация повстанцев была в большей мере связана с царским указом о призыве на тыловые работы и связанными с этим злоупотреблениями властей, так как они негативным образом отражались на хозяйственной жизни коренного населения. В областях с кочевым населением это обстоятельство действовало еще сильнее, поскольку, вследствие агрессивной переселенческой политики царского правительства с изъятием земель в пользу российских мигрантов, экономическое состояние кочевников приближалось к трагическому. Они не могли не восстать против несправедливости и потому обрекли российских переселенцев на смерть, так как видели в них главных виновников своего бедственного положения. Их только формирующееся политическое сознание не позволяло им понять, что главным виновником бед был царизм, а не русский человек.

ГЛАВА 5

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА

Ход восстания коренного населения Туркестанского края в 1916 г. в общерегиональном масштабе получил над собой разного рода научную рефлексию. В разделе об историографии проблемы мы указывали, что, например, академические издания истории среднеазиатских республик СССР представляли его в относительно сжатом виде. Пожалуй, единственным трудом, в котором описывалось восстание в пределах всей Средней Азии и Казахстана, явилось исследование Х. Турсунова¹. Другие специалисты посвятили свои монографии восстанию коренного населения своих республик². Большинство же исследователей предпочитали статейное выражение своих суждений о трагическом событии 1916 г., которое в Кыргызстане нередко называют «уркун» («великий исход»)³. Мы не претендуем на полное изложение хода восстания, однако считаем необходимым представить хронику его развития во времени и пространстве. Это значимо еще и потому, что, по мнению многих исследователей, историография недостаточно отразила действия русских властей в рассматриваемый период. Поэтому мы считаем необходимым проследить именно деятельность туркестанской администрации всех уровней во время восстания 1916 г. и ее реакцию на те или иные события, с ним связанные.

Как известно, восстание началось 4 июля 1916 г. в городе Ходжент – уездном центре Самаркандской области. За два дня до этого местный пристав штабс-капитан Устимович собрал городских аксакалов и казиев и сообщил им о царском указе насчет призыва «туземцев» на тыловые работы. Они довели это до сведения жителей. Многотысячная толпа, собравшаяся у канцелярии казиза Калинавской части города, потребовала уничтожения составленных списков мардикёров – тыловых рабочих, но была расстреляна и разогнана властями⁴. Известие об этом быстро распространилось по области, и 7 июля 1916 г. начальник Самаркандского уезда полковник А.И. Мартинсон докладывал в рапорте военному губернатору Самаркандской области генерал-майору Н.С. Лыкошину о восстании в селении Дагбит Самаркандского уезда, во время которого был ранен волостной управитель, а его писарь Кабылов убит. Он просил прислать полусотню казаков. Лыкошин в тот же день телеграфировал об этом событии и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанту М.Р. Ерофееву. Он докладывал также о том, что объявление о призыве «туземцев» Туркестанского края на тыловые работы вызвало сильное волнение среди них, усиленное тем, что в месяц Рамазан мусульмане днем не едят и потому становятся нервными. Указывал, что сам лично составил разъяснительные листовки по поводу призыва на «туземном» языке в количестве пяти тыс. экземпляров. Они были разосланы по уездам. Однако это подействовало мало, и народ продолжал возбуждаться. Лыкошин отмечал, что применение военной силы пока не нужно, так как это нарушит мирное течение жизни, торговлю, снабжение народа продовольствием и т. п. Однако в тот же день он писал начальнику

¹ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Госиздат УзССР, 1962. 428 с.

² См. напр.: Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе: Илим, 1967. 327 с.

³ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в документах. Т. I... С. 10.

⁴ История таджикского народа. Т. II. М., 1964. С. 240–241.

штаба Туркестанского военного округа генерал-майору Н.Н. Сиверсу о начале восстания в Самаркандской области и необходимости усиления Самаркандского гарнизона, которым командовал генерал-майор барон В.Н. Мандель. Кроме этого, Лыкошин признал «необходимым удвоить все гарнизоны в городах области»¹. 9 июля 1916 г. Мартинсон сообщал самаркандскому губернатору о восстании «туземцев» селения Ургут из-за списков призывников на тыловые работы и подчеркивал, что «некоторые пятидесятники и мирзы старшин были избиты»². Военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Н.С. Лыкошин телеграфировал 12 июля 1916 г. и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанту М.Р. Ерофееву о том, что в связи с набором «туземцев» на тыловые работы в области растет напряженность и тревожные настроения среди русского населения. Он сообщал ему о восстании мусульман в селениях Дагбит и Ургут, а также волнениях в других местностях Самаркандской области. Лыкошин писал, что в связи с составлением списков призывников на тыловые работы в Дагбите был убит писарь волостного управления Кабулов, который отказался выдать их толпе, и уточнял: «Толпа размозжила весь его череп и обезобразила лицо»³.

В день отправления телеграммы и. д. туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофееву вспыхнуло восстание в Джизакском уезде Самаркандской области. Джизакский уезд был зернопроизводящим, а не «хлопковым», и потому он должен был предоставить на тыловые работы 10 600 призывников. Восстание возглавил прибывший из Ташкента Насыр-ходжа Абдусаламов. Он смог привлечь массы мусульман под зеленое знамя Пророка и объявил газават. Ближайшим сподвижником Насыра-ходжи был тоже ишан – Мараим Максут Мулла Абдурахим. Восставшие в Джизаке «совершали свои нападения под белыми знаменами с религиозными надписями, а ишан Насыр-ходжа разъезжал под зеленым знаменем Пророка»⁴ (палитра знамен мусульман была довольно разнообразной). Насыра-ходжу провозгласили беком.

Толпа всё громила, но главное – разобрала 65 верст железной дороги. 13 июля 1916 г. руководство Среднеазиатской железной дороги телеграфировало военному губернатору Самаркандской области генерал-майору Н.С. Лыкошину о том, что на перегонах Джизак-Милютинская и Джизак-Ломакино испорчен телеграф и разрушены железнодорожные пути, на станции Джизак зажгли бак с нефтью, и просило принять меры⁵. Учитывая сложившееся положение на туркестанских магистралях, начальник Кокандского уезда статский советник К.В. Мединский предлагал 13 июля 1916 г. военному губернатору Ферганской области генерал-лейтенанту А.И. Гиппиусу незамедлительно усилить охрану Среднеазиатской и Ферганской железных дорог в связи с восстанием «туземцев»⁶. Следует отметить, что во время восстания 1916 г. Ташкентская и Среднеазиатская (в том числе Бухарская) железные дороги были разделены на 12 участков со специальной охраной каждого из них. Потом добавили 13-й участок на линии Урсатьевская – Джизак из-за восстания в Джизакском уезде. Джизакские повстанцы убили уездного начальника полковника И.И. Рукина, заминских полицейских приставов Зотоглова и Соболева, а всего русских 83 человека. Туркестанский инженер П. Аношкин писал в своем дневнике о том, как развивалось восстание в Джизакском уезде Самаркандской области. Он отмечал, что восставшие начали бить русских и громить русские

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 110.

² Там же.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Там же. С. 115.

⁶ Там же. С. 195.

селения. За Джизаком разрушили 3 железнодорожные станции вместе с рельсами. Из Ташкента послали войска, которые провели карательные акции. Аношкин писал о том, что русские в ответ жестоко расправлялись с повстанцами – сжигали аулы и кишлаки, угоняли скот, убивали население и т. п.¹. Он описывал разгромленный войсками аул, в котором оставшиеся жители уверяли, что пострадали ни за что, так как из жителей аула в восстании участвовали только единицы². Аношкин достаточно подробно свидетельствовал о том, как шла зачистка Джизакского уезда. По мнению зарубежного исследователя Э. Сокола, восстание в Джизакском уезде было сильным, но стихийным и напоминало восстание 1898 г. в Андижане³.

Выше мы упоминали о противоречивых сведениях Э. Сокола, в частности, о судьбе Насыра-ходжи. Но изученные нами архивные документы снимают все противоречия относительно вождя джизакских повстанцев. На самом деле, в начале августа 1916 г. ишан Насыр-ходжа и его приспешник имам Магомет-Раим-мулла пробирались в бухарские пределы, но волостной управитель Кок-Тюбинской волости выдал их. Они были арестованы, и уже 6 августа 1916 г. Насыр-ходжа и имам были допрошены судебным следователем Самаркандского окружного суда⁴. Помощник ферганского губернатора действительный статский советник П.О. Папенгут писал военному губернатору Самаркандской области генерал-майору Н.С. Лыкошину о том, как проходила операция по поимке главарей восстания в Джизакском уезде ишана Насыр-ходжи и муллы Абдурахима. При этом он советовал конфисковать земли участников восстания⁵.

Следует отметить, что не все жители Джизакского уезда поддержали восстание. Исследователь А.М. Матвеев писал о том, что в Джизакском уезде несколько сотен персов («иранцы») не приняли никакого участия в восстании 1916 г.⁶. Военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Н.С. Лыкошин докладывал 8 августа 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о том, что в восстании «не обошлось... по-видимому, и без участия военнопленных, живущих в Джизаке. Во всяком случае, следует допустить участие в деле организации восстания военнопленных офицеров... так как, видимо, кто-то руководил действиями туземцев, разъяснил важность порчи железнодорожного пути и перерыва телеграфного сообщения»⁷.

Восстание в Джизакском уезде сдетонировало на соседний с ним Богданский участок Андижанского уезда Ферганской области. Богданский участковый полицейский пристав, губернский секретарь Борилло направил 19 июля 1916 г. рапорт и. д. начальника Андижанского уезда П.И. Афанасьеву об организации восстания в Богданском участке. Он писал о том, что восстание в Богданском участке началось после слухов о событиях 13 июля 1916 г. в Джизаке. 14 июля пристав собрал должностных лиц «туземной» администрации и влиятельных «туземцев» и разъяснил им смысл царского указа о призыве на тыловые работы. Собравшиеся пообещали сделать всё от них зависящее для выполнения указа. Однако

¹ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 261.

² Там же. С. 263.

³ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 95–100.

⁴ Архив СПб филиала ИВ РАН. Разр. II. Оп. 4. Д. 44 – Хроника событий в Туркестанском крае в 1914–1916 гг. Л. 26.

⁵ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 128–129.

⁶ Матвеев А.М. Восстание 1916 года в Средней Азии, зарубежные выходцы и сопредельные страны (июль 1916 – начало 1917 г.) // Научные труды Ташкентского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Вып. 441. Мат-лы по истории и археологии Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 86.

⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 141, 142.

простой народ был сильно возбужден. Один из влиятельных «туземцев» Абдурахман Джевачи пригласил Борилло и всех русских людей к себе домой с тем, чтобы они были в безопасности. Но Борилло, узнав об убийстве русских на участке и о намерении убить и его самого с переводчиком Кузыбагаровым, переехал к кочевникам, где был радушно принят. После того, как стало известно об убийстве лесообъездчика Бабина, акушерка Янковская и ее прислуга Клюева перебрались в дом Джевачи, рассчитывая обезопасить себя от толпы. 15 июля стало известно, что повстанцы убили письмоводителя пристава С.Н. Сибирцева. Джевачи соединился с джизакцами. Борилло решил уехать в Джизак, причем его провожали «киргизы» как охрана в числе около 30 человек. Борилло в этом рапорте не упоминал о судьбе Янковской, Клюевой и других пострадавших от бесчинств восставших. 1 августа 1916 г. пристав уведомлял Афанасьева о том, что восставшие джизакцы бежали от преследования в Богданскую волость и учинили там беспорядки. Ограбили канцелярию участкового пристава, сожгли документы. Возглавлял толпу Абдурахман Джевачи. Акушерка Янковская и ее прислуга Клюева были изнасилованы. Борилло писал: «Эти женщины под влиянием насилия травились морфием, но их те же туземцы спасли»¹. Восстание в Самаркандской области разрасталось.

Начальник Самаркандского уезда полковник А.И. Мартинсон докладывал 17 июля 1916 г. в рапорте военному губернатору Самаркандской области генерал-майору Н.С. Лыкошину о восстании в горах Ура-Тюбинского участка. Тот телеграфировал 19 июля 1916 г. и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанту М.Р. Ерофееву о восстании в Минг-Арыкской волости Каттакурганского уезда. 21 июля 1916 г. он также сообщал ему подробности восстания в Каттакурганском и Ходжентском уездах. 22 июля 1916 г. начальник Каттакурганского уезда полковник Н.М. Росс докладывал в рапорте военному губернатору Самаркандской области Н.С. Лыкошину о восстании в двух кишлаках вверенного ему уезда. В свою очередь Лыкошин 23 июля 1916 г. доложил об этом и. д. туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофееву. Однако в рапорте он в основном излагал мятежные события в Джизакском уезде. Сергалинский волостной управитель Т. Каримбаев писал 23 июля 1916 г. в рапорте начальнику Каттакурганского уезда полковнику Н.М. Россу о том, что восставшая толпа намерена расправиться с ним и сельскими старшинами из-за списков призывников на тыловые работы. 24 июля 1916 г. Лыкошин докладывал Ерофееву о восстании в кишлаке Джума-мазар Каттакурганского уезда. Он отмечал, что было нападение на волостного управителя, которого толпа едва не убила². Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на факты убийства русских, восставшие преимущественно пытались расправиться с должностными лицами «туземной» администрации. Туркестанские власти выяснили, что вооруженное восстание готовилось во всем Каттакурганском уезде. Ишаны и прочие клерикалы пытались объявить среди мусульман уезда газават – всеобщую священную войну против русских, однако жители в целом эту идею не поддержали. Масштабного вооруженного восстания в уезде так и не произошло.

Таким образом, в июле 1916 г. в Самаркандской области было зафиксировано 25 мятежей мусульманского населения, в Сырдарьинской – 20, в Ферганской – 86. В Джизакском уезде Самаркандской области во время восстания было убито 83 русских, в том числе уездный начальник Рукин и пристав Зотоглов, 20 человек ранено, захвачено в плен около 70 человек. Подавлял восстание в Джизакском уезде карательный отряд полковника П.П. Иванова.

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 131.

² Там же. С. 125.

Исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант М.Р. Ерофеев докладывал 1 августа 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о ходе восстания в Джизакском уезде Самаркандской области и действиях карательных отрядов. Он сообщал, что восставшие убили 13 железнодорожных служащих, уездного начальника, полицейского пристава и двух полицейских служащих. 2 августа 1916 г. и. д. зааминского участкового полицейского пристава Гнилицкий направил рапорт и. д. начальника Джизакского уезда П.И. Афанасьеву, в котором писал о наборе «туземцев» на тыловые работы, о восстании и расправе его участников с лесными объездчиками и их семьями в горных кишлаках Караташской волости Джизакского уезда. Были сожжены дома и учинена расправа над семействами лесных объездчиков Андрющенко, Дудкина, Кайнова. Жена Кайнова с детьми уцелела, так как «жившие там сарты-монахи не пустили убить ее и детей, вырвали из рук разбойников и увели с собой в свои помещения, где заставили ее принять ислам»¹.

После назначения туркестанским генерал-губернатором А.Н. Куропаткина все документы чиновников стали поступать на его имя. Военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Н.С. Лыкошин докладывал 5 августа 1916 г. Куропаткину о ходе восстания в Ура-Тюбе и кишлаках Ходжентского уезда. Кроме того, он писал о роли предводителей восстания в Джизакском уезде, указывая, что его возглавил ишан Насыр-ходжа, и описывал убийство уездного начальника полковника Рукина, пристава Зотоглова и др. Также Лыкошин сообщал о том, что главарь восстания в Богданской волости Абдурахман Джевачи был задержан казаками «в то время, когда он вез богданскую акушерку с прислугой как спасенных от разъяренной толпы туземцев»². При этом он утверждал, что всё равно Джевачи «принимал непосредственное участие и стоял во главе восстания»³. 8 августа 1916 г. самаркандский губернатор Н.С. Лыкошин докладывал А.Н. Куропаткину о причинах и ходе восстания в Джизакском уезде. Он отмечал, что назначенная Куропаткиным комиссия по конфискации имущества мятежников Джизакского уезда начинает работу. Лыкошин указывал, что в восстании не участвовали пять «киргизских» волостей, кочующих в степи Кызылкум и в Яны-Курганской волости близ станции Милютино. Таким образом, в восстании участвовали 15 из 20 волостей Джизакского уезда. Пристава Плотникова, жившего в Яны-Курганской волости, восставшие не тронули. Лыкошин писал о том, что перед восстанием, еще весной 1916 г., в уезде действовали «агитаторы-киргизы», проповедовавшие победу Германии в войне. Он отмечал, что в восстании в Джизакском уезде главарями были Насыр-ходжа и Абдурахман Джевачи, которых поддерживали и другие ишаны. В августе 1916 г. была составлена «справка» об участии в восстании населения Ямской, Зааминской и Рабатской волостей Джизакского уезда⁴. Джизакский лесничий Карамышев писал 3 декабря 1916 г. в Управление государственными имуществами Самаркандской области о причинах и ходе восстания в Джизакском уезде, обвиняя в восстании богатых и влиятельных «туземцев», которые хотели восстановить дороссийские порядки, а простой народ вынуждали участвовать в борьбе против русских. Он особо отмечал, что еще до восстания народ возбуждал против русской власти народный судья (казий) Туракул Турабеков, которого в мае 1916 г. отстранили от должности⁵.

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 136.

² Там же. С. 139.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 148–149.

⁵ Там же. С. 157.

Нелишне заметить, что восстание мусульман в Самаркандской области вызвало панику среди «туземных» (так называемых бухарских) евреев, исповедовавших иудаизм. В Самарканде функционировала самая крупная еврейская община, имевшая свой квартал, именуемый Джугуд-махалля (Еврейский квартал). У них исторически сложились сложные отношения с мусульманами. Опасаясь погромов, евреи бросились бежать в сторону единоверцев Бухарского ханства и в пределы Афганистана. Российский императорский политический агент в Бухаре телеграфировал 5 июля 1916 г. в 3-й Политический отдел Министерства иностранных дел о том, что в ханство приезжает много самаркандских «туземных евреев, бегущих в Афганистан и своими рассказами усиливающих тревожное настроение... Опасаюсь, что появление в Афганистане бегущих из края евреев создаст и распространение ими фантастических слухов и ныне крайне нежелательное для нас тревожное настроение»¹.

В конце 1916 г. появились судебные документы о восстании в Самаркандской области. 24 ноября 1916 г. в Санзарском участке Джизакского уезда был составлен обвинительный акт в отношении 74 участников восстания в этом уезде. Документ содержал сведения об убийствах и истязаниях русских, однако публикатор опустил подробности этого². 3 декабря 1916 г. последовал обвинительный акт 152 участникам восстания в Зааминском участке Джизакского уезда³. Кроме того, в декабре 1916 г. был подготовлен обвинительный акт по делу 62 участников восстания в Джизакском уезде⁴. В нем, в частности, указывалось, что сыновья главаря повстанцев Джевачи изнасиловали акушерку Янковскую и ее прислугу Ключеву.

После страстного выступления А.Ф. Керенского 13 и 15 декабря в IV Государственной думе о событиях 1916 г. в Туркестанском крае Дума запросила 17 декабря 1916 г. у туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина сведения о том, как происходило восстание коренного населения Средней Азии. Куропаткин предложил военным губернаторам областей края представить требуемые документы. Самаркандский губернатор Н.С. Лыкошин направил в конце 1916 г. описание событий восстания в подведомственной ему области⁵. Его содержание было построено в последовательности документов, которые мы приводили выше. Кроме того, военный губернатор Самаркандской области отмечал, что в Туркестанском крае бытовала легенда о том, что Кауфман, отправляясь в 1876 г. в Кокандский поход, сказал ташкентскому богачу Сеид Азимбаю о том, что если ташкентцы во время кокандского дела сохранят спокойствие, то «не будет у вас воинской повинности, пока не минует 50 лет со дня завоевания края». Лыкошин указывал, что во время восстания «туземцы» говорили о том, что 50 лет прошло, и русские теперь решили привлечь мусульман Туркестанского края к военной службе на войне. Он отмечал, что в Заамине спасли акушерку Чернову с сестрами и племянницей, которых восставшие захватили и изнасиловали. Спасли жену убитого пристава Соколова с детьми. Писал о том, что несколько человек спаслись принятием ислама. Лыкошин сообщал, что в Каль-Курганской волости Каттакурганского уезда толпа восставших убила народного судью. Однако вскоре такого рода акции повстанцев были подавлены. Таким образом, восстание коренного населения Самаркандской области в 1916 г. завершилось торжеством силы над порывом народа к справедливости.

¹ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в документах. Т. I... С. 86–87.

² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 149–152.

³ Там же. С. 152–156.

⁴ Там же. С. 158–160.

⁵ Там же. С. 160–170.

В Сырдарьинской области восстание началось несколько позже, чем в Ходженте, но зато непосредственно в краевом центре – городе Ташкенте. Полицейстер его «туземной» части А. Мочалов докладывал 11 июля 1916 г. и. д. начальника г. Ташкента С.О. Кочану о начале восстания в городе¹. Он отмечал, что 11 июля 1916 г. в 8:30 утра у городского полицейского управления «туземной» части Ташкента собралась возбужденная толпа и напала на городских, в том числе «туземных», и нанесла им побои. Во время увещания толпы полицейстером и приставом 3-го участка толпа убила караульщика – ночного сторожа Мир Ахмет-ша. После этого она кинулась на чинов полиции, но те стали стрелять и укрылись в здании управления. Усмирили толпу только прибывшие войска. Зачинщиков арестовали и отправили в Ташкентскую областную тюрьму. Кочан немедленно сообщил о событии военному губернатору Сырдарьинской области генерал-лейтенанту А.С. Галкину. Он излагал то, что ему доложил в рапорте Мочалов. Уточнял, что разгонять толпу у полицейского управления «туземной» части Ташкента прибыли курсанты школы прапорщиков, и им помогали городские Русской части города². После разгона толпы на место происшествия прибыл сам Галкин. Ознакомившись с ситуацией, он доложил о ситуации и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанту М.Р. Ерофееву. Последний телеграфировал военному министру Д.С. Шуваеву о том, что 22 июля почетные «туземцы» города Ташкента и «туземные» депутаты Ташкентской городской думы явились к нему и выразили искреннее осуждение поведения городской толпы 11 июля 1916 г. Вместе с тем, помощник туркестанского генерал-губернатора, опасаясь распространения волнений на территории вне города Ташкента, предложил организовать оборону русских селений в Сырдарьинской области. Однако Галкин 18 июля 1916 г. заявил помощнику генерал-губернатора о нецелесообразности специальной обороны русских поселков в связи с отсутствием враждебных намерений восставших по отношению к их русским жителям. 21 июля 1916 г. он сообщал Ерофееву о вооруженном восстании в Зенгиатинской волости, где, согласно рапорту начальника Ташкентского уезда полковника Н.Н. Караульщикова, был убит ударом ножа в живот русский рабочий. Задержали многих «туземцев» для выяснения их вины. 21 июля 1916 г. Ерофеев телеграфировал руководителям областей края о проведении так называемых «военных прогулок» для воздействия на население, сопротивляющееся исполнению царского указа о привлечении «туземцев» к тыловым работам. Пскентский участковый полицейский пристав В.П. Ковдышев доносил 22 июля 1916 г. Караульщикову о восстании в селении Той-Тюбе, где толпа убила волостного управителя, разгромила канцелярию, всё уничтожила. Команда полицейских во главе с урядником Кабаевым не смогла защитить волостного начальника.

Сырдарьинский военный губернатор А.С. Галкин 22 июля 1916 г. сообщал и. д. туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофееву о том, что восстание имело место в Ташкенте, Пскенте, Ханабаде, Той-Тюбе, Чиназе, на станции Кауфманской и в других местах. Он указывал, что в селении Мерке «заметна агитация киргизов»³. Галкин отмечал, что приказал начальнику Аулиеатинского уезда принять меры к ее прекращению. 23 июля 1916 г. Галкин уведомлял Ерофеева о восстании в Алтыновской и Джаусугумской волостях Ташкентского уезда. Он писал: «Должностные лица Алтыновской волости заявили, что они опасаются за свою жизнь, так как жители их аулов настроены чрезвычайно воинственно против своей администрации»⁴. В то же время начальник охраны 2-го участка Ташкентской железной

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 263–264.

² Там же. С. 264–266.

³ Там же. С. 279.

⁴ Там же. С. 280.

дороги капитан Бурзи сообщал 28 июля 1916 г. в штаб Туркестанского военного округа о том, что «туземное население никакой вражды к русским не питает»¹. 29 июля 1916 г. Галкин писал тому же адресату о волнениях в двух волостях Ташкентского уезда и в одной волости Амударьинского отдела. И. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант М.Р. Ерофеев телеграфировал 30 июля 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву об убийстве сарыбийского волостного управителя и трех сельских старшин в Амударьинском отделе. 31 июля 1916 г., минуя военного губернатора Сырдарьинской области, начальник Казалинского уезда и гарнизона полковник П.Ф. Васильев направил напрямую рапорт Ерофееву о том, что в уезде набор призывников на тыловые работы проходит, однако настроение «туземного» населения весьма тревожное.

В Сырдарьинской области в июле 1916 г. было убито 45 русских, особенно пострадало население селения Новотроицкого². Примечательно, что восстание фактически обошло стороной Черняевский (бывший Чимкентский) уезд Сырдарьинской области. 27 июля 1916 г. состоялось собрание представителей населения и «туземной» администрации этого уезда, которое постановило исполнить указ царя о призыве на тыловые работы³. Автору, закончившему среднюю школу и начавшему свою трудовую деятельность в Чимкенте (1960–1965 гг.), приходилось встречать многих очевидцев событий того периода как среди русских, так и среди казахов, узбеков из «старого» города. Все они отмечали, что во время восстания 1916 г. в Чимкенте и окрестных селениях была относительно спокойная обстановка.

Помощник начальника Ташкентского уезда подполковник А.И. Афанасьев писал 1 августа 1916 г. в рапорте начальнику Ташкентского уезда полковнику Н.Н. Караульщикову о ходе восстания в Пскентском уезде и о действиях карательной экспедиции против восставших. Он указывал, что вместе с отрядом двинулся в Той-Тюбе на помощь Пскентскому участковому полицейскому приставу. Подробно описывал, как 22 июля 1916 г. толпа изуверски убила волостного управителя, разграбила его имущество, сожгла всю канцелярию, в том числе портрет государя императора. Пристав отмечал, что события в Той-Тюбе вызвали восстания в других волостях Пскентского участка. Волостные управители из них бежали. Карательный отряд задержал 70 восставших. По приказу Афанасьева нижние чины подожгли имущество зачинщиков мятежа. Население окрестных сел попряталось, однако отряд повсеместно созывал сходы, на которых люди голосовали за призыв (на тыловые работы), но неохотно. Афанасьев указывал, что часть должностных лиц «туземной» администрации поддерживали протест населения. Он предлагал, чтобы на всех сходах по призыву обязательно присутствовали участковые полицейские приставы.

В начале августа 1916 г. вспыхнуло восстание в Чимбайском участке Амударьинского отдела, о чем его начальник, полковник В.П. Колосовский, направил 5 августа 1916 г. рапорт военному губернатору Сырдарьинской области генерал-лейтенанту А.С. Галкину. Колосовский сообщал, что толпа каракалпаков жестоко убила (детали публикатор опустил. – *П.Л.*) участкового полицейского пристава Микельджанянца и его жену. Кроме того, она расправилась с сельским старшиной, переводчиком, фельдшером и несколькими «джигитами». Все разгромили и похитили деньги из кассы. 12 человек из «туземцев» арестовали. 6 августа 1916 г. Колосовский в новом рапорте Галкину свидетельствовал о том, что во время убийства полицейского пристава в Чимбае «все волостные управители сидели в чайхане на базаре сел. Чимбая... никто из них не сказал на это ни слова, но и не двинулся со своего места»⁴.

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пяковский... С. 281.

² Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 450.

³ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 21–24.

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пяковский... С. 297.

Он отмечал, что при разгроме канцелярии пристава бунтовщики сожгли все портреты государя императора и наследника-цесаревича.

И. д. военного губернатора Сырдарьинской области генерал-майор С.А. Геппенер докладывал 21 августа 1916 г. в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора о ходе восстания в Сырдарьинской области. Он сообщал о событиях, изложенных в вышеприведенных документах, в частности, об убийстве волостного управителя в Той-Тюбе и полицейского пристава в Чимбае. Геппенер отмечал, что 24 июля 1916 г. был убит масловский волостной управитель и его писарь. В Черняевском (бывшем Чимкентском. – *П.Л.*) уезде всё было спокойно. В других местах было беспокойно, однако открытых выступлений не было. 30 августа 1916 г. Геппенер докладывал туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о восстании в Меркенском участке Аулиеатинского уезда. Просил прислать войска для наведения порядка и охраны русских поселков. 2 сентября 1916 г. вновь назначенный военный губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант А.С. Мадритов сообщал военному губернатору Тургайской области генерал-майору М.М. Эверсману о том, что в Меркенском участке Аулиеатинского уезда «киргизы» подняли бунт, напали на русские поселки и убили крестьянина Гладышева. Помощник туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант М.Р. Ерофеев телеграфировал 5 сентября 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о нападении восставших на русские селения Кузьминка и Новотроицкое и отмечал, что «киргизам оказывают содействие немецкие колонисты, доставляя провиант, в числе мятежников находится турецкий мулла... на Сусамыре задержан германский шпион»¹. Помощник военного министра генерал Фролов надписал резолюцию о том, что надо внести вопрос «о ликвидации земель колонистов»². И. д. начальника Амударьинского отдела полковник А.И. Завитневич телеграфировал 7 сентября 1916 г. начальнику штаба Туркестанского военного округа генерал-майору Н.Н. Сиверсу об отказе населения Даукаринской волости Чимбайского участка Амударьинского отдела исполнять царский указ от 25 июня 1916 г. Помощник туркестанского генерал-губернатора генерал от инфантерии М.Р. Ерофеев телеграфировал 16 сентября 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о ходе восстания в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области. 25 сентября 1916 г. он сообщал Шуваеву о столкновении восставших с карательным отрядом у селения Новотроицкого Аулиеатинского уезда. Военный министр попросил выяснить причины и обстоятельства восстания коренного населения в Аулиеатинском уезде. Начальник Аулиеатинского уезда полковник С.Н. Кастальский писал 29 ноября 1916 г. в рапорте военному губернатору Сырдарьинской области генерал-лейтенанту А.С. Мадритову о причинах и ходе восстания в Аулиеатинском уезде. Он указывал, что слухи о призыве «туземцев» на тыловые работы стали распространяться в уезде еще в конце мая 1916 г. – поработали эмиссары Германии и Турции. Позже в Аулиеатинский уезд проникли слухи и восстании в Семиреченской области. Начались нападения на русских. Убийства русских были несчастными, однако в Камыш-сараяе «киргизы» напали на русских ополченцев, из которых утопили в колодце 22 человека, 32 пропали без вести, а остальные спаслись бегством. Из 32 без вести пропавших потом были убиты 20 человек, а 12 взяты в плен, позже их освободили. В итоге восставшие убили 44 человека. Сожгли дома в селениях Новотроицкое и Кузьминка. Русское население в них понесло огромный ущерб. Полковник С.Н. Кастальский также указывал, что во время восстания некоторые «туземцы» помогали русским³.

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 304.

² Там же.

³ Там же. С. 306–310.

Любопытно, что за два месяца до рапорта Кастальского инженер-казак М.Т. Тынышпаев составил 30 сентября 1916 г. доклад, представленный военному губернатору Сырдарьинской области генерал-лейтенанту А.С. Мадритову о причинах восстания в Аулиеатинском уезде¹. Инженер-путеец писал о том, что известие о царском указе от 25 июня 1916 г. было неожиданным и извращенные слухи о нем быстро распространились. Русские власти были обескуражены событиями и принимали неверные решения, особенно участковые полицейские приставы. Русские крестьяне начали грабить «туземцев», и это не было вовремя укрошено. «Киргизы» остались обиженной стороной. Но потом русские власти опомнились и стали действовать правильно. Во всяком случае, восстание 1916 г. в Аулиеатинском уезде не развилось до таких размеров, как в Пржевальском и Пишпекском уездах Семиреченской области. Мы полагаем, что Тынышпаев был по-своему прав, так как в рапорте Мадритову полковник Кастальский старался обойти стороной ошибки своей администрации до, во время и после восстания во вверенном ему уезде.

И. д. военного губернатора Сырдарьинской области действительный тайный советник В.Н. Петлин² писал 14 декабря 1916 г. в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора о ходе восстания в Сырдарьинской области³. Он описывал то, что было отмечено нами в приведенных выше документах. Начальник Ташкентского уезда полковник Н.Н. Караульщикова писал 17 декабря 1916 г. в рапорте военному губернатору Сырдарьинской области генерал-лейтенанту А.С. Мадритову о причинах и ходе восстания в Ташкентском уезде⁴. Он тоже приводил сведения, о которых мы писали выше. И. д. полицмейстера «туземной» части г. Ташкента штабс-капитан А.А. Тихоцкий писал 19 декабря 1916 г. в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора о ходе восстания 11 июля 1916 г. в Ташкенте⁵. В его рапорте не было ничего нового.

Казалось бы, восстание коренного населения Средней Азии должно было с наибольшей силой проявить себя в Ферганской области, которая изначально слыла территорией, населенной самыми «крепкими» в вере Пророка, фанатичными мусульманами. Однако, по большому счету, восстание в этой области не достигло даже половины того размаха, какое оно получило в Семиреченской области, в которой преобладало слабое в исламской вере кочевое население. Волнения в Ферганской области начались фактически вскоре после восстания в Ходженте.

Х. Турсунов писал о том, что восстание в Ферганской области началось 8 июля 1916 г. в Кокандском уезде, и его движущей силой была беднота⁶. Возможно, это и так, однако, на наш взгляд, события развивались синхронно. Начальник Андижанского уезда полковник И.А. Бржезицкий телеграфировал 9 июля 1916 г. военному губернатору Ферганской области генерал-лейтенанту А.И. Гиппиусу о том, что он лично разъяснял «туземцам» Андижана важность царского указа об их призыве на тыловые работы. Однако толпа была сильно возбуждена и стала бросать в войска и полицию камни, кетмени, палки и проч., грозила «перерезать всех пятидесятников и должностных лиц и разгромить их имущество»⁷. Пришлось стрелять. Уездный начальник просил усилить войска в Андижанском уезде и закрыть медресе.

¹ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 67–71.

² Был управляющим Туркестанской Казенной палатой.

³ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 310–311.

⁴ Там же. С. 312–317.

⁵ Там же. С. 317–320.

⁶ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 302.

⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 173.

На следующий день, 10 июля 1916 г., начальник Кокандского уезда полковник К.В. Мединский телеграфировал Гиппиусу о начале восстания в Янги-Курганской волости. Просил прислать сотню казаков. В тот же день помощник начальника Кокандского уезда подполковник А.Г. Китаев писал в рапорте военному губернатору Ферганской области генерал-лейтенанту А.И. Гиппиусу о том, что в уезде восстали три селения. Он отмечал, что Араванский волостной управитель застрелил из револьвера одного из участников мятежа, за что был тут же убит толпой вместе со своим писарем – мирзой. Полиция арестовала 316 человек. Позже начальник Туркестанского районного охранного отдела полковник М.Н. Волков писал 27 июля 1916 г. военному губернатору Ферганской области генерал-лейтенанту А.И. Гиппиусу о том, что убийство араванского волостного управителя «произошло ввиду сильных поборов, чинимых последним с населения»¹. Начальник Андижанского уезда полковник И.А. Бржезицкий телеграфировал 11 июля 1916 г. военному губернатору Ферганской области генерал-лейтенанту А.И. Гиппиусу о том, что был убит алтынкульский волостной управитель Хакимбек и состоявшие при нем два джигита. Пригородный участковый полицейский пристав Яхъин докладывал 11 июля 1916 г. начальнику Скобелевского уезда подполковнику Е.М. Гоштовту о том, что восставшими был убит файзабадский волостной казий, которому разможили череп камнями и палками. Была попытка убить яккатутского волостного управителя, но ему удалось бежать под охрану казаков. Гоштовт сразу же доложил об этом ферганскому губернатору. Начальник Наманганского уезда полковник П.Р. Крошков 11 июля 1916 г. сообщал военному губернатору Ферганской области о восстании в Наманганском уезде. Он указывал, что толпа восставших в несколько тысяч человек ревела от возбуждения. Крошков пытался убедить ее в том, что царский указ о призыве на тыловые работы не значит введения воинской повинности, а только помощь воюющей русской армии трудом. Но толпа не успокаивалась. Он писал: «Слышались возгласы, что будут убиты старшины, младшие аксакалы, народные судьи, чины полиции и чиновники»². Крошков отмечал, что пришлось стрелять по бунтовщикам. 12 июля 1916 г. военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант А.И. Гиппиус вынужден был телеграфировать и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанту М.Р. Ерофееву о том, что восстание в Ферганской области началось и продолжает разворачиваться. Буквально на следующий день, 13 июля 1916 г., начальник Андижанского уезда полковник И.А. Бржезицкий телеграфировал под грифом «экстренно» Гиппиусу о том, что в селении Чуама Майгирской волости убили пятидесятника, разгромили дом сельского старшины, и просил прислать воинские конвои, без которых участковые полицейские приставы не смогут исправить сложившуюся ситуацию. В то же время начальник Кокандского уезда К.В. Мединский докладывал в середине июля 1916 г. военному губернатору Ферганской области о повсеместном недовольстве «туземного» населения призывом на тыловые работы, выразившемся в агрессивном поведении толп народа, нападениях на должностных лиц «туземной» администрации, народных судей, пятидесятников, «джигитов» и др., которые нередко заканчивались убийством. Он излагал содержание донесений на его имя от участковых полицейских приставов. Приставы в основном констатировали разгул грабежей, поджоги, хищения имущества, нанесение увечий и т. п. Они сообщали об арестах мятежников, стрельбе войск и др. Ферганский губернатор, минуя ташкентское начальство, телеграфировал 13 июля 1916 г. помощнику военного министра генералу от инфантерии П.А. Фролову о положении в Ферганской области. Он отмечал, что основная причина восстания – «административная ошибка общего руководства из Ташкента»³.

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 217.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 194.

Гиппиус отмечал: «Ошибка усугубилась неясными, противоречивыми, излишне поспешными распоряжениями категорического характера»¹. Он писал: «Я ходатайствую о предоставлении мне независимости действий от Ташкента и прямых отношений с Главным штабом»². Обещал, что если ему пойдут навстречу, то он после этого усмирит область в течение короткого времени.

Между тем восстание набирало силу. Начальник Скобелевского уезда Ферганской области подполковник Е.М. Гоштовт 16 июля 1916 г. сообщал Гиппиусу о восстании в селении Шарихана. Толпа бросала камни, кирпичи, палки и т. п. – войскам пришлось стрелять. Кроме того, он докладывал ферганскому губернатору о повторном восстании в Старом Маргилане и прилегающих к нему селениях. Отмечал, что восставшие зарезали старого пятидесятника и молодого мираба. О событиях в Старом Маргилане писал в августе 1916 г. полицмейстер города подполковник П.Я. Пахотин в рапорте на имя и. д. военного губернатора Ферганской области полковника П.П. Иванова, который сменил в этой должности генерал-лейтенанта А.И. Гиппиуса. Пахотин отмечал, что 10 июля 1916 г. на базарной площади Старого Маргилана собралась огромная толпа с камнями и палками, которая «убила несколько человек полиции и туземной администрации»³. Но после 10 июля 1916 г. в Старом Маргилане не было больше беспорядков.

Военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант А.И. Гиппиус телеграфировал 18 июля 1916 г. из Андижана помощнику военного министра генералу от инфантерии П.А. Фролову о расправе «туземного» населения вверенной ему области с местными властями и о предполагающихся репрессиях против повстанцев. Он писал: «Туземные власти разбегаются, спасаясь от кровавой расправы бесчинствующего народа»⁴. Видимо, не зная еще о царском повелении объявить весь Туркестанский край на военном положении, он предупреждал о «вредном общем политическом значении» объявления Ферганской области на военном положении, но при этом просил предоставить ему всеобъемлющую власть. Предлагал разрушать все восставшие селения и городские кварталы и отбирать у них земли. Указывал, что угрозы такого рода он уже внес в свое обращение к «туземному» населению. Сообщал, что распространил свои разъяснительные листовки о царском указе от 25 июня 1916 г. среди «туземцев» и уже появились признаки успокоения в народе. Просил ходатайствовать о предоставлении ему права «вне всякого закона» учреждать полевые суды и карательные экспедиции. Он рекомендовал не торопиться с введением военного положения в Ферганской области, поскольку после его листовок, «быть может, волна бунта пойдет на убыль»⁵. При этом Гиппиус обещал в месячный срок умиротворить ситуацию в Ферганской области. Через несколько дней, 21 июля 1916 г. Гиппиус телеграфировал помощнику военного министра генералу П.А. Фролову о том, что под влиянием его разъяснительных листовок «туземное» население области постепенно успокаивается. Он писал: «Уже записываются охотники-рабочие и даже добровольцы в войска»⁶. Гиппиус также телеграфировал в Главный штаб «о скорейшем назначении полевых судов для ликвидации бывших беспорядков в Андижане, Маргилане, Намангане и некоторых селениях»⁷.

В это же время ситуацию в Туркестане внимательно отслеживала краевая администрация. Исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 195.

² Там же.

³ Там же. С. 229.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Там же. С. 641.

⁶ Там же. С. 644.

⁷ Там же.

М.Р. Ерофеев телеграфировал 15–16 июля 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о волнениях в Закаспийской области. Он отмечал небольшие беспорядки в Семиреченской области. Указывал, что в Ферганской области восставшие убили должностных лиц «туземной» администрации. Ерофеев подробно писал о бесчинствах толпы в Джизакском уезде Самаркандской области, убийстве уездного начальника полковника Рукина, полицейского пристава Зотоглова и двух полицейских служителей, о разрушении железнодорожного пути. Он подчеркивал, что от принятия решительных принудительных мер его сдерживают огромные пространства Туркестанского края, большая разбросанность русских селений, малочисленность администрации и полиции. Поэтому он вынужден проявлять осторожность. 17 июля 1916 г. Ерофеев телеграфировал военному министру о росте беспорядков в Ферганской области, об убийстве должностных лиц «туземной» администрации, народных судей. Он также сообщал о том, что в Джизакском уезде Самаркандской области по отношению к русским творятся зверства, мужчин убивают, женщин насилуют, детей убивают, ударяя о стену. Продолжаются беспорядки в Закаспийской области. Ханша Гюль-Джамал успокаивает народ и собирается в Петроград. Охрана железных дорог усилена. Бухарские власти перекрыли границу, чтобы не пропускать бегущих из Самаркандской области¹.

Заметим, что в условиях «чрезвычайной охраны» все воинские и гражданские чины, независимо от ранга, в наиболее важных обстоятельствах могли напрямую обращаться даже на «высочайшее» имя. Поэтому исследователей не должен удивлять тот факт, что всего лишь воинский начальник Скобелевского уезда полковник Г.Н. Колуха направил 22 июля 1916 г. «всепопданнейший» рапорт самому царю Николаю II о подавлении восстания в городе Андижане и селении Алтын-куль².

22 июля 1916 г. начальник Андижанского уезда полковник И.А. Бржезицкий докладывал военному губернатору Ферганской области генерал-лейтенанту А.И. Гиппиусу о мерах по выполнению царского указа от 25 июня 1916 г. Он отмечал, что «туземная» администрация «напугана до такой степени, что не может взять в свои руки дело управления населением»³. По его мнению, восстание показало, что «туземцам» нельзя верить – «азиаты остались такими же фанатиками, какими были до завоевания края русскими»⁴. Они больше верят ишанам, чем русским. Уездный начальник предлагал «экстренно выслать из Туркестанского края навсегда всех ишанов»⁵ и советовал закрыть все медресе и мектебы, назначить военно-полевые суды, а земли тех, кто отказывается от призыва, конфисковать в фонд казны, с предупреждением остальным, что это делается по примеру Джизака. Бржезицкий отмечал: «История Востока указывает нам на то, что сила действует на темные массы туземцев вернее, нежели слова убеждения»⁶. Вместе с тем он писал о том, что на 22 июля 1916 г. добровольно просились в армию 21 «туземец», а на тыловые работы – 10. На следующий день, 23 июля 1916 г., он докладывал Гиппиусу о ситуации в восстании, отмечая, что разрешил старшему аксакалу города Андижана собрать съезд чинов «туземной» администрации, народных судей, мударрисов, имамов мечетей и других лиц в количестве до 900 человек. Обсуждался только один вопрос – об исполнении царского указа о призыве на тыловые работы. Старший аксакал Ширмет-Мирза произнес речь, в которой требовал, чтобы все ответственные лица выполнили царский указ. При этом он подчеркнул, что надо призывать людей

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 63–64.

² Там же. С. 208–209.

³ Там же. С. 209.

⁴ Там же. С. 210.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

добровольно, а не действовать силой. Потом была избрана депутация для встречи с уездным начальником. Бржезицкий отмечал, что прибывшие делегаты говорили ему о том, что идет сбор хлопка и надо отсрочить призыв, однако он возразил им, указав, что в Ферганской области проживает два млн человек, а призывается всего 50 тысяч, и это не повлияет на уборку хлопка и другие сельхозработы. Депутация вернулась и доложила съезду о результатах встречи с начальником уезда.

Гиппиус телеграфировал 23 июля 1916 г. помощнику военного министра генералу П.А. Фролову о том, что у него возникли разногласия с высшей администрацией края по вопросу о методах проведения мобилизации «туземцев» на тыловые работы и усмирению мусульманского населения области. Он указывал, что сам он против принудительных мер, так как и без них успокоил население с помощью разъяснительных прокламаций. Гиппиус отмечал, что первый рабочий поезд в 1500 человек он будет сопровождать сам с флагами и музыкой, с угощениями на станциях. Необходимо как следует обмундировать призывников. Ферганский губернатор сообщал о том, что благодаря его деятельности в области наступила тишина. Вместе с тем, он направил 23 июля 1916 г. телеграмму и. д. туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофееву, в которой указывал, что беседовал с мусульманским духовенством города Намангана и что его «слова были приняты не только сочувственно, но и восторженно. Слепцом-начетником была пропета песнь Корана, затем совершена громкая молитва за царя с пожеланием побед русским войскам»¹. Он также отмечал: «По приглашению имама вся толпа молитвенно подняла руки вверх. Картину, которую я предчувствовал, запечатлел приглашенный мной фотограф»². Гиппиус просил отменить распоряжение об ограничении передвижения «туземцев» по железной дороге. Позже туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин писал в Военное министерство о том, что Гиппиус добился «спокойствия» в Ферганской области своим объявлением о том, что на тыловые работы будут набирать только добровольцев.

26 июля 1916 г. ферганский губернатор сообщал помощнику военного министра о разногласиях с и. д. командующего Туркестанским военным округом генералом М.Р. Ерофеевым по поводу исполнения царского указа. Он отмечал, что как подчиненный должен исполнять его распоряжения, но делать этого не намерен, и даже предлагал «немедленно отстранить» себя от должности³. Позже, 14 сентября 1916 г., Гиппиус в рапорте царю писал о том, что и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант М.Р. Ерофеев изначально действовал неправильно и тем самым спровоцировал восстание «туземцев»⁴.

Между тем восстание коренного населения Ферганской области продолжалось. Полицейский пристав Оседлого района Ошского уезда штабс-капитан Шпадлер направил 26 июля 1916 г. рапорт начальнику Ошского уезда капитану Мельникову о восстании в селении Чакар. Он писал, что восставшие устроили погромы домов пятидесятников, для того чтобы найти списки призывников на тыловые работы.

В конце июля 1916 г. Ферганская областная администрация решила провести по уездам специальные «совещания», в которых должны были принимать участие представители уездных властей, банков, торгово-промышленных фирм, учебных ведомств и др. Они были призваны обсудить вопрос о причинах восстания в Туркестанском крае. 31 июля 1916 г. такое «совещание» прошло в Кокандском уезде. Участники «совещания» писали в протоколе

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 89 – О беспорядках, вызванных призывом инородцев на работы. Л. 45.

² Там же. Л. 46.

³ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 648.

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 89 – О беспорядках, вызванных призывом инородцев на работы. Л. 224 об.

заседания о том, что причины восстания 1916 г. более глубоки, чем принято считать. Они коренятся во враждебности воинствующих доктрин ислама, проповедующих величие будущего всемирного мусульманского государства. Пока Россия была сильной, такие идеи считались «воздушными замками», но за время войны «туземцы» поверили в ослабление России. Кроме того, участники «совещания» отметили, что воззвание военного губернатора Ферганской области генерал-лейтенанта А.И. Гиппиуса о добровольном наборе на тыловые работы породило сборы с каждого двора по 50 руб. для оплаты труда «добровольцев», которые достигли 700 руб. В добровольцы «пошли туземные общественные отбросы»¹. Заседание признало, что воззвание Гиппиуса спровоцировало в Ферганской области тяжелую и запутанную ситуацию, а «добровольный» набор мог иметь нежелательные, в том числе кровавые, последствия. Поэтому предлагалось усилить власть и войска, чтобы не пострадали торговля и промышленность. Протокол подписали десятки людей, но только из числа русских. 2 августа 1916 г. подобное «совещание» прошло в Скобелевском уезде Ферганской области. На нем председательствовал сам и. д. военного губернатора Ферганской области полковник П.П. Иванов. Участники «совещания» излагали общие данные о восстании в области. Товарищ прокурора Скобелевского окружного суда Абаимов отметил, что изложенные данные – это только поводы к восстанию, а его главные причины глубже – они «в религиозном воззрении мусульман и их учении и полной агитации»². Участники этого заседания тоже критиковали «добровольный» набор Гиппиуса. Протокол заседания подписали десятки людей, но лишь русские и русскоязычные – евреи, немцы, армяне и др. В тот же день, 2 августа 1916 г., состоялось собрание представителей андижанской уездной администрации, банков, торгово-промышленных фирм и проч. по вопросу о причинах восстания в Туркестанском крае. Участники собрания отметили, что глубокие причины восстания «туземцев» в Ферганской области еще должны быть определены, однако «вероятна возможность заранее подготовленного внешнего влияния и пропаганда на почве религиозной и политической»³. Протокол подписали десятки людей, но только русские и русскоязычные. 4 августа 1916 г. такой же «синклит» собрался в Наманганском уезде. Его участники сошлись во мнении о том, что царский указ о призыве «туземцев» на тыловые работы и реакция населения на него были вызваны более глубокими причинами, заключающимися «в особенностях туземцев и в их фанатизме»⁴. Они осудили добровольческое движение «как наемническое и как общественный отброс»⁵. Участники собрания не нашли в нем никаких признаков патриотизма. Подписали протокол 15 человек, но тоже не из числа «туземцев».

В начале августа 1916 г. Ферганское областное управление составило «ведомость» происшествий в области за июль 1916 г.⁶ Ее подписал и. д. военного губернатора Ферганской области полковник П.П. Иванов. В документе излагались сведения о бунтах коренного населения, включая покушения восставших на жизнь и здоровье должностных лиц «туземной» администрации, пятидесятников, «джигитов», караульчиков и др. Упоминался только один русский – полицейский из Старого Маргилана. В течение августа 1916 г. из уездов поступали новые рапорты, уточнявшие сведения о восстании в Ферганской области. Например, начальник Скобелевского уезда подполковник Е.М. Гоштовт направил 12 августа 1916 г. рапорт военному губернатору Ферганской области, в котором писал о причинах и ходе

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 218.

² Там же. С. 220.

³ Там же. С. 221–222.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 235–238.

восстания в Скобелевском уезде. Он особо подчеркивал, что русские в восстании пострадали мало, так как в основном гнев толпы был направлен против должностных лиц «туземной» администрации.

Следует отметить, что ферганский губернатор действовал, учитывая сведения о ситуации в других областях Туркестанского края, которыми его снабжала краевая администрация (Канцелярия), продолжавшая регулярно докладывать о положении в регионе в Совет министров. 1 сентября 1916 г. туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин телеграфировал военному министру Д.С. Шуваеву о ходе восстания в Сырдарьинской, Семиреченской и Закаспийской областях. Он отмечал, что в Красноводском уезде Закаспийской области «туркмены-иомуды настроены враждебно, отказываются дать рабочих, часть их откочевала в Персию»¹. 2 сентября 1916 г. Куропаткин сообщал военному министру о том, что положение в Туркестанском крае остается напряженным². Поступали сведения о ситуации в крае и областным руководителям. Так, начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-майор Н.Н. Сиверс телеграфировал 19 сентября 1916 г. и. д. военного губернатора Ферганской области полковнику П.П. Иванову о ходе восстания в Семиреченской, Закаспийской и Самаркандской областях³.

На основе донесений уездных начальников, полицейских приставов, должностных лиц «туземной» администрации и других источников и. д. военного губернатора Ферганской области полковник П.П. Иванов составил 17 декабря 1916 г. отчет туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о восстании в Ферганской области⁴. Он излагал то, что ему докладывали с мест в течение беспокойного периода. Иванов писал о том, что за время беспорядков – с 8 по 18 июля 1916 г. был убит один русский чиновник и 34 должностных лица «туземной» администрации. Из простых людей был убит один русский, двое ранены, а из «туземцев» были убиты 56 человек, ранены 109, 28 умерли от ран⁵. Исполняющий должность ферганского военного губернатора отмечал, что «коренные» области Туркестанского края спасло от резни быстрое прибытие войск в очаги восстания и решительные меры воздействия на население на местах. Он указывал, что положительное влияние на ситуацию в крае сыграло прибытие туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина, который возложил вину за восстание не только на «туземцев», но и на русские власти и русское население, и стал проводить решительную политику по умиротворению в крае. Кроме того, Иванов хвалил быструю и точную работу Среднеазиатской железной дороги во время восстания⁶ (с отчетом полковника П.П. Иванова можно ознакомиться в Российском государственном историческом архиве⁷. Кроме того, представляют интерес архивные материалы о восстании 1916 г. в Ферганской области⁸.)

Восстание 1916 г. в «коренных» областях Туркестанского края – Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской – имело свои особенности: здесь преобладало оседлое население

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 65.

² Там же. С. 65–66.

³ Там же. С. 66–67.

⁴ Там же. С. 253–260.

⁵ Там же. С. 259.

⁶ Там же. С. 260.

⁷ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1066 – Записка военного губернатора Ферганской области, полковника Иванова о волнениях в Туркестанском крае летом 1916 года.

⁸ См. напр.: ЦГА Узб. Ф. 19. Оп. 4. Д. 178 – Дело по обвинению в государственной измене местных жителей г. Андижана. (1916); ЦГА Узб. Ф. 19. Оп. 4. Д. 183 – Донесения уездных начальников о настроениях населения (1916).

и земельный вопрос не стоял так остро, как в Семиреченской и Закаспийской областях, где, напротив, преобладало кочевое население – туркмены, каракалпаки и казахи (на Мангышлаке). Закаспийская область отличалась от всех других областей Туркестанского края тем, что она делилась не только на уезды, но и на приставства – административно-полицейские территориальные единицы. Впрочем, их можно было приравнять к участкам, которые учреждались в некоторых уездах прочих областей генерал-губернаторства.

Большой знаток восстания 1916 г. в Туркестанском крае Х. Турсунов писал подробно о восстании в Закаспийской области¹. Он указывал, что ее кочевое население встретило царский указ от 25 июня 1916 г. о наборе людей на тыловые работы категорически отрицательно. Вр. и. д. (временно исполняющий должность) чикишлярского пристава Золотарев писал 8 июля 1916 г. начальнику Красноводского уезда М.А. Шелашникову о том, что он провел беседы с сельскими старшинами о целях и задачах, заложенных в царском указе от 25 июня 1916 г., однако те его не поняли и заявили, что туркмены людей на тыловые работы не дадут. Он отмечал, что население «обдумывает вопрос о способе бегства», в связи с чем указывал, что «мирным путем население не пойдет, разве только с применением силы»². Он предлагал усилить охрану границы для пресечения бегства туркмен и сообщал, что уже связался по этому поводу с командиром 1-го отдела 30-й Закаспийской пограничной бригады. Управляющий населением участка Тохтамыш (пристав) капитан Малиновский составил 12 июля 1916 г. протокол, в котором писал о том, что собрал волостных управителей и сельских старшин по вопросу о призыве туркмен на тыловые работы, однако все отказались давать людей на эти цели. Восстание очевидно назревало, и бахарденский пристав Блинов телеграфировал 12 июля 1916 г. и. д. начальника Асхабадского уезда Карпинскому о необходимости применения оружия против восставших, так как иначе ничего не получится. Начальник Асхабадского гарнизона генерал-лейтенант И.Я. Нарбут уведомлял 15 июля 1916 г. и. д. начальника Закаспийской области генерал-майора Н.К. Калмакова о выделении воинских отрядов для принудительного проведения набора рабочих. Председатель Красноводского по воинской повинности присутствия полковник М.А. Шелашников писал 16 июля 1916 г. и. д. начальника Закаспийской области генерал-майору Н.К. Калмакову о том, что из-за призыва на тыловые работы многие туркмены бегут за границу. Калмаков надписал на этом рапорте длинную резолюцию, смысл которой сводился к тому, что надо вести разъяснительную работу среди влиятельных, почетных, уважаемых и состоятельных туркмен. А на случай восстания он образовал карательные отряды из трех родов войск и в ответ телеграфировал 16 июля 1916 г. начальнику Красноводского уезда полковнику Шелашникову приказ распространить среди местного населения устрашающие сведения о подавлении восстания в Самаркандской области: «В Самаркандской области расстреляно несколько тысяч туземцев, неповинующихся высочайшему повелению и производящих бунт. Земли их будут отобраны в казну, жилища сровнены с землею»³. И. д. командующего Туркестанским военным округом генерал-лейтенант М.Р. Ерофеев телеграфировал 17 июля 1916 г. начальникам воинских гарнизонов округа о запрещении самовольного выселения «туземцев» из городов и сел. Он требовал создания конных карательных отрядов, для которых следовало реквизировать у «туземного» населения лошадей и сёдла. 21 июля 1916 г. Серахский участковый пристав Сокологорский собрал всех лиц «туземной» администрации (волостных и аульных старшин) и потребовал выполнить указание властей по призыву на тыловые работы, но все выступили против. Начальник Тедженского уезда Ф.И. Бялонович телеграфировал 23 июля 1916 г.

¹ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 332–359.

² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 423.

³ Там же. С. 639.

и. д. начальника Закаспийской области генерал-майору Н.К. Калмакову о том, что население уезда возбуждено, и отмечал необходимость дополнительной присылки войск для подавления возможного восстания. Начальник Асхабадского гарнизона полковник Стржалковский издал 23 июля 1916 г. приказ по войскам о стрельбе по «угрожающим скопищам». Он отмечал, что командующий войсками Туркестанского военного округа «приказал не высылать на разведку одиночных нижних чинов»¹. И. д. серахского пристава Сокологорский составил 28 июля 1916 г. протоколы на троих туркмен по обвинению их в подготовке восстания против власти. И. д. министра внутренних дел А. Степанов писал 10 августа 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о намерении туркмен оказать сопротивление набору «туземцев» на тыловые работы. Он отмечал, что, по слухам, Джунаид-хан и его сподвижник Ишан якобы возвратились из Персии в пределы Хивинского ханства, где они намерены поднять «туземцев» на восстание против власти. Но это осталось на уровне слухов. Как указывал Х. Турсунов, в феврале 1916 г. главарь мятежа туркмен в Хивинском ханстве в 1915 г. Джунаид-хан сбежал от царских войск в Афганистан, но во время восстания 1916 г. в Закаспийской области он хотел вернуться туда, с тем чтобы возглавить восстание в Теджене, но афганские власти не пустили его². Мы полагаем, что на них оказали давление англичане, которые контролировали положение в Афганистане и не хотели осложнять ситуацию в пределах своей союзницы – России.

Поскольку восстание в Закаспийской области разгоралось, что требовало принятия экстренных мер, то начальник карательного отряда подполковник П.П. Иванов телеграфировал 20 августа 1916 г. в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора о необходимости конфискации земель и имущества восставших туркмен и сожжения их кибиток. Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин телеграфировал 21 августа 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о восстании туркмен-иомудов в Закаспийской области. Вр. и. д. чикишлярского пристава Золотарев писал 25 августа 1916 г. начальнику Красноводского уезда М.А. Шелашникову о вооруженном восстании жителей аулов Кукурчек и Курбан-Каз. И. д. начальника Закаспийской области генерал-майор Н.К. Калмаков телеграфировал 15 сентября 1916 г. командующему войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютанту А.Н. Куропаткину о ходе восстания в Закаспийской области. Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков сообщал 20 сентября 1916 г. Калмакову о том, что четыре туркменских аула отправили своих представителей в Афганистан и он арестовал инициатора этого дела Курбан-Нияз-хана. И. д. начальника Закаспийской области генерал-майор Н.К. Калмаков писал 21 сентября 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о необходимости изменения принципа разверстки рабочих по Мервскому уезду. Он отмечал, что изменение необходимо потому, что сейчас со всех волостей берут поровну, тогда как в каждой из них разное число аулов и кибиток. И. д. помощника начальника Закаспийской области действительный статский советник А.М. Дуплицкий докладывал 27 сентября 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину об осаде восставшими поселка Рождественского. И. д. начальника Закаспийской области генерал-майор Н.К. Калмаков телеграфировал 28 сентября 1916 г. А.Н. Куропаткину о нападении восставших туркмен на русские поселки в долине реки Гюрген. Он отмечал, что поселок Рождественский подожгли, а жители трех соседних поселков отступили под охраной сотни казаков в поселок Донской. По слухам, туркмены ограбили поселок Саратовский. 29 сентября 1916 г. Калмаков сообщал генерал-губернатору о том, что туркмены восстали в районе селений Михайловского, Крещенского и Донского.

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 645.

² Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 350.

22 октября 1916 г. и. д. начальника Закаспийской области генерал-майор Н.К. Калмаков телеграфировал туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о том, что к восстанию присоединился иомудский род ак-атабайцев. Российский пограничный с Персией комиссар Михайлов сообщил 23 октября 1916 г. начальнику карательных отрядов в Закаспийской области генералу Волковникову о нападении восставших на поселок Донской и об угоне ими скота его жителей. Калмаков докладывал 25 октября 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору о том, что восставшие окружили поселок Донской и потому начата эвакуация жителей поселков Донского, Михайловского и Крещенского. Начальник Чикишлярского карательного отряда Повсталес писал 28 октября 1916 г. начальнику карательных отрядов в Закаспийской области генералу Волковникову о нападении восставших на пограничные посты Курбан-Каз и Караташ. Он отмечал, что были убиты и изуродованы пять нижних чинов. Имеются раненые в стычках с восставшими. Командир 2-й роты конной сотни ротмистр Пожарский сообщил 28 октября 1916 г. начальнику Атрекского карательного отряда генерал-лейтенанту В.А. Нарбуту о действиях восставших в районе поселка Донского. Он отмечал, что 3 тыс. восставших туркмен осаждали селение, но стреляли 200 человек, а несколько повстанцев под шумок угнали скот. 28 октября 1916 г. командир 2-й конной пограничной сотни ротмистр Ларин подробно докладывал Нарбуту о боях с восставшими за поселки Донской и Крещенский. О том же писал 31 октября 1916 г. в рапорте Нарбуту командир роты Асхабадской дружины государственного ополчения зауряд-прапорщик Шишляев. И. д. начальника Закаспийской области генерал-майор Н.К. Калмаков телеграфировал 30 октября 1916 г. начальнику карательных отрядов в Закаспийской области генералу Волковникову о необходимости ускорения продвижения подчиненных ему войск в связи с обострением положения на Гюргене. Он отмечал, что все эвакуированные русские поселки сожжены восставшими. Вождь восстания Баба-Клыч вредно агитирует. Надо действовать скорее, чтобы не допустить общего восстания иомудов. Туркестанский генерал-губернатор А. Н. Куропаткин назначил 2 ноября 1916 г. военного губернатора Сырдарьинской области генерал-лейтенанта А.С. Мадритова командующим карательной экспедицией для подавления восстания туркмен на Гюргене и Атреке. Она должна была подавить восстание туркмен-иомудов, которые проявили жестокое отношение к русским в Закаспийской области – убивали, насиловали, истязали и т. п. Силы экспедиции составляли: пять батальонов пехоты, 12,5 сотни конницы, восемь конно-разведочных команд, 18 орудий, 13 пулеметов и полроты саперов. Экспедиционный корпус генерала Мадритова разделялся на: Чикишлярский (подполковник Дерфельдин), Астрабадский (полковник Габаев) и Гюргенский (полковник Стржалковский). Кроме того, Мадритову были приданы две роты при 90 конных разведчиках. Определялись цели и задачи отрядов экспедиции Мадритова. Помощник туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеев телеграфировал 7 ноября 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о нападении «туземцев» Закаспийской области на промыслы Кара-Су и на русские поселки Нимердан и Саратовский. Он отмечал, что 5 ноября 1916 г. туркмены разграбили Нимердан и убили несколько жителей. У поселка Саратовский ежедневно идет перестрелка с туркменами. 9 ноября 1916 г. Ерофеев сообщал в Военное министерство о действиях восставших в районе Кара-Су и Лианозовских рыбных промыслов. Заведующий розыскным пунктом Департамента полиции МВД в Асхабаде и Закаспийской области ротмистр, барон А.А. Фиркс 8 ноября 1916 г. докладывал («совершенно секретно») в Особый отдел ДП МВД о продолжении перекочевки в Афганистан туркмен Пендинского приставства.

В начале декабря 1916 г. и. д. начальника Закаспийской области генерал-майор Н.К. Калмаков докладывал в штаб Туркестанского военного округа о ходе восстания в Закаспийской области в связи с набором рабочих на тыловые работы с июля по ноябрь 1916 г. Он отмечал, что до объявления царского указа о призыве на тыловые работы ситуация

в Закаспийской области была спокойной, «туземцы» относились к власти благожелательно. Они охотно неоднократно и крупно жертвовали на нужды войны. Только иомуды были настроены враждебно по отношению к русским «под влиянием, несомненно, существовавшей среди них немецкой пропаганды»¹. После объявления царского указа о призыве и беспорядков в Ходженте и. д. туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеев телеграфировал Калмакову о том, что необходимо принять меры к предотвращению таких акций в Закаспийской области. В связи с этим последний отдал соответствующие распоряжения начальникам уездов области. 8 июля 1916 г. к Калмакову явилась депутация туркмен с предложением просить «государя императора» освободить туркмен от призыва на тыловые работы. Далее Калмаков описывал волнения среди туркмен в связи с обнародованием царского указа. Он отмечал, что они собирались послать в Петроград популярных туркмен-текинцев Юсуп-хана и Махтум-Кули-хана с тем, чтобы просить «Государя Императора» заменить призыв на тыловые работы военным налогом и поставками верблюдов. Повсеместно туркмены отказывались давать людей на фронтовые работы, однако 17 июля 1916 г. ханша Гюль-Джамал лично пообещала Калмакову исполнить царский указ о призыве. Начальник Жандармско-полицейского управления Среднеазиатской железной дороги сообщил, что туркмены послали своих людей в Афганистан узнать, примут ли их там в случае, если они сбегут в эту страну от призыва на тыловые работы. Во многих местах Закаспийской области принимали общественные приговоры дать полномочия ханше Гюль-Джамал поехать в Петроград, чтобы добиться отмены призыва туркмен. Для этого намеревались собрать 2 млн руб., чтобы она вручила их царю в обмен на избавление туркмен от мобилизации на тыловые работы. Если он не сделает этого, то туркмены намеревались восстать и снестись с Афганистаном насчет помощи. Далее Калмаков писал о мятеже туркмен в разных местах Закаспийской области. Мятежники стали нападать на русских пограничников, одному из них, мертвому, выкололи глаза, другому «почти совсем отрубили голову»². При перегоне беженцами скота подполковник пограничной стражи Иванов задержал тысячу баранов и просил реквизировать их для прокорма войск. Но Калмаков разрешил ему забрать только 50 баранов, причем по так называемой «справочной» цене, а остальных вернуть владельцам и отпустить в Персию. Он писал о развитии событий в Закаспийской области – о нападении туркмен на русские поселки, убийстве русских людей, сожжении селений, угоне скота и т. п.; об убийстве ротмистра Пожарского, который был сражен пулей, попавшей ему прямо в сердце; о событиях начала октября 1916 г. в Теджене. Калмаков отмечал, что в восстании участвовали не только российские, но и персидские туркмены-иомуды, которыми командовал Эссен-хан, давний враг России и русских. При этом он указывал, что большинство персидских туркмен в события в Закаспийской области не вмешивались.

Наибольшую остроту восстание 1916 г. приобрело в другой «кочевой» области Туркестанского края – Семиреченской. Началось оно с проявления глухого недовольства номадов призывом их на тыловые работы, в связи с чем они стали сопротивляться составлению списков «призывников» и в массовом порядке покидать места работы у русских крестьян и казаков. Американский исследователь Э.Д. Сокол отмечает, что в Семиреченской области проживало 300 тыс. русских из 500 тыс. русского населения Туркестанского края. Он пишет: «Тынышпаев и губернский переводчик И. Джайнаков делали всё, что могли, для того чтобы разъяснить указ народу и убедить его сохранять спокойствие. Они широко распространяли газету “Казах”»³. А эта газета призывала «туземное» население исполнить предписания

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 463.

² Там же. С. 469.

³ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 122.

царского указа. Драгоман консульства в Кашгаре коллежский секретарь Г.Ф. Стефанович отмечал в начале 1917 г., что перед восстанием среди кочевников Семиреченской области проводилась пропаганда о том, что их пошлют под пули – между русскими и немцами¹. Он писал о специфике родоплеменного быта кочевников Семиречья, о партийной борьбе на выборах. Стефанович отмечал, что богатые номады были против восстания, считая его бессмысленным. Однако манапы были за восстание, а именно они были волостными управителями. Он указывал: «Вот почему почти во всех волостях руководителями мятежа оказались волостные старшины»². Поэтому местная администрация не провела должной разъяснительной работы среди кочевого населения Семиреченской области.

Атаман станицы Малоалмаатинской Верненского уезда доносил 11 июля 1916 г. в войсковое правление Семиреченского казачьего войска о том, что работники из «туземцев» бросили поля и ушли – из-за объявленного царского указа об их призыве на тыловые работы. В связи с этим хлеба могут остаться необработанными. Писарь Ивановской волости Джаркентского уезда сообщал 11 июля 1916 г. начальнику Нарынкольского участка А. Подваркову о том, что «киргизы» арестовали волостного управителя и других должностных лиц «туземной» администрации, а у него самого они силой отобрали списки призывников на тыловые работы. Писарь Альджанской волости Джаркентского уезда сообщал 11 июля 1916 г. начальнику Нарынкольского участка А. Подваркову о том, что «киргизы» выступили против призыва на тыловые работы, а волостной управитель Утевлиев забрал у него списки призывников. И. д. полицмейстера г. Верного штабс-капитан Ф.И. Поротиков писал 13 июля 1916 г. в рапорте военному губернатору Семиреченской области генерал-лейтенанту М.А. Фольбауму о том, что «киргизы» 11 волостей Пишпекского уезда во главе с николаевским волостным управителем дунганином Буларом Могуевым выступают против призыва «туземцев» на тыловые работы (Булар Могуев еще в 1914 г. проповедовал образование из Семиреченской области самостоятельной мусульманской провинции). Поротиков отмечал, что русские поселенцы пугают «туземцев» тем, что их пошлют под пули немцев, и чтобы они не давали составлять списков «призывников». И. д. зайцевского участкового полицейского пристава Ключев докладывал 16 июля 1916 г. товарищу (заместителю) прокурора Верненского окружного суда Д.И. Курошеву о том, что в селении Карам Карамской волости Джаркентского уезда разъяренная толпа убила волостного управителя Абдрасулова, однако волостного писаря Григория Соколова не тронула. Таким образом, восставшие выступили против «предателя» из своих, но без антирусских настроений. И. д. начальника Джаркентского уезда подполковник Н.Н. Ступин писал 1 августа 1916 г. военному губернатору Семиреченской области о выступлении «киргизов», дунган и уйгуров против мобилизации на фронтные работы. Он указывал, что собирал должностных лиц «туземной» администрации, мулл, почетных «туземцев», разъяснял им важность исполнения царского указа, однако они не согласились с его доводами. Бакайский волостной управитель Н. Бижибаев писал 5 августа 1916 г. начальнику Верненского уезда полковнику И.И. Лиханову об отказе населения волости исполнять приказания должностных лиц «туземной» администрации³.

Военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант М.А. Фольбаум телеграфировал 6 августа 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о настроениях среди населения области. Он отмечал, что «туземное» население Семиреченской области выступает против призыва на тыловые работы. 7 августа он сообщал тому же

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 85.

² Там же. С. 87.

³ См.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 325–329.

адресату о том, что в целом «туземное» население настроено пассивно, но в селении Самсы Верненского уезда жители восстали, напали на русских и творят бесчинства. 9 августа Фольбаум просил Куропаткина прислать войска в Семиреченскую область для усмирения возбужденного населения. Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин телеграфировал 7 августа 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о восстании «киргизов» в Пишпекском уезде Семиреченской области и об уходе кочевников Лепсинского и Джаркентского уездов в пределы Китая. И. д. полицмейстера г. Верного штабс-капитан Поротиков писал 8 августа 1916 г. в рапорте военному губернатору Семиреченской области генерал-лейтенанту М.А. Фольбауму о том, что «киргизы» восстали в Пржевальском, Пишпекском, Верненском, Копальском уездах и в Нарынском участке. Несколько волостных управителей призвали народ к сопротивлению и послали письма волостным старшинам в Нарынский участок Пржевальского уезда с призывом присоединиться к восставшим против призыва «туземцев» на тыловые работы. Кроме того, он сообщал, что дунганин Булар Могуев – старшина Николаевской волости призвал «киргизов» вооружаться для борьбы против русских властей и обещал раздать им оружие, которые якобы он где-то хранит. Военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант М.А. Фольбаум телеграфировал 6 августа 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о причинах восстания в Верненском уезде. Он писал о том, что русские поселенцы распространяли среди «киргизов» провокационные слухи о том, что тех призывают для того, чтобы отправить под немецкие пули. По мнению Фольбаума, они делали это, полагая, что «киргизы» взбунтуются, а после подавления мятежа власти отнимут у них землю и передадут ее русским переселенцам. 9 августа 1916 г. Фольбаум сообщал Куропаткину о вредной деятельности кыргызских манапов в возбуждении народа против призыва «туземцев» на тыловые работы. 10 августа 1910 г. он уведомлял туркестанского генерал-губернатора о том, что напряжение среди «туземного» населения области растет, и просил прислать карательные отряды. В тот же день он получил телеграмму от начальника Пишпекского уезда подполковника Ф.Г. Рымшевича, который сообщал о том, что «киргизы» восстали, грабят сёла, жгут хлеба, убивают русских, и просил прислать войска: батальон, две сотни казаков и два пулемета.

Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин телеграфировал 12 августа 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о восстании в Туркестанском крае и Семиреченской области. О восстании в Семиреченской области он отдельно сообщал Шуваеву 15 августа 1916 г., а также в последующие дни – 16, 17 и 18 августа 1916 г. В частности, он писал: «Возможно быстрое проведение линии Семиреченской дороги до Аулие-Ата признаю неотложным для скорейшего подавления беспорядков в Семиреченской области»¹. 19 августа 1916 г. он сообщал телеграммой военному министру о том, что «укладка пути Семиреченской железной дороги доведена до 142-й версты от Арыси до города Аулие-Ата и остается неуложенного пути 140 верст»². Просил отпустить на продолжение дороги 152 версты рельсов и крепежа к ним.

Кроме того, о положении дел в крае туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин информировал МВД. Так, он секретно телеграфировал 19 августа 1916 г. министру внутренних дел А.А. Хвостову о том, что в Семиреченской области беспорядки продолжаются. 23 августа 1916 г. он сообщал «полицейскому» министру о том же³. Помощник туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеев телеграфировал 19 октября 1916 г. министру

¹ Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро... С. Х.

² Там же. С. 129.

³ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 214, 216.

внутренних дел А.Д. Протопопову о том, что в Пишпекском уезде отряд полковника Слинко «поймал главного мятежника, действовавшего в Пишпекском и Пржевальском загорных районах, киргиза Канаата Абукина, провозгласившего себя ханом»¹. Такого рода контакты туркестанской военной администрации с МВД поддерживались и в последующем. Это имело позитивный смысл, так как соседнее Степное генерал-губернаторство (край), в котором тоже полыхало восстание коренного населения, находилось в ведении Министерства внутренних дел.

В записи от 3 сентября 1916 г. А.Н. Куропаткин отметил в своем дневнике, что в Туркестанском крае многие русские селения разгромлены, много человеческих жертв. Он писал о том, что при усмирении районов были «излишества» со стороны русских войск, в том числе в Семиречье. Туркестанский генерал-губернатор указывал, что «озлобление между русским и киргизским населением растет. Киргизы допускали огромные жестокости, русские не остались в долгу»². Через несколько дней, 7 сентября 1916 г., он докладывал военному министру Д.С. Шуваеву о восстании в Пржевальском уезде и действиях там карательных отрядов. В Пржевальском уезде Семиреченской области участвовали в восстании 18 волостей. Куропаткин описывал разгул восстания киргизов уезда, грабежи, насилия, убийства и т. п., чинимые ими в русских селениях. Он отмечал, что многим удалось бежать и спастись в г. Пржевальске, селениях Теплоключенке и Преображенском. Писал об обороне г. Пржевальска, военном совете города во главе с тремя отставными генералами. Отмечал, что освобожденные из плена «туземцы» показали, что ими «руководили якобы турецкий генерал и два европейца»³. Куропаткин в очередной раз телеграфировал 13 сентября 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о восстании в Семиреченской области. Сообщал кратко о том, что беспорядки в области продолжаются. В тот же день он записал в своем дневнике: «Верненские киргизы вели себя всех спокойнее, а их-то мы и хотим лишить земли»⁴.

Начальник Пржевальского уезда полковник В.А. Иванов писал 26 сентября 1916 г. в рапорте военному губернатору Семиреченской области генерал-лейтенанту М.А. Фольбауму о том, что у арестованного киргиза отняли воззвание, в котором всех русских призывали покориться мусульманам⁵. Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин телеграфировал 17 октября 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о том, как идет подавление восстания в Семиреченской области⁶.

И. д. военного губернатора Семиреченской области полковник А.И. Алексеев докладывал в начале ноября 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о причинах и ходе восстания в Семиреченской области⁷. Он отмечал, что, кроме Пржевальского уезда, в других местах русское население пострадало мало. Писал о том, что главнейшими причинами восстания были: 1) изъятие земель у «киргизов»; 2) пропаганда из Кашгарии германских агентов через дунган и китайцев; 3) малочисленность войск в области; 4) призыв на тыловые работы. Указывал, что особую жестокость в восстании проявили «кара-киргизы» и дунгане. Отмечал, что на начало ноября 1916 г. в Семиреченской области всё постепенно восстанавливается. Начальник Пишпекского уезда подполковник Ф.Г. Рымшевич направил

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 369.

² Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 50.

³ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 350.

⁴ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 55.

⁵ ЦГА Кыр. Ф. 75. Оп. 1. Д. 34 – Рапорты уездных начальников Генерал-Губернатору с описанием мятежа киргиз 1916 года. Л. 10.

⁶ Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док. / КРСУ... С. 113–114.

⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 371–376.

28 ноября 1916 г. рапорт и. д. военного губернатора Семиреченской области полковнику А.И. Алексееву о ходе восстания в Пишпекском уезде и мерах по его подавлению. Он описывал события августа 1916 г. в уезде. Пишпекский уезд состоял из трех участков: Пишпекского, Беловодского и Токмакского. Наиболее трагической была осада Токмака. Рымшевич сообщал о том, что поведение «киргизов» было яростным: они несколько раз поднимались в атаку, несмотря на то, что «пулемет сметал целые их ряды»¹. Были убийства, насилия и пленение русских. Вместе с тем уездный начальник указывал, что и русские вели себя жестоко. Конвойная команда не без участия возбужденного населения убила 138 пленных «киргизов». В Пишпекском уезде не принимали участия в восстании дунганская (Николаевская) и Карабулакская волости, все другие примкнули к восстанию. Начальник Пишпекского уезда писал о том, что после подавления восстания «киргизы» ведут себя покорно и опасаются мести русских.

Восстание 1916 г. в Семиреченской области ознаменовалось многими фактами жестокого отношения инсургентов к простому русскому населению. О фактах избиения русских восставшими «туземцами» в 1916 г. писал известный мусульманский деятель Ахмет-Заки Валиди (1890–1970)². Казахский общественный деятель, инженер-путеец М. Тынышпаев признавал, что «киргизы первые сделали гадость: напали на безоружных белобилетников, призывавшихся в войска, и убили до 30 человек. Тела бросили в колодезь»³. Современный исследователь С. Малабаев отмечает, что избиение русских людей начали именно сами восставшие. При этом он приводит сведения источника об изощренных способах их убийства, в том числе детей, о насилии над женщинами, уничтожении имущества, скота, сожжении селений и т. п.⁴ Малабаев пишет о том, что восставшие действовали коварно – обещали русским поселенцам, что не станут их трогать и не надо им бросать свои дома, а потом убивали их без сожаления. По его мнению, все акции такого рода организовали «местные феодалы, знать и состоятельные киргизы, которые заставляли, применяя насилие, простой народ вставать под свои знамена и устраивать резню переселенческого населения»⁵. Но многие рядовые кочевники старались предупредить русских о надвигающейся беде. Малабаев убежден в том, что восстание 1916 г. готовилось заранее и «финансированием подготовки к трагическим событиям занимались местные влиятельные лица, волостные управителя и их подчиненные»⁶. Военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант М.А. Фольбаум признавал, что «в то время как степные киргизы (казахи) обращались со своими жертвами мягко, каракиргизы (настоящие киргизы) и в особенности дунгане выказали удивительную жестокость по отношению к беззащитным русским, прибегая к пыткам перед убийством, выкалывая им глаза, отрезая уши, груди... детей на части»⁷. Казахи больше жили с русскими, имели с ними общие разные связи, многое от них усвоили и т. п. Примечательно, что во время восстания 1916 г. ни одна казачья станица не подверглась нападению повстанцев⁸. Тем не менее, как отмечал американский исследователь Э.Д. Сокол, в Лепсинском уезде Семиреченской области казахи не нападали на русские селения и не убивали русских, но казаки, усмирявшие восставших, всё равно убивали казахов «без видимых причин»⁹. Однако его

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 385.

² Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 463.

³ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 148.

⁴ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 216–217.

⁵ Там же. С. 218.

⁶ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 218–219.

⁷ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 115–116.

⁸ Восстание 1916 года: Док. и мат-лы. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. С. 118.

⁹ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 128.

мнение представляется нам тенденциозным, так как вр. и. д. начальника Лепсинского уезда штабс-ротмистр Маслов писал 20 декабря 1916 г. в Верненский окружной суд о том, что фактически все волости его уезда явно или скрытно участвовали в восстании, причем была даже целая битва с «киргизскими» полчищами у селения Саратовского¹.

Драгоман консульства в Кашгаре коллежский секретарь Стефанович писал о разгule восстания в Пржевальском уезде². Многочисленные примеры жестокостей со стороны восставших содержит отчет благочинного церковей Пржевальского уезда протоиерея М. Заозерского. Он сообщал о том, что вдова убитого повстанцами священника Иоанна Роика была взята в плен 12 августа, но в ночь на 14 августа она сумела бежать с грудным младенцем – дочерью Ольгой. Другая дочь – пятилетняя Людмила была убита повстанцами. Заозерский указывал, что восстание в Пржевальском уезде началось 10 августа 1916 г., и если бы повстанцы сразу напали на город Пржевальск, то все могли погибнуть, так как в городе было всего 50 солдат. Протоиерей писал: «Пять дней мы ожидали смерти»³. Только 15 августа подошла джаркентская дружина из 160 человек и 52 казаков. 20 августа пришла сотня казаков и тоже из Джаркента (при советской власти – г. Панфилов с 1942 г.). 2 сентября 1916 г. прибыли 500 казаков из Верного, а 6 сентября – отряд из Ташкента с пушками и пулеметами. Заозерский писал: «Встречали их всем городом и колокольным звоном, как своих спасителей»⁴. Телеграфную связь восстановили 15 сентября, а почта пришла 30 сентября. Тракт до Токмака на протяжении 300 верст был разрушен. Заозерский подводил в отчете печальные итоги восстания 1916 г.: уцелели только город Пржевальск и селения Преображенское и Теплоключенка; восставшие сожгли и разграбили села: Столыпино, Курское, Долинка, Григорьевка, Семеновское, Сазановское, Каменка, Алексеевское, Озерно-Фольбаумское, Михайловское, Бобриково, Отрадное, Лизогубовка, Соколовское, Валериановское, графа Палена, Горки, Высокое, Липинское, Богатырское, Иваницкое, Светлая Поляна, Тарханы, Барскаум, Гоголевка, Кольцовка, Сухомлиновское, Туткуй, Карабулак и Титовка; убиты церковные старосты селений Иваницкое, Тарханы, Гоголевка и Кольцовка. По данным Заозерского, во время восстания 1916 г. в Пржевальском уезде было убито 1391 мужчина и 431 женщина, взято в плен 176 мужчин и 937 женщин. Убили священника Иоанна Роика, иеромонаху Рафаилу отрубили голову. Были убиты помощник начальника Пржевальского уезда Ф.П. Каичев, пржевальский участковый врач Левин, сазановский мировой судья, учителя и учительницы церковных школ и многие другие. Новое здание сельскохозяйственной школы, обошедшееся в 40 тыс. руб., было сожжено 13 августа. 23 августа здесь же отпели 92 покойников, половина из которых не были опознаны. Вся дорога от селения Иваницкого до города Пржевальска была усеяна трупами. Особенно пострадали жители Иваницкого, Высокого, Озерно-Фольбаумского, Алексеевского, Тархан, Барскаума, Гоголевки и Кольцовки. В селе Иваницком были убиты 245 мужчин и 30 женщин, взяли в плен 200 женщин. В Барскауме убили 150 мужчин и 60 женщин, взяли в плен 112 человек. В Гоголевке убили 230 человек, пленили 80. В Кольцовке лишили жизни 376 человек и взяли в плен 306, «погибло всё селение»⁵. Протоиерей писал: «Нет сил описывать страдания и мучения русских людей, погибла одна четвертая часть уезда. Детей киргизы разрывали, разбивали о камни, бросали с утесов. Невозможно описать мучения и страдания взятых в плен женщин,

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 391–392.

² Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 88–89.

³ Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 23. 1 декабря. Часть официальная. С. 318.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

все женщины, девушки, старухи и даже 12-летние девочки изнасилованы, заражены сифилисом, многие забеременели, нет сил, чтобы их утешить. Разорен прекрасный и богатый уезд»¹. Американский историк Э.Д. Сокол указывает, что «в отличие от других вспышек восстания по Туркестану, восстание в Семиречье сразу же вылилось в нападение на русские селения». Он пишет о том, что наиболее жестоким оно было в Пржевальском уезде. По его словам, здесь «было убито наибольшее число русских поселенцев, по сравнению с другими уездами»². Сокол отмечает, что в Пржевальском уезде «были уничтожены почти все русские поселения»³, кроме двух – Преображенского и Теплоключенского.

Нелишне заметить, что туркестанская пресса постоянно отслеживала ход восстания 1916 г., особенно на семиреченском направлении. Безусловно, впереди всех в этом отношении была главная краевая газета – «Туркестанские ведомости». Так, например, в сентябре 1916 г. газета сообщала о разгроме повстанцами русских селений и Иссык-Кульского монастыря в Пржевальском уезде Семиреченской области⁴. О событиях мятежа «Туркестанские ведомости» информировали читателей постоянно⁵. В начале 1917 г. газета сообщала о том, что правительство планирует заселить Прииссыккулье уральскими казаками-старообрядцами⁶. В июне того же года «Туркестанские ведомости» опубликовали статью известного семиреченского деятеля О.А. Шкапского, в которой он писал о последствиях восстания 1916 г. в Средней Азии⁷.

По итогам восстания 1916 г. в Семиреченской области прокурор Ташкентского окружного суда сделал представление о привлечении к ответственности кочевников, которые оказывали вооруженное сопротивление русским войскам⁸. Кроме того, были запланированы правительственные меры наказания номадов. Министр земледелия, сенатор А.А. Риттих писал 11 декабря 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о мерах по конфискации земель восставших «киргизов», расположенных в районе озера Иссык-Куль и долин рек Кебин и Текес⁹. Он отмечал, что ознакомился с протоколом заседания чинов семиреченской администрации в г. Верном 16 октября 1916 г. под председательством туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина. Заседание постановило выселить «киргизов» из Пржевальского уезда, а на их землях устроить казачьи и крестьянские поселки. Риттих подчеркивал, что осуществить меры такого рода можно только на законной основе. Он предлагал передать освободившиеся от кочевников земли Пржевальского уезда Семиреченскому казачьему войску, но «по возможности одной сплошной площадью»¹⁰. Такая передача должна была основываться на законе от 3 июля 1914 г. Однако земли, уже занятые крестьянами, передавать Семиреченскому казачьему войску можно было только с согласия самих поселенцев. Если они будут против, то им надо выделить участки земли в других

¹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 23. 1 декабря. Часть официальная. С. 318.

² Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 125.

³ Там же. С. 129.

⁴ См.: Местная хроника // Туркестанские ведомости. 1916. № 205.

⁵ См.: Местная хроника // Туркестанские ведомости. 1916. № 207, 209, 210, 212, 214, 217–219, 222, 233, 234, 253.

⁶ См.: Местная хроника // Туркестанские ведомости. 1917. № 32.

⁷ См.: Шкапский О.А. Семиречье после киргизского мятежа // Туркестанские ведомости. 1917. № 136. Прибавление.

⁸ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1068 – Представление Прокурора Ташкентского окружного суда о привлечении к ответственности киргизов за сопротивление русским войскам.

⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 390–391.

¹⁰ Там же. С. 390.

местах с выдачей пособий для обустройства. Переселение «киргизов» в нарынский край планировалось производить с учетом устройства крупных водохранилищ в районе озера Сон-Куль и долин Кекемерон и Джумгал, которые позволят регулировать сток вод реки Сырдарьи, что требовалось для орошения 200 тыс. десятин в Ферганской области. Поэтому там расселять кочевников было запрещено.

И. д. военного губернатора Семиреченской области полковник А.И. Алексеев писал в отчете за 1916 г. о том, что восстание 1916 г. было особенно сильным в Пржевальском уезде и Токмаке, так как «здесь же наиболее крепка связь семиреченских туземцев с мусульманами коренных областей Туркестана, влияние которых на первых порах сыграло, без сомнения, также немалую роль, особенно после беспорядков в Ташкенте, Джизаке и иных очагах июльских восстаний»¹. Он допускал влияние германских агентов и писал о том, что «имеются также указания на причастность к беспорядкам в Семиречье китайских анархистов»². По его мнению, восстание подняли манапы, желавшие создать «новое Киргизское ханство»³. Однако оно представляется сомнительным. Инженер М. Тынышпаев писал 28 октября 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о деятельности братьев Шабдановых до восстания и в ходе его. Он отмечал, что русская власть обижала семейство Шабдановых, отнимала у них земли и должности по «туземному» самоуправлению. Вместе с тем, братья Шабдановы – Мукуш, Кемель, Аман и Хасамутдин – не сразу согласились возглавить восстание, но сородичи вынудили их сделать это. Таким образом, сработал принцип родоплеменной солидарности.

Кроме отчета, и. д. военного губернатора Семиреченской области полковник А.И. Алексеев подвел итоги восстания 1916 г. в Семиреченской области во «всеподданнейшем» рапорте, который он направил 4 марта 1917 г. уже к тому времени низложенному царю Николаю II. Алексеев отмечал, что основной причиной восстания 1916 г. явился земельный вопрос. Самовольная русская колонизация Семиречья поначалу нравилась кочевому населению, так как оно получало деньги за аренду земли и недорогой хлеб. Однако, когда хлынул поток переселенцев, то положение изменилось, особенно в 1906 г., когда возникла Семиреченская переселенческая организация. Она не смогла отрегулировать переселенческий процесс и соотносить распределение земель с реальными земельными возможностями края. Переселенцы стали требовать отводить им участки не там, где это было запланировано, а там, где они сами того хотели. Наделение землями проводилось даже с нарушением установлений статьи 125 Степного положения 1891 г.⁴ – у кочевников изымали ценные земли. Самовольные переселенцы, прибывшие в край после революционных событий 1905–1907 гг., не хотели ждать планового распределения земель, и поэтому в Семиреченской области имела место «скомканная и бессистемная переселенческая работа»⁵. В 1910 г. Семиреченская область стала легальной для переселения. Появилась возможность придать переселенческому процессу организованный характер. Но этого не случилось, так как к тому времени уже много земель было изъято у кочевого населения. И отношения между коренным и пришлым населением ухудшались. Алексеев писал: «Частичные вспышки недружелюбных отношений между новоселами и туземцами стали хроническими»⁶. Тем не менее, в начале войны кочевники вели себя как истинные граждане России, щедро жертвовали на войну, помогали семьям ушедших

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 40 – Отчет губернатора Семиреченской области за 1916 год. Л. 4 об.

² Там же Л. 5 об.

³ Там же.

⁴ Степное положение: с объяснениями по официальным источникам. 25 марта 1891 г. / Изд. земского отдела МВД. СПб., 1891. С. 98 // URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003630126#?page=7>.

⁵ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 406.

⁶ Там же. С. 407.

на фронт деньгами и скотом, записывались в добровольцы, чтобы служить в действующей армии. Они охотно исполняли требования администрации, поставляли для армии юрты, кошмы, вносили исправно военный налог. Однако поражение России в 1915 г. изменило их отношение к русской власти и русскому населению. У них появилась мысль о том, что Россия слаба по сравнению с ее противниками и, следовательно, можно избавиться от ее власти, став независимыми. Из иных причин «на первом месте стоит агитация извне. Есть бесспорные основания считать виновниками по агитации... и агентов Германии»¹. Кроме того, против России агитировали среди кочевого населения китайские анархисты со стороны Кашгарии. Они возбуждали тысячи кульджинских выходцев, прибывших в Семиреченскую область для работы на опиумных плантациях. Но толчком к восстанию стало неправильное понимание «туземным» населением царского указа о призыве на тыловые работы. Весь июль 1916 г. в Семиреченской области росла напряженность и возникали беспорядки. Кочевые волости выступили против призыва коренного населения на тыловые работы. Стремление освободиться от русской власти тоже нарастало. И. д. военного губернатора Семиреченской области полковник А.И. Алексеев отмечал, что «германские агенты питали некоторые надежды на туркестанских инородцев»². Китайские агитаторы подогревали настроения кочевого и иного коренного населения. Открытое восстание против русской власти в Семиреченской области случилось 3 августа 1916 г. в Верненском уезде. Были стычки с войсками. Но восстание продолжилось, когда случились открытые выступления кочевников, сопровождавшиеся убийствами, пленением русских людей, грабежами, поджогами, хищением имущества и скота. К 18 августа 1916 г. восстание в Верненском уезде было усмирено. Однако оно продолжилось в Пишпекском уезде, где его возглавили внуки манапа Джантая, который в свое время сопротивлялся установлению русской власти в Семиречье. Одного из них – Мукуша Шабданова подняли на белой кошме и провозгласили ханом. Были нападения на русские селения, убийства, насилия, пленение людей, сожжение мостов, почтовых станций, разрушение телеграфных линий и т. п. Войска вступали в бой с восставшими и разгоняли их. С 14 по 22 августа 1916 г. восставшие кочевники осаждали Токмак. Ежедневно они атаковали городские укрепления и смело шли на пулеметы. 22 августа прибывший из Ташкента отряд подполковника Гейцига разогнал толпы осаждавших Токмак. В Нарынском крае 9 августа мятежники напали на селение Белоцарское, убили заведующего полицией Меньшикова, его небольшой конвой девять дней отбивался, но сдался и был перебит. Были убиты русские жители, многие взяты в плен. В тот же день, 9 августа, мятежники напали на селение Столыпина, где команда казаков и солдат храбро отбивалась. На помощь пришел начальник Атбашинского участка Пржевальского уезда Хахалев. Но из-за нехватки боеприпасов он начал отступать вместе с жителями селения в направлении Токмака. Это был трудный переход, который, тем не менее, завершился успешно. А селение Столыпина мятежниками было сожжено дотла. В Пржевальском уезде восстание началось 9–10 августа 1916 г., в Джаркентском уезде – 12 августа. Особенно жестокий характер оно приобрело в Пржевальском уезде. Множество селений было разгромлено, русских убивали, женщин насиловали и убивали или брали в плен. В некоторых селениях русские сдавались под белым флагом, но их всё равно убивали. На южном берегу озера Иссык-Куль было разгромлено селение Кольцовка и убит помощник начальника Пржевальского уезда Каичев, который вместе с жителями пытался отступать, договорившись с восставшими, однако они догнали его караван и всех перебили. Повсеместно были грабежи, пожары, хищение имущества и т. п. Дунгане селения Мариинского изуверски уничтожали русских людей. В городе Пржевальске вначале была сильная

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 406.

² Там же. С. 408.

паника, пока сюда не прибыл отряд ротмистра Кравченко. В Пржевальский уезд прислали войска, которые стали примерно наказывать восставших. Мятежники стали бежать в китайские пределы. В Джаркентском уезде тоже были открытые выступления, но больше в его южной части. Они были подавлены, а их участники наказаны. В Копальском и Лепсинском уездах было брожение, но без открытого восстания. Правда, в Лепсинском уезде имело место нападение на селение Саратовское, но подоспевшие войска, приняв сражение, его пресекли. Алексеев отмечал, что как только восстание было подавлено, среди русского населения, много от него потерпевшего, «явилась жажда мести и самосуда, при котором, конечно, не учитывалось, причастно ли данное лицо к мятежу или нет»¹. Особенно жестоким был самосуд жителей Пржевальска над дунганями. В селениях Теплоключенском и Преображенском Пржевальского уезда был устроен самосуд над мусульманами, которые были ни в чем не повинны. В селении Беловодском Пишпекского уезда «толпа самосудно расправилась с киргизами, арестованными во дворе волостного правления»². И. д. военного губернатора Семиреченской области Алексеев отмечал, что факты самосуда зафиксированы, дела его участников переданы в суды и виновные будут обязательно наказаны. Он также писал, что китайские власти Восточного Туркестана приняли беженцев, но отнеслись к ним «индифферентно», что к январю 1917 г. за счет сбежавших в Китай кочевое население Семиреченской области уменьшилось на 38 тыс. кибиток, то есть примерно на 150 тыс. человек. Алексеев сообщал о том, что мятежники разгромили в области 94 селения, не считая отдельных хуторов, заимок, пасек и др. Было убито 1905 человек, ранено 684, а пропало без вести 1105 человек. Часть пленных вернули из Китайского Туркестана, но большая часть их еще оставалась за границей. В войсках было убито 56 человек, в том числе три офицера, ранено 41 человек, пропало без вести 75 человек. Восстание нанесло большой экономический ущерб – были уничтожены хлеба, многие поля остались не убраны, русское население фактически лишилось всего своего скота. А поскольку сорт пшеницы «кубанка» очень устойчивый, то русские стали убирать урожай по снегу в ноябре и декабре. На еду пшеница была пригодна, но для посевов вряд ли годилась. Пострадавшим русским жителям раздали скот кочевников. В Пржевальском уезде в 1916 г. у кочевников было 2 327 472 голов скота, теперь он «может считаться весь погибшим»³. В других уездах Семиреченской области убыль скота от восстания составила 30 %. В результате восстания были уничтожены мосты, дороги, почты, телеграф и т. п. На их восстановление требовались солидные средства. Был сорван нормальный порядок сбора налогов, податей и земских платежей. Нужна была материальная помощь пострадавшему населению, так как назревала угроза голода. Много уже было сделано по восстановлению разрушенного и решен вопрос о работе школ и учреждений призрения сирот, лишившихся родителей во время восстания. В январе 1917 г. большинство русских беженцев вернулись в свои селения, стали восстанавливать жилища, готовиться к весенней посевной. Но им была нужна всесторонняя помощь. Алексеев отмечал, что на общее управление Семиреченской областью восстание повлияло мало. Всё запланированное выполняется. Налажена система народного просвещения. Беглецы из Китая просят разрешить им вернуться домой. Действительно, проблема беженцев-повстанцев в пределы Китая прибрела в начале 1917 г. значительную остроту.

Действия царских карательных отрядов в Туркестанском крае привели к массовому бегству кочевников за пределы Российской империи. Это были не менее трагические страницы истории восстания, чем те, которые состоялись в самой Средней Азии. Драгоман

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 414.

² Там же.

³ Там же. С. 416.

консульства в Кашгаре коллежский секретарь Г.Ф. Стефанович составил докладную записку о бегстве кочевников Туркестанского края в пределы Поднебесной¹. Он писал о том, что первыми из «туземцев» бежали в Китай дунгане, где у них были родичи и торговые дела. За ними устремились и «киргизы» в Уч-Турфанский и Аксуйский районы. Стефанович указывал, что положение бежавших на китайскую территорию было очень тяжелым. Китайцы усилили войска в местах расселения дунган и «киргизов»². Вопреки российско-китайским договорам и соглашениям, кашгарский даотай Чжу давал «киргизам» разрешение на расселение, получая от их родоначальников мзду не менее 5 тыс. руб. Часть скота беглецов китайские власти роздали русским. Стефанович писал о том, что «отношение даотая Чжу к Шабданам, главным виновникам мятежа в Семиречье, может быть названо только преступным»³. Он принимал их депутации, брал с них деньги, опиум, оружие и скот. Он помог им бежать, когда их выдачи затребовала Россия. Китайские уездные начальники тоже помогали беглецам. Стефанович отмечал, что такое поведение даотая зависело от антироссийской политики генерал-губернатора Синьцзяна Ян'а. Российское генконсульство в Кашгаре отмечало, что после разгрома восстания 1916 г. около 40 тыс. кыргызских кибиток (ок. 150 тыс. человек) бежали в Китай, причем во время бегства «русские женщины подвергались гнусным насилиям и уводились в горы, где они принуждались выйти замуж за киргиз, изменив предварительно свою веру»⁴. По духу российско-китайских договоров и соглашений Китай не должен был принимать бежавших «киргизов». Русских пленных женщин и детей отпустили. 7 января 1917 г. был составлен протокол войсковым старшиной Семиреченского казачьего войска П.В. Бычковым и драгоманом Российского консульства в Кашгаре Г.Ф. Стефановичем о положении «киргизов», бежавших в Китай после подавления восстания в Туркестанском крае⁵. Нелишне заметить, что все описываемые события разворачивались уже в республиканском Китае, который считал необязательным соблюдать договоренности, заключенные в имперский период. К тому же, после Синьхайской революции 1911 г. в стране усилились сепаратистские тенденции, особенно в Синьцзяне, который находился на значительном отдалении от Внутреннего Китая.

Российский исследователь Д.И. Мушкетов писал о несовершенстве границы с Китаем на туркестанском направлении и отмечал, что «все наши враги – как бежавшие германские пленные, так и ускользнувшие осенью (1916 г. – *П.Л.*) от преследования киргизские шайки, гнавшие с собой русских пленников, находили неизменный и хороший приют в нейтральном государстве, столь нам дружественном, что мы никогда не заботились о нормальной охране здесь нашей границы»⁶.

Нельзя сказать, что власти относились равнодушно к пограничным миграциям кочевников. В августе 1916 г. и. д. военного губернатора Ферганской области полковник П.П. Иванов сообщал туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о намерении алайских кыргызов перекочевать в китайские пределы из-за мародерства, которым занимаются казаки. И. д. начальника Ошского уезда капитан Мельников в рапорте и. д. военного губернатора Ферганской области полковнику П.П. Иванову указывал на причины, по которым алайские

¹ См.: АВПРИ. Ф. 242. Оп. 630. Д. 28 – Докладная записка драгомана Российского Императорского консульства в Кашгаре о волнениях киргизов в Семиреченской области и о бегстве их в китайские пределы (коллежского секретаря Стефановича) (1916).

² Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 91.

³ Там же. С. 95.

⁴ ЦГА Кыр. Ф. 75. Оп. 1. Д. 46 – Всеподданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области за 1916 год. Л. 31.

⁵ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 708.

⁶ *Мушкетов Д.И.* Поездка в Нарынский край и в Кашгарию. Пг., 1918. С. 20.

кыргызы решили откочевать за рубежи России. Он отмечал, что начальник Иркештамского гарнизона вместе с казаками отнимает у кыргызов баранов, сено, масло и проч. Мельников писал: «Кзаки распушены и расправляются с киргизами по своему усмотрению»¹. Они забирали у киргизов лучших лошадей, а возвращали их в загнанном состоянии. За фураж (ячмень) не платили. Так, в 1915 г. они не заплатили за 100 пудов ячменя. Мельников сообщал, что полицейский пристав Кочевского района Ошского уезда уже расследует дело о действиях казаков. Власти старались препятствовать бегству повстанцев за рубеж. И. д. военного губернатора Ферганской области полковник П.П. Иванов телеграфировал 24 августа 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о плане разгрома отступающих мятежников в районе Нарына. Начальник Джаналашского карательного отряда докладывал 28 августа 1916 г. военному губернатору Семиреченской области генерал-лейтенанту М.А. Фольбауму о бегстве «киргизов» к китайской границе и об уничтожении карательным отрядом «киргизского» стойбища в долине реки Тюп.

Зарубежная исследовательница Анна Луиза Стронг писала в 1931 г. о том, что «многие из тех, кто бежал из Русского Туркестана в Китай во время подавления там восстания 1916 года, потом были проданы в рабство в Китайском Туркестане»². О положении беженцев в Китае сообщают многие. Ахмет-Заки Валиди писал, что участники восстания 1916 г. бежали в Китай, спасаясь от наступавших русских карательных отрядов³. Х. Турсунов характеризовал положение беженцев в Китае⁴. О бегстве кыргызов в пределы Поднебесной упоминал американский историк восстания 1916 г. Э.Д. Сокол⁵. Историки Кыргызско-Российского Славянского университета собрали много ценных материалов об эмиграции кыргызов в Китай, голоде, болезнях, издевательском отношении к ним со стороны китайских властей⁶. Т.В. Котюкова пишет о безжалостном отношении китайских властей к беженцам из Русского Туркестана. Она составила таблицу бежавших в Китай и приводит данные о беженцах, погибших на его территории⁷. По ее мнению, в китайских пределах погибло 70–87 тыс. беженцев, тогда как М. Тынышпаев писал о том, что в Китае погибло 95 200 беженцев⁸.

Узбекистанский исследователь Ю. Флыгин отмечает, что русские власти не подталкивали «киргизов» к бегству в китайские пределы и старались препятствовать этому, китайские же власти обобрали беженцев и со временем вытеснили их назад. Он пишет: «Ряд авторов из постсоветской Центральной Азии, в основном из Киргизии, не утруждая себя объективным и всесторонним анализом произошедшего, идя на поводу своих эмоций, буквально соревнуются между собой по части хлесткости и безответственности своих псевдоисторических утверждений. Спекулятивно заявляется о якобы геноциде киргизского населения, об исторической ответственности России и русских. Такая интерпретация событий далека от научности и только способствует разжиганию нездоровых страстей в обществе. В то время как честный и всесторонний анализ общей трагедии мог бы послужить фактором лучшего взаимопонимания, столь желательного в процессе выстраивания отношений

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 230.

² Strong A.L. The road to the Grey Pamir. Boston, 1931. P. 124.

³ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 464.

⁴ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 321–322.

⁵ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 134–177.

⁶ См.: Восстание 1916 года: Док. и мат-лы / КРСУ... С. 140–192.

⁷ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 88.

⁸ Там же. С. 86.

честного партнерства и сотрудничества между Российской Федерацией и Киргизской Республикой»¹.

Следует отметить, что бежавшие в направлении Китая кочевники начали возвращаться домой еще осенью 1916 г. Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин телеграфировал 14 октября 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о требованиях, которые надо предъявлять тем, кто возвращается в России после бегства в Китай². Он излагал свои соображения по этому поводу и сообщал министру о том, что сообщил о них российским консулам в Кульдже и Кашгаре.

Подводя итоги развитию повстанческого процесса 1916 г. в Туркестанском крае, следует отметить, что его сущностное содержание не было однозначным и зависело от региональной специфики. События восстания 1916 г. в Самаркандской, Сырдарьинской, Ферганской и Закаспийской областях свидетельствуют о том, что среди его причин земельный вопрос был далеко не самым главным. Антирусская направленность восстания тоже не получила в них всеобщего размаха. Значительная часть недовольства повстанцев в Сырдарьинской области была обращена против тех чинов «туземной» администрации и народного суда, которые вызывали своими злоупотреблениями негодование народа. Это было особенно характерно для Ферганской области, где коренное население продемонстрировало возросший за время российского управления уровень «классового» сознания. В отличие от андижанского мятежа 1898 г., ферганские повстанцы 1916 г. направили острие своего гнева не столько против российской власти и русских жителей, сколько против своих должностных лиц «туземной» администрации и народного суда. Это свидетельствовало о том, что они уже понимали, кто является главным виновником их трудного положения и страданий. Думается, что А.Ф. Керенский, выступая с докладом 13 декабря 1916 г. на закрытом заседании IV Государственной думы о своей поездке по ее направлению в Туркестанский край, был прав, указывая, что восстание 1916 г. в Туркестанском крае – «это была борьба между беднотой и богатым классом»³. Повстанцы выступали против русской власти во многом потому, что она поддерживала богатых «туземцев» и должностных лиц местного самоуправления и суда. Кроме того, царские власти не смогли предупредить восстание, так как не сумели правильно организовать разъяснительную работу среди коренного населения о призыве его представителей на тыловые работы. Там, где русская администрация смогла это сделать, «туземные» жители не приняли участия в восстании. Кроме того, за исключением некоторых городов, в целом восстание не поддержали «туземцы»-горожане. Но даже там, где это произошло, бунты были не всеобщими и быстро подавлялись. Американский исследователь Э.Д. Сокол признавал, что в Ташкенте выступления городских «туземцев» были незначительными⁴. Отрицательную роль сыграли карательные мероприятия царизма в Самаркандской, Сырдарьинской, Ферганской и Закаспийской областях, в которых пострадали многие люди, которые не принимали участия в мятежных событиях. Особенный характер восстание 1916 г. приобрело в Семиреченской области, где проживало большинство российского населения Туркестанского края. Главной причиной выступления коренных жителей здесь был земельный вопрос. Кочевое население было доведено до отчаяния произвольным изъятием их исконных территорий, которое приобрело особенно широкий размах в «стольпинский» период. Многие хозяйства номадов Семиречья были обречены на полуголодное существование. Начало

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 523.

² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 684.

³ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 178.

⁴ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 147.

мировой войны только усугубило их положение. К лету 1916 г. накопился значительный взрывной потенциал, который мог вспыхнуть от одной лишь искры, и этой искрой стал царский указ о привлечении «туземных» жителей Туркестанского края к тыловым работам. Восстание вспыхнуло с большой силой, особенно в уездах с кыргызским населением. Оно быстро приняло антирусский характер, так как номады немало претерпели от негативного отношения к ним преимущественно «столыпинских» переселенцев, скопившихся в Пишпекском и Пржевальском уездах. Более всех пострадал последний, где в мятежном запале повстанцы разгромили почти все русские селения и убили несколько тысяч их жителей. Понесенные жертвы нельзя оправдать. Вину за них должен исторически нести не кыргызский народ, а царизм, который своей бездумной политикой стравил между собой великие народы. Он мог бы натворить еще больше, если бы не революции 1917 г. в России, спасшие номадов от возможности тотального мщения и наказания. Революции предоставили возможность кочевникам, бежавшим от царских карателей в пределы Китайского Туркестана, вернуться к своим родным очагам. Опыт бегства показал, что цинские власти Поднебесной не проявили должного гуманизма как к самим беженцам, так и к их предельно бедственному положению. Факты свидетельствуют о том, что во время восстания царские власти действовали оперативно, хотя и не всегда адекватно сложившимся обстоятельствам. Исследователь А. Кадырбаев совершенно справедливо отмечает, что «в событиях 1916 г. не было победителей, проиграли обе противоборствующие стороны, ибо насилие порождает только насилие»¹. Однако, на наш взгляд, опыт восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане оказался не только горьким, трагическим, печальным и т. п., но и поучительным как для восставших, так и для переселившихся из России жителей этих регионов. Он научил их жить в мире и сотрудничестве друг с другом, что стало позитивной основой их совместного плодотворного бытия в советский и современный периоды.

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 345.

ГЛАВА 6

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО И ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА

Проблема участия духовенства в восстании коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. далеко не так однозначна, как это многим представляется. Так, выдающийся российский востоковед академик В.В. Бартольд писал в 1927 г. о том, что «самое восстание, в котором “муллы” не принимали никакого участия, могло бы быть опровержением мнения Куропаткина, что беспорядки в Туркестане могут вызываться только мусульманским духовенством»¹. Характерно, что редактор 2-го тома его сочинений В. Ромодин относительно этого мнения академика писал о том, что «муллы в ряде случаев принимали участие в восстании, хотя, как правило, не выступали руководителями восставших»². Таким образом, академик явно заблуждался. Более прав был упоминаемый им туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, отмечавший во «всеподданнейшем» отчете от 22 февраля 1916 г., что «агитация среди туземцев, как выяснило судебное разбирательство, велась и на политической подкладке с участием некоторых представителей туземного духовенства»³.

В сталинский период советская историография проповедовала убеждение в том, что мусульманское духовенство являлось классовым союзником царского режима. Исследователь Н.А. Смирнов писал в 1930 г., что мусульманское духовенство на Востоке «было агентом правящего феодально-помещичьего класса, которому поручено было быть идеологом, властителем дум, руководителем и судьей народных масс»⁴. Он отмечал, что, обрабатывая народные массы при помощи религии, духовенство «было кровно заинтересовано в том, чтобы именно учение его классовых союзников – правителей, а не другое, “еретическое”, разделяло народ»⁵. На сходной точке зрения с Н.А. Смирновым по вопросу о мусульманском духовенстве стоял и Ф.О. Олещук, писавший в 1937 г., что оно «в лице своих высших представителей всеми мерами помогало царскому самодержавию превратить многонациональную Россию в тюрьму народов»⁶. Он даже приходил к выводу о том, что «в подборе мулл принимала участие жандармерия и охранка. Многие из мулл служили в охранной полиции»⁷. Олещук указывал: «Самодержавие, издавна опираясь в своей колонизаторской политике на мусульманское духовенство, всячески заботилось о том, чтобы все татары, узбеки, турки (? – П.Л.) и другие поработанные им народы, принадлежавшие к мусульманской церкви, исполняли требования своей религии»⁸. Несмотря на явно «классовый» подход, тем не менее он был прав в главном – царизм не ставил целью значительное ослабление ислама и его духовенства в стране, поскольку хотел использовать их в своих политических интересах идеологической поддержки существовавшего в России монархического строя. Ф.О. Олещук

¹ Бартольд В.В. История культурной жизни в Туркестане // Соч.: в 9 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 392.

² Там же, в сноске.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 24 – Всеподданнейший отчет Туркестанского генерал-губернатора (секретно) от 22 февраля 1917 г. Л. 6.

⁴ Смирнов Н.А. Ислам и его классовая сущность. М.–Л., 1930. С. 11.

⁵ Там же.

⁶ Олещук Ф.О. О реакционной роли мусульманского духовенства. Алма-Ата. 1937. С. 11.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же.

был прав и в том, что «во время империалистической войны муллы вели усиленную патриотическую агитацию и в качестве военных духовников добросовестно и старательно вели шпионско-провокационную работу в частях действующей армии»¹. Если исходить из настроений мусульманского духовенства во внутуркестанских краях, губерниях и областях, то вышеприведенное во многом можно считать соответствующим действительности, так как «указное» исламское духовенство в рамках огосударственных муфтиятов в Российской империи не выказывало никакого агрессивного неприятия существовавшего монархического строя. Видный мусульманский авторитет России А. Баязитов писал в 1887 г. о том, что в исламе «самым дурным качеством считается возбуждение среди народа всякого рода смут... зачинщиков подобных волнений народных Магомет проклинал, а в Аль-Коране это считается даже тяжелее убийства. Самым грозным, самым тяжким грехом считается возбуждение восстания против власти, даже в случае, если сама власть притесняла народ и тем самым подавала повод к подобным восстаниям. Это объясняется тем, что последствия восстания гораздо хуже и тяжелее зла, причиняемого притеснениями власти»². Он был отчасти прав, на востоке есть поговорка: «Лучше 60 лет тирании, чем один день фитны».

Однако ситуация в Туркестанском крае была иной. Такой большой знаток Туркестана, как «степняк»-революционер Т. Рыскулов, писал о том, что мусульманское «духовенство (ишаны, муллы, ходжи и т. д.) и подобные присосавшиеся к администрации элементы – все они по-своему эксплуатировали и облагали “добровольно” и “принудительно” трудящихся оседлых и кочевых районов»³. Он отмечал, однако, что духовенство «пользовалось влиянием главным образом среди оседлого туземного населения, среди киргиз и туркмен оно имело меньше всего влияния. Духовенство в лице мулл, ишанов и т. п. являлось выразителем отживающих феодально-патриархальных отношений и было в корне недовольно всяким европейским новшеством и прогрессом»⁴. Рыскулов отвергал тезис о союзе царизма и мусульманского духовенства, отмечая, что «туземное духовенство, как только где-нибудь возникали волнения масс в Туркестане, принимало в большинстве случаев в них участие»⁵. Он указывал, что «поэтому социальное недовольство масс против своих эксплуататоров и борьба духовенства против них же за сохранение старых устоев жизни находили иногда общую линию»⁶. Рыскулов писал о том, что во всех действиях царской администрации Туркестана мусульманское духовенство постоянно усматривало «подрыв почвы под ним». Начальник Туркестанского охранного отделения полковник М.Н. Волков писал в 1916 г. генерал-губернатору А.Н. Куропаткину: «Всякая новая идея, изобретение требует у мусульман для проведения в жизнь мучительного напряжения, так как застывший в своих формах шариат не в силах отзываться на всё новое прогрессирующее в жизни. Это обстоятельство и составляет силу многочисленного класса мулл и ишанов, явившихся единственными толкователями соответствия или несоответствия данного явления требованиям шариата, так как без такой санкции ни один правоверный не примет никакого нововведения и вообще ничего»⁷.

На наш взгляд, ошибочно полагать, что мусульманское духовенство Средней Азии отнеслось к приходу русских в регион изначально враждебно и непримиримо. Следует

¹ Олещук Ф.О. О реакционной роли мусульманского духовенства. Алма-Ата. 1937. С. 15.

² Баязитов А. Отношение ислама к науке и иноверцам. СПб., 1887. С. 47.

³ Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году... С. 39.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году... С. 117.

⁶ Там же.

⁷ ЦГА Узб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1468 – Циркуляры Департамента полиции, газетные вырезки и др. материалы, освещающие панисламистское движение в крае. Л. 33.

заметить, что в данном случае мы имеем в виду авторитетных представителей исламского клира. Они были не против сотрудничества с новыми властями, поскольку мусульманское право допускает сотрудничество приверженцев ислама с не мусульманами. Поэтому первый российский администратор в Туркестане генерал-майор М.Г. Черняев, взявший Ташкент летом 1865 г., сумел достичь соглашения о сотрудничестве с депутацией местного духовенства, возглавляемой казы-каляном (верховным судьей) Хаким-ходжой Ишановым. «От имени правительства М. Черняев обязывался сохранить в неприкосновенности ислам и все его институты, не вмешиваться в религиозную жизнь “туземного” населения и деятельность мусульманского духовенства. Последнее, в свою очередь, обязывалось проявлять полную лояльность по отношению к русским властям»¹. Более того, Черняев обратился с «воззванием» к местному населению, в котором указывал: «Что вам Бог повелел и что предписывает священный закон Вашего Пророка, нисколько не изменяя, исполняйте в точности... Да будет Вам (казиям. – *П.Л.*) известно, чтобы отнюдь не выходили из пределов Священного Закона своего Пророка, а во всём поступали, как сказано в шариате, и если поступят даже в одном слове против шариата, то отрешатся от должности»². Мусульманское духовенство Ташкента преподнесло генералу М.Г. Черняеву благодарственный «адрес», в котором, в частности, писало о том, «что ежели и есть на этом свете счастье, то счастье это заключается в том, чтобы быть подданными Великого Русского Царя»³. Но вряд ли всё это было искренним (хотя и этого нельзя исключать), так как духовенство более других понимало всю пагубность феодальных распрей и ханского произвола, от которых и оно не было застраховано. Оно искало спокойной жизни, гарантированной от неприятных для него эксцессов и перемен. Любопытно, что генерал М.Г. Черняев, покидая на время Ташкент, оставлял вместо себя не своего помощника, а казы-каляна. Такое поведение русского начальника вызывало уважение мусульманства Туркестанской области даже на провинциальном уровне. Коренное население его уважало и присвоило ему прозвище «Шер-Наиб» (предводитель львов). Однако религиозный либерализм Черняева не понравился военному министру Д.А. Милютину и оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому, в результате чего два маститых военных бюрократа сместили молодого генерала. Любопытно, что это вызвало недовольство мусульманского духовенства, и Хаким-ходжа Ишанов даже написал письмо лично императору Александру II, в котором хвалил Черняева, порицал его преемника – генерал-майора Д.И. Романовского и просил вернуть населению Туркестанской области Шир-Найба. Он подчеркивал, что «при Черняеве мусульманское население соседних владений само просилось перейти “под руку” России и тогда владения эти можно было и без войск забрать»⁴. Можно сказать, что в последующем ни у одного российского руководителя в Туркестане не было таких теплых отношений с мусульманским духовенством, как в 1865–1866 гг. Даже тогда, когда М.Г. Черняев стал туркестанским генерал-губернатором в 1882–1884 гг., отношение к нему со стороны исламского духовенства уже не было столь добрым и доверительным, как ранее.

Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман добился устойчивых отношений с мусульманским духовенством без особых реверансов в его сторону. В 1867 г. он образовал специальную комиссию во главе с военным губернатором Сырдарьинской области

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по арх. мат-лам)... С. 52–53.

² Литвинов П.П. Государство и мусульманское право в Русском Туркестане // Ислам и исламоведение в современной России: Сб. докл. Всерос. исламоведческого форума. Махачкала: АЛЕФ, 2019. С. 395.

³ Цит. по: Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане: К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867–1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов... С. 12.

⁴ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по арх. мат-лам)... С. 55.

генерал-лейтенантом Н. Головачевым. На самом деле ею руководил управляющий Канцелией туркестанского генерал-губернатора генерал-майор А.К. Гейнс. Комиссия должна была добиться от исламского духовенства Туркестанского края издания фетвы о поддержке деятельности российской администрации, и она преуспела в этом. Туркестанский чиновник А. Пропащин писал: «Фетва, составленная улемами и подтверждающая с мусульманской точки зрения легальность наших мероприятий в Средней Азии, обеспечивала успех... гарантировала местным властям, что реформа пройдет во всём крае без осложнений»¹.

Как известно, К.П. Кауфман проводил политику «игнорирования» ислама в крае, невмешательства без нужды в религиозные дела мусульманского населения. Вместе с тем он выступал против гонений исламского духовенства, указывая, что это только поднимает его престиж в глазах народа. Но он категорически отвергал идею организации в Туркестанском крае мусульманского муфтията по типу существовавших в России исламских учреждений. Поэтому в 1868 г. он разорвал все связи с Уфимским муфтиятом, который претендовал на управление туркестанским духовенством, и «удалил указных мулл – татар, присланных из Уфы»². В 1879 г. он добился от министра внутренних дел Л.С. Макова распоряжения Уфимскому муфтияту никоим образом не вмешиваться в дела туркестанских мусульман³. На наш взгляд муфтиятское духовенство более преданно служило царизму, используя и ценя свой привилегированный статус, что доказывало поведение «указных» мулл в других регионах Российской империи. В Туркестанском крае среди мусульман было немало сторонников учреждения своего муфтията. Были они и среди деятелей туркестанской администрации. Например, второй туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант М.Г. Черняев образовал даже специальную комиссию, состоящую из одних только мусульман, для выработки проекта учреждения муфтията в крае. Но его инициатива не понравилась Военному министерству, так как все российские муфтияты состояли под эгидой Министерства внутренних дел, а оно не желало делиться с другими своей властью над населением Туркестанского края. Соответствующая идея рассматривалась и в конце XIX в. в комиссии туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского. Последний писал 2 сентября 1898 г. военному министру А.Н. Куропаткину о том, что Андижанское восстание показало, что нельзя оставлять мусульманское духовенство Туркестанского края без правительственного надзора и контроля, и надо создать по опыту российских муфтиятов организацию исламского духовенства края⁴. Куропаткин надписал на письме Духовского резолюцию: «Отнюдь не должно создавать высших представителей мусульманского духовенства, но необходимо действительно учредить фактический контроль над действиями мусульманского духовенства и расходом духовных (вакуфных) капиталов»⁵. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД писал 30 марта 1899 г. в Главный штаб о том, что он согласен с тем, что над мусульманским духовенством Туркестанского края надо установить правительственный контроль, однако без учреждения муфтията. По его мнению, «лучше всего руководствоваться соображениями, принятыми для управления духовными делами мусульман Кубанской и Терской областей»⁶. Вместе с тем идею

¹ Пропащин А. Генерал-адъютант Константин Петрович фон Кауфман как устроитель Туркестанского края (1867–1882). Ташкент, 1913. С. 30–31.

² Кауфман. Проект Всеподданнейшего отчета. СПб., 1885. С. 208.

³ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 19. Д. 818 – Об отклонении обязанности подчинения мусульманского населения Туркестанского края Оренбургскому муфтию и обязанности исполнения предписаний последнего местными духовными лицами (1879). Л. 24–26 об.

⁴ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.)... С. 902.

⁵ Там же. С. 900.

⁶ Там же. С. 903.

об учреждении муфтията в Туркестанском крае поддерживал министр внутренних дел Д.С. Сипягин, убитый эсерами в 1902 г. Его преемник В.К. Плеве также строил планы в отношении муфтията в Туркестанском крае, однако тоже был убит социалистами-революционерами в 1904 г. Но это не остановило МВД в намерении учредить подчиненный себе муфтият в Средней Азии. Вопрос был вынесен на заседание Комитета министров, который рассматривал его 22 февраля и 1 марта 1905 г. и высказался положительно относительно учреждения «Особого управления по делам веры» в Туркестане. Позиции МВД в этом отношении укрепились после издания 17 апреля 1905 г. широко известного царского указа и правительственного решения «Об укреплении начал веротерпимости»¹. Тем более что документ содержал пункт 9 «Об учреждении особых духовных управлений для киргизов Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей, а равно для магометан на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области»². Однако Военное министерство не собиралось сдаваться. Оно добилось того, что учрежденное при правительстве «Особое Совещание по делам веры» выступило против учреждения мусульманского муфтията в Туркестанском крае³. Ситуацию не смог преломить даже всемогущий глава МВД и председатель Совета министров П.А. Столыпин, которому было выгодно получить новый объект подчинения на «чужой» территории.

Между тем закон от 17 апреля 1905 г. всколыхнул инициативу туркестанского мусульманства. За учреждение муфтията выступил «таранчинско-дунганско-киргизский» съезд мусульман Семиреченской области⁴. Летом 1906 г. ходатайство об учреждении муфтията в Туркестанском крае направил в правительство знаменитый кыргызский манап Шабдан Джантаев⁵. Заседавший в 1906 г. в Нижнем Новгороде III Мусульманский съезд принял решение о том, что «для Туркестана и Семиреченской области учреждается Особое Махкама-и-Исламия с Шейхуль-Исламом во главе»⁶. Но это решение, понятно, не имело никакого влияния на царское правительство. В мае 1907 г. депутаты II Государственной думы от Туркестанского края обратились к председателю Совета министров и министру внутренних дел П.А. Столыпину с прошением об учреждении мусульманского муфтията в Средней Азии, однако тот уклонился от прямого ответа, порекомендовав военному министру А.Ф. Редигеру обсудить этот вопрос с туркестанским генерал-губернатором⁷. Однако генерал Н.И. Гродеков отверг идею учреждения муфтията, сославшись на мнение своих предшественников по этому вопросу. Этот вопрос рассматривался и на заседаниях «Совещания по выработке основных начал преобразования управления Туркестанским краем», работавшего

¹ Именной, Высочайший указ, данный Сенату – Об укреплении начал веротерпимости. 17 апреля 1905 г. // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26125. С. 257–258; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об укреплении начал веротерпимости. 17 апреля 1905 г. // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26126. С. 258–262.

² Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об укреплении начал веротерпимости. 17 апреля 1905 г. // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26126. С. 262.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576 – Переписка о созыве в 1914 году Особого Совещания по мусульманским делам. Л. 118.

⁴ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2495 – О съезде мусульман Семиреченской области для решения религиозных вопросов. Л. 7 об.

⁵ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 8815 – По рапорту Копальского уездного начальника с копией петиции от уполномоченного мусульман Семиреченской области, войскового старшины милиции Шабдана Джантаева о разрешении издавать газету, назначать мулл и т. п. Л. 5–6 об.

⁶ III Всероссийский мусульманский съезд. Казань, 1906. С. 10.

⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612 – Об устройстве духовных дел магометан Туркестанского края. Л. 355.

в 1908–1909 гг., которое вынесло по нему отрицательное решение¹. Поскольку оно не выполнило и своей главной задачи, то в конце марта 1909 г. «Совещание» было закрыто². В 1911 г. работало новое «Совещание по выработке основных начал преобразования управления Туркестанским краем» под председательством государственного контролера тайного советника П.А. Харитонов, однако и оно принципиально не решило рассматриваемую проблему³. Последний раз вопрос об образовании муфтията в Туркестанском крае обсуждался на «Особом Мусульманском совещании» при МВД в 1914 г., но и оно не смогло преодолеть сопротивление Военного министерства и туркестанской администрации по этому вопросу. Таким образом, он так и не был разрешен вплоть до революции 1917 г. Т.В. Котюкова считает, что «если бы [в Туркестане] из мусульманского духовенства сделали государственных чиновников, а именно так правительство поступило в Поволжье, Урале, Крыму, на Кавказе, создав там “магометанские духовные собрания”, то ситуация в Туркестане могла выглядеть иначе»⁴. Однако мы так не полагаем – слишком иным было положение в Средней Азии рассматриваемого периода.

Кроме муфтиятского, остался неразрешенным и вопрос об утверждении государственной властью избранных мусульманскими общинами мулл в большинстве областей Туркестанского генерал-губернаторства. Т.В. Котюкова пишет о том, что в 1913 г. в Туркестанском крае обсуждался вопрос об утверждении мулл, так как «Положение об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. не предусматривало такой процедуры, тогда как в Семиреченской области, управлявшейся на основании «Степного положения» 1891 г., она была обязательной. Предполагалось внедрить такой порядок и в других областях Туркестанского края⁵. Здесь считаем необходимым уточнить: обсуждение вопроса об утверждении мулл состоялось не в 1913, а в 1912 г., что мы докажем ниже. Об этом нам приходилось писать еще в прошлом веке и тысячелетии⁶. Поэтому мы позволим себе изложить свою точку зрения по данному вопросу.

Следует подчеркнуть, что туркестанская администрация изначально не вмешивалась в процесс избрания мулл в мусульманских общинах края и потому не утверждала их в должностях. Однако нет правила без исключения. Такие прецеденты имели место, и это можно утверждать точно. Так, например, в ноябре 1869 г. начальник Казалинского уезда писал военному губернатору Сырдарьинской области генерал-лейтенанту Н.Н. Головачеву о том, что есть прошение об утверждении казалинского городского муллы татарина Шарафутдина Минлибаева. С точки зрения рассматриваемой здесь проблемы любопытно, что 8 января 1870 г. Головачев в письме казалинскому уездному начальнику поинтересовался только одним – политической благонадежностью кандидата в муллы. 11 февраля 1870 г. начальник Казалинской уездной полиции в рапорте указывал, что избранный мусульманами города Казалинска Ш. Минлибаев «человек благонадежный и вполне заслуживает этого назначения».

¹ РГВИА. Ф. 81. Оп. 1. Д. 29 – Высочайше утвержденное Совещание для выработки основных начал преобразования управления Туркестанским краем (1908–1911). Л. 7 об.

² Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О прекращении работ Особого Вневедомственного Совещания по составлению нового Положения об управлении Туркестанским краем. 24 марта 1909 г. // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31643. С. 223–224.

³ См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959 – Дело о преобразовании управления Туркестанского края. Л. 191.

⁴ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 48–49.

⁵ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 121–125.

⁶ См.: Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по арх. мат-лам). Елец: Изд-во ЕГПИ, 1998. 320 с.

29 марта 1870 г. Головачев писал в Казалинск, что на основании § 256 «Временного положения» об управлении «степными областями 1868 г. он утверждает Минлибаева в должности муллы»¹.

Мы не исключаем, что в данном случае Головачев сознательно пошел против линии Кауфмана на борьбу с «указными» муллами, поскольку главным критерием «указности» муллы было как раз его утверждение государственной властью. Естественно, что после своего утверждения Минлибаев имел право называть себя «указным» муллой. В 1871 г. слухи о том, что татарский мулла Минлибаев так себя именуется, дошли до самого туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, и тот поручил именно Головачеву прояснить вопрос – почему мулла-татарин так себя называет, если в Туркестане звание «указных» мулл практически изначально отменено. 13 июля 1871 г. Головачев как ни в чем не бывало в письме казалинскому уездному начальнику описал реакцию Кауфмана и потребовал, чтобы Минлибаев прекратил величать себя «указным» муллой. 5 сентября 1871 г. начальник Казалинской уездной полиции писал в рапорте сырдарьинскому военному губернатору Н.Н. Головачеву о том, что он сделал должное внушение татарину Минлибаеву и Кауфман больше не услышит о том, что тот является «указным муллой», поскольку в противном случае ему обещано выдворение из Казалинска.

Есть основания утверждать, что туркестанская администрация исподволь иногда вмешивалась в выборный процесс, стараясь помочь сторонникам прорусской партии, так как ей было, конечно, не безразлично, кто и каким образом будет проповедовать среди местного населения. Но такая помощь не выходила за допустимые рамки «невмешательства» и «игнорирования». Было бы преувеличением считать это знаком приверженности властей законности, хотя они старались ее не преступать. Всё было проще: туркестанская администрация при необходимости могла по закону пресечь любое проявление антиправительственной деятельности мусульманского духовенства и привлечь к ответственности повинных в ней. Туркестанская администрация вмешивалась открыто в выборный процесс в мусульманских общинах только в тех случаях, когда ее об этом просили сами верующие. Так, например, в августе 1880 г. жители Чинарской волости Андижанского уезда Ферганской области обратились с прошением к туркестанскому генерал-губернатору «об избавлении их от происков муллы Кабула на поступление к ним имамом». 14 октября 1880 г. К.П. Кауфман отдал распоряжение ферганскому губернатору В.Ю. Медынскому пресечь действия Кабула, «домогающегося вопреки желанию народа поступить к ним имамом»². В практике деятельности туркестанской администрации имели место и иные такого рода случаи.

Принцип свободных выборов лиц мусульманского духовенства без их утверждения в должности властями сохранялся в «коренных» областях Туркестанского края – Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской – до 1917 г. «Туркестанское положение» 1886 г. не могло изменить его потому, что вообще не содержало статей, регулировавших жизнедеятельность исламской религии в крае³. В 1911 г. в связи с разработкой нового, «объединенного» проекта «Положения» об управлении всеми пятью областями Туркестанского края Правительствующий Сенат обратился в Военное министерство с предложением обсудить вопрос о возможности введения принципа утверждения властями избранных лиц мусульманского духовенства

¹ ЦГА Каз. Ф. 267. Оп. 1. Д. 34 – Переписка с Сырдарьинским областным правлением о назначении Минлибаева указным муллой г. Казалинска. Л. 3.

² ЦГА Узб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 511 – По прошению жителей Андижанского уезда, Чинарской волости об избавлении их от происков муллы Кабула на поступление к ним имамом (1880–81). Л. 4.

³ См.: Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 318–344.

и в «коренных» областях Туркестанского края. 12 декабря 1911 г. Департамент духовных дел МВД разослал военным губернаторам областей Туркестанского генерал-губернаторства циркуляр, в котором предлагал подбирать мулл «с умом» и утверждать их в должности государственной властью¹. Военная администрация края отнеслась равнодушно к рекомендациям конкурирующего ведомства. Однако в апреле 1912 г. уже само Военное министерство предложило туркестанским властям рассмотреть вопрос о порядке избрания и утверждения в должности лиц мусульманского духовенства.

Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов обратился на сей счет к мнению своих «наместников». 31 мая 1912 г. военный губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант А.С. Галкин в рапорте главному начальнику края категорически отвергал предложения Сената и Департамента духовных дел МВД об утверждении властями избранных лиц исламского духовенства и писал: «Едва ли желательно создавать новый класс лиц, которые в силу своего официального положения и, опираясь на авторитет утверждающей их русской власти, приобрели бы в среде туземного населения известное влияние, которое, несомненно, будет использовано не в интересах русского правительства и русской Государственности»². В рапорте от 8 июня 1912 г. самаркандский губернатор генерал-майор И.З. Одишелидзе указывал, что мусульмане подведомственной ему области вполне довольны сложившимися принципами избрания лиц своего духовенства и заключал: «Изменять существующий порядок приглашения прихожанами имамов я не вижу никакой надобности. При этом, помимо принципа невмешательства в религиозную жизнь туземцев, нужно иметь в виду, что вмешательство русской власти в дело утверждения, а следовательно, увольнения и смещения имамов создаст при наличии огромного количества мечетей в области чрезмерную бумажную работу для администрации, притом же бесполезную для целей нашего управления, наблюдения за духовной жизнью туземцев при отсутствии фактического надзора»³. 12 июня 1912 г. со своими коллегами из «коренных» областей Туркестанского края солидаризировался в рапорте Самсонову ферганский губернатор генерал-лейтенант А.И. Гиппиус. 29 июля 1912 г. начальник «некоренной» – Закаспийской области генерал-лейтенант Ф.А. Шостак указывал в рапорте туркестанскому генерал-губернатору на то, что ни в одном из временных «Положений» об управлении областью (1882 и 1890 гг. – *П.Л.*) не было никаких рекомендаций относительно избрания и утверждения «туземных» мулл и потому власти их в должности не утверждали. Однако при этом он отмечал, что считает такой порядок неправильным и предлагал: а) избирать только одного муллу на «приставство» с условием, чтобы никто, кроме него, не мог исполнять религиозных треб; б) утверждать избранного муллу в должности властью начальника Закаспийской области; в) избранный мулла должен иметь документ о высшем образовании, то есть об окончании полного курса медресе; г) мулл, допускающих злоупотребления, отдавать под суд «на общих основаниях» (то есть в соответствии с нормами общероссийского, а не «шариатского» законодательства. – *П.Л.*); д) обязать мулл вести «метрические» записи о родившихся, брачующихся и умерших⁴.

Департамент духовных дел МВД, прознав о содержании рапорта начальника Закаспийской области, весьма им заинтересовался и 21 августа 1912 г. советовал туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову взять на вооружение предложенные идеи. Однако

¹ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 13. Д. 618 – Порядок утверждения мулл в Семиреченской области, а также в других областях (1906). Л. 28.

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Л. 48 об.

⁴ Там же. Л. 51 об.

Самсонов никак на это не отреагировал, а поручил своей Канцелярии обобщить мнения областных руководителей, проанализировать их в соответствии с особенностями условий Туркестана и представить доклад с соответствующими предложениями для Военного министерства. 25 апреля 1913 г. Канцелярия подготовила такой документ. В нем, в частности, отмечалось, что, «беря в свои руки утверждение в должности приходских мулл или, по-местному, имамов, русская власть тем самым узаконит касту туземного мусульманского приходского духовенства, приравниваемого по своему положению к утверждаемым областною администрацией волостным управителям и казиям со всеми вытекающими из сего последствиями». Признав последние нежелательными, Канцелярия указывала в заключение: «В нашей азиатской истории следовало бы ограничиться одним неудачным примером правительственного распространения магометанства среди киргиз в конце XVIII – начале XIX столетия. Повторять же ошибки прошлого едва ли следует... Канцелярия полагала бы избрание мулл всецело предоставить самому населению и по-прежнему не вмешиваться в его религиозную жизнь»¹. Эта точка зрения была доведена до сведения Военного министерства и всецело поддержана им.

Вопрос о порядке избрания и утверждения в должности избранных лиц мусульманского духовенства в Туркестанском крае в последующем был вынесен на обсуждение «Особого Совещания по мусульманским делам» при МВД. Несмотря на старания представителей последнего, 13 мая 1914 г. «Совещание» высказалось за сохранение в «коренных» областях Туркестанского края и в Закаспийской области старого порядка избрания лиц исламского духовенства. Вместе с тем оно рекомендовало краевой администрации содействовать избранию на «духовные» должности мусульман, знающих русский язык, так как им приходится «входить в сношения с правительственными органами»². Таким образом, кауфманская политика «игнорирования» мусульманского духовенства путем отстранения его от официальных связей с российской государственностью продолжала действовать в «коренных» областях Туркестанского края на протяжении всех 50 лет его существования.

Иное положение сложилось со временем в Семиреченской области. Во время ее первого пребывания в составе Туркестанского генерал-губернаторства в 1867–1882 гг. в ней действовал тот же порядок избрания лиц исламского духовенства, что и в Сырдарьинской области. После передачи в 1882 г. Семиреченской области в ведение Степного генерал-губернаторства этот же порядок продолжал действовать еще 9 лет, поскольку на нее по-прежнему распространялось действие «Туркестанского положения» 1867 г. Вначале, после передачи области в состав Степного края, многие сочли, что в ней будет действовать «Степное положение» 1868 г., согласно статье 256 которого «муллы утверждаются в звании и увольняются по определениям областного правления военным губернатором»³. Поэтому Семиреченское областное правление стало получать много прошений от мусульманских общин об утверждении в должности избранных ими мулл. В 1885 г. помощник военного губернатора Семиреченской области полковник Н.А. Аристов вынужден был направить всем начальникам уездов предписание о разъяснении мусульманскому населению его прав избирать

¹ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 13. Д. 618 – Порядок утверждения мулл в Семиреченской области, а также в других областях (1906). Л. 74, 76 об.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576 – Переписка о созыве в 1914 году Особого Совещания по мусульманским делам. Л. 308 об.

³ Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Временное Положение об управлении в областях: Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. 21 октября 1868 г. // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873. № 46380. С. 545–548.

мулл как и прежде – «без всякого утверждения администрации, которая в религиозные дела не вмешивается»¹.

Но после принятия «Степного положения» от 25 марта 1891 г. принципы избрания мусульманских духовных деятелей в Семиреченской области изменились кардинальным образом. Статья 97 «Положения» указывала, что «инородцам, кочевым и оседлым дозволяется иметь своих мулл по одному в волости». Статья 98 гласила: «Муллы избираются инородцами из своей среды. Утверждение избранного лица в звании муллы, а также устранение его от сего звания принадлежит военному губернатору»². Мусульманские общины, избравшие мулл, должны были подавать соответствующие прошения на имя семиреченского губернатора с неременным указанием в них, что они сами будут содержать духовных лиц за свой счет. Прогшения составлялись в форме так называемых «общественных приговоров» об избрании муллы, подписанных всеми избирателями. За неграмотных расписывались их «доверенные», что специально оговаривалось. Чаще всего такого рода «приговоры» подавались властям так называемыми «уполномоченными от мусульманского общества». В таких случаях «приговор» должен был обязательно скрепляться печатью волостного управителя. «Приговоры», как правило, сначала подавались уездному начальнику, который накладывал на них резолюцию, отражавшую его отношение к избранному мулле. По сути, она определяла, в конечном счете, и решение губернатора по такого рода вопросам, который не мог знать лично претендентов на должность муллы. Поэтому мусульманские общества чаще всего перед избранием того или иного претендента на должность муллы старались заранее узнать об отношении к нему со стороны уездного начальства. В случае положительной рекомендации уездного начальника в отношении избранного муллы «общественные приговоры» передавались на рассмотрение Семиреченского областного правления, которое, как правило, принимало решение на основании резолюции начальника уезда, так как тоже не знало тех, кто домогался указанной должности. В Семиреченском областном правлении имелись специальные, типографского изготовления, бланки приказа военного губернатора об утверждении избранного муллы в должности³. В случае положительного вердикта областное правление заполняло бланки и подавало их на подпись семиреченскому губернатору. Одна из копий подписанного последним приказа об утверждении избранного муллы в должности направлялась начальнику соответствующего уезда для делопроизводства. Другая, снабженная надписью: «В типографию Семиреченского областного правления. Для отпечатания в официальной части», опубликовывалась в газете «Семиреченские областные ведомости» для всеобщего ознакомления. Только после такой публикации областное правление высылало уездным властям «доверенность» на право исполнять должность муллы, которая передавалась последними избранному на эту должность лицу.

В ЦГА Казахстана хранится немало дел, связанных с такого рода бюрократической процедурой утверждения избранных мулл в должности. Однако не она была главным предметом озабоченности властей. Их более беспокоило запрещение «Степным положением» 1891 г. иметь более одного муллы на волость. «Особое совещание по делам веры»⁴, заседавшее в Петербурге, указывало в мае 1905 г., что «это правило является лишь фикцией.

¹ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 359 – Выборы муллы и старосты (1885). Л. 6 об.

² Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 г. // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 142.

³ См.: ЦГА Каз. Ф. 51. Оп. 1. Д. 81 – О выдаче метрических выписок из книг мусульманских мечетей. Л. 7.

⁴ Официально называлось: «Особое Совещание для согласования действующих узаконений с Именным Высочайшим указом 17 апреля 1905 года по делам веры».

При разбросанности кочевков на тысячах квадратных миль нельзя допустить, чтобы одно лицо могло отправлять обязанности муллы (имама) для всего населения волости»¹. Вывод был справедливым. Уже вскоре после введения в действие «Степного положения» 1891 г. семиреченская администрация столкнулась со сложной проблемой – среди кочевников развелось множество мулл-самозванцев. Так, в 1901 г. только в окрестностях Талгара Верненского уезда таковых насчитывалось 5, причем за плату они совершали немало запрещенных обрядов, в частности, венчания несовершеннолетних девочек-«киргизок»². Власти отлавливали мулл-самозванцев, высылали их, наказывали иными способами, но тщетно – вскоре их численность в «степи» восстанавливалась, а затем и возрастала.

Передача в 1898 г. Семиреченской области снова в ведение Туркестанского генерал-губернаторства породила еще одну проблему для властей. Поскольку мусульманское население в последнем, как отмечалось выше, не было ограничено в избрании лиц духовенства, то семиреченские «магометане», чувствуя себя ущемленными, стали подавать повсеместно жалобы, требуя уравнивать их в правах со своими соплеменниками и единоверцами в «коренных» областях и разрешить избирать удобное им число «духовных» лиц. 28 июля 1905 г. туркестанский генерал-губернатор Н.Н. Тевяшев обратился с рапортом к военному министру, в котором предложил разрешить семиреченским мусульманам избирать духовенство на общекраевых основаниях. Он указывал, что таким образом можно будет со временем вытеснить мулл-самозванцев и легче контролировать деятельность «законных» мулл³. Однако поскольку для изменения порядка избрания духовенства в Семиреченской области необходимо было вносить соответствующие коррективы в законодательство через обращение в Государственный совет, то Военное министерство решило не связываться с такой бюрократической волокитой и потому позитивным образом на предложение Тевяшева не отреагировало.

«Степное положение» 1891 г. поставило перед семиреченской администрацией еще одну проблему – оно нигде не упоминало о числе и порядке утверждения избранных лиц мусульманского духовенства в городах. Используя эту «прореху» в «степном» законодательстве, семиреченские власти вначале, не желая обременять себя лишними заботами, отказывались от утверждения в должности избранных лиц городского исламского духовенства. Затем они стали делать это, так как выборный процесс в городских мусульманских общинах сопровождался, как правило, ожесточенной борьбой претендентов, весьма беспокоившей семиреченскую администрацию всякого рода жалобами, доносами, тяжбами и т. п. Но в августе 1906 г. туркестанский генерал-губернатор Д.И. Субботич отдал распоряжение прекратить утверждать в должности городских мулл в Семиреченской области, указав на отсутствие у такой практики законных оснований⁴. Семиреченские власти повиновались воле главного начальника края, однако их отстранение от «благословления» избранных городских мулл на должность привело к еще большему ожесточению избирательной борьбы, росту числа жалоб и тяжб по результатам выборов. Жалобы стали достигать самых высоких инстанций и в 1911 г. Правительствующий Сенат предложил военному министру

¹ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 13. Д. 569 – О порядке выполнения § 6 Высочайшего приказа от 12 декабря 1904 года по вопросам, касающимся инославных и иноверных исповеданий в Туркестанском крае (1905). Л. 14 об.

² ЦГА Каз. Ф. 41. Оп. 1. Д. 136 – Дело о запрещении неутвержденным муллам исполнять мусульманскую службу (1901–1902). Л. 10 об.

³ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2495 – О съезде мусульман Семиреченской области для решения религиозных вопросов (1906). Л. 10.

⁴ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3826 – По поводу возбужденного вопроса о том, чтобы муллы в городах утверждались военным губернатором, как и муллы в киргизских волостях. Л. 9.

В.А. Сухомлинову решить вопрос о городских муллах в Семиреченской области определенно и окончательно. Военный министр, соответственно, переложил эту задачу на плечи туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова. Последний распорядился созвать в январе 1912 г. специальное совещание в городе Верном, на котором помимо представителей семиреченской администрации присутствовали деятели краевого руководства, Туркестанской православной епархии и видные мусульмановеды края. Совещание признало деятельность городских мулл «однородной» с сельскими и рекомендовало также утверждать их в должности административной властью. В апреле 1912 г. Самсонов утвердил это решение, и после этого избранные городские муллы в Семиреченской области стали утверждаться в должности властью губернатора на общем основании с сельскими¹.

Свой порядок избрания лиц мусульманского духовенства существовал и в Закаспийской области, где также кочевое население было преобладающим. В вышеупомянутом рапорте начальника Закаспийской области туркестанскому генерал-губернатору от 29 июля 1912 г. не всё соответствовало действительности, что, скорее всего, было следствием плохого знания истории вопроса работниками его Канцелярии. На самом деле, несмотря на то что «Временное положение» об управлении Закаспийской областью 1882 г. не упоминало о порядке избрания и утверждения в должности лиц исламского духовенства, они, тем не менее, утверждались в таковой по представлению начальника области главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, так как Закаспийская область в то время подчинялась кавказским властям. Главноначальствующий при необходимости имел право отстранять мулл от должности. После введения в действие «Временного положения об управлении Закаспийской областью» от 6 февраля 1890 г., освободившего ее от «кавказского плена», начальник области генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин, пользуясь обширными правами, предоставленными ему «Положением», ввел свой порядок, в соответствии с которым избранные лица мусульманского духовенства утверждались в должности им самим, по представлению начальников уездов и участков приставов. Законодательно этот порядок обеспечен не был, однако жесткий администратор Куропаткин считал себя вправе его установить в интересах привития мусульманскому населению области уважения к русской власти и для твердой дисциплины общественного поведения. После введения в 1898 г. Закаспийской области в состав Туркестанского генерал-губернаторства порядок утверждения мулл в должности властями сохранился, хотя последние уже не настаивали на его соблюдении, – мусульманское население само, по привычке, обращалось к ним за этим. Так, в марте 1910 г., отвечая на запрос прокурора Асхабадского окружного суда по поводу тяжбы муллы Ахмедзянова с Красноводским уездным правлением, Канцелярия начальника Закаспийской области признавала, что «существующими законоположениями не предусмотрено утверждение в должности мулл в Закаспийской области»².

Думается, что политика «игнорирования» исламского духовенства в Туркестане была политикой позитивного нейтралитета его властей по отношению к мусульманской религии вообще, что напоминало принципы свободы совести в буржуазных странах Запада, где государство не вмешивалось в дела религии и ее служителей, однако и не позволяло им ничего лишнего, с его точки зрения. Кстати, это понимали еще в дореволюционный период и в России. Бывший председатель Туркестанской Контрольной палаты, позже сенатор и член Государственного совета В. Череванский, выступая на заседании «Особого совещания по делам веры» в 1906 г., в частности, отмечал, что в Туркестане «получило

¹ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 13. Д. 618 – Порядок утверждения мулл в Семиреченской области, а также в других областях (1906). Л. 19 об.

² ЦГА Тур. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476 – Отчет о состоянии народного здоровья и т. п. Л. 57.

в отношении мусульманства полное осуществление начало отделения церкви от государства»¹ (курсив наш. – *П.Л.*). Т.В. Котюкова пишет: «Как справедливо отмечают современные исследователи, положение, например, старообрядцев в Российской империи в правовом смысле было значительно хуже, чем мусульман»². Мы бы добавили, что не только «староверов», но и евреев-иудаистов, а также разного рода сектантов. И это нетрудно доказать.

Мусульманское духовенство по-своему оценивало свободу совести, предоставленную ему русской властью. Авторитетные богословы и факихи Туркестанского края открыто поддерживали российские власти в регионе. Так, в 1876 г. по случаю завоевания Кокандского ханства самаркандское мусульманское духовенство преподнесло туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману хвалебный «адрес», исполненный восхищения и верноподданнических чувств. Его подписали и удостоверили своими печатями 62 «почетных» мусульманина. И в последующем самаркандское духовенство не раз заявляло о том же. Так, в 1893 г., по случаю 25-й годовщины взятия города русскими, оно преподнесло «речь» туркестанскому генерал-губернатору А.Б. Вревскому, в которой торжественно расписывалось в покорности царю, поскольку «Великий Государь беспредельной милостью своей даровал нам полную свободу религии и сохранил за нами шариат»³. Особо подчеркивалась огромная роль русских в сохранении и восстановлении мусульманских исторических памятников, которые при ханских властях находились «в полном запущении», а ныне «исправлены и приведены в возможный порядок»⁴. Известный исламовед Л.И. Климович писал о том, что в 1886 г., в день очередной годовщины взятия Ташкента (15 июня), один из лидеров ташкентского мусульманского духовенства казий Мухитдин-ходжа в присутствии туркестанского генерал-губернатора Н.О. Розенбаха произнес речь, в которой отмечал, что «с занятием города за нами признаны наша религия ислам, оставлен народный суд по шариату... Вследствие этого мы проводим жизнь спокойно и свободно»⁵. В 1888 г. он же при открытии восстановленной на средства русских властей соборной мечети «Ходжа Ахрар» выражал признательность и верноподданнические чувства царю и туркестанской администрации. Правда, Климович ошибался, причисляя генерала Н.И. Гродекова к «туркестанским генерал-губернаторам», поскольку тот в 1888 г. был всего лишь военным губернатором Сырдарьинской области, центром которой был Ташкент. Во время русско-японской войны имамы многих мечетей Туркестанского края произносили проповеди во славу русского оружия и молили Аллаха о его победе⁶. Незадолго до восстания 1916 г., во время торжеств по случаю 300-летия дома Романовых в феврале 1913 г., муллы повсеместно славил в мечетях «Государя Императора» и его «Августейшую Фамилию». А на главном краевом торжестве по этому поводу в Ташкенте видный мусульманский авторитет Средней Азии Иманхан-Сейид-Махмудханов в своей речи от имени всего исламского духовенства выражал преданность престолу и похвально отзывался о гуманности царистских порядков⁷. В ташкентской соборной мечети «Джами» было устроено бесплатное угощение для простого народа. Депутация туркестанского мусульманского духовенства выезжала в столицу для участия в высокаторжественных мероприятиях в связи с юбилеем царствующего дома, где организовала массовое

¹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.)... С. 123.

² Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 117.

³ Климович Л.И. Ислам в царской России: Очерки. М., 1936. С. 37.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ См. напр.: Туркестанские ведомости. 1904. № 13, 30, 32 и др.

⁷ Туркестанские ведомости. 1913. № 44. 26 февраля.

богослужение, сопровождающееся многими верноподданническими заявлениями¹. Ими же было ознаменовано в мечетях Туркестанского края начало первой мировой войны, когда муллы фактически повсеместно возносили проповеди за победу русского оружия. Под их воздействием и, разумеется, не без участия российской и «туземной» администрации мусульмане края уже в августе 1914 г. собрали в фонд победы 43 155 руб.². Исламское духовенство инициировало образование «Мусульманского дамского комитета» для сбора денег, одежды и белья для раненых, который, однако, собрал к апрелю 1915 г. всего 290 руб. 15 коп.³. В конце 1914 г. в России по инициативе исламского духовенства был создан «Временный мусульманский комитет по оказанию помощи воинам и их семьям». Он собирал пожертвования деньгами и вещами для фронта и для семей воюющих солдат и офицеров. Бухарское и Хивинское ханства помогали русской армии в войне. Хотя в то же время в Туркестанском крае и среднеазиатских ханствах мусульмане собирали средства на военные нужды и Турции – противника России в войне⁴. Но в общем, в ходе первой мировой войны во многих мечетях Туркестанского края происходили богослужения за победу «Царя и Отечества». Так, 6 октября 1915 г. во время торжеств по случаю Курбан-Байрама имам Шейхантаурской мечети города Ташкента Сейид-Али-ходжа Ишанходжаев не преминул произнести пространную здравицу во славу «Государя Императора с Фамилией и победу русского оружия»⁵. В том же году во время празднования 50-летия взятия Ташкента русскими войсками (15 июня. – *П.Л.*) депутация городского исламского духовенства преподнесла «временному» туркестанскому генерал-губернатору Ф.В. Мартсону памятный «адрес», в котором отмечалось, что до прихода русских в Среднюю Азию здесь царили беспорядки, произвол, грабежи и насилие. Документ, в частности, гласил: «Завоеватели-русские не были угнетателями нашего края, а представили нам, населению, возможность свободно развиваться, не тронув нашей религии и быта. И за это мы благословляем их»⁶. «Адрес» сходного содержания мусульманское духовенство преподнесло военному губернатору Ферганской области генерал-лейтенанту А.И. Гиппиусу. В нем выражалась «благодарность за те блага, которыми оно, благодаря полному спокойствию, обеспеченности жизни и имущества, водворению порядка и законности и улучшению своего экономического благосостояния, пользовалось в течение истекших лет»⁷. Не исключено, что в такого рода декларациях мусульманского духовенства Туркестанского края была известная доля искренности, поскольку наиболее трезвомыслящая часть исламского «клира» относилась с пониманием к политике российского правительства в регионе, обеспечивавшей ей благополучное существование и социальные приоритеты. Некоторые представители мусульманского духовенства получали разного рода награды от правительственной администрации, включая ордена и медали. Так, например, непосредственно перед восстанием, в 1916 г. администрация Закаспийской области представила к правительственным наградам девятиерых исламских священнослужителей, причем самую высшую из них – серебряную медаль на «Владимирской ленте» – получил мечетский имам Хангельды Вафадарханов⁸.

¹ Мир ислама. 1913. Т. 2. № 1. С. 43.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 400. Д. 4286 – О пожертвованных мусульманским населением деньгах на нужды войны (1914). Л. 2.

³ Туркестанские ведомости. 1915. № 76. 9 апреля.

⁴ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 62.

⁵ Туркестанские ведомости. 1915. № 224. 10 октября.

⁶ Туркестанские епархиальные ведомости. 1915. № 14. 15 июля.

⁷ ЦГА Кыр. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3 – О праздновании 25-летия присоединения Кокандского ханства к Российской империи (1901). Л. 3.

⁸ Туркестанские ведомости. 1916. № 57. 2 марта.

Однако, по нашему убеждению, это была только видимая часть «айсберга» взаимоотношений между русской властью и исламским духовенством в Туркестанском крае. Его глубинная масса была изначально чревата негативным содержанием. Военный министр Д.А. Милютин подготовил 14 января 1866 г. (под грифом «совершенно секретно») «Записку относительно Ташкента и дальнейшей нашей политики в Средней Азии», в которой отмечал, что «один из важнейших элементов в Ташкенте, об ослаблении которого мы должны прежде всего заботиться, есть мусульманское духовенство, имеющее там, как и во всей Средней Азии, преобладающее влияние»¹. Участник Самаркандского восстания 1868 г., сосланный в Забайкалье, позже рассказывал, что во время мятежа муллы проповедовали, что хотя Самарканд и усмирен, но «вредить русским еще можно иным способом: ходить небольшими отрядами по дорогам, отбивать их провиант и уничтожать тех солдат, которые будут сопровождать этот провиант»². Автор трехтомной «Истории завоевания Средней Азии» генерал М.А. Терентьев писал о том, что при осаде Самарканда муллы обратились с воззванием к народу и «через два дня под стенами города собралось уже до 65 тысяч человек»³.

Поэтому «старый туркестанец», генерал Г.П. Федоров был прав, когда отмечал, что, если в крае и были мусульманские мятежи, то «все они обязаны своим возникновением подстрекательствам фанатичного мусульманского духовенства»⁴. Нам приходилось писать о том, что туркестанское мусульманское духовенство долгое время сопротивлялось произнесению «молитвы за царя» во время богослужений, что давно практиковалось в «муфтиятских» мечетях России. Эту молитву некогда сочинил известный церковный деятель петровского времени Феофан Прокопович для церемонии коронации императрицы Анны Иоанновны⁵. Ее текст был подработан в 1820-х гг. командиром Отдельного Кавказского корпуса и управляющим гражданской частью на Кавказе и в Астраханской губернии генералом А.П. Ермоловым, внедрившим ее в практику в указанных местностях Российской империи. Туркестанский вариант «молитвы за царя» подготовил Главный инспектор училищ края, действительный статский советник Ф.М. Керенский – гимназический учитель Ленина и отец главы Временного правительства. Он использовал в качестве образца текст молитвы из казанского издания книги «Хутбалык» на татарском языке. Сочинение было утверждено на специальном съезде народных судей – казиев и биев при туркестанском генерал-губернаторе А.Б. Вревском. Однако, как мы отмечали, эта затея туркестанской администрации не имела большого успеха⁶, но царские власти внимательно следили за тем, чтобы «молитва за царя» не предавалась забвению мечетским духовенством.

Так, в 1888 г. в городе Лепсинске на выборах муллы победил татарин Хусаин Измайлов. Проигравшая партия, тоже состоявшая из татар, подала жалобу Сергиопольскому уездному судье, требуя, чтобы он открыл следствие по поводу того, что мулла Измайлов на выборах не прочитал обязательную «молитву за царя». Однако судья отказал жалобщикам-татарам: купцу 2-й гильдии Б. Абдиеву и мещанину г. Лепсинска М. Абухаликову – в возбуждении

¹ *Серебрянников А.Г.* Туркестанский край: Сборник материалов для его завоевания. 1866 год. Т. 21. СПб., 1915. С. 18.

² *Симонова Л.Х.* Рассказы очевидцев о завоевании Самарканда и о семидневном сидении // Исторический вестник. 1904. Т. ХСVII. С. 852–853, 858.

³ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии: В 3 т. Т. 1. СПб., 1906. С. 453.

⁴ *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906 годы) // Исторический вестник. 1913. Октябрь. С. 49.

⁵ См.: *Арапов Д.Ю.* А.П. Ермолов и мусульманский мир Кавказа // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2001. № 6. С. 57.

⁶ См.: *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по арх. мат-лам)... С. 72–75.

дела, сославшись на то, что непорядки в мечетях подлежат разбирательству полиции, а не суда. Тогда указанные лица подали жалобу того же содержания прокурору Верненского областного суда. Они указывали, что заведующий городской полицией хорунжий Зиновьев даже составил протокол о том, что мулла Измайлов, действительно, не читал «молитву за царя» во время выборов имама мечети. Прокурор выяснил у Сергиопольского уездного судьи, в чем суть дела, и направил жалобу татар в Семиреченское областное правление, указывая, что дела такого рода находятся в его ведении и оно вправе принимать по ним любые решения. 20 сентября 1888 г. областное правление рассмотрело этот вопрос, предварительно поручив начальнику Лепсинской уездной полиции уточнить, читал или нет «молитву за царя» мулла Хусаин Измайлов. Ответ был утвердительным, а потому областное правление признало, что проигравшая на выборах татарская партия хотела взять реванш любыми средствами и жалобу отклонило¹. Однако на этом дело не закончилось. Татары – сторонники проигравшего кандидата Ахмета Абдулина долго не могли успокоиться. 5 марта 1891 г. они подали пространное прошение на имя самого степного генерал-губернатора генерал-лейтенанта М.А. Таубе, в котором вспоминали несправедливое решение Семиреченского областного правления от 20 сентября 1888 г. и писали о том, что мулла Хусаин Измайлов по-прежнему часто не произносит «молитву за царя», но власти на это не реагируют должным образом. Просители просили генерал-губернатора употребить свою «силу» и полномочия, наказав муллу Измайлова и удалив его от должности своей властью, так как семиреченская областная администрация не хочет ее употребить². 21 марта 1891 г. генерал Таубе запросил Уфимский муфтият (Оренбургское магометанское духовное собрание) о том, когда и как муллы Степного края должны произносить «молитву за царя». Любопытно, но муфтият не спешил с ответом на запрос генерал-губернатора, и только 16 октября 1891 г. уфимский муфтий М. Султанов писал Таубе о том, что муллы должны произносить «молитву за царя» по «высокоторжественным» («царским» и «викториальным») дням, но замечал при этом, что Семиреченская область с 1869 г. «по распоряжению правительства из ведомства Духовного Собрания изъята»³. 30 ноября 1891 г. степной генерал-губернатор писал военному губернатору Семиреченской области генералу Г.И. Иванову о том, что надо проверить, действительно ли мулла Измайлов позволяет себе игнорировать произнесение «молитвы за царя», а если обнаружится, что он поступает таким образом, то его надо немедленно гнать и назначить выборы нового муллы, как о том писали просители-татары. 7 марта 1892 г. Иванов писал в рапорте степному генерал-губернатору о том, что начальник Сергиопольского полицейского управления провел тщательную проверку деятельности муллы Хусаина Измайлова и не нашел в ней подтверждения тому, о чем писали жалобщики в прошении на имя Таубе. Семиреченский губернатор отмечал, что «подача этого прошения объясняется враждой партий, начавшейся еще в 1884 г.», и с тех пор сторонники проигравшего кандидата-татарина Ахмета Абдулина засыпают все инстанции бесконечными жалобами⁴. В 1910 г. военный губернатор Семиреченской области М.А. Фольбаум предложил вывешивать царские портреты в мектебах и медресе. Однако эта инициатива вызвала такое возмущение в «коренных» областях Туркестанского края, что генерал-губернатор А.В. Самсонов решил от нее отказаться. В Закаспийской

¹ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 46123 – О пререканиях мусульман г. Лепсинска во время выборов муллы и неисполнении требований начальства. Л. 2–2 об., 5–5 об., 13.

² ЦГА Каз. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5407 – Прошение мещан магометанского исповедания Лепсинской станицы об устранении муллы Хусаина Измайлова от должности. Л. 1–4 об.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 11–11 об.

области портреты «Государя-Императора» вывешивались только в татарских мектебах, в персидских и бабидских школах. Нам приходилось писать о том, что в самой Семиреченской области реализацией «портретной кампании» занималась полиция и местное отделение «охранки», однако тоже без прочного успеха¹.

Таким образом, тезис советской историографии о «тесном» сотрудничестве царизма и исламского духовенства в деле «классового угнетения» мусульманского населения Средней Азии, примеры которого приводились выше, является несостоятельным. Кстати, он и в советский период подвергался сомнению некоторыми учеными. Так, автор фундаментального исследования «Революция 1905–1907 гг. в Туркестане» профессор А.В. Пясковский отмечал, что «многочисленное мусульманское духовенство, под влиянием которого находились широкие массы коренного населения, было в значительной своей части... настроено оппозиционно и даже враждебно к царскому самодержавию»². «Буржуазная» (западная) историография по этому вопросу в большинстве своем разделяла мнение авторов «Кембриджской истории ислама» о том, что «улемы и прочие религиозные лидеры Средней Азии всегда были особенно враждебно настроены против русских властей»³.

Однако всё было не так просто. Выше мы приводили примеры позитивного отношения мусульманского духовенства к русской власти. Вместе с тем, действительно, есть много документальных подтверждений тому, что сотни и тысячи исламских священнослужителей Туркестана находились в первых шеренгах антиправительственных и антирусских сил. Однако изучение документов позволяет утверждать, что в целом в повседневной жизни взаимоотношения правительственной администрации и мусульманского духовенства были достаточно равными и выглядели как компромисс, основанный на взаимном признании факта вынужденности сосуществования друг с другом. Трудно утверждать, что в большинстве своем малограмотное мусульманское духовенство в своем отношении к российским властям исходило из исламской доктрины, допускающей признание власти иноверцев на определенных условиях. Однако в реальной жизни отношение мусульманского духовенства к туркестанской администрации весьма соответствовало положениям такой доктрины. Исламское духовенство Туркестанского края признавало и даже поддерживало действия российских властей до тех пор, пока они не вторгались в сферу незыблемого религиозного быта и сознания людей. Пример неудачных попыток туркестанской администрации внедрить в практику мусульманского богослужения «молитву за царя» и выставить портреты «Государя Императора» в конфессиональных заведениях может служить тому подтверждением. Правительство полагало, что мусульманские «священники» Туркестана без особого сопротивления усвоят практику, давно уже признанную муфтиятским духовенством в России. Однако оно просчиталось. Зарубежный исследователь восстания 1916 г. Э.Д. Сокол был прав, когда писал о том, что «самым сильным врагом российского правления было мусульманское духовенство, особенно среди оседлого населения»⁴. Так, например, в 1899 г. полиция прознала о недостойном поведении и возмутительных заявлениях муллы ташкентского медресе «Ходжа Ахрар» Ашура Тубекбаева Хамудханова и привлекла его к строгой ответственности⁵.

¹ См.: *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по арх. мат-лам)... С. 775–776.

² *Пясковский А.В.* Революция 1905–1907 гг. в Туркестане... С. 44.

³ *The Cambridge History of Islam. Vol. 1. The Central Asian lands.* Cambridge Univ. Press, 1970. P. 520.

⁴ *Сокол Э.Д.* Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 56.

⁵ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 4. Д. 401 – О привлечении к ответственности муллы медресе Ходжа Ахрара Хамудханова Ашур Тубекбаева за кощунство. Л. 1–2 об.

Совершенно очевидно, что мусульманское духовенство Туркестанского края было неоднородно по своему составу в такой же мере, как различались культурно-хозяйственные типы региона. Исламский «клир» оседлого населения, безусловно, был более грамотен и тверд в вере Пророка. Многие его представители были фанатично ей преданы, особенно в Ферганской области, образованной на территории бывшего Кокандского ханства, где всегда господствовал «воинствующий» ислам.

Что касается кочевого населения, мусульманское сознание которого содержало многие пережитки автохтонных языческих верований, то духовенство в его среде не имело большого влияния, хотя ишаны пользовались среди номадов Средней Азии значительной популярностью. Такой научный авторитет, как генерал Н.И. Гродеков, писал об их недоверии к муллам и приводил в качестве примера их пословицы на сей счет, в частности: «Мулла читает, что видит; ворон клюет, что видит», «Бессовестный мулла может обобрать глупый народ»¹. Конечно, кому-то это может показаться измышлением русского военного бюрократа, однако и великий кыргызский акын Токтогул (Сатылганов) считал не иначе. Обращаясь к мусульманскому духовенству, он писал: «Есть у нас, говорят, муллы. Стыд забыв, говорят, и срам, деньги тащит со всех имам... Не является ли чалма только вывескою ханжи, только признаком вечной лжи богочтимых духовных лиц»², – и спрашивал: «О спасенье ль нашей души вы заботитесь, господа? Не народная ль вы беда?»³. Доставалось от него и ишанам: «Есть ишаны у нас, говорят... Из айла в аил бредут; если шкуры с нас не сдерут, плохо спится им, говорят»⁴; «Не бедна ишана мошна, и богат зякета улов; из десятка бараньих голов в дар ишану идет одна»⁵; «Сам народу, ишан, скажи, не является ли чалма только вывескою ханжи»⁶. А.Н. Куропаткин писал в 1910 г. о том, что «мусульманское духовенство деятельно работало и продолжает работать над укреплением магометанства там, где таковое еще нетвердо, а именно среди киргизского и туркменского населения»⁷.

Было бы ошибочным полагать, что всё «кочевое» исламское духовенство состояло исключительно из обманщиков и корыстолюбцев. В его среде были весьма достойные люди. Казахский «революционер» Алихан Букейханов писал о том, что в начале XX в. среди кочевников «Киргизской степи» имел большое влияние мулла Наузбай Паласов, которого в народе ласково звали Наунан. Он долго учился в Бухаре, преподавал там в медресе, потом стал жить среди кочевников и проповедовать. Букейханов восхищался: «В Бухару поехал, как некогда Ломоносов в Москву»⁸. За антирусские проповеди Наунан был подвергнут административной ссылке. Букейханов писал: «Кто знает классическое миролюбие киргизского народа, тот поймет, как сильно должно быть угнетение киргиза, терроризированного административной ссылкой»⁹. Есть подробное исследование о ее применении в Туркестане¹⁰.

¹ Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889. С. 274.

² Сатылганов Токтогул. Избранные произведения / пер. с кирг. М., 1940. С. 18, 19.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Куропаткин А.Н. Россия для русских. Т. 2. Задачи армии, не связанные с русской национальной политикой... С. 121.

⁸ Казахи о русских до 1917 года / А. Букейханов, М. Дулатов, А. Байтурсун, Т. Рыскулов... С. 49.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Литвинов Вяч.П. Административная ссылка в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам): Моногр. Елец: Изд-во ЕГУ, 2010. 311 с.

По вопросу об отношении мусульманского духовенства к восстанию 1916 г. в Средней Азии и Казахстане существуют разные мнения. Исследователь Г.А. Ибрагимов писал в 1940 г. о значительной роли мусульманского духовенства в восстании 1916 г., и с этим отчасти можно согласиться и сегодня. Но вряд ли можно всецело согласиться с его утверждением о том, что «муллы тогда вели шпионскую работу, находясь на службе царской охранки, передавали ей сведения о местонахождении повстанческих отрядов... выдавали их царским карателям»¹. Хотя, на наш взгляд, среди мулл (падких на деньги) не могло не быть известного числа лиц, действительно связанных с туркестанской «охранкой» и политическим сыском «военной» полиции Туркестанского края. Л.И. Климович отмечал, что духовенство не заняло однозначной позиции по вопросу о царском указе о призыве мусульман Туркестана на тыловые работы. Часть встала на сторону властей, а часть примкнула к повстанцам. Климович писал при этом о том, что в данном случае теми и иными двигали свои «классовые интересы»². Но какие именно, не указывал. В целом, конечно, Климович отстаивал тезис о реакционной роли мусульманского духовенства в восстании 1916 г. в Русском Туркестане, при этом резко критиковал тех, кто считал, что мусульманское духовенство активно участвовало в восстании 1916 г. Он писал: «Кто же стремился сорвать успешность развертывания этого массового революционного движения? Делали это различные прослойки эксплуататоров Средней Азии, в числе которых далеко не последнее место занимали муллы, ишаны, кадимисты и джадиды в чалмах и без чалмы»³. Вообще, Климович писал прямо о том, что «муллы выступили прямыми чиновниками русского самодержавия по отправке призванных на тыловые работы»⁴. Коротко и ясно. Но слишком «классово». Советские узбекистанские «сталинские» историки признавали, что часть исламского духовенства примкнула к восстанию, которое было справедливым и национально освободительным, но его предали джадиды⁵. Французская исследовательница Х.К. д'Анкосс пишет о том, что «духовенство, видимо, играло в восстании 1916 года роль более значительную, нежели лидеры националистического движения, поскольку восстание было особенно серьезным в сельских, отсталых районах Туркестанского края, отдаленных от городов, где влияние и авторитет мулл были сильнее»⁶. Вместе с тем она признавала, что «восстание 1916 г. было следствием царского указа, а не религиозных мотивов»⁷. Другой зарубежный исследователь Э.Д. Сокол писал: «Религиозное влияние на ход восстания не следует переоценивать – если часть мулл и других религиозных деятелей выступала в руководстве восстанием, то другая часть продолжала верно служить интересам российского правительства»⁸. Х. Турсунов отмечал, что все участники восстания 1916 г. свидетельствовали «о фактах усиления антирусской панисламистской пропаганды муллами»⁹.

Напряженность в отношениях мусульманского духовенства к русской власти стала нарастать в годы первой мировой войны, приведшей к заметному ухудшению жизни большинства коренного населения Туркестанского края. В одном из донесений в разведывательное отделение Штаба Туркестанского военного округа указывалось: «Чувствуется вредное

¹ *Ибрагимов Г.А.* Ислам. Его происхождение и классовая сущность. М., 1940. С. 94.

² *Климович Л.И.* Ислам в царской России... С. 354.

³ Там же. С. 351.

⁴ Там же. С. 367.

⁵ Там же. С. 435.

⁶ *Central Asia. A century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth...* P. 213.

⁷ Там же. С. 210.

⁸ *Sokol E.D.* The revolt of 1916 in Russian Central Asia... P. 145.

⁹ *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 354.

влияние мулл и духовенства в подстрекательстве населения против русских. Эти люди зависят от даяний населения, а потому называют себя борцами за народное дело, на самом деле внушая населению вредные мысли»¹. Военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант А.И. Гиппиус писал в рапорте туркестанскому генерал-губернатору о том, что среди «туземного» населения «развернулась во всю деятельность мулл... Они расхваливают немцев как защитников всех мусульман, утверждая, что Россия проиграет войну. При этом они утверждают, что слово “Германия” на таджикском языке означает “бери больше”, что поэтому Германия обязательно победит и освободит мусульман от гнета неверных»². Вместе с тем он телеграфировал 18 июля 1916 г. помощнику военного министра генералу П.А. Фролову о том, что после того, как он распространил свои разъяснительные листовки о царском указе от 25 июня 1916 г., в которых он указывал на добровольный набор призывников на тыловые работы, ранее «бунтующая толпа мулл в главной мечети Андижана совершила молебствие о здравии Государя Императора и пожелании побед русскому войску»³. Но он, видимо, преувеличивал свои заслуги в умиротворении настроений среди мусульманского духовенства, поскольку 22 июля 1916 г. начальник Андижанского уезда полковник И.А. Бржезицкий докладывал А.И. Гиппиусу о том, что «ишаны и муллы успели уже внушить нашему темному туземцу, что «умерший в Европейской России туземец лишается рая небесного... что русские будут посылать их на верную смерть»⁴. Он отмечал, что «туземцы» очень фанатичны и они больше верят ишанам, чем русским, и предлагал «экстренно выслать из Туркестанского края навсегда всех ишанов»⁵. Военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Н.С. Лыкошин в 1916 г. докладывал туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о том, что духовенство и ишаны – «яркие панисламисты и враги русских. Они распространяют слухи, что Россия скоро перестанет существовать и в Туркестане вновь будут восстановлены ханства, и все христиане будут обращены в мусульманство. Причем всё это они обосновывают предсказаниями Корана»⁶. Такого рода деятельность исламского духовенства в Туркестане в значительной мере подготовила почву для националистического, антиправительственного и антирусского восстания мусульманского населения региона в 1916 г.

Безусловно, нет оснований утверждать, что восстание 1916 г. было следствием просчетов в «исламской» политике российского правительства в Туркестанском крае, тем более что оно, в сущности, не носило религиозного характера. У него были свои причины, о которых мы высказались выше. Но было бы наивно полагать, что в таком событии, как восстание 1916 г., мусульманское духовенство, проживавшее в среде своей паствы, могло всецело дистанцироваться от участия в нем.

Современник восстания, в последующем известный деятель послереволюционного Советского Туркестана Турар Рыскулов писал о том, что «во многих районах в 1916 г. многие муллы оказались в рядах и даже во главе повстанцев»⁷. Возможно, «туземный» большевик-кочевник несколько преувеличивал, исходя из классовых и партийно-атеистических соображений, но документы свидетельствуют о том, что он был в немалой степени прав. Так, например, во время восстания 1916 г. в Джизакском уезде ишан Насыр-ходжа

¹ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1136. Л. 110.

² ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1084 – О настроениях среди местного населения Туркестанского края за 1915–1916 годы (1916). Л. 27.

³ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 641.

⁴ Там же. С. 209.

⁵ Там же. С. 210.

⁶ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1114. Л. 48.

⁷ Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году... С. 117.

Абдусалимов объявил газават и был поддержан местными жителями. Но не один только он из «духовенства» присоединился к выступлению против русских. Военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Н.С. Лыкошин докладывал 8 августа 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о том, что в ходе восстания в Джизакском уезде большую вредную роль сыграли мусульманские ишаны, которые возбуждали толпу и помогали главарям мятежа Насыру-ходже и Абдурахману Джевачи в их антиправительственных действиях¹. Начальник Пишпекского уезда подполковник Ф.Г. Рымшевич направил 28 ноября 1916 г. рапорт и. д. военного губернатора Семиреченской области полковнику А.И. Алексееву о ходе восстания в Пишпекском уезде, в котором отмечал, что «почетный мулла Сарыбагишевской волости по имени Умар, убеждая не идти на войну, в заключение сказал: “Не бойтесь умирать здесь, эта смерть есть священная, таких людей ожидает рай”»². Рымшевич писал о том, что муллы кочевников вообще убеждали их «начать форменную войну с русскими, обещая убитым рай»³. Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин телеграфировал 18 августа 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву о том, что «влияние фанатично настроенных мулл, живущих среди киргизов, тоже несомненно»⁴. Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков представил 26 июля 1916 г. и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанту М.Р. Ерофееву доклад о деятельности мусульманского духовенства Ферганы в период восстания⁵. Он отмечал: «Муллы и ишаны, высказывая наружно преданность правительству, тайно агитируют среди населения, чтобы они не соглашались давать рабочих»⁶. Он приводил примеры ишанов Намангана и Оша, которые убеждали «туземцев» в том, что «давать рабочих не следует, так как это будет противно шариату, ведь рабочие пойдут на помощь действующей против Германии армии, а Германия является защитницей шариата»⁷. Волков писал о том, что мусульманское духовенство пропагандирует среди «туземцев» идею о том, что «Россия, Англия и Франция давние враги мусульманских государств, потому им надо всячески противодействовать и не идти на войну против Турции и Германии»⁸. Он же докладывал уже туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о том, что «муллы угрозами принуждают жителей примкнуть к реакционному движению»⁹. В другом донесении он сообщал: «Муллы и ишаны распространяют среди населения оружие, которое хранилось в различных медресе. Они даже объявили, что, кто хочет приобрести оружие, пусть приезжает к мударрису медресе Мир-Араба мулле Разыку»¹⁰. Вообще, медресное духовенство и студенчество активно включились в мероприятия повстанцев. Выступая 15 декабря 1916 г. на закрытом заседании IV Государственной думы, граф Капнист-второй говорил о крайнем фанатизме «муллабачества» (студентов медресе. – *П.Л.*) в Туркестанском крае в дни восстания 1916 г.¹¹. Военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Н.С. Лыкошин

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 140.

² Там же. С. 387.

³ Там же.

⁴ Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док. / КРСУ... С. 30.

⁵ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 214–216.

⁶ Там же. С. 214.

⁷ Там же. С. 215.

⁸ Там же. С. 216.

⁹ ЦГА Узб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1471 – О панисламистском движении в Туркестанском крае и немецких агентах в Мерве, военном шпионаже и др. Л. 115.

¹⁰ Там же. Л. 516.

¹¹ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 221.

писал в 1916 г. Куропаткину о том, что в городе Наманган мулла Махмат-хан-тюря на вопрос прихожан, что делать им после призыва царя на тыловые работы, ответил: «Давать рабочих не следует, так как это противно шариату. Если выдадите рабочих, то они помогут русским в борьбе с Германией, а Германия является защитницей ислама»¹. Повсюду распространялись слухи о том, что германский кайзер «Вильгельм Великий» является другом турецкого султана, а значит, и ислама. По сведениям Туркестанского районного охранного отделения, мулла Катабаев в медресе «Юнус-хан-Назарет» заявил, что «если будут брать туземцев на окопные работы, то возможен бунт. Между тем этот мулла был другом и был связан с Джемаль-пашой, который командовал турецкими войсками в Египте, так как был вместе с ним в Мекке»². Туркестанская «охранка» также доносила о том, что самаркандский мулла Махмуд-Заман-хан вел пропагандистские беседы с прихожанами, указывая, что «хорошо было бы, если бы мусульмане восстали против русских с помощью Афганистана. Есть возможность объединить все мусульманские земли, так как Россия занята сейчас войной на Западе»³. Агент разведывательного отделения штаба Туркестанского военного округа доносил в 1916 г. начальству о том, что «по чайханам ходят матдахи и поют песни о необходимости помощи Турции в ее войне с Россией»⁴. Один из агентов Туркестанского районного охранного отделения сообщал в 1916 г. о том, что в самаркандском медресе «Телек» после молитвы трое мулл обратились к народу со словами о том, что «Турция и Афганистан объявят войну России, что Турция присоединит к себе Персию и будто бы Афганистан сейчас просит разрешения первым броситься на Россию и после этого потребовали произнести молитву за успех мусульманского оружия»⁵. Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков сообщал 13 сентября 1916 г. военному губернатору Семиреченской области генерал-лейтенанту М.А. Фольбауму о том, что имам Токмакской мечети Алим-хан Шакир-Ходжаев разрешил совершать погребальный намаз над живыми «туземцами», идущими на «священную» войну с русскими. Волков отмечал, что имам уже совершил несколько таких превентивных намазов⁶.

Есть основания полагать, что в действиях мусульманского духовенства Туркестанского края в дни восстания 1916 г. проявлялись не только антирусские и антихристианские настроения. Так, бачкирский участковый пристав доносил начальнику Кокандского уезда полковнику К.В. Мединскому о том, что «имам мечети села Шейхляр Яны-Курганской волости мулла Ахматкул Мухаммед Азизов, облачившись в белое одеяние, начал объезжать селения... и призывал идти к сельскому старшине и отобрать у последнего списки населения и самого старшину доставить ему живого или мертвого»⁷. Пристав отмечал, что огромная толпа намеревалась избить пятидесятников, сельского старшину и волостного управителя. Зарубежный исследователь Э.Д. Сокол пишет о том, что один джаркентский кочевнический мулла призывал «киргизов» исполнять царский указ о привлечении на тыловые работы⁸.

В свое время советская историография активно внедряла тезис о сотрудничестве мусульманского духовенства с царизмом в деле угнетения и порабощения простого мусульманского люда в Туркестане и, естественно, считала, что духовенство выступило в качестве

¹ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1132. Л. 107.

² ЦГА Узб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1832. Л. 26.

³ ЦГА Узб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1471. Л. 312.

⁴ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1084. Л. 10.

⁵ ЦГА Узб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1471. Л. 316.

⁶ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 352.

⁷ Там же. С. 186.

⁸ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 122.

его союзника в деле подавления восстания 1916 г. Академик В.В. Бартольд имел иную точку зрения, он писал в 1927 г. о том, что в восстании 1916 г. «муллы не принимали никакого участия»¹. Однако в том же году «туземец»-большевик Т. Рыскулов утверждал, что «в оседлых районах в 1916 г. многие муллы оказались в рядах и даже во главе повстанцев»². Мы бы добавили к этому, что и в «кочевых» районах муллы тоже отличились на этом поприще.

Как видим, приведенные точки зрения противоположны. И хотя мы высоко чтим авторитет мэтра отечественного востоковедения, мы еще десять лет назад писали о том, что в данном случае «он явно заблуждался»³. Безусловно, академик лучше знал историю Востока, ислама и Туркестана, но Т. Рыскулов лучше знал его тогдашнее прошлое и настоящее, поскольку, в отличие от Бартольда, был очевидцем мусульманского восстания 1916 г. Мы же и сейчас считаем, что мусульманское духовенство сыграло свою негативную роль в восстании 1916 г. более не участием в нем (хотя было немало и таких фактов), а соответствующей предварительной «воспитательной» работой в среде верующих Туркестанского края. Таким образом, у нас есть основания утверждать, что часть мусульманского духовенства сделала всё для того, чтобы из «искры» народного недовольства царским указом от 25 июня 1917 г. быстрее и ярче «возгорелось пламя» восстания мусульманского населения 1916 г. в этом регионе.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что мусульманское духовенство в Туркестанском крае не могло не иметь отношения к восстанию коренного населения региона в 1916 г. Во-первых, оно всегда выступало его главным духовным наставником и было связано множеством незримых нитей с жизненным циклом многомиллионной массы верующих. Степень участия исламского «клира» в повстанческом процессе была разной. Особенно значимой она оказалась на уровне периферийных, сельских приходов. Кишлачные и айильные муллы, как правило, разделяли те настроения, которые овладевали массами. Поэтому сельское мусульманское духовенство «растворялось» в указанном процессе, часто не претендуя на главенство в нем, но по тем или иным причинам нередко принимая на себя его бремя. Что касается городских мусульманских «священников», то их роль в восстании была более скромной, так как в крупных агломерациях оно быстро подавлялось, а само духовенство находилось под более жестким административным надзором. Вместе с тем, нельзя отрицать того обстоятельства, что многие представители мусульманского «клира» в Туркестанском крае дистанцировались от участия в восстании 1916 г., так как считали его обреченным на поражение и провоцирующим власти на более жестокие формы отношения к «туземному» населению. Во всяком случае, высшие представители исламского духовенства в Средней Азии разделяли принципы такого поведения.

Во-вторых, у мусульманского духовенства Туркестанского края были специфические отношения с царскими властями в регионе. В отличие от своего «аналога» в мусульманских анклавах Российской империи, оно было свободно от муфтиятской (государственной) зависимости. Во всех областях Туркестанского края, кроме Семиреченской, население избирало нужное для себя число мулл, утверждения которых в должности русскими властями не требовалось. В Семиреченской области этот процесс находился под законным контролем местной администрации. Это обостряло отношения мусульманского духовенства с властями, подвигало его к участию в антиправительственных акциях. Таким образом, мусульманское духовенство Туркестанского края явилось значимым субъектом восстания 1916 г.

¹ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 215.

² Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году... С. 117.

³ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по арх. мат-лам)... С. 79.

ГЛАВА 7

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

Совершенно очевидно, что одним из факторов, который постоянно осложнял отношения туркестанской власти со всем населением края, была неприглядная деятельность чинов царской администрации в регионе. В ее состав мы включаем не только работников российских административных органов, но и должностных лиц «туземного» самоуправления и народного суда, так как они были «винтиками» единого механизма царской власти в Туркестанском крае. Выдающийся кыргызский партийно-советский деятель Ю. Абдрахманов писал о том, что в царском Туркестане «взятки брали, начиная от генерал-губернатора края, до последнего пятидесятника в ауле. Взятка была связующей нитью между чиновниками царской службы и теми из киргизской эксплуататорской верхушки, которые при помощи этих чиновников получали ту или иную административную должность (волостной управитель, бий, старшина)»¹. Российский религиовед А. Крымский писал в 1899 г.: «Ни один русский не может не знать, что азиатские мусульмане, подчиненные России, еще имеют порядочно поводов жаловаться, и что русские чиновники, лишённые контроля в тех отдаленных краях, бывали до сих пор вовсе не идеальны, и деятельность так называемых “ташкентцев” тоже не очень похвальна»².

Мздоимство поразило не только звенья царской власти в Туркестанском крае, но и ее высшие структуры в «центре». А.Н. Куропаткин писал в своем дневнике о том, что «начальник Азиатской части Главного штаба Цейль при постройке дороги через бухарские пределы украл 200 тысяч рублей»³. Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков провел по поручению А.Н. Куропаткина расследование о взяточничестве в Хивинском ханстве и выяснил, что к этому были причастны высшие чины туркестанской администрации, руководство Азиатской части Главного штаба и лично бывший военный министр В.А. Сухомлинов⁴.

Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин посетил Семиреченскую область в октябре 1916 г. и установил много фактов нелюбезных действий чинов областной администрации во время восстания 1916 г., в связи с чем краевая канцелярия открыла специальное дело по их расследованию⁵. Инженер П. Аношкин писал в своем дневнике о том, что «губернатор Семиреченской области при приближении генерала Куропаткина (осматривавшего Туркестанский край) чувствовал, что не может замести следы и скрыть все свои злоупотребления по службе, и во избежание неприятностей покончил с собой самоубийством»⁶. Т.В. Котюкова отмечает: «По официальной версии 22 октября 1916 г. генерал Фольбаум

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 224.

² Крымский А. Мусульманство и его будущее. М., 1899. С. 50.

³ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 46.

⁴ Панфилов А. Еще раз к вопросу о событиях 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 106.

⁵ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1189 – О служебных злоупотреблениях чинов администрации Семиреченской области, связанных с волнениями киргиз в 1916 году.

⁶ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 259.

скоропостижно скончался в г. Верном во время тяжелого сердечного приступа»¹. Любопытно, что туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин телеграфировал и. д. военного губернатора Семиреченской области полковнику А.И. Алексееву о разрешении взять на похороны бывшего семиреченского губернатора Соколова-Соколинского 2 тыс. руб. из контрибуционной суммы. Куропаткин отмечал, что «бунт киргиз ускорил смерть покойного, поэтому киргизы должны принять на себя расходы по погребению их бывшего благородного и любвеобильного начальника и печальника об их пагубном преступлении»². Кыргызстанский исследователь Т. Шейшеканов пишет о том, что коррупция в Семиреченской области процветала среди российских чиновников всегда, но особенно во время выборов в волостные и народные судьи, и приводил примеры тому³. М.А. Фольбаум, принявший перед смертью русскую фамилию Соколов-Соколинский, не был единственным губернатором с сомнительной репутацией. Так, Ахмет-Заки Валиди писал о том, что у арестованного в конце восстания 1916 г. бывшего военного губернатора Сырдарьинской области генерал-лейтенанта А.С. Мадритова нашли 17 пудов серебряных украшений, забранных у туркменских женщин, а также более 60 великолепных туркменских ковров⁴.

Судебный следователь Верненского окружного суда 21 сентября 1916 г. допросил жителя г. Пржевальска Ивана Алексеевича Поцелуева, который отмечал, что многие пржевальские жители, в том числе интеллигенция, обвиняли начальника уезда полковника В.А. Иванова в том, что он продал дунганам оружие, а «на другой день сдал в Казначейство на свое имя 10.000 руб.»⁵. Поцелуев считал это измышлением и отмечал, что «Валериан Великолепный был и в дни осады не менее великолепен»⁶.

А.Н. Куропаткин писал в своем дневнике о том, что он получил много жалоб на самоуправство лесных объездчиков и просьб умерить их поборы с населения⁷. Известный кыргызский манап, активный участник восстания 1916 г. в Семиреченской области Канат Абукин показал на допросе, что лесные объездчики брали взятки⁸. Кыргызстанский историк К. Усенбаев отмечал, что взятки брали не только лесные стражники, но и переводчики⁹.

Злоупотребления властью порождались преимущественно на среднем уровне туркестанской администрации. Уездные начальники, их помощники, работники уездных правлений, участковые и городские полицейские приставы, сотрудники «казенных» (финансовых), контрольных и иных органов за время своей деятельности в должностях поддерживали постоянные контакты с представителями «туземной» администрации и народного суда. На их основе возникали взаимные «интересы», приводившие к адекватным должностным преступлениям.

А. Н. Куропаткин отмечал в своем дневнике тот факт, что исполнители царского указа о призыве «туземцев» Туркестана на тыловые работы «сделали наряд рабочих источником наживы»¹⁰. Исследователь Д. Маджун (Мусарова) пишет о совместном взяточничестве чинов русской и «туземной» администрации¹¹. Мустафа Чокаев отмечал, что туркестанская

¹ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... В сноске.

² Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 96.

³ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 119.

⁴ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 466.

⁵ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в документах. Т. II... С. 142.

⁶ Там же.

⁷ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 66.

⁸ Восстание 1916 года: Док. и мат-лы / КРСУ... С. 108.

⁹ Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии... С. 101–102.

¹⁰ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 51.

¹¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 135–136.

администрациях всех уровней собирала среди коренного населения «добровольные» пожертвования на нужды войны, которые потом разворовывались¹. Выступая 13 декабря 1916 г. с докладом на закрытом заседании IV Государственной думы о своей поездке в Туркестанский край, А.Ф. Керенский, в частности, говорил о том, что через «туземную» администрацию русские власти в Туркестанском крае обогащались, «вымогая и эксплуатируя население»². Он отмечал, что сам туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин в изданном им приказе признавал возмутительные факты лихоимства и вымогательства. Керенский указывал, что установление возрастной планки для призывников на тыловые работы в 19–43 года давало широкие возможности «туземной» и в союзе с ней русской администрации манипулировать с возрастом призывником, поскольку возраст определялся, как отмечалось, на глаз, так как у «туземцев» не было метрических свидетельств. В связи с этим процветало взяточничество – за мзду можно было или снизить, или увеличить возрастные параметры призываемых на тыловые работы.

А.Ф. Керенский, в частности, говорил о том, что в Туркестанском крае практиковался опыт властей на Кавказе, где «миллионеры и богачи десятками сажались в тюрьмы для получения с них откупов»³. И это стало позором русской власти в Средней Азии. Так, например, летом 1915 г. был арестован и содержался в ташкентской тюрьме один из богатейших «туземцев» Средней Азии, андижанский купец Миркамил Мумынбаев. Туркестанский генерал-губернатор Ф.В. Мартсон настаивал на запрете ему на год проживать в Туркестанском крае, на основании, как полагает Т.В. Котюкова, пункта 4, статьи 16 «Положения о чрезвычайной и усиленной охране»⁴. Но такого «Положения» не было. Были отдельные «положения» о той и другой охране, входившие в содержание не упоминаемого Котюковой закона от 14 августа 1881 г.⁵ Действия начальника туркестанской «охранки» подполковника В.Э. Славина вызвали недовольство начальника Андижанского уезда полковника И.А. Бржезицкого. Котюкова характеризует последнего очень положительно – как «старого туркестанца», участника памирских походов и бывшего начальника памирского отряда, знатока местных языков и быта «туземного» населения. В то же время она отмечает, что начальник «охранки» до начала мировой войны носил фамилию Энгбрехт, а потом стал Вячеславом Эдмондовичем Славным (смена немецких фамилий в то время была нередким явлением, например, как мы уже упоминали, фамилию сменил военный губернатор Семиреченской области М.А. Фольбаум). Из сведений Котюковой о Славине явствует, что он был ординарным карьеристом. До Туркестанского края служил в Петербургском губернском жандармском управлении. Котюкова пишет о том, что Миркамил Мумынбаев имел состояние в 13 млн руб. и был жадным. Поначалу он даже не доверял банкам и хранил деньги дома, но потом все-таки стал доверять банкам и, несмотря на жадность, участвовал в благотворительных акциях. Донос на Мумынбаева представил в «охранку» бывший его работник Александр Тимофеев. Однако туркестанская «охранка» не смогла доказать причастность «туземного» миллионера к антиправительственной деятельности. Туркестанский генерал-губернатор докладывал 4 января 1917 г. военному министру Д.С. Шуваеву о том, что в 1915 г. Туркестанское районное охранное отделение неправомочно арестовало «туземца»-миллионера Миркамил Мир-Мумынбаева, за что в конце 1915 г. министр внутренних дел отстранил от должности начальника

¹ Чокаев М. Революция в Туркестане. Февральская эпоха (Публикация М.С. Исакова)... С. 4.

² Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 174.

³ Там же. С. 176.

⁴ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 313, в сноске.

⁵ Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 г. // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 350. С. 261–266.

туркестанской «охранки» подполковника В.Э. Славина. Противники купца-миллионера пытались возбудить против Мумынбаева новое дело по поводу якобы его писем «туземцам» о сопротивлении властям при наборе на тыловые работы, но безуспешно. И зря не возбудили, поскольку уже в ходе восстания Мумынбаев сообщал мингбаши (городскому старшине) Коканда 4 августа 1916 г. о том, что он откупился от русских властей за 150 тыс. руб. «Счастливцев» похвалялся: «При теперешнем положении, если русскому (чиновнику. – *П.Л.*) дать тысячу рублей, то он готов отдать и жену, и детей»¹. Миллионер призывал не давать русской власти рабочих. В тот же день он писал в Маргилан Сеиду Мамед-ишану о том, чтобы не давали русским рабочих на тыловые работы, так как «дела Турции хороши. Поднять бунт из-за набора солдат легко»².

Т.В. Котюкова указывает, что «туземцы» – сотрудники низового звена туркестанской администрации (главным образом, переводчики) наживались «путем создания всевозможных коррупционных схем»³. Уже во время восстания 1916 г. и. д. военного губернатора Ферганской области полковник П.П. Иванов провел служебное расследование по делу письменного переводчика Андижанского уездного управления Сулеймана Кенгельбаева и переводчиков мировых судей Андижанского уезда: Акбара Байтурсунова с 1-го участка и Мадамина Байтурсунова с 5-го участка – и представил 12 декабря 1916 г. отчет об их корыстных махинациях туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину. Указанные «туземцы» создали «чрезвычайно тонко разработанную систему» обмана должностных лиц «туземной» администрации, которую использовали в течение восьми лет. Они искусственно фабриковали дела об их якобы преступных злоупотреблениях, а потом обещали за определенную мзду выгородить их перед русской властью, и, получив ее, помогали заподозренным вернуться к своим должностям. Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков писал 8 августа 1916 г. директору Департамента полиции МВД генерал-майору Е.К. Климовичу о том, что большой вред русской власти нанесли переводчики Андижанского уездного управления Чанышев и Кенгельбаев, которые превратно толковали царский указ о призыве «туземцев» Туркестанского края на тыловые работы среди мусульманского населения⁴. Военный губернатор Ферганской области полковник П.П. Иванов писал 12 декабря 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о вредной деятельности переводчика Андижанского уездного управления Сулеймана Кенгельбаева, а также «туземцев» Акбара и Мадамина Байтурсуновых. Он отмечал, что они устраивают интриги против лиц «туземной» администрации, пугают их отрешением от должности, так как имеют связи с высшим начальством, за взятки закрывают искусственно возбужденные дела, причем берут с одних и тех же людей по нескольку раз, и приводил тому показательные примеры⁵.

Несмотря на сомнительное, а нередко и преступное поведение должностных лиц «туземной» администрации, царские власти не могли обойтись без нее в деле управления коренным населением Туркестанского края. Казахский «большевик» Т. Рыскулов указывал: «Под видом сохранения в неприкосновенности местных обычаев и самоуправления туземцев, зиждившихся на основах “шариата”... царская власть умело использовала весь этот паразитический туземный элемент в своих интересах, принаравливая к последним правила того же “шариата”»⁶. Характерно, что другой видный дореволюционный казахский

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 223.

² Там же. С. 224.

³ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 25.

⁴ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и матлов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 189–190.

⁵ Там же. С. 238–240.

⁶ Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году... С. 107.

деятель – «либерал» Алихан Букейханов писал о волостных управителях и аульных старшинах, об уровнях подчинения «туземной» администрации, о вмешательстве русских в ее дела, однако о спайке последней с царскими чиновниками не упоминал¹. Любопытно, что прокурор Туркестанского военно-окружного суда генерал-майор Долинский уже после восстания в Андижане при встрече с генерал-губернатором С.М. Духовским, объезжавшим Самаркандскую и Ферганскую области в августе 1898 г., говорил тому, что «русская власть всецело должна полагаться на выборную туземную администрацию»². Но при этом пояснял, что иного выхода нет, так как русская власть на местах – это всего лишь начальник уезда и его помощник, а этого мало для постоянного контроля над ситуацией в подведомственных им пределах.

На основании проекта «Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-дарьинской областей» 1867 г. и «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. должностные лица «туземной» администрации – волостные управители и аульные старшины избирались самим населением. Многие столичные и туркестанские чиновники выступали против законоположений о выборности «туземных» руководителей и вплоть до падения царского режима ратовали за их назначение русской властью. Так, например, начальник Наманганского уезда Ферганской области полковник Н.А. Арванитаки отмечал 30 июня 1915 г. в записке, отправленной в краевую канцелярию, что выборное начало непригодно для условий Туркестанского края и «оно еще вредно тем, что выборы всегда сопровождаются большим стечением народа, который, в случае разделения партий, принимает активное в них участие, производит насилие, побои и часто оказывает неповиновение и даже оскорбление присутствующим при выборах чинам уездной администрации»³. Так это произошло в Наманганском уезде по отношению к приставу Абдурахманову, а в Андижанском – к Шарьгину. Начальник Наманганского уезда дополнял: «Всеякие выборы сопровождаются массами ложных доносов и жалоб, что, в общем, имеет весьма плохое воспитательное и развращающее влияние на население»⁴. Однако законодатель со времен образования Туркестанского генерал-губернаторства (края) предпочитал сохранять демократические принципы формирования «туземного» самоуправления, которые в реальности находили искривленное выражение. Зарубежный исследователь Э.Д. Сокол отмечал, что царские власти, используя родоплеменной строй кочевников, специально поселяли в одной волости представителей двух и более родов кочевников. Поэтому на выборах должностных лиц «туземной» администрации имела место борьба родовых «партий». Во время выборной кампании процветал подкуп русских чиновников. Э.Д. Сокол указывал, что у оседлого населения Туркестанского края такого разгула коррупции не было⁵, а лучше всего ситуация с выборами, по его мнению, была среди туркмен. Исследователь А. Кубатова пишет о том, что во время выборов волостных управителей и народных судей процветал подкуп избирателей⁶. Заведующий Верненским розыскным пунктом Департамента полиции МВД Отдельного корпуса жандармов ротмистр В.Ф. Железняков 16 ноября 1916 г. отмечал на допросе у следователя Верненского окружного суда, что у казахов «в большинстве на выборные должности идут сами “почетные лица”, у “кара-киргиз”

¹ Казахи о русских до 1917 года / А. Букейханов, М. Дулатов, А. Байтурсун, Т. Рыскулов... С. 31–32.

² По Туркестану. Объезд туркестанским генерал-губернатором С.М. Духовским Самаркандской и Ферганской областей в 1898 году... С. 186.

³ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 602.

⁴ Там же.

⁵ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 55

⁶ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 206.

(кыргызов. – *П.Л.*) эти должности занимают иногда не сами манапы, а их ставленники, являясь фактически марионетками в руках своих патронов»¹.

Выдающийся кыргызский акын Токтогул (Сатылганов) активно выступал против злоупотреблений «туземной» администрации. Он отмечал: «Как стал наш удел суров: у нищих бий и болуш (волостной управитель. – *П.Л.*) последних режут козлов»; «А если ты баю друг и чтишь не правду, а ложь, начните, нас обобрав, грабительский свой дележ»². Он сурово разоблачал волостных управителей как должностных лиц царской «туземной» администрации: «Волостной, иль не знаешь ты... как здесь правишь порядок ты, коль бесчестен и гадок ты, до наживы лишь падок ты! Ведь бессовестней вора ты, если в самый бесхлебный год беспощадно у бедноты ты последний уводишь скот»; «Волостной, что яришься ты? Над народом глумишься ты, угнетен тобой человек!». Народный певец осуждал союз «туземной» администрации с мусульманским духовенством и ишанами. Обращаясь к волостному управителю, он задавал тому вопрос: «А за что тобой так ценим навестивший тебя ишан, тут догадка моя верна: бел, как снег, ишана тюрбан, а душа, как твоя, черна. Ты сообщник его прямой, потому за него и радел, что прикрыта белой чалмой чернота ваших гнусных дел»³.

Х. Турсунов писал о власти аксакалов и мирабов, которые творили произвол среди населения⁴. Современный узбекистанский исследователь Ю. Флыгин пишет о том, что должностные лица «туземной» администрации повсеместно злоупотребляли своей властью, причем во время войны этот процесс только усилился. Историк Е. Федоров писал в 1925 г. о том, что иногда от четверти до трети собранных пожертвований оседали у представителей «туземной» администрации. Куропаткин в рапорте царю Николаю II отмечал, что за годы войны на нужды фронта в Туркестанском крае было собрано 2 400 000 рублей, а Е. Федоров утверждал, что в этот период «с населения собрали... не менее 20 миллионов рублей». Разница, понятно, оставалась у «сборщиков»⁵. Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин издал 19 сентября 1916 г. приказ о злоупотреблениях волостных администраторов и других должностных лиц при проведении набора на тыловые работы и привлечении виновных к ответственности по законам военного времени. Он отмечал, что лично объехал Сырдарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую области и убедился в том, что волостные управители, сельские старшины и «пятидесятники» «позволили себе вымогать с населения взятки и прибегать в некоторых случаях к насильственным мерам воздействия вплоть до арестов отдельных туземцев, не пожелавших подносить им требуемую сумму»⁶. Куропаткин указывал, что он приказал провести дознания, которые «с несомненностью устанавливают целый ряд самых возмутительных лихоимств и вымогательств»⁷. Он писал о том, что все дела о таких преступлениях переданы в суд. В своем дневнике А.Н. Куропаткин отмечал, что «низшая администрация берет взятки. Народ в кабале»⁸. Довоенный исследователь С. Волин справедливо писал о том, что относительно «грабежа и взяточничества туземной администрации – волостных управителей, старшин и т. п. сходятся авторы всех документов»⁹.

¹ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 128.

² *Сатылганов Токтогул*. Избранные произведения... С. 22.

³ Там же. С. 19, 20, 22.

⁴ *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 84–85.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 519.

⁶ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 55.

⁷ Там же.

⁸ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 46.

⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 6.

Революционер-кочевник Т. Рыскулов писал: «У туземцев даже выработался соответствующий взгляд... так, в глазах населения, если волостной управитель после своего назначения (избрания. – *П.Л.*) не богател сразу, то такого волостного считали малоспособным администратором... Чины туземной администрации не ограничивались только грабежом от имени царских высших администраторов в соучастии с ними, но грабили также непосредственно от себя»¹. Поэтому, отмечал он, во время восстания 1916 г. «естественен был разгром во многих местах повстанцами прежде всего чинов туземной администрации... Резче всего нападения на туземную администрацию наблюдались среди оседлого туземного населения»². Французская исследовательница Х.К. д'Анкосс отмечала, что «повстанцы в 1916 г. убивали и своих предателей, то есть прорусски настроенных туземных администраторов»³. Она уточняла, что «в ходе восстания 1916 г. во всем Туркестанском крае было убито 55 должностных лиц из “туземцев”, тогда как из русских – 24 чел. А в Ферганской области повстанцы убили 34 должностных лиц из “туземцев” и только одного русского»⁴. Исследователь С. Малабаев пишет о том, что во время восстания 1916 г. его участники убивали наиболее ненавистных им представителей «туземной» администрации⁵. Вообще, нелишне заметить, что во время восстания 1916 г. в «коренных» областях Туркестанского края восставшие убили много лиц из «туземной» администрации, а русских чиновников значительно меньше.

Представители «туземной» администрации как должностные лица царской власти в большинстве своем встретили царский указ от 25 июня 1916 г. с исполнительской услужливостью. В Семиреченской области, где развернулись наиболее трагические события 1916 г., 8 июля в доме военного губернатора собрались все волостные управители области. В 12 часов дня к ним вышел генерал-лейтенант М.А. Фольбаум и объявил о демобилизации «туземного» населения на тыловые работы. Газета «Семиреченская жизнь» писала: «Старшины в честь Его Императорского Величества троекратно с энтузиазмом прокричали: “Ура!”»⁶. 28 июля 1916 г. газета опубликовала приказ туркестанского генерал-губернатора о запрещении сборищ, сходок, распространении «вредных» слухов, хождения толпами и т. п.⁷. 9 августа 1916 г. был обнародован приказ туркестанского генерал-губернатора об отсрочке призыва на тыловые работы до 15 сентября⁸.

Однако не везде в Туркестанском крае представители «туземного» самоуправления и народного суда активно поддерживали мероприятия царской власти по призыву тыловых рабочих. Начальник Туркестанского районного охранного отдела полковник М.Н. Волков представил 26 июля 1916 г. и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанту М.Р. Ерофееву доклад, в котором отмечал, что многие представители «туземной» администрации – волостные и сельские старшины, народные судьи выступают против призыва на тыловые работы «из боязни, чтобы их не убили»⁹. Исследователь П.А. Ковалев писал о том, что в Туркестанском крае с началом восстания «многие волостные и сельские стар-

¹ Рыскулов Т. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году // Восстание казахов и киргизов в 1916 году / Т. Рыскулов, Г. Бройдо. Лондон, 1989 (Репринт. изд.). С. 108.

² Там же. С. 116.

³ Central Asia. A century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth... P. 213.

⁴ Там же. С. 212.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 222.

⁶ Семиреченская жизнь. 1916. 9 июля.

⁷ Там же. 1916. 28 июля.

⁸ Там же. 1916. 9 августа.

⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 215.

шины бежали, объятые паникой, в новые города под защиту царской администрации»¹. И. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант М.Р. Ерофеев телеграфировал 30 июля 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву об убийстве сарыбийского волостного управителя и трех сельских старшин в Амударьинском отделе². Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков писал 8 августа 1916 г. директору Департамента полиции МВД генерал-майору Е.К. Климовичу о том, что «убийства туземцами некоторых из представителей туземной администрации в огромном большинстве случаев связываются с недобросовестным отношением их к населению и взяточничеством при определении возраста и состава семьи туземцев при составлении списков лиц, подлежащих набору на работы»³.

В докладах российских администраторов во время восстания 1916 г. часто упоминалось об убийствах лиц «туземной» администрации – волостных управителей, сельских старшин, «джигитов» и т. п. Так, например, начальник охраны 2-го участка Ташкентской железной дороги капитан Бурзи писал 28 июля 1916 г. в штаб Туркестанского военного округа о том, что в 15 верстах от станции Джагалаш «киргизы убили волостного старшину и писаря»⁴. Некоторые убийства должностных лиц «туземной» администрации были издевательскими. Пскентский участковый полицейский пристав докладывал 31 июля 1916 г. начальнику Ташкентской уездной полиции и о том, что толпа восставших убила волостного управителя Магомета Маллябиева, «произвела над трупом издевательства, вырезала язык, забила кол в задний проход и др. После убийства начался грабеж его имущества, которое было вывезено на арбах»⁵. Везде пришлось вызывать войска. Исполняющий должность военного губернатора Ферганской области полковник П.П. Иванов писал о том, что в волнениях 1916 г. особенно пострадали лица «туземной» администрации – волостные управители, сельские старшины, писари, «джигиты» и др. Он отмечал, что в период с 8 по 18 июля 1916 г. восставшие убили всего одного представителя русской власти, зато лиц «туземной» администрации – 34. Иванов указывал, что в итоге в восстании 1916 г. в области пострадали: убитых русских – 1, «туземцев» – 56, раненых – 111, из них умерли от ран – 28⁶.

Должностные лица «туземной» администрации, исполняя свои служебные обязанности, не забывали о своих корыстных интересах. Газета «Туркестанские ведомости» писала 22 сентября 1916 г. о том, что лица «туземной» администрации в делах по призыву допускают много злоупотреблений – решают за взятки, по родственным соображениям, дружеской приязни и т. п.⁷. Это вызывало жалобы со стороны простого населения. Так, население Чуйского района Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области подало жалобу военному губернатору Сырдарьинской области генерал-лейтенанту А.С. Мадритову на злоупотребления «туземной» администрации и русских должностных лиц при призыве на тыловые работы⁸. Жители селения Языканджик Тедженского уезда писали 3 октября 1916 г. в жалобе и. д. начальника Закаспийской области генерал-майору Н.К. Калмакову о том, что аульная администрация злоупотребляет при составлении списков мобилизуемых на тыловые работы.

¹ Ковалев П.А. Эпизоды из истории восстания 1916 года в Туркестане (Дело Ферганского губернатора генерала А. Гиппиуса)... С. 4.

² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 288.

³ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 192.

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 281.

⁵ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 42.

⁶ Там же. С. 62.

⁷ Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафира... С. 23.

⁸ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 75–78.

Они отмечали, что родственники аульной администрации и богатые люди не внесены в такие списки. Калмаков надписал на прошении резолюцию: «Спешно. Предложить помощнику начальника Тедженского уезда провести дознание»¹.

Помощник главного военного прокурора генерал-лейтенант В.Е. Игнатович, приехавший с инспекцией в Среднюю Азию, писал военному министру Д.С. Шуваеву о том, что русские власти в Туркестанском крае поручили составление списков призываемых на тыловые работы лицам «туземной» администрации, что породило много служебных злоупотреблений. Поэтому, как отмечал Игнатович, «толпа жестоко мстила своим туземным властям за их участие в составлении списков. Виновные в глазах толпы представители туземной администрации подвергались в таких случаях самой жестокой расправе – превращавшей их в трупы, в бесформенную массу, жилища их разрушались, имущество разграблялось»². Он указывал, что в таких расправах одновременно «сводились и чисто партийные счета»³. В Верненском уезде Семиреченской области 12 июля 1916 г. восставшие убили волостного управителя из-за составленного им списка призванных на тыловые работы. Игнатович отмечал, что нападки «туземцев» на лиц своей («туземной») администрации имели место «почти исключительно» в областях Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской (кроме Джизакского уезда). В Джизакском уезде, как и в Семиреченской области, гнев повстанцев был направлен не только против лиц «туземной» администрации, но и против русской власти и русских людей. Начальник Самаркандского уезда полковник А.И. Мартинсон докладывал 5 июля 1916 г. в рапорте военному губернатору Самаркандской области генерал-майору Н.С. Лыкошину о том, что он лично посетил сходы пятидесятников и почетных лиц в четырех волостях своего уезда. Все были против призыва, и он не смог их переубедить. Он писал: «Кроме того, было покушение избить трех сельских старшин: по-видимому, старшины эти не безгрешны при составлении списков, они мной отстранены от должности»⁴.

Может создаться впечатление, что все должностные чины туркестанской краевой, областной, уездной и «туземной» администрации были насквозь пропитаны мздоимством, лихоимством, nepotизмом и т. п. и потому «проворонили» такое событие, как восстание 1916 г. Отчасти так оно и было. При составлении списков «мардикёров» многие из них смогли использовать свое властное положение в корыстных интересах. Однако преувеличивать влияние злоупотреблений русской власти на мятежные события вряд ли оправданно. Есть основания утверждать, что при всех своих недостатках все звенья российской власти в Туркестанском крае в трагический период проявили похвальную исполнительскую дисциплину, ответственность и преданность делу. Не отставали от них и многие должностные лица «туземной» администрации. Помощник начальника Туркестанского районного охранного отделения писал в конце 1916 г. своему руководителю полковнику М.Н. Волкову: «Волостные управители, старшины и аксакалы оказались на высоте своего положения и многие кровью запечатлели свою преданность России»⁵.

Таким образом, есть все основания утверждать, что злоупотребления царской администрации всех уровней – от правительственных до сельских старшин послужили катализатором роста антивластных настроений туркестанского коренного социума и во многом обусловили участие его представителей в восстании 1916 г. против царизма и русских

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 445.

² Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 76.

³ Там же. С. 76.

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 104.

⁵ Восстание 1916 года: Док. и мат-лы... С. 15.

жителей Средней Азии. Вместе с тем, мы не считаем все злоупотребления власти главным побудительным мотивом к открытому выступлению коренного населения региона. К подобному ее поведению оно привыкло еще с ханских времен. А пороки установившихся царских порядков в Туркестанском крае «туземные» жители считали обыденным явлением и неизбежной данностью жизни. Поэтому в основном они терпеливо их сносили. По нашему убеждению, в восстании 1916 г. главную роль сыграли злоупотребления властей при составлении списков «мардикёров» – махинации с определением их возраста, имущественными возможностями, родовой принадлежностью и т. п. Поскольку русские власти передали обязанность составления списков призывников на тыловые работы должностным лицам «туземной» администрации, то именно многие ее представители корыстно манипулировали при формировании таких документов, а потому более всех из властной когорты пострадали от ненависти повстанцев, причем даже в наиболее косных и религиозно фанатичных мусульманских местах Туркестанского края. Вместе с тем порочная практика составления списков тыловых рабочих заразила не всех представителей «туземной» администрации – во многих местах они сотрудничали с повстанцами и выступали с анти-русскими прокламациями. Было немало и тех должностных лиц местного самоуправления, которые, опасаясь возмездия со стороны жителей, действовали честно и справедливо, но не примыкали к повстанческому движению. Однако в целом властные злоупотребления стали существенным катализатором восстания 1916 г.

ГЛАВА 8

О ПОЗИЦИИ «ТУЗЕМНОЙ» ЭЛИТЫ В ВОССТАНИИ

Состав коренного населения Туркестанского края ко времени восстания 1916 г. представлял собой сложное этноконфессиональное образование. Оно сохраняло во многом черты дороссийской эпохи, однако под влиянием пришлой цивилизации и власти социальная структура традиционного среднеазиатского социума – как кочевого, так и оседлого – претерпела существенные изменения. Совершенно естественно, что представители того или иного ее уровня имели свои жизненные и классовые интересы, которые влияли на их отношение к восстанию 1916 г. Совокупность такого рода интересов обусловила участие тех или иных социальных групп в национально-освободительном движении в Средней Азии начала XX в. По мнению П.Г. Галузо, «это было движение, идущее в основном под гегемонией эксплуататорских классов – знати и духовенства»¹. И он был прав, но только отчасти, так как восстание 1916 г., особенно в Ферганской области, показало, что народ активно выступил именно против представителей «знати» – богатых и именитых людей «туземного» социума. Американский исследователь О. Лэттимор писал о том, что «было известное единство интересов между левым крылом националистов Туркестана и большевиками, которые стремились уничтожить не только царизм, но и общество, которое поддерживало его и эксплуатировалось им»². Он отмечал, что поскольку царизм и национальные элиты в Туркестане были союзниками, то и трудящиеся-азиаты «были настроены не столько против русских, сколько против царизма и его приспешников – собственных эксплуататоров»³.

У советской историографии было однозначное мнение относительно отношения «эксплуататорских» слоев коренного населения Средней Азии и Казахстана к царизму и восстанию 1916 г. Казахстанские историки писали о том, что феодально-байская верхушка казахов и «реакционная интеллигенция» поддерживали царизм и осудили восстание⁴. Известные революционные деятели Казахстана А. Альсугуров и Т. Тлеулин писали в своих воспоминаниях: «Торгаши, бай, муллы, ишаны плели вокруг джигитов (простых кочевников. – *П.Л.*) сеть гнусного шпионажа и предательства»⁵. Казахский советский историк Б. Сулейменов писал в 1947 г. о том, что «бай, волостные управители, аульные старшины, а также националистическая интеллигенция выступали за полное выполнение царского указа»⁶. Газета «Казах» писала: «Приказ царя – истина, и ему возражений быть не может. Как говорится: “приказ тверд – на душе сладко”. Поэтому приказа мы не можем не выполнить»⁷. Сулейменов отмечал, что еще до издания указа казахские буржуазные националисты послали в Петроград

¹ Галузо П.Г. Туркестан – колония: Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии... С. 95.

² Lattimore O. Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia. Boston, 1950. P. 21.

³ Там же. P. 21.

⁴ Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. С. 165.

⁵ Восстание 1916 года в Казахстане [Сб. воспоминаний и рассказов...] / КНИИМЛ... С. 71.

⁶ Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро... С. VI.

⁷ Там же.

делегацию в составе Букейханова, Байтурсунова и Бегимбетова¹. К. Усенбаев указывал, что как только восстание стали подавлять, манапы и другие представители «верхушки» стали переходить на сторону царизма. Вместе с тем он считал, что «далеко не все баи и манапы принимали участие в восстании... Основная часть местной феодальной знати осталась верной царизму»². К. Усенбаев писал о Канате Абукине и братьях Шабдановых. Х. Турсунов отмечал, что кыргызские манапы пользовались своим положением среди кочевников корыстно и критиковал их коварные замыслы³. Тем не менее, он тоже признавал, что царские власти обижали некоторых манапов (например, Шабдана Джантаева и его потомков), отнимая у них пожалованные ранее земли. Кыргызский исследователь К. Иманалиев пишет о том, что «в истории кыргызской общины манапы имели скорее духовную, политическую власть, нежели экономическую. С другой стороны, манапы представляли собой хранителей народных обычаев, традиций и мудрости, становились олицетворением справедливости своего рода»⁴. На наш взгляд, манапы имели историческое право обращаться к властям от имени народа. Исследователь А. Кубатова указывает, что известный кыргызский манап Шабдан Джантаев (1839–1912) подал председателю царского правительства графу С.Ю. Витте петицию, в которой излагал требования кочевого населения Туркестанского края к власти. Это не был его личный акт – на такое представление он получил «доверительное письмо» от простого народа⁵. Известный историк освободительного движения в Туркестане А.В. Пясковский писал о том, что среди кыргызов были большие (чон-манапы), средние (орто-манапы) и мелкие (чала-манапы) родовые лидеры. У них было разное число подданных. У известного манапа племени бугу Боромбая было 1000 подвластных кыргызов, у Джантая (сарыбагишского манапа) – до 700 юрт, у Уметалы (сына сарыбагишского Ормонхана) – 1500 кибиток, у его брата Чангыра – до 1000 юрт⁶. На наш взгляд, видные кыргызские манапы поддерживали восстание 1916 г. не из каких-либо своекорыстных политических, экономических и иных целей, а из чувства солидарности со своим народом, выработанного в течение длительного времени. Сотрудничество с царской властью означало для них то же, что для китайцев потерять лицо. Они не хотели оставлять в народе дурную память о себе. И не боялись царской мести и наказания. Вместе с тем исследователь С. Малабаев обвиняет в разжигании страстей в народе манапа Каната Абукина. Он подчеркивает, что «предводителями восставших являлись местные феодалы, муллы и их приспешники из зажиточных слоев населения, которым удалось повернуть недовольство некоторой части населения против переселенцев и царской администрации»⁷. Не исключено, что известный деятель восстания 1916 г. в Семиреченской области манап Канат Абукин, которого звали «кочкорским ханом», после ареста, осознав свою вину в жертвах мятежного времени, покончил с собой в тюрьме. А. Кубатова пишет о том, что еще до восстания 1916 г. кыргызские акыны констатировали тяжелое положение кочевников Туркестанского края, особенно в Семиречье. Многие кыргызские интеллигенты принимали участие в восстании. По ее мнению, «они не могли в трудный момент бросить свой народ и отказаться ему в просьбе возглавить восстание»⁸.

¹ Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафира... С. VI.

² Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии... С. 269.

³ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 319–320.

⁴ Иманалиев К. Кыргызстан: национальный путь (в поисках самоидентификации). Адагы. Кодекс чести. Идеологема кыргызов. Бишкек, 2009. С. 81.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 202–203.

⁶ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 730.

⁷ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 221.

⁸ Там же. С. 212.

Царизм осознавал, что в среде населения Туркестанского края растут антиправительственные настроения, однако, не понимая объективных причин процесса, он обвинял во всём российских татар – лидеров мусульманского «прогрессизма» в стране. С целью нейтрализации пропаганды идей пантюркизма и панисламизма царские власти в кочевых регионах Туркестана преследовали «казанских» татар, усматривая в них опасных протурецких агитаторов. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов писал 8 августа 1909 г. военному министру В.А. Сухомлинову о том, что революции в Турции и Персии повлияли на мусульманство Туркестанского края и Бухарского ханства. В его среде началось брожение умов. На них влияют мусульманские газеты. Среди «киргизов» Северного Туркестана ведут антиправительственную агитацию «татары-прогрессисты»¹. Алихан Букейханов отмечал: «В видах воспрепятствования пропаганде ислама администрация изгоняла из киргизской степи всякого татарина; гонимый приобретал, благодаря этому, ореол мученичества, оставаясь преспокойно в степи, так как киргизы его скрывали»². Французская исследовательница Х.К. д'Анкосс отмечает, что «кочевой национализм, обращенный царскими властями против татар, во время переселения русских в Среднюю Азию обернулся против них самих, что стало более чем очевидно в 1916 г.»³. Однако мы полагаем, что рост национализма среди кочевников региона был явлением не татарского влияния на них, а пробуждением собственного стремления к утверждению своей идентичности. И глашатаем его идей были не татары, а кочевая интеллигенция и представители наиболее «продвинутой» родоплеменной верхушки. Действительно, к началу XX в. среди казахов сформировалась своя интеллигенция из числа кочевников, которые сумели получить среднее и высшее образование в российских учебных заведениях. Наибольшую известность среди них получили Мухамеджан Тынышпаев, Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсунов, Мир-Якуб Дулатов и др. Мы считаем нелишним привести некоторые биографические сведения об этих людях, с тем чтобы правильно понять их роль и место в коренном социуме Туркестана.

Мухамеджан Тынышпаев родился 12 мая 1879 г. Окончил Верненскую мужскую гимназию с золотой медалью, затем Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения. В Петербурге сблизился с эсерами. Был избран в Государственную думу 2-го созыва от «туземного» населения Лепсинского уезда Семиреченской области. После роспуска Думы жил в Самарканде. До революции 1917 г. работал на строительстве Семиреченской железной дороги. Судя по материалам Туркестанского районного охранного отделения, он не привлекался по делам антиправительственной деятельности. Т.В. Котюкова пишет о том, что «Тынышпаев был активным участником восстания 1916 г. в Степном крае, вследствие чего был арестован»⁴. У нас вызывает сомнение то, что он был «активным участником» этого бунта, так как во время восстания 1916 г. он был рядом с русской властью в Туркестанском крае, что подтверждается документами о нем, приводимыми в нашем исследовании. Но показания по делу о восстании он давал. В сентябре 1916 г. Тынышпаев сообщал мировому судье 4-го участка Черняевского (бывшего Чимкентского) уезда Сырдарьинской области о том, что он изначально был против восстания, а после беседы 10 августа с туркестанским генерал-губернатором А.Н. Куропаткиным «телеграфно

¹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.)... С. 921.

² Казахи о русских до 1917 года / А. Букейханов, М. Дулатов, А. Байтурсун, Т. Рыскулов... С. 46.

³ Central Asia. A century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth... P. 176.

⁴ Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики России 1905–1917 гг.). М., 2008. С. 82.

обратился к пишпекским киргизам с призывом к успокоению»¹. После Февральской революции 1917 г. Тынышпаев был комиссаром Временного правительства по Семиреченской области.

Алихан Букейханов (1866–1937) родился в Самаре. Принадлежал к потомкам ханов Букеевской орды. Окончил в 1894 г. Омский лесной институт, работал в администрации Тобольской губернии, преподавал в Лесном институте в Омске. В 1897–1903 гг. служил в администрации Степного края. Примкнул к партии кадетов и был избран депутатом I Государственной думы. Стал одним из основателей партии «Алаш-Орда». В советский период политической роли в Казахстане не играл². Исследователь Д. Аманжолова пишет о том, что советская историография считала роль А. Букейханова и партии «Алаш-Орда» предательской, однако она сама признает, что у него была своя «логичная и граждански выверенная позиция»³. А. Букейханов вместе с А. Байтурсуновым и Н. Бегимбетовым еще до восстания 1916 г. ездил в Петроград, где встречался с депутатами Государственной думы от мусульманской фракции и от партии кадетов. Д. Аманжолова вообще пишет о Букейханове очень хорошо.

Ахмет Байтурсунов (1873–1938) родился в Тургайском уезде, был из Старшего жуза, племени аргын. Его отец – Байтурсун Шошаков считался «беспокойным элементом» в Степи, он постоянно конфликтовал с русскими властями, за что был осужден на 15 лет каторги. Как писал М. Дулатов, в 1909 г. А. Байтурсунова выдал провокатор-казах. После недолгого пребывания в тюрьме Байтурсунов подвергся административной ссылке на два года за пределы Киргизской степи, но потом спокойно жил в Оренбурге⁴. Там он с 1913 г. стал выпускать газету «Казах», в которой критиковал русские власти в Киргизской степи. Несколько раз его арестовывали и штрафовали. В 1916 г. штраф достиг размера 3 тыс. руб. Собирать средства на уплату штрафов помогали «читатели» (баи и манапы, поскольку простые кочевники были неграмотными). Тем не менее газета (при ненавистных Байтурсунову русских властях) всё равно выходила. При советской власти националист и антицарист занимался даже педагогической деятельностью, поскольку большевики в то время плохо отличали антирусизм от антицаризма.

Мир-Якуб Дулатов (1885–1935) происходил из казахов Старшего жуза, из знатного племени аргын. Учился в известном джадидском медресе Галиева в Уфе, потом в русско-казахской школе в Кургане. После окончания школы начал учительствовать. Рано обнаружил дар писательства, был автором известной в Киргизской степи антирусской и националистической поэмы «Оян, Казак!» («Проснись, казах!»). Стал одним из основателей партии «Алаш-Орда». В советское время занимался издательской и педагогической деятельностью. Во время сталинских кадровых «чисток» ему вменили в вину национализм, что было, в частности, обусловлено его дореволюционным прошлым. В 1928 г. Дулатов был арестован и приговорен к расстрелу, но затем сослан на Соловки, где и умер. Английские комментаторы писали в 1985 г. о том, что «он никогда не был реабилитирован»⁵. Но теперь он окончательно оправдан казахстанскими властями и официальной республиканской историографией.

Помимо названных «степных» лидеров были и другие представители «туземного» интеллектуального сословия. Так, например, одним из казахских интеллигентов, поддержавших народное движение, был Токаш Бокин – отставной чиновник X класса (коллежский

¹ Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро... С. 22.

² Казахи о русских до 1917 года / А. Букейханов, М. Дулатов, А. Байтурсун, Т. Рыскулов... С. 16.

³ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 251.

⁴ Казахи о русских до 1917 года / А. Букейханов, М. Дулатов, А. Байтурсун, Т. Рыскулов... С. 64.

⁵ Там же. С. 17.

секретарь), что соответствовало чину армейского поручика. Согласно версии советской историографии, он был зверски убит алашордынцами в 1918 г. Особо следует выделить видного казахского интеллигента-националиста Мустафу Чокаева (1890–1941), о котором мы уже упоминали выше. В начале 1918 г. он возглавлял правительство так называемой «Кокандской автономии». Позже эмигрировал в Турцию, где издавал буржуазно-националистический журнал «Ени Туркестан» («Новый Туркестан»). Активно боролся против Советской власти. Узбекский историк Ш. Хайитов пишет о том, что «после разгрома “Туркистон мухторияти” ее глава Мустафа Чокаев... был вынужден через Закавказье, Турцию и Германию перебраться во Францию»¹. Но о его «германских делах» ученый узбек, к сожалению, не упоминает.

Таким образом, казахская национальная интеллигенция возглавила в начале XX в. освободительное движение своего народа и активно пропагандировала его идеи. Алихан Букейханов писал о том, что уже в начале XX в. среди кочевников Киргизской степи появились первые прокламации «алашистов». По доносу волостного писаря жандармерия провела «обыски у известнейших киргиз, мулл и учителей, были арестованы библиотека и переписка», но при этом он признавал, что всё было полицией возвращено после царского манифеста от 17 октября 1905 г.² Он также отмечал в 1910 г., что число мусульманских изданий среди кочевников постоянно возрастало. Казахский советский историк С.Д. Асфендиаров, в частности, указывал, что, например, крымско-татарскую газету «Терджиман» читала «часть казахского байства, эволюционировавшая в сторону капитализма»³.

Исследователь Р. Назаров пишет о мусульманских съездах в России 1905 и 1906 гг., их решениях и т. п.⁴ Казахские интеллигенты и родоплеменная знать в дореволюционный период либо принимали в них участие, либо сами проводили разного рода съезды. В частности, в феврале 1906 г. в Семипалатинске проходил II съезд казахов, выработавший программу кадетского толка. Но в ней он выступил против притока русских и иных переселенцев в Казахскую степь и за то, чтобы правительство признало все ее земли исключительно казахскими. Лидеры российской партии кадетов поспешили отмежеваться от такой программы своих сторонников – казахских «степных реформаторов».

В марте 1916 г. газета «Казах», издававшаяся в Оренбурге, сообщала о том, что Букейханов и Байтурсунов ездили в Петроград, где были приняты военным министром. «По возвращении из Петрограда они развернули усиленную агитацию за поддержку военных мероприятий царизма»⁵. Передовица газеты «Казах» 8 июля 1916 г. призывала всех исполнять царский указ о призыве, она писала: «Скрываться, спастись от набора нельзя»⁶. Газета «Туркестанские ведомости» от 28 июля 1916 г. сообщала о том, что военный губернатор Тургайской области имел беседу с редактором газеты «Казах» по поводу призыва казахов на тыловые работы и достиг с ним полного взаимопонимания⁷. 7 августа 1916 г. в Тургайском областном правлении состоялось совещание представителей «туземцев» из так называемых «степных» областей, в котором участвовали и делегаты от Семиречья, входившего в состав Туркестанского края. Председателем собрания избрали А.Н. Букейханова,

¹ Хайитов Ш. Некоторые вопросы истории узбекской эмиграции (1917–1945 гг.) // Россия – Узбекистан: история и современность. Ч. VI. М., 2009. С. 28.

² Казахи о русских до 1917 года / А. Букейханов, М. Дулатов, А. Байтурсун, Т. Рыскулов... С. 48.

³ Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата – М., 1936. С. 45.

⁴ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 293–294.

⁵ Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро... С. 161.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же.

а секретарями М.Я. Дулатова и О. Алмасова. Совещание призвало исполнить царский указ о призыве на тыловые работы¹. Газета «Казах» писала 11 августа 1916 г. о том, что Байтурсунов, Букейханов и Дулатов не выступали против призыва на тыловые работы, и приводила их слова: «...на страницах своей газеты мы боремся за реализацию без всякого сопротивления приказа царя среди алаша. Таков наш путь, ничего у нас тайного или скрытного нет»². 17 октября 1916 г. газета «Казах» опубликовала обращение Байтурсунова, Кадырбаева, Дулатова и Тунганчина, которые призывали кочевников прекратить сопротивление и исполнить царский указ о призыве на тыловые работы³. 22 октября 1916 г. газета «Казах» призвала передовых кочевников добровольно вступать в качестве «тысячников» в отряды мобилизованных на тыловые работы⁴. Казахстанский историк Т. Зозуля признает, что «значительная часть национальной (казахской. – *П.Л.*) интеллигенции в это время не поддержала повстанческое движение. Вокруг газеты “Казах” объединилась казахская либерально-демократическая интеллигенция, возглавляемая А. Букейхановым... Такая позиция интеллигенции объясняется, прежде всего, их пониманием необходимости сохранения казахского народа, его этнической целостности, их выживания в этот сложный период»⁵. Зарубежные исследователи А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькаже писали о том, что «даже в 1916 г., во время великого восстания кочевых племен против российского владычества, которое было жестоко подавлено, лидеры “Алаш-Орды” считали более приемлемым обращаться в С-Петербург с воззваниями только политического характера»⁶.

Правофланговый казахской постсоветской историографии М. Козыбаев указывал, что в 1916 г. в совместном воззвании Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсунов, Мир-Якуб Дулатов призывали казахов: «Послушайтесь, не лейте кровь, не сопротивляйтесь»⁷. А Байтурсунов вообще писал: «Казахи наравне с другими наиболее ведущими народами должны были с оружием в руках защищать отчизну»⁸. Козыбаев поясняет следующим образом, по сути, предательскую антинародную позицию создателей партии «Алаш»: «Лидеры казахской интеллигенции были сторонниками эволюционного развития. Поэтому они во имя завоевания национальной автономии в составе демократической России считали целесообразным выполнить долг казахского народа перед своей неродной отчизной»⁹. Любопытно, что именно этих людей бывший президент Казахстана Н.А. Назарбаев в книге «В потоке истории» (Алматы, 1999) причислял к «национальной политической... патриотической организации» в казахской истории¹⁰. И Козыбаев, понятно, не против такого мнения вышестоящего лица. Вместе с Д. Дулатовой он указывает, что «алашская интеллигенция, по существу являвшаяся элитой нации, была неразрывно связана с традиционной культурой казахского общества, по праву была катализатором духовного ренессанса. Она ревностно относилась ко всему национальному, была свободна от религиозного фанатизма, национальных, расовых и иных предрассудков»¹¹. Ахмет Байтурсунов писал в газете «Казах» (1913, № 4):

¹ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 31–36.

² Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафира... С. 21.

³ Там же. С. 184.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Зозуля Т. История Казахстана: Справочник школьника... С. 227.

⁶ Bennigsen A., Lemercier-Quelquejau C. Islam in the Soviet Union. London, 1967. P. 47.

⁷ Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избр. тр.). Алматы, 2006. С. 162.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ См. об этом: там же. С. 119.

¹¹ Там же.

«Мы самостоятельный единый народ, обитающий от Волги до Иртыша, от Урала до Афганистана. В условиях, когда в нашу среду поселились иные народы, не потеряем ли мы былую самостоятельность, сохраним ли казахскую нацию? Эта мысль не оставляет нас в покое даже во сне»¹. И это писал «алашский интеллигент», свободный, по словам Козыбаева и Дулатовой, «от религиозного фанатизма, национальных, расовых и иных предрассудков»! Можно только представить себе, в каком положении оказались бы «иные народы» в байтурсуновском «алашском» Казахстане?! Казахский деятель Г. Тогжанов писал в сентябре 1927 г. в журнале «Кызыл Казакстан» («Красный Казахстан») о том, что в Казахстане «до революции, кроме националистического движения, других движений не было. До революции единственное политическое воспитание мы получили от наших националистов. Видели и знали только Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова и Миржакыпа Дулатова. Они были для нас примером. У нас была одна дорога – национализм... этот национализм был полезен для казахского народа»². Казахстанский историк-любитель К. Данияров отмечает, что «в период первой мировой войны казахов начали мобилизовывать на тыловые работы. Партия “Алаш” призвала казахов не сопротивляться этому, поскольку казахи там многому научатся», однако «Омская партийная организация большевиков в 1916 г. много казахских районов спровоцировала на восстание, послав туда своих комиссаров – Джангельдина и др.»³. Это ничего, кроме гомерического хохота, вызвать не может. Это-первое. Второе. Любопытно, как относятся к такого рода толкованиям восстания 1916 г. современные казахские националисты?

Японский историк Уяма отмечает, что казахские лидеры Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсунов и Мир-Якуб Дулатов были против царской политики, однако они поддерживали правительство, надеясь, что в последующем они получают политические права⁴. Исследователь А. Панфилов считает, что казахские либералы не хотели «слияния революций социальной и политической»⁵.

В другой «кочевой» области Туркестанского края – Закаспийской роль национальной интеллигенции свелась к действиям родоплеменной верхушки. Туркменская кочевая знать, преимущественно текинская, выступала против призыва номадов на тыловые работы. Однако она не призывала номадов к восстанию по этому поводу. Важнейшую роль среди туркменской родоплеменной верхушки играла «ханша» Гуль-Джамал. Она была женой Нур-Верды-хана и пользовалась большим авторитетом и уважением среди мервских туркмен. «Ханша» содействовала первому начальнику Закаспийской области генерал-лейтенанту П.Ф. Рербергу в завоевании Мерва и изъятии у туркмен земель для устройства «государева Мургабского имения». После завоевания Туркмении в 1880-х гг. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий Кавказским военным округом князь А.М. Дондуков-Корсаков преподнес правительнице Мервского оазиса Гуль-Джамал-ханше «подарки, присланные с особым курьером из Кабинета Его Величества: пару золотых браслет, украшенных драгоценными камнями, такой же пояс и роскошный соболиный халат, крытый золотой парчой, сверх того от себя лично князь подарил ханше дорогое ожерелье и объявил, что за оказанные услуги “Белый царь” назначил ей пожизненную пенсию по 2.000 руб., а ее сыну Юсуп-хану построили дворец и закрепили за ними лучшие земли между Мары и Байрам-Али. Остальные ханы – Махтум-Кули-хан, Менгли-хан, Сары-хан,

¹ Цит. по: *Козыбаев М.К.* Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избр. тр.). Алматы, 2006. С. 159.

² Цит. по: *Козыбаев М.К.* Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избр. тр.). Алматы, 2006. С. 207.

³ *Данияров К.* Взгляд в прошлое: История. Алматы, 2009. С. 4.

⁴ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 109.

⁵ *Панфилов А.* Еще раз к вопросу о событиях 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 108.

Кара-ишан и Теке-хан получили различные воинские звания, ордена и высокие оклады. Все они были назначены уездными начальниками или участковыми приставами»¹. Текинец Махтум-Кули-хан стал управителем Тедженского округа. В течение пять лет он брал в свою пользу все собираемые с народа налоги. Другие ханы получили от российской администрации такие же дары и льготы. Когда началось восстание 1916 г., «ханша» Гуль-Джамал и ее сын Юсуп-хан начали собирать деньги на откуп людей от призыва на тыловые работы. А.Н. Куропаткин указывал, что 13 июля 1916 г., еще до своего назначения туркестанским генерал-губернатором, он получил «депешу» от туркменской ханши Гуль-Джамал, которая просила его заступничества в деле призыва туркмен на тыловые работы².

В мире оседлых «туземных» жителей Туркестанского края настроения местной интеллигенции были иного рода. Советский историк П.Г. Галузо писал о том, что местная «знать» и мусульманское духовенство «в массе своей самым недвусмысленным образом выступали с патриотическими демонстрациями за царизм и против крестьянского восстания»³. Он был прав, но отчасти, так как они, действительно, открыто не выступали против царизма. Любопытно, что IV Мусульманский съезд 1914 г., в котором участвовали представители Туркестана, закончился молитвой за «Государя Императора, Государынь Императриц, Наследника-Цесаревича и Царствующий дом». Вместе с тем, очень многие представители «знати» и исламского духовенства в Средней Азии не только сочувствовали повстанцам, но и открыто вставали на их сторону, поскольку хотели восстановления своих былых привилегий, ограниченных русской властью, и были в значительной степени протурецки ориентированы.

Среди интеллигенции оседлых жителей Средней Азии, так называемых сартов, со временем распространились идеи крымского татарина И. Гаспринского о реформе мусульманской традиционной религиозной школы согласно требованиям нового времени. Гаспринский проповедовал новый метод обучения (араб.: усуль-аль-джадид), который допускал преподавание в мектебах и медресе ряда светских предметов – арифметики, естествознания, истории, географии и др. Он посетил Туркестанский край в 1893 и 1908 гг. Гаспринский вел многолетнюю полемику с Н.П. Остроумовым по «мусульманскому вопросу» в России и Туркестанском крае. Однако так или иначе, но в Средней Азии со временем развернулось джадидское движение. Оно встретило яростное сопротивление со стороны кадимистов – сторонников консервативного традиционного среднеазиатского ислама. В региональных ханствах до и после прихода России в Туркестан власти всецело их поддерживали. Американский исследователь восстания 1916 г. в Туркестанском крае Э.Д. Сокол отмечает, что правое крыло в мусульманстве Туркестанского края представляли религиозные консерваторы, которые вели острую борьбу против джадидов⁴.

Узбекский историк Б.М. Бабаджанов пишет о том, что история мусульманского реформаторского движения – джадидизма в Российской империи сравнительно коротка, «чуть более трех десятков лет»⁵. Он отмечает, что история туркестанского джадидизма еще более коротка, но весьма выразительна. По его мнению, «порывы джадидов Туркестана в целом были вполне уместны, так как общественная, политическая жизнь Центральной Азии в тимуридское и посттимуридское время начали впадать в кризис, который позже всё больше проявлял

¹ Восстание 1916 года в Туркмении (Док. и мат-лы)... С. 4.

² Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 45.

³ Галузо П.Г. Туркестан – колония: Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии... С. 212.

⁴ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 70–71.

⁵ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 779.

все признаки необратимости. Это коснулось и религиозной жизни (богословия), которое, образно говоря, утонуло в болоте бесплодной схоластики... Возникновение реформаторских идей в Туркестане следует воспринимать не только как результат внешних влияний. Нельзя не учитывать целый комплекс исторических, социальных, религиозных или политических факторов, так или иначе стимулировавших “в умах и сердцах” саму идею реформации¹. В советское время это было понятно любому усердному, методологически подготовленному студенту.

Большой знаток национально-освободительного и революционного движения в Туркестане профессор А.В. Пясковский указывал, что региональный «джадидизм прошел в истории два этапа: первый – это этап просветительства, второй – политический этап»². На первом этапе туркестанским джадидам удалось открыть несколько новометодных школ, однако они имели численно незначительную ученическую аудиторию. Ташкентский историк Р.Н. Шигабдинов считает, что «неуспеху движения джадидистов за новую школу (новометодный мактаб) в немалой степени содействовал фактор неприятия этого новационного по содержанию движения со стороны царской колониальной администрации, подозревавшей этот слой новаторов в исповедовании идей панисламизма и пантюркизма. П.А. Столыпина (1862–1911) в годы его премьерства (1906–1911) стали всё сильнее беспокоить процессы, происходившие в “мусульманском мире” внутри России и за ее пределами. А в 1909 г. российский премьер пришел к твердому убеждению в том, что ислам представляет “особо сильную” угрозу для безопасности государства, сам же “мусульманский вопрос” не может не считаться грозным»³.

После первой русской революции 1905–1907 гг., которая мало повлияла на региональный мусульманский социум, тем не менее джадидизм стал дрейфовать в сторону политизации движения. Этому способствовало то, что в революционные годы российской обществу удалось вырвать у царизма ряд уступок, демократизировавших жизнь населения империи, в том числе и ее национальных окраин. В Туркестанском крае появились свои мусульманские средства массовой информации – газеты и журналы. Активно распространялись не только российские тюркоязычные мусульманские газеты – «Терджиман», «Вакт», «Идель» и др., но и турецкие, иранские, индийские, египетские и европейские, причем администрация Туркестанского края тому не препятствовала, так как абсолютное большинство коренного населения было неграмотным. Достаточно сказать, что такая популярная среди российских мусульман газета «Терджиман» поступала в край в числе 200 экземпляров. К тому же номер газеты стоил 3 рубля, на которые можно было приобрести почти двух баранов. Понятно, что простым людям, даже грамотным, газета была недоступна. В годы первой русской революции туркестанский деятель Исмаил Абиди стал издавать газету «Таракки» («Прогресс»). Она сурово критиковала кадимистов и реакционное мусульманское духовенство Туркестана, которые потребовали от царских властей ее запрещения. Последние предпочитали сотрудничать с консерваторами среднеазиатского ислама и пошли им навстречу. Абиди стал издавать газету «Хуршид» («Солнце»), которая продолжила курс «Таракки», однако после издания 10 номеров ее тоже закрыли. Мунавар-кары с товарищами после этого стали издавать газету «Шухрат» («Слава»), а потом на ее месте газету «Асийя»,

¹ Цит. по: *Мадаева Ш.О.* Формирование религиозной идентичности традиционного общества Узбекистана: исторический аспект // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов... С. 269.

² Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 299.

³ *Шигабдинов Р.Н.* Конфессиональная (исламская) школа в Узбекистане (1917–1929) // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: Сб. мат-лов. Ташкент, 2008. С. 129.

которая 21 мая 1908 г. тоже была запрещена. Сеидкарим Сеидазимбаев стал издавать газету «Туджор» («Купец»), однако и ее закрыли в мае 1908 г., после 36 номеров. Исследователь З. Абдирашидов пишет о том, что с мая 1908 г. «независимая национальная пресса в Туркестане прекратила свое существование. В этом деле *особенно отличились царские органы охраны*»¹ (курсив наш. – *П.Л.*). На наш взгляд, это слишком категоричное заявление, поскольку в апреле 1913 г. Махмуд-ходжа Бехбуди основал в Самарканде газету «Самарканд» как орган местных джадидов. Через пять месяцев газета перестала выходить, но не по причине властных гонений, а из-за финансовых проблем. Издано было всего 45 номеров газеты. С 20 августа 1913 г. стал издаваться журнал «Айна» («Зеркало»), который был органом туркестанских джадидов. Однако журнал выходил нерегулярно, причем не по вине русских властей – не хватало средств на его издание. Потом средства нашлись, и журнал стал выходить регулярно – четыре раза в месяц. Его душой был тоже Махмуд-ходжа Бехбуди. Было издано 68 номеров, но 15 июня 1915 г. вышел последний номер этого журнала. З. Абдирашидов признает, что и в этом случае русские власти были ни при чем. Сами туркестанские мусульмане считали позицию «Айны», линию его редакции и т. п. слишком жесткими и пугающими. Особенно против журнала был настроен улем. Но и мусульманский «прогрессист» Фитрат тоже был против него. В апреле 1914 г. в Туркестанском крае вышли две газеты – «Садои Туркистон» и «Садои Фергана». Газеты издавали туркестанские джадиды в союзе с российскими социал-демократами Туркестана. Они хотели даже издавать русскую версию – «Эхо Ферганы», но сама газета «Садои Фергана» прекратила существовать после 123 выпуска, причем опять-таки по финансовым причинам. Такая же судьба постигла газету «Садои Туркистон», которая выпустила 66 номеров. Это была ташкентская газета, ее пытались спасти путем сбора средств, но не получилось. З. Абдирашидов осуждает «провальную политику мусульманских прогрессистов Туркестана»². Он пишет о том, что «в отличие от предыдущего периода, эта пресса умерла естественной смертью. Она не смогла привлечь на свою сторону главного читателя – население. Главная причина их остановки – банкротство»³.

Следует подчеркнуть, что перечисленные мусульманские издания были критично настроены по отношению к существующему царскому режиму, однако они не призывали народ к восстанию против него, причем не только из-за боязни репрессий стороны властей, но и исходя из своих политических убеждений. Японский историк Уяма пишет о том, что джадидские лидеры были поначалу исполнены патриотизма. Махмуд-ходжа Бехбуди написал статью «Нужен патриотизм», а Хамза создал стихотворение «Молитва за Его Величество». Джадиды поддерживали правительство, образовывали комитеты помощи призванным на тыловые работы. Убайдулла Ходжаев был связан с Государственной думой.

Однако царские власти не доверяли джадидам. Начальник Андижанского уезда Ферганской области полковник И.А. Бржезицкий писал 17 октября 1916 г. начальнику Туркестанского районного охранного отделения полковнику М.Н. Волкову о том, что он может дополнить список неблагонадежных «туземцев» из партии «Таракки парвар», и перечислял такого рода лиц⁴. Он отмечал, что лидерами политически неблагонадежных жителей являются А.А. Чайкин и Убайдулла Ходжаев. Они компрометируют чинов администрации и полиции.

¹ См.: Абдирашидов З. Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883–1917)... С. 31.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 40.

⁴ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 235–236.

Депутаты Государственной думы Тевкелев и Керенский, приехавшие в Туркестанский край, тесно общались с членами партии «Таракки парвар». Начальник Андижанского уезда предлагал закрыть газету «Туркестанский голос», которая порочит власть, а членов партии «Таракки парвар» и их последователей выслать за пределы Туркестанского края, иначе придется постоянно оправдываться за те инсинуации, которые публикует газета «Туркестанский голос». Но, судя по документам, это издание не призывало к бунтам против власти.

Исследователь Р. Назаров справедливо отмечает, что в начале XX в. в Средней Азии и Казахстане выходило в свет немало мусульманских изданий, однако они не проявили себя во время восстания 1916 г. в Туркестанском крае¹. Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков сообщал 4 ноября 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о том, что и прочие мусульманские «прогрессисты», например, «младосартовское» общество «Гайрат», не участвовали в восстании, однако за ними надо постоянно наблюдать². Джадиды принимали участие в работе местных комитетов, призванных помогать царским властям в реализации царского указа от 25 июня 1916 г. о призыве «мардикёров». Газета «Туркестанский голос» сообщала 1 сентября 1916 г. о том, что в августе туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин решил создавать такие «туземные» организации в уездах, приставствах и городах для координации действий с российскими властями по вопросам призыва «туземцев» на тыловые работы. Каждая волость выдвигала одного представителя в уездный, или приставской комитет. Из членов избирался председатель комитета. В городах тоже образовывались такого рода общественные учреждения. Все «туземные» комитеты принимали пожертвования в фонд призывников на тыловые работы вещами и деньгами³. Естественно, что наиболее крупная организация была создана в «столице» Туркестанского края. Джадиды принимали в этом деятельное участие. Местный публицист Андреев приводил в статье «В туземном городе», опубликованной в газете «Туркестанские ведомости», лозунги и призывы от имени «Ташкентского туземного комитета» к мусульманскому населению помогать «Государю Императору» и России в войне против ее врагов⁴.

В самом начале существования советской власти в Средней Азии большевик Г. Сафаров в 1921 г. считал джадидизм «прогрессивно-национальным движением»⁵. Он отмечал, что это «прогрессивное» движение оформилось еще до революции «под влиянием татарской и киргизской интеллигенции»⁶. Однако вскоре партийная точка зрения по отношению к джадидизму серьезным образом изменилась. Джадидов стали считать соглашателями и предателями революционного движения в Туркестане. В 1926 г. некто Г. Туркестанский критиковал книгу Ф. Ходжаева «Очерки революционного движения в Средней Азии», в которой тот признавал джадидов представителями буржуазных слоев, но считал их, тем не менее, лидерами освободительной революции в Туркестане. Туркестанский отрицал это обстоятельство, указывая, что Ф. Ходжаев непоследователен в оценке джадидского движения и джадидов, хотя сам в журнале «Историк-марксист» признавал, что джадиды «представляли из себя не политическую партию, а просто кучку фрондирующих, затронутых европейской

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 295.

² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 695–696.

³ Там же. С. 54–55.

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 678–679.

⁵ Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана)... С. 84.

⁶ Там же. С. 54.

культурой мелких буржуа»¹. Безусловно, не совсем прав был И.А. Стеценко, утверждавший, что «джадиды встретили враждебно революцию (1905–1907 гг. – *П.Л.*) и всемерно поддерживали царизм в ее подавлении»². Однако известно, что видный туркестанский джадид Махмуд-ходжа Бехбуди (1874–1919) в октябре 1906 г. в своей газете «Хуршид» («Солнце») злобно критиковал развязавших революцию «социалистов» и призывал население голосовать за кадетов. При этом «он призывал организовать чисто мусульманскую партию, опирающуюся не на класс, а на религию, которая будет стремиться к установлению конституционной монархии»³.

Совершенно ясно, что для туркестанских джадидов идеи первой русской революции были чужды, поскольку она не рассматривалась ими как «свое» движение. Точно так же считали и иные лидеры мусульманских кружков региона, не исключая и татар-«прогрессистов», считавших своим идеалом младотурецкую революцию в Османской империи. Простое «туземное» население всем своим поведением демонстрировало то, что идеи русской революции были ему чужды. Военный губернатор Самаркандской области генерал-майор С.Д. Гаскет писал в отчете о положении области в 1906 г. о том, что мусульманское население Туркестана во время революции «оставалось совершенно глухим к тем учениям европейского социализма, которые создали столь уродливое и дикое в своих проявлениях революционное движение в центрах России и на других окраинах»⁴. «Ревизор» Туркестанского края в 1908–1909 гг. сенатор К.К. Пален в черновиках своего отчета отмечал, что революция 1905–1907 гг. в Туркестане осуществлялась силами русских революционеров, а также бежавших с Кавказа, а местное мусульманское население своим безразличием помогло усмирить ее в крае⁵. И такое безразличие мусульман к событиям революции 1905–1907 гг. в Туркестане признавали даже в советской историографии⁶.

Вместе с тем, по нашему мнению, революционная «энергетика» России не могла не повлиять на «туземцев». В конце 1905 г. туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант Д.И. Субботич писал в Главный штаб: «Мною получены негласные сведения, что последние события внутри России вызывают сильное брожение в туземном населении»⁷. И его не могло не быть. Например, коренное население Закаспийской области не могло не отреагировать на тот факт, что 18 марта 1906 г. эсеры-боевики взорвали бомбу у дома начальника области генерал-лейтенанта В.А. Косаговского. Взрыв был такой силы, что его слышали во всех концах города, а одна из пушек, стоявших у губернаторского дома, взрывной волной была сдвинута с места. Слухи об этом событии еще долго обсуждались среди коренного населения. В среде российских жителей Туркестанского края тоже имели место политические стачки, манифестации, забастовки, бунты в частях Туркестанского военного округа, нападения «боевиков» на поезда с изъятием «денежной» почты, убийства чиновников, полицейских и т. п.⁸.

¹ Туркестанский Г. Кто такие были джадиды? Ташкент, 1926. С. 17.

² Стеценко И.А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX – начале XX в. (1870–1917 гг.). Душанбе, 1963. С. 123.

³ Jadidism // Central Asian Review. 1964. Vol. XII. № 1. P. 33.

⁴ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8 – Отчет военного губернатора Самаркандской области за 1906 год (датир. 18 сентября 1907 г.). Л. 83.

⁵ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 437 – Отчет Палена (черновик). Л. 39.

⁶ См. напр.: История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947. С. 384; История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ашхабад, 1957. С. 300; История Киргизской ССР. Т. 2. Фрунзе, 1986. С. 284; Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980. С. 80 и др.

⁷ Цит. по: История Киргизской ССР. Т. 2. Фрунзе: Наука, 1986. С. 272.

⁸ См. подробно об этом: Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам)... С. 196–213.

Это подтверждает наше мнение о влиянии революционных событий в России на умонастроения многомиллионной «туземной» массы в Туркестанском крае. На наш взгляд, революционная ситуация в России влияла на мусульман Средней Азии за счет всеобщего напряжения в стране и порождала у «туземцев» желание сбросить с себя иго чужой власти. Но такие настроения были неоднородны. Одни идеи были у националистов, другие – у панисламитов, третьи – у богатых, четвертые – у бедноты, составлявшей подавляющее большинство коренного населения. Если позже большевики и победили в Туркестане, то именно потому, что смогли расколоть местную умму по классовому признаку, в связи с чем мусульманская беднота пошла за ними, причем, однако, не без идейного и вооруженного понукания. И джадиды со всем своим идейным и интеллектуальным багажом, освободительными порывами не смогли никак противостоять этому.

В довоенный период (1920–1930-е гг.) джадидов порицали многие советские исследователи истории Средней Азии¹. Казахский историк С.Д. Асфендиаров в 1936 г. давал «партийную» оценку джадидскому движению, указывая, вместе с тем, что джадидов ненавидело реакционное духовенство, называло их «кафирами», подавляло новометодные школы². В послевоенной советской историографии джадиды изображались как мелкобуржуазные соглашатели с царизмом и противники советской власти в Средней Азии, отстаивавшие интересы Турции. Примером является мнение советских историков Узбекистана, указывавших, что правые джадиды в Туркестанском крае хотели оторвать регион от Российской империи и образовать «буржуазно-помещичье господство под эгидой Турции»³. Советский историк Б.Х. Эргашев отмечал, что и «левые» джадиды были не лучше. У них отсутствовала единая и целостная программа освободительной борьбы, в связи с чем они склонялись к политическим документам российских партий. Так, например, известный джадид М. Бехбуди писал 1 октября 1906 г. в газете «Хуршид» («Солнце») о том, что «только благодаря партии кадетов в России возможно обеспечение благополучия и спокойствия»⁴. На закате коммунистической идеологии в СССР, в условиях «гласности» и «демократизации» жизни в стране оценки джадидизма стали мягче. Тот же Эргашев писал: «Джадидизм стал ареной столкновения разных философий: для светских и духовных феодалов источником истины был калам, а для джадидов – позитивизм, в частности, в его ранней форме... Джадидская политика конца XIX в. отстаивала право человека на законодательно обеспеченную свободу слова, печати, совести, неприкосновенности личности... Вопреки традиционному исламу он (джадидизм. – П.Л.) стремился видоизменить некоторые законы мусульманской веры, приспособив религию к законам экономического прогресса»⁵. Он отмечал, что джадиды «мусульманскую религию предполагали сочетать с развивающейся европейской наукой». По его мнению, на пути джадидизма в Туркестане «стояли феодальная верхушка и мусульманское духовенство – оплот существующего строя»⁶.

В постсоветский период отношение историков к джадидам и их движению в дореволюционной Средней Азии изменилось как среди региональных ученых, так и среди их

¹ См.: *Галузо П.Г.* Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года)...; *Галузо П.Г.* Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими...; *Галузо П.Г.* Троцкистско-колониаторская концепция истории Туркестана – колонии: Сб. ст. М. – Ташкент, 1933; *Смирнов Н.А.* Современный ислам...; *Диманштейн С.* Революция и национальный вопрос. М., 1930 и др.

² *Асфендиаров С.Д.* Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане... С. 45.

³ История Узбекской ССР: С древнейших времен до наших дней... С. 171.

⁴ *Эргашев Б.Х.* К вопросу о младобухарцах // История СССР. 1990. № 4. С. 69, в прим.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Там же. С. 63.

российских коллег. Таджикский исследователь А.А. Шамолов пишет о том, что «в начале двадцатого столетия во главе с прогрессивной национальной интеллигенцией – “джадидами” национальная (таджикская. – *П.Л.*) идея получила новую форму – стремление к объединению лучших культурных традиций Востока и Запада. Джадида активно занимались разработкой административных методов форм правления, теорией и практикой государственности. Они планировали поэтапное проведение реформ»¹. Таджикский академик-историк Р.М. Масов указывает, что «джадида в большинстве своем были сторонниками пантюркизма и выполняли социальный заказ своих идеологов из Турции и частично России»². При этом он не раз и не два признает тот факт, что среди пантюркистов было немало чистокровных «индо-арийцев» – таджиков. Например, он пишет о том, что «наиболее известные в то время (в 1920-х гг. – *П.Л.*) и в центре руководители-таджики, такие как Абдулло Рахимбаев, Абдукадыр Мухитдинов, Файзулло Ходжаев, Чинор Иманов и другие, в прошлом стояли на позициях *пантюркизма* и без колебаний перешли на сторону панузбекизма, защищая чуждые национально-государственные интересы»³ (курсив наш. – *П.Л.*). Небезынтересно знать, что Абдулло Рахимбаев был секретарем ЦК Бухарской компартии, Абдукадыр Мухитдинов – председателем ревкома Бухарской республики, Файзулло Ходжаев – председателем правительства Бухарской народной советской республики, Абдурауф Фитрат – назиром (министром) народного просвещения. Их переход на позиции «панузбекизма» обуславливался тем, что Таджикистан в качестве автономной республики входил в состав Узбекской ССР. Это было тем более удивительно, что упоминавшийся выше большевик Г. Сафаров писал: «Узбекская интеллигенция в силу исторических условий – крепости религиозно-культурной традиции в среде узбеков, бывших в старое время насадителями и оплотом ислама в Туркестане, – лишь постепенно втягивалась в это культурно-национальное движение»⁴.

Зато нынешние узбекские историки утверждают о том, что именно их соплеменники – «джадида планировали поэтапное проведение реформ, достижение прогресса только мирным, парламентским путем. Учитывая менталитет узбекского народа, его душевную щедрость, выдержку и терпение, они стремились взять власть в свои руки бескровным путем»⁵. По их мнению, «джадидизм, возникший как просветительское движение в момент, когда решалась судьба Туркестана, вышел на политическую арену в качестве силы, консолидирующей весь узбекский народ»⁶. Однако это утверждение можно подвергнуть сомнению, поскольку абсолютное большинство мусульман перед революцией мало знало о джадидах и не разделяло их воззрений, консолидируясь вокруг своего традиционного духовного наставника – исламского духовенства. Это первое. Второе: если джадида могли стать консолидаторами народа, то почему они не смогли воспрепятствовать утверждению в Средней Азии советской власти, а многие их лидеры перебежали на ее сторону? Третье: узбекские историки безапелляционно заявляют о том, что «особенность национальной идеи джадида позднее приобрела мировое значение, получив дальнейшее развитие в деятельности руководителей национально-освободительных движений Индии и других стран»⁷. Выходит,

¹ Шамолов А.А. Национальная идея или идеология национальной независимости Таджикистана // Проблемы формирования национальной идеи в Республике Таджикистан: Мат-лы науч.-практ. конф., г. Душанбе, 18–19 апреля 2006 г. Душанбе, 2007. С. 11.

² Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция... С. 61.

³ Там же. С. 85.

⁴ Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана)... С. 54.

⁵ Алимова Д.А., Каримов Р.Х., Акилов К.А. и др. История Узбекистана (1917–1991): Уч. / Д.А. Алимова, Р.Х. Каримов, К.А. Акилов, К.К. Раджабов, И.А. Алимов, А.А. Маврулов. Ташкент, 2005. С. 8.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Алимова Д.А., Каримов Р.Х., Акилов К.А. и др. История Узбекистана (1917–1991)... С. 8.

что вождь индийского освободительного движения Махатма Ганди учился у джадидов. Поразительно! Более того, некто Р.А. Набиев, выступая на научной конференции в сентябре 1997 г. (г. Москва), договорился до признания того, что «джадидствующий ислам конца прошлого столетия мог бы развиваться накануне третьего тысячелетия, обретя новое качество и содержание»¹. Создается впечатление, что Набиев не имеет понятия о «джадидствующем исламе» XIX в., заключавшемся в пропаганде новометодного образования мусульман, которое, в сущностном плане, было утверждено в Средней Азии в советский период, и вряд ли можно сравнивать паллиативный джадидизм с достижениями советского образования, считающегося по сей день лучшим в мире. Современный узбекистанский историк Ш.О. Мадаева пишет о том, что «существенное различие джадидов от просветителей XIX века, таких как Дилшод Барно, Анбар Атын, Муками, Фуркат, было в том, что они видели спасение края не в подражании к инаковой культуре и лояльности к имперским властям, а имели строгую цель, под которой ведется политико-экономическое и духовное обновление Туркестана путем самоорганизации»². Весьма странное по смыслу и стилистике утверждение, особенно во второй своей части. Считается общепризнанным тот факт, что джадиды как раз и проповедовали лояльность к царским властям, тем более что, как утверждают вышеупомянутые узбекские «специалисты», «новометодники» планировали достижение прогресса только мирным, парламентским образом, стремились взять власть в свои руки бескровным путем. О джадидах пишет узбекский исследователь Р.М. Абдуллаев, считая их звеном в становлении и развитии многопартийной системы Узбекистана в 1905–1907 гг.³ Он отмечает, что еще до восстания 1916 г. в Туркестанском крае оформились национальные политические организации: «Тарбия йи аторол», «Падаркуш», «Умид», «Насири-Маориф», «Баракат», «Гайрат», «Таракки парвар» и др.⁴ Они состояли в основном из молодежи. Узбекский исследователь Д.А. Алимова характеризует деятельность джадидов в Средней Азии весьма положительно⁵. Узбекский историк Н. Каримов считает, что именно во время восстания 1916 г. «джадиды в полном смысле слова стали выразителями интересов угнетенного народа»⁶. Это вызывает большие сомнения, так как они проповедовали в основном смирение с режимом и лояльность по отношению к нему. Р. Абдуллаев пишет о том, что туркестанские джадиды Махмудходжа Бехбуди, Убайдулла Ходжаев, Абдурауф Фитрат, Мунаввар-кары Абдурашидханов, Обиджан Махмуд, Абдулла Авлоний, Шаислам Шоахметов, Исхакхан Ибрат и другие не были сторонниками выступлений против власти, считая, что они изначально обречены на поражение⁷. В июле 1916 г. Убайдулла Ходжаев, редактор газеты «Туркестанский голос» А.А. Чайкин и Мустафа Чокаев прибыли, как пишет Р. Абдуллаев, «в Петербург» (в 1916 г. – Петроград. – *П.Л.*) и просили Государственную думу прислать своих представителей в Туркестанский край, где уже разгоралось восстание против русской власти. 29 июля 1916 г., по словам Р. Абдуллаева, «в Петербурге» по этому вопросу состоялось совещание в Государственной думе под председательством М.В. Родзянко. Совещание решило послать в Туркестанский край депутатов Государственной думы Тевкелева и Керенского. Те прибыли в край

¹ *Набиев Р.А.* Джадидский ислам мог бы развиваться накануне XXI века, но в новом качестве // Мусульмане России накануне XXI века: Мат-лы науч. конф. (Москва, 6 сентября 1997 г.). М., 1998. С. 33.

² *Мадаева Ш.О.* Формирование религиозной идентичности традиционного общества Узбекистана: исторический аспект... С. 269.

³ Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: Сб. ст. ... С. 100–107.

⁴ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 280.

⁵ Там же. С. 178–181.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же. С. 278.

в августе 1916 г., их сопровождали Ш. Мухамедиаров, М. Чокаев и У. Ходжаев. Кстати, Убайдулла Ходжаев руководил в то время Ташкентским комитетом по набору на тыловые работы. Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков писал в Департамент полиции МВД о том, что он «неустанно сопровождал Керенского в поездке по Туркестанскому краю»¹. Р. Абдуллаев возражает против тезиса советской историографии о предательской роли джадидов. По его мнению, они сделали много для смягчения отношения царских властей к восставшим в 1916 г., именно они вывели вопрос о восстании в Туркестанском крае на общероссийское обсуждение в Государственной думе.

Таджикский исследователь Н. Гафуров пишет о том, что туркестанские джадиды по-разному отнеслись к призыву «туземцев» Туркестана на тыловые работы. Одни были сразу за его осуществление, а другие постепенно становились его противниками². Джадидская газета «Садои Туркестон» писала: «Горе русского государства – наше горе. И мы, разделяя его, должны вести себя так, чтобы это было приятно нашему народу. Правительство – отец народа. Его сыновья должны заботиться о нем»³. Один из лидеров туркестанских джадидов Махмуд-ходжа Бехбуди во время первой мировой войны вел агитационную работу среди коренного населения края, призывая исполнить царский указ и помочь родине. Джадиды сочиняли патриотические стихи, песни, устраивали верноподданнические шествия. Гафуров пишет: «*В целом отношение джадидов к восстанию 1916 года было отрицательным*»⁴ (курсив наш. – П.Л.). По его мнению, такое отношение объяснялось тем, что «туземная» буржуазия Средней Азии успела уже прочно врасти в систему российского капитализма. «Туркестанская туземная газета» публиковала патриотические статьи, призывавшие пойти на защиту своего отечества. Известный джадидский поэт Тавалло (Тулаган Ходжамёров) 21 августа 1916 г. опубликовал в указанной газете стихотворение в честь А.Н. Куропаткина, прибывшего в Ташкент на новую для него должность туркестанского генерал-губернатора. Редактор джадидского журнала «Аль-Ислох» Абдурахман Сайех советовал читателям исполнить царский указ о мобилизации на тыловые работы. 15 августа 1916 г. в Ташкенте был создан Комитет по призыву «туземцев» на тыловые работы, который возглавил джадид Убайдулла Ходжаев. В Комитет вошел и его соратник Мунаввар-кары. В сентябре 1916 г. в Ташкенте состоялось торжественное шествие учеников джадидских школ с песнями, речевками, лозунгами и т. п. Поэт-джадид Завки решительно выступил против этого. Джадид Хамза Хакимзаде Ниязи писал: «Баи, шейхи, улемы, все ишаны и мингбаши – все одной веревкой связаны, совесть продали за гроши»⁵. Такие же мотивы звучали и в других стихах. Джадидский деятель Сироджидин Махдум Сыдки подробно описывал плохую жизнь тыловиков на чужбине. Т. Рыскулов отмечал, что джадиды не пошли за восставшими 1916 г., так как они выражали интересы национальной буржуазии⁶. Гафуров пишет о том, что позиция джадидов во время противоречивого 1916 года была тоже противоречивой – одни из них осуждали политику царского правительства, а другие призывали исполнить царский указ о мобилизации. Он указывает, что «джадиды не были вовлечены в восстание»⁷. Вместе с тем в итоге он приходит к выводу о том, что «туркестанские джадиды в непростых условиях военного времени

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 279.

² Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 41.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 44.

⁶ Там же. С. 45–46.

⁷ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 202.

целенаправленно старались вывести движение сопротивления на иной, более отвечающий национальным интересам и современным историческим реалиям, уровень»¹.

Постсоветская российская историография оценивает движение джадидов Средней Азии гораздо менее критично, нежели советская². Видные российские туркестановеды профессора Н.Е. Бекмаханова и С.Н. Абашин пишут: «Говоря о джадидском движении в Центральной Азии, следует еще раз подчеркнуть, что оно не имело какой-то единой политической платформы и объединяло представителей самых разных пристрастий и политических направлений. Во взглядах джадидов можно найти элементы мусульманского реформаторства и национализма, социалистические, либеральные и весьма консервативные, даже пуританские идеи. Среди них были как сторонники радикальных преобразований, в том числе независимости Центральной Азии, так и сторонники сохранения внутригосударственных отношений с Россией»³. Вместе с тем они отмечают, что «радикальные элементы среди джадидов разделяли идеи пантюркизма, выступали за отделение Туркестана от России, образование государства под эгидой Турции»⁴.

Зарубежная периода советского времени историография джадидизма в Средней Азии относила указанное движение к освободительным и антицаристским. Так считала, например, известная французская исследовательница Туркестана Х.К. д'Анкокс⁵. Западные исследователи А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькаже писали о том, что «в Туркестане джадиды смотрели за границы империи и, особенно, в сторону Турции»⁶. Они отмечали, что в Центральной Азии «джадиды представляли революционный элемент в подлинном смысле, одинаково противостояли как российским властям, так и мусульманскому духовенству»⁷. Американский исследователь Э.Д. Сокол пишет: «Джадиды представляли левое крыло панисламистов в российской Средней Азии. Они вышли из рядов мелких и средних торговцев и интеллектуального класса при периодической поддержке крупных торговцев»⁸. Джадиды имели в Туркестанском крае две организации: «Молодая партия» в Коканде (50 членов) и группа в Старом Ташкенте. Среди их членов были умеренные и радикальные деятели. Так, в 1908 г. лидер одной из джадидских групп Абдулвахит Кариев призывал к вооруженной борьбе против «проклятых» русских. Сокол указывает, что «восстание застало как джадидов, так и панисламистов врасплох, и они в нем не участвовали»⁹. Современная западная историография в оценке джадидизма во многом солидаризуется с тем, что о них пишут националистически ангажированные историки из стран так называемой «Центральной Азии»¹⁰.

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 202.

² См., напр.: *Белоглазов А.В.* Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань, 2013. С. 96; *Ланда Р.Г.* Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 66.

³ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 282.

⁴ Там же. С. 280.

⁵ *Д'Анкокс Э.К.* Николай II. Расстрелянная преемственность / пер. с франц. М. 2006. С. 276.

⁶ *Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay C.* Islam in the Soviet Union... P. 47.

⁷ Там же. P. 48.

⁸ *Сокол Э.Д.* Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 69.

⁹ Там же. С. 150.

¹⁰ См.: *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London, 2003; *Central Asia. 130 years of Russian Dominance: A historical overview* / Ed. by E.A. Allworth. London, 1994; *Crews R.* For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA; London: Harvard Univ. Press. 2006; *Geiss P.G.* Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Order in Change. London; NY: Routledge Curzon. 2003; *Morrison A.* Russian Rule in Turkestan and the Example of British India. 1860–1917 // *Slavonic and East European Review*. 2006. Vol. 84. № 4; *Weinerman E.* The Polemics between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russian's Role in the History of the Region // *Slavonic and East European Review*. 1993. Vol. 71. № 3 и др.

Совершенно естественно, что есть необходимость познакомить читателей с наиболее известными джадидами Средней Азии начала XX в.

Ахмет-Заки Валидов (Ахмед Зеки Велиди Тоган) (1890–1970) был выходцем из семьи указного муллы. Учился в медресе отца, а потом в медресе дяди. Воспитывался в духе суфизма. В 1908 г. сбежал из дому в Казань, где учился в медресе «Касимийя». В 1913 г. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете командировало его в Туркестан – в Ферганскую область. Вернувшись из Ферганы, в 1914 г. он преподавал в казанском медресе «Усмания» и готовился сдавать экстерном экзамены за курс гимназии, чтобы поступить в Казанский университет. В августе 1917 г. на «Демократическом совещании» в Москве был делегатом от Туркестанского краевого мусульманского совета¹. Хотел создать Башкирскую автономию после Февральской революции, но Октябрьская революция 1917 г. ему в том помешала. Он кинулся в Туркестан, чтобы здесь реализовать свои пантюркистские и панисламистские планы. Ярый враг всего русского и советского, участвовал в организации басмаческого движения в Средней Азии. Таджикский академик-историк Р.М. Масов отмечает, что «о его жестокости ходили легенды: Валидов лично вырезал красные звезды на телах красноармейцев и насиловал русских женщин»². После разгрома басмачества бежал в Турцию, где принял имя Ахмед Зеки Валиди Тоган. Небезынтересно, что в национальных историографиях стран «Центральной Азии» он изображается теперь героем и поборником прав народа. Однако он все-таки не был коренным туркестанцем.

Из местных жителей одним из первых джадидов в Туркестане был Махмуд-ходжа Бехбуди (1874–1919). Он был выходцем из семьи казия селения Бахши-тепе близ Самарканда. Бехбуди получил образование в медресе, стал писарем, а потом и казием. В 1899 г. он совершил поездку в Стамбул, Каир и Мекку, где интересовался реформами народного образования, а также побывал в Петербурге, Москве, Казани и Оренбурге. Вернувшись, он выступил за изменения в жизни мусульман «Центральной Азии», написал несколько учебников для новометодных школ, редактировал газету «Самарканд» и журнал «Ойна» («Зеркало»), где публиковал статьи публицистического характера. В 1913 гг. он открыл в Самарканде книжный магазин для мусульман, где можно было приобрести новую литературу из разных стран исламского мира. С Бехбуди в это время активно сотрудничали такие самаркандские джадиды, как Адбулкадыр Шакури, Сайид Ахмад Саддики, Хаджи Муин и др.

Другим «старым» джадидом Туркестана считается житель г. Ташкента Мунаввар-кары Абдурашидханов (1878–1931). Он был из «духовной» аристократии – его отец и братья были мударрисами. Учился в ташкентских и бухарских медресе. Сблизился с татарскими джадидами. В 1901 г. открыл новометодный мектеб в Ташкенте, который приобрел широкую известность в Туркестане. Он сам писал учебники для своих подопечных. Издавал газеты «Хуршид» («Солнце») и «Садаи Туркестан» («Голос Туркестана»), в которых изобличал пьянство, проституцию, гомосексуализм, большие ритуальные расходы. Мунаввар-кары критиковал не только власти, но и кадимистское духовенство, ничего не делавшее, по его мнению, для борьбы с невежеством и пороками. Известно, что он способствовал развитию местного «туземного» театра.

Видным представителем «политического» джадидизма в Туркестанском крае был Убайдулла Ходжаев (1886–1942). Он родился в Ташкенте, где окончил русско-туземную школу. Учился в Саратове, получил высшее юридическое образование. В 1913 г. вернулся в Ташкент, где работал адвокатом, издавал вместе с Мунавваром-кары газету

¹ См.: Исхаков С.М. А. З. Валидов: пребывание у власти // Отечественная история. 1997. № 6. С. 55–75.

² Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция... С. 42.

«Садои Туркестан» («Голос Туркестана»). В 1914 г. Ходжаев был избран «гласным» Ташкентской городской думы, в которой сблизился с известным эсером В.А. Чайкиным. Но, критикуя власть и ее порядки, он неизменно демонстрировал лояльность России и подчеркивал ее роль в процветании Туркестанского края. В 1914 г. Ходжаев заявил о поддержке России в первой мировой войне и ее победы в ней. Осведомитель Туркестанского районного охранного отделения «Шахриябский» сообщал 30 октября 1916 г. о том, что волостные управители и городские «пятидесятники» собирают с каждого двора по 200–500 руб. якобы на содержание призванных на тыловые работы, а на самом деле деньги идут в «туземный комитет» Убайдулле Ходжаеву¹. Он отмечал, что Убайдулла Ходжаев, уроженец Ташкента, окончил русско-туземную школу, после чего служил переводчиком у мирового судьи города Ташкента, которого перевели в Саратов и он взял с собой Ходжаева. В Саратове Убайдулла вступил в сожительство с богатой вдовой, с которой потом приехал в Ташкент. 11 ноября 1916 г. «Шахриябский» писал в Туркестанское охранное отделение о том, что ташкентские «сарты прогрессивного направления» обрадованы сообщением о том, что туркестанский генерал-губернатор запретил Убайдулле Ходжаеву проживать в пределах Туркестанского края². Военный губернатор Ферганской области полковник П.П. Иванов писал 12 декабря 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о вредной деятельности подпольной партии «Таракки парвар», которая прикрывается панисламизмом, но на самом деле занимается шантажом, подкупом, интригами и т. п. с целью наживы, и указывал на антиправительственные настроения и действия А. Чайкина, Убайдуллы Ходжаева, а также присяжного поверенного Ильи Яковлевича Шапиро³.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что наиболее образованная и политически зрелая часть мусульманского социума Средней Азии – как кочевого, так и оседлого – отнеслась негативно к вооруженному восстанию коренного населения региона в 1916 г. против царской власти и русского населения. Однако мы не склонны относить такое ее поведение к «банальному» (в интерпретации советской историографии) классовому сотрудничеству с царскими властями Туркестана, реализации своекорыстных интересов, боязни властных репрессий и т. п. «Кочевая» и «оседлая» интеллигенция, наиболее здравомыслящие представители родоплеменной верхушки и богатых сартов прекрасно понимали, что восстание простого народа против еще сильного противника – царизма обречено. Вместе с тем некоторые из них примыкали к повстанцам, движимые сочувствием к их нуждам и бедам, повинувшись своему традиционному ролевому статусу в людских сообществах, что более всего относилось к кочевому миру Средней Азии. У нас нет никаких оснований считать роль джадидов в событиях 1916 г. в регионе определяющей и социально значимой. Они представляли собой малочисленную группу местного мусульманства, и их влияние на региональные процессы было слабым. Но они достойны упоминания потому, что являли собой наиболее прогрессивную часть исламского социума Туркестана, пробуждавшегося от многовековой политической спячки. Однако джадидское движение не было единым и целостным в партийном и идейном отношении, поэтому оно колебалось между программами российских партий и идеологическими установками турецких «прогрессистов». Неудивительно, что после российских революций 1917 г. они разделились на сторонников республиканской России и приверженцев младотурецкого движения в Османской империи.

¹ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов... С. 246.

² Там же. С. 247–248.

³ Там же. С. 240.

ГЛАВА 9

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕСТНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА

Переселение из «внутренних» регионов России в Среднюю Азию, как правило, изображается как миграция обывателей в поисках лучшей жизни, главным образом земли. Безусловно, в большинстве случаев так оно и было. Однако процесс был глубже по своему содержанию. В Российской империи появилось новое пространство межцивилизационного взаимодействия пришлого и коренного населения, которое до Туркестана было уже опробовано в Поволжье, Башкирии, Сибири, на Кавказе и др. В каждом регионе такое взаимодействие разворачивалось в особых обстоятельствах. В Сибири среди аборигенов региона преобладала патриархальная языческая цивилизация, на Кавказе, кроме мусульман, было много христиан – грузин, армян, осетин и др., имевших конфессионально родственную с российской цивилизацию. Реальное «столкновение цивилизаций», о котором писал С. Хантингтон¹, имело место только в регионах Российской империи с мусульманским населением. Концепция С. Хантингтона «модель грядущего конфликта», источником которого станут не идеология и экономика, а культура, получила в Туркестане специфическую рефлексию. Естественно, что наиболее выразительным конфликт цивилизаций был в Средней Азии, где мусульманство во все времена российского присутствия в регионе составляло около 95 % жителей, то есть фактически абсолютное большинство населения. Однако оно тоже имело свою специфику в «кочевых» районах Туркестанского края. Американский историк Э.Д. Сокол пишет о пережитках язычества у кочевников Средней Азии, в связи с чем указывает, что «муллы у них не пользовались большим авторитетом»². Из этого следует, что номады региона не были преданными клевретами исламской религии и цивилизации. По нашему убеждению, обращение к теме межцивилизационных отношений в Русском Туркестане применительно к восстанию коренного населения края против царизма в 1916 г. является не только необходимым, но и обязательным, так как оно во многом было их следствием серьезных диспропорций в такого рода взаимодействиях, связях и контактах.

Цивилизационные усилия колониальных держав в истории были различными. Испанские и португальские культуртрегеры с помощью католической церкви приобщали «туземцев» к своей цивилизации крайне жестоко, не останавливаясь перед физическим истреблением целых племен и народов. Французы действовали в своих колониях мягче, однако тоже не гнушались применением силы. Э.Д. Сокол пишет: «Британцы приходили в качестве управляющих, администраторов и торговцев, а в остальных областях они не вступали в конкуренцию с местными жителями»³. Действительно, в любом лимитрофе Британской империи англичанин, даже пьянчужка, имел статус выше любого самого знатного и богатого «туземца» только потому, что он был коренным уроженцем метрополии. Сокол отмечает: «Появление

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России // *Общественные науки и современность*. 1995. № 3. С. 133–136; Столкновение цивилизаций: перспективы и альтернативы: Мат-лы круглого стола // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4. С. 131–142.

² Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 17.

³ Там же. С. 33.

русских в Туркестане значительно отличалось от появления британцев в Индии... русских в Туркестане можно было встретить во всей гамме профессий – от правящих классов до техничек уборных и дворников. Таким образом, они составляли конкуренцию местным жителям на рынке труда на каждом уровне»¹. В Средней Азии царские власти рассматривали богатых и знатных коренных жителей как людей, заслуживавших большего уважения, чем русские бедняки или мелкие чиновники. Они получали офицерские звания, вплоть до генеральских, гражданские «классные» чины, включая ранг действительного статского советника, ордена, медали, единовременные денежные награды, пенсии и т. п. Великий русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин не без сарказма писал: «Цивилизирующее значение России в истории развития человечества всеми учебниками статистики поставлено на таком незыблемом основании, что самое щекотливое самолюбие должно успокоиться и сказать себе, что далее этого идти невозможно»². Многие тоже сомневались в цивилизаторских возможностях царской России. Исследователь В. Булдаков пишет о том, что «сами русские воспринимались на Западе (начиная с Галиции) как “азиатские орды”»³. Э.Д. Сокол указывает: «По правде говоря, русские не подходили для цивилизаторской роли в Азии. Слишком часто представителями западной культуры была лишь небольшая прослойка из высшего сословия. Остальная часть русского населения в культурном плане в лучшем случае немногим превосходила коренные народы Азиатской России, в то время как продвижение из России в Среднюю Азию способствовало смешению народов». По его мнению, Россия, «в отличие от Англии, не оказывала сильного влияния в интеллектуальном или культурном плане на Азию»⁴. Другой зарубежный исследователь Г. Коэн отмечал, что «российский царский режим был сам по себе слишком азиатским для того, чтобы оказывать на нее влияние»⁵.

Однако, на наш взгляд, у России были свои цивилизационные преимущества по отношению к влиянию на местный социум Средней Азии и Казахстана. Россия, прошедшая через два с половиной столетия монголо-татарского ига, сочетала в себе черты европейской и азиатской цивилизации, являя то, что стало именоваться «евразийством». Вместе с тем, она всегда оставалась самой собой. Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова академик В.А. Садовничий приводит любопытную притчу: император Александр I спрашивал М.И. Кутузова: «Но разве мы не Европа?». Кутузов отвечал: «Нет, не Европа». Император продолжал: «А кто же мы? Может, Азия?» «Нет, мы не Азия», – говорил фельдмаршал. «Так кто же мы все-таки?», – горячился царь. И услышал в ответ: «Мы, Ваше Величество, – Россия»⁶. Поэтому последняя была родственна и Западу – Европе, и Востоку – Азии. Вряд ли кто станет серьезным образом оспаривать тот факт, что российская культура одинаково высоко ценилась и продолжает цениться как в Европе и Америке, так и в Азии – Китае, Японии, Корее и др. Безусловно, в дороссийской Средней Азии о ней ничего не знали, однако, как бы там ни было, но межцивилизационное взаимодействие между пришлым и коренным населением региона, включая мусульманские ханства, всё же имело во многих местах повседневный характер. Сводить его к религиозному противостоянию российской

¹ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 33.

² Господа-ташкентцы // Сочинения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Т. 4. СПб., 1889. С. 29.

³ Булдаков В. Первая мировая война и российская ориентофобия 1914–1916 гг. // Первая мировая война и Азербайджан: Мат-лы Междунар. науч. конф. // Труды Института истории НАН Азербайджана. Спец. вып. Баку, 1914. С. 190.

⁴ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 183.

⁵ Там же.

⁶ Садовничий В.А. Высшая школа России: традиции и современность // Безопасность Евразии. 2003. № 2 (12). С. 198–199.

христианской и туркестанской исламской цивилизаций, конечно, можно, но это непродуктивно. Попробуем обосновать это обстоятельство.

В системе межцивилизационного взаимодействия между коренным и пришлым населением Туркестанского края важное место занимали межконфессиональные отношения. Значимость религиозного компонента межцивилизационных связей вряд ли кто станет отрицать серьезным образом. Как это не покажется странным, но мусульмане построили немало православных храмов в Средней Азии, а в сооружении некоторых принимали участие как субподрядчики. Так, в 1890-х гг. православный храм в г. Аулие-Ата построил мусульманин Каримбай Муратбаев, выигравший торги в Сыр-Дарьинском областном правлении и потеснивший православных подрядчиков Н. Чекмезова и Т. Затыльниковца. На рубеже XIX–XX вв. мусульмане построили православные храмы в с. Богородицком Ташкентского уезда, с. Корниловском Чимкентского уезда и др.¹. В 1895 г. перс-мусульманин Таги-ходжа Гусейн-оглы перенес православный храм из асхабадской цитадели на городскую территорию, пожертвовав причитавшиеся ему за это деньги на оформление церкви². В 1894 г. при освящении новопостроенного православного храма в г. Ура-Тюбе местные мусульмане пожертвовали для его внутреннего оформления два ковра. «Туркестанские ведомости» расценили это событие как «выдающийся факт»³. В 1905 г. мусульмане-купцы г. Ташкента пожертвовали на строительство православного кафедрального собора тысячу рублей⁴. В 1913 г. известный в Средней Азии предприниматель Сеидкарим Сеидазимбаев пожертвовал на эти же цели 500 руб.⁵. В том же году по случаю 300-летия дома Романовых ташкентские купцы-мусульмане Сеидгани Сеидазибаев и Мухаммед Яушев пожертвовали по 5 тыс. руб. на учреждение православной богадельни в Петербурге⁶. В начале 1870-х гг. первый туркестанского производства колокол для «госпитальной» церкви в Ташкенте отлил мусульманин, причем, как свидетельствовал М.А. Терентьев, «довольно изрядно»⁷.

Может также показаться странным, но в немалочисленных ограблениях православных храмов в Средней Азии лишь в одном случае, в 1914 г. в Джизаке, был замешан мусульманин, но не «туркестанец», а персидский подданный, действовавший к тому же вкупе с православным соучастником⁸. В «коренных» областях Туркестанского края «твердые» в вере Пророка мусульмане, судя по документам, не совершили ни одного акта вандализма на христианских кладбищах. Не страх перед властями, а суеверное уважение к любым захоронениям вообще удерживало их от этого. Зато кочевники Семиреченской области, поверхностно усвоившие догматику ислама, не чурались таких актов, особенно во время событий 1916 г. Среди многих сотен дел, связанных с «богохулением» и порицанием христианской веры, оскорблением «царствующего Государя Императора и его августейшей фамилии», редко можно встретить имя «твердого» в вере мусульманина, но часто – христианина и мусульманина-кочевника. Однако пальму первенства здесь прочно удерживали

¹ Туркестанские ведомости. 1909. № 272; 1911. № 230.

² ЦГА Тур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 8419 – О принятии от персидского подданного Таги-ходжа Гусейн-оглы материалов на 234 руб. в дар на устройство церкви в Асхабаде. Л. 1.

³ Туркестанские ведомости. 1894. № 13. 20 февраля.

⁴ Туркестанские ведомости. 1905. № 15. 26 января.

⁵ Туркестанские ведомости. 1913. № 44. 26 февраля.

⁶ Мусульманин: Научно-популярный, научно-литературный и общественный журнал. 1911. № 6–7. С. 28.

⁷ Терентьев М.А. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. № 11. С. 172.

⁸ Туркестанские ведомости. 1914. № 11. 15 января.

сами христиане. Православие и его духовенство хулили как сами его приверженцы, так и сектанты, особенно баптисты, и амударьинские старообрядцы, и др.¹

Таким образом, было бы несправедливым полагать, что большинство мусульманского населения Туркестана, по-разному относившееся к российскому присутствию в регионе, усматривало истинный корень зла в самой религии пришельцев и видело в христианских храмах объект большей неприязни, чем в административных учреждениях или воинских казармах. Безусловно, оно связывало ее с существующими порядками, но вряд ли отождествляло с ними. Мусульмане понимали, что христианская религия, как и ислам, ставит перед людьми в значительной мере равноценные нравственные задачи. Коран порицал христиан, но относил их к «ахль-аль-Китаб» – «людям Писания» и допускал возможность сотрудничества мусульман с ними. Известный исламский просветитель Средней Азии XIX в. Ахмад Дониш, к мнению которого мусульмане прислушивались, писал: «Хотя русские противоположны нам по религии, но в дружбе, искренности, человечности они превыше всех»². Анализ документов показывает, что выступления мусульман Средней Азии носили прежде всего антиправительственный – антироссийский, а не антихристианский характер. Участники Андижанского восстания 1898 г. во время следствия высказали немало упреков в адрес российских порядков, разложивших мусульманскую нравственность, но не возлагали вины на православие и прочие христианские конфессии. Таким образом, ярко выраженной антихристианской, в том числе и антиправославной окраски мусульманские выступления в Средней Азии, как правило, не имели. Между тем в рассматриваемый период в стране имели место иные формы выступлений, в которых антироссийская направленность увязывалась с религиозным фактором и в значительной мере подпитывалась им. Например, «цивилизованные» поляки выступали против российской государственности в Туркестане под знаменами католической религии, допуская оскорбительные действия в адрес православных богослужебных учреждений, священников и верующих региона, о чем нам приходилось подробно писать³.

Следовательно, на этноконфессиональном уровне в Туркестанском крае во взаимоотношениях мусульман и христиан, приверженцев чуждых друг другу религий и цивилизаций, не было перманентно острой, а главное, сугубо религиозной агрессивности. Документы свидетельствуют о том, что конфликты между мусульманами и христианами чаще всего возникали на сугубо житейской почве – дележ земли, торговых мест, воды для полива, ремонт ирригационных сооружений, сенокосы и т. п. Как правило, они разрешались без каких-либо эксцессов. Иногда в них были повинны сами власти. Так, в 1912 г. семиреченская администрация запретила базарную торговлю во время православных, так называемых двенадцатых праздников. Жалобы мусульман в краевую администрацию не имели успеха. Мусульмане были, естественно, недовольны таким положением, но не прибегли к открытому выступлению. Характерно, что в жалобах они обвиняли не православную религию, имеющую столько «неудобных» для базарной торговли праздников, а неразумные решения царских властей⁴. В «коренных» областях Туркестанского края власти изначально поступали в таких вопросах достаточно осторожно. Еще во времена Кауфмана здесь были выработаны правила торговли во время мусульманских и христианских праздников.

¹ См. напр.: фонды ЦГА Узб.: И-1, И-17, И-18, И-19 и др.; ЦГА Тур.: И-1. Оп. 2; РГИА: Ф. 1405 и др.

² Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России... С. 66.

³ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.)... С. 51–58.

⁴ ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 25150 – По прошению общества торгующих мусульман с. Зайцевского о разрешении торговать на базаре в праздничные дни (13 марта – 28 марта 1913). Л. 4 об.

А в 1909 г. Ташкентская городская дума создала специальную русско-мусульманскую комиссию, которая установила, что работодатели, эксплуатировавшие труд «иноверцев», должны были предоставлять последним во время их религиозных праздников положенное число дней-«отгулов» с сохранением содержания¹. Это решение имело большое значение для укрепления взаимопонимания между мусульманами и христианами Туркестана. На уровне бытовых отношений контакты между ними складывались, как правило, без конфессиональных предрассудков. В смешанных селениях они часто оказывали друг другу помощь, и даже в строительстве богослужебных учреждений. Так, например, православные жители селения Покровского Пржевальского уезда составили специальный «приговор» о передаче местным мусульманам кирпичной ограды сельского правления для сооружения мечети². Однако начальник уезда полковник В.А. Иванов счел общественный приговор незаконным и добивался его отмены в Семиреченском областном правлении. А.Н. Куропаткин рассказывал англичанам Ф. Скрайну и Е. Россу о том, что в ноябре 1897 г. туркмены-мусульмане обнаружили на дороге православного переселенца, потерявшего сознание от истощения сил. Они «привели его в чувство и на верблюде доставили в Асхабадскую городскую больницу»³. Такого же рода случаи имели место и в других областях Туркестанского края. Из всего этого следует, что этноконфессиональный фактор в межцивилизационном взаимодействии между коренным и пришлым населением не мог стать действительной причиной и даже поводом к восстанию 1916 г. Реально противостояли друг другу не две великие мировые религии, а два исторических типа культурно-хозяйственной жизни, каждый из которых имел свою тысячелетнюю историю как специфическую цивилизацию.

Изучая проблемы цивилизационной политики царской России в Средней Азии, мы далеки от мысли о том, что она носила односторонний характер, что только русские влияли на многотысячелетнюю цивилизацию коренных народов региона. Напротив, мы полагаем, что в основе процесса лежало обоюдное межцивилизационное взаимодействие пришлых этносов с «туземными». То есть мы вправе говорить о «возвратном» влиянии цивилизации народов Средней Азии на культурно-хозяйственную и духовную жизнь переселившихся в регион русских, украинцев, белорусов, татар, евреев и др. А оно было тоже немалым. Причем не всегда положительным. Российские переселенцы со временем усваивали те или иные черты традиционного мусульманского быта. Судя по документам, исламское духовенство имело к этому процессу опосредствованное отношение. Ислам воздействовал на православных самим фактом многомиллионного мусульманского человеческого окружения. Однако, зачастую как местное население, так и переселенцы из числа православных христиан ошибочно воспринимали некоторые местные традиции как часть ислама. При отсутствии должного числа церквей и священников, а значит, и необходимого религиозного воспитания, многие христиане проявляли интерес к местным традициям, не теряя при этом своей вероисповедной принадлежности. Одним из первых ими был усвоен «выгодный» местный обычай уплаты калыма. Стоит отметить, что в исламе нет предписания и такой традиции как «калым» (плата родителями жениха определенной суммы родителям невесты). Но это явление получило столь широкое распространение среди местного

¹ ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 920 – С перепиской по исследованию политической благонадежности Абдулқудаса Габдувалиева. Л. 112–113.

² ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 25340 – По рапорту Пржевальского уездного начальника об отмене приговора сельского общества об отдаче мусульманам сел. Покровского ограды сельского правления под устройство молитвенного дома (июнь 1914). Л. 2.

³ *Skrine F.G, Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times. London, 1899. P. 426.*

мусульманского населения, что российское издание «Восточное обозрение» в 1887 г. отозвалось на него специальной статьей «Калым у русских в Средней Азии», в которой указывало, что «цена» невесты среди православных в Туркестане составляла от 100 до 150 рублей¹. «Старый туркестанец» П. Шрейтер пояснял: «Калым начинает входить в нравы и обычаи наших русских поселенцев. Разница только между последними и киргизами в том, что аборигены в случае “неустойки” калым вернут полюбившей сделкой, а русские... наполняют камеры уездных судей всевозможными кляузами»². В ряде мест православные переселенцы обращались за лечением к мусульманским муллам и знахарям, получая от них в качестве «лекарства» бумажки с выписками из Корана либо заучивая наизусть непонятные заклинания из него. Многие верили в чудодейственную силу мусульманского лечения, не отказываясь при этом от веры в Христа. Такая трансформация цивилизационных устоев конфессионального сознания христиан была достаточно широко распространена в Туркестанском крае, но на него власти не обращали серьезного внимания, поскольку оно не вело к открытому отпадению от государственной веры.

Однако важнее было межцивилизационное взаимодействие позитивного характера. Известно, что фактически все переселенцы в Русском Туркестане были выходцами из регионов неполивного земледелия. В Средней Азии им необходимо было менять привычный для них тип культурно-хозяйственной жизни, так как экономический фактор был основой их существования. Поэтому самым существенным звеном такого влияния было приучение переселенцев к поливному земледелию. Неудивительно, что неизвестный автор статьи для потенциальных переселенцев в Среднюю Азию, опубликованной в 1880 г. в журнале «Родина», почти всю ее посвятил проблемам ирригации в регионе³. Он заключал: «Я потому так много говорю об орошении, что это самый тяжелый, самый несвойственный, непривычный труд, который необходимо должен выпасть на долю русского переселенца в Среднюю Азию»⁴. Несмотря на все трудности, поливное земледелие было успешно освоено переселенцами. Касаясь вопроса о «возвратном» цивилизационном влиянии «туземного» населения на переселенцев, авторитетные специалисты указывали: «Русские крестьяне перенимали трудовой опыт и навыки у местного населения: освоили арычную систему орошения, переняли приемы возведения построек и типы жилищ, приспособленные к местным климатическим условиям (в частности, каркасные постройки). Рис, хлопок, джугара были новыми сельскохозяйственными культурами для русских переселенцев»⁵.

В конце XIX в. русский публицист Л.А. Богданович писал из Англии о том, что российская цивилизация, несмотря на наличие объективных факторов сопротивления ей консервативных сил, тем не менее одерживает победы в Туркестане и, видимо, процесс продолжится с ускорением и в грядущем веке⁶. Он оказался прав, однако процесс оказался противоречивым. Т.В. Котюкова отмечает: «Переселенцы из центральных районов Российской империи и из ряда европейских государств привнесли в жизнь края новую этническую, языковую и религиозно-культурную компоненту, которая далеко не всегда могла органично и гармонично вписаться в уклад местной, формировавшейся столетиями жизни»⁷. Немало переселенцев вскоре снова возвращались в Россию. Переселение шло в основном

¹ Восточное обозрение. 1887. № 38. 24 сентября.

² Шрейтер П.И. По окраине: Путевые очерки. СПб., 1888. С. 111.

³ Родина. 1880. № 3. С. 148–161.

⁴ Репортер-Бишкек. 2009. № 11 (57). 10 апреля. С. 12.

⁵ История таджикского народа. Т. II. М., 1964. С. 167.

⁶ Богданович Л.А. Успехи русской цивилизации в Средней Азии (письмо из Лондона) // Русское обозрение. 1896. Декабрь. С. 751–766.

⁷ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 54.

в сельскую местность, однако люди переселялись и в города Туркестана. Многие были из интеллигенции, но в край прибывали также «дельцы, карьеристы и службисты всех мастей, тяготившиеся жизнью в Туркестане»¹.

Совершенно очевидно, что в межцивилизационном взаимодействии пришлого и коренного населения известную роль играли органы царской власти в регионе. В основном, она носила регулирующий характер. Например, царские власти старались исключить из межцивилизационного взаимодействия пришлого населения некоторые этноконфессиональные сообщества. Так, туркестанский генерал-губернатор Н.И. Гродеков писал о том, что «евреи и татары не могут считаться желательными колонизаторами киргизской степи, так как они неспособны смягчать нравы и поднять уровень благосостояния киргизского населения; в частности, татары внесут только рознь между киргизским и русским населением»². Между тем современный татарстанский исследователь А.В. Белоглазов пишет о том, что во второй половине XIX – начале XX в. «царские власти поощряли переселение в регион (Средней Азии. – *П.Л.*) поволжских татар... На этих мусульман царская власть возлагала надежды как на проводников пророссийских идей в среде народов Центральной Азии»³. Стоит отметить, что нам приходилось писать о нелегком положении российских татар в Туркестанском крае⁴.

Однако не это представляется нам значимым и интересным. По нашему убеждению, главную роль в межцивилизационном общении играл все-таки обыкновенный человеческий фактор. Первыми на его стезю вступили российские военнослужащие и чиновники, которые ограничивались административными, а в личной жизни – торговыми контактами с коренным населением Туркестана. Крестьянская колонизация края началась с Семиречья еще в 1850-х гг.⁵. Однако она носила «дозированный» характер. В основном переселялись крестьяне из губерний Западной Сибири – Томской и Тобольской. Более широким процесс стал в 1868 г., когда в Семиреченской области Туркестанского края появились русские крестьяне из губерний Центральной России. Российский исследователь И.В. Волков отмечает, что «в 1868 г. семиреченский военный губернатор Г.А. Колпаковский поручил своему областному правлению разработать проект “Временных правил о крестьянских переселениях в Семиречье”, который он направил на утверждение туркестанскому генерал-губернатору генерал-адъютанту К.П. Кауфману. Однако тот не утвердил его. Вместе с тем на территории Семиреченской области указанные правила применялись вплоть до 1883 г.»⁶. Летом 1889 г. переселение крестьян и мещан в Семиреченскую область было узаконено⁷.

¹ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 55–56.

² Цит. по: Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.)... С. 81.

³ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань, 2013. С. 95.

⁴ См.: Литвинов П.П. «Татарская» политика царизма в дореволюционном Туркестане // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1996.

⁵ Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – Об увеличении русского населения в Семиреченском и Заилийском крае Западной Сибири. 25 марта 1857 г. // ПСЗРИ-2. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. № 31649. С. 253–254.

⁶ Волков И.В. Роль России в исторических судьбах народов Средней Азии: дореволюционный период (по архивным, правовым и иным материалам): Моногр. М.: Автор. акад., 2018. С. 412–413.

⁷ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время. 13 июля 1889 г. // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6198. С. 535–538.

В последующем правительственный акт дополнялся новыми положениями¹. Что касается других российских областей в Средней Азии – Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской и Закаспийской, то переселение в них осуществлялось лишь на основе специальных правительственных актов². Только летом 1903 г. появился закон, официально допускавший переселение в «коренные» области Туркестанского края³. По первым признакам начавшегося после издания этого закона переселения российских крестьян и мещан в Среднюю Азию начальник Главного управления землеустройства и земледелия Туркестанского края писал туркестанскому генерал-губернатору в докладе «К вопросу о колонизации Туркестанского края» от 15 сентября 1905 г. о том, что желательно, чтобы русский поселенец жил и работал в достатке, здоровый и развитый, «ибо только такой поселенец может в смысле влияния на туземцев быть полезен»⁴.

Переселенческие потоки в Туркестанском крае всегда в основном были направлены в сторону Семиреченской области. Первые переселенцы в Туркестанский край, опасаясь коренного мусульманского населения, вели себя весьма предупредительно по отношению к нему, в том числе в Семиречье, где они в большинстве своем оседали. Они чувствовали себя гостями в чужих местах, поэтому, как правило, выстраивали отношения с местными жителями на взаимовыгодной основе. Коренное население, особенно кочевое, видело в них полезных соседей, поставщиков хлебной и иной сельскохозяйственной продукции. Кыргызстанский историк Е. Озмитель отмечает, что русские «старожилы» в Семиречье жили в добрососедстве с кочевниками, но всё испортили новые переселенцы, которых называли «бродячим элементом», они относились к кочевникам сугубо корыстно. Лепсинский благочинный православных церквей благосклонно отзывался о русских «старожилах» в Семиречье и отмечал низкий уровень религиозной нравственности «новоселов»⁵. Озмитель указывает, что это «трагическим образом сказалось на ходе и последствиях Семиреченских событий 1916 года»⁶. Однако мы полагаем, что главным мотивом для восстания кочевников Туркестанского края было все-таки не само отношение к ним русских переселенцев, которым они нередко давали серьезный отпор, а передача последним исконно принадлежащихномадам земель.

Начальник Иссык-Кульского уезда Семиреченской области майор П.А. Чайковский в отчете за 1869 г. отмечал, что появившиеся в подведомственных ему пределах

¹ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О дополнении правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли. 8 ноября 1893 г. // ПСЗРИ-3. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1897. № 10033. С. 597; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О распространении на лиц, водворенных на казенных землях на основании узаконений 10 июля 1881 г., 17 февраля 1884 г., действия Правил 13 июля 1889 г. о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли. 28 ноября 1894 г. // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 11065. С. 655.

² Высочайшее Повеление, объявленное Военным министром – О переселении в Закаспийскую область, на реку Кушку, 218 семей русских земледельцев. 5 мая 1892 г. // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8590. С. 341; Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – О переселении русских земледельцев в Закаспийскую область. 26 декабря 1892 г. // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 9200. С. 725; Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – Об образовании русских рыбацких поселений на берегах Каспийского моря и предоставлении поселенцам льгот. 26 марта 1893 г. // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9455. С. 168.

³ Высочайше утвержденные Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую. 10 июня 1903 г. // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23126. С. 741–743.

⁴ ЦГА Узб. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5020 – По устройству переселенцев в Туркестанском крае. Л. 45.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 55.

⁶ Там же.

переселенцы между собой бывали в ссорах, но с местным населением установили хорошие отношения¹. Газета «Туркестанские ведомости» в первый год своего издания (1870) писала: «Перестроить исподволь весь государственный и общественный строй среднеазиатских стран с первого взгляда кажется бесконечно смелую, и едва ли не химерической задачей». Но она признавала ее выполнение возможным, указывая, что для этого надо «вторично победить народы... но победить их уже не грубой силой, а умственным и нравственным превосходством, заставить их исподволь сознать, что привнесенный русскими в Среднюю Азию общественный и административный строй неизмеримо выше и плодотворнее того строя, под непосредственным влиянием которого уже столько веков неподвижно прозябали народы Средней Азии»² (курсив наш. – П.Л.). По сути, это было программное заявление о межцивилизационном сотрудничестве пришлого и коренного населения. Вместе с тем газета трезво оценивала его возможности и предупреждала: «Нечего ожидать, что это превосходство выяснится в глазах туземцев быстро и само собой»³. По ее мнению, без решения этой проблемы русское завоевание Средней Азии окажется скоротечным. В конце того же года «Туркестанские ведомости» в передовице выражали надежды, что водворение российских переселенцев в Туркестанском крае послужит большим и действенным стимулом для преобразования многовековой мусульманской цивилизации региона⁴.

Следует отметить, что вначале межцивилизационные связи местного населения с российскими пришельцами складывались непросто, однако исторический фон их развертывания был обнадеживающим. Это особенно проявлялось в кочевых районах Туркестана. Известный российский путешественник Н.А. Северцов писал о первых русских переселенцах в Семиречье, их жизни, хозяйстве, проблемах и т. п., указывая на мирный характер их сотрудничества с коренными жителями региона⁵. В 1876 г. «Туркестанские ведомости» писали о жизни русских переселенцев с 1870 г. в районе города Пишпека и села Аламедин. Газета отмечала положительный характер их отношений с коренным населением⁶. Российский исследователь М.А. Лялина писала в конце XIX в. о жизни русских крестьян в Прииссыккулье, подчеркивая позитивный характер их сотрудничества с кочевниками-кыргызами⁷. Формирование полезных связей кочевников Семиречья с переселенцами отмечали советские историки Кыргызстана⁸. Наделение мигрантов из России землями, которыми веками пользовались номады, безусловно, имело место, однако поначалу оно не порождало взрывоопасных ситуаций в региональном масштабе.

Вместе с тем первые тревожные симптомы в межцивилизационном взаимодействии пришлого и коренного населения Туркестана обнаружили после учреждения в 1867 г. Семиреченского казачьего войска⁹, которое формировалось из представителей Сибирского

¹ См.: ЦГА Узб. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 2 – Отчет уездного начальника Семиреченской области майора Петра Андреевича Чайковского о состоянии Иссык-кульского уезда в 1869 году. Л. 4 об., 46.

² Туркестанские ведомости. 1870. № 1. 28 апреля.

³ Там же.

⁴ Водворение русского элемента в Туркестанском крае // Туркестанские ведомости. 1870. № 16. 22 декабря.

⁵ См.: Северцов Н.А. Путешествия по Туркестанскому краю и исследовании горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русского Географического Общества. М., 1947. С. 115–117.

⁶ Н.П. Пишпек и Аламедин // Туркестанские ведомости. 1876. № 22.

⁷ См.: Лялина М.А. Путешествия по Туркестану Н. Северцова и А.П. Федченки. СПб., 1894. С. 131–132.

⁸ См.: История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней. Т. 2... С. 118, 119, 121.

⁹ Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении Семиреченского Казачьего Войска. 13 июля 1867 г. // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44845. С. 1164–1165.

казацкого войска. Зажиточные и влиятельные сибиряки старались избежать ухода с насиженных издавна мест, а в Семиречье отправлялся наиболее слабый во всех отношениях контингент казаков. В результате, в новом казацком войске собрался не самый лучший состав. Как отмечалось, о нем отрицательно отзывался Н.М. Пржевальский, считавший, что семиреченские казаки порочат своим поведением достоинство русского человека в глазах коренного населения¹. В религиозном отношении они тоже оставляли желать лучшего. Туркестанский епископ Димитрий (Абашидзе) в отчете за 1906 г., отправленном в Святейший правительствующий синод, писал о том, что среди семиреченских казаков распространены «сожительство, пьянство, сквернословие, сутяжничество, жестокое обращение с туземцами... суть обычные явления, на которые вовсе не обращается внимания»². Последний епископ Туркестанской епархии Иннокентий (Пустынский) писал в отчете за 1916 год, уже после подавления восстания, о том, что переселенцы времен столыпинской аграрной реформы являлись наихудшим колонизационным элементом как распространители пьянства, разврата, азартных игр, мотовства и т. п. Он отмечал, что на родине они участвовали в революции 1905–1907 гг. и многие «запятнали руки экспроприацией»³.

Возможности позитивного воздействия пришлого населения на коренное резко снизились после «столыпинского» переселения начала XX в. В край хлынули потоки мигрантов, многие из которых прибывали в Среднюю Азию самовольно, без официального разрешения властей. «Туркестанские епархиальные ведомости» писали в декабре 1908 г. о том, что «несмотря на различные препятствия, строгие приказы и угрозы пострадать от голодовок, заразных болезней и проч.» переселенцы огромными массами движутся в направлении Семиречья, привлеченные слухами о сказочных возможностях быстрого благоустройства здесь и обогащения. Газета указывала, что такие слухи подогреваются рассказами о том, что ранее поселившиеся в Чуйскую и Иссык-Кульскую долины люди, несмотря на все сложности жизни, в считанные годы наладили крепкие хозяйства. «Туркестанские епархиальные ведомости» подтверждали, что «за последние пятнадцать лет они (новоселы. – П.Л.) образовали здесь много безымянных поселков, которые, несмотря на негостеприимное отношение к ним администрации, в предшествующие 7–8 лет настолько окрепли, что теперь получили даже право на свое название и существование»⁴. На прилив «столыпинских» самовольных мигрантов в Среднюю Азию указывали известные историки региона⁵. Однако переселенческие организации старались устраивать и «самовольцев». В 1911 г. в Семиреченской области было образовано 52 русских поселка, в 1912 г. – 71 поселок и 12 хуторов, в 1913 г. – 24 поселка. В Ферганской области к началу XX в. существовало всего семь переселенческих поселков, так как не было свободных земель. Однако в 1912 г. там появилось сразу 28 поселков и 200 хуторов, а в 1913 г. еще 28 поселков и 58 хуторов. Новые поселки заселялись и самовольными переселенцами. Земли под новые поселки в Ферганской области изымались у местного населения⁶.

«Самовольцы» часто переходили к самозахватам кочевнических земель, что только обостряло отношение к ним со стороны номадов. Дело дошло до того, что, как отмечает кыргызстанский исследователь Т. Шейшеканов, русские переселенцы сдавали кыргызам в аренду свои земли, которые ранее испокон веков принадлежали кочевникам.

¹ См.: Пржевальский Н.М. Отчет о состоянии китайской армии... С. 300.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2183 – Отчет о состоянии Туркестанской епархии в 1906 году. Л. 13.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2767 – Отчет о состоянии Туркестанской епархии в 1916 году. Л. 62.

⁴ Туркестанские епархиальные ведомости, 1908. № 24, 15 декабря.

⁵ См.: Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 129; Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии... С. 106–107.

⁶ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 79.

Так, например, только в 1912 г. русские переселенцы сдали в аренду кыргызам Курментинской волости Пржевальского уезда 1100 десятин земли¹. Можно только представить себе, что чувствовали по отношению к ним кочевники, арендуя земли, которые некогда были средой их свободного обитания.

Поведение российских мигрантов не было однозначным. Инженер П. Аношкин писал в своем дневнике о том, что переселенцы-крестьяне, живущие далеко от кочевников, среди русских, как правило, являются середняками и сами на себя работают. Вместе с тем он указывал, что переселенцы, которые живут рядом с кочевниками, быстро богатеют, так как нанимают «туземных» работников «чуть ли только не за хлеб»². Кроме того, они много брали с кочевников за малейшую поправку своих посевов, а те платили беспрекословно, так как боялись иметь дело с царской полицией. Аношкин отмечал, что русские переселенцы называли кочевников не иначе, как «орда»³. Естественно, что это только ухудшало климат межцивилизационного сотрудничества между коренным и пришлым населением.

Туркестанская администрация была недовольна переселенческой политикой правительства П.А. Столыпина. Генерал-губернатор П.И. Мищенко направил 14/19 марта 1909 г. рапорт новому военному министру В.А. Сухомлинову, в котором отмечал «крайне невысокий в нравственном отношении контингент переселенцев»⁴. Он писал: «Не следует забывать, что мы внесли в среду среднеазиатских народностей также и массу отрицательных сторон европейской культуры: пивные, рестораны, опиекурильни, публичные дома и прочие заведения расплодилось не только в городах, но и в каждом мало-мальски большом городском селении. Туземная молодежь хлынула на эти приманки духовного и телесного разврата и, к ужасу и горю стариков, прославляет себя неслыханными нарушениями Корана и исконных вековых традиций Востока о благопристойности и воспитанности»⁵. Среди «туземной» молодежи «появились грабители, убийцы, явные развратники и хулиганы; с поразительной быстротой исчезает вера в Бога, уважение к старшим и почет к властям. Если подобный упадок нравственности будет продолжаться и впредь, то трудно даже представить, во что обратятся последующие поколения туземцев»⁶. Мищенко отмечал, что авторитетные «туземцы», особенно старики и муллы, винят в упадке нравов среди мусульманства Средней Азии русских. Один из самаркандцев в январе 1908 г. подал прошение на имя туркестанского генерал-губернатора, в котором, в частности, отмечал: «...правду говорят наши муллы, что нам не ждать от вас, русских, добра». Подобно минтюбинскому ишану Мадали, у них возникают «тайные желания так или иначе свергнуть иго “неверных урусов”»⁷. Таким образом, «главный начальник» края сигнализировал правительству о пороках цивилизационного влияния на коренное население Туркестана. Его мнение разделял и «старый туркестанец» А.Н. Куропаткин, отмечавший, что «обилие денег у части населения сопровождалось падением нравственности, особенно у туземной молодежи. Кутежи, пьянство, разврат и азартная карточная игра возмущали туземное духовенство и стариков и вызывали у них недовольство русским управлением, допустившим такое падение нравственности»⁸.

¹ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 118.

² Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 259.

³ Там же. С. 260.

⁴ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 752.

⁵ Там же. С. 754.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 95.

Однако в царистских верхах к такого рода мнениям не прислушивались. Более того, Столыпин добился отстранения Мищенко от должности за самовольное расселение сектантов-молокан в подведомственных ему пределах (это обстоятельство заслуживает внимания именно в ракурсе рассматриваемой проблемы). Желая улучшить качественный состав переселенцев, туркестанская администрация охотно поддерживала переселение в регион русских «раскольников» – старообрядцев и приверженцев разрешенных законом сект, против чего яро выступала Русская православная церковь в лице Святейшего правительствующего синода. Она быстро оценила преимущества такого колонизационного элемента: в отличие от православных переселенцев-«раскольники» не пили, не курили, не сквернословили, имели крепкие хозяйства, прочные семьи, отличались трудолюбием, дисциплиной, бережливостью и т. п. Но главное, они повсеместно находили общий язык с «туземным» населением, устанавливали с ним дружественные связи, избегали в них обмана и мошенничества, делились полезным хозяйственным опытом с коренными жителями и т. п. (нам приходилось писать об этом подробно¹). Коренное население Туркестана знало об особом отношении властей к «раскольникам» и потому во время событий 1916 г. повстанцы фактически не нападали на их поселения. «Истинно» православные колонисты вели себя, как отмечалось, по-иному.

Касаясь развития межцивилизационных контактов между российскими колонистами и мусульманским населением Туркестанского края, как правило, упоминают о Семиреченской области, где переселенцев было почти 10 % (9,7) от всех ее жителей. В Ферганской области их было менее всего – 0,6 %². Но соответствующих проблем здесь было тоже немало. Военный губернатор Ферганской области генерал-майор А.И. Гиппиус направил 26 сентября 1909 г. недавно назначенному туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову докладную записку, в которой писал о том, что в поездке по области им было осмотрено одно из старейших русских поселений (и единственное в Наманганском уезде) – Успенское. Гиппиус отмечал, что «поселок не может служить здоровым элементом государственного строительства, а скорее наоборот, – тут источник слабости, подтачивающей силу русского имени среди туземцев. Даже беглый осмотр Успенского поселка наводит на мысль, что русская колонизация была проведена здесь безо всякого плана и на основаниях, глубоко противоречащих, так сказать, самой природе вещей»³. Он считал, что лучше бы не было переселенцев, а были бы только «отборная» русская администрация и русский суд, что сейчас вполне удовлетворяет «туземцев». Переселенцы были случайными людьми, обессилившими дома и бросившимися искать в неведомых, далеких краях даровой земли. Им дали казенное пособие, нарезали земельные наделы, провели каналы с водой, помогли построить хаты, школы и церкви, запретили питейные заведения, дали по девять десятин поливной и по шесть – богарной земли на двор, разные льготы по платежам, «но для слабых людей всего этого далеко не достаточно»⁴. Ферганский губернатор указывал, что «поселенцы не производят внешним видом своим впечатление представителей великого народа-покорителя»: «Нет у них чувства справедливости»; «Сброд случайных людей, без всякой внутренней связи, безо всякого нравственного устоя»⁵. Он отмечал, что переселенцы прикупили себе «киргизские» земли и заставляют кочевников чистить за них арыки, хотя по обе стороны последних земли

¹ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.)... С. 87–119.

² Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.)... С. 897.

³ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 472.

⁴ Там же. С. 473.

⁵ Там же. С. 480.

принадлежат им. Урожайность падает. Гиппиус писал о том, что вначале, то есть 12 лет назад, они снимали с десятины по 100 и даже по 120 пудов зерна, а потом всё меньше и меньше. Сейчас даже с лучших земель получают до 55–60 пудов, но в среднем лишь по 30 и даже по 20 пудов. Поля забивают сорняки. В Успенском губернатор попросил переселенцев показать ему хотя бы одного трезвого, непьющего хозяина, с тем чтобы поручить ему вести опытное поле. Ему предложили местных воротил (кулаков), с чем он не согласился. С трудом, но они назвали ему такого человека – Никиту Пятенко, который оказался на самом деле хорошим хозяином, передовым человеком, занимающимся также пчеловодством. Однако он оказался не потомственным крестьянином, а бывшим причетником Киево-Печерской лавры и сельским учителем. Военный губернатор Ферганской области заключал: «Периодически доставляемые ведомости “о состоянии русских поселков” не дают никакого представления о их состоянии. От этого язвы идут только вглубь и распространяются, а между тем совершенно необходимо их лечить: это важно не столько для нашей Администрации, сколько для нашего государственного благополучия»¹.

Инженер П. Назаров писал о том, что цивилизационные меры царских властей «пытались оправдать красивыми фразами о благотворном влиянии русских колонистов на грубых кочевников – благотворное влияние выражалось в обучении киргизов пить водку»². Безусловно, такое «обучение» имело место в практике переселенческой жизни в Туркестанском крае. Однако большее тлетворное влияние на коренное население Средней Азии оказывал образ жизни российских переселенцев, в котором употребление спиртного традиционно играло большую роль. Газета «Туркестанские ведомости» посвятила несколько номеров тревожным симптомам распространения пьянства среди переселенцев Семиреченской области³. Дореволюционный чиновник и публицист В. Воцинин указывал, что в Ферганской области «в Кугартском селении Михайловском... выпито было в минувшем (1913 г. – *П.Л.*) пять тысяч ведер водки при 200 с лишним дворах»⁴. О пьянстве российских колонистов писали и другие туркестанские газеты. Так, например, в 1905 г. «Семиреченские областные ведомости» писали о размахе пьянства среди русского населения региона⁵. «Туркестанские епархиальные ведомости» отмечали в 1906 г., что почти все события сельской жизни связаны с пьянством – «дележ воды», «дележ покоса», «сдача кабака в наем», «наем сидельца», «прием новосела» и проч. «В месяц в селе из 200–250 дворов, – писала газета, – пропивалось до 5–6 тысяч... жизнь шла для чрева, для угождения низменным животным инстинктам»⁶. О пристрастии к алкоголю среди переселенцев в Ферганской области сообщали в начале 1907 г. «Туркестанские ведомости»⁷. В 1908 г. газета «Семиреченские областные ведомости» писала о том, что на почве пьянства возникли беспорядки в селении Беловодском⁸. Православный священник Василий Савченко рассказывал вышеупомянутому Гиппиусу о том, что крестьяне Успенского не вышли встречать губернатора потому, что перед этим ночью разгружали целый транспорт водки. Ферганский губернатор отмечал, что в селении

¹ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док... С. 480.

² Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 146.

³ Водка или чай (О быте русских переселенцев в Семиреченской области) // Туркестанские ведомости. 1884. № 29–31.

⁴ Воцинин В. Очерки нового Туркестана: Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914. С. 85.

⁵ Токмак // Семиреченские областные ведомости. 1905. № 58.

⁶ Цит. по: *Озмитель Е.Е.* Религиозно-нравственное состояние переселенцев в Туркестане // Вторые Востокведческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов... С. 285–286.

⁷ По краю // Туркестанские ведомости. 1907. № 3.

⁸ Селение Беловодское // Семиреченские областные ведомости. 1908. № 59.

запрещены питейные заведения, тайная продажа водки преследуется по закону, однако пьянство среди русских православных переселенцев процветает. И задавался вопросом: «Как же могло случиться, что при этих условиях русский поселок обратился в какой-то сплошной кабак, губящий не только людей, но и то государственное дело, которое заложено здесь как идея?»¹. Вопрос был явно риторическим. Вместе с тем в ракурсе рассматриваемой проблемы он представляется весьма значимым. Мы полагаем, что одним из лучших «цивилизаторов», ломавших традиционные устои морали коренного мусульманского населения Средней Азии, явилась простая русская водка, привнесенная образом жизни российских переселенцев – от простого крестьянина до высокопоставленных военных и гражданских чиновников. Она быстро понравилась многим коренным жителям Туркестана и по сей день это пристрастие среди них окончательно не изжито. А.И. Гиппиус писал 8 июня 1911 г. в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора о том, что 10 января 1911 г. известный исследователь Средней Азии Д.И. Мушкетов выступил с докладом в Императорском Российском Географическом обществе, в котором свидетельствовал «о растлевающем влиянии русских поселенцев, особенно самовольных, на туземцев»². Ферганский губернатор соглашался с этим, указывая, что «самовольцы» развращающе влияют на кочевников самими захватами их земель, а также приучением их к спиртным напиткам. Он писал: «Настоящие кабаки под обманчивым названием винных и пивных складов всюду сопутствуют образованию русских поселений, и закон не дает в руки администрации достаточно средств бороться с этим злом»³. Гиппиус отмечал, что в то время, как само население русских поселков выступает против кабаков, акцизное управление призывает поощрять развитие «винных оптовых складов, т. е., в сущности, тех же кабаков». Он заключал: «Нет никакого сомнения в том, что развитие среди мусульманского населения пьянства (а оно уже наблюдается) создаст нам значительные затруднения в управлении населением»⁴. Гиппиус указывал, что по этому вопросу он намерен войти с особым представлением к туркестанскому генерал-губернатору.

Было бы ошибочным возлагать вину за развитие пьянства среди мусульман Средней Азии только на переселенцев и пришлую российскую цивилизацию вообще. Употребление спиртного имело место в мусульманском мире издавна. Так, знаменитый арабский поэт, герой сказок «Тысяча и одна ночь» Абу Нувас был горьким пьяницей и нередко валялся на улицах Багдада. Пили и другие – и знатные и простые. Из этого следует, что употребление спиртного в притонах среднеазиатских ханств существовало в Туркестане еще до появления России в регионе. Русская власть в Средней Азии лишь способствовала легализации тех пороков, которые долгое время искусно и лицемерно скрывались мусульманским социумом региона. Большой знаток мусульманского быта региона В.П. Наливкин указывал, что с утверждением российской цивилизации в Средней Азии многие «туземцы» стали открыто посещать питейные заведения, причем нередко в компании с женщинами⁵. Спиртное стало чаще доставляться и употребляться в среднеазиатских ханствах – не только по притонам, но и при дворах правителей. Такая «традиция» еще более укрепилась в советское время. И в сегодняшней «Центральной Азии» многие мусульмане грешат перед шариадом в этом отношении.

¹ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док.... С. 480.

² Там же. С. 807.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь // Мусульманская Средняя Азия: Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 72.

Вместе с тем мы далеки от мысли о том, что в целом российская цивилизация коренным образом изменила образ жизни коренного населения Туркестана. Узбекский исследователь Ш.Б. Мухамедов справедливо отмечает, что оно усваивало новые формы жизни от русских, однако истинного сближения между ними не было¹. По нашему убеждению, его и не могло быть, так как даже в советские, интернационалистские времена оно тоже так и не состоялось, хотя некоторые успехи на этом направлении всё же были достигнуты.

Как явствует из вышеизложенного, ситуация с качеством переселенческого контингента со временем только ухудшалась и к началу восстания 1916 г. она таила в себе множество взрывоопасных элементов. Начальник Аулиеатинского уезда подполковник С.Н. Кастальский писал 10 ноября 1916 г. военному губернатору Сырдарьинской области генерал-лейтенанту А.С. Мадритову о том, что «русское население уезда состоит из отбросов внутренней России, ведет хищническое полевое хозяйство, до войны сильно пьянствовало и вместо культуры привило местному населению дурные стороны своего нравственного облика. Относясь презрительно к киргизам, оно постоянными обманами, эксплуатированием киргизского труда, грубым отношением к личности не могло вызвать дружелюбного, доверчивого отношения со стороны мусульман, и взаимоотношения были местами холодны, местами враждебны»². Заведующий Верненским розыскным пунктом Отдельного корпуса жандармов ротмистр В.Ф. Железняков 16 ноября 1916 г. отмечал, что «после аграрных беспорядков в Европейской России самый худший элемент – разнузданная, малоспособная к упорному труду, слабая по своим хозяйственным инстинктам масса ринулась на окраины, в том числе в Семиречье, получая бесплатно здесь землю»³. У переселенцев 1906–1916 гг. сложилось «враждебное отношение к туземцам», они стали захватывать скот кочевников, якобы за поправы их посевов. «Киргизы» старались решить дело миром, «уплачивая за мнимую поправу»⁴. По мнению Железняка, такие отношения между переселенцами-новоселами стали одним из слагаемых в восстании 1916 г., поскольку кочевники проявили особую жестокость по отношению к новым переселенческим поселкам, так как с русскими «старожилами» у них были более позитивные отношения.

Тем не менее, начало первой мировой войны вызвало рост прорусских настроений среди «туземцев» Туркестанского края. Узбекистанский исследователь Ю. Флыгин пишет о том, что в начале первой мировой войны патриотический подъем наблюдался не только среди русских, но и среди коренного населения⁵. Г.И. Бройдо отмечал, что «по Пишпекскому уезду за ноябрь и декабрь 1914 г., по официальным отчетам Красного Креста, поступило от киргиз Пишпекского уезда в фонд войны около 30.000 рублей, 1000 шуб, 10.000 пайпак, кошмы, чулки и т. п., затем киргизы обложили себя в пользу Красного Креста налогом от 1–3 р. с юрты»⁶. Однако вскоре трудности военного периода, ошибки царской власти и прочие сложные обстоятельства существенным образом изменили ситуацию в регионе. Межцивилизационные контакты россиян и коренных жителей Средней Азии не достигли желаемых для царской власти целей. Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин писал 29 августа 1916 г. начальнику Управления земледелия и государственных имуществ Н.М. Булатову: «Русской власти за полувековое владычество не удалось не только сделать инородцев верными слугами Российского императора и преданными гражданами

¹ Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: Сб. ст. ... С. 125.

² Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 112.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 515.

⁶ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 164.

Российского государства, но и вселить в их сознание единство их интересов с интересами русского народа»¹. Накопленный негативный потенциал в межцивилизационном взаимодействии российских переселенцев и коренного населения Туркестанского края вылился в чудовищные формы взаимного истребления.

О поведении восставших «туземцев» в 1916 г. мы свидетельствуем отдельно, здесь же хотелось бы отметить, что представители передовой, как тогда считали, православной цивилизации во время трагических событий повели себя явно наперекор нормам христианской морали. Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин писал в своем дневнике о том, что «русское население подучало киргиз не давать рабочих. Страшало их, что заберут в войска. А про себя говорило, что пусть бунтуют, у них отнимут земли и отдадут им»². Из этого следует признание того, что российские колонисты специально нагнетали «революционные» настроения среди коренного населения, от которого потом сами и пострадали.

Куропаткин признавал также, что, «когда беспорядки начались, русские грабили и убивали местное население»³. Факты подтверждают это. Участковый полицейский пристав Грибановский поймал с помощью киргизских манапов Глеубердинской волости 517 киргизов – участников восстания 1916 г. и пригнал их во двор Беловодского волостного правления. Еще по дороге часть из них была перебита конвойными, а остальные добиты горожанами⁴. В Пишпекке летом 1916 г. были зверски забиты 138 пленных киргизов. Военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант М.А. Фольбаум телеграфировал 14 августа 1916 г. начальнику Пишпекского уезда Г.Ф. Путинцеву о том, что, поскольку эти пленные хотели бежать, дружинники как военная сила «не только были вправе, но и обязаны были употребить оружие против бегущих. Передаче гражданским судебным властям это дело не подлежит»⁵. Не менее страшные события происходили в это же время в городе Пржевальске – центре одноименного уезда Семиреченской области. Судебный следователь Верненского окружного суда 21 сентября 1916 г. допросил жителя Пржевальска Ивана Алексеевича Поцелуева, который отмечал, что многие пржевальские жители, в том числе интеллигенция, участвовали в грабежах имущества «туземцев». Грабили всё, что можно. Многие участвовали в расправе над арестованными «китайцами-опийщиками». Поцелуев обвинял в медлительности Пржевальский военный совет, «руководимый старым и полуглухим генералом Корольковым»⁶. Житель г. Пржевальска отставной генерал-майор Иван Яковлевич Нарбут на допросе у ротмистра Отдельного корпуса жандармов Юнгмейстера 3 ноября 1916 г. отмечал, что «с 12 августа на улицах города началось избиение и грабеж мусульманского населения. Грабили кто хотел и что хотел, *полиция была бессильна*»⁷ (курсив наш. – *П.Л.*). Другой житель города Александр Зиновьев-Воньков, 60-ти лет, на допросе у того же жандармского чина 3 ноября 1916 г. показал, что «во время восстания в городе был полный беспорядок – местные жители разграбили имущество туземцев. Принимали участие в этом и беженцы. Надо отдать под суд почти весь город, не исключая и интеллигенции»⁸. Американский историк Э.Д. Сокол отмечает, что во время восстания пржевальская интеллигенция проявила трусость. Он описывает карательные меры русских властей в Пржевальском уезде и указывает, что особенно отличались

¹ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 53.

² Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 56.

³ Там же.

⁴ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»... С. 163.

⁵ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 662.

⁶ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в док. Т. II... С. 143.

⁷ Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док. / КРСУ... С. 141

⁸ Там же. С. 142.

в избиении «туземцев» русские женщины¹. Начальник сыскного отделения в г. Верном Петров сообщал 20 сентября 1916 г. военному губернатору Семиреченской области генерал-лейтенанту М.А. Фольбауму сведения о грабежах и вымогательствах в городе Пржевальске во время восстания². Приводил 12 примеров недостойного поведения русских по отношению к «туземным» жителям города во время восстания. Фольбаум наложил на рапорте Петрова резолюцию о том, что всё это должно «стать предметом расследования» вице-губернатора Семиреченской области полковника Алексева. Последний обратился за разъяснениями к начальнику Пржевальского уезда полковнику В.А. Иванову. Тот писал 26 сентября 1916 г. в рапорте вице-губернатору Семиреченской области о ходе восстания в Пржевальском уезде³. Он достаточно подробно излагал события и признавал, что во время восстания многие жители города Пржевальска вели себя недостойно по отношению к «туземцам», а некоторые грабили как их самих, так и их имущество. Впрочем, в обоих противостоящих лагерях было немало тех, кто старался использовать события в корыстных целях. Кыргызстанский исследователь, доктор исторических наук А.Л. Салиев пишет об обоюдном мародерстве во время восстания 1916 г.⁴.

Было принято считать, что царские власти в Туркестанском крае поощряли расправы русского населения над повстанцами 1916 г. О том же сегодня говорят историки-националисты из стран «Центральной Азии». Но такая точка зрения весьма сомнительна. Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин писал 16 октября 1916 г. вице-губернатору Семиреченской области полковнику Алексеву: «*Строгое наказание надлежит и тем главарям русским, которые из подлой трусости убивали беззащитных мирных жителей и грабили их, позоря русское имя*»⁵ (курсив наш. – П.Л.).

Восстание 1916 г. показало, что межцивилизационное взаимодействие коренного и российского населения в Туркестанском крае имело и примеры действительно человеческих, даже братских отношений. В Иссык-Кульском государственном областном архиве есть документ «История развития города Пржевальска», относящийся к 1967 г. В нем отмечается, что крестьянин селения Сазановка Пржевальского уезда Данила Кащаев присоединился к повстанцам 1916 г. и с ними боролся против карательных отрядов. Он был георгиевским кавалером. После подавления восстания его пленили и расстреляли. Дом его был сожжен, а имущество разграблено⁶. О героизме русского храбреца, помогавшего восставшим, пишет кыргызский историк А.Л. Салиев⁷. Исследователь С. Малабаев отмечает, что некоторые русские вставали во главе восставших, например, георгиевский кавалер Марк Давидович Власенко⁸. О том, что русские помогали восставшим, писал большой знаток процесса К. Усенбаев⁹. Он же приводил много примеров того, как кыргызы спасали русских во время восстания¹⁰. Аулиеатинский уездный начальник полковник Кастаньский писал 29 ноября 1916 г. о том, что «из числа нападавших некоторые киргизы давали

¹ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 131–133.

² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 353–354.

³ Там же. С. 355–359.

⁴ Салиев А.Л. Политические отзвуки восстания 1916 года... С. 201.

⁵ ЦГА Кыр. Ф. 75. Оп. 1. Д. 46 – Всеподданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области за 1916 год. Л. 39.

⁶ Иссык-Кульский гос. обл. архив КР. История развития города Пржевальска. Л. 6.

⁷ Салиев А.Л. Политические отзвуки восстания 1916 года... С. 202.

⁸ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 222.

⁹ Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии... С. 288.

¹⁰ Там же. С. 289–290.

возможность бежать женщинам и детям, а также были случаи, когда киргизы охраняли русское имущество»¹. Он отмечал, что так происходило потому, что русское население Аулиеатинского уезда не так обижало местное население, как это было в Семиречье. Были и довольно странные примеры такого рода. Так, например, инженер П. Аношкин писал в своем дневнике, что у одной русской женщины во время восстания убили всю ее семью и главарь повстанцев взял ее себе в жены, но его «туземная» жена из ревности помогла бежать русской женщине².

Как отмечалось, межцивилизационное взаимодействие могло иметь успех только на уровне общечеловеческих отношений. Между тем, Т.В. Котюкова почему-то полагает, что этот процесс зависел от государственной власти. Она считает, что политика «игнорирования» ислама в Русском Туркестане со временем стала мешать *модернизации региона и его интеграции в общероссийское цивилизационное пространство*. В итоге, в канун революции Туркестанский край «продолжал оставаться обособленной частью империи во всех смыслах. Имперский модернизационный проект в Туркестане дал ограниченные результаты, практически не нарушив политической традиции коренных народов. Но он будет продолжен в следующую эпоху – советскую, и выйдет на новый виток развития, обретая новые формы»³. Мы категорически отрицаем то, что в верхах царской России существовал какой-либо консолидированный проект (или программа) действительной модернизации Туркестанского края и его полной интеграции с жизнью империи. Всё осуществлялось, так сказать, мимоходом, импровизационно, по наитию, в режиме «непосредственного реагирования», наметок и т. п., хотя, конечно, некие замыслы такого рода в правительстве и туркестанской администрации были.

Таким образом, во время восстания в 1916 г. происходила проверка на прочность сложившихся межцивилизационных контактов между коренным населением Туркестана и пришлым, российским. Не во всех местах региона они оказались устойчивыми к сложностям трагического периода. Однако в целом судить о межцивилизационном взаимодействии народов Средней Азии и российскими переселенцами всех типов (административных служащих, военных, интеллигентов, мещан, крестьян и др.) только на основании примеров восстания было бы ошибочным. Проблема требует более высокого уровня профессионального анализа, а именно в ракурсе значения присоединения Средней Азии к России как части мировых отношений Запада и Востока. Через эту призму события восстания 1916 г. предстают в более конкретном и выразительном смысле. Исследователь Н.И. Балашев одним из первых советских историков писал о том, что «с появлением в крае (Туркестанском. – *П.Л.*) русских жизнь здесь значительно изменилась: появились железные дороги, возникли новые отрасли промышленности, которых здесь раньше не существовало, оживилась торговля. А главное, через посредство русских в Туркестан стала проникать западноевропейская культура, и коренное население стало мало-помалу знакомиться с европейской наукой, литературой, техникой, с европейскими государственными и общественными учреждениями и т. п.»⁴. Киргизские советские историки писали о том, что «появление на территории Киргизии значительной массы русских и украинских крестьян, носителей старой и неизмеримо более развитой, чем у кочевников, земледельческой культуры дало большие положительные результаты. Рядом с зимними стойбищами

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 49.

² Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 261–262.

³ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 375

⁴ Балашев Н.И. Туркестан. Ташкент, 1920. С. 21.

киргизов выросли крестьянские поселения с более высоким уровнем вполне оседлого домашнего и хозяйственного быта. Такое соседство, способствуя переходу киргизов на оседлость, не могло не внести многих перемен в хозяйственную жизнь края. Оно сыграло важную историческую роль в приобщении отсталых масс киргизского населения к передовой культуре русского народа»¹. В постсоветский период взгляды честных и неангажированных историков в этом отношении изменились незначительно. Так, например, видный киргизстанский историк О.Дж. Осмонов пишет о том, что, «войдя в подданство Российской империи, киргизский народ через посредство русского и других народов, подвластных России, получил возможность приобщиться и к европейским передовым достижениям культуры. На новом уровне стала развиваться национальная письменность Кыргызстана. Несмотря на известный шовинистический настрой колониальных властей, начала проводиться реформа образования и здравоохранения. Получила развитие сеть светских и религиозных учебных заведений и культурно-просветительных учреждений. Начали издаваться учебники и первые научные труды, художественные произведения на киргизском языке»². Современный среднеазиатский исследователь С.Г. Курбанов пишет о том, что «присоединение Средней Азии... к России сыграло прогрессивную роль. В Средней Азии прекратились междоусобные феодальные войны, работоторговля. Интенсивнее стала развиваться ее культура. Начали крепнуть капиталистические отношения. Здесь строились заводы, фабрики, железные дороги, телеграф и типографии; открыты театры, музеи, выставки, библиотеки, медицинские учреждения; в Ташкенте появились газетные издательства, школы европейского образца, учительская семинария, русско-туземные школы. В Среднюю Азию стали проникать прогрессивная культура и общественно-политическая мысль русского народа»³. Можно привести и другие мнения по этому поводу, однако, мы полагаем, что и приведенных достаточно для понимания сути проблемы. В целом, у нас есть основания утверждать, что на общем фоне межцивилизационного взаимодействия между коренным населением Туркестана и пришельцами восстание 1916 г. представляется важным, но не единственным эпизодом в его сугубо жизненной рефлексии.

¹ *Абрамзон С.М., Антипина К.И. и др.* Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. Колхоз имени К.Е. Ворошилова («Ала-Тоо»)... С. 17.

² *Осмонов О.Дж.* История Кыргызстана (С древнейших времен до наших дней): Уч. для вузов... С. 341.

³ *Курбанов С.Г.* Жизнь среднеазиатского просветителя Ахмада Дониша и его отношение к России // Просвещение – Православие – Восток: Вторая научная конференция памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славянских (Ташкент, 22 мая 2009 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 1910. С. 44.

ГЛАВА 10

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В ТУРКЕСТАНЕ

Роль Русской православной церкви в трагических событиях 1916 г. в Средней Азии заключается, по нашему убеждению, в том, что она, в известной мере, сама их спровоцировала. Как нами отмечалось, против массированного переселения русских крестьян и мещан в Туркестанский край последовательно выступали местная администрация и Военное министерство, которому она подчинялась. Их позицию поддерживали некоторые другие министерства и ведомства царской России. Однако переселенческие учреждения старались форсировать миграцию русских людей (в подавляющем своем большинстве православных) в Туркестанский край. Их поддерживал всемогущий временщик – председатель Совета министров и министр внутренних дел П.А. Столыпин, который старался сохранить помещичье землевладение и решить аграрный вопрос для крестьянства посредством переселения наиболее нуждающихся в земле в направлении Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и др. Святейший правительствующий синод, называвшийся «ведомством православного исповедания», как главная государственная «контора» Русской православной церкви активно выступал за расширение переселенческих потоков в сторону Туркестанского края. В своем первом отчете в Святейший синод туркестанский епископ Иннокентий (Пустынский) писал в 1913 г.: «Русская православная жизнь пустила корни в Семиречье на местах кочевий киргиз, сокращая раздолье последних»¹. В то время он, видимо, не ожидал никаких негативных последствий от сокращения «раздолья» местных кочевников, отмечая, что из 22 туркестанских полков только три находятся в Семиреченской области. Священник Трегубов, член III Государственной думы, призывал в 1910 г. не защищать земли кочевников, а дать их русским переселенцам, что позволит, как он писал, расселить до 1,5 млн русских. Он отмечал, что съезд благочинных и «депутатов от духовенства», собравшийся в г. Верном летом 1909 г., одобрил его соображения².

Представляется очевидным, что Святейший синод и туркестанское православное духовенство были совершенно недалекими и не предвидели никаких негативных последствий от своего желания иметь как можно больше православных пасомых в регионе с абсолютно преобладающим мусульманским населением. Любопытно, что при этом Трегубов писал: «Центральное правительство, стремясь заселить эту отдаленную и богатейшую окраину, встречает в лице туркестанского духовенства во главе с его благостным и мудрым архипастырем (епископом Димитрием. – *П.Л.*) искренних и, к сожалению, *единственных сторонников* этой идеи»³ (курсив наш. – *П.Л.*). Таким образом, можно утверждать о том, что Русская православная церковь, в отличие от многих других государственных и общественных институтов, кроме переселенческих, лишь одна была всецело и безоговорочно предана переселенческой политике царизма в Средней Азии.

¹ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 164–165.

² Трегубов А.Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях: Впечатления и заметки по поездке летом 1909 года... С. 44.

³ Там же.

Французский исследователь К. Пужоль в 2008 г. заявляла на конференции в Ташкенте о том, что русская колонизация должна рассматриваться как «атака на чистоту и священность туркестанской земли», поскольку «имела характер крестовой войны против ислама». Она признавала, что «первый генерал-губернатор Туркестана фон Кауфман... ограничивал стремление местного патриархата (но его вообще в царской России не было с 1701 г. – *П.Л.*) активно проповедовать православие в регионе», однако тут же заявляла о том, что «строительство первых церквей в первой трети XIX века является наглядным примером культурного шока... создание так называемой русско-туземной системы образования [имело] целью... способствовать распространению православия»¹. Современный узбекистанский историк Ю.С. Флыгин справедливо критикует соображения мадам Пужоль, указывая, что «невозможно в первой трети XIX века строить церкви в крае, завоевание которого началось в конце второй трети»². Но дело не только в этом. Российская колонизация Средней Азии никогда не рассматривалась царским правительством в качестве «крестового похода» против регионального ислама. Он стал бы верхом глупости, поскольку православные составляли лишь каплю в океане местного мусульманства. Военное министерство как главный правительственный куратор Туркестанского края фактически наложило табу на миссионерство Церкви в его пределах. Оно считало, что для обращения мусульман Средней Азии в верноподданных «Государя Императора» достаточно приобщения их к русской школе и культуре. Таким образом, царское правительство не считало Русскую православную церковь инструментом преобразования «туземной» мусульманской жизни по российским лекалам. Ей отводилась только роль духовного наставника русского православного населения региона, так как здесь проживали и другие русские – адепты старообрядчества и различных христианских сект.

Кыргызстанский исследователь Е. Озмитель отмечает, что все пишут о мусульманском факторе в восстании 1916 г., но нигде «ничего не говорится о религиозности русских, главного контрагента восставших»³. Она считает ее невысокой и отмечает, что «нравственное падение крестьянства было прямым следствием потери связи с общиной и церковью. За время скитаний такие переселенцы чаще всего теряли характерную черту крестьянства того времени – набожность»⁴. Однако, зная мнение по поводу последней В.Г. Белинского, А.И. Герцена, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др., мы не согласны с таким утверждением Е. Озмитель, но не станем с ней дискутировать, отвлекаясь от главной темы этого раздела исследования.

Военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант М.А. Фольбаум писал во «всеподданнейшем» отчете о необходимости государственной поддержки строительства церквей в поселках для переселенцев, поскольку без них народ сохраняет «обличье ничем не связанной разрозненной толпы». По его мнению, «идеальным решением вопроса было бы водворение храма и школы за счет казны немедленно по зачислении первых же новоселов на любой участок, не выжидая образования общества и получения от них приговоров, и поручая работы строителям переселенческой организации»⁵. Е. Озмитель указывает, что для работы с переселенцами-новоселами епархия учредила разъездных священников. Широкого представления о том, как Русская православная церковь пережила суровые

¹ Цит. по: *Флыгин Ю.С.* Семиреченские события 1916 г.: ради достижения правды надо видеть проблему со всех сторон... С. 59.

² Там же.

³ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 50.

⁴ *Озмитель Е.Е.* Религиозно-нравственное состояние переселенцев в Туркестане... С. 286.

⁵ Там же. С. 290.

испытания восстанием 1916 г., она не дает. К сожалению, и многие другие историки фактически проигнорировали вопрос о роли и месте Русской православной церкви в трагических событиях восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Узбекский исследователь Ш.Б. Мухамедов пишет о том, что Русская православная церковь имела господствующее положение в Туркестанском крае¹. Он пытается характеризовать статус «инославных» (неправославных, христианских) конфессий в регионе, но весьма неубедительно, поскольку нам приходилось писать об этом достаточно подробно и определенно². Таким образом, серьезных научных работ по рассматриваемой проблеме пока нет. И это можно считать большим пробелом в знании о выступлении коренного населения указанных регионов против царского самодержавия, потому что Церковь была главным источником государственной идеологии и воспитания русских людей. Мы решили восполнить этот пробел в данном исследовании, так как четверть века назад писали подробно о Русской православной церкви в дореволюционной Средней Азии, хотя и не затрагивали ее положения во время восстания коренного населения региона в 1916 г.³

Православие в Средней Азии утвердилось после присоединения региона к Российской империи в 1860-х гг. Однако церковные структуры появились в Туркестанском крае только в начале 1870-х гг. «Высочайше» утвержденное 4 мая 1871 г. «Мнение» Государственного совета, объявленное Сенату Святейшим синодом – «О штатах Епархиального управления в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства» гласило: «Ввести епархиальное управление в областях Туркестанского генерал-губернаторства с 1 января 1872 г.»⁴. Исследователь Т.В. Котюкова пишет о том, что «в 1868 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман обратился к Святейшему синоду с ходатайством об учреждении в границах генерал-губернаторства самостоятельной епархии»⁵. Но это не так. Первым поборником создания самостоятельной православной епархии в Туркестанском крае был военный губернатор Семиреченской области генерал-майор Г.А. Колпаковский. А туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман заявлял: «Я не потерплю в Ташкенте ни архиерея, ни жандармов»⁶. Поэтому он вынужденно направил свое письмо в Святейший синод только 17 мая 1869 г.⁷. Учреждение Туркестанской епархии Русской православной церкви означало появление важного рычага влияния не только на православных жителей края, но и на всю региональную жизнь вообще, поскольку, как отмечалось, она считалась главным источником государственной идеологии и воспитателем большинства населения страны. Историк В.А. Федоров пишет о том, что «с утверждением абсолютизма в России Русская православная церковь фактически оказалась в полном подчинении светской власти, которая управляла ею с помощью государственного аппарата. Первейшей обязанностью церкви являлось насаждение верноподданнических чувств в народе – святости подчинения царской власти, ее почитания»⁸. Поэтому именно она была призвана привить

¹ Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: Сб. ст. ... С. 129.

² См.: Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – XX в.)... С. 51–86.

³ Там же. С. 8–50.

⁴ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета, объявленное Сенату Святейшим Синодом – О штатах Епархиального управления в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 4 мая 1871 г. // ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 1. СПб., 1874. № 49558. С. 433.

⁵ См.: Котюкова Т.В. Краина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 157.

⁶ Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия... С. 191.

⁷ ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 124 – Об устройстве Духовного управления в Туркестанском крае. Л. 30–31 об.

⁸ История России с древнейших времен до 1861 года... / под ред. Н.И. Павленко... С. 518.

православным переселенцам в Русском Туркестане те политические и нравственные качества, которые исключили бы в их поведении по отношению к «туземному» населению региона проявления негативного свойства, не соответствующие ценностям православия. Но Церковь не исполнила своего высокого предназначения, и это достойно особого внимания исследователей.

Об отношении православных переселенцев к местному населению Средней Азии мы писали выше, а здесь же нас интересует вопрос о том, почему Русская православная церковь, располагая исключительными возможностями и государственной поддержкой, так и не смогла воспитать достойных христиан, которые служили бы позитивным примером для «туземного» населения Средней Азии. Нельзя сказать, что она не стремилась к этому. Туркестанский епископ Аркадий (Карпинский) (1897–1902) писал: «Туземное население с каждым годом становится всё более и более фанатичным. Поэтому православное духовенство... относится к мусульманскому населению с должной осторожностью и вниманием, побуждая и свою паству к заботе о том, чтобы она своей жизнью не подавала к неблагоприятным заключениям относительно христианской веры вообще и ее местных исповедников в частности»¹. Однако это так и осталось благим намерением. Т.В. Котюкова отмечает, что туркестанские администраторы невысоко оценивали нравственные достоинства русских переселенцев, которые относились несправедливо к нуждам коренного населения, старались обмануть его и даже вступали с ним в открытые конфликты². Нам тоже приходилось писать об отношениях между мусульманами и христианами в отдельных разделах наших монографий³. В целом, мы приходили к выводу о том, что такие связи в религиозной плоскости были достаточно позитивными. С нашим мнением солидаризуется современный узбекистанский историк Ю.С. Флыгин, который, однако, почему-то сводит вышеуказанные отношения только к исламо-православным, хотя в Туркестанском крае было много представителей и других христианских исповеданий, тоже перманентно общавшихся с мусульманами на самых разных уровнях и в самых различных сферах жизни. Но в ракурсе рассматриваемой проблемы мнение ташкентского исследователя представляется особенно значимым. Флыгин признает, что «в целом, отношения между православными и мусульманами в Туркестане были достаточно спокойными. Это не означает, что между коренным и европейским населением не было конфликтов, тех или иных напряженностей. Но таковые не носили межконфессиональных противоречий, даже несмотря на то, что приходится признать, что во многих случаях идейным вдохновителем конфликтных настроений местного населения являлось мусульманское духовенство. Но такая его позиция была направлена против власти, но не против православной церкви. И это объяснялось тем, что при новой власти исламское духовенство утратило многие выгоды и преимущества своего положения в прошлые времена, в первую очередь материальные»⁴.

К. Маркс писал о том, что «главной чертой, отличающей православие от других разновидностей христианства, это – то же отождествление государства и церкви, гражданской и церковной жизни»⁵. В России такое отождествление со времен Петра I достигло

¹ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 162.

² Там же. С. 84–86.

³ См.: Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX– начало XX вв.). Гл. 1, § 4. Христианские религиозные объединения в системе этноконфессиональных связей в Средней Азии... С. 120–134; Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по арх. мат-лам). Гл. 6. Ислам в системе этноконфессиональных связей в Русском Туркестане... С. 213–248.

⁴ Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867–1917)... С. 54.

⁵ Маркс К. Греческое восстание // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10. М., 1958. С. 130.

высшей степени воплощения. Выдающийся российский государственный деятель С.Ю. Витте отмечал: «Церковь превратилась в мертвое бюрократическое учреждение, православные служения – в службы не Богу, а земным богам, всякое православие – в православное язычество... Мы постепенно становимся меньше христианами, нежели адепты всех других христианских религий. Мы делаемся постепенно менее всех верующими... Вот в чем заключается главная опасность для России... Без живой Церкви религия обращается в философию, а не входит в жизнь и ее не регулирует. Без религии же масса превращается в зверей, но зверей худшего типа»¹. Известный церковно-общественный деятель дореволюционной России, депутат Государственной думы митрополит Евлогий (Георгиевский) писал в эмиграции: «Чудный дар свободы наша Русская Церковь не сберегла и попала под влияние государства. Политика вошла в Церковь и значительно угасила горение духа, связала, сковывала свободу ее жизни, и Церковь, подчиненная государству, стала терять в народе авторитет... Государство брало от Церкви больше, чем давало ей... Примат светской власти подавлял свободу Церкви сверху донизу: архиереи зависели от губернаторов и должны были через священников проводить их политику. Церковь, безвластная и безгласная, должна была делать то, что ей прикажут»². Популярный российский политэмигрант Питирим Сорокин указывал: «Всякому, знакомому с религиозной жизнью России до революции, известно, что православная церковь обладала очень многими дефектами. Синод был департаментом правительства, священники – в значительной мере чиновниками-бюрократами, приход – простой административной единицей, паства – массой, отданной в опеку духовных чиновников и бюрократически объединенной в приходы. Живой религиозной связи паствы друг с другом и с духовенством почти не было, живого духа было мало... Перед нами было “ведомство православного исповедания”, а не действительная православная церковь»³. Известный советский историк Н.Я. Эйдельман писал о том, что «в России относительно слабую церковь во многом подменяла верховная власть: для сравнительно менее завоеванного церковью народа царь “заменял” бога»⁴. По его мнению, углублению этой исторической особенности способствовал церковный раскол, сменивший выборность попов общинами на государственный контроль. Разрыв между народом и клиром, отчуждение духовенства и народа усилились. Уже Петра I многие считали антихристом. Упразднение патриаршества рассматривалось как «объявление царем самого себя патриархом»⁵. Выдающийся русский писатель Н.А. Добролюбов отмечал: «Известно, что православная церковь и деспотизм взаимно поддерживают друг друга; эта круговая порука очень понятна»⁶.

Влияние Церкви на государственную жизнь зависело прежде всего от православного духовенства, которое, как мы полагаем, после церковной реформы Петра Великого постепенно деградировало. Канадский специалист Д. Поспеловский пишет: «Отмена им (Петром I) патриаршества, введение синодальной системы с подчинением церкви бюрократическому аппарату лишили ее самостоятельного голоса в обществе, права печалования перед государем за гонимых... Бюрократия смотрела на церковь как на идеологический

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 365–366.

² Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 7, 181.

³ Сорокин П. Современное состояние России: К 80-летию первой публикации // Безопасность Евразии. 2002. № 4 (10). С. 98.

⁴ Эйдельман Н.Я. Грань веков: Политическая борьба в России: Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1986. С. 36.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Добролюбов Н.А. Собр. соч. Т. 1. М. – Л., 1961. С. 101.

приводной ремень своей политики... духовенство было бедным и угнетенным»¹. Князь С.П. Гагарин писал в 1871 г. министру внутренних дел А.Е. Тимашеву: «Духовенство наше необразованно, грубо... и образом жизни выделяется из народа, не оказывая на него ни малейшего влияния... Духовенство не умеет даже говорить языком, понятным для народа... Трудно вообразить, какие грубые неясные понятия об основных предметах богопочитания коренятся в массе народа. Знакомясь с ним, недоумеваешь, как мог этот народ 800 лет прожить в христианстве и не принять первых христианских понятий»². В последующем качество православного духовенства только ухудшалось. На наш взгляд, процесс усилился в пореформенный период, когда в стране набирали силу капиталистические отношения, повлиявшие на весь многовековой уклад народной жизни. Ни сама Церковь, ни ее служители, ни православная паства тоже не могли избежать их влияния. В стране нарастали антицерковные настроения, особенно среди интеллигенции. Вирус нигилизма поразил широкие слои молодежи, представители которой не желали связывать свою судьбу с церковным служением. Но даже среди тех, кто имел такую связь, были сомнительные настроения. Историк В.Я. Гросул отмечает, что в пореформенный период «серьезным свидетельством кризиса церкви стало брожение и даже откровенные бунты в церковных учебных заведениях как средних, так и высших – духовных академиях»³. Исследователь Т.Г. Леонтьева считает, что православное духовенство нравственно разлагалась уже со времени обучения в духовных семинариях. Она указывает, что воспитанники одной из крупнейших духовных семинарий в России – Тверской вели себя совершенно неподобающе их сану: употребляли алкоголь, курили, дрались и т. д.⁴. Известны забастовки в духовных семинариях в Смоленске и Харькове, сопровождавшиеся погромами со стороны воспитанников. 9 марта 1906 г. иеромонах Алексей (Симанский) – будущий «советский» патриарх Русской православной церкви писал епископу Псковскому Арсению (Стадницкому): «Ужасы смоленские и харьковские потрясли меня страшно. Возможно ли служить дальше при таких условиях? Тут дело не в страхе за себя, а в принципе. Подобные известия действуют страшно развращающе на учеников: “значит, и нам можно”»⁵. Он отмечал, что сам отобрал у слушателей Псковской духовной семинарии листовку, прославляющую руководителя восстания моряков Черноморского флота П.П. Шмидта, после чего слушатели отправились в зал, где пели песню: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». После выговора со стороны преподавателя один из семинаристов ушел в спальню, где повесился на веревке. Иеромонах Алексей заключал в письме: «Теперь вообще век убытка и горя всякого рода»⁶. Политик и профессиональный историк П.Н. Милюков писал в эмиграции о том, что в царское время «сохранялся низкий уровень культуры пастырей почти до последнего времени, и это явление само по себе свидетельствовало о еще более низком уровне религиозного сознания пасомых»⁷.

¹ *Поспеловский Д.* Русская православная церковь: испытание начала XX в. // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 42.

² *Пругавин Л.С.* Старообрядчество во второй половине XIX века: Очерки по новейшей истории раскола. М., 1904. С. 68.

³ *Гросул В.Я.* Истоки трех русских революций // Отечественная история. 1997. № 6. С. 45.

⁴ *Леонтьева Т.Г.* Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 174.

⁵ Патриарх Московский и всея Руси Алексей I (Симанский): Документы, письма, материалы. 1900–1919 гг. / М.И. Одинцов // Исторический архив. 2013. № 6. С. 105.

⁶ Там же. С. 107.

⁷ *Милюков П.Н.* Социологические основы русского исторического процесса // Отечественная история. 2008. № 1. С. 162.

На национальных окраинах эта проблема была особенно острой, в том числе, понятно, в Туркестанском крае. Т.В. Котюкова отмечает, что даже в 1912 г. в Туркестанском крае «в составе епархиального духовенства не было ни одного человека с полным высшим образованием», с полным средним образованием – 71, с низшим – 199, домашним – 29 священников¹. Но и ранее положение с образованностью и профессионализмом православного клира в Средней Азии было не лучшим. Первый епископ Туркестанский и Ташкентский Софоний (Сокольский) писал в своем первом отчете в Святейший синод о положении в епархии в 1872 г.: «Проповеди собственного сочинения, читаемые с особой целью и применением к местным нравам, обычаям и вообще образу жизни слушающих, говорятя довольно редко... В служении литургии допускается много вольностей, священники не знают ни Церковного Устава, ни постановлений Синода... На Великом выходе иными священниками не только не произносится вполне вся Царская Фамилия, но не говорится и в сокращенном виде... Священники даже простейшие элементы говорят по книге... Иные священники смотрят равнодушно на то, что в дальних выселках люди умирают без церковного напутствия и зарываются без молитв и прочих обрядов»². Время не изменило ситуацию. В своем последнем отчете в Святейший синод о положении в епархии в 1916 г., в год широкомасштабного восстания коренного населения против царской власти и русскоязычной диаспоры, епископ Иннокентий (Пустынский) отмечал: «Отношение духовенства к богослужению большей частью формальное. Уважением и доверием прихожан пользуются очень немногие, доказательством чего являются многочисленные жалобы, доходящие нередко до Св. Синода и даже до высоты Престола Царского... По своей личной духовной нравственности многие из духовенства безупречны, но гораздо большая часть ниже своего положения. Между последними *есть хронические алкоголики, достающие спиртные напитки даже среди всеобщей трезвости; есть сутяги, дерзкие, гордые, корыстолюбивые, ленивые... Многих из них изгоняли, но многих приходится терпеть, ибо их некем заменить*»³ (курсив наш. – П.Л.).

Естественно, что такого рода «пастыри» не могли должным образом воспитывать своих прихожан в Туркестанской епархии. Ее религиозно-нравственное состояние вызывало тревогу. Однако было бы ошибочным обвинять в его снижении только профессионально никчемное духовенство. Во многих местах края фактически изначально не хватало богослужебных заведений – не только церквей, но даже молитвенных домов и часовен. Священник Г. Богословский писал в 1894 г.: «Поопустился ты, бедный христианин, лишенный Храма Божия и руководства церковного... Много лет он не ходил в Храм Божий, не слышал поучительного слова, не молился Богу, прося о ниспослании благорастворения воздушных дождей благовременных, видел, наоборот, что урожай, главным образом, зависит от своевременного полива, то есть от него самого, и вот крестьянин говорит: “Здесь и без Бога жить можно”»⁴. Известный российский исламовед и туркестанский общественный деятель Н.П. Остроумов печалился: «Как не окиргизиться простому добросердечному русскому человеку, загнанному нуждой, а иногда и недоразумением в неизвестную даль, за тысячи верст, где русского ничего нет, кроме имени “Россия” и русского начальства? Надо еще удивляться, что при такой беспомощности русский человек совсем не пропадает»⁵.

¹ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 160.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 502 – Отчет Туркестанского епископа Софония о положении в епархии в 1872 г. Л. 16 об., 17 об., 20.

³ Там же. Л. 49, 50, 51.

⁴ Богословский Г. Первые впечатления священника [села] Покровского Аулиеатинского уезда Туркестанской епархии // Туркестанские ведомости. 1894. № 92. 18 декабря.

⁵ Остроумов Н.П. Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб., 1888. С. 67.

Однако так было не везде. В «старожильческих» селениях Туркестанского края православные были весьма зажиточными людьми и жертвовали на содержание своих храмов с тем, чтобы они были лучше церковей в соседних населенных пунктах. Так, например, жители селения Сазановка Пржевальского уезда выписали в 1905 г. за свой счет иконостас ценной в 6.000 руб., сгоревший в пламени восстания 1916 г., которое было особенно жарким в Прииссыккулье¹. Кое-что из церковного имущества присваивались повстанцами. Начальник Джергаланского отряда отмечал 28 августа 1916 г. в рапорте военному губернатору Семиреченской области генерал-лейтенанту М.А. Фольбауму, что «у киргизов нашли церковные вещи»². Вряд ли это можно считать воровством, скорее всего, кочевники-повстанцы просто брали в храмах те вещи, которые представлялись им диковинными и красивыми – подсвечники, чаши, лампы, диски, звезды и т. п.

Особенно остро проблема отсутствия религиозного призрения ощущалась в новосельских агломерациях, выросших, как грибы, в период «стольпинского» переселения в Туркестанский край. Ее пытались решить при помощи разъездных священников, однако они посещали новоселов не чаще одного раза в месяц и потому многих православных хоронили без присутствия священнослужителей. Отчасти из-за отсутствия церковного призрения жизнь переселенцев, как отмечалось, страдала многими нравственными изъянами. Вместе с тем в некоторых селениях православные жители открыто выступали против своих «пастырей». Военный губернатор Ферганской области, тогда еще генерал-майор А.И. Гиппиус сообщал 26 сентября 1909 г. недавно назначенному туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову о том, что переселенцы в селении Успенском Наманганского уезда жаловались ему на священника: «Так что мы и порешили: что ж в церковь ходить, так и не ходим»³. Он утверждал, что «на священника они устраивают форменную травлю, а церкви объявили бойкот»⁴. В некоторых местах Туркестанской епархии дело доходило до открытого оскорбления церковников со стороны православной паствы⁵. Митрополит Среднеазиатский Владимир (Иким) писал о том, что в 1912 г. туркестанский священник Евстафий Малаховский в статье «Старожилы и новоселы» отмечал падение религиозно-нравственного уровня новых контингентов переселенцев и с болью писал «о безобразном пьянстве, корыстолюбии и лени таких новоселов, о случаях оскорбления ими духовенства»⁶ (курсив наш. – П.Л.). Впрочем, и сами священники частенько обкладывали бранью своих прихожан⁷. В ряде мест Туркестанской епархии православные крестьянские

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 89 – О беспорядках, вызванных призывом инородцев на работы. Л. 258.

² ЦГА Кыр. Ф. 75. Оп. 1. Д. 34 – Рапорты уездных начальников Генерал-Губернатору с описанием мятежа киргиз 1916 года. Л. 44.

³ Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. ... С. 477.

⁴ Там же.

⁵ См., напр.: ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 251 – О мещанине Жуковском, обвиненном в оскорбительных выражениях Православной веры (1904); ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 17777 – По жалобе священника сел. Бобрикова Тихона Саса на бездействие власти сельского старосты Дмитрия Малиенко в оскорблении его на словах крестьянами Вас. Мазниченко, Петром Михайловым, Григор. Мирошниченко, Киприаном Желтяковым и Никитой Туренко (30 сент. 1915); ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 18521 – По ходатайству Лепсинского уездного начальника о прекращении переписки по обвинению крестьян Степана Жунтова и Федора Хмель в выбитии стекол в окне дома священника Мстислава Никольского (ноябрь 1915) и др.

⁶ Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия... С. 213.

⁷ См., напр.: ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 21205 – По надписи Верненского уездного начальника с препровождением рапорта Софийского станичного атамана о нанесении ему оскорблений священником Надеждиным (1872–73).

сообщества отказывались выделять земли для местных причтов, а во многих случаях они выступали за сокращение наделов для них. Священники, которым сельские общины выделяли недостаточные «причтовые» наделы, вынуждены были арендовать земли у кочевников¹. В некоторых селениях православные отказывались содержать церковные причты. Было бы ошибочным полагать, что краевая администрация сразу же принуждала их к обратному. Так, например, в 1891 г. православные жители селения Чалдовар Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области отказались оплачивать содержание предполагаемого церковного причта. Уговоры их не возымели действия, и туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант А.Б. Вревский просил военного министра П.С. Ванновского ходатайствовать перед высшей властью о назначении казенного содержания священнослужителям. Тот так и сделал. В результате, Государственный совет 9 ноября 1891 г. постановил: «Разрешить учреждение, с будущего 1892 года, в сел. Чалдоваре, Сыр-дарьинской области, особого церковного причта с отпуском на содержание оного пятисот семидесяти рублей в год, начиная с января 1892 года»². Чалдоварский причт получал эту сумму в течение полутора десятилетий и считал ее неудовлетворительной. Он требовал, чтобы его услуги оплачивала сельская паства. Однако в 1908 г. чалдоварцы составили новый общественный приговор об отказе содержать местный причт.

Туркестанские генерал-губернаторы, за редким исключением (по свидетельству митрополита Бишкекского и Среднеазиатского Владимира, «из всех сменявшихся один за другим генерал-губернаторов Туркестана только генерал Н.А. Иванов доброжелательно относился к православному духовенству»³), относились к церковникам без особого пиетета, и 5 марта 1908 г. главный начальник Туркестанского края генерал от инфантерии Н.И. Гродеков просил военного министра А.Ф. Редигера добиться продолжения содержания церковного причта в селении Чалдовар за казенный счет⁴. Однако 19 апреля 1908 г. Главный штаб уведомил Канцелярию туркестанского генерал-губернатора о том, что военный министр не нашел оснований для освобождения чалдоварцев от платы церковному причту. Тем не менее, новый туркестанский генерал-губернатор П.И. Мищенко вынес вопрос на обсуждение в состоявшем при нем краевом Совете. Последний на заседании от 8 января 1909 г. поддержал позицию православной паствы селения Чалдовар, о чем Мищенко сообщил военному министру 21 февраля 1909 г.⁵. Вопрос повис в воздухе до осени 1909 г., пока Военное министерство не закрыло его, порекомендовав возложить содержание причта на православную паству Чалдовара безоговорочно.

Случаи отказа православных платить церковным причтам в Туркестанской епархии имели место и в других местах, в связи с чем краевой администрации приходилось применять власть⁶. В 1890 г. краевая канцелярия была вынуждена завести специальное дело

¹ См., напр.: ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 42786 – Муромцев, священник Токмакского прихода, об аренде им земли у киргиз Тынаевской волости в 3 десятины (1902).

² Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного совета – О расходе на содержание причта в сел. Чалдовар. 9 ноября 1891 г. // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 8050. С. 602.

³ См.: *Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский*. Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия... С. 192.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3670 – По ходатайству крестьян селения Чалдовар об освобождении их от расходов на содержание церковного причта (14 марта 1908–16 окт. 1909). Л. 1.

⁵ Там же. Л. 9 об.

⁶ См. напр.: ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 25790 – По ходатайству Туркестанской Духовной Консistorии о понуждении крестьян селения Покровского Пржевальского уезда о внесении 300 р. на содержание причта (март 1916). 7 л.; ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 26598 – О привлечении жителей сел. Казанско-Богородского к участию в расходах по содержанию дома церковного причта в выселке Любновом (ноябрь 1898). 11 л.

о пороках православного воспитания в сельских приходах Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области¹. Нам приходилось отмечать, что «попытки православных “пастырей” поправить свое положение за счет повышения расценок “на услуги” вели к обострению отношений духовенства с паствой»². Личное поведение туркестанских архиереев тоже не способствовало повышению авторитета Церкви в крае. Так, епископ Димитрий (Абашидзе) в 1910 г., после кончины в Ташкенте известной российской актрисы В.Ф. Комиссаржевской, запретил отпевать ее, чем вызвал возмущение не только общественности, но и туркестанской администрации. Газета «Туркестанские ведомости» открыто осудила поступок архиерея, подчеркнув «нерусское происхождение» самого бывшего грузинского князя Давида Абашидзе³. В крае не раз обсуждали факты скандального поведения епископа Туркестанского и Ташкентского Паисия (Виноградова), управлявшего епархией в 1902–1906 гг. Епископ Григорий (Полетаев) (1892–1895 гг.) имел напряженные отношения с туркестанской администрацией, лично с генерал-губернатором А.Б. Вревским и краевой интеллигенцией. Следствием конфликта стала передача в 1900 г. из епархиального ведения в подчинение протопресвитера военного и морского духовенства 34 туркестанских храмов и приходов⁴. Это был удар по епархиальным властям, который нанес тогдашний военный министр, «старый туркестанец» А.Н. Куропаткин. В 1910 г. архиерей Димитрий (Абашидзе) возвратил в свое ведение почти все отобранные ранее храмы и приходы, однако не из-за церковного рвения, а в большей степени потому, что Военное министерство само хотело сэкономить средства своего бюджета, избавившись от содержания церквей и приходов.

Равнодушное отношение туркестанской военной власти к краевому духовенству вызвало снижение его авторитета и на местном уровне. Так, в 1896 г. Ташкентская городская дума долгое время отказывалась выделить участок под строительство архиерейского дома в связи с предполагавшимся переносом епископской кафедры в краевой центр. Участок был выделен только под нажимом высшей правительственной администрации, однако тогда, когда вопрос о переезде епископа в Ташкент практически отпал. Журнал «Среднеазиатский вестник» подчеркивал, что против выделения участка выступали «гласные не из числа мусульман, католиков и лютеран, а из числа чисто русских людей»⁵. Более того, в 1901 г. Ташкентская дума приняла решение об изъятии участка у епархии. Протесты туркестанского епископа Аркадия (Карпинского) не возымели действия. Участок в городе так и не был возвращен епархиальному ведомству. Взамен Дума предоставила епархии земельное владение за городской чертой – на так называемом Никифоровском участке, в пяти км от Ташкента, что было расценено архиереем как оскорбление. Протоиерей М. Колобов указывал, что и на этот раз «постарались» депутаты Ташкентской думы из числа православных⁶. В 1911 г. отказалась выделить участок для строительства архиерейских служб Верненская городская дума. И в этом случае сыграла свою роль позиция православных «гласных» Думы, потребовавших от епархиального руководства оплаты предоставляемых земель по существующим расценкам. Понадобилось проведение нескольких заседаний и решительное вмешательство семиреченского губернатора

¹ См.: ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 5. Д. 392 – О скудости религиозно-нравственного воспитания в поселках Аулиеатинского уезда.

² Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – XX в.)... С. 27.

³ Туркестанские ведомости. 1910. № 47. 2 марта.

⁴ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – XX в.)... С. 11–12.

⁵ Среднеазиатский вестник. Ташкент, 1896. Октябрь. С. 101.

⁶ Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. № 12. 15 июня.

М.А. Фольбаума, с тем чтобы Дума приняла решение о выделении епархии бесплатного участка¹.

Характерно, что позиция Верненской думы по отношению к епархиальному руководству не вызвала заметного возмущения среди населения города, большинство которого составляли православные. Однако самое любопытное заключалось в том, что в то же время Верненская городская дума охотно и без проволочек выделила участок земли под строительство местной тюрьмы. Таким образом, сказывалось общее снижение уровня религиозности населения в предреволюционной России, признанное не только «воинствующими материалистами», но и многими видными правительственными деятелями того времени, о чем мы писали выше. Тем не менее, Е.Е. Озмитель отмечает, что «послереволюционная судьба православной культуры может служить свидетельством того, *насколько крепкими в вере, несмотря ни на что, оказались сельские жители Туркестана*». Но чуть ниже она, противореча себе же, пишет: «На примере приходов на *территории* сел на *территории* Киргизии (так в тексте. – *П.Л.*) мы можем видеть, что сельские храмы здесь *разрушались самими жителями*, небогатое церковное имущество не вывозилось за границу (? – *П.Л.*), а *разворовывалось* на месте»² (курсив наш. – *П.Л.*).

Таким образом, общая ситуация в Туркестанской православной епархии фактически изначально оставляла желать лучшего. В начале XX в. многие православные края, недовольные Церковью, стали переходить в сектантство – баптизм, адвентизм, молоканство и др. Однако наиболее тревожными для Русской православной церкви в Средней Азии стали участвовавшие случаи перехода православных христиан в ислам, о чем нам приходилось писать весьма подробно³. Естественно, что во время восстания 1916 г. «новоявленные» мусульмане из числа русских переселенцев не пострадали, так как уже срослись с исламским социумом региона.

Было бы ошибочным полагать, что мусульмане Средней Азии относились враждебно к присутствию в регионе православных храмов и духовенства. К известному туркестанскому священнику Андрею Малову, первому ворвавшемуся в 1865 г. в Ташкент через Камаланские ворота, ходили «на чай» видные представители исламского «клира» и вели с ним длительные дружеские беседы. «Патриарх» православного духовенства Туркестана не только хорошо разбирался в исламе, но и превосходно знал «туземные» наречия. 26 февраля 1899 г., за месяц до его смерти, во время чествования по случаю 60-летия пастырской службы отца Андрея среди прочих приветствовала и делегация ташкентского мусульманского духовенства. Дружественные отношения с исламским духовенством поддерживал проработавший много лет в г. Катта-курган православный священник Алексей Зеленецкий. В 1872 г. он стал обучать, с согласия родителей, детей-мусульман. Опыт был признан полезным, и с 1880 г. в школу стали принимать и девочек-мусульманок, что было явлением весьма редкостным для всего края. В 1884 г. отец А. Зеленецкий открыл при школе вечерние курсы для взрослых. «Туркестанские ведомости» подчеркивали, что, «желая избежать обвинений в посягательстве курсов на вероисповедание учащихся, отец Алексей предоставил преподавание на них учительнице З., а затем ее приемницам»⁴.

¹ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 51840 – По жалобе уполномоченного Туркестанской Духовной Консistorии Олферьева на отказ Верненской городской управы отвода места для постройки здания для Духовной Консistorии. Л. 18–45 об.

² *Озмитель Е.Е.* Религиозно-нравственное состояние переселенцев в Туркестане... С. 293.

³ См.: *Литвинов П.П.* От Христа к Магомету: религиозное ренегатство в Средней Азии (конец XIX – начало XX вв.) (по арх. мат-лам) // *Собор: Альманах по религиоведению.* Елец: Изд-во ЕГПИ, 1999. С. 131–151.

⁴ Туркестанские ведомости. 1893. № 78. 19 сентября.

Такого рода «опыты» имели место и в некоторых других приходах, но вначале их проведение зависело только от соответствующих личных настроений и желаний православных «пастырей». Однако в 1881 г. и. д. туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковский издал распоряжение, предписывавшее всем православным священникам принимать в церковно-приходские школы всех желающих «туземных» детей. Но дело не получило широкого размаха – частично из-за опасений мусульман в том, что из их детей постепенно сделают христианами, но и в немалой мере из-за отсутствия должного энтузиазма самих «пастырей», многие из которых неохотно брались за обучение даже православных детей, перекладывая эти заботы на псаломщиков. К началу 1894 г. в крае всё же имелось четыре русско-мусульманских церковно-приходских школы, в которых обучалось 76 учащихся¹. Школ такого рода и мусульманских учащихся в них могло быть и больше, но с середины 1880-х гг. «передовые» мусульмане предпочитали отдавать своих детей в так называемые «русско-туземные» школы – государственные (светские) учебные заведения, но с преподаванием для учащихся-мусульман шариата.

Примеров, приведенных выше, было немного и, понятно, дело было не только в личных качествах представителей православного клира. Туркестанская администрация и епархиальные власти ориентировали священников на терпимое и уважительное отношение к религии подавляющего большинства населения Средней Азии². Более того, Православная церковь в Туркестане не ставила своей целью серьезный подрыв позиций ислама. Когда в начале 1880-х гг. в правительстве появилось намерение ущемить права мусульманских учреждений на вакуфные имущества в Средней Азии, что очень сильно подорвало бы материальную основу существовавших учреждений ислама в регионе, то одним из первых против этого выступил туркестанский православный епископ Александр (Кульчицкий), заявивший, что «уничтожение благотворительных вакуфов и ограничение их прав было бы не только негосударственным, но и нехристианским делом»³. Мусульманские лидеры Туркестана, приготовившиеся было к серьезному сопротивлению правительственным намерениям, высоко оценили позицию православного священника. Туркестанский епископ Неофит (Неводчиков) поддержал инициативу туркестанской администрации о выделении государственных средств на капитальный ремонт знаменитой ташкентской мечети «Ходжа Ахрор», вступившей в строй, кстати, одновременно с освящением новопостроенного ташкентского кафедрального военного Спасо-Преображенского собора. И в последующем православные епархиальные власти, испытывавшие недостаток в средствах на строительство своих молитвенных учреждений, не препятствовали государственной поддержке исламских исторических памятников в Самарканде, г. Туркестане, Байрам-Али, Мерве и др.

«Мусульманское духовенство, достаточно тонко разбиравшееся в конфессиональной структуре христианства в Средней Азии, имело особое отношение к Православной церкви в регионе, рассматривая ее как важнейший атрибут российской государственности, с которым нельзя не считаться. Характерно, что, порицая во многом еврохристианскую российскую цивилизацию, привнесшую, по словам сенатора К. Палена, “в среду среднеазиатских народностей массу отрицательных сторон”, мусульманское духовенство избегало открытых выпадов против христианства как религии, тем более против Православия. Таким образом, оно отделяло чисто конфессиональные признаки от их огосударственного выражения.

¹ Туркестанские ведомости. 1894. № 3. 13 января.

² В регионе из «иноверцев» также функционировали общины среднеазиатских, так называемых «бухарских» евреев-иудаистов и малочисленные группы приверженцев индуизма.

³ Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса... С. 353.

В «коренных» областях Туркестанского края, где оседлое мусульманское население было особенно «твердым» в вере Пророка, христианские богослужебные учреждения не подвергались нападению даже во время восстаний¹. И в Закаспийской области не было таких случаев. Только в Семиреченской области такого рода эксцессы имели место, но об этом мы еще выскажемся подробнее ниже. Более того, «твердые» мусульмане проявляли интерес к православно-литургии. Сенатор-ревизор Туркестанского края Гирс писал в 1880-х гг. о том, что многие мусульмане проявляли искреннее любопытство к православному богослужению и выражали желание посетить христианские храмы². Это утверждение могло показаться преувеличением столичного чиновника, плохо знавшего туркестанскую действительность. Однако проблема действительно существовала. В 1899 г. туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской просил епископа Аркадия (Карпинского) решить вопрос о том, на каких условиях мусульмане могут посещать православные храмы, подчеркивая, что надо определиться «по точному согласованию... с существующими каноническими правилами». Архиепископ и сам не знал таких «правил», а потому обратился за соответствующими разъяснениями в Святейший синод. Можно предположить, что ранее подобных прецедентов не возникало, поскольку мусульмане Поволжья, Урала, Западной Сибири, Крыма и других мест, издавна соседствовавших с православными богослужебными учреждениями, видимо, не изъявляли желания посещать их. Поэтому Святейший синод долго изучал возникшую проблему и только 20 февраля 1901 г. провел специальное заседание по этому вопросу и принял решение о разрешении мусульманам Средней Азии посещать православные храмы, если от этого не будет «предвидеться оскорбление вере»³. Протопресвитер военного и морского духовенства А. Желобовский, посетивший Туркестанский край в начале XX в., писал в отчете о поездке, что мусульмане стали чаще посещать православные церкви во время богослужений⁴. Документы, отзывы современников свидетельствуют о том, что наибольшее любопытство вызывали у мусульман открытые православные церемониалы, такие как крестные ходы, освящения закладки зданий новых храмов и прочих объектов, и даже похороны. Для того чтобы понаблюдать за ними со стороны, собирались толпы приверженцев ислама. Особенный интерес вызывала православная обрядность у малоискушенных в исламе кочевников. Так, например, во время визита православного священника Соколова на Восточный Памир для освящения новопостроенных казарм пограничников на Мургабском посту местные кыргызы, пораженные облачением «пастыря», его манипуляциями и всей торжественностью обстановки, старательно повторяли все его действия, в том числе и крестное знамение, а потом ходили за ним толпами. После отъезда священника среди памирских кыргызов долго ходили слухи о том, что к пограничникам приезжал сам «русский бог»⁵. Английский путешественник Дж. Добсон был свидетелем случая, когда в 1885 г. во время освящения новой аптеки в Кызыл-Арвате проезжавшие мимо туркмены остановились и стали молиться вместе с собравшимися, повторяя, по возможности, все их движения. На удивленные вопросы присутствующих они отвечали: «А что, разве у вас есть собственный бог?»⁶.

¹ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – XX в.)... С. 123.

² Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса... С. 458.

³ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – XX в.)... С. 124.

⁴ ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 100 – По отчету Протопресвитера военного и морского духовенства по обозрению церквей Туркестанского военного округа (1901). Л. 6.

⁵ См.: Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – XX в.)... С. 124.

⁶ Dobson G. Russia's railway advance into Central Asia: Notes of a journey from St. Peterburg to Samarkand. London: W. H. Allen & Co., 1890.

Известный интерес проявляли мусульмане и к познанию основ христианского вероучения. После того, как в 1883 г. в Ташкенте Библейским обществом был открыт магазин-склад по торговле книгами Священного Писания, в том числе и на среднеазиатских наречиях, мусульмане не оставили его без внимания. В 1883 г. «Библейское депо» продало им 143 Библии и 317 Евангелий, а в 1884 г. – семь Библий и 542 Евангелий, а также значительное количество так называемых «Частей»¹. Заведующий «Библейским депо» Г. Барч свидетельствовал о том, что мусульмане, приобретая христианскую литературу, нередко устраивали здесь же ее коллективную читку. «Особенно сильное впечатление производит 5 глава Евангелия от Матфея, – писал он. – Некоторые сидят по-восточному, другие стоят, но от всех слышатся возгласы удивления. Особенно сильно выражалось удивление, когда раз таким образом была прочитана 21 глава Откровения о Новом Небесном Иерусалиме; слушатели следили с самым напряженным вниманием, боясь проронить словечко»². Снабжение мусульман христианской литературой могло продолжаться и дольше, если бы туркестанская администрация не закрыла «Библейское депо» из опасений недовольства мусульманского духовенства. Безусловно, нет оснований преувеличивать интерес мусульман к христианской литературе в смысле ее воздействия на их конфессиональную ментальность. Н.П. Остроумов отмечал, что «любопытные мусульмане могут из любопытства принять Библию и, пожалуй, даже почитать, но с тем, чтобы потом никогда о ней не думать»³. Тем не менее, «Туркестанские ведомости» писали в 1889 г. о том, что некоторые представители мусульманского духовенства были встревожены такими читательскими интересами своей паствы⁴. Последние, видимо, имели место и в последующем, поскольку и. д. сырдарьинского губернатора полковник П.И. Хомутов сообщал туркестанскому генерал-губернатору С.М. Духовскому о том, что студенты медресе «Ходжа Ахрор» в Ташкенте избили сарта Сеид-казы Ахматова за то, что он читал Евангелие на «туземном» языке, причем книга была разорвана и растоптана толпой⁵. Такого рода агрессивность, однако, не была повсеместной, поскольку, пожалуй, лишь муллабачи (студенты медресе) и туркестанские ишаны отличались воинственным настроением по отношению к христианству как религии. Большой знаток Туркестана В.П. Наливкин писал о том, что большинство мусульман относились снисходительно к православным христианам, считая их «язычниками» и «многобожниками» за то, что они «признавали Троицу»⁶. Но наиболее любопытные из них не считали большим грехом ознакомиться с теологическими основами христианской религии российских пришельцев в местах их многовекового обитания.

Факты свидетельствуют о том, что, кроме стремления к сохранению стабильного положения в регионе, туркестанская администрация и епархиальные власти как два столпа российской государственности и цивилизации в Средней Азии не были заинтересованы в религиозной деморализации коренного мусульманского населения, хотя некоторые правительственные деятели и считали ее вернейшим средством приобщения последнего к формам российской жизни и культуры. С этой же целью туркестанская администрация изначально выступала против миссионерской активности православия среди мусульманского населения Средней Азии. В августе 1869 г. туркестанский генерал-губернатор

¹ ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2560 – О деятельности Библейского общества в Туркестанском крае (1884). Л. 21, 28.

² Там же. Л. 14 об.

³ Миссионерский противомусульманский сборник. Вып. XX. Казань, 1884. С. 12.

⁴ Туркестанские ведомости. 1889. № 41. 10 октября.

⁵ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – XX в.)... С. 125.

⁶ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 51.

Кауфман писал обер-прокурору Святейшего синода Д.А. Толстому: «Миссионерство наше здесь может идти не с крестом, а лишь с книгой в руках... Только посредством школ... без всякого религиозного вмешательства мы можем надеяться ослабить мусульманство там, где оно дошло до фанатизма, и не дойти до него там, где мусульманство мало окрепло, как, например, среди киргизов»¹. Кауфман считал, что «безумно раскладывать костры в соседстве с горючим материалом»². Некоторые попытки крещения неокрепших в исламе казахов и киргизов были предприняты в Семиреченской области, где их поддерживал соперник Кауфмана за лавры «устроителя» Туркестанского края местный губернатор генерал Г.А. Колпаковский. Однако эти попытки имели весьма скромные результаты, встревожившие, тем не менее, «киргизские» сообщества. Поэтому Кауфман в 1881 г. в проекте «Всеподданнейшего отчета» подчеркивал, что у кочевников «мировоззрение мусульманское... трогать их верование безнаказанно нельзя, как и у настоящих, у истых мусульман»³.

Таким образом, Русская православная церковь в дореволюционной Средней Азии не занималась активным миссионерством, хотя на территории «Киргизской степи» (Центральный, Западный и Северный Казахстан) функционировали ее миссионерские станы⁴. Безусловно, единичные факты крещения мусульман имели место, особенно в кочевой среде, что заслуживает специального изучения, однако они вряд ли могли стать важным импульсом, побудившим мусульман Туркестанского края восстать против царской власти и православной религии. Поэтому есть основания утверждать, что восставшие в 1916 г. мусульмане не видели в ней очевидного врага, за исключением разве что сторонников крайних взглядов из исламского духовенства и ангажированных панисламистов. Еще глава правительственной ревизии Туркестанского края 1882–1883 гг. сенатор Ф.К. Гирс отмечал, что в Средней Азии мусульмане относятся к православию и его духовенству хорошо⁵. Поэтому во время восстания 1916 г. богослужебные учреждения Русской православной церкви пострадали только в некоторых местах Семиречья, особенно в населенном кочевниками Прииссыккулье. Однако, несмотря на это обстоятельство, на наш взгляд, восстание 1916 г. не было направлено против Русской православной церкви и христианства вообще.

Вместе с тем, нет оснований утверждать, что ислам в Туркестане вел организованное и целенаправленное наступление на позиции христианства и, прежде всего, православия. Во-первых, у него не было регионального консолидирующего организационного центра, который мог бы возглавить прозелитическую работу и финансировать ее. Во-вторых, российское законодательство стояло несокрушимой преградой на пути антиправославного миссионерства. Статья 4 «Устава духовных дел иностранных исповеданий» гласила: «В пределах государства одна господствующая Православная церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере (а). Духовные же и светские лица прочих христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям в уголовных законах определенных (б)»⁶. Статья 184 «Уложения о наказаниях» угрожала лицам, совратившим православных

¹ ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 124 – Об устройстве Духовного управления в Туркестанском крае (1867). Л. 36.

² Туркестанские епархиальные ведомости. 1908. № 18. 15 сентября.

³ Кауфман. Проект Всеподданнейшего отчета. СПб., 1885. С. 440.

⁴ См.: Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане... С. 38.

⁵ Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса... С. 458.

⁶ Свод законов Российской империи. Издание 1857 года. Т. 11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. С. 5.

в «иноверие» (ислам, иудаизм, буддизм. – *П.Л.*) карой от 8 до 10 лет каторжных работ, а с «применением насилия» – до 15 лет. Безусловно, что на таком фоне исламское духовенство в Средней Азии не могло и помышлять об антихристианском прозелитизме. Даже закон «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., в значительной мере либерализовавший проблему изменения вероисповеданий, запрещал православным переходить в «иноверие», в том числе и в ислам, хотя освобождал от уголовного преследования за такие переходы¹, но религиозный ренегат при этом терял права, дарованные ему ранее как православному гражданину. Однако мусульманское духовенство и после закона от 17 апреля 1905 г. не решалось на соращение христиан, избегая лишних проблем с властями, хотя в 1912 г. туркестанский епископ Димитрий (Абашидзе) пытался убедить генерал-губернатора А.В. Самсонова в том, что в г. Токмаке Семиреченской области существовал некий центр, куда муллы направляли завербованных неопитов из бывших христиан для укрепления их в вере Пророка². Скорее всего, это было плодом воображения архиерея, поскольку, кроме его письма, в других документах о таком центре нет никаких упоминаний. Однако сама тревога епископа не была беспочвенной – после закона 17 апреля 1905 г. число переходов православных в ислам стало угрожающе расти, несмотря на сохранение всех указанных законодательных ограничений.

Считаем нелишним заметить, что православное духовенство Российской империи, возведенное монархией Романовых в господствующую религиозную касту в государстве с почетным статусом и широкими возможностями, оказалось во многом неблагодарным по отношению к царизму. Есть основания утверждать, что высшие иерархи Русской православной церкви, по сути, предали своего царя еще в дореволюционный период. Они требовали возрождения патриархии, предпринимали определенные шаги в этом направлении – «Предсоборное присутствие» и др. Однако уверовавший в свою силу монарх категорически им отказывал³. Исследователь И.О. Мишин приходит к выводу о том, что «претензии императора Николая II на свое главенство в Церкви, на полноценную церковную власть, а также неисполнение своих ктиторских обязанностей, когда в этом особенно остро нуждалась Русская православная церковь и ее высшая иерархия, оттолкнули высшее духовенство от монархии в феврале 1917 г.»⁴. По его мнению, «изданный императором Николаем II Манифест от 17 октября 1905 г. стал своего рода катализатором десакрализации самодержавной власти, которая вела к дальнейшему изменению восприятия высшей иерархией Русской православной церкви прав российского императора на церковную власть»⁵. Немудрено, что многие из ее представителей встретили падение царизма с воодушевлением. Исследователь В.П. Булдаков пишет: «Тот факт, что от “помазанника Божьего” – своего главы – отвернулись верхи Русской православной церкви, выглядит ошеломляюще. Действительно, все церковные иерархи, за редким исключением, сразу же встали на сторону Временного правительства и принялись сочинять присягу на верность ему с таким

¹ См.: Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – Об укреплении начал веротерпимости. 17 апреля 1905 г. // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26125. С. 257–258; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об укреплении начал веротерпимости. 17 апреля 1905 г. // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26126. С. 258–262.

² ЦГА Узб. Ф. И-2287. Оп. 1. Д. 100 – К вопросу о миссионерской деятельности в Туркестане. Л. 28.

³ См.: *Лобанова И.В.* Восстановление патриаршества в России в контексте политических событий начала XX века // Отечественная история. 2005. № 3. С. 139–143.

⁴ *Мишин И.О.* Восприятие высшей церковной иерархией самодержца как главы Русской православной церкви в 1905–1917 гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2018. Т. 17. № 2. С. 403.

⁵ Там же. С. 404.

пылом, как будто они давно ждали этого события»¹. Так, депутат IV Государственной думы епископ Енисейский и Красноярский Никон (Бессонов) уже 3 марта 1917 г. направил князю Г.Е. Львову, М.В. Родзянко и А.И. Гучкову телеграмму: «Христос воскрес! Искренне рад перемене правительства». 3 марта «викарный» епископ Рыбинский (Ярославской епархии) Корнилий (Попов) объявил с амвона о свержении царя «волей народа» и призвал всех признать новую власть. В начале марта 1917 г. с такими же призывами выступили архипастыри Тифлиса, Пскова, Владимира, Харькова, Симбирска, Костромы, Смоленска, Вятки, Калуги и др. Будущий второй «сталинский» патриарх Русской православной церкви епископ Тихвинский Алексей (Симанский) 4 марта 1917 г. призвал свою паству молиться за новую власть и всемерно ее поддержать. 5 марта 1917 г. епископ Саратовский и Царицынский Палладий (Добронравов) призвал подчиненное ему духовенство активно поддерживать Временное правительство как единственно законную власть². Нам пришлось писать о том, что епископ Туркестанский и Ташкентский Димитрий (Абашидзе) со страстным ожесточением защищал интересы царизма в Средней Азии³, поэтому весьма любопытно, что уже 5 марта 1917 г. он заявил о том, что «сам Бог положил предел царствования бывшего Государя», и подверг ожесточенной критике его правление. Характерно, что епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий (Пустынский) 15 марта 1917 г. тоже без сожаления сообщал верующим о безвозвратном падении монархии Романовых⁴.

Вышеприведенное свидетельствует о том, что еще до свержения царизма многие иерархи Русской православной церкви уже были проникнуты антимонархическими настроениями. Безусловно, было бы ошибочным полагать, что все иерархи РПЦ были настроены подобным образом. Так и не могло быть, поскольку среди них было много людей с консервативными, политически косными взглядами. Например, в поддержку свергнутого монарха выступили: архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский), епископ Пермский Андроник (Никольский), епископ Сарапульский и Елабужский Амвросий (Гудко) и др. Но в целом, большинство иерархов тогдашней Церкви приветствовали свержение самодержавия и поддерживали новые власти России. Из этого следует, что до поры до времени они лицемерно молились за здоровье «Государя Императора» и его «Августейшей Фамилии», внутренне относясь к его власти, мягко говоря, негативно. Исследователь М.А. Бабкин пишет о том, что в рассматриваемый период «открыто контрреволюционные взгляды выражали не более чем 5–7 % епископата»⁵. Но главное, еще до революции от Церкви отвернулся народ, сохранивший веру в Бога, но переставший видеть в ней нечто сакральное и неприступное для отторжения. Неудивительно, что после Октябрьской революции 1917 г. гонения новой власти против попов не вызывали в народе широких протестных настроений и акций, тогда как воинствующий атеизм повсеместно процветал. Поэтому вряд ли можно говорить о какой-то действительной «симфонии властей» в дореволюционной России или о «монолитном» союзе самодержавия и Русской церкви. Естественно, что это обстоятельство не могло не влиять на все события в России начала XX в., включая, понятно, и восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.

¹ Булдаков В.П. Нарастание хаоса можно было сдерживать – массы хотели легитимизации своих завоеваний // Отечественная история. 2007. № 5. С. 16.

² См.: Бабкин М.А. Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 109–110.

³ См.: Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – XX в.)... С. 17.

⁴ Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 6. 15 марта. С. 78.

⁵ См.: Бабкин М.А. Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.)... С. 111, 116.

Шекспир писал: «Кто был при жизни всеми нелюбим, становится кумиром после смерти». Но так бывает не всегда. Нынешние иерархи Русской православной церкви из кожи вон лезут для того, чтобы внедрить в сознание россиян представление о последнем русском императоре как человеке высокой нравственности, ответственности, гуманности, образованности и т. п. И это несмотря на то, что, как отмечалось выше, он пресекал церковные поползновения к возрождению патриархии. Нынешние попы даже причислили его к лику святых. Они жаждут возродить в россиянах монархические чувства, которые, на наш взгляд, никогда полностью не завладевали ими. Однако, вопреки их желаниям, царь никогда не будет кумиром для российского (и даже для чисто русского) народа. С какой стати его должны чтить, например, татары, башкиры, калмыки и другие «малые» народы Российской Федерации, для предков которых он лично ничего не сделал, кроме большого худа и зла. Он и чисто русских людей гнобил миллионами голодом, тюрьмами, каторгой и проч. Недаром после событий на Ходынке народ стал именовать его «Кровавым». Кличка еще более закрепила за ним после события 9 января 1905 г. Как считал Сенека, «*vox populi – vox dei*» – «глас народа – глас Божий». По сравнению с «Николаем» даже царь Иван Васильевич Грозный в большей мере заслуживает причисления к святым, поскольку в исторической памяти русского народа он остался суровым, жестоким, но справедливым правителем. И многие россияне, а также коренные жители нынешних государств «Центральной Азии» не понимают, почему Русская православная церковь канонизировала последнего русского царя, по сути, главного виновника того же восстания 1916 г. И нам это тоже не понятно. Многим кажется также странной и канонизация восьми монахов Иссык-Кульского монастыря, который имел напряженные отношения с местными кыргызами. И нам тоже так кажется, хотя иноков по-человечески жалко, так как они были лишены жизни с особой жестокостью. Но вряд ли этого достаточно для того, чтобы объявить их святыми. В таком случае, Церковь должна наделять званием «святого» любого погибшего от руки изуверов. Упомянув о Церкви, мы отнюдь не стараемся показать ее как общественно-исторический институт с ее служителями, ложно проповедовавшими сакральные идеалы и ценности православия, а на деле преследовавшими своекорыстные интересы текущего бытия. Точно так же и «Партия», как значительное общественно-историческое явление, пала вследствие пороков своего руководства и ее членов.

Безусловно, авторитет Русской православной церкви навязать коренному населению Средней Азии было невозможно. Он мог расти только через повседневные контакты православных людей с местными «туземными» жителями. Однако такого рода контакты носили дисперсный характер. В относительно консолидированном выражении работу с коренным населением проводили православные обители. Это вменялось им в обязанность, так как все они имели миссионерское предназначение, направленное, однако, не на крещение «туземцев», а на распространение среди них гуманистических идеалов российской православной христианской цивилизации. Четверть века назад мы указывали, что, по данным последнего туркестанского епископа Иннокентия (Пустынского), ко времени восстания 1916 г. в Туркестане в Средней Азии насчитывалось пять православных монашеских организаций: Иссык-Кульский Свято-Троицкий мужской монастырь, Ташкентский Свято-Николаевский женский монастырь, Верненский Иверско-Серафимовский женский монастырь, Асхабадская Казанская женская обитель, а также архиерейское подворье, которое тоже относилось к разряду иноческих обителей¹. Численность монашествующих лиц в Туркестане также была незначительной.

¹ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX–XX в.)... С. 42.

Об истории «монастырского вопроса» в Туркестане писали еще в дореволюционный период, но преимущественно об Исык-Кульском Свято-Троицком мужском монастыре¹. То же можно сказать и о нашем времени². Нам также приходилось писать о монастырях в дореволюционной Средней Азии в 1996 г., то есть раньше всех прочих «современников» и в относительно подробном варианте³. Поскольку «монастырский вопрос» в Туркестане был лишь мелкой деталью нашего тогдашнего исследования, то мы не ставили целью его углубленное изучение, хотя, вместе с тем, используя неизвестные ранее архивные и иные источники, нам удалось, пожалуй, впервые в отечественной историографии дать ему консолидированную и достаточно объемную научную рефлексию. Позже она стала разрабатываться историками молодых государств так называемой «Центральной Азии» (бывших среднеазиатских республик СССР). Например, в Кыргызстане исследованием истории местного православия, в том числе православных монастырей, занялась Е.Е. Озмитель⁴. То, что она использовала наши сочинения, цитировала их, конечно, льстит нам, но сам рассматриваемый здесь вопрос она, по нашему мнению, так и не изучила должным образом. Десятилетие назад Е. Озмитель выступила сopusом о православных храмах Киргизии в XIX–XX вв., напоминая более путеводитель, нежели действительно научное исследование⁵. Исык-Кульскому Свято-Троицкому монастырю она, понятно, уделила повышенное внимание, но оно не вышло за рамки сугубо информативного сообщения.

Например, почтенный архиерей Владимир (Иким) – бывший митрополит Среднеазиатский и Ташкентский (он же Бишкекский, Ашгабатский и Душанбинский) тоже много написал о религиозном мире Русского Туркестана, но назвать его сочинения научными вряд ли можно.

¹ См. напр.: *Булгаковский Д.* Исыккульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. СПб., 1896; Вега Вал. Исык-Кульский монастырь (Из дорожных писем) // Туркестанские ведомости. 1901. № 74; *Дьячков П.А.* Озеро Исык-Куль и его северный берег (Из поездки в 1897 г.) // Известия Туркестанского отдела Русского Географического Общества. Т. 1. Вып. I. Ташкент, 1898. С. 1–14; *Дамаскин Дм.* Заметка об основании монастыря в Исык-Кульском уезде в долине Курмекты // Туркестанские ведомости. 1882. № 28; *Колобов М.* Свято-Троицкий Исык-Кульский миссионерский монастырь и его окрестности // Семиреченские областные ведомости. 1905. № 16–18, 20, 25, 27, 29–30, 36, 40, 43, 46, 54, 60, 62, 64, 68, 70–72, 80, 82, 84, 90–91, 93–94; *Комаров Н.* Троицкий миссионерский монастырь на озере Исык-Куль в Туркестане // Туркестанский сборник. Т. 589. Ташкент, б. г.; По краю // Туркестанские ведомости. 1905. № 44, 136; *Яковлев В.А.* Из церковной жизни Туркестана. Верный, 1902 и др.

² См.: *Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский.* Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2002; *Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский.* Ангельский мир Святой Руси // Труды Института мировой культуры. Вып. 4. Война. Мир. Духовное наследие. Бишкек–Лейпциг, 2005. С. 131–136; *Немых А.П.* История возникновения первых православных общин на территории Исык-Куля // Проблемы истории государства и культуры: Сб. ст. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2004; *Носова Е.В.* Государственно-церковные отношения в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Труды Института мировой культуры. Вып. 4. Война. Мир. Духовное наследие. Бишкек – Лейпциг, 2005. С. 179–188; *Носова Е.В.* К истории взаимоотношений государства и православной церкви в Кыргызстане (конец XIX – середина XX века). Бишкек: Изд-во КРСУ, 2006; *Озмитель Е.Е.* Православие в Киргизии XIX–XX вв.: Исторический очерк. Бишкек, 2003; *Озмитель Е.Е.* Православные храмы Киргизии (XIX–XXI вв.). Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010 и др.

³ См.: *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – XX в.)... С. 42–50.

⁴ См.: *Озмитель Е.Е.* Православие в Киргизии XIX–XX вв.: Исторический очерк...

⁵ См.: Там же.

Первый православный монастырь в Средней Азии был образован по инициативе туркестанского епископа Александра (Кульчицкого). В июне 1881 г. архиерей обратился с письмом к исполняющему должность туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковскому, в котором изложил программу деятельности будущей монашеской обители. Одновременно он направил соответствующее представление и в Святейший синод. По мнению епископа, основное предназначение монастыря должно было заключаться в приобщении местного «киргизского» населения к российской цивилизации без посягательства на их вероисповедание. Архиерей также надеялся, что обитель станет очагом подлинного религиозного просвещения и для местного православного населения, среди которого «расплодилось много чернецов и черничек», выдававших себя за «святых» и обманывавших простой народ. «Наконец, монастырь без особенных усилий и специальных станет выполнять роль школы», – заключал епископ¹. Он предлагал учредить обитель на побережье озера Иссык-Куль, где имелись благоприятные для того условия. Колпаковский поддержал идею епископа и обещал всяческое содействие в ее реализации. Одобрительно отнесся к замыслу туркестанского архиерея Святейший синод. В практической организации первого монастыря в Средней Азии активное участие приняло Православное миссионерское общество России, выделившее на устройство обители 20 тыс. руб. В постановлении Совета Общества подчеркивалось, что монастырь должен стать «центром не только миссионерской деятельности в собственном смысле, но он должен служить для края центром культуры и просвещения вообще»².

В феврале 1882 г. Г.А. Колпаковский распорядился выделить под устройство монастыря 500 десятин на северном побережье озера Иссык-Куль, неподалеку от русского села Преображенского³. В мае 1882 г. епископ Александр лично освятил место, отведенное под устройство обители. Поскольку этот акт происходил на Троицыной неделе, то монастырь был поименован во имя Св. Троицы. К весне 1883 г. на территории обители были построены четырехкомнатный жилой флигель, кухня, сарай, кладовая, конюшня и др. В апреле 1883 г. преемник Александра – епископ Неофит посетил монастырь и освятил место под строительство церкви во имя Пресвятой Богородицы Одигитрии, которая была открыта в январе 1887 г. С самого начала возникли сложности с формированием монашеской братии, так как среди местного православного населения желавших принять постриг не оказалось. Епископ Неофит через Православное миссионерское общество и церковную прессу обратился к монахам России с предложением переехать в новообразованный монастырь. Обращение имело ограниченные результаты. Составить братию иссык-кульской обители пожелали 20 монахов из Свято-Михайловской Афонской Закубанской пустыни, но руководство последней отпустило в Среднюю Азию всего лишь семерых из них. Выразил желание стать иноком новой обители также иеромонах Троице-Сергиевой лавры Иона, который по прибытии в Верный был назначен епископом первым настоятелем Иссык-Кульского монастыря. Таким образом, только в 1885 г. в новообразованном монастыре сложился относительно стабильный монашеский коллектив. Это обстоятельство дало основание обер-прокурору Св. синода К.П. Победоносцеву утверждать во «всеподданнейшем» отчете о том,

¹ ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 22. Д. 246 – По отношению Преосвященного Александра, Епископа Туркестанского об основании на Иссык-Куле, в местности Курменты миссионерского монастыря (1881). Л. 1–14.

² *Комаров Н.* Троицкий миссионерский монастырь на озере Иссык-Куль в Туркестане // Туркестанский сборник. Т. 589. Ташкент, б. г. С. 186.

³ ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 22. Д. 246 – По отношению Преосвященного Александра, Епископа Туркестанского об основании на Иссык-Куле, в местности Курменты миссионерского монастыря (1881). Л. 21 об.

что с организацией православного монастыря в Средней Азии миссионерское дело в регионе обрело хорошие перспективы¹.

Монастырь существовал за счет субсидий Св. синода и Православного миссионерского общества России. Средств явно не хватало, поскольку 25 декабря 1887 г., поздравляя епископа Неофита с Рождеством Христовым, братия жаловалась на отсутствие средств даже на «столовое содержание»². Доходы же от хозяйственной деятельности монастыря были незначительными. Монахи обрабатывали небольшой участок земли, а в качестве вспомогательного промысла занимались рыбной ловлей.

С первых дней существования монастыря у него сложились напряженные отношения с местными кыргызами, так как земли, отведенные обители, ранее принадлежали местным жителям и использовались ими для выпаса скота. Поэтому кыргызы намеренно совершали частые потравы монастырских посевов и сенокосов. Монахи вначале отлавливали забредший скот и после увещательных бесед с кочевниками возвращали его, стараясь решить дело миром. Однако это имело мало успеха, и в дело пришлось вмешаться туркестанской администрации. Кыргызские сообщества были подвергнуты штрафам, что вызвало их недовольство. Число набегов значительно сократилось, но отношения православной обители с коренным населением были испорчены окончательно. П. Шрейтер, посетивший монастырь в это время, писал, что монахи «отложили всякую надежду на обращение в христианство мусульман вообще, а кочевников, из которых состоит господствующее население, в особенности, в чем они совершенно правы»³. Испытывая разочарование в своем предназначении, монашеский коллектив стал распадаться. Одним из первых его покинул настоятель Иона, возвратившийся в Троице-Сергиеву лавру. К началу 1888 г. в монастыре оставалось всего пять монахов. Сильнейшее землетрясение 30 июня 1889 г. нанесло монастырю огромный урон, разрушив практически все его постройки. Двое монахов тут же покинули обитель, остальные жили некоторое время в кыргызских юртах, но потом тоже разъехались. Восстановление монастыря стало фактически его образованием заново. Помогли туркестанская администрация, бесплатно предоставившая стройматериалы, Православное миссионерское общество, выделившее 6 тыс. руб., еще 2 тыс. руб. из наследства купчихи П. Медынцевой предоставил Св. синод, а 500 руб. пожертвовал Иоанн Кронштадтский. Часть средств собрали среди православной паствы.

В 1895 г. были завершены основные монастырские постройки и заложена новая церковь во имя Св. Троицы, вступившая в строй в 1898 г. Ядро новой братии составили восемь иноков, выписанных туркестанским епископом Григорием из Валаамского монастыря на Ладожском озере. Сообщая об этом факте, Т.В. Котюкова отмечает, что новым архимандритом стал Севастиан. Однако, по ее словам, в 1898–1899 гг. «внутри братии начались жестокие распри, а епископ Дмитрий вовсе был вынужден уволить архимандрита Севастиана за штат за *“общий недуг”* под названием *пьянство*»⁴ (курсив наш. – П.Л.). Однако это не соответствует действительности, поскольку епископ Туркестанский и Ташкентский Димитрий (Абашидзе) вступил в свою должность только в 1906 г., а покинул кафедру в 1912 г. Соответственно, он никак не мог уволить настоятеля обители Севастиана, так как работал в то время на значительном удалении от Средней Азии. Валаамская братия никакого опыта общения с местным кыргызским населением не имела, о чем свидетельствовал епископ Григорий в своем письме в Совет Православного миссионерского

¹ Всеподданнейший отчет Обер-Прокурора Св. Синода за 1886 год. СПб., 1888. С. 116.

² ЦГА Каз. Ф. И-153. Оп. 1. Д. 136 – О постройке монастырских зданий (1882–88). Л. 9.

³ Шрейтер П.И. По окраине: Путевые очерки. СПб., 1893. С. 138.

⁴ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы... С. 167.

общества, подчеркивавший, что «братия Иссyk-Кульского монастыря для миссионерского дела, можно сказать, мало способна»¹.

Однако некоторые отношения с кыргызами обитель поддерживала, в том числе и на деловом уровне. Так, например, 21 марта 1896 г. Иссyk-Кульский монастырь заключил с кочевниками Кенсуйской волости Пржевальского уезда договор об аренде сроком на 30 лет одной десятины земли с оплатой в 5 рублей в год². Но среди соседнего кыргызского населения братия не вела никакой позитивной и целенаправленной культурно-просветительской деятельности. В 1907 г. редактор «Туркестанских епархиальных ведомостей» протоиерей М. Колобов советовал монахам Иссyk-Кульского монастыря заняться врачеванием, чтобы хоть как-нибудь повысить авторитет российской христианской цивилизации среди местного кыргызского населения³. Но братия не вняла его советам, предпочитая вольное времяпрепровождение. В 1915 г. настоятель монастыря Иринарх (Шеманский) предложил туркестанскому архиерею принять меры к тому, чтобы монахи перестали самовольно покидать обитель. В марте 1916 г. епископ Иннокентий предписал благочинным церковных округов повсеместно провести среди верующих разъяснительные беседы о недопустимости подаяний странствующим монахам⁴. Таким образом, поведение братии мало способствовало росту авторитета монастыря в среде местного населения. Не способствовала ему и постоянная текучесть монашеских кадров – иноки приходили в обитель и покидали ее по собственному желанию. Часто менялись настоятели монастыря. Положение усугублялось тем обстоятельством, что епархиальное руководство, утратив надежды на культуртрегерские возможности иссык-кульской обители, придало ее деятельности специфическую направленность. «Туркестанские ведомости» указывали, что *«во все времена существования монастыря он служил местом заточения для провинившихся духовных лиц»*⁵ (курсив наш. – П.Л.). Откровенно говоря, Туркестанская духовная консистория направляла сюда для исполнения епитимьи священников-пьяниц. Такой контингент вряд ли мог улучшить нравственный климат в обители и повысить ее авторитет среди православного, а тем более коренного населения. Снижение авторитета монастыря среди местного православного и иного населения было обусловлено также небрежением братии к своим просвещенческим обязанностям. Школа при монастыре была открыта только в 1899 г., но вскоре была закрыта и до 1909 г. не работала вообще. В 1909 г. под нажимом епископа Димитрия школа при монастыре начала функционировать, однако в 1911 г. она вновь закрылась и более не работала, хотя в 1913 г. епископ Иннокентий (Пустынский) приложил немало усилий для того, чтобы возобновить ее деятельность.

Можно подумать, что при указанном состоянии братии Иссyk-Кульского монастыря он пребывал в запущенном хозяйственном состоянии. Отнюдь. Обитель в экономическом отношении процветала. Земли под монастырь государство изъяло из кочевнического «фонда», чем надолго осложнило его отношения с окружающим кыргызским населением, о чем нам тоже приходилось писать⁶, к тому же монастырю выделили землю в таком объеме, в каком он просто не мог ее освоить хозяйственным образом. Как отмечалось выше, еще при основании монастырь получил от государства (по царскому распоряжению от 13 марта 1887 г.) 509 десятин земли вдоль берега озера Иссyk-Куль с тремя заливами – Долгим,

¹ Яковлев В.А. Из церковной жизни Туркестана. Верный, 1902. С. 117.

² ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 42423 – Свято-Троицкий Иссykкульский монастырь. Об аренде им одной десятины земли у киргизов Кенсуйской волости сроком на 30 лет с платой по 5 руб. в год.

³ Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. № 16. 15 августа.

⁴ Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 6. 15 марта.

⁵ Туркестанские ведомости. 1893. № 82. 20 октября.

⁶ См.: Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – XX в.)... С. 44.

Узким и Песочным. Монахи в период становления монастыря (до сокрушительного землетрясения 1889 г.) жили натуральным хозяйством – производили собственные посе­вы, держали скот, заготавливали корма, занимались рыбной ловлей в объемах удовлетворения потребностей братии. Товарной продукции они производили мало. Хозяйственная деятельность Иссyk-Кульского монастыря стала действительным образом подниматься после того, как в 1898 г. дополнительно к имеющимся у обители земельным угодьям царь Николай II распорядился выделить ей еще 2 тыс. десятин добротных пахотных земель, которые туркестанский епископ Аркадий (Карпинский) в своем отчете в Св. синод за 1898 г. характеризовал как «плодороднейшие»¹. Надо побывать в тех краях, чтобы по достоинству оценить значение этих слов, поскольку и в прибрежной зоне было немало солончаковых земель, именовавшихся «сазами» (болотистыми). А тут были выделены земли высокого качества. Естественно, что это вызвало недовольство кыргызов, вынужденных теперь арендовать у монастыря свои же земли. Были расстроены и православные жители селения Преображенского (ныне Тюп), которые раньше арендовали эти земли у кыргызов по невысоким ценам, монастырь же повысил арендную плату в значительной мере. Немудрено, что в начале XX в. он уже был на хозяйственном подъеме. Обитель имела обширные посе­вы, пасеки, огороды, сады и проч. Успешно развивалось рыболовство: в 1905 г. монастырь имел пять больших рыболовецких лодок и не только сам кормился рыбой, но много больше вывозил ее в сушеном и копченом виде на рынки Прииссыккуля и Чуйской долины. Особенно славился иссык-кульский чебак, который, кстати, как чисто научный (ихтиологический) вид нигде более в мире, кроме озера Иссyk-Куль, и по сей день не водится. Естественно, что при такой безбедной жизни монахи Иссyk-Кульского Свято-Троицкого монастыря сами не занимались хозяйством, предпочитая нанимать батраков из среды кыргызов и новосельческой бедноты. Самим же им больше нравилось «путешествовать» по селам Прииссыккуля, собирая «доброхотные даяния» верующих и беседуя о «смысле жизни» с вдовами, о чем еще в начале 1970-х гг. вспоминали старухи и старики в русских селениях этого края. Нет ли противоречия в том, что монахи вели праздный образ жизни, а сам монастырь, между тем, экономически процветал? Безусловно, нет. Представляется совершенно очевидным, что праздный образ жизни братии был потому и возможен, что монастырь богател, так как всё его экономическое благополучие держалось исключительно на наемном труде, причем весьма недорого. Многие окрестные кыргызы подрабатывали в монастыре за невысокую плату, чаще всего «натуральную», монастырского производства, – зерном, мукой помола монастырских мельниц, сеном, прочими «кормами» и т. п. Даже некоторые небогатые православные жители селения Преображенского в то время нанимались на работу в Иссyk-Кульский мужской монастырь, причем тоже, как правило, за весьма скромную плату.

С появлением «столыпинских» переселенцев, расселившихся после 1907 г. во вновь образованных «новожилъческих» селениях вокруг монастыря, и без того недорогая рабочая сила еще более подешевела. Монастырская экономическая жизнь сразу стала набирать обороты, что отметил туркестанский епископ Димитрий (Абашидзе), писавший туркестанскому генерал-губернатору о том, что монастырь «начал успешно развиваться»². Его положение еще более улучшилось после того, как в 1907 г. царь снова пожаловал Иссyk-Кульскому монастырю еще 2 тыс. десятин так называемых «удобных» земель. 10 августа 1907 г. обрадованная монастырская братия дала благодарственную телеграмму царю, который,

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1754 – Отчет о состоянии Туркестанской епархии в 1898 году. Л. 46 об.

² ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 6. Д. 310 – По вопросу о совмещении должностей учителя министерской школы и приходского священника, а равно об устройстве церквей-школ в образуемых переселенцами новых селениях (1907). Л. 31.

ознакомившись с ее содержанием, надписал на ней собственноручно: «Прочел с удовольствием»¹. Естественно, что новая царская щедрая «дача» Иссык-Кульскому Свято-Троицкому монастырю только ухудшила и обострила его отношения с окрестными кыргызами, у которых, собственно говоря, и были опять отрезаны новые и качественные земли для монастыря. У нас есть основания полагать, что императора подвигнул к этому П.А. Столыпин, который рассматривал Иссык-Кульский монастырь как возможный форпост российской православной цивилизации в регионе, в который он был намерен переселить десятки тысяч безземельных русских, «малороссов», белорусов и проч. Он верил в миссионерские возможности обители. Но главное было в другом – землю отнимали у кыргызов. Если учесть, что одна десятина могла прокормить немало голов мелкого и крупного рогатого скота кочевников, то можно только представить себе, сколько его могли прокормить те почти 5 тыс. десятин, которыми владел монастырь уже к исходу первого десятилетия XX в. И именно «земельное» обстоятельство обусловило то, что позже, в 1916 г., кыргызы так злобно и ожесточенно уничтожали монастырь и попавшихся им под руку членов монашеской братии, не успевших вместе с игуменом Иринархом и прочими иноками переправиться вовремя на близлежащий остров, чтобы спастись от обезумевших от гнева повстанцев. Так что Иссык-Кульский монастырь в рассматриваемый нами период был далеко не бедствующим хозяйственным образованием, и он, естественно, хотел экономически господствовать в округе, так как «новосельческие» переселенческие поселки вокруг воспринимались им как его «вотчина» – рынок сбыта монастырской продукции (мясомолочной, рыбной, мукомольной, фруктовой и иной недолгого хранения) и источник дешевой рабочей силы.

Любопытно, что кыргызстанский исследователь Е.Е. Озмитель признает, что в Иссык-Кульском монастыре «монахи самовольно оставляли обитель, “пугались” трудностей землетрясения, иногда предпочитали жить подаянием, а не “свои труды ясти и пити”, как положено инокам»². Она указывает, что в России «19 – н. 20 века монашество переживало кризис, о чем свидетельствовал в 1909 г. председатель 1 Съезда монашествующих епископ Никон (Рождественский): «... монашество наше в духовном отношении всё более и более опускается, и становится страшно за ту великую идею, за тот святой идеал, носителем коего должно стать иночество»»³. При этом автор приходит к выводу, логическая связь которого с приведенным ею мнением представляется, мягко говоря, странной: «Разгром Свято-Троицкого Иссык-Кульского монастыря во время восстания 1916 года свидетельствует не о “неуспешности” этой обители, а, напротив, о том, что она со своим предназначением скорее всего справилась, и здесь оказалось большое число монахов, готовых к высшему христианскому подвигу – мученичеству за веру»⁴. Этот высокий «штиль» вряд ли адекватен реальным событиям. Сомнительно, чтобы погибшие монахи при том образе жизни, о котором мы писали выше, сознательно готовили себя к такому подвигу, как мученичество за веру, – они были просто убиты разъяренными повстанцами. Поэтому их следует считать случайными жертвами восстания 1916 г., а не «святыми великомучениками».

Таким образом, разгром повстанцами-кыргызами Иссык-Кульского монастыря был естественным следствием его объективных несправедливых отношений с соседствующими номадами. Веди себя монахи согласно действительным канонам христианства, трагедии никогда бы не случилось. Такое отношение кыргызов к монастырю свидетельствует о том, что он не пользовался среди них никаким авторитетом, и за 35 лет своего существования

¹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. № 20. 15 октября.

² Озмитель Е.Е. Православие в Киргизии XIX–XX вв.: Исторический очерк... С. 52.

³ Цит. по: Там же.

⁴ Там же.

не оказал на них никакого заметного цивилизующего воздействия, на которое возлагали немало надежд основатели обители. Передача монастырю значительных пространств бывших кочевнических земель могла породить у кыргызов только ненависть к нему. Озмитель, говоря о разгроме восставшими Иссык-Кульского монастыря и церквей в Пржевальском уезде Семиреченской области¹, цитирует архимандрита монастыря, который писал о том, что «кыргызы не имели основания питать к монахам особой ненависти и нерасположения»² (курсив наш. – *П.Л.*). По его мнению, «кыргызы, избивая монахов и русских, уничтожали их не только по побуждениям характера политического... но и в силу религиозной нетерпимости к гяурам»³. Но монах явно лукавил, так как отношения между кочевниками и Иссык-Кульским монастырем, как уже отмечалось, были всегда напряженными. Во-первых, монастырь получил земли, которые всегда были в хозяйственном обороте кыргызов. Во-вторых, житель Пржевальска 73-летний отставной генерал-майор Я.И. Корольков показал на допросе 1 октября 1916 г. мировому судье 3-го участка Пржевальского уезда о том, что однажды у кыргызов случился джут (бескормица), а в Иссык-Кульском монастыре были большие запасы сена и кочевники просили дать им кормов взаймы, обещая вернуть их в полном объеме, но монастырь им отказал. Когда бескормица вынудила кыргызов «допустить свой скот до монастырского сена, то последовала стрельба по животным и людям со стороны монахов»⁴. Таким образом, кыргызы вынужденно выпасали скот на монастырских землях, что, понятно, не нравилось инокам обители. Не исключено, что братия могла бы как-то договориться с кочевниками, однако существует версия о том, что местный кыргызский манап Тагай сознательно ориентировал сородичей на потраву монастырских посевов и покосов. Но даже если это и так, то, в любом случае, *стреляющие в людей и животных* монахи никак не вписывались в доктрину Русской православной церкви о христианском милосердии.

Так или иначе, но кыргызы дождались случая, чтобы свести счеты с монастырем. Во время восстания 1916 г. они сильно его разграбили, перебили монахов, которые не успели спастись. Епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий телеграфировал 7 сентября 1916 г. в Св. синод: «Иссык-Кульский монастырь разграблен туземцами, семь монахов убиты, архимандрит с прочими иноками приютился в соседнем приходе. Десять приходских церквей, двадцать пять селений вокруг озера Иссык-Куль сожжены, несколько тысяч человек убито, остальные вывезены в Пржевальск, скот уведен в горы, всё имущество погребло»⁵. Подробности жестокой расправы с монахами епископ Иннокентий описал в своем отчете в Святейший синод за 1917 г. После усмирения мятежа, 1 ноября 1916 г. настоятель Иссык-Кульского Свято-Троицкого монастыря Иринарх направил в Туркестанскую духовную консисторию рапорт, в котором подробно, с бухгалтерской точностью и тщанием, перечислял убытки, понесенные монастырем в результате кыргызского «возмущения». В суммарном выражении эти убытки, вне всякого преувеличения, составили огромную цифру – 135 690 руб. 15 коп.⁶

Любопытно, что при разгроме восставшими кыргызами Иссык-Кульского монастыря, по свидетельству современников, «обе церкви уцелели от произведенного

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 54.

² Там же.

³ Там же. С. 54–55.

⁴ Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док... . 91.

⁵ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 301.

⁶ ЦГА Узб. Ф. 961. Оп. 1. Д. 1320 – Опись имущества Св. Троицкого монастыря на Иссык-Куле (1917). Л. 5.

мятежниками пожара»¹. На наш взгляд, это не было случайным явлением. Многие современники обращали внимание на то значительное суеверие, с которым кочевники Туркестана (полумусульмане-полуязычники) относились к православным и иным христианским церквям, усматривая в них не просто конфессиональные сооружения, а «дома, в которых живет русский Бог». Они считали, что можно ссориться с русскими, но боялись прогневать их Бога, в котором они усматривали нечто «Всеобщее» и «Космическое». Мы полагаем, что именно такое настроение повлияло на судьбу монастырских церквей на Иссык-Куле в 1916 г., поскольку кыргызам не стоило никакого труда поджечь и их, если бы они хотели уничтожить в монастыре всё без исключения. Но, видимо, у них всё же не было такого побуждения по причинам, изложенным выше. Можно, конечно, сослаться на тот факт, что в 1916 г. во многих селах Прииссыккулья в пожарах сгорела не одна сельская православная церковь, о чем регулярно уведомляли краевую общественность «Туркестанские ведомости» и «Туркестанские епархиальные ведомости», выходявшие, правда, значительно реже краевого «официоза» – два раза в месяц². Однако, как показало расследование, эти православные храмы не поджигались кыргызами специально – они сгорали в общих пожарищах, не щадивших ни материальных объектов, ни живых людей.

Е.Е. Озмитель приводит слова протоиерея М. Колобова, относящиеся к 1913 г., то есть подводящие итог 32-летней деятельности монастыря перед самой первой мировой войной (во время войны и тем более после нее говорить о духовном значении монастыря вряд ли оправданно). Авторитетный в Туркестанском крае церковник задавался вопросом: «Исполнил ли свой нравственный долг Иссык-Кульский монастырь? Могу за него ответить: *не только не исполнил, но и не приступал к своему исполнению*»³ (курсив наш. – **П.Л.**). На наш взгляд, такая характеристика исчерпывающим образом указывает на роль и место старейшей православной обители в Средней Азии в восстании 1916 г.

В 1893 г. туркестанский епископ Григорий (Полетаев) пришел к выводу о том, что наличие в Средней Азии лишь одного православного монастыря не соответствует стратегическим интересам православия в регионе. Архиерей предложил Святейшему синоду увеличить число обителей в Туркестанском крае как «ярких светочей православия»⁴. Св. синод практически никак не отреагировал на это предложение, и епископу пришлось обратиться с ним к туркестанской администрации. Григорий рекомендовал для начала открыть в Ташкенте православный женский монастырь, на устройство которого жена полковника – Мария Федоровна Ионова пожертвовала 3 с лишним десятины земли и 10 тыс. руб. Предложение туркестанского архиерея поддержал военный губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант Н.И. Гродеков, вскоре переведенный на должность помощника приамурского генерал-губернатора. 12 апреля 1893 г. он писал туркестанскому генерал-губернатору А.Б. Вревскому о том, что «распространение русского влияния среди иноверных инородцев всегда сопровождалось основанием монастырей», которые «имели и имеют самое благотворное влияние на туземцев чуждых религий и таким образом играют чисто политическую роль, пропагандируя принципы господствующей в государстве религии и пролагая тем самым путь к прочному обрусению

¹ Отдел редких книг и рукописей ГПБ Каз. – Восстание казахов в Семиреченской области в 1916 году (Машинопись). Инв. № 66. С. 51.

² См. напр.: Туркестанские ведомости, 1916. № 205, 207, 209, 210, 212, 213, 214, 217, 222 и др.

³ Цит. по: *Озмитель Е.Е.* История Иссык-Кульского Свято-Троицкого монастыря // Востокведческие чтения памяти Н.П. Остроумова: Сб. мат-лов. Ташкент, 2008. С. 266.

⁴ *Яковлев В.А.* Из церковной жизни Туркестана... С. 113.

и ассимиляции инородцев с коренным населением империи»¹. Схоластические во многом доводы сырдарьинского губернатора показались Вревскому убедительными, и он дал разрешение на учреждение в краевом центре православной женской обители². Организация последней происходила быстро. Уже 21 апреля 1893 г. состоялся многолюдный крестный ход и был отслужен торжественный молебен по случаю основания женского монастыря. К середине июня 1893 г. была уже сформирована монашеская община из шести инокинь, и епископ Григорий уведомил туркестанские власти, что к ней следует относиться как к «законно существующей... собирательной юридической личности»³. К началу 1894 г. при обители была построена церковь, в сооружении которой приняли активное участие жители селения Успенского, приписанные к ее приходу. Большую роль при этом сыграли пожертвования частных лиц.

Женская монашеская община с первых дней существования вела активную хозяйственную деятельность, занимаясь земледелием, животноводством, ремеслом и т. п. При обители функционировала школа, в которой обучались монастырские воспитанницы и девочки из селения Успенского. Первое время в ней преподавали грамотные монахини, но с 1902 г. в школе стала работать дипломированная светская учительница, получавшая жалованье из средств общины. Монахини охотно принимали на перевоспитание несовершеннолетних правонарушительниц, направленных полицейскими органами. Нередко «заблудших» приводили родственники, а иногда они приходили сами. В обители часто находили покой и утешение престарелые, одинокие и просто обиженные судьбой женщины. Режим в ней был достаточно либеральным – можно было свободно прийти и уйти, не принимая на себя строгих религиозных обязательств. В среднем в обители ежегодно проживали 60–80 человек, но в ней всегда существовал костяк, состоявший из инокинь, надолго связавших свою судьбу с нею.

Туркестанская администрация по достоинству оценивала деятельность женской монашеской общины. В 1901 г. по ходатайству туркестанского генерал-губернатора Н.А. Иванова⁴ Св. синод возвел обитель в ранг полноценного монастыря с официальным названием: «Ташкентский Свято-Николаевский нештатный общежительский женский монастырь»⁵. В 1904 г. игуменья Евсевия за усердие в работе получила от Св. синода наперсный крест, а в 1907 г. – специальную грамоту и подарки из «Кабинета Его Императорского Величества».

Высоким был авторитет Ташкентского женского монастыря среди православного населения. Монахини оказывали недорогие, а часто и бесплатные ритуальные услуги, различные виды медицинской помощи, в частности акушерские, и т. п. Поэтому верующие охотно жертвовали на нужды монастыря, оказывали личную помощь в его хозяйственной деятельности.

Немалую лепту женский монастырь вносил в сотрудничество с коренным населением. Мусульмане с уважением относились к трудолюбивым монахиням, а «туземные» женщины часто обращались к ним за консультациями по сугубо «женским» вопросам, получали от инокинь различные лекарственные средства – настои, снадобья, мази и проч., даже «заговорные» листки с христианскими по содержанию текстами. Таким образом, в отличие от иссык-кульской мужской обители, Ташкентский женский монастырь своей практической деятельностью способствовал сближению русского населения с мусульманским социумом, приобщению последнего к некоторым формам российской цивилизации.

¹ Архив Гос. ист. музея. Ф. И-307. Оп. 1. Д. 48 – Бумаги об управлении Сыр-Дарьинской областью. Л. 66 об.

² См.: ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 931 – Об устройстве женской обители на участке земли (на Куйлюке), пожертвованном женой полковника Ионова (1893).

³ Туркестанские ведомости. 1893. № 48. 23 июня.

⁴ Туркестанские церковники именовали его «православнейшим из православнейших».

⁵ Туркестанские ведомости. 1901. № 89. 8 ноября.

Во время восстания 1916 г. он не пострадал не только потому, что в Ташкенте оно было быстро подавлено, но и оттого, что никто из «туземных» жителей города даже не помышлял посягнуть на местную православную женскую обитель.

Позитивный опыт деятельности ташкентской женской обители побудил туркестанского епископа Димитрия (Абашидзе) в 1907 г. поставить вопрос об учреждении женского монастыря в «столице» епархии – городе Верном. Архиерею хотелось иметь такую обитель по месту своего постоянного проживания. В октябре 1907 г. Верненская городская дума незначительным большинством голосов приняла решение о выделении участка под устройство обители. Любопытно, что против этого голосовали многие православные депутаты, о чем с возмущением писали «Туркестанские епархиальные ведомости»¹. Более того, православные «гласные» (депутаты) Кадкин и свечной заводчик И. Хапилин в последующем опротестовали это решение на том основании, что оно было принято простым, а не «профессиональным» большинством голосов. Потребовалось личное вмешательство семиреченского губернатора, чтобы Верненская дума приняла новое, приемлемое решение. Однако, выделив под устройство обители всего лишь одну десятину рядом с городским кладбищем, она поставила перед епархиальным руководством условие, чтобы монахини в последующем взяли его под свое покровительство, обеспечивая порядок и религиозное обслуживание на похоронах православных. Архиерей был вынужден принять это условие, тем более что обитель учреждалась при Верненской кладбищенской церкви во имя Всех Святых. Указ Св. синода о создании женской монашеской общины в Верном был обнародован епископом Димитрием 20 декабря 1908 г. во время торжественного богослужения по этому поводу. В пространной проповеди архиерей в качестве основных задач новой обители выдвинул укрепление православной религиозности и отвращение православных от перехода в ислам. Задачи были актуальными, так как в это время число таких переходов, особенно женских, угрожающе возрастало². Никаких серьезных миссионерских целей епископ перед обителью не ставил³. Монашеская община была сформирована из женщин преклонного возраста и вначале насчитывала до 10 человек. Деятельность ее была практически незаметной, однако честолобивый архиерей, желавший, как отмечалось, по примеру Ташкента иметь и у себя полноценный женский монастырь, в сентябре 1910 г. обратился к туркестанской администрации с предложением поддержать соответствующее его ходатайство в Св. синод. Канцелярия генерал-губернатора сочла такой шаг преждевременным, но сам «главный начальник края» кавалерийский генерал А.В. Самсонов решил помочь владыке, и в октябре 1910 г. краевая Канцелярия направила требуемое представление в Св. синод. Последний не стал вдаваться в подробности дела и в 1911 г. присвоил Верненской Иверско-Серафимовской женской общине статус монастыря с тем же названием. Это обстоятельство не повлияло заметным образом на деятельность монашеской обители. Хозяйством монахини практически не занимались, а проводили время «в народе», собирая пожертвования, распространяя религиозную литературу, торгуя церковной атрибутикой – иконками, крестиками, свечами и т. п. Иногда они проводили утешительные, увещательные и душеспасительные беседы с мирскими женщинами, не имевшие, однако, значительных результатов. Численность общины росла медленно и в лучшие времена составляла всего 30–40 человек. Существовали монахини в основном за счет добродетельных даяний и доходов от торговли указанным «товаром». Средства, выделявшиеся Св. синодом и епархией на содержание монастыря, были крайне незначительными.

¹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. № 22. 15 ноября.

² См. об этом: *Литвинов П.П.* От Христа к Магомету: религиозное ренегатство в Средней Азии (конец XIX – начало XX вв.) (по арх. мат-лам)... С. 131–151.

³ Туркестанские епархиальные ведомости. 1909. № 4. 15 февраля.

Верненский женский монастырь не имел широкой известности и авторитета среди не только коренного населения, но и православного. Он не был известен всем даже в Семиреченской области, а за ее пределами о существовании Верненской обители знали лишь немногие. Однако летом 1914 г. о факте существования этого женского монастыря узнали во всём Туркестанском крае. В июне 1914 г. «Туркестанские ведомости» опубликовали заметку о явлении одной из верненских монахинь во сне иконы Пресвятой Богородицы «Скоропослушницы», которая затем была обнаружена ею по указанному «свыше» адресу – в колоде на хуторе семиреченского казака Щербакова, в двух верстах от Верного. Весть о «чуде» на некоторое время взбудоражила всю православную общину в Средней Азии, что даже встревожила туркестанскую администрацию, потребовавшую от епархиального руководства проверки всех обстоятельств явления «чудотворной» иконы. Однако епископ Иннокентий постарался в максимальной степени легализовать «чудо» и организовал торжественное перенесение иконы в Верненский кафедральный собор, где при огромном стечении народа освятил ее¹. На наш взгляд, «явление» было инспирировано самими епархиальными властями с тем, чтобы укрепить религиозные чувства верующих и придать Верненскому женскому монастырю более широкую известность среди православного населения Средней Азии. Начавшаяся вскоре мировая война, привнесшая немало забот в жизнь туркестанского населения, быстро выветрила из сознания верующих как воспоминания о «чудотворной» иконе, так и о самом Иверско-Серафимовском монастыре.

Таким образом, по степени известности Верненская женская обитель не смогла сравняться с ташкентской. Основная причина этого усматривается не в характере деятельности общин или их численности. Православное население Сыр-Дарьинской области, окруженное многочисленным мусульманством, видело в Ташкентском монастыре прежде всего прибежище русского национального, православного духа, а уже потом – сугубо конфессиональное учреждение. В Семиреченской области, где православных повсеместно было немало, а кочевое, коренное население не отличалось ортодоксальной исламской религиозностью, русские люди усматривали в монастырях – как Верненском, так и Иссык-Кульском – прежде всего признаки казенных церковных учреждений. Такая же разница наблюдалась в отношении православных в Семиреченской и «коренных» областях Туркестанского края и к другим православным культовым учреждениям. Во время восстания 1916 г. Верненская женская монашеская община была напугана напряженной обстановкой, однако сам монастырь не пострадал, так как он не причинил местному «туземному» населению никаких невзгод и хлопот.

Последней среди монашеских обителей в Средней Азии была учреждена Асхабадская Казанская женская община, образованная в начале 1915 г. Община была немногочисленной и состояла не только из коренных асхабадских жительниц, но и женщин – беженок из российских губерний, затронутых мировой войной. Община не имела своего подворья и собиралась в частных домах. Руководство общины просило закаспийскую областную администрацию предоставить монахиням казармы и церковь Таманского полка, направленного на фронт, однако получило отказ². В свою очередь, осенью 1915 г. монашеская община отказала администрации в ее просьбе взять на воспитание детей, оставшихся беспризорными после утраты родителей-беженцев. Однако этот отказ не был актом мести. Община выразила

¹ ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 17148 – Об обретении монахиней Верненского женского монастыря Аполлонией Св. иконы Божьей Матери «Скоропослушницы» в саду казака Щербатова (1914). Л. 2 об., 6 об. и др.

² ЦГА Тур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2807 – Областной Комитет по устройству церковного быта переселенцев. Л. 7.

готовность опекать детей при условии, что власти будут выплачивать ей по 12 рублей в месяц на содержание каждого воспитуемого, так как у самой общины средств на это не было. Соглашение не состоялось, поскольку у закаспийской администрации они тоже отсутствовали¹. Члены монашеской общины жили за счет подаяний, собираемых среди населения, в том числе на железнодорожных станциях, в вагонах поездов и т. д. Активной религиозно-пропагандистской деятельности община не вела. Жизнь Асхабадской женской монашеской общины контролировал благочинный церковью 1-го округа Закаспийской области Д. Муромцев, оказывавший ей помощь в необходимых случаях. Во время восстания 1916 г. в этом регионе никакие враждебные акции со стороны местного коренного населения по отношению к Асхабадской обители места не имели.

Е.Е. Озмитель расширяет наши познания о монашестве в Туркестанском крае, указывая, что на месте бывшей станции почтового тракта «в 1915 г. в Сырдарьинской области всего за год была устроена Скорбященская монашеская община, в которой проживало двадцать обитательниц»². Видимо, все они трудились дено и ношно, поскольку всего за год всё кардинально преобразили вокруг себя. По словам Озмитель, «епископ Иннокентий в 1916 г. застал всё это уже благоустроенным, правильно оборудованным, с трапезной, баней, огородами, службами, запасами провизии, сена, дров и т. п.»³. Епископ был весьма доволен увиденным и обещал «исходатайствовать им легализацию» и официальное наделение общины землей, а из «этапного дома» сделать церковь. Нам не приходилось встречать документов, подтверждающих то, что ему удалось это сделать. Видимо, обстоятельства восстания 1916 г. и последовавшие за ним события не позволили добиться официального утверждения указанной общины в ранге монастыря.

Таким образом, в структурах православной церкви в Средней Азии монастыри, не исключая Иссык-Кульской обители, занимали весьма скромное место. Их малочисленность, ограниченные возможности, слабое материальное обеспечение (кроме Иссык-Кульского монастыря) и т. п. были следствием недостаточного внимания к ним со стороны правительства и военной администрации Туркестанского края.

Жизнедеятельность православной церкви была, безусловно, шире проблем, рассмотренных выше, однако в целом она была более ограниченной, чем в центральных губерниях России. Военная администрация Туркестанского края полагала, что излишняя активность православия в регионе может породить нежелательные коллизии с многомиллионным местным мусульманством. Поэтому она сдерживала некоторые инициативы православной церкви в Туркестане. Примером тому может служить развитие церковно-приходского образования. Так, в 1893 г. из 25,5 тыс. церковно-приходских школ в России на долю Туркестанского края приходилось всего 47⁴. Даже в 1914 г. их насчитывалось в крае только 92⁵. Попытки епархиального руководства расширить сеть церковно-приходских школ в Туркестане встречали сопротивление Министерства народного просвещения в лице главного инспектора училищ края Ф.М. Керенского и его преемников. Краевая администрация также скептически относилась к церковно-приходскому образованию, считая его «анахронизмом» и отдавая предпочтение развитию сети «министерских» школ и народных училищ. В условиях Средней Азии такая позиция была, на наш взгляд, ошибочной. При относительной малочисленности православного населения, рассредоточенного нередко среди

¹ Туркестанские ведомости. 1915. № 231. 18 октября.

² Озмитель Е.Е. Религиозно-нравственное состояние переселенцев в Туркестане... С. 292.

³ Там же.

⁴ Туркестанские ведомости. 1894. № 3. 13 января.

⁵ Туркестанские епархиальные ведомости. 1915. № 1. 1 января.

крупных мусульманских агломераций, церковно-приходские школы могли бы сыграть заметную роль не только в религиозном обучении и воспитании подрастающего поколения, но и в формировании у него устойчивого русского национального характера, патриотизма, этнического сплочения основного ядра русской общины среди других этноконфессиональных сообществ края. Однако, при всех указанных обстоятельствах, православие в Средней Азии всегда оставалось всё же одним из важнейших факторов межконфессионального и межцивилизационного общения народов, ее населяющих, а Русская православная церковь в регионе как многовековой общественно-исторический институт, а не синклит государственных чиновников – «попов» являлась основным центром духовного единения русских людей Туркестана.

Совершенно очевидно, что разгром Иссык-Кульского монастыря не был единственным эпизодом в отношении восставших к учреждениям Русской православной церкви в Туркестанском крае. Но подобных ему не было ни в одной области региона, кроме Семиреченской. Поэтому деятельность епархиальных властей во время восстания касалась именно последней, тем более что они изначально проживали на ее территории, где сосредоточивалось подавляющее большинство православных жителей на российских территориях Средней Азии.

Пока восстание коренного населения Туркестанского края разворачивалось в июле 1916 г. в Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областях, епархиальное руководство не испытывало большого беспокойства, так как это было далеко от него, нападений на православные богослужебные заведения не было, паства была относительно немногочисленной. Однако, когда восстание вспыхнуло в уездах Семиреченской области, последовала соответствующая реакция Туркестанской епархии. Епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий (Пустынский) 14 августа 1916 г. совершил молебен в кафедральном соборе города Верного за победу над «туземным» восстанием. 19 августа 1916 г. он направил туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину телеграмму о том, что «духовенство Семиречья мужественно стоит на своей страже»¹. Куропаткин поблагодарил архиерея за благословение, с помощью которого он намерен «достигнуть умиротворения края»². 21 августа 1916 г. епископ совершил в кафедральном соборе повторное богослужение за умиротворение в крае и в тот же день телеграфировал об этом туркестанскому генерал-губернатору³. Куропаткин отправил 25 августа 1916 г. ответную телеграмму с выражением благодарности за церковную поддержку его усилий⁴. Таким образом, в действиях туркестанских светских и церковных властей наблюдалось полное согласие по отношению к восстанию мусульман Семиреченской области Туркестанского края. Туркестанский архиерей в разгар восстания в августе 1916 г. призывал православную паству проявлять сдержанность, милосердие, братолюбие и смирение к «иноплеменникам, дерзающим на бунт и измену»⁵. Но этот призыв фактически не влиял на массы. М. Тынышпаев писал 30 сентября 1916 г. военному губернатору Сырдарьинской области генерал-лейтенанту А.С. Мадритову о том, что в Мерке «местный священник, видя невероятные грабежи и распущенность крестьян, пробовал говорить в церкви соответствующую проповедь, но был остановлен прихожанами, обвинившими его в “бусурманстве”» и т. д.»⁶.

¹ Семиреченские областные ведомости. 1916. № 186.

² Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 17. 1 сентября. Часть официальная. С. 235.

³ Там же. С. 236.

⁴ Там же.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 522–523.

⁶ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 70.

В конце августа 1916 г. епископ Иннокентий (Пустынский) выступил с архиастырским посланием к туркестанской пастве по случаю волнений «туземцев»¹. Архиерей отмечал, что призыв их на тыловые работы породил среди них антирусские и противоправительственные беспорядки. «Сарты и узбеки начали собираться толпами, портить телеграф, поджигать железнодорожные станции, разгонять людей и лошадей на проселочных дорогах, иногда с целью грабежа и устрашения они нападали на беззащитных жителей, подвергая их побоям и оскорблениям, было даже несколько смертных случаев этого рода»². Эти беспорядки докатились и до Семиречья. «Кое-где и человеческая кровь обагрила землю»³. Относительно восстания в Туркестане епископ Иннокентий указывал, что «на языке церковном оно называется *нашествием иноплеменников* и имеет характер *междоусобной брани*. Но вернее было бы назвать его безумием – ибо для него нет ни достаточных оснований, ни разумной цели»⁴ (курсив наш. – *П.Л.*). Архиерей утверждал, что при русской власти коренные жители «благоденствуют в гораздо большей степени, чем было прежде»⁵. По его мнению, «наши малодушные сограждане испытывают страх там, где нет ничего страшного»⁶. После разгрома повстанцами Иссык-Кульского монастыря такое заявление выглядело странным. Епископ писал о том, что настоящая «опасность ожидает нас не со стороны туземцев – как бы дерзки они ни были – но уже в будущей жизни»⁷ (он имел в виду загробный мир, который может обеспечить только добродетельная христианская жизнь), и надо надеяться на Бога и молиться за то, чтобы он послал умиротворение края.

Православный клир Туркестанского края следовал призыву архиерея и устраивал повсеместно молебны за победу над восставшими. Особенно сложными для него оказались события в Пржевальском уезде Семиреченской области, где с приближением повстанцев сельские священники собирали в местных церквях женщин, стариков и детей и возносили молитвы, что мало помогало обреченным. Реально они не участвовали в организации деятельного сопротивления, однако известен факт, что в селении Чалдовар Аулиеатинского уезда Семиреченской области местную дружину против восставших образовал и возглавил местный священник Буров⁸. И нельзя отрицать, что православные священнослужители помогали властям в борьбе с восставшими. Очевидец восстания 1916 г. в Прииссыккулье И.Ф. Сторож писал в своих «Воспоминаниях»: «Помню восстание 1916 г. и участие попа Саза (Саза. – *П.Л.*) в подавлении этого восстания. В 1916 г. он служил в Орлиновском приходе (отец Тихон)»⁹, – и повторял: «Руководил расправой, т. е. подавлением восстания, поп Саз. Одет он был в рясу. Когда распахнулась его ряса, я увидел под рясой военную форму, кресты на груди были. В чинах я не разбирался тогда, но старики мне объясняли: “В чине подполковника”. Расправляясь с киргизами, он приговаривал: “Але, око за око, зуб за зуб”»¹⁰. Всё это происходило в районе селения Ново-Вознесеновка и других

¹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 17. 1 сентября. Часть неофициальная. С. 353–356.

² Там же. С. 353.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 354.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 354–355.

⁷ Там же. С. 355.

⁸ Архив СПб филиала ИВ РАН. Разр. II. Оп. 4. Д. 44 – Хроника событий в Туркестанском крае в 1914–1916 гг. Л. 38.

⁹ Иссык-Кульский гос. обл. архив КР. Личный фонд Сторожа Ивана Филипповича. «Воспоминания». Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 1.

окрестных селах Пржевальского уезда. Известный революционный деятель Туркестанского края, очевидец восстания 1916 г. Д.И. Манжара вспоминал, что в это время «не были без дела и попы. Хорошо помню вывешенное у нас в мастерских (железнодорожных. – П.Л.) объявление, в котором говорилось, что завтра, после обедни, во всех церквях будет прочитана проповедь на тему: “Мусульманская религия и ее отношение к православной церкви”»¹. Х. Турсунов писал о том, что «полицейско-поповская клевета мешала сближению русского населения с коренным населением и способствовала разжиганию межнациональной розни»². Таким образом, служители Русской православной церкви в Туркестанском крае мало способствовали достижению мира и согласия между противоборствующими сторонами регионального конфликта.

Как отмечалось в главе о ходе восстания 1916 г., оно охватило несколько уездов Семиреченской области. Однако не везде повстанцы нападали на православные храмы. Наиболее трагичные в этом отношении события происходили в Пржевальском уезде. Благочинный церковью 1-го Пржевальского округа протоиерей Михаил Заозёрский докладывал 23 сентября 1916 г. туркестанскому архиерею Иннокентию (Пустынскому) о том, что в его уезде «в переселенческих селениях не достаёт 3700 человек, кроме того, много убитых как горожан, так и крестьян»³.

Туркестанская духовная консистория рассмотрела 28 сентября 1916 г. вопрос о бедствиях русско-православного населения Верненского, Джаркентского, Пишпекского и Пржевальского уездов и мерах, которые «возможно бы принять со стороны епархиального начальства, хотя бы к некоторому водворению нарушенного порядка, нормальной жизни и облегчению пострадавших»⁴. В журнале заседания отмечалось, что «храмы Божии» сожжены и разграблены. Разграблен Иссык-Кульский монастырь – девять монахов убиты. Заседание Туркестанской духовной консистории постановило: 1) всем причтам епархии молиться об убиенных; 2) предложить церквям уделить из своих фондов утвари часть пострадавшим церквям в указанных четырех уездах; 3) предписать благочинным уездов восполнить утраченные антиминсы, ризницы, богослужебные книги и проч. Отмечалось: «Какие приходы не могут более существовать самостоятельно, необходимо временно закрыть и слить с другими»⁵.

Об основных событиях восстания 1916 г. помимо краевой и областной прессы население региона информировала церковная газета «Туркестанские епархиальные ведомости», издававшаяся с 1906 г. Исследователь К.Е. Нетужилов отмечает, что в Азиатской части России они стали издаваться последними, так как в Туркестанском крае «проживало слишком мало православных»⁶. Так, например, газета в разделе «Хроника» отмечала 1 сентября 1916 г., что восстание кочевников Семиречья породило массу невероятных слухов и «вызвало заметное нервное настроение во многих жителях»⁷. Поэтому епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий провел 14 и 21 августа 1916 г. молебствия за умиротворение положения в крае. 1 октября 1916 г. «Туркестанские епархиальные ведомости» опубликовали приказ военного губернатора Семиреченской области от 12 сентября 1916 г.⁸.

¹ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 275.

² Там же. С. 276.

³ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 300.

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 89 – О беспорядках, вызванных призывом инородцев на работы. Л. 290.

⁵ Там же. Л. 293.

⁶ Нетужилов К.Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2008. С. 167.

⁷ Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 17. 1 сентября. Часть неофициальная. С. 367.

⁸ Там же. С. 262–263.

Речь шла о создании участковых комиссий по оценке ущерба от восстания 1916 г., в том числе по церквям и т. п. Привлекались чиновники Переселенческого управления. В состав комиссий входили настоятели церквей. Также было предано гласности постановление Туркестанской духовной консистории от 27 сентября 1916 г. о разрешении в пострадавших от восстания 1916 г. местах служить литургию на переносных антиминсах и престолах¹. Кроме того, был заслушан доклад секретаря Консистории об ущербе, понесенном населением и церквями в Пржевальском, Верненском, Джаркентском и Пишпекском уездах Семиреченской области от восстания «туземцев» в 1916 г. В журнале заседания отмечалось, что «одних только убитых и в одном только Пржевальском уезде насчитывается около 2000 человек, а захваченных в плен и уведенных в горы около 1000»². Указывалось, что в других местах были тоже сильные разорения. «Особенно пострадал Пржевальский уезд в прибрежных местах озера Иссык-Куль. Разграблен там и единственный в епархии мужской Свято-Троицкий монастырь, а из насельников его мученически погибли иеромонах Рафаил (духовник), схимонах Исихий и семеро прочей братии – все изувечены и убиты. Из числа духовенства сначала был пленен, а потом умучен разъездной священник Иоанн Роик. Всюду идет вопль: помогите!»³. В итоге заседания «приказали»: 1) творить моления по убиенным; 2) церквям уделить часть своего богослужебного имущества пострадавшим церквям Пржевальского, Джаркентского и Пишпекского уездов; 3) духовенству епархии собирать деньги и вещи для помощи пострадавшим от восстания; 4) доставить сведения о том, как именно погибли церковные вещи; 5) об устройстве временных молитвенных домов в Пржевальском уезде там, где были разрушены церкви; 6) настоятелю Иссык-Кульского монастыря донести об ущербе обители от восстания кыргызов⁴. Газета опубликовала документ «К сведению жертвователей на военные нужды и на нужды беженцев», в котором сообщалось о том, кто и сколько пожертвовал и куда были направлены деньги, отмечалось, что 197 руб. 94 коп. переведены по телеграфу за счет епископа Иннокентия в Пржевальский уезд пострадавшим от восстания священнослужителям⁵. Документ был подписан 30 сентября 1916 г. туркестанским епископом Иннокентием.

15 октября 1916 г. газета писала о членах от духовенства в комиссиях по рассмотрению убытков от восстания кыргызов и казахов. В каждую комиссию по решению Туркестанской духовной консистории от 28–29 сентября 1916 г. вошло по одному священнику, в частности, в Пишпекскую – протоиерей Александр Никольский, в Пржевальскую – протоиерей Михаил Заозёрский. 21 октября 1916 г. последовал приказ военного губернатора Семиреченской области о погашении убытков от восстания 1916 г. за счет продажи имущества (движимого и недвижимого) его участников. Кроме того, объявлялось о создании в Верненском, Пишпекском, Джаркентском и Пржевальском уездах уездных комитетов по оценке убытков от восстания и образованию Областного комитета по выяснению и возмещению убытков, причиненных мятежом 1916 г.⁶ Естественно, что утраченное церковное имущество в Семиреченской области стало одним из основных пунктов его работы, а убытки были значительными. В журнале Туркестанской духовной консистории от 13 октября 1916 г. отмечалось: «От происходившего в последнее время мятежа туземцев – киргиз и каракиргиз в уездах Пишпекском, Пржевальском и Джаркентском Семиреченской области некоторые церкви

¹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 19. 1 октября. Часть официальная. С. 263.

² Там же. С. 264.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 264–265.

⁵ Там же. С. 268, в сноске.

⁶ Там же. 1916. № 21. 1 ноября. Часть официальная. С. 290.

и молитвенные дома пострадали, а иные и вовсе сожжены, а святыни их поруганы, и в единственном в епархии мужском Иссык-Кульском монастыре святыни (кроме Св. Даров) и церковное имущество частью разграблены, а частью повреждены и поруганы (Св. Иконы иколоты, а из ризницы грабители наделали попоны для лошадей)»¹. При этом прилагалась «Ведомость о числе церквей Туркестанской епархии: а) с 1 января 1916 г.; б) освященных в 1916 г. и в) погибших от мятежа туземцев».

А) Всего на 1 января 1916 г. в Туркестанской епархии числилось 182 церкви. Из них: соборных – 11, монастырских – 4, приходских – 123, домовых и при казенных учреждениях – 26, кладбищенских – 3, походных и подвижных – 10 (в том числе 6 вагонов-церквей), миссионерских – 1². В Семиреченской области: соборных – 6, монастырских – 3, приходских – 65, домовых и при казенных учреждениях – 8, кладбищенских – 1, походных и подвижных – 2, миссионерских – 1. Всего – 89. В Сырдарьинской области: соборных – 2, монастырских – 1, приходских – 31, домовых и при казенных учреждениях – 8, кладбищенских – 2, походных и подвижных – 3, миссионерских – нет. Всего – 48. В Ферганской области: соборных – 1, монастырских – нет, приходских – 11, домовых и при казенных учреждениях – 1, кладбищенских – нет, походных и подвижных – 1, миссионерских – нет. Всего – 14. В Самаркандской области: соборных – 1, монастырских – нет, приходских – 8, домовых и при казенных учреждениях – нет, кладбищенских – нет, походных и подвижных – нет, миссионерских – нет. Всего – 10. В Закаспийской области: соборных – 1, монастырских – нет, приходских – 7, домовых и при казенных учреждениях – 7, кладбищенских – нет, походных и подвижных – 4, миссионерских – нет. Всего – 19. Бухарское ханство – 1 церковь при казенном учреждении (Императорском политическом агентстве в Бухаре)³. В китайских пределах – 1 (в Кульдже). Здесь почему-то не была учтена церковь в Новом Ургенче Хивинского ханства.

Б) В 1916 г. были освящены церкви: в Семиреченской области: в Верненском уезде – 1 приходская (в селении Зайцевском), в Джаркентском уезде – 1 приходская (в селении Богословском); в Сырдарьинской области: в Аулиеатинском уезде – 1 приходская (селение Алексеевское) и 1 кладбищенская (в городе Туркестане); в Самаркандской области: в Ходжентском уезде – 1 приходская (в селении Романово); в Закаспийской области: в Мервском уезде – 1 приходская (в Государевом Мургабском имении); в Хивинском ханстве: в Новом Ургенче – 1 приходская. Всего в 1916 г. в Туркестанской епархии освятили 6 церквей⁴.

В) Всего во время мятежа 1916 г. в Семиреченской области были уничтожены 7 церквей и 17 молитвенных домов. В Пржевальском уезде – 5 приходских церквей и 11 молитвенных домов; в Джаркентском уезде – 2 приходских церкви и 1 молитвенный дом; в Пишпекском – 5 молитвенных домов⁵.

Таким образом, более всего пострадало церковное имущество в Пржевальском уезде Семиреченской области. Благочинный православных церквей Пржевальского округа протоиерей М. Заозёрский уточнял, что в уезде православные храмы были сожжены в селениях Сазановка, Покровское, Алексеевское и графа Палена; молитвенные дома – в селениях Столыпина, Семеновское, Озерно-Фольбаумское, Бобриково, Отрадное, Соколовское, Лизогубовка, Валериановское, Богатырское, Иваницкое, Светлая Поляна, Тарханы и Барскаум⁶. Заозёрский особо отмечал, что были «сожжены со всем имуществом богатые храмы сел

¹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 24. 15 декабря. Часть официальная. С. 330.

² Там же. С. 331.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 332.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 318.

Сазановка и Покровское. Сазановцы в 1915 г. купили иконостас в 6000 рублей, колокола расплавились»¹. Но жители Сазановки решили быстро восстановить храм. Епархиальная газета сообщала о том, что в редакцию поступила жалоба из селения Сазановка Пржевальского уезда на верненского мещанина А.Н. Фролова, который взялся изготовить иконостас для тамошней церкви, но стал отказываться от исполнения заказа².

Церковные убытки стали погашаться непосредственно после умирения восстания, но только в виде пособий семьям пострадавших священников. Протоиерей М. Заозёрский сообщал в «Отчете о приходе и расходе пожертвований в пользу духовенства, пострадавшего от киргизского мятежа в августе 1916 г.» о том, что на 1 ноября 1916 г. собрали пожертвований в пользу духовенства, пострадавшего от киргизского мятежа в августе 1916 г., 280 руб. 94 коп. Выдали пособия пяти семьям по 50 руб. Осталось 30 руб. 94 коп. и две посылки. Получила пособие и вдова убитого священника Иоанна Роика. Ее взяли в плен 12 августа, но в ночь на 14 августа она сумела бежать с грудным младенцем – дочерью Ольгой, другая дочь – пятилетняя Людмила была убита повстанцами³.

О результатах потерь, понесенных Русской православной церковью во время восстания коренного населения Туркестанского края в 1916 г., епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий (Пустынский) доложил в пока еще не упраздненный Святейший синод в отчете от 14 июля 1917 г.⁴ Архиерей посвятил восстанию 1916 г. 9-й пункт («Разные сведения и замечания») отчета. Он писал о разгуле восстания, отмечал трагическую судьбу Иссык-Кульского монастыря и гибель части его братии. Архиерей указывал, что монастырь был разгромлен повстанцами. Они отрубили голову иеромонаху Рафаилу (Михаил Ливанский, 1847–1916), убили монахов Досифея, Дорофея и Феоктиста, а также послушников Никифора и Михаила. Архимандрит и другие иноки укрылись на острове, позже они сумели бежать в селение Преображенское. Однако *«оба храма и монастырские постройки остались целы»*⁵ (курсив наш. – *П.Л.*). Выше мы уже отмечали этот знаменательный факт. Епископ подробно описывал ход восстания в Джизакском уезде Самаркандской области, убийство уездного начальника, пристава и двух полицейских служителей, разрушение железной дороги и т. п. Он отмечал, что настоятель Джизакской церкви Дмитрий Морозов собрал 13 июля 1916 г. жителей города в храме и отслужил молебен, все молились с рыданиями и стоном. 16 июля 1916 г. он отпел убиенных: уездного начальника, полковника Рукина, пристава, штабс-капитана Зотоглова и двух полицейских служителей. Потом все ушли из города, а Морозов остался один в храме и провел там ночь. Далее епископ писал о восстании в Верненском уезде. В селении Пригородном, в 100 верстах от города Верного, священник Смоковский собрал народ в молитвенном доме, забаррикадировался и оборонялся до тех пор, пока не подоспели казаки. Архиерей описывал ход восстания в Пишпекском уезде Семиреченской области⁶. Он отмечал, что во всех селениях уезда, несмотря на опасность, регулярно совершались богослужения. Епископ повествовал в отчете о восстании кочевников в Нарынской зоне – Атбашинском участке, Пржевальском уезде. Здесь повстанцы осаждали селение Столыпино (Кочкорка). Населению удалось бежать в Токмак. Особенно подробно туркестанский архиерей писал о восстании в Пржевальском уезде Семиреченской области, где оно

¹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 23. 1 декабря. Часть официальная. С. 318.

² Там же. № 16. 15 августа. Часть неофициальная. С. 352.

³ Там же. № 23. 1 декабря. Часть официальная. С. 316–319.

⁴ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 300–337.

⁵ Там же. С. 334.

⁶ Там же. С. 308–310.

приобрело наиболее жестокий характер. Он указывал, что повстанцы не смогли взять селение Преображенское, и описывал ситуацию в этом населенном пункте. Сюда 14 августа 1916 г. прибыли спасшиеся иноки Иссык-Кульского Свято-Троицкого монастыря во главе с архимандритом Иринархом. Священники, собравшиеся в Преображенском, проделали большую работу с жителями и беженцами из других селений уезда. Епископ Иннокентий похвально отзывался о священнике селения Бобриково Тихоне Сасе. Он бежал в селение Теплоключенское, где сразу включился в оборону села (о его участии в подавлении восстания мы писали выше). Архирей описывал, как священник селения Михайловского Синусов организовал отход населения в город Пржевальск, чем спас его от гибели. Он приводил в отчете рассказы других священников из пострадавших от восстания селений¹.

В конце 1916 г. в городе Пржевальске заседал Попечительский совет по восстановлению церковной жизни и по оказанию помощи разоренному духовенству от мятежных киргизов, работал он под председательством благочинного протоиерея Михаила Заозёрского. В состав Совета входили: начальник Пржевальского уезда полковник Иванов, заведующий Пржевальским переселенческим подрайоном Шебалин, два священника, отставной чиновник, городской староста и др. Совет рассмотрел указ Туркестанской духовной консистории от 29 сентября 1916 г. и постановил: ходатайствовать о переводе причта селения Столыпино в селение Григорьевское, где сохранились как строящаяся церковь, так и жилые дома. Селение Семеновское решили приписать в село Сазановка, а в последнем построить молитвенный дом, о чем направили ходатайство в Туркестанскую духовную консисторию. Так как селение Озерно-Фольбаумское находилось в пяти верстах от Иссык-Кульского Свято-Троицкого монастыря, то на него возложили исполнение религиозных нужд жителей этого селения. Поскольку в селении Бобриково был сожжен молитвенный дом со всем церковным имуществом и церковными деньгами, а крестьяне были бедны, то постановили ходатайствовать о выдаче им пособия в 1200 руб. из церковно-строительного капитала на сооружение молитвенного дома. Разоренный приход селения Соколово временно присоединили к приходу селения Валериановского. В этом селении под молитвенный дом отвели здание церковно-приходской школы, а ее занятия решили проводить в частном доме. Постановили ходатайствовать об организации строительного комитета в селении Покровском для сооружения молитвенного дома и разрешить использовать на это дело 2000 руб. денег церкви селения Покровского. Ввиду того, что селения Тарханы, Барскаум, Гоголевка и Кольцовка были разорены полностью и крестьяне там не жили, решили назначить местом пребывания разъездного причта город Пржевальск.

Одновременно в Пржевальске работал Совет по раздаче пожертвований в пользу пострадавших от «киргизского» мятежа в августе 1916 г. В начале января 1917 г. Совет составил отчет о приходе и расходе пожертвований в пользу духовенства, пострадавшего от мятежных «киргиз» в Пржевальском, Пишпекском и Джаркентском уездах. В нем отмечалось, что приход образовался из средств, поступивших с 1 по 25 ноября 1916 г. – 662 руб. 70 коп. и 15 посылок. Расход составили вышеприведенные пособия священнослужителям и 74 руб. вдове священника Иоанна Роика. 16 марта 1917 г. Совет решил выдать денежные суммы священникам для раздачи пострадавшим крестьянам – 175 руб. 77 коп. Он постановил предоставить пособия пострадавшим священникам – 665 руб. Благочинному 1-го Пишпекского округа выделили для раздачи духовенству 100 руб. и на нужды молитвенного дома в Соколовском – 50 руб. Также распределили три посылки. 16 марта 1917 г. Совет представил отчет о приходе и расходе пожертвований в пользу духовенства, пострадавшего

¹ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 319–322.

от восстания «киргизов» и казахов¹. В нем указывалось о «приходе» – поступлении пожертвований из многих мест. Из них были выделены пособия: в 50 руб. – четырем священникам; в 30 руб. – одному; в 25 руб. – четырем. В отчете Совет свидетельствовал о «расходе» – выдаче пособий из поступивших сумм и раздаче трех посылок². Но всё это было каплей в море народного бедствия.

Пржевальский протоиерей М. Заозёрский направил 25 сентября 1917 г. письмо в редакцию «Туркестанских епархиальных ведомостей», в котором писал о том, как восстанавливали ущерб от восстания 1916 г., и признавал, что фактически ничего существенного за год не сделано. Этот факт отмечал благочиннический съезд Пржевальского округа 30 мая 1917 г. Священники указывали, что консистория нашла деньги на сооружение архиерейского дома в Ташкенте и почти ничего не дала приходам и причтам, пострадавшим от восстания 1916 г.³. Епископ Иннокентий ни разу не посетил пострадавшие места в Пржевальском уезде. Частная благотворительность ничего существенного не дала. Отмечалось, что необходима широкая программа государственной помощи пострадавшим храмам и людям в Пржевальском уезде.

Святейший правительствующий синод издал 30 сентября 1917 г. указ о восстановлении церквей, молитвенных домов, часовен и др. в Туркестанской епархии после восстания «туземцев» в 1916 г.⁴. Он отмечал, что рассмотрел рапорт епископа Туркестанского и Ташкентского Иннокентия от 20 ноября 1916 г. о пострадавших во время восстания 1916 г. церквях, молитвенных домах, причтах и др., а также отношение Хозяйственного управления Св. синода от 15 мая 1917 г. и постановил: 1) отпустить средства из сметы Св. синода на восстановление пострадавших богослужебных учреждений в Туркестанской епархии, но при представлении подробного ходатайства с приложением утвержденных местной строительной властью проектов. До сооружения храмов, молитвенных домов и др. Туркестанской епархии «может быть выделено потребное количество походных церквей»; 2) на основании закона от 12 июля 1917 г. о финансировании строительства церковно-приходских школ следует обратиться в Училищный совет Св. синода для выделения средств на восстановление таких школ в Туркестанской епархии; 3) средства на построение причтовых домов не могут быть отпущены без принятия законодательного решения на сей счет; 4) о пострадавших причтах, учителях церковно-приходских школ надо представить подробные сведения с указанием, кто и какие понес убытки от восстания 1916 г. Викарный епископ Семиреченский и Верненский Пимен (Белоликов) надписал на указе Св. синода резолюцию о том, чтобы все благочинные исполнили предписание Св. синода, указ довели до сведения всех причтов и прихожан и опубликовали его в «Туркестанских епархиальных ведомостях»⁵.

В конце 1917 г. Туркестанская духовная консистория разработала маршрут поездки нового викарного епископа Семиреченского и Верненского Пимена (Белоликова) для обозрения Пржевальского уезда и возвращения обратно (через Кастек) в г. Верный⁶. Архиерей намеревался увидеть, как восстанавливаются церкви, молитвенные дома, школы и др. после восстания 1916 г. Епископ предполагал выехать из Верного 10 января 1918 г., однако в том же году он был арестован и расстрелян народной властью.

Таким образом, Русская православная церковь в дореволюционный период почти полвека окормляла преобладающую часть христианского населения Туркестанского края.

¹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 8. 15 апреля. Часть официальная. С. 102–105.

² Там же. С. 103–105.

³ Там же. № 20. 15 октября. Часть неофициальная. С. 340–344.

⁴ Там же. № 21. 1 ноября. Часть официальная. С. 242–244.

⁵ Там же. № 21. 1 ноября. Часть официальная. С. 243.

⁶ Там же. 1918. № 1. 1 января. Часть официальная. С. 4–5.

Как и повсеместно в Российской империи, ее учреждения выступали в качестве прислужников царского режима в регионе. Об этой их позорной роли в истории нельзя забывать.

Вместе с тем, следует отделять зерна от плевел и признать, что как общественно-исторический институт Русская церковь сыграла свою позитивную роль в жизни народов Средней Азии. Она формально объединяла сотни тысяч верующих, учила их фундаментальным заповедям христианской веры, терпимо относилась к региональному мусульманству, пыталась оказывать ему возможную помощь и т. д. И, конечно, не все служители Церкви оказались на должной высоте межцивилизационного сотрудничества народов Туркестанского края. Они не смогли привить многим из церковных пасомых чувства истинно христианского православного отношения к мусульманскому населению, особенно кочевому. Некоторые православные обители Туркестанской епархии смогли их продемонстрировать, однако братия Иссык-Кульского монастыря своим отношением к местному населению во многом предопределила ту жестокую судьбу, которая постигла ее и обитель в трагическое время восстания 1916 г. Повстанцы не уничтожали целенаправленно и осознанно православные храмы в селениях Прииссыккуля – они сгорели в общих пожарищах. Поэтому нет оснований считать, что в целом восстание носило религиозный – антихристианский характер. Тем более что во всех областях Туркестанского края, кроме Семиреченской, ни одна из православных церквей не пострадала. Вместе с тем восстание коренного населения Средней Азии в 1916 г. против царизма было, пожалуй, крупнейшим актом межконфессионального столкновения в регионе за всю его историю.

На наш взгляд, современные деятели Русской православной церкви весьма поверхностно усвоили уроки дореволюционного опыта взаимоотношения Церкви с государственной властью. Российский исследователь А.М. Верховский пишет о том, что Русская православная церковь имеет повышенные амбиции на роль и место в религиозной жизни России. С этим смирились буддизм и иудаизм, но ислам, имеющий в современной России до 20 млн приверженцев, не согласен с ними. Он отмечает, что если бы амбиции иерархов современной Русской православной церкви были меньше, а их притязания и претензии скромнее, то полный религиозный мир и общеконфессиональное согласие в Российской Федерации были бы достигнуты уже сегодня¹. И уроки истории Церкви в дореволюционном Русском Туркестане тоже усвоены ею не в полной мере. Таджикистанский историк В.В. Дубовицкий пишет о том, что в «Центральной Азии» сегодня «некоторый подъем религиозности у православных христиан региона, тем не менее, не привел к изменению роли Русской православной церкви и приобретению ею роли духовного лидера диаспоры. Она продолжает занимать пассивные позиции в борьбе за духовность паствы и воцерковление российских соотечественников. Как результат, *не только растет уровень аккультурации в форме вестернизированного полукультурья, но и отпадение части православной паствы в инославные христианские конфессии и тоталитарные секты*»² (курсив наш. – П.Л.). Мы считаем это явление позитивным – чем меньше Церковь будет влиять на жизнь русскоязычного населения стран современной Средней Азии и Казахстана, тем оно будет здоровее в духовном отношении и свободнее в выборе своего места в социумах государств указанных регионов. На фоне атеизирующегося Запада было бы смешным наблюдать распространение «ладанного запаха» православной религиозности в свободном и прогрессирующем российском обществе и государстве.

¹ См.: Верховский А.М. Публичные отношения православных и мусульманских организаций на федеральном уровне. // Ислам в России: взгляд из регионов: Сб. ст. М., 2007. С. 139.

² Дубовицкий В.В. Национальная идентичность русской диаспоры в Средней Азии: исторический опыт сохранения // Востокведческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сб. мат-лов. Ташкент, 2008. С. 177–178.

ГЛАВА 11

ЦАРСКАЯ «ОХРАНКА» В ДНИ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА

Совершенно естественно, что даже формальное учреждение Туркестанского районного охранного отделения (ТРОО) в конце 1907 г. произошло после того, как уже вызревали основные причины, приведшие к восстанию коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г., в том числе обезземеливание «туземных» жителей (преимущественно кочевников) вследствие порочной и недальновидной (рассчитанной на сиюминутный результат) переселенческой политики царского «премьера» и главы МВД П.А. Столыпина. Ко времени учреждения розыскных пунктов МВД в Туркестанском крае все обстоятельства, приведшие к мусульманскому восстанию 1916 г., сложились вполне определенно. Когда же сформировалась вся система органов Департамента полиции МВД в Русском Туркестане, о чем объявлял циркуляр № 928 туркестанского генерал-губернатора Самсонова от 13 июля 1910 г., то эти причины уже начали расслаиваться. И основная – земельный вопрос – приобретала всё более отчетливую рефлексию в стычках «туземцев» с переселенцами, которые становились год от года всё ожесточеннее. Если учесть, что первичная агентурная сеть была, на наш взгляд, сформирована к 1912 г., а ее полная организация произошла, видимо, лишь в конце 1913 – начале 1914 г., то, таким образом, органы Департамента полиции МВД в Туркестанском крае могли в полной мере осуществлять свои функции по отслеживанию развития в «туземной» среде повстанческих настроений практически не более трех лет. Разумеется, было бы наивным полагать, что Туркестанское районное охранное отделение и розыскные пункты Департамента полиции МВД изначально и специальным образом занимались исследованием в поведении «туземцев» той мотивации, которая позже подвигла мусульман к участию в самом крупном (фактически общерегиональном) мятеже в Средней Азии и Казахстане, приобретшем не только антиправительственное, но и антирусское выражение.

Естественно, что в усмирении повстанцев 1916 г. принимали участие прежде всего войска Туркестанского военного округа, приданные им части, снятые с фронтов первой мировой войны, и, конечно, общая «военная» полиция Туркестанского края. Но мы здесь не станем характеризовать их деятельность по подавлению восстания «туземцев», которая, безусловно, оказалась решающей в этом процессе, о чем свидетельствует мощный пласт документов, нуждающихся в новых беспристрастных подходах при их изучении, но относящихся, однако, к деятельности армии и военной полиции, а значит, не имеющих прямого отношения к работе органов Департамента полиции МВД. Поэтому мы обращаем здесь внимание именно на то, каким образом Туркестанское районное охранное отделение отслеживало жизнь мусульман Средней Азии в предмятежный период и как вело себя в процессе усмирения ураганного и кровопролитного антицаристского и антирусского восстания коренного населения региона в 1916 г. Ведь именно на царской «охранке» лежала задача оперативного реагирования на появление первых признаков антиправительственных и антирусских, антихристианских настроений. И она отчасти добросовестно и серьезно исполняла свое предназначение в Средней Азии.

Туркестанское районное охранное отделение еще в 1915 г. доносило о том, что есть внешние силы, которые хотят дестабилизировать обстановку в Туркестанском крае и побудить его коренное население восстать против русских во время возможной войны, с тем

чтобы ослабить позиции России на международной арене. Российский императорский политический агент в Бухаре докладывал 29 января 1916 г. в 3-й политический отдел Министерства иностранных дел о том, что на основании предписания от 10 декабря 1915 г. он провел расследование возможных опасных внешних обстоятельств и установил, что «до сего времени, несмотря на бдительный надзор и тщательные розыски подведомственной мне полиции и многочисленных местных агентов Туркестанского охранного отделения, в Бухаре не обнаружено ни одного афганского, ни персидского, ни турецкого эмиссара»¹. С вступлением Турции в войну против России бухарский эмир приказал бекам выдворить за пределы ханства всех турок. Тем не менее, по словам политического агента, Туркестанское охранное отделение «не перестает до сих пор буквально засыпать Агентство запросами о мерещущихся ему повсюду эмиссарах»². Т.В. Котюкова не признает такого «благодушного» отношения к внешним опасностям начала XX в. и доказательно пишет о происках внешних сил в подготовке восстания 1916 г. – Турции, Германии и китайской организации анархистов «Гэ-Лао-Хуэй»³. Она отмечает, что их антирусская деятельность имела свои успехи.

Туркестанская «охранка» фактически изначально вербовала агентуру из числа «туземного» населения края. Как и в самой России, сексоты (секретные сотрудники) в подавляющем большинстве были людьми сомнительной нравственности, склонными к мошенничеству, авантюризму, предательству и иным порокам. Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин писал в своем дневнике о том, что он получал от «туземного» населения много жалоб на провокации людей, которые выдавали себя за агентов охранного отделения и обирали простых людей⁴. Зарубежный исследователь Э.Д. Сокол отмечает, что Куропаткин выявил много случаев, когда «туземные» агенты Туркестанского районного охранного отделения использовали свое положение для вымогательств и поборов. Он заключил в тюрьму 8 таких сексотов туркестанской «охранки»⁵.

Среди коренного населения Туркестанского края было весьма негативное мнение о местном охранном отделении, его сотрудниках и агентах, в отличие от чинов полиции; в народе их называли жандармами. К. Усенбаев, например, описывал случай, как восставшие приняли инженера Пугаченкова за жандармского ротмистра Железнякова – заведующего розыскным пунктом Департамента полиции МВД по городу Верному и Семиреченской области и хотели его убить, но их остановил один из повстанцев, знавший Железнякова, чем спас инженера от гибели⁶. Более подробно об этом случае 13 октября 1916 г. писал туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков. Он указывал, что восставшие «киргизы» не терпят слова «жандарм», и отмечал, что 6 августа 1916 г. они взяли в плен инженера Семиреченского областного правления Пугаченкова и, приняв его за ротмистра Железнякова, едва не убили с криками: «Жандарм!». Выручил один из повстанцев, который заявил, что тот не жандармский служащий. По словам Волкова, такое отношение к жандармам объясняется тем, что «киргизы – сыщики сыскного отделения в Верном выдают себя за жандармских сыщиков, обирая нещадно киргизов»⁷. Они пугают их тем,

¹ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в документах. Т. I... С. 72.

² Там же. С. 73.

³ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 68–72.

⁴ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 66.

⁵ Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 161.

⁶ Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии... С. 178.

⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 368.

что могут сдать властям любого человека как «неблагонадежного». Так, Куропаткин отмечал во «всепопданнейшем» рапорте царю от 22 февраля 1917 г., что рознь между туркменами Мервского уезда возникла «из-за неумелой, а в отдельных случаях и преступной деятельности нижних агентов Охранного отделения. Неосторожный подбор охранных агентов даже среди невежественных туркмен дал этим избранным вредную и опасную власть. Начали сводиться личные счеты на почве политической благонадежности, взимали взятки, а не дающих заключали в тюрьму по доносам об их политической неблагонадежности»¹. Командированный военным министром по просьбе туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина заместитель главного военного прокурора генерал-лейтенант В.Е. Игнатович «подробно выяснил виновность отдельных лиц, кои, прикрывшись целью политического сыска, преследовали только личные дела»². Об этом туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин докладывал 28 февраля 1917 г. военному министру М.А. Беляеву³.

О некоторых порочных действиях туркестанской «охранки» до и во время восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. говорил А.Ф. Керенский, выступая 13 декабря 1916 г. на закрытом заседании Государственной думы. Он указывал, что еще со дня вступления в войну Турции «местное охранное отделение уже доносило в Петербург и местному губернатору о том, что туземное население чрезвычайно нервно относится к тому, что Россия воюет с Турцией и что возможно ждать осложнений»⁴. Керенский сообщал о том, что в Андижане у «туземного» милиционера нашли панисламистские листовки, которые, как оказалось, печатались на квартире одного из агентов Туркестанского районного охранного отделения, причем русского. «Вот, господа, – восклицал он, – как пытались в Туркестане создавать панисламистскую пропаганду»⁵. Керенский утверждал, что это была провокация самого Туркестанского районного охранного отделения, которая могла иметь самые тяжелые последствия, и он называл ее организаторов «государственными преступниками» и «подлинными предателями».

Есть основания полагать, что, несмотря на спонтанный характер восстания 1916 г., тем не менее, были силы, которые исподволь готовились к возможному мятежу мусульманского населения против русских. В 1909–1910 гг. Туркестанское районное охранное отделение произвело обыски и аресты среди мусульманского духовенства Ташкента (преимущественно медресного) по подозрению в агитации среди «туземцев» идей подготовки вооруженного восстания против русских с целью полного отделения от России. В августе 1910 г. дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе сообщал в ТРОО о том, что «в Россию под видом купцов и паломников посланы опытные турецкие эмиссары для ведения панисламистской пропаганды»⁶. В Стамбуле был создан Комитет в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России. Он был связан с правительствами стран, воюющих против России. В 1914 г. турецкий шейх Ургуплу Хайри издал пять фетв о войне против стран Антанты. В конце 1915 г. Комитет опубликовал «Меморандум» к воюющим странам, в котором писал о мусульманских народах России и о культурном превосходстве мусульманского мира перед его завоеванием Россией. Документ внимательно изучался в германском Генштабе и Министерстве иностранных дел. Германские

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 96.

² Там же.

³ Восстание 1916 года в Туркмении (Док. и мат-лы)... С. 217.

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо... С. 118.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 61.

спецслужбы установили, что члены Комитета в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России, по сути, представляли не широкие массы, а лишь самих себя. Юсуф Акчурун, Алибек Гусейнзаде («кавказский татарин», то есть азербайджанец), Мухаммед-Эссед Эселибзаде (турок) и Мукиметдин Бейджан на деле оказались одиночками. Германский эксперт, профессор Хартман, который помогал правительству разобраться в этом деле, установил это, однако рекомендовал не порывать с ними отношений, так как они могли пригодиться германским спецслужбам в будущем¹.

В 1911 г. Туркестанское районное охранное отделение уже имело сведения и о том, что кочевники, недовольные изъятием у них земель, начинают готовиться к борьбе с переселенцами и ввозят оружие из пределов Китайского Туркестана, при полном попустительстве тамошних официальных властей². Сведения об обострении отношения местного мусульманства к российским властям и русским вообще поступали в туркестанскую «охранку» за несколько лет до восстания 1916 г. Например, агент «Шувалов» еще в начале 1913 г. сообщал в Ташкентский розыскной пункт о том, что «мусульманское население... в большей своей массе относится к русскому населению враждебно, что особенно заметно при посещении кишлаков Ошского, Андижанского и Наманганского уездов... Некультурное, весьма фанатичное и легко поддающееся влиянию всякого рода сказок, туземное население Ферганской области, безусловно, не решится на самостоятельное нападение на войска, но в случае ухода войск положение русских жителей делается весьма опасным»³.

Среди номадов Семиречья росло напряжение в связи с изъятием земель для переселенцев, что способствовало формированию у них эндогенных протестных настроений как благоприятной почвы для всякого рода антирусских и антиправительственных идей. Х. Турсунов писал, что в 1913 г. в г. Верном появился нелегальный панисламистский «кружок мусульман» во главе с муллой Ильясом Изнабакиевым. Он поддерживал связь с Бухарой – одним из центров панисламизма в Средней Азии. В частности, с жившим в Бухаре ишаном Шаяхсы, у которого было много мюридов в Туркестанском крае и «он имел непосредственную связь с султанской Турцией»⁴. Нелегальные панисламистские комитеты были созданы в крупных городах Средней Азии, они имели связь с турецкой партией «Единение и прогресс». Х. Турсунов писал о протурецких панисламистских организациях Туркестанского края.

Начальник Андижанского уезда сообщал 16 мая 1911 г. скобелевскому уездному начальнику о том, что, по дошедшим до него слухам, в селении Куля Араванского участка Скобелевского уезда группа мусульман готовит тайно заговор против русских властей. Начальник Скобелевского уезда проверил полученную информацию и 10 июня 1911 г. писал начальнику Туркестанского районного охранного отделения о том, что слухи о заговоре не подтвердились⁵.

Агент Туркестанского районного охранного отделения «Кильды» сообщал 11 декабря 1914 г. о том, что в Коканде мусульмане относятся к поражениям Турции спокойно, «но если только Афганистан объявит войну России, сарты восстанут как один человек»⁶. Он писал: «Мусульмане смотрят на Германию как на свою освободительницу... потому что знают, если победит Германия, то Турции и всем другим мусульманским государствам будет

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 88.

² ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1023 – Сводки агентурных сведений по Туркестанскому краю о незаконном ввозе оружия киргизами для «священной войны».

³ ГАРФ. Ф. 102. ДП О. О. 1913. Д. 20. Ч. 84 «б». Л. 44 об. – 45.

⁴ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 149.

⁵ См.: Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 114, 115.

⁶ См. там же. С. 144.

хорошо. Имя Вильгельма известно даже самым темным и захудалым беднякам; все мусульмане на него молятся, потому что среди них кто-то вселил убеждение, что Вильгельм всю эту войну начал из-за мусульман, которых он хочет слить в одно могущественное государство¹. Агент приводил панисламистскую листовку следующего содержания: «О, верующие! Для вас настало время освободить себя от русского правительства. В настоящее время уже известно, что правоверный исламский халиф, то есть турецкий султан, воюет как с Россией, так и с другими державами, врагами ислама. Поэтому необходимо каждому мусульманину в настоящие дни, даже в близкие часы пожертвовать всем в этой борьбе»². А если нет денег, призывала листовка, то надо вступить в армию халифа и сражаться с врагами ислама, и рекомендовала «собранные деньги передать подателю сего объявления».

Таким образом, антирусские настроения среди кочевников активно подогревались из-за рубежа. В 1908–1909 гг., пока органы Департамента полиции МВД в Русском Туркестане находились еще на стадии становления, по краю «прокатился» известный деятель младотурецкого движения, член союза «Единение и прогресс» Абдурашид Ибрагим-эфенди, задержавшийся, однако, на два года в «кочевой» – Семиреченской области. В селении Токмак Пишпекского уезда он поселился у муллы местной татарской мечети Закир-кары Ваганова и вел обширную «просветительскую» работу среди номадов Чуйской долины. Позже он переехал в областной центр – город Верный, где жил у муллы (и одновременно крупного купца) татарина Абдулкудаса Габдувалиева, причем занимался здесь той же самой «работой». «Военная» полиция, к сожалению, никак не отреагировала на деятельность турецкого пропагандиста, но он исчез из Семиреченской области, как только тут образовался орган Департамента полиции МВД, – он знал по опыту работы младотурецких агентов в других мусульманских анклавах России, что такое царская «охранка» и что с ней шутить не следует. Таким образом, перед восстанием 1916 г. в Туркестанском крае формировались силы, в той или иной мере подверженные вредному воздействию извне.

Безусловно, российское самодержавие заслуживало роста антиправительственных настроений против царской власти в Туркестанском крае. Однако они нередко имели не столько антивластное, сколько чисто антирусское содержание. Так, например, в популярной среди кочевников региона поэме-песне «Ойян, Казак!» («Проснись, казах!»), изданной, кстати, в Уфе в 1906 г. (и переизданной там же в 1909 г.), Мир-Якуб Дулатов (1885–1937), называвшийся также «Даулатор», проповедовал идеи создания собственного кочевнического (во главе с казахами) государства. Он вполне мог в нем стать ханом как выходец из аристократии главного казахского племени аргын, считавшегося «ак-суёк» («белой костью») в кочевом социуме Киргизской степи. Представители оксфордского Общества исследования Средней Азии, публиковавшие антисоветские опусы дореволюционных националистов, панисламистов, пантюркистов и иных своих друзей – врагов России и русских, в кратком предисловии о М.-Я. Дулатове были правы, считая, что он «was profoundly anti-Russian and a radical nationalist» (был абсолютно антирусским и радикальным националистом)³. Позже он как-то сумел примкнуть к пролетарскому интернационализму партийно-советского режима, но в дальнейшем был расстрелян в 1937 г. как враг народа. Мы не считаем, что он действительно был «врагом народа» (тем более своего собственного), но то, что он был русофобом, видимо, отрицать не стоит. Туркестанское районное охранное отделение заинтересовалось поэмой и констатировало растущую популярность прокламативной песенной поэмы «Ойян, Казак!» среди кочевников Семиречья,

¹ См.: Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 114, 115.

² Там же. С. 144.

³ Казахи о русских до 1917 года / А. Букейханов, М. Дулатов, А. Байтурсун, Т. Рыскулов... С. 16.

которая, по нашему убеждению, сыграла большую роль в подготовке антирусской основы для восстания 1916 г. Начальник туркестанской «охранки» писал в 1914 г. в отчете, направленном в Департамент полиции МВД: «Среди киргиз особенно популярен писатель Мир-Якуп-Даулатов, автор брошюры “Оян, Казак” («Проснитесь, киргизы»)… *призывающей киргиз к изгнанию русских и образованию своего киргизского государства*»¹ (курсив наш. – П.Л.). В августе 1916 г. начальник Оренбургского губернского жандармского управления сообщал военному губернатору Тургайской области генерал-майору М.М. Эверсману о том, что казах Мир-Якуб Дулатов, 31-летний секретарь редакции газеты «Казах», в свое время написал брошюру «Уян, Казах!» («Пробуждайся, казах!») антирусского содержания и был привлечен к ответственности. В 1911 г. Семипалатинский окружной суд приговорил Дулатова к 1 году и 7 месяцам заключения в крепости, без зачета предварительного заключения. С началом восстания 1916 г. на его квартире был произведен обыск, однако ничего предосудительного обнаружено не было. Кроме того, глава оренбургской «охранки» сообщал сведения о других казахских националистах – 42-летнем редакторе газеты «Казах» А.Б. Байтурсунове и проживающем в Самаре и состоящем под негласным надзором полиции А.Н. Букейханове, ученом-лесоводе и бывшем депутате I Государственной думы². В послереволюционный период им тоже удалось обратиться в советских деятелей, однако с националистическими воззрениями они вряд ли расстались.

Переселение русских в Туркестанский край не могло не повлиять на быт кочевого населения региона. И это обстоятельство было особенно заметно среди родоплеменной аристократии, которая ранее других своих соплеменников переходила на показную оседлость, заводила себе дома на русский лад (с самоваром и мебелью), начинала заниматься земледелием, заставляя работать на себя букару – кочевую бедноту и нередко нанимая в качестве батраков членов семей небогатых русских крестьян-переселенцев. Отказывая манапам в выделении земель, переселенческие органы в «классовом» отношении были правы, но в политическом вряд ли. Авторитет родоплеменной аристократии в кочевых сообществах был еще весьма высок. Массы номадов готовы были идти за ней на любое дело. Будь Столыпин таким профессиональным политиком, каким его сегодня рисуют сторонники его доктрины, то он непременно учел бы это обстоятельство и не стал бы обострять из-за клочка земли отношения с авторитетной кочевой знатью. Между тем в процессе «стольпинского» переселения было отказано в закреплении в личную собственность 400 десятин земли одному из крупнейших кыргызских манапов Шабдану Джантаеву, причем решающую роль в этом сыграл именно «премьер» Столыпин. Туркестанская администрация не раз поддерживала ходатайство человека, столь много сделавшего для царизма, имевшего царские ордена и медали и звание войскового старшины милиции (фактически, подполковника). 2 апреля 1910 г. исполнявший обязанности военного министра генерал-лейтенант А.А. Поливанов и начальник Главного штаба генерал-лейтенант Кондратьев направили представление в Совет министров Столыпину о разрешении выделить искомые земли знаменитому манапу. 4 мая 1910 г. заседание Совета министров приняло решение отказать заслуженному кыргызу Шабдану Джантаеву. 7 мая 1910 г. Столыпин писал военному министру о том, что правительство согласилось «с заключением по сему делу Главного Управления землеустройства и земледелия» и признало «ходатайство названного лица об упомянутом отводе подлежащим отклонению»³.

¹ Краткий отчет о настроении мусульманского населения в Туркестанском крае к октябрю 1914 года // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 82.

² Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 52–54.

³ См.: Кыргызстан – Россия: История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат-лов. Ч. 1... С. 137–138.

Отказ выдающемуся манану был воспринят кочевым сообществом весьма негативно. По сути, верхушка номадов поняла, что ей нечего ждать милостей от царизма, которому она верно и преданно служила. И, естественно, это прибавило работы органу Департамента полиции МВД в Семиречье – Верненскому розыскному пункту. 21 октября 1910 г. в Узун-Агаче состоялся съезд кочевых аристократов, решивший направить Батырбека Сыртанова (единственного номада, имевшего высшее университетское образование) с миссией в Петербург, с тем чтобы просить власти прекратить переселение и изъятие земель кочевников. Заведующий Верненским розыскным пунктом имел к тому времени небольшую агентуру среди кочевников, но сумел получить подробную информацию о съезде, которую доложил в Туркестанское районное охранное отделение. Он не усматривал в настроениях представителей «белой кости» кочевых сообществ ничего особенно опасного, но общий настрой их характеризовал как негативный¹.

Вряд ли кто станет отрицать, что такой настрой определил ориентиры многих кочевых вождей по отношению к возможному бунту против русских. Но после узун-агачского съезда заведующий Верненским розыскным пунктом ротмистр Астраханцев усилил агентурную работу среди кочевой аристократии. В 1911 г. он докладывал в Ташкент о том, что на своих «сборищах» кочевая знать решила требовать от правительства предоставления кочевым хозяйствам (кибиткам) наделы оседлого населения – до 100 десятин. Одновременно он сообщал, что среди номадов возросли симпатии к Турции и в ряде мест даже начались сборы пожертвований для поддержки ее борьбы с «неверными»². Информация оказалась верной, поскольку в том же году Батырбек Сыртанов подал от имени кочевых лидеров прошение на имя туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова о предоставлении переходящим на оседлость хозяйствам кочевников земель, исходя из установленного законом душевого надела для русских переселенцев. В 1911–1912 гг. главный семиреченский жандарм ротмистр Астраханцев направил несколько пространных рапортов начальнику Туркестанского районного охранного отделения (а копии – военному губернатору области генерал-лейтенанту М.А. Фольбауму), в которых писал о том, что настроение кочевой «массы» становится всё более негативным, зато в ней же растет авторитет Турции, ведущей Балканскую войну против «кафиров»-христиан³.

Нелишне заметить, что в это время заведующий Верненским розыскным пунктом Департамента полиции МВД ротмистр Астраханцев вел активную деятельность на фронте «портретной кампании» против патологического русофоба муллы Ильяса Изнабакиева, которому удалось сбежать и которого позже туркестанская «охранка» искала в Бухаре, но он оказался в селении Чий-мазар, в 70 верстах от Кульджи, то есть на китайской территории, ей неподконтрольной⁴. Но жандарм не забывал отслеживать и ситуацию в кочевом мире Семиречья, приведшую позже, в своем развитии к самым экстремальным выходкам во время восстания 1916 г. В своих рапортах в Туркестанское районное охранное отделение (и сообщениях семиреченскому военному губернатору) ротмистр Астраханцев всё чаще указывал, что сходки кочевых аристократов продолжают как тайно, так и явно – под видом сборищ на свадьбах, похоронах, торжествах по поводу обрезания и т. д. 26 мая 1913 г. заведующий

¹ См.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1025 – Дело о самовольстве киргиз в связи с заселением Семиреченской области русскими. Л. 2–5 об.

² ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1026 – Агентурные сведения об отчуждении киргизских земель для русских переселенцев и о сборе денег в пользу Турции. Л. 30–33 об.

³ См. напр.: ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 13138 – По рапорту Заведующего розыскным пунктом о наблюдении за настроением туземного населения. Л. 1–6.

⁴ См.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1388 «а» – Об исследовании политической благонадежности Изнабакиева и других. Л. 43.

Верненским розыскным пунктом МВД Астраханцев докладывал в Ташкент и военному губернатору Семиреченской области о том, что в одном из городов области намечается проведение съезда кочевых лидеров по «обсуждению школьной программы» обучения детей кочевников, однако, как подчеркивал ротмистр, на самом деле «съезд устраивается в целях панисламистских». Он предлагал дать указание уездным властям Семиреченской области и полицмейстеру города Верного не допускать проведение такого съезда. Семиреченский губернатор генерал-лейтенант М.А. Фольбаум не мог отказать своему фавориту, так прекрасно проявившему себя в «портретной кампании», и 31 мая 1913 г. направил соответствующее распоряжение всем уездным начальникам области и верненскому полицмейстеру¹. Естественно, что запланированный кочевыми аристократами съезд не состоялся, что лишь обострило их отношение к местным властям.

Уже в 1912 г. учреждение Департамента полиции МВД в г. Верном и Семиреченской области выявило тенденцию сближения между кочевыми и оседлыми «олигархами», доселе не наблюдавшуюся, поскольку номады (казахи и кыргызы) и сарты – оседлые жители (уйгуры, дунгане, татары и др.) до этого часто пребывали в конфликтных отношениях по разным поводам. В феврале 1913 г. ротмистр Астраханцев получил агентурные сведения о том, что авторитетные кочевые и оседлые мусульмане собираются на квартирах мулл и под видом чаепитий, столь популярных среди кочевников и сартов, обсуждают проблемы совместного противодействия русским властям. Агент доносил, что вскоре такое «чаепитие» состоится на квартире муллы Татарской Каменной мечети города Верного татарина Хусаина Давлеткамова. Глава семиреченской жандармерии поделился сведениями с верненским полицмейстером, который с «пониманием» отнесся к полученной от Астраханцева информации и поручил приставу 1-й части города Петрову оказать помощь розыскному пункту в пресечении «вредных» сборищ мусульман. Агент не подвел, и 25 февраля 1913 г. в 9 часов вечера сотрудники Верненского розыскного пункта Департамента полиции МВД, при поддержке пристава Петрова и околоточного надзирателя Мацуцина, действительно, накрыли сходку 14 мусульман за «чаепитием» на квартире муллы Давлеткамова. Задержанные (в основном, почетные «туземцы») не отрицали, что они собрались для беседы по «важным» делам, что сами они не считают предосудительным или незаконным. Тем не менее ротмистр Астраханцев потребовал от военных властей Семиреченской области привлечь их к ответственности на основании «Положения об усиленной охране». Но оказалось, что жандарм плохо знал местное законодательство. 29 марта 1913 г. военный губернатор Семиреченской области Фольбаум напомнил ему об этом, указав в письме, что еще в 1906 г. его предшественник утвердил «Временные правила о собраниях», которые были преданы всеобщей гласности через областной официоз – газету «Семиреченские областные ведомости» (№ 36, 71) и допускали групповые сходки на квартирах, но при условии, что хозяин лично знает всех присутствующих по предшествующим с ними контактам. Ротмистр, тем не менее, попробовал решить вопрос у мирового судьи, но тот отказал ему на основании отсутствия доказательств о противоправном характере чаепития у муллы Давлеткамова. Астраханцев пытался найти поддержку в Верненском окружном суде, но прокурор при последнем писал 31 мая 1913 г. в Семиреченское областное правление, что, несмотря на уверенность жандармского офицера в «политической неблагонадежности» участников сходки у муллы Татарской Каменной мечети, они не могут быть привлечены к ответственности, так как она не противоречила статьям 1 и 2 «Временных правил о собраниях» 1906 г.². Следует отметить, что это был

¹ ЦГА Каз., Ф. И-44. Оп. 1. Д. 15557 – По наблюдению за съездом мусульман по делам школы. Л. 2.

² ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 15396 – О сходках мусульман у муллы мечети Давлеткамова. Л. 3–3 об., 5, 9, 16–16 об.

не первый случай отказа Верненского окружного суда в удовлетворении претензий семиреченского филиала «охранки». В 1912 г. ротмистр Астраханцев арестовал двух мулл Верненской мечети – Абдрахманова и Исхакова по обвинению «в небывалых доселе случаях прочтения этими муллами молитв, оскорбительных для Священной Особы Государя Императора». Их дело было направлено в Верненский окружной суд, который, однако, оправдал их, посчитав собранные против них обвинения недостаточными для действительного наказания¹.

Весной 1913 г. Астраханцеву поступили агентурные сведения о тайной сходке манапов в ущелье Барду в Чуйской долине, на которой обсуждались политические вопросы о поддержке Турции и зачитывались статьи из мусульманских газет «Акарзаман» и «Даджал Эмек», доставлявшихся в Семиречье из Самарканда специальными курьерами-панисламистами. Агент доносил о том, что на сходке манапов председательствовал Кыдыралы Кашкин, а в это же время там присутствовал и русский писарь при волостном правлении Николай Махоньков. 29 апреля 1913 г. заведующий Верненским розыскным пунктом МВД писал токмакскому участковому приставу о том, чтобы он выяснил, кто конкретно из манапов, кроме Кыдыралы, участвовал в сходке и каким образом упомянутые газеты попадают из Самарканда в Пишпекский и иные уезды Семиреченской области. 30 мая 1913 г. пристав сообщал ротмистру Астраханцеву о том, что единственным «источником» о сходке у манапа Кыдыралы является Махоньков, который, однако, известен пристрастием к курению анаши, в связи с чем, будучи «обкуренным» во время собрания манапов, находился вне юрты, в которой они заседали, и потому слышал только обрывки их разговоров. Пристав указывал, что показания писаря «мало заслуживают доверия»². Естественно, что ротмистр Астраханцев не мог не понять того, что понятно даже нам сегодня, – нежелание «военной» полиции давать жандармам те сведения, которые были нужны ей самой. И этот пример тоже служит неплохой иллюстрацией к тому, что взаимоотношения органов Департамента полиции МВД в Туркестанском крае с общей «военной» полицией региона оставляли желать лучшего.

В годы перед первой мировой войной Верненский розыскной пункт был очень озабочен ростом панисламистских настроений среди кочевников, особенно молодых, а также потоком панисламистской и пантюркистской литературы, неожиданно хлынувшей в Семиречье. Мы полагаем, что этот процесс был предрасположен. После присоединения Средней Азии к России патриархальное (родоплеменное) общество кочевников, постепенно втягиваемое в систему новых экономических отношений, достаточно форсированно разлагалось, способствуя индивидуализации сознания номадов, которое требовало теперь новой идеологической рефлексии, каковой стало углубление его исламизации. «Сложилась любопытная ситуация, при которой патриархальное (родовое) общество воспринимало и поддерживало мусульманскую религию в той мере, в какой она его устраивала»³. Таким образом, это еще раз подтверждает преимущественно эндогенную природу роста панисламистских настроений в среде мусульманства Средней Азии, чего не поняли дореволюционные деятели МВД, о которых мы здесь пишем (а равно не понимают и некоторые современные туркестановеды). Хотя вряд ли можно было ожидать такого понимания от сотрудников Верненского филиала

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 470 – О панисламистской пропаганде. Л. 238, 240 об.

² ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 13 «в» – Переписка с Токмакским участковым приставом о распространении нелегальной литературы мусульман среди населения. Л. 5 об.

³ Литвинов Вл.П., Литвинов Вяч.П. Патриархальное общество и мусульманской паломничество в Туркестане (эпоха средневековья и нового времени) // Образ жизни в России: история и современность: Мат-лы IX Всерос. науч.-практ. конф. студ., аспирантов и молодых ученых. Москва, 20 апреля 2007 г. М.: Изд-во РУДН, 2007. С. 459.

Департамента полиции МВД, не отличавшихся высоким уровнем образованности и общей интеллектуальной силы. Поэтому в росте панисламистских и пантюркистских настроений в кочевой среде деятели военно-административного управления Русским Туркестаном и их коллеги из местных органов Департамента полиции МВД обвиняли прежде всего казанских татар и улем Бухарского эмирата.

«Обзор Семиреченской области за 1911 и 1912 годы» утверждал, что необходим строгий надзор за «туземными» школами, «так как среди мулл начали появляться оренбургские и казанские татары, а также выходцы из Ферганы и Самарканда, которые наряду с учением грамоте могли знакомить кочевников и с вопросами, совершенно чуждыми особому складу их жизни и ознакомление с которыми было бы не в интересах общегосударственных»¹. Видный казахский советский ученый Н. Сабитов считал, что панисламистские и пантюркистские идеи проникали в Семиречье «через мектебы и медресе, где изучались больше всего религиозные предметы по учебникам арабских, персидских и турецких авторов, а позже – татар»². Есть все основания полагать, что заведующий Верненским розыскным пунктом ротмистр Астраханцев тоже так считал, в связи с чем и боролся столь яростно за установление царских портретов в мектебах и медресе Семиреченской области, полагая, что изображение «Государя Императора», подобно иконам, будет изгонять из них «злых духов» панисламизма и пантюркизма, насылаемых казанскими татарами и посланцами бухарского духовенства.

Следует отметить, что казанские татары Семиречья, действительно, имели связи с Турцией и, подобно младотуркам, именовали себя «младотатарами». С 1911 г. в Семиреченскую область стал поступать младотатарский журнал «Тааруфуль-муслимин», издававшийся группой сбежавших в Турцию татар-«прогрессистов» (джадидов). Уже в первом номере журнала политическая ориентация издателей не оставляла никаких сомнений: «Туркестан, этот бывший светоч ислама, в настоящее время находится во мраке, мусульманское же население его остается в унижении и притеснении. Постепенно исчезает у них нравственность ислама, их место занимают обычаи идолопоклонства... Слезы находят при рассказе о положении этих наших единоверцев»³. С 1912 г. в Семиреченской и в кочевых районах Сырдарьинской областей среди номадов, особенно в их мектебах, начала активно распространяться брошюра «Наставление киргизской учащейся молодежи», которая призывала к отказу от «языческих» пристрастий, обращению к «настоящему» исламу и почитанию турецкого султана как «халифа правоверных» всего мира, но главное – к неповиновению властям «неверных» и подготовке к решительной борьбе с ними. Ташкентский розыскной пункт выловил несколько распространителей этой брошюры в Чимкентском и Аулиеатинском уездах Сырдарьинской области, но они отделались, так сказать, легким испугом, поскольку «военная» полиция не сочла нужным подвергать их аресту, дабы не развивать среди кочевников «нежелательное» отношение к властям, тем более в условиях, когда у номадов были извращенные представления о «победах» Турции в Балканских войнах⁴. В Семиреченской области ротмистр Астраханцев выявил, что всякого рода панисламистская и пантюркистская литература поступает через тех, кто поддерживает связь с зарубежными младотатарами. Таких оказалось немало, но наиболее деятельным

¹ Обзор Семиреченской области за 1911 и 1912 годы. Верный, 1913. С. 101.

² Сабитов Н. Против реакционной идеологии панисламизма и пантюркизма (рукопись) // Отдел редких книг и рукописей ГПБ Каз. С. 20.

³ Мустафин В. Относительно журнала «Тааруфуль-муслимин». 1910 (Машинопись) // Отдел редких книг и рукописей ГПБ Каз. Инв. № 458. С. 5.

⁴ См.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1175 – Брошюра «Наставление киргизской учащейся молодежи» и другие материалы, относящиеся к мусульманскому движению.

связующим звеном оказался соплеменник и единомышленник стамбульских младотатар верненский купец, мулла мечети и учитель мектеба при ней Абдулкудас Габдувалиев, особенно активно выступавший против установки в мектебах царских портретов, а также известный тем, что именно в его доме в 1909 г. жил одно время видный младотурецкий шпион и пропагандист панисламизма и пантюркизма Абдурашид Ибрагим-эфенди. При поддержке верненского полицмейстера на квартире младотатарина Абдулкудаса Габдувалиева был произведен обыск, в ходе которого были обнаружены письма от видных панисламистов Туркестанского края и Турции. На основании полученной информации ротмистр Астраханцев составил список политически «неблагонадежных» исламистов, занявший 11 страниц архивного дела¹.

Туркестанское районное охранное отделение поставило найденную переписку под контроль (перлюстрацию). Попытка осудить Габдувалиева Астраханцеву не удалась – Верненский окружной суд не признал собранные им улики достаточными для наказания татарина. Но помогла военная администрация Семиреченской области в лице самого военного губернатора генерал-лейтенанта М.А. Фольбаума, решившего отблагодарить ротмистра Астраханцева за его активное участие в «портретной кампании» – Абдулкудаса Габдувалиева призвали в армию, определив рядовым в 20-й Туркестанский стрелковый полк (в отличие от коренных мусульман Туркестана, казанские татары-мусульмане должны были исполнять воинскую повинность, будучи даже «священнослужителями»). В первой половине 1914 г. (перед войной) Верненский розыскной пункт продолжал борьбу с казанскими татарами-панисламистами. В это время он выявил, что одним из каналов нелегального распространения «вредной» панисламистской и пантюркистской литературы является Верненская мусульманская библиотека, законно учрежденная и имевшая право на соответствующую просветительскую деятельность среди местных приверженцев религии Пророка. Выяснилось, что вопреки «уставу» библиотекарь (на общественных началах) татарин Газетдинов с помощью членов «читательского комитета» тайно получает и таким же образом распространяет среди жителей города Верного, а также окрестных населенных пунктов одноименного уезда, включая кочевья казахов, большое количество литературы антиправительственного содержания, прославляющей «подвиги» младотурецкого движения в Османской империи и призывающей всех объединиться вокруг Турции, поддерживать ее союз с Германией всеми средствами ради войны с «неверными», то есть русскими. Действия Верненского розыскного пункта по расследованию деятельности мусульманской библиотеки осуществлялись под контролем уездной «военной» полиции, однако они не принесли серьезных результатов – в самый ответственный момент поток искомой для верненских жандармов и полиции литературы неожиданно иссяк, в связи с чем исчезла доказательная база антиправительственной и антирусской деятельности местных «библиотечных» панисламистов и пантюркистов². Мы полагаем, что верненских младотатар кто-то вовремя предупредил о намечавшейся акции, причем это был кто-то из уездной полиции, а не из жандармского розыскного пункта.

Особенно пристальное внимание органа Департамента полиции МВД в Семиреченской области привлек бывший мулла Большеалмаатинской мечети казанский татарин

¹ ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 920 – С перепиской по исследованию политической благонадежности Абдулкудаса Габдувалиева. Л. 42–47; см. также: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1228 – Об обыске и изъятии у купца Абдулкудаса Габдувалиева переписки, свидетельствующей о его принадлежности к панисламистскому движению.

² ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1544 – О выяснении политической благонадежности члена-распорядителя Верненской мусульманской библиотеки-читальни Зайнутдина Газетдинова и других, заподозренных в принадлежности к панисламистскому движению.

Миам-Насыр Миам-Рафиков, изгнанный мусульманами с должности муллы за изнасилование жены верненского жителя Абдуразакова, но откупивший у последнего свой грех и потому не привлеченный к ответственности. Порочный Миам-Рафиков, тем не менее, бесстрашно ездил по области и проклинал среди кочевников «предателей» веры – узбеков и уйгуров, установивших в своих мечетях и мектебах портреты «Белого Царя» – «неверного» и «кафира». Следует заметить, что, по закону, жандармы не имели права арестовывать без «консультаций» с «военной» полицией. Поэтому заведующий розыскным пунктом МВД обратился за помощью к полицмейстеру города Верного, который, однако, признал арест Миам-Рафикова излишним, посоветовав лишь как следует припугнуть его. Жандармы попытались найти поддержку в областной администрации, но 12 февраля 1914 г. вице-губернатор (по «Степному положению» 1891 г., в Семиреченской области была такая должность) действительный статский советник П.П. Осташкин писал в Верненский розыскной пункт о том, что арестовать и выслать Рафикова – значит придать ему ореол мученика за веру, а потому лучше или запугать его, или подкупить, сделав своим агентом¹. Нам трудно сказать, что имело место на самом деле, но, судя по документам, Рафиков в последующем прекратил свою «вредную» деятельность. Не исключено, что он был призван в армию в связи с начавшейся первой мировой войной. Нелишне отметить, что наибольшее число казанских татар Русского Туркестана проживали именно в Семиреченской области, преимущественно в городах и крупных селениях, таких, например, как Зайцевское или Гавриловское. Естественно, с началом войны часть из них были призваны на защиту «веры, царя и Отечества», но многие скрылись от призыва за рубеж – преимущественно в Восточный (Китайский) Туркестан, где проживало много их соплеменников (в Кульдже, Урумчи, Кашгаре и др.).

В ракурсе рассматриваемой нами темы наибольший интерес вызывает то обстоятельство, что значительное уменьшение численности казанских татар в Семиречье столь же значительно снизило уровень панисламистской обработки кочевников, которых как коренных жителей в армию не призывали. Безусловно, это облегчило деятельность Верненского розыскного пункта по надзору за «туземным» населением области. Но семена панисламистских и пантюркистских идей, посеянные татарами в умах номадов региона до середины 1914 г., искаженные полуязыческим религиозным сознанием последних, обостренные «стольпинским» обезземеливанием кочевых сообществ, ждали лишь удобного момента, чтобы быстро прорасти, но не в форме «теоретического» панисламизма и пантюркизма, а в виде практической и ожесточенной борьбы за свое право на то существование, которое они имели хотя бы до «стольпинского» переселения. Совершенно очевидно, что именно такие обстоятельства обнаружили свою рефлексию в событиях восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г.

Есть основания сомневаться в том, что жандармы из Верненского розыскного пункта Департамента полиции МВД хорошо понимали опасность такого рода настроений для будущего Туркестанского края. Анализ докладов, отчетов и сводок, отсылаемых этим пунктом в Туркестанское районное охранное отделение и Департамент полиции МВД, показывает, что они, скорее всего, ощущали нечто масштабное в настроениях кочевой массы в Семиречье, но полагали, что оно ничем не отличается от общего обычного недовольства всего населения региона трудностями военного времени – нехваткой денег и нужных товаров, продовольствия, топлива, дороговизной, спекуляцией и т. п. Это можно проиллюстрировать примерами. 21 октября 1915 г. заведующий Верненским розыскным пунктом ротмистр В.Ф. Железняков писал в отчете в Департамент полиции МВД о том, что среди «киргизов

¹ ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 15918 – О действиях мулл из Казани. Л. 8 об.

(кочевников. – *П.Л.*) нет исламского фанатизма, но он может возрасти, так как их тревожит земельный вопрос»¹. Однако через месяц, 19 ноября 1915 г., он докладывал тому же адресату: «Мусульмане спокойны, но их спокойствие будет зависеть от нашего престижа в Персии и Афганистане, настроения в Западном Туркестане и дел на фронте»² – и ни слова о «земельном вопросе» как возможной причине серьезных неприятностей для царской власти. Вместе с тем, в 1915 г. Железняков уже сообщал директору своего департамента С.П. Белецкому о том, что изъятие земель у кочевников в пользу русских переселенцев порождает вражду между ними и может привести к нежелательным последствиям³. Примечательно, что он писал так буквально сразу же после того, как в конце лета 1915 г. сменил в должности заведующего Верненским розыскным пунктом Департамента полиции МВД ротмистра Соколова и, видимо, сразу понял суть ситуации в Семиреченской области, хотя к этому времени он вряд ли смог ознакомиться со всеми сводками, которые его предшественник составлял для Департамента полиции МВД. А там содержались любопытные сведения о подготовке кочевников к будущему «делу». Например, еще в 1914 г. сексот «Абдулла» сообщал Соколову: «Киргизы Пржевальского уезда сами приготавливают порох»⁴, а в начале 1915 г. тот же агент доносил о том, что в Тонской волости Пржевальского уезда у «почетного киргиза» поселился в качестве учителя татарин Нойбаев, который получил в Турции образование во время Балканских войн и «вернулся оттуда после объявления настоящей войны»⁵. И никакой реакции на появление турецкого агента среди кочевников со стороны Туркестанского районного охранного отделения не последовало, хотя в графе «Меры, принятые на месте» в сводке агентурных сведений ротмистр Соколов аккуратно записал: «Доложено в Районное охранное отделение». Но даже если бы ротмистр Железняков и стал интересоваться такими сведениями, более того, сумел даже синтезировать их так, чтобы извлечь из них некую целостную «парадигму», у него бы это не получилось – слишком мало он знал край, куда прибыл на весьма ответственную работу. И не следует преувеличивать его прогностические таланты относительно возможного поведения кочевников Семиречья, поскольку 17 июня 1916 г., то есть за неделю до издания царского указа от 25 июня 1916 г. о призыве «туземцев» на тыловые работы, ротмистр Железняков докладывал в Департамент полиции МВД о том, что *«общее настроение в Семиреченской области не оставляет желать ничего лучшего»*⁶ (курсив наш. – *П.Л.*). Таким было знание ситуации в Верненском розыскном пункте Департамента полиции МВД накануне начала восстания 1916 г. И как раз именно оно, на наш взгляд, оставляло желать лучшего.

Неспокойным было положение и в другой «кочевой» области Русского Туркестана – Закаспийской. В январе 1912 г., во время итало-турецкой войны, здесь во множестве распространялись листовки на арабском языке, отпечатанные, однако, в Берлине. Они призывали местных мусульман помогать единой Турции всеми средствами. Но закаспийских жандармов было слишком мало для того, чтобы уследить за такого рода махинациями враждебных России разведок на огромных пространствах Прикаспия. 23 октября 1913 г. начальник Асхабадского розыскного пункта Департамента полиции МВД подполковник Иванов писал о том, что во время Балканских войн в Закаспийской области появилось много турецких и афганских агентов, которые призывали местное население поддержать денежными

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84. Л. 41 об.

² Там же. Л. 52 об.

³ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и матлов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 60.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 20. Ч. 84 «б». Л. 13.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84. Л. 230 об., 231.

средствами Турции, воюющую за весь мусульманский мир против «неверных» – христиан. Он указывал, что этим агентам помогали эмиссары, прибывшие из Казани и с Кавказа. В конце 1912 г. в Мерве был даже создан комитет по сбору средств в пользу Турции, который возглавил богатый туркмен Мамед Оразов, но главными активистами в нем выступили учителя русско-туземных школ Атабаев и Эфендиев. Кроме сбора денег, они устраивали собрания, на которых зачитывались воззвания, поступившие из Турции, в которых Россия объявлялась главным врагом всех мусульман. Но глава жандармской службы Закаспийской области приходил к выводу о том, что нет оснований для беспокойства, поскольку туркмены не являются фанатичными мусульманами, не особенно симпатизируют Афганистану, а в целом мусульманское население области «резко отличается от мусульман других областей Туркестанского края»¹. Тем не менее, «на всякий случай» он арестовал Атабаева и Эфендиева, а также несколько других пропагандистов панисламизма и пантюркизма. В 1913 г. туркестанская «охранка» арестовала знатного туркмена русского образования и воспитания, дворянина, подполковника Н.Н. Хана Иомудского по подозрению в антиправительственной и антирусской деятельности². Однако возбужденное против него дело «рассыпалось», а сам подозреваемый ушел на войну в качестве штаб-офицера 542-й пехей Казанской дружины, в которой состоял в 1915–1916 гг. Тем не менее, с «ханом Иомудским» связывалось появление в Закаспийской области с осени 1913 г. множества листовок, имевших туманное содержание, но явно направленное на разжигание племенной розни: «От Белого Царя приедут эмины текинцев (крупное туркменское племя. – *П.Л.*) и всех мусульман очернили»³. Чтобы рассеять «туман», скажем, что в восстании 1916 г. самое большое туркменское племя теке (текинцы) не участвовало, тогда как традиционно враждебное по отношению к России племя иомудов, хорошо вооруженное, проявило себя в мятеже весьма «достойно», что, кстати, отмечал «степной» революционер Т. Рыскулов⁴. Мы бы добавили, что восстание против Хивинского хана в 1915 г. тоже организовали иомуды, избрав своим предводителем Джунаид-хана.

Следует отметить, что сменивший в середине 1915 г. подполковника Иванова в должности заведующего Асхабадским розыскным пунктом МВД ротмистр барон Фиркс смотрел на ситуацию в Закаспийской области более трезво. 23 октября 1915 г. он докладывал Директору департамента полиции МВД сенатору С.П. Белецкому о том, что, несмотря на ликвидацию «комитета панисламистов» в Мерве, произведшую на их приверженцев «должное впечатление», панисламистские настроения в сообществах «туземцев» Закаспийской области нарастают, особенно среди туркменской молодежи, сблизившейся «с персидской молодежью и последняя оказывает неблагоприятное влияние на нее, вооружая против русских». При этом он, однако, отмечал, что по части нагнетания антирусских и «противоправительственных» настроений среди «туземцев» области «более серьезными агитаторами являются афганские и персидские муллы»⁵.

Вполне закономерно может возникнуть вопрос о «комитете панисламистов» в Мерве. Об этом свидетельствуют документы Российского государственного военно-исторического

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 471 – Пропаганда панисламизма и пантюркизма в России. Л. 125–126 об.

² См.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1397 – О выяснении деятельности подполковника Николая хана Иомудского, заподозренного в распространении панисламистских идей; ЦГА Узб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1398 – Об обыске и аресте подполковника Николая Хана Иомудского, заподозренного в распространении панисламистских идей в крае.

³ ЦГА Тур. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 826 – Сведения приставств о духовных и учебных заведениях мусульман и настроениях местного населения. Л. 19.

⁴ См.: *Рыскулов Т.* Восстание туземцев Туркестана в 1916 году... С. 100.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84. Л. 7.

архива (РГВИА). Из них явствует, что в конце 1914 г., на основании данных, предоставленных Асхабадским розыскным пунктом МВД, и «Положения об усиленной охране», общая «военная» полиция арестовала лидеров мервских панисламистов – купцов Мустафабекова, Широнова, Рабиева, Эфендиева, Ахатова и Кадымова и подвергла их тюремному заключению. 7 января 1915 г. родственники Мустафабекова направили телеграмму в Азиатский отдел Главного штаба, в которой писали о том, что все арестованные – верные патриоты России и верноподданные «Государя Императора», а их арест объясняется «только деятельностью тайного агента охранки в Мерве, по доносам которого систематически арестовываются состоятельные люди»¹. Начальник Азиатского отдела Главного штаба генерал-лейтенант М.М. Манакин доложил о телеграмме начальнику Главного штаба генералу от инфантерии Н.П. Михневичу, который 9 января 1915 г. отправил ее для разбирательства руководителю Отдельного корпуса жандармов генерал-майору В.Ф. Джунковскому. 15 января 1915 г. поступила телеграмма от жены арестованного купца Широнова, которую также отправили «по принадлежности» – в Главное управление Отдельного корпуса жандармов. 19 января 1915 г. Главное управление уведомило Азиатский отдел Главного штаба, что все материалы об арестованных мервских купцах находятся в Департаменте полиции МВД. 13 февраля 1915 г. Директор департамента полиции МВД под грифом «доверительно» писал Михневичу о том, что мервские купцы находятся под арестом потому, что «навлекли на себя как по данным местных жандармских властей (Асхабадского розыскного пункта. – *П.Л.*), так и Контрразведывательного Отделения Штаба Туркестанского Военного Округа основательное подозрение в агитации среди мусульманского населения в пользу Турции и Германии и в сборе денег для воюющих с нами держав». При этом он подчеркивал, что, поскольку все арестованные «изобличены вполне в их предосудительной деятельности, то ходатайство об их освобождении из-под стражи оставлено без последствий»². Мы сознательно подробно повествуем об этой переписке с тем, чтобы показать, что любая деятельность органов Департамента полиции МВД на территориях, подведомственных Военному министерству, обязательно должна была согласовываться с его высшими инстанциями на предмет уведомления их о ее содержании и смысле. При этом необходимо отметить, что Туркестанское районное охранное отделение открыло и свое собственное расследование «мервского дела», материалы которого отложились в фонде И-461 ЦГА Узбекистана, в отдельном «производстве»³.

Однако арест мервских «вождей» панисламизма, как отмечалось выше, несмотря на произведенное «должное» впечатление, не умалил роста антирусских и антиправительственных настроений в Закаспийской области. Судя по сводкам, составленным Ивановым, а позже Фирксом, после мервских событий такие настроения только усилились. Более того, 31 декабря 1915 г. и 4 февраля 1916 г. заведующий Асхабадским розыскным пунктом ротмистр Фиркс в своих отчетах в Департамент полиции МВД выделял активизацию афганской, турецкой и германской агентуры среди «туземного» населения Закаспийской области⁴. Вместе с тем, он был тоже не чужд служебного «благодушия». При всём том, что Фиркс докладывал в Департамент полиции МВД о положении в Закаспийской области, в своих общих выводах о ситуации в ней он писал: «За истекшее время настроение населения было

¹ РГВИА. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 4427 – По жалобе купцов Закаспийской области Мустафабекова и др. на заключение их под стражу в порядке охраны без предъявления какого-либо обвинения. Л. 2.

² Там же. Л. 18 об.

³ См.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1560 – О выяснении политической благонадежности жителей города Мерва Рабиева, Гаджи Ибрагима Широнова и др., подозреваемых в сборе денег среди мусульман в пользу Турции для панисламистской организации. 257 л.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84. Л. 85, 152.

спокойное и славные победы наших войск в Персии внесли еще большее успокоение»¹. И в своем докладе в Департамент полиции МВД от 10 июля 1916 г., когда в крае уже начались волнения, связанные с царским указом о привлечении «туземцев» к тыловым работам, Фиркс уверял, что в Закаспийской области всё обстоит неплохо, но при этом не делал никаких позитивных выводов². Можно считать, что в этом он был очень похож на своего коллегу из Верненского розыскного пункта Департамента полиции МВД ротмистра В.Ф. Железнякова.

Большую роль в нагнетании напряженности в среде кочевых народов Туркестанского края сыграли матдахи, ризалачи и особенно ишаны. Многие бродячие сказители – матдахи, повествовавшие о подвигах Пророка и иных мусульманских «святых», были завербованы турецкой и афганской разведкой и призывали готовиться к войне с «кафирами» – русскими. То же делали и ризалачи (песенники), проводившие антирусскую агитацию. Безусловно, Туркестанское районное охранное отделение знало о такой деятельности, но оно не могло обеспечить свое присутствие у сотен мазаров («святых мест») в регионе, где ишаны, матдахи, ризалачи и прочие служители ислама предпочитали «работать». Поэтому, начиная с первого начальника Туркестанского районного охранного отделения Отдельного корпуса жандармов подполковника Л.А. Квицинского, органы Департамента полиции МВД в Туркестанском крае просили военную администрацию и полицию края оказывать им помощь в противодействии враждебной деятельности бродячих «сказочников» и музыкантов. И, надо отметить, здесь они находили полное взаимопонимание со стороны военных властей Туркестанского края.

По мнению некоторых исследователей, степень антирусских настроений и связей с зарубежными, враждебными России разведками у матдахов, ризалачей, дервишей и иных была весьма высокой. Но реально «степень связи ишанов с турецкими (германскими, английскими и др.) спецслужбами... была выше, поскольку, учитывая авторитет ишанов среди мусульман, им платили за “нужную” (антирусскую) пропаганду и агитацию много больше, чем разглагольствующей “мелочи” – малограмотным и недалеким дервишам, матдахам, ризалачам и проч.»³. Любопытно, что они не забывали при этом упомянуть и об интересе туркестанской «охранки» к ишанам – проповедникам «утилитарного» суфизма среди мусульманского (преимущественно кочевого) населения Туркестанского края: «ТРОО вело активное наблюдение за всеми “неблагонадежными” ишанами, которых, понятно, было большинство из представителей этого “класса” среди мусульман. Например, оно вело бдительный надзор за ишаном Вали-ханом, проживавшим в селении Ургут Самаркандского уезда Самаркандской области. Ишан уже при жизни был признан “святым” и пользовался огромной известностью во всём Туркестане (не исключая и Восточного – Китайского). Паломничество к нему было постоянным. Однако... было доподлинно известно, что “святой” дирижирует множеством мюридов (своих учеников. – *П.Л.*), ведущих агитацию в пользу афганского эмира и турецкого султана как “халифа правоверных”. Подвергать преследованиям последнего было бессмысленно, поскольку сам он не проводил никакой открытой антирусской пропаганды... к тому же такие преследования могли сделать ишана “шахидом” – мучеником за веру в глазах всех мусульман, в том числе и лояльных к русским властям Туркестана. С началом первой мировой войны антирусская

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84 – Сводная записка заведующего Асхабадским розыскным пунктом о положении в Закаспийской области с 1 ноября 1915 г. по 1 января 1916 г. Л. 117.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84. Л. 233 об.

³ *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени). Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 228.

агитация приверженцев ишана Вали-хана резко возросла. 23 августа 1914 г. начальник Туркестанского районного охранного отделения писал военному губернатору Самаркандской области генерал-майору Н.С. Лыкошину о том, что ургутский ишан становится всё более открыто враждебен России, но, по агентурным сведениям, опасаясь ареста, намеревается перебраться в Афганистан и осесть там для продолжения руководства антирусской пропагандой своих мюридов. Предлагал принять меры к пресечению попытки бегства «святого» за рубеж. Соответствующие меры были приняты, но они не снизили существенным образом уровень подрывной антирусской деятельности живых «святых» – ишанов. Более того, по мере продолжения мировой войны такая деятельность становилась всё более активной. Начальник ТРОО Отдельного корпуса жандармов подполковник М.Н. Волков писал 15 марта 1916 г. в Особый отдел Департамента полиции МВД о том, что у многих мазаров и прочих «святых мест» Туркестана ишаны и их мюриды усилили антирусскую пропаганду и агитацию в пользу Турции и Германии, вели сбор средств среди паломников в фонд последних. 19 апреля 1916 г. он же докладывал указанному адресату о том, что ишаны настолько осмелели, что не боятся вести антирусскую пропаганду даже в городах»¹.

Туркестанская «охранка» опасалась трогать «проповедников», имевших множество мюридов, причем нередко проживавших в самых разных местах края. Но иногда сами мусульмане выражали недовольство открытой антирусской настроенностью ишанов, опасаясь, что это может навлечь на них ненужные им репрессалии со стороны властей. Например, в 1913 г. мусульмане Коканда подали заявление о «вредной» деятельности ишана Караханова, призывавшего мусульман готовиться к борьбе с «неверными» – русскими и быть щедрыми в сборе средств в пользу Турции, воевавшей с «кафирами» в Балканских войнах. Однако вместо того, чтобы ходатайствовать, на основании статьи 15 «Туркестанского положения» 1886 г., об административной ссылке ишана властью туркестанского генерал-губернатора, Туркестанское районное охранное отделение ограничилось лишь тем, что пригрозило ишану такой мерой и взяло его под свой гласный надзор. Естественно, что, видя такое отношение «охранки» к их «коллегам», многие ишаны позволяли себе не менее смело выступать с антирусскими и антиправительственными «проповедями». На наш взгляд, такая смелость ишанов была отчасти обусловлена и тем, что некоторые из них могли знать о дне «икс», определенном зарубежными антирусскими центрами для начала вооруженного мятежа мусульман в Русском Туркестане. Мы уже упоминали выше о том, что они готовили силы и ждали только повода для его начала. И если бы царизм не дал им такого повода своим указом о призыве «туземцев» на тыловые работы, то они, возможно, могли и сами его инспирировать, на наш взгляд, в конце 1916 – начале 1917 гг., когда положение в Туркестане могло еще более обостриться в связи с продовольственными, топливными, инфляционными и иными проблемами, а главное – углубляющимся кризисом царизма вообще как политической системы. А силы у зарубежных враждебных центров внутри Туркестанского края были, причем весьма немалые.

Еще до первой мировой войны Туркестанское районное охранное отделение и розыскные пункты Департамента полиции МВД (в меньшей мере Верненский) выявили существование в регионе организации моджахедов («обреченные на смерть»), о которой, кстати, ходили слухи и среди местного мусульманства, называвшего членов этой подпольной шайки – «гозиляр» («непобедимые воины»). Ее центры были выявлены в Ташкенте, Чимкенте, Пскенте, Самарканде, Коканде и др. Согласно агентурным сведениям, только в Ташкенте и Ташкентском уезде насчитывалось около 6,5 тыс. «гозиляр», но эти цифры были явно

¹ Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени). Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 229–230.

преувеличены «туземными» агентами, возможно, с тем чтобы сильнее напугать русских жандармов или придать значимости своим донесениям и получить за них больше вознаграждения. Лишь человек, плохо знающий психологию среднеазиатского мусульманства, может усомниться в том, что, получая от «охранки» деньги за доносы (а часто просто кляузы), «туземные» агенты при этом не менее других не любили царскую власть в регионе. Вполне вероятно, что из корыстных соображений им хотелось, чтобы она просуществовала дольше, но это не меняет сути указанного факта.

В годы перед первой мировой войной Ташкентский розыскной пункт, ведавший политическим сыском в «коренных» областях Туркестанского края и Бухарском ханстве, выяснил, что в Самарканде существует организация моджахедов численностью не менее 2 тыс. человек. В 1914 г. начальник Туркестанского районного охранного отделения направил соответствующее представление начальнику Самаркандского уезда как главе местной «военной» полиции с предложением начать активные действия по искоренению сообщества «гозиляр» как в самом Самарканде, так и в одноименном уезде. Самаркандский уездный начальник, на подведомственных территориях которого проживало много таджиков, особенно ревностных в вере Пророка, отнесся с пониманием к предложению Туркестанского районного охранного отделения. Были проведены подготовительные работы, но начавшаяся первая мировая война вынудили и «охранку», и самаркандскую общую «военную» полицию сфокусироваться на наблюдении за «состоянием умов» местного населения и его отношением к войне¹.

Следует отметить, что региональное охранное отделение достаточно рано выяснило, что организация моджахедов была создана афганской разведкой и имела программной целью свержение русского «ига» и создание «великого» мусульманского государства во главе с афганским эмиром, идею о котором афганским правителям подсунили британцы сразу же после второй англо-афганской войны. Афганский эмир щедро (не без помощи англичан) субсидировал деятельность организации моджахедов, однако немалые поступления шли и от самих членов нелегальной антирусской «партии», особенно, как выяснила «охранка», от «торгово-промышленного класса» Средней Азии. Туркестанское районное охранное отделение произвело аресты известных ему членов организации, но корни организации уходили в формально независимую Бухару, где моджахедам покровительствовал родной дядя эмира – гиссарский бек Сейид Акрам-хан, которому афганские и турецкие спецслужбы обещали помочь в абдикации «царствующего» племянника – ставленника русских, которых бек, судя по многим отзывам, ненавидел патологически. Поскольку Турция терпела поражение в мировой войне, теряя, естественно, из-за этого престиж в глазах мусульманского мира, в том числе и среднеазиатского, то в Бухаре и Русском Туркестане среди мусульман возрастало влияние Афганистана, который не участвовал в мировой войне и, соответственно, не мог терпеть в ней никаких поражений. Нельзя сказать, чтобы такое влияние было всеобщим, – напротив, многие приверженцы религии Пророка в Средней Азии не любили афганских правителей, которые, начиная с эмира Абдурахман-хана, проводили в Афганском Туркестане (Чорвилайте) политику «пуштунизации», вытесняя из региона этнически родственными мусульманам Русского Туркестана и Бухары таджиков, узбеков, туркмен и др. В рассматриваемый нами период из Афганистана летом 1908 г. на территорию Туркестанского края бежали даже несколько тысяч джемшидов².

¹ См.: ЦГА Узб. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 11 – Копии секретных циркуляров Департамента полиции. Представления Начальника Охранного отделения о существовании в Самарканде мусульманских сообществ.

² См.: ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 612 – О поселении джемшидов. Л. 1–2, 6, 9.

Продвижение джемшидов из района Кушки к северу – вглубь Закаспийской области вызвало озабоченность военной администрации Туркестана, опасавшейся, что за ними последуют и те их соплеменники, которые, по данным разведки, не успели еще пересечь границу¹. Афганскому эмиру Хабибулле пришлось просить военных Русского Туркестана с тем, чтобы они помогли ему вернуть беглецов назад, обещая не применять к ним никаких репрессивных мер. Поскольку джемшиды осели в основном в Закаспийской области, где и без того не хватало земель, пригодных для переселенцев, туркестанская военная администрация (понятно, не без консультаций с правительством) помогла афганскому правителю, и в конце 1910 г. джемшидов стали выселять назад в Афганистан².

Исследователь Д.Ю. Арапов опубликовал, к сожалению, только одно из донесений начальника Туркестанского районного охранного отделения подполковника Андреева от 9 декабря 1910 г., в котором тот свидетельствовал: «Афганистан изучает Бухару в стратегическом и тактическом отношении, Афганистан имеет в Бухаре и во всём Туркестанском крае военный и политический шпионаж; Афганистан... снабжает Бухару огнестрельным и холодным оружием, идущим контрабандным путем»³. Подполковник Андреев совершил в том же 1910 г. выезд в Бухару с целью проведения обысков у лиц, занимавшихся контрабандной поставкой оружия, с тем чтобы пресечь этот незаконный и чреватый многими опасностями промысел. Но, видимо, сам Андреев понимал мизерную эффективность такого рода мероприятий, если в указанном отчете он утверждал: «В данное время нет двора в Бухаре и кишлаках ханства, которые не имели бы огнестрельного оружия»⁴. Помимо вышеприведенного Афганистан активно занимался в Бухаре и Туркестанском крае «идеологическими» диверсиями. Например, агенты-пропагандисты из числа местных, подкупленных афганскими резидентами мусульман (те же дервиши, матдахи и проч.), рассказывали легенду о том, что давно умерший исламский «святой» Аттар написал в книге, что в 1331 г. по хиджре (мусульманскому летоисчислению) афганский «царь» по имени Хабибулла завоеует весь мир. Несмотря на то, что Англия стала союзницей России по Антанте, британские спецслужбы, тем не менее, продолжали помогать Афганистану подрывать устои престижа и влияния России в Средней и Центральной Азии. Очень много мусульманской литературы, которую Афганистан потом переправлял «дарственным» образом в Туркестанский край, издавалось в Британской Индии. Там же печатались и листовки, незамысловато намекавшие мусульманам региона на то, что им давно пора разобраться с «неверными» – русскими и их властью. Всё это, разумеется, распространялось теми же агентами афганских спецслужб. С такими агентами боролись и Туркестанское районное охранное отделение, и «военная» полиция, но, как правило, пропагандисты отделялись ссылкой их по месту постоянного жительства под гласный надзор полиции или высылкой за пределы Туркестанского края, если они не были подданными России. Нам, например, неизвестно ни одного случая, когда за такого рода подрывную и враждебную России деятельность хоть один агент понес более суровое наказание, сопряженное с длительным тюремным заключением. Таким образом, нет сомнения в том, что Афганистан внес значительную лепту в дело подготовки восстания мусульман Туркестана в 1916 г., однако он вряд ли мог, на наш взгляд, предполагать, что оно вспыхнет точно летом указанного года.

¹ См.: Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1 января по 1 февраля 1910 г. Ташкент, 1910. С. 4.

² См.: Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1-го октября 1910 г. по 1-е января 1911 г. Ташкент, 1910. С. 25.

³ Цит. по: *Арапов Д.Ю.* Императорская Россия и мусульманский мир. М., 2006. С. 295.

⁴ Там же.

Разумеется, что от Афганистана не отставал и давний враг России – Османская Турция. Ее подрывная деятельность в Туркестанском крае, по нашему мнению, ни в чем не уступала афганской, если даже не превосходила ее, особенно в организационном отношении. К тому же, учитывая помощь туркам со стороны Германии в антироссийских происках в Туркестане, есть основания полагать, что суммарные усилия Германии и младотурок значительно превосходили афганские. И не менее значительно отличались от них. Дело в том, что афганская агентура работала преимущественно среди кадимистского мусульманского духовенства и его клеветов из местного мусульманства, составлявших большинство в Туркестанском крае, Бухарском и Хивинском ханствах, а турецкие спецслужбы с Германией работали среди туркестанских «прогрессистов» (джадидов), носителей «передовых» идей младотурецкого ислама, а также среди татарской интеллигенции и торгово-промышленного класса региона. Естественно, что они не забывали снабжать упрощенной панисламистской и пантюркистской пропагандой и простых мусульман. Так, например, в 1912 г. Туркестанское районное охранное отделение пресекло распространение в крае двух брошюр некоего Абдурашита Ханова. Мы полагаем, что это были сочинения либо самого вышеупомянуемого джадида-педагога ташкентской новометодной школы Мунаввара-кары, либо кого-то из его последователей. Содержание брошюр состояло из двустуший, доступных пониманию всех мусульман, независимо от их образования, материального достатка и уровня интеллектуального развития. Приведем пример таких двустуший: «Погибла наша религия ислам – в клетке соловья поселилась ворона»; «Имеем мактаб, но нет в нем учителя»; «Каждый город и улица заполнены насилием и невежеством»; «Во всех городах и местечках недостойные власти» и т. п.¹ В Туркестанском крае распространялись не только турецкие панисламистские и пантюркистские брошюры и книги, но и журналы: «Сыратикл-мустахим», «Тааруфуль-муслимин», «Сабимир-Рашад» и др., о соответствующем содержании которых вряд ли стоит пространно говорить – и без того ясно. Наиболее действенным средством в работе младотурецких спецслужб являлось распространение среди мусульман Туркестанского края в великом множестве всякого рода листовок с довольно «туманным» кораническим контекстом, но с достаточно ясным антирусским смыслом. Безусловно, турецкая агентура работала среди мусульманского населения края и на «кочевом», и на «оседлом» направлении, но акцент в этой работе был всё же смещен в сторону оседлого населения – сартов. В архивах есть множество дел, подтверждающих то обстоятельство, что перед и во время восстания 1916 г. связи мусульман Туркестана с Турцией были многосторонними и разнохарактерными².

Таким образом, Турция была звездой большой величины на политическом небосклоне Средней Азии в рассматриваемый нами период. Однако при этом мы бы не стали и преувеличивать влияние Турции в регионе в это время, поскольку туркестанские мусульмане издавна негативно относились к туркам, которые, по их мнению, сильно извратили ислам

¹ ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 841 – С переводами статей из мусульманских газет. Л. 11 об., 12, 16 об., 24.

² См. напр.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1174 – О расследовании причины сбора турецкими чиновниками денег для Турции; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1262 – О шпионаже и сборе денег в пользу Турции, о связях местных жителей с турками; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1563 – О киргизе Манке Исмаилове и узбеке Режнекаримове, заподозренных в сборе денег для Турции; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1735 – О выяснении политической благонадежности Сеида Ходжи Нишанова в связи с пропагандой в пользу Турции; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1744 – О появлении в Черняевском уезде воззваний, призывающих местное население к объединению с Турцией; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1746 – О жителе города Андижана Турсунбае Мулле Абдувалиеве и других, обвиняемых в сборе денег в пользу Турции и др.

под влиянием своих «неверных» европейских друзей – англичан, французов, германцев, итальянцев и др. Но в своей политической ориентации в исследуемый нами исторический период многие мусульмане всё же охотнее обращали взоры к Турции, нежели к своей новой «отчизне» – России, если, конечно, при этом не принимать во внимание их отношение к Афганистану.

Вышеприведенным мы фактически начали характеристику деятельности перед восстанием Туркестанского районного охранного отделения и Ташкентского розыскного пункта МВД при нем – по «коренным» областям Русского Туркестана (Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской), а также по Бухарскому и Хивинскому ханствам. Специфика этой деятельности, думается, уже должна быть понятной – она преимущественно была связана с оседлым мусульманским населением, представителей которого, как было сказано выше, называли «сартами». Считаю необходимым отметить, что это была не просто специфическая, а даже некая особенная деятельность. Долгие века всестороннего развития Туркестана проходили в обстановке сосуществования двух субкультур – кочевой и оседлой, выработавших, соответственно, особые типы своих представителей. Проживая часто бок о бок, они были так же непохожи по своему социальному и иному поведению, как бывают непохожи в том же отношении дети и взрослые в одной и той же семье. Мы не станем заниматься здесь этнопсихологическими и прочими изысками, а сразу перейдем к характеристике оседлого населения – сартов.

Если в кочевых сообществах любое событие тут же разносилось посредством «узун кулак» («длинное ухо» – сплетни), быстро и нередко на довольно большие расстояния, то оседлый мусульманин мог не знать (и часто не знал), что творится на самом деле в доме его соседа. Сартов-индивидуалистов спланивала мечеть, которая профессиональными исламоведами всегда расценивалась не только как молитвенное заведение, но и как своеобразный «клуб», где можно было до или после молитвы обсудить как двусторонние дела, так и многосторонние – общие для «прихода» (махалли, то есть квартала). Но в восприятии сотрудников Туркестанского районного охранного отделения и розыскных пунктов Департамента полиции МВД в Средней Азии сартовская масса выглядела задумчивой, мрачной и загадочной. Однако мы бы не стали преувеличивать ее религиозный фанатизм, даже у ферганских оседлых мусульман. Любой фанатизм, по нашему убеждению, коренится не в самой религии, а детерминирован всей совокупностью внешних объективных обстоятельств, в которых живут и действуют верующие. Негативное отношение сартов к русским и русской власти определялось ломкой традиционного быта, усилившегося после постепенного вращивания Средней Азии в орбиту экономических отношений капиталистической России. Объективное ускорение имущественной дифференциации в самой «туземной» среде порождало протестные настроения, выливающиеся в социальные движения. Но не все из них напоминали восстание под предводительством Намаза Примкулова, о котором похвально отзывалась Х.К. д'Анкосс. Основная масса оседлого мусульманского населения полагала, что во всём виноваты Россия и русские, навязывающие свои формы жизни и занимающие чужие земли. Кстати, как отмечалось выше, «вождь» андижанских мусульман ишан Мухаммед Али (Мадали) во время расследования обстоятельств кровавого мятежа 1898 г. в качестве главной его причины представлял именно «тлетворное» влияние русских и форм их жизненного поведения на мусульман, обязанных неукоснительно блюсти чистоту веры от всякого рода привнесенных иноверцами соблазнов, именуемых исламскими теоретиками «бид'а». При этом он указывал, что ничего и никогда не имел против русской власти как таковой, более справедливой, по его мнению, чем бывшая власть кокандских ханов. В органах Департамента полиции МВД в Русском Туркестане знали о таком отношении мусульман к русской власти и формам жизни переселенцев из России по постоянно накапливавшейся агентурной и иной

информации¹. Понятно, что антирусские и антихристианские настроения искусственно подогревались мусульманским духовенством и «туземными» богачами, видевшими опасность в проникновении российского капитала в заповедные сферы своего обогащения.

Все наши рассуждения имеют вполне «прикладное» значение, поскольку поясняют те причины, по которым оседлое мусульманство Туркестанского края, как и ранее (в 1892 и 1898 гг.), вступило на стезю острой конфронтации с правительственной администрацией края и русскоязычным населением. Однако сартовская масса была и весьма прагматичной, контролирующей свои пассионарные эмоции. Это нашло свое проявление и во время восстания 1916 г., о чем мы еще скажем ниже. Здесь же мы отметим лишь то, что политический розыск туркестанских органов Департамента полиции МВД в такой среде был намного затруднительнее, нежели в кочевой, причем мало выручало даже отмечавшееся нами выше большое пристрастие сартов к деньгам. Например, в 1914 г. резидент германской разведки в Кашгаре (Китайский Туркестан, Синьцзян) фон Хентиг направил в Андижан своего агента Абдуррахмана-кары с целью образования там «туземной» германской агентурной сети. Однако тот провалился из-за отсутствия практического опыта работы в такого рода делах, а не по агентурным донесениям мусульман-сексотов².

Судя по сводкам туркестанской «охранки», составленным в годы, предшествовавшие восстанию 1916 г., особенно первых лет мировой войны, «туземная» агентура доносила правдивые сведения, так как у нее не было оснований кривить душой, – настроение оседлых мусульман проявлялось в самой атмосфере жизни, окружавшей русских жандармов в «коренных» областях Туркестанского края. Например, агент «Эфенди» 20 ноября 1915 г. доносил в Туркестанское районное охранное отделение о том, что в связи с плохим положением русских войск на фронте «туземцы Чаджуя всё меньше уважают Россию»³. Туркестанское районное охранное отделение направляло в это время в Департамент полиции МВД доклады, отчеты и сводки, которые свидетельствовали о росте проафганских, протурецких и прогерманских настроений среди сартов. В 1915 г. начальник Охранного отделения подполковник Славин не раз докладывал в Департамент полиции МВД о том, что оседлые «туземцы» хотят, чтобы Германия победила Россию и помогла Афганистану объединить мусульман в одно государство, которое будет включать в себя и всю Среднюю Азию. С началом первой мировой войны антиправительственные и антирусские силы очень скоро активизировали свою враждебную деятельность. Агентурные сведения этого периода в достаточной мере о том свидетельствуют⁴. Например, в июле 1915 г. в Андижане распространялось отпечатанное на гектографе воззвание, в котором говорилось: «Мусульмане, время настало нам освободиться от русской власти, каждый мусульманин должен сочувствовать этой войне и делать пожертвования на нужды всего мусульманства»⁵. Таким образом, у работников органов Департамента полиции МВД перед восстанием

¹ См. напр.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1873 – О бухарских подданных киргизах, подстрекающих местное население против русских; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1481 – Сообщение поднадзорного Андрея Чумакова о недовольстве местного населения русскими и его связях с Турцией; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2168 – Агентурные сведения об отношении местного населения к русским и др.

² См.: ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 15 – К вопросу о подрывной деятельности немцев в Синьцзяне и Средней Азии в 1916 г. Резюме. Л. 5.

³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 20. Ч. 84 «б». Л. 145 об.

⁴ См. напр.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2168 – Агентурные сведения об отношении местного населения к русским. Л. 1–3; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2177 – Агентурные сведения о настроениях среди жителей края в связи с войной. Л. 2–2 об., 4–4 об., 11–12.

⁵ Архив СПб филиала ИВ РАН. Разр. II. Оп. 4. Д. 44 – Хроника событий в Туркестанском крае в 1914–1916 гг. Л. 5.

1916 г. не должно было быть никаких иллюзий относительно реальных настроений оседлого мусульманского населения края. Весьма любопытно характеризовала их Х.К. д'Анкосс: «В отличие от киргизов и казахов, для которых основной проблемой в восстании 1916 г. была земля, для оседлых узбеков важнее всего было признание их равноправия»¹. Мы сомневаемся в том, чтобы неграмотные, невежественные и «нафанатизированные» духовенством мусульмане-узбеки, составлявшие большинство повстанцев в Фергане, могли иметь такой уровень развития политического сознания, чтобы вдохновляться идеей «равноправия», причем неизвестно, с кем и с чем. В таком подходе французской «специалистки» по дореволюционному Туркестану явно сказываются стереотипы ее западноевропейской ментальности – она полагает, что невежественный ферганский сарт должен был так же мечтать о «равноправии», как столь же невежественный француз времен Французской революции 1789 г., охрипший от криков: «Свобода! Равенство! Братство!». Мы уверены в том, что сартов вдохновляло иное – сохранить незыблемым свой традиционный быт и избавиться от русских как носителей чуждой им цивилизации. О «равноправии» они начали думать только в 1920-х гг., причем их заставила делать это уже советская, большевистская власть. Однако на протяжении всего советского периода у оседлых жителей Средней Азии было весьма своеобразное понимание равноправия, мало напоминавшее действительное таковое. Мы знаем, что сегодняшнее понимание ими равноправия всё более приближается к тому, которое существовало в сартовской среде рассматриваемого нами периода. И г-жа Х.К. д'Анкосс не могла не знать об этом.

Большой проблемой для органов Департамента полиции МВД в Средней Азии оставалось Бухарское ханство, где антирусские силы чувствовали себя очень уверенно и спокойно, так как Туркестанское районное охранное отделение производило налеты на эмирата периодически, тем более что в Бухаре о них узнавали заранее. Что касается настроений мусульман ханства, то начальник туркестанской «охранки» подполковник Волков писал в апреле 1916 г. в Департамент полиции МВД о том, что «пограничное с Афганистаном население Бухарских владений враждебно настроено против русских и лишь ожидают открытия военных действий со стороны Афганистана, чтобы восстать против русского владычества»². В Бухаре наиболее антирусски настроенным был даже не улем (духовенство), а студенты медресе. Если в составе улема насчитывалось менее 500 человек, то число студентов-муллабачей приближалось к 50 тысячам. Муллабачи вообще относились к числу мусульман, наиболее приверженных фанатизму в его чисто туркестанской интерпретации. Именно они наиболее яростно сопротивлялись русским войскам, штурмовавшим Ташкент летом 1865 г. Агенты туркестанской «охранки» доносили, что для муллабачей со стороны Афганистана и младотурецких властей Османской империи завозится много оружия. Один из секотов сообщал: «Муллы и ишаны распространяют среди населения оружие, которое хранилось в различных медресе. Они даже объявили, что, кто хочет приобрести оружие, пусть приезжает к мударрису медресе Мир-Араб мулле Разыку»³. 4 февраля 1913 г. 1-й Департамент МИДа переслал в МВД «записку» драгомана Политагентства в Бухаре титулярного советника Н.А. Шульги, в которой тот отмечал, что в Бухаре нарастают антирусские и панисламистские силы, а Туркестанское районное охранное отделение мало что делает для их ослабления⁴. Мы полагаем, что драгоман тут несколько лукавил из-за старых обид на «охранку»,

¹ Central Asia. A century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth... P. 212.

² ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167. Ч. 84. Л. 177.

³ ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1471 – О панисламистском движении в Туркестанском крае и немецких агентах в Мерве, военном шпионаже и др. Л. 516.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 470 – О панисламистской пропаганде. Л. 49.

поскольку Ташкентскому розыскному пункту Департамента полиции МВД было трудно проверять данные, получаемые от бухарских агентов, так как, во-первых, у него не было стационарного пункта по городу Бухаре и Бухарскому ханству, а во-вторых, с ним не делился такими сведениями Штаб Туркестанского военного округа, в котором работали 4-е отделение (разведка) и 6-е – контрразведка. Тем не менее, именно «охранке» удалось выяснить, что в пропаганде антирусских и панисламистских идей в Русском Туркестане и Бухаре принимали участие даже турецкие еврей-монисты, связанные с бухарскими единоверцами и издававшие за свой счет журнал «Le Jeun Turk» («Младотурок»), который призывал мусульман и евреев Туркестана объединиться для борьбы с русскими, одинаково повинными в угнетении приверженцев как веры Пророка, так и религии Моисея.

В «коренных» областях Туркестанского края Охранное отделение, понятно, в рассматриваемый нами период не сидело сложа руки. Оно активно боролось с враждебной пропагандой, проводя обыски у лиц, заподозренных в антирусской деятельности и изымая «вредные» панисламистские и пантюркистские издания. Но сведения о каждом таком мероприятии тут же попадало на страницы мусульманской прессы России. Так, летом 1911 г. Туркестанское районное охранное отделение провело обыски «с изъятием» по пяти адресам в городе Ош Ферганской области, и буквально вскоре оренбургская мусульманская (татарская) газета «Вакт» (1911, № 824) раструбила об этом, преувеличив число и обысков, и количество изъятой антирусской литературы¹. В марте 1913 г. мусульманская газета «Каспий» сообщила не менее преувеличенную информацию о том, что туркестанская «охранка» провела повальные обыски в Старом Маргилане, но, не обнаружив ничего предосудительного, тем не менее арестовала многих честных мусульман, в том числе и таких видных лиц, как Сейид Ариф-эфенди и Сейид Гази-эфенди. На самом деле, судя по документам – письму военного губернатора Ферганской области генерал-лейтенанта А.И. Гиппиуса от 3 мая 1913 г. в МВД – «никаких обысков в квартирах названных людей не производилось»². Таким образом, мусульманская пресса России не упускала случая дать «правдивую» информацию об отношении туркестанской «охранки» к ее единоверцам в Средней Азии. Самое прискорбное, однако, заключалось в том, что по каждой такой публикации в мусульманской печати органы Департамента полиции МВД в Туркестанском крае должны были объясняться со своим начальством, которое нередко обращалось для проверки честности оправданий своих сотрудников к главам военной администрации областей края. Хотелось бы в связи с этим заметить, что, судя по документам, ни в одном случае высшие чины «военно-административного» управления Русским Туркестаном (как правило, военные губернаторы областей края), отвечая на подобные запросы Департамента полиции МВД, не позволяли себе каким-то образом бросить тень на сотрудников «охранки», что-либо преувеличить или, напротив, преуменьшить – документы всегда были объективными, но умеренно, с тем чтобы случайно не обидеть жандармов как родственников им «службистов» – Отдельный корпус жандармов как воинское подразделение находился в ведении Военного министерства и финансировался из его бюджета. Даже военный губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант А.С. Галкин, особенно не любимый «охранкой» (и сам плативший ей тем же), в таких случаях всегда был предельно корректен и ответственен. Думается, что в этом сказывались представления чинов «военно-административного» управления Туркестанским краем об офицерской морали и чести. Но, судя по разного рода донесениям чинов органов Департамента полиции МВД в регионе своему начальству, их представления о морали и чести чинов туркестанской военной администрации были иными.

¹ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 469 – Пропаганда панисламизма и пантюркизма. Л. 313, 314.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 470 – О панисламистской пропаганде. Л. 317.

Следует отметить, что в нагнетании пассионарных страстей среди мусульман Средней Азии известную роль сыграли панисламисты и пантюркисты из иных регионов России, преимущественно татарских районов Поволжья и Крыма, имевшие и тайные, и явные связи с соответствующими зарубежными центрами (главным образом в Турции). В недавнем прошлом были опубликованы некоторые документы и материалы, свидетельствующие об отношении П.А. Столыпина к панисламизму, что вызывает у нас интерес с той точки зрения, что он не только возглавлял МВД, но и добился учреждения органов этого ведомства в Туркестанском крае¹. Понятно, что не сам Столыпин сочинял эти произведения, но даже если это делал за него директор Департамента духовных дел МВД А.Н. Харузин (как предполагал профессор Д.Ю. Арапов), то у нас есть сомнения в том, что этот «крупный этнолог и антрополог» разобрался в сути проблемы как таковой. Придавая ей преимущественно политический и экзогенный характер («турецкого поветрия», как мы бы сказали), «теоретики» из МВД умаляли значение внутренних истоков панисламизма и пантюркизма в России. И, на наш взгляд, газета «Русское знамя» была права, когда писала, что «близорукость сановника (П.А. Столыпина. – *П.Л.*) дала возможность весьма опасному для государства движению разрастись до огромных размеров и привести к возбуждению народных мусульманские массы»². Совершенно очевидно, что даже во внутренней России большинство мусульман были неграмотными и не настолько идеологически подготовленными, чтобы читать материалы мусульманских съездов, программные документы движения «Иттифак», труды И. Гаспринского, Ю. Акчурина или даже газеты «Вакт», «Иршад», «Тарджиман», «Ульфат», «Ватан Хадыми» и др. Тем более, этого нельзя сказать о мусульманах Средней Азии, где наиболее грамотными (в светском и ином отношении) были так называемые казанские татары, но и они далеко не всегда были достаточно подготовленными для того, чтобы интересоваться «политикой».

Когда мы говорим об известной роли российских (внетуркестанских) панисламистов и пантюркистов, то это следует понимать как вброс ими в среду среднеазиатского мусульманства самой идеи «освобождения от ига русских» как «неверных», которая была проста и потому понятна значительному числу приверженцев религии Пророка в Туркестане. Народу значительно ближе всё простое, а не теоретические опусы. Так, например, большевики увлекли за собой массы не трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и иже с ними, а простыми лозунгами: «Мир – народам! Земля – крестьянам! Фабрики – рабочим!». Однако среднеазиатский улем (духовные наставники простонародья), разумеется, понимал идеи внутрироссийского панисламизма и пантюркизма больше и глубже, так как был осведомлен об их планах относительно будущего Средней Азии. При всем «кадимистском» отвращении к татарскому «прогрессизму» – как чуждому ему направлению – он такие планы приветствовал.

О каких планах идет речь? Директор Департамента полиции МВД генерал Е.К. Климович писал 16 апреля 1916 г. о том, что делегация российских панисламистов и пантюркистов имела в конце 1915 г. встречу с руководителями Австро-Венгрии, воевавшей на стороне Германии против России, и «представила им записку с требованиями: 1) освобождения Бухары и Хивы от русского владычества и присоединения к ним Туркестана; 2) административно-политической независимости киргиз...»³. Мы же от себя можем добавить, что в январе 1916 г.

¹ См.: «Опасные для единства нашего государства проповедники теории о единстве всего мусульманского мира»: Два отношения П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу», 1910 год. Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу», 1911 год // Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. М., 2006. С. 305–346.

² Русское знамя. 1912. № 63. 17 марта.

³ Цит. по: *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России (Репринт. изд.). Лондон, 1990. С. 103.

германские спецслужбы созвали в Вене панисламистский съезд, на котором российские интеллигенты-мусульмане обсуждали вопрос о том, как больше навредить русским вообще и в Туркестане, в частности. Обсуждались вопросы о том, как лучше поднять массы региона на борьбу с Россией и кого надо послать туда для «возбуждения» их к реальным действиям¹. И мы не сомневаемся в том, что решения Венского (января 1916 г.) конгресса панисламистов летом 1916 г. нашли свое известное отражение и в диких, жестоких антирусских выходках восставших «туземцев» Туркестанского края. Но мы не станем морализировать по поводу такого поведения мусульманских «прогрессистов» – в конце концов, и большевики желали поражения царского правительства в мировой войне. Но факт остается фактом, что панисламистские лозунги, усвоенные сознанием мусульман Средней Азии, вносили свою лепту в подготовку их к экстремальным мерам борьбы с царизмом и русским населением региона.

Мы позволили себе несколько отклониться от темы потому, что в отличие от «теоретиков» центрального аппарата МВД его органы в Туркестанском крае имели дело не с «циркулярным» панисламизмом и пантюркизмом, а с реально растущими антирусскими и антиправительственными настроениями мусульманства. И их невозможно было преодолеть точно так же, как нельзя в одночасье изменить климат. И в этом был трагизм всей деятельности органов Департамента полиции МВД в Средней Азии. Когда пишут о восстании 1916 г. в Туркестане, то как-то мало вспоминают о том, что к его началу социально-политическая ситуация в регионе уже была разогрета периодическими вспышками недовольства коренного населения региона своим положением. В 1915 г. вспыхнуло восстание мусульман Хивы, направленное против ханской власти. Инициаторами восстания стали туркмены из племени иомудов. Оно не было антирусским – люди выступили против произвола и «беспредела» своей же мусульманской администрации. А в том, что оно приобрело со временем антирусский характер, отчасти был повинен начальник Амударьинского отдела Сырдарьинской области полковник Колосовский, в связи с чем Туркестанское районное охранное отделение даже завело на него специальное дело². Мы не станем здесь вдаваться в подробности его грехов и проступков, но заметим, что позже Колосовский, который был по должности и «куратором» Хивинского ханства, был переброшен на усмирение восстания кочевников в Семиреченской области. Тем не менее заявленное нами «отчасти» мы считаем объективно верным, так как в политической переориентировке восстания был, прежде всего, виноват Джунаид-хан (настоящее имя – Мухаммед Курбан-сердар. – *П.Л.*) – турецкий агент. Для обострения идеологических основ восстания турецкие спецслужбы тут же делегировали на помощь последнему известному провокатору-проповедника и богослова шейха Мамеда и отдали соответствующие указания своему давнему агенту – «Каракум-ишану» Идрис Максум-хану Сираджитдинову, имевшему много мюридов как среди хивинских туркмен, так и в Закаспийской области Туркестанского края. 13 марта 1916 г. офицеры хивинского отряда, помогавшего хану «успокаивать» восставших, нашли в доме Ишан-хана, скрывавшегося вместе с Джунаид-ханом в местности Тойкан-ишан, письмо «Каракум-ишана» к последнему, в котором тот писал: «Вы должны действовать и вы должны крепко стоять на том, чтобы из пределов ханства выдворить русских»³. Восставшие иомуды внесли смуту не только в положение в Закаспийской области, но и в немалой мере на границах с Персией,

¹ См.: ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 89 – Панисламистское движение в Средней Азии. Л. 2–3.

² См.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1899 «а» – О выяснении причин восстания в Хивинском ханстве в 1915–1916 годах и роли в нем Начальника Аму-дарьинского отдела полковника Колосовского.

³ ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 466 – Антинародная деятельность клерикалов в Туркестане. Л. 71, 72 об.

где их деятельность усиленно подогревалась турецкой и германской агентурой¹. Любопытно, что 9 марта 1916 г. заведующий Асхабадским розыскным пунктом ротмистр А.А. Фиркс докладывал в Департамент полиции МВД о том, что «туркмены и текинцы настроены против бунта иомудов и говорят, что если бы русские их попросили, то они быстро ликвидировали бы “шайку Жунейта”»². В истинности таких настроений туркмен нельзя усомниться, если учесть те острые трайбальные противоречия, которые издавна разделяли их племена и не раз доводили до стычек и даже кровопролитных сражений. И если туркмены-иомуды в восстании 1916 г. выступили против России и русских, то туркмены-текинцы, наперекор иомудам, поддержали их, даже направив на фронт свой Текинский конный полк, проявивший себя в сражениях первой мировой войны.

Выше мы отмечали тот факт, что восстание 1916 г. имело глубокие причины, но вспыхнуло все-таки спонтанно. Фактически все историки Средней Азии и Казахстана писали о том, что поводом к этому послужило издание царского указа от 25 июня 1916 г. о мобилизации коренного населения Русского Туркестана на военно-тыловые работы. Это, конечно, так, но мы считаем необходимым отметить, что этот указ касался не только «туземцев» этого края, как о том привычно пишут, он предусматривал призыв на работы также инородцев Поволжья, Восточной Сибири, Степного края (северных и центральных районов так называемой «Киргизской степи»). Таким образом, коренное население Туркестанского края не было единственным, пострадавшим от изданного царем акта. Но оно оказалось единственным, кто не ограничился глухим недовольством по этому поводу, а открыто восстал против решения царского правительства. В принципе, указ не грозил «туземцам» Туркестана ничем страшным – не надо было идти на фронт, чтобы терять жизнь за власть чужого царя, чужую веру и чужое отечество. Нужно было только отработать в мирных условиях в тылу. Причем из более чем 7 млн жителей края предполагалось призвать на тыловые работы около 200 тыс. человек в возрасте от 19 до 43 лет с естественными льготами для лиц мусульманского духовенства, «туземной» администрации, «туземцев», имеющих «классные» чины, полицейских из местных мусульман, «почетных туземцев» и др. Призванным на работы полагалась плата в зависимости от должности и выработки. Для обслуживания «духовных» нужд «призывников» к работам привлекались и муллы с казенным месячным окладом содержания и всем иным, тоже казенным, довольствием. Следует отметить, что призывались не только мусульмане, но и «среднеазиатские» евреи как коренные жители Туркестана. Вместе с тем генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Северного фронта генерал-лейтенант Бредов писал 27 июля 1916 г. генерал-квартирмейстеру штаба 22-й армии о недопустимости привлечения к тыловым работам лиц, замеченных в политической неблагонадежности, и направлении их в строевые части³.

Безусловно, пружина недовольства коренного населения, особенно кочевого, по «земельному вопросу» сжималась царской властью давно и, разумеется, рано или поздно она должна была «выстрелить». Не отрицая спонтанности восстания, у нас есть сомнения по поводу того, что оно было вызвано исключительно только объявлением «туземцам» жестокосердного царского решения. Мы полагаем, что они испугались не тыловых работ, а того, что их вместо тыла повезут прямо на фронт. Безусловно, такие опасения могли возникнуть вполне естественно – каждый склонен предполагать худшее в такого рода ситуациях. Но мы считаем, что в данном случае опасения «туземного» населения могли иметь на то основания.

¹ См.: ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1187 – Восстание иомудов на персидской границе. Л. 14–14 об., 42, 86 об. и др.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84. Л. 147.

³ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 20–21.

Почему? А потому, что (о чем большинству туркестановедов было мало известно) в недрах Военного министерства в течение 1915 г. вызревала идея призыва «туземцев» Русского Туркестана не на тыловые работы, а в действующую армию, испытывавшую нехватку в резервах. Проект о призыве инородцев Туркестанского края на фронты первой мировой войны был выработан Главным штабом к ноябрю 1915 г., когда проблема пополнения частей действующей армии приобрела особенную остроту. В проекте отмечалось, что инородцы Туркестана в течение 40 лет освобождались от несения воинской повинности больше не по рациональным, а политическим причинам – недавнего присоединения Средней Азии к России и плохого знания порядков русской жизни. Военное министерство считало, что за истекшее время после такого присоединения инородцы – мусульмане Туркестанского края достаточно уже привыкли к российским формам устройства жизни и могут, подобно другим мусульманам России (татарам, башкирам и проч.), исполнять воинскую повинность, тем более что в самом Туркестане ее исполняли многие мусульмане, проживавшие в нем, – те же татары, башкиры и даже дунгане, переселившиеся в край из Кашгарии (Китайского Туркестана) в конце 1870-х гг., спасаясь от китайских карателей генерала Цзо Цзун-тана. В разделе проекта «Общие выводы» указывалось, что надо привлечь мусульманское население Средней Азии к исполнению воинской повинности на основании «воинского устава», причем в пункте 4 проекта подчеркивалось, что надо привлечь к исполнению воинской повинности *«коренное население всех областей Туркестанского края»*¹ (курсив наш. – П.Л.). Документ, как известно, был отклонен правительством. Большинство министров обоснованно опасались, что призыв мусульман Туркестанского края на фронт может не только вызвать волну возмущения среди «туземцев» края, но и дезорганизовать саму армию, которая может утратить боеспособность от прилива в нее малообученных военному делу и, тем более, не желающих воевать людей. Однако, на наш взгляд, за полгода, прошедшие после подготовки указанного проекта, о нем не мог не знать достаточно широкий круг людей, а то, что слухи об этом проекте имели место в среде «туземного» мусульманского населения еще до царского указа от 25 июня 1916 г., можно считать фактом, не требующим доказательств. Судя по документам, уже с начала 1916 г. об этом говорили на базарах, в мечетях, на улицах городов, в кишлаках, аилах и т. п. Соответственно, информация об этом стала поступать от агентов и в органы Департамента полиции МВД в Туркестанском крае.

Обстоятельства начала восстания 1916 г. давно и хорошо описаны в отечественной и зарубежной исторической литературе, поэтому вряд ли стоит рассказывать о них подробно – достаточно взять соответствующие издания и прочитать о них. Меньше известно одно любопытное обстоятельство – то, что объявление царского указа о призыве на тыловые работы совпало с мусульманским постом – уразой, что обеспечило его горячее обсуждение на обязательных вечерних молитвах в мечетях и на вечерних трапезах, которые разрешаются шариатом после окончательного захода солнца. При этом нам хотелось бы отметить, что восстание 1892 г. в Ташкенте тоже совпало с религиозным праздником – Курбан-байрамом. Вряд ли такое стечение обстоятельств можно считать роковым, однако нельзя игнорировать тот факт, что именно в такое время религиозные чувства мусульман становятся особенно возвышенными и весьма чувствительными ко всякого рода неожиданным акциям, тем более исходящим от власти «неверных». Ситуацию в крае подогрел изданный 8 июля 1916 г. приказ и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта М.Р. Ерофеева о призыве, согласно «высочайшему повелению», коренных инородцев края к тыловым работам. Судя по агентурным донесениям в Туркестанское районное охранное отделение и розыскные пункты МВД в крае, этот приказ тут же стал обсуждаться в мечетях,

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 89 – О беспорядках, вызванных призывом инородцев на работы. Л. 12 об.

где направление «дискуссиям» по этому поводу придавало, естественно, духовенство. Ферганский агент доносил в Ташкентский розыскной пункт, курировавший «коренные» области края, о том, что в Намангане мулла Махмат-хан-тюря на вопрос паствы: как поступать с призывом на тыловые работы – ответил: «Давать рабочих не следует, так как это противоречит шариату. Если вы дадите рабочих, то они помогут русским в борьбе с Германией, а Германия является защитницей ислама»¹. Донесения прочих агентов были аналогичными. Так, один из агентов сообщал из Самарканда о том, что местный мулла Махмуд Заман-хан в беседах с прихожанами своей мечети говорил: «Хорошо было бы, если бы мусульмане восстали против русских с помощью Афганистана. Есть возможность объединить все мусульманские земли, так как Россия занята сейчас войной на Западе»². Тот же агент доносил о том, что в самаркандском медресе «Телек» после молитвы трое мулл обратились к народу со словами: «Турция и Афганистан объявят войну России... Турция присоединит к себе Персию и Афганистан, сейчас просит разрешения первой броситься на Россию» и после этого потребовали произнести «молитву за успех мусульманского оружия»³. Начальник туркестанской «охранки» М.Н. Волков докладывал в это время генерал-губернатору о том, что муллы и прочие представители мусульманского духовенства «угрозами принуждают жителей примкнуть к реакционному движению»⁴.

Как отмечалось, первые очаги восстания появились в начале июля 1916 г. Туркестанские военные власти по своим каналам связи тут же сообщили об этом в свое министерство. Эти сообщения возымели быстрое действие и уже 17 июля 1916 г. император Николай II объявил «Туркестанский военный округ на военном положении с подчинением всего гражданского управления в этом округе командующему войсками»⁵. В контексте рассмотрения темы данного исследования это обстоятельство имеет большое значение, так как свидетельствует о том, что с того момента все учреждения всех министерств и ведомств в Туркестанском крае поступали в прямое подчинение «главного начальника» края. Однако в этом было мало нового, поскольку, как отмечалось, в 1914 г., в начале первой мировой войны, в Туркестанском крае было введено положение чрезвычайной охраны. Таким образом, система «военно-административного» управления оказалась тотально господствующей над всеми иными ведомственными вертикалями в регионе. Как известно, после объявления края находящимся на военном положении на должность туркестанского генерал-губернатора был назначен «старый туркестанец», выдающийся администратор и знаток регионального мусульманства 68-летний генерал А.Н. Куропаткин. Мы полагаем, что это был вынужденный выбор прогнившего царистского режима – никто, кроме нелюбимого им Куропаткина, не смог бы справиться с неожиданной для «верхов» (но только не для самого генерала) огромной опасностью. Исходя из вышеизложенного, можно уверенно утверждать о том, что Куропаткин указом от 17 июля 1916 г. получил все полномочия царского «наместника» в полном их правовом обеспечении. Каким образом это обстоятельство повлияло на роль и место органов Департамента полиции МВД в Русском Туркестане? Весьма существенно. Так, если до 17 июля 1916 г. начальник Туркестанского районного охранного отделения подполковник М.Н. Волков с начала месяца бомбардировал своими телеграммами (иногда по несколько в день) Департамент полиции МВД

¹ ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1132. Л. 107.

² ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1471 – О панисламистском движении в Туркестанском крае и немецких агентах в Мерве, военном шпионаже и др. Л. 312.

³ Там же. Л. 316.

⁴ ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1472 – Месячные отчеты о панисламистском и пантюркистском движении. Л. 15.

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 89 – О беспорядках, вызванных призывом инородцев на работы. Л. 36.

о быстро меняющейся ситуации в крае, то теперь он должен был прежде всего докладывать обо всём Куропаткину, а уже потом, с его разрешения, Департаменту полиции МВД. Если еще 14 июля 1916 г. Волков в телеграмме последнему жаловался, что он «даже на обыск казиев разрешения от генерал-губернатора не получил. Генерал Галкин (военный губернатор Сырдарьинской области. – *П.Л.*) надеется, что казии внесут успокоение в население», то после 17 июля 1916 г. в солидном сборнике документов о восстании 1916 г. в Средней Азии и Казахстане мы находим фактически только доклады начальника Туркестанского районного охранного отделения генерал-губернатору, его переписку с военными руководителями областей, своими розыскными пунктами и т. д.¹ Но имелись и иные документы. Так, 27 июля 1916 г. дмитриевский волостной управитель сообщал начальнику Верненской уездной полиции, что житель села Дмитриевского наманганский сарт (узбек. – *П.Л.*) Якуб Усман Ходжиев несколько лет назад с отцом был в Мекке, но отец там умер, а сам сарт прожил 2–3 года в Турции и «там научился многому вредному». Насчет тыловых работ Ходжиев говорил девице Парахиной: «Мы тогда пойдем на работу, когда вас всех перережем» и «...я тогда пойду помогать вам работать, когда мне бог на лбу напишет»². Начальник уездной полиции направил это дело заведующему Верненским розыскным пунктом МВД ротмистру Железнякову. Был оформлен ордер на обыск в доме Якуба Ходжиева по Старокладбищенской улице в селении Дмитриевском. Ничего подозрительного найдено не было. Тем не менее на основании статьи 21 «Положения о государственной охране» от 14 августа 1881 г. сарт был помещен в отдельную камеру верненской тюрьмы до выяснения обстоятельств, так как в крае уже развернулось восстание коренного населения.

Таким образом, во время восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане к делу были привлечены все подразделения туркестанской «охранки», включая жандармско-полицейские управления двух железных дорог – Среднеазиатской и Ташкентской и их «дистанционные» отделения. Они тоже все свои сведения и отчеты направляли туркестанскому генерал-губернатору и военным губернаторам областей (в том числе начальнику Закаспийской области). Естественно, что вся информация в копиях направлялась в Департамент полиции МВД (в Особый отдел). Но не сразу же после события – она перепроверялась, а ситуация отслеживалась во времени. Так, например, начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков писал 8 августа 1916 г. директору Департамента полиции МВД генерал-майору Е.К. Климовичу о том, что с 13 июля 1916 г. восстание вспыхнуло в Джизакском уезде Самаркандской области, повстанцы разрушили телеграф и начали разбирать железную дорогу³. Таким образом, сообщение о джизакских беспорядках поступило в Департамент полиции МВД без малого через месяц. Особый отдел Департамента должен был обеспечить надзор за «туземцами», могущими бежать от усмиряющих восстание войск в пределы, подведомственные МВД. Например, в рассматриваемый нами период регулярно направляли соответствующие документы в Департамент полиции МВД заведующие розыскными пунктами в Ташкенте, Верном и Асхабаде⁴. Это первое. Второе: в восстании 1916 г. приняли активное участие и казахи Степного генерал-губернаторства (края) и Тургайской области, которые находились в ведении МВД и состояли в режиме «исключительной»

¹ См.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... Телеграмма М.Н. Волкова в Департамент полиции МВД от 14 июля 1916 г. С. 62.

² ЦГА Каз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 21 – Комитетское по мусульманскому движению. Л. 1.

³ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 192.

⁴ См., напр.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 433–435, 444, 445–446, 459 и др.

охраны. Поскольку проблемой восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане занималось денно и ночью всё царское правительство, то координацию действий Военного министерства и органов Министерства внутренних дел в деле его усмирения можно считать само собой разумеющейся.

Органы туркестанской «охранки» во время восстания 1916 г. постоянно отслеживали его динамику. Поэтому мы предлагаем рассмотреть деятельность Туркестанского районного охранного отделения в хронологическом порядке по основным регионам Туркестанского края. А поскольку восстание достигло наивысшей степени выражения в Семиречье, то начнем с характеристики работы царской «охранки» в этой части Средней Азии.

Считаем нелишним отметить, что с началом восстания 1916 г. заведующий розыскным пунктом Департамента полиции МВД в городе Верном и Семиреченской области Отдельного корпуса жандармов ротмистр В.Ф. Железняков начал действовать весьма энергично. Он писал 26 июля 1916 г. военному губернатору Семиреченской области генерал-лейтенанту М.А. Фольбауму о подготовке вооруженного восстания в волостях Верненского уезда¹. Железняков указывал, что «киргизы» в большинстве своем против призыва на тыловые работы, молодежь готовится бежать. Ротмистр отмечал, что «киргизы... из числа должностных и почетных уговаривают киргиз беспрепятственно давать людей на работы в действующую армию»². Военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант М.А. Фольбаум верил в возможности агентов «охранки» и телеграфировал 6 августа 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о том, что предпринимаемые им меры заключаются в том числе «в развитии до возможного предела агентуры»³. Безусловно, он имел в виду расширение сети секретных сотрудников семиреченского отделения туркестанской «охранки».

В августе 1916 г. ротмистр В.Ф. Железняков постоянно телеграфировал директору Департамента полиции МВД генерал-майору Е.К. Климовичу о разрастании восстания 1916 г. в Семиреченской области⁴. Так, 7 августа 1916 г. он сообщал в Департамент полиции МВД о том, что восстание «туземцев» Семиреченской области становится всё сильнее. Начальник Семиреченского отделения Жандармско-полицейского управления Ташкентской железной дороги подполковник Косоротов телеграфировал 11 августа 1916 г. начальнику Туркестанского районного охранного отделения полковнику М.Н. Волкову о том, что восстание «туземцев» является не стихийным, а организованным. Он отмечал, что «даже дорога на Сусамырском перевале исправлена самими киргизами для того, чтобы сусамырское скопище могло свободно двинуться на Пишпек и окрестные села»⁵. Косоротов также сообщал о напряженности в Пишпекском уезде⁶, телеграфировал 13 августа 1916 г. М.Н. Волкову о столкновении русских с повстанцами, которое закончилось большими жертвами⁷. Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник Волков докладывал 13 августа 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину о том, что в Семиреченской области «первые наружные признаки могущих быть волнений выразились в том, что 3 и 4 июля с. г. киргизы, служившие у русских, бросили службу, даже не рассчитавшись, и ушли

¹ См., напр.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 326–327.

² Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро... С. 51–52.

³ Там же. С. 10.

⁴ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 181, 182, 183, 215, 215–216, 219.

⁵ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в док. Т. II... С. 36.

⁶ Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док. / КРСУ... С. 12–13.

⁷ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в док. Т. II... С. 44–45.

в свои волости»¹. Ротмистр Железняков писал 13 сентября 1916 г. в Канцелярию генерал-губернатора Туркестанского края о предводителях восстания в районе Токмака, Кочкора и южного берега Иссык-Куля. Он перечислял много фамилий и просил в случае поимки Мокуша Шабданова и Каната Абукина доставить их в Верный, в розыскной пункт². 13 октября 1916 г. Железняков допросил участника восстания Сята Ниязбекова. «Туземец» показал, что он не выступал за восстание, а напротив, объяснял «киргизам» правильный смысл царского указа – призывать не в солдаты, а только на тыловые работы³. Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков сообщал 13 октября 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о том, что кочевники Семиреченской области тайно провели съезд и решили людей на тыловые работы не давать, а «в случае требования силой» оказать вооруженное сопротивление властям⁴. При этом он указывал, что в Семиреченской области выступления кыргызов продолжаются.

Ротмистр В.Ф. Железняков составил 17 октября 1916 г. подробный, многостраничный доклад о причинах мятежа «киргиз» в Семиреченской области, его течении и настроении населения к текущему моменту⁵. Он излагал историю завоевания Семиречья. В 1831 г. – станица Сергиопольская. Потом был Копал. В 1854 г. было построено укрепление Верное, переименованное позже в город Верный. С 1855 г. началось заселение Семиречья сибирскими казаками, которые образовали вокруг Верного свои станицы. Железняков ошибался, указывая, что Алатавский округ был образован в 1857 г., законодательно он был образован в 1862 г.⁶. Он писал о войне русских с кокандцами в Семиречье, о восстании мусульман в Западном Китае – Восточном Туркестане, о переселении – после его подавления китайцами – дунган и таранчинцев (уйгуров) в Семиречье, сравнивая их по хозяйственной хватке с латышами Прибалтийского края. Следует заметить, что он достаточно правдиво излагал все события восстания 1916 г. в Семиреченской области, происшедшие на момент составления доклада. Не менее ответственно Железняков отвечал на вопросы следователя Верненского окружного суда 16 ноября 1916 г. В частности, он указывал, что «русская власть в крае в лице военной администрации уездных и участковых начальников управляла своими районами при посредстве нагайки и вообще физического воздействия, мало заботясь о поддержании русского имени и престижа русской культуры. Всё управление киргизами выражалось в самых невозможных и беззастенчивых поборах»⁷. Он подробно характеризовал ошибочную аграрную политику правительства в Туркестанском крае в 1906–1916 гг. В ноябре 1916 г. Железняков писал в свой Департамент о том, что с началом войны «киргизы» охотно жертвовали на нужды войны добровольно, но потом такие пожертвования с них стали вымогать, поскольку каждый уездный начальник хотел отличиться своими сборами на войну перед высшим начальством. Кочевникам поясняли, что раз они не воюют, то должны платить на содержание фронтовиков. В этом русским властям активно помогали должностные лица «туземной» администрации. Это, конечно, возбудило кочевников Семиреченской области. Железняков подчеркивал, что «здесь были злоупотребления туземной администрации, которая часть пожертвований утаивала себе»⁸.

¹ Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро... С. 11.

² Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док. / КРСУ... С. 68.

³ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 79.

⁴ Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро... С. 62–63.

⁵ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в док. Т. II... С. 167–226.

⁶ Высочайше утвержденное Положение об управлении Алатавским округом. 25 декабря 1862 г. // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39088. С. 593–597.

⁷ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 127.

⁸ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 433.

Для выяснения всех обстоятельств восстания в Семиреченской области в конце 1916 г. в Верный был направлен чиновник особых поручений при начальнике Туркестанского районного охранного отделения ротмистр Юнгмейстер. Он писал в рапорте от 30 декабря 1916 г. своему руководителю полковнику М.Н. Волкову о восстании в Пржевальском уезде и городе Пржевальске¹. Ротмистр перечислял задания, которые получил от своего учреждения, в том числе: оценить поведение русских по отношению к «туземцам», настроение народа и «выяснить совершенно негласно деятельность уездной администрации»². Юнгмейстер отмечал, что причинами восстания в Пржевальском уезде были: 1) изъятие «киргизских» земель для русских переселенцев; 2) притеснение и недобросовестное отношение русских к «туземцам» – преимущественно обман в торговле и найме на работу; 3) непомерные поборы уездной администрации с начальником уезда Ивановым во главе – их называли «чыгымы», и они были незаконными. Кроме того, были поборы со стороны должностных лиц «туземной» администрации. Так, например, волостные управители собирали с населения деньги на калым для женитьбы сыновей, что обходилось в суммы не менее 2 тыс. рублей; 4) «туземное» самоуправление находилось в руках богатых и знатных или их ставленников. Таким образом, накопилось большое напряжение, поводом к взрыву которого стал царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации «туземного» населения на фронтные работы. Юнгмейстер указывал, что главарями восстания стали дети покойного Шабдана Джантаева – Мокуш и Хасамутдин. Другие сыновья – Аман и Кемель были вначале против восстания. Но главнокомандующим в восстании стал ма-нап Канат Абукин. По мнению Юнгмейстера, рассуждения о руководстве повстанцами турецких генералов представляли собой «плод фантазии досужих корреспондентов»³. Жандармский ротмистр писал о разгуле восстания – убийствах, грабежах, насилиях и т. п. Он считал, что участие дунган в восстании было связано с их опиумной деятельностью. Юнгмейстер подчеркивал, что русские «в своих жестокостях нисколько не уступали киргизам»⁴. Он указывал, что число убитых русских в восстании превышало 3 тыс. человек, а плененных – 2 тыс. человек. Жандармский ротмистр обвинял в жестоких формах восстания в Пржевальском уезде местную российскую администрацию во главе с начальником уезда Ивановым, которые не приняли должных мер по предупреждению мятежа и относились халатно к своим обязанностям. Уездная администрация не смогла предотвратить массовое избиение «туземцев» в Пржевальске жителями города. По приказу Иванова был убит без суда и следствия богатый купец-сарт Мурад Акрам Тюрязев. Произвольно конфисковывалось, точнее, расхищалось имущество «туземцев» города. Юнгмейстер писал о том, что отношение русского населения Пржевальского уезда к уездному начальнику Иванову «ярко-враждебное», и особо отмечал, что пржевальская интеллигенция относится к Иванову не лучше. Ротмистр предлагал «раскрыть все злоупотребления, сделанные в течение ряда лет как самим полковником Ивановым, так и его подчиненными»⁵. Помимо событий в городе Пржевальске Юнгмейстер описывал избиение «туземцев» с целью грабежа их имущества в селении Теплоключенском, которое продолжалось с вечера 15 августа до полудня 16 августа 1916 г. Всего было убито более 500 человек. 10 человек откупились за 1200 руб. каждый. Избиение «туземцев» имело место и в селении Преображенском,

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 395–402.

² Там же. С. 395.

³ Там же. С. 397.

⁴ Там же. С. 398.

⁵ Там же. С. 401.

где было убито свыше 90 человек, в том числе женщины и дети. Ротмистр писал о том, что по факту избиения «туземцев» русскими жителями указанных населенных пунктов возбуждено судебное следствие. Безусловно, рапорт ротмистра Юнгмейстера был весьма объективным по своему содержанию.

Идентичную деятельность «охранка» проводила в другой «кочевой» области Туркестанского края – Закаспийской. Уже 8 июля 1916 г. начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков сообщал и. д. начальника Закаспийской области генерал-майору Н.К. Калмакову о том, что среди населения распространяются слухи об освобождении состоятельных и интеллигентных туркмен от призыва. Он писал: «Туземцы говорят, что если не будут взяты на работу богачи, то менее состоятельный класс населения склонен к учинению крупных беспорядков и расправится самосудом с богачами»¹. На наш взгляд, это свидетельствовало о пробуждении, взамен родоплеменным порядкам, «классового» сознания в туркменском социуме. Заведующий розыскным пунктом Департамента полиции МВД в Асхабаде и Закаспийской области ротмистр барон А.А. Фиркс докладывал 24 августа 1916 г. в Особый отдел Департамента о том, что после объявления царского указа о мобилизации «туземцев» области на тыловые работы положение в ней было «сравнительно спокойно»². Он отмечал, что мервская ханша Гюль Джамал, живущая рядом с мургабским «государевым имением», собирала совещание влиятельных и состоятельных туркмен, на котором было решено людей на тыловые работы не давать, а телеграфировать «государю императору» и военному министру относительно отмены такой повинности для туркмен. В качестве консультанта по юридическим вопросам пригласили юриста графа Г.И. Доррера, человека, по мнению Фиркса, скомпрометировавшего себя, «слабых нравственных качеств», который за солидное вознаграждение пообещал найти выход из создавшегося положения. Об этом ротмистр доложил начальнику Туркестанского районного охранного отделения, который затем ходатайствовал перед начальником края об отстранении Доррера от должности юрисконсульта управления Средне-Азиатской железной дороги и запрещении ему проживать в Туркестанском крае на время действия в нем военного положения. Также Фиркс сообщал, что туркменская ханша намеревалась выехать с Доррером в Петроград, однако начальник Закаспийской области не дал ей разрешения на такую поездку. Фиркс указывал, что туркменам разъяснили, что если они восстанут, то к ним будет применена военная сила. Ханша Гюль Джамал предложила собрать с каждой туркменской кибитки по 2 руб. 50 коп., а с богатых туркмен и того больше, чтобы передать 1 млн руб. «государю императору» на нужды войны. Жандармский чин отмечал, что начальник Закаспийской области запретил ханше проводить денежные сборы, однако тайно они продолжают и потому он начал расследование по этому делу. Фиркс писал о том, что туркмены, живущие рядом с границей, начали договариваться с властями Афганистана о возможном бегстве в пределы этой страны. Иомуды в целом были против призыва на тыловые работы. Фиркс отмечал, что отмена набора на тыловые работы на Кавказе произвела на туркмен «огромное впечатление», они тоже захотели отмены призыва, в связи с чем депутация туркмен в 60 человек просила об этом начальника Закаспийской области еще «в первые дни после объявления высочайшего повеления»³. 30 сентября 1916 г. Фиркс докладывал в Особый отдел о том, что положение с иомудами в Закаспийской области неустойчивое, тогда как в других ее местностях нормальное. 5 октября он доносил по тому же адресу о ходе восстания на Гюргене. Буквально на следующий день

¹ Восстание 1916 года в Туркмении (Док. и мат-лы)... С. 31.

² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 433.

³ Там же. С. 435.

он вынужден был выехать в Теджен, где на железнодорожную станцию 6 октября напала группа повстанцев. Ротмистр выяснил, что толпа убила трех стрелков железнодорожной охраны, сторожа, девушку, нижнего чина и девочку, сожгла железнодорожный мост, испортила телеграф. «Общая» полиция арестовала 12 участников нападения, а другие были задержаны войсками. Куропаткин надписал на докладе «охранки» от 26 октября 1916 г. резолюцию: «По-настоящему: очень случайное и странное, как и все донесения Охранного отделения. Охранному отделению первому надо было даже знать о готовящемся нападении, чего не было сделано»¹ (курсив наш. – П.Л.). 20 октября 1916 г. Фиркс сообщал в Департамент о том, что среди туркмен возникло недовольство приказом о призыве на земляные работы, начались волнения, вылившиеся в открытое вооруженное нападение на станцию, а часть туркмен перекочевала в пределы Афганистана.

Не менее интенсивной была деятельность туркестанской «охранки» в «коренных» областях Туркестанского края и ханствах – Бухарском и Хивинском, которую осуществлял Ташкентский розыскной пункт Департамента полиции МВД, курируемый лично начальником краевого охранного отделения полковником М.Н. Волковым. Поэтому именно Волков сообщал 11 июля 1916 г. в Департамент полиции МВД о начале восстания в «коренных» областях края. Он отмечал, что народ взволнован и опасается, что призыв на тыловые работы превратится в воинскую повинность, а также что от призыва освободят богачей. Кроме того, он сообщал о беспорядках в Ташкенте и Старом Маргилане, во время которых были убитые и раненые. Волков писал о том, что от ташкентских казиев афганскому эмиру было предложение «выступить против России»². Письмо было перехвачено бухарскими властями, однако дешифровать его не удалось. Начальник краевой «охранки» уведомлял свое руководство о том, что военный губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант Галкин запретил арестовывать этих казиев. 14 июля 1916 г. он телеграфировал в Департамент полиции МВД о том, что беспорядки и волнения в Ташкенте и Ферганской области продолжаются. Также сообщал о том, что началось восстание в Самаркандской области, что там сожжены мосты, оборваны провода. В Ташкенте и Ферганской области неспокойно. И с сожалением отмечал, что и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант М.Р. Ерофеев не разрешил даже провести обыск у ташкентских казиев, писавших афганскому эмиру.

Особый объект заботы туркестанской «охранки» представляли железные дороги. Жандармский вахмистр Островский 14 июля 1916 г. телеграфировал в штаб Туркестанского военного округа о подготовке «туземцами» нападения на железнодорожную станцию Кауфманскую и просил прислать войска. Начальник Жандармско-полицейского управления Ташкентской железной дороги полковник Татаринов телеграфировал 16 июля 1916 г. и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанту М.Р. Ерофееву о необходимости усиления охраны железнодорожных станций двух туркестанских железных дорог. Просил направить для этого войска. Сохранились документы о возможных (или уже совершившихся) нападениях «туземцев» на железнодорожные станции Туркестанского края в 1916 г.³

Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник М.Н. Волков писал 8 августа 1916 г. директору Департамента полиции МВД генерал-майору Е.К. Климовичу о том, что еще в начале июня в Туркестанском крае было всё спокойно. Среди

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 451.

² Там же. С. 61.

³ См.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 266–267, 273, 277, 287 и др.

населения края были, разумеется, сторонники Турции и Афганистана, но преимущественно люди старого воспитания, тогда как молодежь выступала за сохранение российских порядков. Антирусские силы установили связи с Турцией и Афганистаном. Волков жаловался на состояние агентурной работы, особенно в Самаркандской области, на улучшение которой не хватает средств. 8 августа 1916 г. он информировал генерал-майора Е.К. Климовича о том, что ишан Ша-Яхсы, проживающий в Старой Бухаре, но имеющий множество последователей в Туркестанском крае, разослал им послания с призывом не давать русским людей на тыловые работы, что потом он якобы от этого отказался, однако втайне призывает к тому же¹. Осведомитель Туркестанского районного охранного отделения по прозвищу «Назым» в донесении от 23 августа 1916 г. в Ташкентский розыскной пункт подтверждал такое влияние ишана Ша-Яхсы на своих мюридов в Ферганской и Самаркандской областях, отмечая, что в чайханах городов Ферганской области ведутся антирусские разговоры. Начальник Туркестанского районного охранного отделения докладывал 27 августа 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину о посещении депутатами Государственной думы К.Б. Тевкелевым и А.Ф. Керенским городов Ташкент, Самарканд, Джизак, Андижан и Коканд и об их встречах там с представителями местной интеллигенции и делового мира². М.Н. Волков писал 9 октября 1916 г. тому же адресату о том, что главари восстания в Ферганской области имели тесные связи с семиреченскими его руководителями. Он описывал антиправительственную деятельность переводчика Андижанского уездного управления Сулеймана Кельгенбаева, который осуществлял указанные связи³. 13 октября 1916 г. Волков доносил Куропаткину о том, как развивалось восстание в Семиреченской области. Поскольку, как отмечалось, Ташкентский розыскной пункт Департамента полиции МВД курировал ханства, то агент «Шахрисабский» доносил 14 октября 1916 г. в это подразделение «охранки» о том, что группа бухарских мударрисов подготовила жалобу, которую собиралась подать туркестанскому генерал-губернатору во время его приезда в Бухару, однако кушбеги узнал об этом, арестовал жалобщиков, выпорол их и заключил в тюрьму. Сексот также уведомлял о том, что известный туркестанский общественный деятель Убайдулла Ходжаев, будучи редактором газеты «Садои Туркестан», присвоил принадлежавшие ей 12 тыс. рублей. Газету закрыли, но деньги так и остались у Ходжаева⁴.

Во время восстания 1916 г. туркестанская «охранка» не оставляла без внимания разного рода мусульманские организации. Так, полковник М.Н. Волков уведомлял 4 ноября 1916 г. туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина о том, что младосартовское общество «Гайрат» не участвовало в восстании, однако за ним надо постоянно наблюдать⁵. Кроме того, отслеживалось внешнее воздействие на события 1916 г. в Туркестанском крае. Полковник М.Н. Волков отмечал 23 декабря 1916 г., что турецкое правительство командировало в Туркестанский край 15 персов из Азербайджана для ведения исламистской пропаганды и они уже разъезжают по разным местам Туркестанского края под видом докторов (хакимов) или чтецов Корана (азаим-ханов), предъявляют полиции персидские паспорта

¹ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 191–192.

² Там же. С. 204–205.

³ Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док... С. 102–104.

⁴ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова... С. 213.

⁵ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 695–696.

и она их не задерживает. Волков приводил три фамилии таких эмиссаров, с приблизительным их местонахождением, указывал, что полиция должна обращать особое внимание на лиц с персидскими паспортами и подозрительных обыскивать, а в необходимых случаях арестовывать в порядке военного времени¹.

Осведомитель Туркестанского районного охранного отделения «Назым» сообщал в Ташкентский розыскной пункт о том, что в середине декабря 1916 г. в город Коканд Ферганской области прибыл депутат Государственной думы, член ее мусульманской фракции Ахтямов. Он приехал к своему другу Ш.С. Шагиахметову. Кокандские сарты собрали ему на расходы 700 руб., и он обещал им ходатайствовать о смягчении приговоров для участников восстания. На основе этой информации начальник Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волков писал 15 января 1917 г. директору Департамента полиции МВД по Особому отделу А.Т. Васильеву о том, что в конце 1916 г. в Туркестанский край приезжал депутат Государственной думы Ахтямов в компании с адвокатом В.В. Беренштамом. Они посетили города Коканд и Наманган по делам наманганских участников восстания 1916 г., привлеченных к суду. Ахтямов встречался с Убайдуллой Ходжаевым и Ш.С. Шагиахметовым. Ахтямов обещал помочь привлеченным к судебной ответственности наманганцам. И он добился своего, так как туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин потом, при конфирмации приговоров, смягчил большинство из них и заменил даже серьезные наказания более легкими. Волков приводил тому 8 примеров². При этом он отмечал, что многие главари восстания уже вышли на свободу и «туземцы» чествуют их как героев. Начальник Районного охранного отделения считал, что это опасно, так как на «туземную» массу плохо влияет потворствование лицам, совершившим преступления, что возможны новые беспорядки, признаки которых уже проявляются. К тому же «туземцы» считают, что русская власть смягчает приговоры участникам восстания, так как боится их. Волков указывал, что привлеченные к тыловым работам «туземцы» пишут домой о том, что их там плохо кормят, обмундируют и нет мулл для исполнения религиозных обрядов.

Таким образом, судя по приведенным документам, в деле подавления бунта «туземцев» фактически сплотились все силы: армия, «военная» полиция, сыскные (по уголовным делам) отделения, подразделения Отдельного корпуса пограничной стражи, таможенные службы и, естественно, вся жандармерия Туркестанского края. Поскольку у органов Департамента полиции МВД в регионе была ограниченная компетенция в части обысков и арестов, то они должны были работать в постоянном контакте с силами «военной» полиции и с ее разрешения проводить указанные мероприятия и акции. Например, жандармский ротмистр Юнгмейстер, чиновник для поручений при начальнике Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкове, был направлен для расследования событий восстания в Пржевальский уезд, но не один, а в сопровождении начальника Верненской сыскной полиции Петрова, в результате чего представил в Туркестанское районное охранное отделение подробный аналитический доклад, весьма объективный по своему содержанию³. Но этот пример был из числа единичных, а в основном роль органов Департамента полиции МВД в Туркестанском крае фактически сводилась к информационному обеспечению войск и полицейских формирований посредством данных, полученных от своих

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 695–696. . С. 250.

² Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат. лов... С. 253–255.

³ См.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 395–402.

секретных агентов. Практическим делом занимались железнодорожные жандармы, которые вместе с «военной» полицией обеспечивали охрану станций и грузов стратегически важных туркестанских магистралей. Однако информация Туркестанского районного охранного отделения и его розыскных пунктов, полученная от агентуры, не всегда была своевременной, точной и свежей, поскольку более точные сведения приходили от агентуры «военной» полиции, и особенно из IV (разведывательного) и VI (контрразведывательного) отделений Штаба Туркестанского военного округа. Последним, кстати, заведовал бывший сотрудник Туркестанского районного охранного отделения Отдельного корпуса жандармов подполковник Пригара. И это не было случайным: должность начальника контрразведки Туркестанского военного округа считалась военной, то есть числилась в штате штаба округа, но на нее назначались только офицеры из Отдельного корпуса жандармов – как более опытные специалисты в этой сфере. И, насколько нам известно, такая практика существовала не только в Туркестанском военном округе, но и повсеместно. Содержательная информация поступала от разведчиков 7-го (Туркестанского) пограничного округа. Значительную помощь оказывал политический агент в Бухаре, также имевший свою разведывательную агентурную сеть. Например, начальник туркестанской «охранки» М.Н. Волков сообщал из Ташкента начальнику Закаспийской области, являвшемуся одновременно командиром 2-го Туркестанского армейского корпуса, сведения о событиях в подвластных тому пределах, которые часто не были новостью для закаспийского руководителя, так как ему еще ранее о них докладывали «военная» полиция, разведка корпуса, а также «живущий по соседству» в Асхабаде заведующий местным розыскным пунктом МВД ротмистр барон фон А.А. Фиркс. Поэтому мы бы не стали преувеличивать роль органов Департамента полиции МВД в общей системе борьбы с восстанием «туземцев» в Туркестане, однако и преуменьшать ее у нас тоже нет оснований.

Как мы отмечали, в «коренных» областях особенно острыми события восстания были в Джизакском уезде Самаркандской области, где его возглавил ишан Насыр-ходжа – яркий пропагандист газавата против «неверных» – русских. 25 июля 1916 г. русский отряд под командованием полковника Иванова (кстати, позже он был военным министром в правительстве Колчака в Сибири) разбил повстанческие силы, а главари джизакских мятежников бросились бежать. Не надо, видимо, и говорить о том, как хотели «встретиться» с ними туркестанские власти, особенно с ишаном Насыр-ходжой. Но выследило его именно Туркестанское районное охранное отделение, причем выдал живого «святого» простой смертный – мусульманин Кок-Тюбинской волости Джизакского уезда. Он узнал о намерении ишана скрыться в пределы Бухарского ханства и донес на него, за что, понятно, получил «усиленное» денежное вознаграждение от «охранки». Но арестовала его в начале августа 1916 г. «военная» полиция.

Через свою агентуру туркестанская «охранка» и ее розыскные пункты установили местонахождение и многих других лидеров восстания, чем помогли «военной» полиции арестовать их и привлечь к ответственности. Поскольку многие из них сбежали в Бухарское ханство, то Туркестанское районное охранное отделение через своих агентов находило их и там, после чего секретная информация доводилась до сведения императорского политического агента в эмирате, который требовал от его правительства депортации преступников. Тех, кто не успел вовремя перебраться в Афганистан, бухарскому правительству пришлось выдать русским властям, но, безусловно, крайне неохотно, так как всё мусульманство ханства вследствие «разъяснительной» работы, проведенной в его среде местным улемом, искренне сочувствовало «освободительной» борьбе своих единоверцев и соплеменников в Русском Туркестане. Чтобы не быть голословными, сошлемся на документы. В июле 1916 г. драгоман Российского политического агентства в Бухаре телеграфировал секретно в штаб

Туркестанского военного округа о том, что в Бухарском ханстве все «взволнованы» событиями в Туркестанском крае, причем особенно агрессивны настроены против русских мусульманское духовенство и муллабачи¹.

К августу 1916 г. очаги восстания остались преимущественно в «кочевых» областях, точнее, в Семиреченской области, особенно в Прииссыккулье, где оно достигло в это время кульминации. Но в целом ситуация в большинстве районов края стабилизировалась, что позволило 22 августа 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину издать новый приказ о привлечении «туземного» населения на тыловые работы, в котором он только ставил задачи по выполнению этого мероприятия, но ни одним словом не упоминал о всех предшествовавших изданию этого приказа событиях². Таким образом, туркестанская «охранка» и розыскные пункты Департамента полиции МВД в Средней Азии занялись присущим им функциональным обеспечением выполнения этого приказа. Документы свидетельствуют о том, что в это время туркестанская «охранка» занялась и обработкой материалов о мусульманском восстании 1916 г. с целью извлечения из него должных уроков на будущее³. Но поскольку край оставался на военном положении, то органы Департамента полиции МВД по-прежнему должны были в первую очередь докладывать обо всем туркестанскому генерал-губернатору. Это объяснялось тем, что в Семиреченской области и в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области еще продолжали тлеть очаги восстания. Известно, что после разгрома повстанцев в Семиреченской области они массами ударились в бег на китайскую территорию. 3 ноября 1916 г. полковник В.П. Колосовский писал в рапорте исполняющему должность военного губернатора Семиреченской области полковнику А.И. Алексееву, что «китайцы относятся к мятежным русским киргизам вообще благосклонно». При этом он рекомендовал: «Подтвердить агентам всех ведомств, что в настоящее время военные действия в пределах Семиреченской области закончены, а поэтому все эксцессы, невольно допускаемые в период подавления мятежа, не могут быть более терпимы и будут преследоваться уголовной ответственностью, от кого бы они не исходили»⁴. Это была весьма своевременная мера, так как начало поступать много доносов от агентов как полиции, так и «охранки», которые старались обвинить в участии в восстании и совершении преступлений своих трайбальных или иных противников, с тем чтобы расправиться с ними чужими руками (такое встречается среди документов)⁵. Однако времени для этого уже оставалось очень мало – лишь до февраля 1917 г., а вернее, до 7 марта того же года, когда приказом генерал-губернатора Куропаткина и сама туркестанская «охранка» со всеми ее розыскными пунктами Департамента полиции МВД, а равно все прочие жандармские учреждения в Средней Азии были ликвидированы.

Кстати, нелишним будет сказать, что о роли А.Н. Куропаткина в усмирении восстания «туземного» населения Туркестанского края в 1916 г. по-прежнему плетутся многие небылицы. Видимо, сказывается инерция советского времени, когда Куропаткина винили за поражение России в войне с Японией в 1904–1905 гг., хотя ни один историк-

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский... С. 59.

² См.: Кыргызстан – Россия: История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат-лов. Ч. 1... С. 183–188.

³ См., напр.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1187 – О причинах и последствиях мятежа местного населения в связи с отправкой его на тыловые работы; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1888 – О причинах и последствиях мятежа местного населения в связи с отправкой его на тыловые работы.

⁴ Кыргызстан – Россия: История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат-лов. Ч. 1... С. 207.

⁵ См., напр.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1922 – Донесение русского подданного Абдулла Каримоглы на жителя г. Кубы Аббаса Салтанова. Л. 1–2.

профессионал никогда не согласится с тем, чтобы в крупных, значимых и судьбоносных событиях были виноваты только персоналии, а не объективные обстоятельства, которые всегда сильнее людей, поскольку никак не зависят от их воли и сознания. Мы хотели бы отметить, что в событиях 1916 г. в Русском Туркестане личную роль туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина трудно переоценить. И, пожалуй, единственным безошибочным критерием, по которому следует судить о нем, является его поведение в трудные дни восстания и его политика умиротворения мятежных масс. Царизм вынужден был призвать в край 68-летнего генерала, который прекрасно знал особенности туркестанской жизни и где его тоже знали неплохо. Царскому правительству, как мы отмечали, было ясно, что никто не сможет справиться с возникшей проблемой лучше, чем он. И Куропаткин оправдал возложенные на него надежды. Мы не будем говорить о том, каким он был военачальником, для нас важно и несомненно другое – то, что Куропаткин был великолепным администратором, строгим, но справедливым и пользовался искренним уважением «туземцев», особенно в Закаспийской области, которой в свое время руководил. Любопытно, что, когда Куропаткин уже был военным министром, туркмены продолжали писать жалобы на его имя, а не его преемников в должности начальника области (Боголюбова, Субботича, Усаковско-го). И он, по возможности, помогал им. Мы здесь упоминаем об этом потому, что Куропаткин в 1916 г. сурово наказывал не только повстанцев, повинных в крови невинных жертв, но и русских офицеров и солдат, допуская преступные действия при усмирении мусульманских бунтарей. Документы свидетельствуют о том, что им были наказаны многие чины военной администрации Семиреченской области, повинные в жестоком обращении с людьми при подавлении мятежа¹. 16 октября 1916 г. Куропаткин писал исполнявшему должность семиреченского губернатора полковнику Алексееву: «Строгое наказание надлежит и тем главарям русских, которые из подлой трусости убивали беззащитных мирных жителей и грабили их, позоря русское имя»². Конечно, можно поверить в то, что «расправы над повстанцами выдавались за акты справедливого возмездия», но когда пишут, что «в этом особенно преуспели семиреченский губернатор Фольбаум и туркестанский генерал-губернатор Куропаткин»³, то это вызывает у нас сомнения. Причем именно по поводу Куропаткина, который сам позже писал следующее: «Озлобление русских поселенцев, понесших тяжелые жертвы или лично потерявших членов семей или видевших следы чрезвычайных жертв киргизского населения, очень велико. *Приходится принимать строгие меры, чтобы охранить безоружных киргиз, уже изъявивших покорность или даже не принимавших участия в восстании, появляющихся среди русских поселенцев*»⁴ (курсив наш. – П.Л.). И вряд ли 68-летний генерал, которого даже за рубежом звали «русским из русских», кривил в данном случае душой. К тому же возникает вопрос – за что же тогда его так уважали туркмены? Ведь истинное его лицо подтверждается многими документами. Думается, что после вышеприведенных нами слов Куропаткина утверждения политиков-националистов, историков, публицистов и иже с ними в государствах нынешней «Центральной Азии» о том, что Куропаткин «зверски» подавлял восстание и казнил только мусульман за их злодеяния против русских, могут быть расценены лишь как низкопробные и к тому же антиисторические фальсификации.

¹ См.: ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1189 – О служебных злоупотреблениях чинов администрации Семиреченской области, связанных с волнениями киргизов в 1916 году.

² ЦГА Кыр. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 46 – Всеподданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области за 1916 год. Л. 39.

³ История киргизов и Кыргызстана: Уч. пос. для вузов... (1996). С. 156.

⁴ Цит. по: Кыргызстан – Россия: История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат-лов. Ч. 1... С. 229.

Заметим, что мы говорим здесь о Куропаткине не ради него самого, а потому, что в период восстания 1916 г. именно в Куропаткине была персонифицирована вся система «военно-народного» управления Русским Туркестаном. И именно в его действиях выразилось всё присущее мятежному периоду напряжение, которое эта система могла и не выдержать. Вполне возможно, что административная модель МВД, обкатанная фактически по всей России, в Туркестане в суровое время восстания местных «туземцев» могла и не оправдать себя, как не оправдала в годы первой русской революции, продолжавшейся два с половиной года (с 9 января 1905 г. по 3 июня 1907 г.) и обнаружившей неспособность МВД как главного «полицейского» в Российской империи навести в стране хотя бы относительный порядок. Но «военно-административному» управлению Туркестанским краем потребовался фактически месяц, чтобы разгромить и умиротворить повстанцев (как минимум 5–7 млн чел.) в «коренных» областях края, и еще столько же, чтобы разогнать банды, озверевшие от массовой резни русских и поджогов их селений. А весь националистический и антирусский бунт был окончательно ликвидирован в 2–3 месяца.

По нашему глубокому убеждению, модель административного управления, работавшая в то время МВД, в Русском Туркестане не смогла бы подавить бунт даже за год. Почему? А потому, что нужен был опыт концентрации гражданских и военных сил в одном центре, навыки гибкого реагирования на все возникающие процессы и такого же регулирования ими. В советские времена утверждалось, что восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане было подавлено царизмом исключительно силой оружия. Безусловно, было бы нелепо отрицать силу и роль оружия, но ни одно крупное движение масс в истории не подавлялось только им одним. Можем ли мы, например, утверждать, что победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была одержана только благодаря силе нашего оружия? Можем, конечно, но это будет лишь часть исторической правды, так как победа была достигнута прежде всего потому, что на нашей стороне были объективные преимущества высочайшей концентрации всех материальных и людских ресурсов, могучая организующая сила партийного руководства, советский социалистический патриотизм, талант полководцев и военно-стратегические навыки Сталина.

Безусловно, одними военными силами и методами восстание 1916 г. подавить было нельзя. Куропаткин знал, что любое действие порождает противодействие. Он также знал, что «туземная» среда не едина в своем отношении к администрации и русским вообще. Более того, инородцы вообще ни в чем принципиально не были едины: сарты (оседлое население) издавна конфликтовали с кочевниками, таджики – с узбеками, кыргызы – с казахами (пример Кенесары Касымова может служить прекрасной тому иллюстрацией), туркмены-текинцы – с туркменами-иомудами и т. д. Восстание 1916 г. могло объединить всех «туземцев» Туркестанского края только одним порывом – борьбой с царизмом как «русской» властью.

Несомненно, Куропаткин сумел, насколько это было возможно, объединить усилия соперников – «военной» полиции и туркестанской «охранки» – для подавления восстания. Он подключил к ним разведку и контрразведку штаба Туркестанского военного округа, создав, таким образом, органически единую команду. Он нашел место органам Департамента полиции МВД в сложившихся непростых обстоятельствах мусульманского восстания 1916 г., и они действовали, как, впрочем, и все остальные, с полным напряжением сил. Архивные дела изобилуют документами Туркестанского районного охранного отделения и розыскных пунктов Департамента полиции МВД о ходе восстания 1916 г., фактически

бесперебойно направлявшиеся на имя генерал-губернатора Куропаткина¹. Таким образом, у нас есть все основания утверждать, что органы Департамента полиции МВД внесли существенную лепту в общую победу, то есть не только в усмирении националистического и антирусского мятежа мусульман региона, но и в подтверждение того, что система «военно-народного» управления Русским Туркестаном с честью преодолела максимально сложные обстоятельства восстания и вышла из горнила суровых испытаний второй половины 1916 г., пожалуй, даже окрепшей. Уже осенью 1916 г. в «коренных» областях всё вернулось на домятежное время – шла бойкая торговля на базарах, убирался урожай, работали магазины, лавки, функционировали в спокойном режиме мечети, медресе, мектебы и проч. Стабилизировалась обстановка и в «кочевых» областях. О недавнем прошлом напоминали только усиленные военные патрули в городах (особенно в так называемых их «туземных частях») и селениях. Казалось бы, на этом можно и закончить изложение материала по теме данного раздела монографии, но нам хотелось бы отметить еще один нюанс, относящийся к ней.

Осенью 1916 г. с целью расследования обстоятельств восстания 1916 г. в Туркестан выехала комиссия IV Государственной думы, образованная ее мусульманской фракцией, в состав которой вошли: К.М. Батыргареев, К. Тевкелев, У. Ходжаев, Ш. Мухамедьяров и М. Чокаев. Пригласили посетить Туркестан и А.Ф. Керенского, но не как видного «социалистического» депутата и оратора, а как знатока Туркестана. Наверное, только биографы Керенского знают, что его отец, Федор Михайлович Керенский, директор Симбирской гимназии, поставивший единственную четверку в аттестате Владимира Ульянова, вскоре после этого был назначен главным инспектором училищ Туркестанского края, по сути, «министром просвещения» в таком. Он мало зависел от местной военной администрации, имея свою вертикаль подчинения, но сотрудничал с ней, нередко, правда, проявляя характер (в архиве мы видели много документов, им написанных, почерк у него был крупный, округлый и вполне разборчивый). Таким образом, Саша Керенский провел свои гимназические годы в Ташкенте (1890–1899 гг.). Из этого следует, что он не только изъездил на своем любимом велосипеде весь Ташкент и его окрестности, но и неплохо изучил Туркестанский край во всех отношениях.

Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин поручил своей «военной» полиции и Туркестанскому районному охранному отделению обеспечить безопасность членов комиссии Государственной думы и не вмешивался в ее работу, получая всю интересующую его информацию от полиции и «охранки». Нас больше интересует то, к каким выводам пришла комиссия российского «парламента». В середине декабря 1916 г. на заседании Государственной думы по обсуждению запросов депутатов с докладом о восстании «туземцев» Туркестанского и Степного края выступил А.Ф. Керенский. В начале своей речи он обещал «разобраться в причинах этих ужасных трагических событий, установить виновника этого происшествия и попытаться найти те корни, которые вызвали события в Туркестане, и предотвратить их в будущем»². Однако он ни в чем таком не разобрался, не установил, не выявил и т. п. Вместо этого занялся юридической казуистикой, давая характеристику правовым актам власти, а не сути дела. Но нам понравилось в его речи то, что Керенский высказал в адрес МВД и Совета министров. По сути, он обвинял

¹ См., напр.: ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1471 – О панисламистском движении в Туркестанском крае и немецких агентах в Мерве, военном шпионаже и др.; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1472 – Месячные отчеты о панисламистском и пантюркистском движении; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1473 – О лицах, причастных к панисламистскому и пантюркистскому движению; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1923 – Записка о панисламистском движении в Семиреченской области; ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1924 – Агентурные записки о панисламистском движении и др.

² Цит. по: Кыргызстан – Россия: История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат-лов. Ч. 1... С. 217.

в нарушении порядка призыва «туземцев» Туркестана на тыловые работы не военные власти края, а МВД и председателя Совета министров¹.

И тут мы, очевидно, сталкиваемся с пресловутой парадигмой, суть которой заключается в том, что, как и во времена П.А. Столыпина, главой МВД и главой Совета министров был один и тот же человек. На тот момент им был Б.В. Штюрмер, царедворец, правда, менее даровитый, нежели его «двуликий» (по должностям) предшественник. Но что самое любопытное, Штюрмер буквально через три дня после опубликования царского указа о призыве «туземцев» Туркестана на тыловые работы, то есть 28 июня 1916 г., возглавил новое, весьма важное и ответственное учреждение – «Особое совещание министров для объединения всех мероприятий по снабжению армии, флота и организации тыла». И это фактически превратило его (по воле царицы и Григория Распутина) в «диктатора». Вот как всё занимательно сфокусировалось в тот самый момент, когда восстание 1916 г. в Туркестане уже готово было вспыхнуть. Понятно, что в новой для себя ипостаси Штюрмер должен был нажать на решение проблем тыла, в связи с чем он посчитал возможным, в нарушение всех установлений, отдать по телеграфу распоряжение военной администрации Русского Туркестана приступить к выполнению царского указа. Мы разъясняем это потому, что без данного комментария речь Керенского можно правильно и не понять. А это имеет самое непосредственное отношение к теме нашего исследования.

Порицая МВД и правительство в лице Штюрмера, Керенский выступал явно в духе предпринятого нами исследования, в частности, системы «военно-административного» управления Русским Туркестаном, так как в своем «списке» он фактически защищал ее, указывая, что «как ни скверны законы Российской империи, но в них есть известная логика и известный смысл и в отношении объявления или мер в отношении населения, управляемого в особом (читай: военно-административном. – *П.Л.*) порядке, имеющего... некоторые своеобразные условия быта на местах, и в отношении этого населения закон предусматривает некоторые особенности в исполнении приказаний и в управлении. Ст. 205 Общего положения учреждений министерских говорит, что в отношении мер, принимаемых для благоустройства общей пользы и казенного имущества в крае, вверенном управлению генерал-губернатора (туркестанского. – *П.Л.*), не предпринимаются эти меры, не предпринимаются иначе, как по предварительном истребовании соображений и заключений генерал-губернатора. *Посему, при принятии таковых мер в законодательном или административном предположении, относящимся на утверждение, необходимо излагается подробно мнение местной власти об этой новой мере. И эта 205 ст. также не была выполнена*»² (курсив наш. – *П.Л.*).

Можно сказать, что в этих словах Керенского звучал ответ на избитый десятилетиями вопрос о том, кто должен управлять Туркестанским краем – МВД или Военное министерство? И, судя по высказыванию будущего российского «министра-председателя», ответ на него был явно не в пользу МВД. В развернутом виде речь Керенского не содержала серьезной критики системы «военно-административного» управления Туркестанским краем, даже по поводу его иногда нелюбимых действий во время восстания 1916 г. в Средней Азии. Керенский понимал, что ни одна другая административная система не смогла бы спасти положение в Туркестане.

Следует заметить, что некоторые любят вырывать те или иные «цитаты» из контекста для того, чтобы подтвердить то, чего очень хочется. С данной речью Керенского происходило то же самое. Так, в одном из журналов она была опубликована с анонсом:

¹ См. прил. 7.

² Кыргызстан – Россия: История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат-лов. Ч. 1... С. 220.

«Такое управление недопустимо!»¹. Но, во-первых, Керенский не восклицал при произнесении в речи этой фразы, а во-вторых, он говорил, что «такое управление государством недопустимо» при недобросовестном исполнении министрами «Высочайшего повеления»². Но, в любом случае, это не имело прямого отношения именно к системе «военно-административного» управления Туркестаном. Вообще, А.Ф. Керенский очень трезво оценивал «военно-народное» управление Русским Туркестаном. Он говорил: «На Западе широко распространено мнение, что в своем стремлении русифицировать мусульманское население Россия уничтожила ранее сложившуюся цивилизацию Средней Азии. Я своими глазами наблюдал результаты русского правления в Туркестане и считаю, что они делают честь России. Успех зиждился на терпимости к местному образу жизни. Русские города росли и процветали бок о бок с местным населением. Наряду с сохранением традиционной системы мусульманского обучения открывались русские школы, которые были доступны всем. Местная судебная система, основанная на Коране, сосуществовала с открытым судебным разбирательством, принятым в России»³.

Любопытно, что после подавления восстания у большинства представителей военной администрации Русского Туркестана не возобладало чувство мести и ненависти к повстанцам, которые немало перебили русских, уничтожили их дома и имущество, насиловали, грабили и т. д. Думается, что они понимали, что часть правды была и на стороне «киргизов» (так тогда называли всех кочевников Семиречья). 4 января 1917 г. начальник штаба 6-го ополченческого корпуса признавал в рапорте туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину, что восстание «туземцев» было вызвано изъятием у них земель и несправедливостью царских властей. Он писал: «Киргизы, по-моему, народ... чуждый фанатизма и представляющий собой хороший материал для полного слияния во всех отношениях с русским государством»⁴. Кстати, сам Куропаткин в секретном «Всепопданнейшем отчете Туркестанского генерал-губернатора» от 22 февраля 1917 г., в котором он излагал свое мнение о ходе и смысле восстания 1916 г., был во многом честен и весьма объективен. Он признавал, что кочевники были лишены жизненно им необходимых земель во время «столыпинского» переселения, в связи с чем влачили жалкое существование, побудившее их к мятежу против несправедливой к ним власти. Он отмечал и то, о чем мы писали выше: «Киргизы недовольны самоуправством и поборами своих волостных управителей, недовольны и своим народным судом биев», и подтверждал, что восстание вбило клин в их былые отношения с русскими, вызвало акты мести со стороны последних по отношению к «киргизам», в связи с чем не советовал впредь селить вместе кочевников и переселенцев. Но в его отчете не было ни озлобленности, ни болезненной фобии по отношению к «туземцам»-повстанцам. Также Куропаткин предупреждал, что «с выступлением против нас Афганистана нельзя ручаться, что мусульманское население Бухары и даже всего Туркестана останется спокойным»⁵. Мы считаем, что это был последний такой отчет как в жизни самого Куропаткина, так и последнего русского царя, вряд ли успевшего его прочитать перед отречением от престола.

Следует заметить, что со стороны пострадавших русских жителей, потерявших в огне восстания своих родственников и близких, случаи мести «туземцам», конечно, имели место.

¹ См.: Такое управление недопустимо! // Исторический архив. 1997. № 2. С. 4–22.

² Кыргызстан – Россия История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат-лов. Ч. 1... С. 219.

³ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Воспоминания // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 123–124.

⁴ Восстание 1916 г. в Киргизстане: Док. и мат-лы, собранные Л.В. Лесной... С. 158.

⁵ См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 24 – Всепопданнейший отчет Туркестанского генерал-губернатора (секретно) от 22 февраля 1917 г. Л. 9 об.

Но они не носили массового, а тем более долговременного характера. Сами участники восстания 1916 г. некогда говорили нам об этом, причем как с той («туземной»), так и с другой (русской) стороны. Видимо, страсти гасило ощущение взаимной вины, а также то, что со временем приходило осознание того, что и русские переселенцы, и «туземцы» одинаково стали жертвами бездарной политики прогнившего, исторически обреченного царистского режима. Поэтому уже в годы гражданской войны и бывшие повстанцы, и русские вместе устанавливали Советскую власть в Туркестане, боролись под руководством большевистской власти со своими богачами и эксплуататорами. Но что самое любопытное, «туземцы» Туркестана, отказавшиеся в 1916 г. идти даже на безопасные для жизни тыловые работы, через 25 лет беспрекословно и патриотично шли на фронт защищать новую власть, причем очень многие делали это действительно добровольно. Например, среди знаменитых 28-ми гвардейцев-панфиловцев, отличившихся при обороне Москвы зимой 1941 г., были русские и кыргызы из селений Прииссыккулья, с родственниками которых нам доводилось встречаться. Таким образом, в восстании 1916 г., от его предыстории до подавления, всё зависело, в основном, от одного – отношения власти к народу. Не будь безрассудного столыпинского курса на изъятие земель у кочевников (а также отчасти и у оседлых «туземцев»), не было бы и, вне всякого сомнения, жестокого и беспощадного бунта против не только во многом виновного царизма, но и ни в чем не повинных русских «насельников» благодатного и некогда гостеприимного для них мусульманского Туркестана.

По поводу жестокости, якобы проявленной русскими при подавлении восстания 1916 г., существовало (и существует еще!) достаточно много инсинуаций в зарубежной историографии. Да, к сожалению, были проявления жестокости, но она была обоюдной, и авторитетные исследователи весьма объективно свидетельствуют об этом, причем уже в постсоветский период¹. Но что касается зарубежных авторов, они, рассуждая о «жестокостях» военной администрации Русского Туркестана при подавлении восстания 1916 г. как о «геноциде», как-то «забывают» о той ужасной резне, которую учинили младотурки армянам в 1915 г., вырезав около 2 млн человек, искалечив сотни тысяч людей, разогнав прочих в чужие края, в том числе в Россию, которая приняла беженцев не только как единоверцев-христиан, но более как мучеников. Во всей человеческой истории до 1915 г. злодеяний такого масштаба не было, и лишь в XX в. подобное имело место – тотальный геноцид евреев и славян во времена германского фашизма. Однако любопытно то, что в 1916 г. татарская газета «Вакт» (№ 2052, 22 июня), издававшаяся в Оренбурге, писала по поводу восстания шерифа Мекки против турецкого владычества, что «Турция неоднократно видела восстания арабов, албанцев, курдов, армян и болгар. Много раз она видела и подавляла такие восстания... *Очень возможно, что мера, принимаемая Турцией в настоящее время в отношении восставших арабов, будет такою же, какую она приняла в отношении восставших армян*»² (курсив наш. – П.Л.). Вот такой избирательной по отношению к мусульманству была позиция тогдашних младотатар: своим единоверцам, арабам-мусульманам, они желали той же судьбы, что и армянам-христианам.

Заметим, что число жертв среди «туземцев» в восстании 1916 г. составило, на наш взгляд, около 0,1 % от числа жертв кровавого безумия младотурецких военных, не считая беженцев. Понятно, что критики России писали и, несомненно, будут писать, причем не раз и не два, по проблеме восстания 1916 г., спекулируя на тех или иных издержках «военно-административного» режима в Русском Туркестане того периода.

¹ См. прил. 9.

² Цит. по: ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1911. Д. 74. Т. 3 – Панисламизм. Л. 89 об.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводам, которые некоторым покажутся парадоксальными. Мы признаем, что восстание «туземного» населения Русского Туркестана в 1916 г. имело общерегиональный характер, было масштабным народным движением, вовлекшим в себя значительные массы людей. Но мы не считаем, что оно было действительно глубоким социальным движением. Советская историография в лице ее наиболее интеллектуальных представителей, видимо, тоже осознавала это, придав восстанию «национально-освободительный», «антиэксплуататорский», «антицаристский» и т. п. характер. Однако если снять с восстания 1916 г. эти идеологические очертания, то что от него остается, если оно не имело ни четкой организации, ни ясной политической или иной программы, ни единой идеологии, поскольку ислам мог выступать в качестве таковой только сугубо фиктивно, учитывая существенное различие религиозного мировоззрения кочевого и оседлого населения. К тому же общерегиональность восстания носила больше очаговый характер, нежели всеобъемлющий. Известно, что во многих районах Туркестанского края «туземное» население воздержалось от участия в восстании или фактически быстро отошло от него, что было, кстати, характерно и для значительного числа представителей мусульманского духовенства края, осудивших мятеж точно так же, как это сделали их предшественники по отношению к ташкентскому бунту 1892 г. Таким образом, как социальное движение восстание 1916 г. в Туркестане уступало даже крестьянским войнам в России XVII–XVIII вв. – те по многим параметрам имели более очерченную историческую конфигурацию. Но оно напоминало их, на что нами указывалось во введении.

Восстание «туземцев» в 1916 г. напоминало во многом смерч, неожиданно появившийся, натворивший массу разрушений и столь же быстро растворившийся вдали. Безумие убийств и кровопролитий только подтверждает это. Поэтому нет никаких оснований возводить это восстание мусульман региона в ранг великих исторических событий, как это делали не только советские специалисты, но и зарубежные авторы, стремившиеся показать, что восстание выражало сильную протестную волю мусульманства против русского присутствия в Средней Азии и Казахстане. Такого же мнения придерживаются и националистически ангажированные историки из молодых независимых и суверенных государств так называемой «Центральной Азии». Но если такая воля была действительно, то почему же тогда коренное население через два-три года согласилось с присутствием российских большевиков в тех же регионах? А через два десятилетия его представители, отцы которых не хотели участвовать в безопасных тыловых работах, сознательно пошли на фронты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., где проявляли не меньшую, чем все иные, храбрость и отвагу. Что касается деятельности органов царской «охранки» в тот период, то они, безусловно, проделали серьезную работу по сбору необходимой информации перед началом восстания, однако, как военная администрация и полиция, не могли точно спрогнозировать ни дату начала восстания, ни где оно может быть наиболее опасным, ни то, в какие формы может вылиться, а равно и ничто иное. Они выглядели скорее наблюдателями или созерцателями процесса, а не его аналитиками. И в ходе восстания они тоже находились больше на вспомогательных ролях, нежели первенствующих. Впрочем, на наш взгляд, иначе и быть не могло, если учитывать их функциональные задачи и обязанности. Таким образом, будучи «вкраплениями» в систему «военно-административного» управления Туркестанским краем, органы Департамента полиции МВД так и остались таковыми, когда эта система боролась с «напастями» националистического и антирусского мусульманского мятежа 1916 г. в регионе.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вся вышеизложенная совокупность обстоятельств трагических событий 1916 г. в Русском Туркестане свидетельствует о том, что восстание коренного населения региона было следствием объективного общественно-исторического развития народов Средней Азии в начале XX в. Вместе с тем, признавая объективность процесса, мы не считаем, что этим можно ограничиться. Отнюдь. Задача историка заключается не столько в признании объективности того или иного события, сколько в раскрытии всего множества факторов, которые способствовали его появлению. Ф. Энгельс утверждал, что «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства». Многие объективные процессы, приведшие к возмущению коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г., были усилены субъективными факторами – бездумной политикой загнивающего российского царизма по отношению к «туземному» населению указанных регионов, сомнительными административными манипуляциями Столыпина в переселенческом вопросе, злоупотреблениями туркестанских властей – российских и «туземных», религиозными обстоятельствами и др.

Авторитетные кыргызстанские историки писали: «Восстание 1916 г., развернувшееся на обширной территории края, вскрыло серьезные революционные резервы среди угнетенных народов национальных окраин, в частности, Казахстана и Средней Азии, в том числе Киргизии. Восстание 1916 г. в Киргизии, как и во всей Средней Азии и Казахстане, явилось ярким проявлением назревавшего в России революционного кризиса. Несмотря на поражение, восстание содействовало революционизированию трудящихся края. Оно было составной частью того могучего революционного потока, в котором благодаря огромной организаторской и политической деятельности большевиков-ленинцев шел процесс соединения борьбы рабочего класса за социализм, крестьянской борьбы за землю, национально-освободительного движения угнетенных народов Российской империи и общенародного движения за мир»¹. Безусловно, в этой позиции присутствует «классовый» подход, который сегодня любят порицать, однако здесь всё верно. Указанные специалисты отмечали: «То обстоятельство, что восстание, несмотря на его широкий размах, потерпело поражение, объясняется прежде всего классовой неоднородностью повстанцев, его стихийностью, разрозненностью и неорганизованностью, недостаточной наступательностью... Оно не имело единого руководства и четкой программы действий»². По их мнению, «поражению восстания способствовали и предательство представителей феодальной знати, политическая отсталость и темнота киргизской дехканской бедноты»³, в ходе восстания «народ выступил против царского самодержавия, социального и национального угнетения, земельного грабежа, против произвола и насилия, чинимых царскими чиновниками, кулаками-мироодами и местными феодалами, а также против чуждой трудящимся разорительной мировой войны. Это определило характер восстания в целом по Средней Азии как национально-освободительного, антифеодального, антиколониального, антиимпериалистического, антивоенного»⁴. «Восстание было общенародным. В нем принимали участие самые широкие слои населения. Но его основную

¹ История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней: Т. 2... С. 347.

² Там же. С. 345.

³ Там же.

⁴ Там же.

движущую силу составляли рядовые скотоводы, земледельцы, бедняки и батраки, изнемогавшие под гнетом царских колонизаторов и местной феодальной знати, доведенные до пределов терпения. Следует признать, что «в движении принимали участие и некоторые представители местной феодальной знати, которые сумели пробраться к руководству восстанием и даже провозгласить себя ханами. Надеясь использовать движение в своих классовых интересах, они отравляли сознание масс лозунгами газавата, чтобы тем самым отвести от себя гнев рядовых участников выступления. Но только в отдельных волостях Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины им удалось направить выступления восставших по антирусскому руслу»¹. Однако, по мнению киргызстанских советских историков, это «не могло затмить общие классовые цели, ослабить социальную солидарность русского крестьянства и киргызского населения, изменить антивоенный, антиимпериалистический, национально-освободительный и антифеодальный характер восстания»². Они отмечали: «Интересы восставших и интересы примкнувших к ним временных попутчиков феодалов были в корне различны. Если массы простых людей протестовали против социального и колониального гнета, то некоторые манапы, наоборот, пытались использовать восстание в целях восстановления своих былых привилегий и укрепления власти над коренным трудовым населением. На ход восстания влиял и ряд специфических особенностей, порожденных сложившимися в Киргизии в конце XIX – начале XX в. историческими условиями. Сказывались господство патриархально-феодальных отношений, засилье пережитков родоплеменного быта, воздействие религии, крайняя малочисленность рабочих, особенно промышленных»³. И здесь всё тоже правильно. Даже в том, что советские историки Кыргызстана выводили за рамки своих выводов сведения о жертвах восстания 1916 г. с обеих противоборствующих сторон, был свой глубокий смысл – партийно-советская власть не хотела будоражить прошлое. Такой подход, конечно, можно критиковать с точки зрения профессиональной исторической науки, главной задачей которой является установление безупречной истины, но с политической – вряд ли.

В постсоветский период исследовательские акценты поменялись. Теперь киргызстанские историки считают, что народно-освободительное восстание 1916 г. сопровождалось и рядом кровавых межнациональных столкновений, от которых пострадала значительная часть переселенческого и коренного населения края⁴. Восстание 1916 г. оказалось трагическим не только из-за людских потерь, что, конечно, было наиболее ужасающим его результатом, но и по причине огромных материальных потерь, понесенных как государственными учреждениями, так и множеством частных лиц – русских и «туземных». Генерал А.Н. Куропаткин не зря считал подавление восстания 1916 г. «вторым завоеванием Средней Азии». Мусульманский деятель Ахмет-Заки Валиди Тоган подтверждал это, указывая, что при завоевании Средней Азии русские потеряли 3376 человек, тогда как в восстании 1916 г. – 3806⁵. Французская исследовательница Х.К. д'Анкосс пишет о том, что в ходе восстания 1916 г. в Туркестане было убито около 3 тыс. русских и разрушено 9 тыс. русских хозяйств⁶.

Таким образом, тема восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. против царизма за столетие с лишним пережила разные этапы исследования,

¹ История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней: Т. 2... С. 346.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См: прил. 9.

⁵ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 466.

⁶ Central Asia. A century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth... P. 212.

подходы к пониманию его сущности. Интерпретация событий восстания была тоже неоднозначной, однако во все периоды она не была лишена идеологизации и политизации. Следует отметить, что указанные события были восстановлены советской исторической наукой в значительной мере добросовестно и ответственно. Были изданы сборники документов и материалов о восстании 1916 г. в Туркестанском крае без существенных купюр. Это позволило ученым иметь достаточно объективное представление о нем. Естественно, что характеристика событий 1916 г. была классовая и идеологическая. Однако и «свободная» западная историография восстания была тоже ангажированной, к тому же лишенной серьезного архивно-документального обеспечения. По нашему убеждению, восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане относилось к числу тех народных движений, которые устремлены к лучшему будущему, избавлению от гнета и социальной несправедливости. Оно было жертвенным, как и все исторические аналогии, однако оптимистичным, поскольку наносило сильный удар по отжившим формам государственной жизни и открывало новые возможности более совершенного общественного развития.

К сожалению, освобождение от советского режима и коммунистической идеологии не привело к полному объективному и беспристрастному исследованию обстоятельств трагедии 1916 г. В поисках путей утверждения и упрочения собственной идентичности националистически ангажированные историки и политики государств так называемой «Центральной Азии» прибегают к инсинуациям относительно «российского колониализма» как главного условия трагедии 1916 г. Проблема восстания стала предметом политизации со стороны определенных общественных сил, добивающихся власти в странах региона. Прибегая к обвинениям современной России как преемницы Российской империи в драматических событиях 1916 г., они требуют от ее руководителей принесения извинений и выплаты компенсации за действия царизма.

Не снимая вины с российского самодержавия, мы полагаем, что драматические события восстания были во многом порождены эндогенными обстоятельствами развития коренных социумов – кочевого и оседлого в условиях трансформации экономических, социальных, культурных и прочих обстоятельств перехода к капиталистическим отношениям при сохранении множества пережитков феодального и патриархального общества. Сыграл свою роль и религиозный – исламский фактор, по существу, тоже эндогенный. Однако, в любом случае, тема восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г. должна изучаться и в дальнейшем, но не в ракурсе идеологизации и политизации, а в направлении расширения горизонтов научно-исследовательских изысканий, в том числе в части детализации обстоятельств трагического времени в отдельных местностях бывшего Туркестанского края. И тогда в общем выражении научная рефлексия над рассматриваемой темой приобретет действительно полноценный научный характер.

Содержание исследования позволяет утверждать, что автор обеспечил его достаточным объемом историографического материала как отечественного, так и зарубежного, относящегося к дореволюционному, советскому и современному периодам, дал ему посильную профессиональную оценку. К работе был привлечен обширный круг источников, большинство из которых составили опубликованные в разные времена в «центре» (Москва) и на местах – в республиках Средней Азии и Казахстане, ныне независимых и суверенных государствах. Вместе с тем использовались и личные архивные и иные материалы автора. Работа осуществлялась на базе тех методологических подходов и принципов, которые автор как приверженец диалектического воззрения на всемирно-исторический процесс считает единственно верными и максимально эффективными в процессе грамотного исторического исследования.

Представляется очевидным, что причины восстания коренного населения Средней Азии против царизма и русской диаспоры вызревали фактически изначально со времени

появления России в регионе. Ни один его народ не отнесся положительно к завоеванию своего жизненного пространства чужими людьми. Но туркестанцы показали способность терпеть власть завоевателя, если она окажется разумной и справедливой. Однако царская администрация в Туркестане не проявила таких качеств в должной мере, что не раз вызывало открытые выступления коренного населения против чуждой ему власти. Их подавление только усиливало процесс накопления негативного антивластного потенциала в сознании «туземных» жителей края. Вместе с тем народы Средней Азии интуитивно осознавали и оценивали положительный характер российского присутствия в местах своего традиционного обитания, в связи с чем в целом во временном измерении они, как правило, мирно и спокойно сотрудничали и с властью, и с российскими переселенцами в регионе. Однако противоречивые тенденции во взаимодействии туркестанской администрации с коренным социумом не только не снижались, но и, напротив, нарастали, так как царская власть в Средней Азии не смогла вовремя и адекватно на них реагировать, снимая напряженность морально-психологического климата в регионе. Поэтому в начале XX в. бунтарские настроения коренных жителей Туркестанского края постоянно усиливались, а в 1916 г. вылились во всеобщее восстание против царизма. В разных местах края его причины были тоже разными. В «коренных» областях они носили больше социально-экономический (имущественная дифференциация, пауперизация, властные злоупотребления и т. п.), а не значительный земельный и антирусский характер. В «кочевых» областях, особенно в Семиреченской, главной причиной бунта стал земельный вопрос, наиболее актуальный и животрепещущий для местных nomadов. Восстание приобрело антирусский характер, так как огромные пространства извечно кочевнической земли были произвольно (часто просто внаглую) изъяты в пользу российских переселенцев, которые поэтому не могли не стать врагами в глазах обозленных кочевников. Однако ясно одно: при разности причин восстания 1916 г. в Туркестанском крае повод к нему повсеместно был единственным – царский указ о призыве «туземных» жителей региона на тыловые работы.

Восстание коренного населения Средней Азии и Казахстана показало, что мотивация его участников была неоднозначной, то есть основанной не только на принципе «свой – чужой». Она представляла собой сложное хитросплетение традиций, морально-психологических установок, чувств, эмоций и т. п. Сводить ее только на уровень межконфессиональных отношений представляется ошибочным и бесплодным в научном отношении. Безусловно, религиозный фактор противостояния ислама и христианства сыграл в восстании свою роль, однако он не был ни определяющим, ни решающим. В таком качестве выступили простые жизненные отношения, прежде всего экономические. Иначе и быть не могло, так как условия человеческого существования являются основой его житейских идеалов и ориентаций. В областях Туркестанского края с преимущественным оседлым населением мотивация повстанцев была в большей мере связана с царским указом о призыве на тыловые работы и злоупотреблениями властей в связи с этим, так как они негативным образом отражались на хозяйственной жизни коренного населения. В областях с кочевым населением это обстоятельство действовало еще сильнее, поскольку вследствие безалаберной переселенческой политики царского правительства с изъятиями земель в пользу российских мигрантов экономическое состояние nomadов приближалось к трагическому. Кочевники не могли не восстать против несправедливости и именно потому обрекали российских переселенцев на смерть, что видели в них главных виновников своего бедственного положения. Их отсталое политическое сознание не позволяло им понять, что главным виновником их бед был царизм, а не русский человек.

Сущностное содержание повстанческого процесса в 1916 г. в Туркестанском крае зависело от региональной специфики. События в Самаркандской, Сырдарьинской, Ферганской

и Закаспийской областях свидетельствуют о том, что среди его причин земельный вопрос был далеко не самым главным. Поэтому антирусская направленность восстания не получила в них всеобщего размаха. Значительная часть недовольства повстанцев в Сырдарьинской области была обращена против тех чинов «туземной» администрации и народного суда, которые вызвали своими злоупотреблениями негодование народа. Это было особенно характерно для Ферганской области, где коренное население продемонстрировало возросший за время российского управления уровень «классового» сознания. В отличие от андижанского мятежа 1898 г., ферганские повстанцы 1916 г. направили острие своего гнева не столько против российской власти и русских жителей, сколько против своих должностных лиц «туземной» администрации и народного суда. Это свидетельствовало о том, что они уже понимали, кто является главным виновником их трудного положения и страданий. Думается, что А.Ф. Керенский, выступая с докладом 13 декабря 1916 г. на закрытом заседании IV Государственной думы о своей поездке по ее направлению в Туркестанский край, был прав, указывая, что восстание 1916 г. в Туркестанском крае «это была борьба между беднотой и богатым классом»¹. Повстанцы выступали против русской власти во многом потому, что она поддерживала богатых «туземцев» и должностных лиц местного самоуправления и суда. Кроме того, царские власти не смогли предупредить восстание посредством правильной разъяснительной работы среди коренного населения о призыве его представителей на тыловые работы. Там, где русская администрация смогла это сделать, «туземные» жители не приняли участия в восстании. Кроме того, за исключением некоторых городов, в целом его не поддержали горожане. Но даже там, где это произошло, бунты были не всеобщими и быстро подавлялись. Американский исследователь Э.Д. Сокол признавал, что в Ташкенте выступления городских «туземцев» были незначительными². Отрицательную роль сыграли карательные мероприятия царизма в Самаркандской, Сырдарьинской, Ферганской и Закаспийской областях, в которых пострадали многие люди, которые не принимали участия в мятежных событиях. Особенный характер восстание 1916 г. приобрело в Семиреченской области, где проживало большинство российского населения Туркестанского края. Главной причиной выступления коренных жителей здесь был земельный вопрос. Кочевое население было доведено до отчаяния произвольным изъятием их исконных территорий, которое приобрело особенный размах в «столыпинский» период. Многие хозяйства кочевников Семиречья были обречены на полуголодное существование. Начало мировой войны только усугубило их положение. К лету 1916 г. накопился значительный взрывной потенциал, для вспышки которого нужна была лишь одна искра, в качестве которой выступил царский указ о привлечении «туземных» жителей Туркестанского края к тыловым работам. Восстание вспыхнуло с большой силой, особенно в уездах с кыргызским населением. Оно быстро приняло антирусский характер, так как кочевники немало претерпели от негативного отношения к ним преимущественно «столыпинских» переселенцев, скопившихся в Пишпекском и Пржевальском уездах. Более всех пострадал последний, где в мятежном запале повстанцы разгромили почти все русские селения и убили несколько тысяч их жителей.

Понесенные жертвы нельзя оправдать. Вину за них должен исторически нести не кыргызский народ, а царизм, который своей бездумной политикой стравил между собой народы. Он мог бы натворить еще больше, если бы не революции 1917 г. в России, спасшие кочевников от возможности тотального мщения и наказания, а возможно, и открытого геноцида. Революция предоставила возможность кочевникам, бежавшим от царских карателей в пределы

¹ Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов. Т. 1... С. 178.

² Сокол Э.Д. Восстание 1916 в Русской Центральной Азии... С. 147.

Китайского Туркестана, вернуться к своим родным очагам. Опыт бегства показал, что цинские власти Поднебесной не проявили должного гуманизма и сочувствия как к самим беженцам, так и к их очевидному бедственному положению. Факты свидетельствуют о том, что во время восстания царские власти действовали оперативно, хотя и не всегда адекватно сложившимся обстоятельствам. Исследователь А. Кадырбаев совершенно справедливо отмечает, что «в событиях 1916 г. не было победителей, проиграли обе противоборствующие стороны, ибо насилие порождает только насилие»¹. Однако, на наш взгляд, опыт восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане оказался не только горьким, трагическим, печальным и т. п., но и поучительным как для восставших, так и для российских жителей этих регионов. Он научил их жить в мире и сотрудничестве друг с другом, что стало основой их бытия в советский и в современный периоды.

Восстание показало, что мусульманское духовенство в Туркестанском крае не могло не иметь отношения к восстанию коренного населения региона в 1916 г. Во-первых, оно всегда выступало его главным духовным наставником и было связано множеством незримых нитей с жизненным циклом многомиллионной массы верующих. Степень участия исламского «клира» в повстанческом процессе была разной. Особенно значимой она оказалась на уровне периферийных, сельских приходов. Кишлачные и аильные муллы, как правило, разделяли те настроения, которые овладевали массами. Поэтому сельское мусульманское духовенство растворялось в этом процессе, часто не претендуя на главенство в нем, но по тем или иным причинам нередко принимая на себя его бремя. Что касается городских мусульманских «священников», то их роль в восстании была более скромной. Вместе с тем, нельзя отрицать того обстоятельства, что многие представители мусульманского «клира» в Туркестанском крае дистанцировались от участия в восстании 1916 г., так как считали его обреченным на поражение и провоцирующим власти на более жестокие формы отношения к «туземному» населению. Во всяком случае, высшие представители исламского духовенства в Средней Азии разделяли принципы такого поведения. Во-вторых, у мусульманского духовенства Туркестанского края были специфические отношения с царскими властями в регионе. В отличие от своего «аналога» в мусульманских анклавах Российской империи, оно было свободно от муфтиятской (государственной) зависимости. Во всех областях Туркестанского края, кроме Семиреченской, население избирало нужное для себя число мулл, утверждения которых в должности русскими властями не требовалось. В Семиреченской области этот процесс находился под законным контролем местной администрации, что обостряло отношения мусульманского духовенства с властями, подвигало его к участию в антиправительственных акциях. Таким образом, мусульманское духовенство являлось значимым субъектом восстания коренного населения Туркестанского края в 1916 г.

Среди серьезных факторов, приведших к этому событию, были злоупотребления царской администрации всех уровней – от правительственных чиновников до сельских старшин, послужившие катализатором роста антивластных настроений туркестанского коренного социума и во многом обусловившие участие его представителей в восстании 1916 г. против царизма и русских жителей Средней Азии. Вместе с тем, мы не считаем все злоупотребления власти главным побудительным мотивом к открытому выступлению коренного населения региона. К подобному ее поведению оно привыкло еще с ханских времен. А пороки установившихся царских порядков в Туркестанском крае «туземные» жители считали обыденным явлением и неизбежной данностью жизни. Поэтому в основном они терпеливо их сносили. По нашему убеждению, в восстании 1916 г. главную роль сыграли злоупотребления властей при составлении списков мардикёров – махинации с определением их возраста,

¹ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном... С. 345.

имущественными возможностями, родовой принадлежностью и т. п. Поскольку русские власти передали обязанность составления списков призывников на тыловые работы должностным лицам «туземной» администрации, то именно многие ее представители корыстно манипулировали при формировании таких документов, а потому более всех из властной когорты пострадали от ненависти повстанцев, причем даже в наиболее косных и религиозно фанатичных мусульманских местах Туркестанского края. Вместе с тем, порочная практика пристрастного составления списков тыловых рабочих заразила не всех представителей «туземной» администрации – во многих местах они сотрудничали с повстанцами и выступали с антирусскими прокламациями. Было немало и тех должностных лиц местного самоуправления, которые, опасаясь возмездия со стороны жителей, действовали честно и справедливо, но не примыкали к повстанческому движению. Но в целом властные злоупотребления стали существенным катализатором восстания 1916 г.

Содержание исследования позволяет прийти к выводу о том, что наиболее образованная и политически зрелая часть мусульманского социума Средней Азии, как кочевого, так и оседлого, отнеслась негативно к вооруженному восстанию коренного населения региона в 1916 г. против царской власти и русского населения. Однако мы не склонны относить такое ее поведение к «банальному» (в интерпретации советской историографии) классовому сотрудничеству с царскими властями Туркестана, реализации своекорыстных интересов, боязни властных репрессий и т. п. «Кочевая» и «оседлая» интеллигенция, наиболее здравомыслящие представители родоплеменной верхушки и богатых сартов прекрасно понимали, что восстание простого народа против еще сильного противника – царизма обречено. Вместе с тем, некоторые из них примыкали к повстанцам, движимые сочувствием к их нуждам и бедам, повинувшись своему традиционному ролевому статусу в людских сообществах, что более всего свойственно было для кочевого мира Средней Азии. Что касается роли джадидов в событиях 1916 г. в регионе, у нас нет никаких оснований считать ее определяющей и социально значимой. Джадиды представляли собой малочисленную группу местного мусульманства, и их влияние на региональные процессы было слабым. Но они достойны упоминания потому, что являли собой наиболее прогрессивную часть исламского социума Туркестана, пробуждавшегося от многовековой политической спячки. Однако джадидское движение не было единым и целостным в партийном и идейном отношении, оно колебалось между программами российских партий и идеологическими установками турецких «прогрессистов». Неудивительно, что после российских революций 1917 г. они разделились на сторонников республиканской России и приверженцев младотурецкого движения в Османской империи.

Известный историк революции 1905–1907 гг. в Русском Туркестане А.В. Пясковский выступал против преувеличения роли влияния зарубежной агентуры в событиях 1916 г. в Средней Азии и Казахстане¹. Но мы бы с ним в этом не согласились, тем более что он сам не избежал, мягко говоря, известных преувеличений в части «революционного» настроения мусульманского населения Средней Азии в революции 1905–1907 гг.²³. Но не это главное. Возражая А.В. Пясковскому, факты о значительной степени участия зарубежной агентуры – турецкой, германской, афганской и др. – в событиях 1916 г. в Туркестане приводили Х.Т. Турсунов, А.Г. Зима, О.К. Кулиев, Т.Н. Колесникова и др.³. Их правота подтверждается

¹ См.: Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 373.

^{2 3} См.: Пясковский А.В. Революция 1905–1907 гг. в Туркестане...

³ См.: Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период... С. 300–301, 317, 327, 345 и др.

документально. 12 марта 1916 г. известный мусульманский деятель Магометбек Хаджетлаше, завербованный в свое время самим Столыпиным, дававшим ему деньги на издание журнала «Мусульманин», сообщил в МВД, что «повсюду, в особенности в Бухаре и Хиве и на афганской границе, немецкие агенты свили себе прочное гнездо и умело руководят пропагандой... Сотни энергичных, смелых и опытных германских агентов, обильно снабженные золотом, под видом дервишей и бродяг снуют по Востоку, пропагандируя величие и могущество Германии». И далее он пророчески писал: «*Особенно серьезное внимание русское правительство должно обратить на народы Средней Азии, Туркестана, Ферганы, откуда и нужно ожидать начала грандиозных событий*»¹ (курсив наш. – *П.Л.*). Мы не зря выделили приведенные слова Хаджетлаше – можно сказать, что он как в воду глядел насчет скорого восстания местного мусульманского населения Туркестана в том же году. О тесном союзе турецкой и германской агентуры в деле подготовки восстания писал английский консул-резидент в Восточном (Китайском) Туркестане П.Т. Эссертона. Он отмечал, что «перед восстанием мусульман в 1916 г. вражеские – германские и турецкие агенты буквально кишели в Туркестанском крае»². Сведения Эссертона подтверждаются архивными данными. Германские агенты освоили Афганистан, где работала группа Нидермайера. Вскоре немецкие шпионы утвердились и в Китайском Туркестане. Всей деятельностью немецкой агентуры в Средней и Центральной Азии руководил из Берлина полковник фон Хафтен. По его приказу немецкий шпион фон Хентиг прибыл в Кашгар, где создал диверсионную группу из местных (уйгуров, узбеков, казахов и др.), прельстившихся немецким золотом. Документы свидетельствуют о том, что в Кашгарии немцы работали в тесном сотрудничестве с китайскими властями и «именно из Синьцзяна (Кашгарии. – *П.Л.*) распространялись прокламации, гласившие о слабости России и непобедимости Германии»³. Таким образом, Туркестанскому районному охранному отделению, занимавшемуся также и контрразведывательной деятельностью, противостояли весьма серьезные и опытные зарубежные спецслужбы. Американский исследователь восстания 1916 г. Е.Д. Сокол даже специально уделял внимание роли Туркестанского районного охранного отделения в борьбе с германо-турецкой агентурой в Русской Средней Азии в канун мусульманского мятежа и приводил примеры агентурных донесений в Туркестанское районное охранное отделение по этому поводу, почерпнутые, естественно, из соответствующей литературы, а не из архивов⁴.

Восстание 1916 г. явилось временем проверки на прочность сложившихся межцивилизационных контактов между коренным населением Туркестана и пришлым, российским. Не во всех местах региона они оказались устойчивыми к сложностям трагического периода. Однако в целом судить о межцивилизационном взаимодействии народов Средней Азии с российскими переселенцами всех типов (административными служащими, военными, интеллигентами, мещанами, крестьянами и др.) только на основании примеров восстания было бы ошибочным. Проблема требует более высокого уровня профессионального анализа, а именно – в ракурсе значения присоединения Средней Азии к России как части мировых отношений Запада и Востока. Через эту призму события восстания 1916 г. предстают в более конкретном и выразительном смысле. Исследователь Н.И. Балашев одним из первых советских историков писал о том, что «с появлением в крае (Туркестанском. – *П.Л.*)

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 471 – Пропаганда панисламизма и пантюркизма в России. Л. 239.

² *Etherton P.T. In the Heart of Asia. London, 1925. P. 225.*

³ ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 15 – К вопросу о подрывной деятельности немцев в Синьцзяне и Средней Азии. Л. 7.

⁴ *Sokol E.D. The revolt of 1916 in Russian Central Asia... P. 75.*

русских жизнь здесь значительно изменилась: появились железные дороги, возникли новые отрасли промышленности, которых здесь раньше не существовало, оживилась торговля. А главное, через посредство русских в Туркестан стала проникать западноевропейская культура и коренное население стало мало-помалу знакомиться с европейской наукой, литературой, техникой, с европейскими государственными и общественными учреждениями и т. п.»¹. Кыргызские советские историки писали о том, что «появление на территории Киргизии значительной массы русских и украинских крестьян, носителей старой и неизмеримо более развитой, чем у кочевников, земледельческой культуры дало большие положительные результаты. Рядом с зимними стойбищами киргизов выросли крестьянские поселения с более высоким уровнем вполне оседлого домашнего и хозяйственного быта. Такое соседство, способствуя переходу киргизов на оседлость, не могло не внести многих перемен в хозяйственную жизнь края. Оно сыграло важную историческую роль в приобщении отсталых масс киргизского населения к передовой культуре русского народа»². В постсоветский период взгляды честных и неангажированных историков в этом отношении изменились незначительно. Так, например, видный кыргызстанский историк О. Дж. Осмонов пишет о том, что, «войдя в подданство Российской империи, кыргызский народ через посредство русского и других народов, подвластных России, получил возможность приобщиться и к европейским передовым достижениям культуры. На новом уровне стала развиваться национальная письменность Кыргызстана. Несмотря на известный шовинистический настрой колониальных властей, начала проводиться реформа образования и здравоохранения. Получила развитие сеть светских и религиозных учебных заведений и культурно-просветительных учреждений. Начали издаваться учебники и первые научные труды, художественные произведения на кыргызском языке»³. Современный среднеазиатский исследователь С. Г. Курбанов пишет о том, что «присоединение Средней Азии... к России сыграло прогрессивную роль. В Средней Азии прекратились междоусобные феодалные войны, работоторговля. Интенсивнее стала развиваться ее культура. Начали крепнуть капиталистические отношения. Здесь строились заводы, фабрики, железные дороги, телеграф и типографии; открылись театры, музеи, выставки, библиотеки, медицинские учреждения; в Ташкенте появились газетные издательства, школы европейского образца, учительская семинария, русско-туземные школы. В Среднюю Азию стали проникать прогрессивная культура и общественно-политическая мысль русского народа»⁴. В целом, есть основания утверждать о том, что на общем фоне межцивилизационного взаимодействия между коренным населением Туркестана и пришельцами восстание 1916 г. представляется важным, но не единственным эпизодом в его сугубо жизненной рефлексии.

Трагические события 1916 г. в Туркестанском крае обнаружили серьезные недостатки в предшествующей деятельности Русской православной церкви в регионе. В течение длительного времени она окормляла преобладающую часть христианского населения Туркестанского края. Как и повсеместно в Российской империи, ее учреждения выступали в качестве прислужников царского режима в регионе. Вместе с тем, надо отделять зерна от плевел и признать, что как *общественно-исторический институт* Русская православная церковь сыграла свою позитивную роль в жизни народов Средней Азии. Она формально объединяла

¹ Балашев Н.И. Туркестан. Ташкент, 1920. С. 21.

² Абрамзон С.М., Антипина К.И. и др. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. Колхоз имени К.Е. Ворошилова («Ала-Тоо»)... С. 17.

³ Осмонов О. Дж. История Кыргызстана (С древнейших времен до наших дней)... С. 341.

⁴ Курбанов С.Г. Жизнь среднеазиатского просветителя Ахмада Дониша и его отношение к России... С. 44.

сотни тысяч верующих, учила их фундаментальным заповедям христианской веры, терпимо относилась к региональному мусульманству, пыталась оказывать ему возможную помощь и т. д. И, конечно, следует напомнить, что не все служители Церкви оказались на должной высоте межцивилизационного сотрудничества народов Туркестанского края. Они не смогли привить многим из церковных пасомых чувства истинно христианского православного отношения к мусульманскому населению, особенно кочевому. Некоторые православные обители Туркестанской епархии смогли их продемонстрировать, однако, например, братия Иссык-Кульского монастыря своим отношением к местнымномадам-кыргызам во многом предопределила ту жестокою судьбу, которая постигла ее и обитель в трагическое время восстания 1916 г. Повстанцы не уничтожали целенаправленно и осознанно православные храмы в селениях Прииссыккуля – они сгорели в общих пожарищах. Поэтому нет оснований считать, что в целом восстание носило религиозный – антихристианский характер, тем более что во всех областях Туркестанского края, кроме Семиреченской, ни одна из православных церквей не пострадала. Вместе с тем, восстание коренного населения Средней Азии в 1916 г. против царизма было, пожалуй, крупнейшим актом межконфессионального столкновения в регионе за всю его историю.

На наш взгляд, современные деятели Русской православной церкви весьма поверхностно усвоили уроки дореволюционного опыта взаимоотношения Церкви с государственной властью. Российский исследователь А.М. Верховский пишет о том, что Русская православная церковь имеет повышенные амбиции на роль и место в религиозной жизни России. С этим смирились буддизм и иудаизм, но ислам, имеющий в современной России до 20 млн приверженцев, не согласен с ними. По мнению историка, если бы амбиции иерархов современной Русской православной церкви были меньше, а их притязания и претензии скромнее, то полный религиозный мир и общеконфессиональное согласие в Российской Федерации были бы достигнуты уже сегодня¹. И уроки истории Церкви в дореволюционном Русском Туркестане тоже усвоены ею не в полной мере. Таджикистанский историк В.В. Дубовицкий пишет о том, что в «Центральной Азии» сегодня «некоторый подъем религиозности у православных христиан региона, тем не менее, не привел к изменению роли Русской православной церкви и приобретению ею роли духовного лидера диаспоры. Она продолжает занимать *пассивные позиции* в борьбе за духовность паствы и воцерковление российских соотечественников. *Как результат, не только растет уровень аккультурации в форме вестернизированного полукультурия, но и отпадение части православной паствы в инославные христианские конфессии и тоталитарные секты*»² (курсив наш. – П.Л.). Мы считаем это явление позитивным – чем меньше Церковь будет влиять на жизнь русскоязычного населения стран Средней Азии и Казахстана, тем оно будет здоровее в духовном отношении и свободнее в выборе своего места в сложившихся социумах современных государств указанных регионов.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводам, которые некоторым покажутся парадоксальными. Мы признаем, что восстание местного населения Русского Туркестана в 1916 г. имело общерегиональный характер, было масштабным народным движением, вовлекшим в себя значительные массы людей. Но мы не считаем, что оно было действительно глубоким социальным движением. Советская историография, видимо, тоже осоз-

¹ См.: Верховский А.М. Публичные отношения православных и мусульманских организаций на федеральном уровне... С. 139.

² Дубовицкий В.В. Национальная идентичность русской диаспоры в Средней Азии: исторический опыт сохранения // Востокведческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сб. мат-лов. Ташкент, 2008. С. 177–178.

навала это, придав восстанию «национально-освободительный», «антиэксплуататорский», «антицаристский» и т. п. характер. Однако если снять с восстания 1916 г. эти идеологические очертания, то что от него остается при том, что оно не имело ни четкой организации, ни ясной политической или иной программы, ни единой идеологии, поскольку ислам мог выступать в качестве таковой только сугубо фиктивно, если учесть то существенное различие, которое объективно характеризовало религиозное мировоззрение кочевого и оседлого населения. К тому же общерегиональность восстания носила больше очаговый характер, нежели всеобъемлющий. Мы знаем, что во многих районах Туркестанского края местное население воздержалось от участия в восстании или фактически быстро отошло от него, что было, кстати, характерно и для значительного числа представителей мусульманского духовенства края, осудивших мятеж точно так же, как это сделали их предшественники по отношению к ташкентскому бунту 1892 г. Таким образом, как социальное движение восстание 1916 г. в Туркестане уступало даже крестьянским войнам в России XVII–XVIII вв. – те по многим параметрам имели более очерченную историческую конфигурацию. Но оно напоминало их, на что нами указывалось во введении.

Что касается деятельности органов царской «охранки», то они, безусловно, проделали серьезную работу по сбору необходимой информации перед началом восстания, однако учреждения Департамента полиции МВД в Русском Туркестане так же, как военная администрация и полиция, не могли точно спрогнозировать ни дату начала восстания, ни то, где оно может быть наиболее опасным, ни то, в какие формы может вылиться, а равно и ничто иное. Они выглядели скорее наблюдателями или созерцателями процесса, а не его глубокими профессиональными аналитиками. И в ходе восстания они тоже находились, в основном, на вспомогательных ролях, нежели первенствующих. Впрочем, на наш взгляд, иначе и быть не могло, если учитывать их функциональные задачи и обязанности. Таким образом, будучи вкраплениями в систему «военно-административного» управления Туркестанским краем, органы Туркестанского районного охранного отделения так и остались на подхвате, когда эта система боролась с мятежом 1916 г. в регионе. Можно с уверенностью утверждать, что если бы в это время в Средней Азии органов Департамента полиции МВД не было, то «военно-административный» режим вполне мог бы справиться с национально-освободительным движением и без их участия. Но они были, и поэтому следует считаться с этим фактом. И не только считаться, но и исследовать его всесторонне, ответственно и профессионально.

Безусловно, восстание в 1916 г. напоминало во многом смерч, неожиданно появившийся, натворивший массу разрушений и столь же быстро растворившийся вдали. Безумие убийств и кровопролития только подтверждают это. Поэтому нет никаких оснований возводить это восстание мусульман региона в ранг великих исторических событий – например, революций, как это делают не только некоторые специалисты, но и зарубежные компиляторы, стремящиеся доказать, что восстание выражало сильную протестную волю мусульманства против русского присутствия в Средней Азии и Казахстане. Такого же мнения придерживаются и националистически ангажированные историки из молодых независимых и суверенных государств так называемой «Центральной Азии». Но если такая воля действительно была, то почему тогда через два-три года коренное население согласилось с присутствием российских большевиков в тех же регионах, а через два десятилетия его представители, отцы которых не хотели участвовать в безопасных тыловых работах, сознательно шли на фронты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., где проявляли не меньшую, чем все иные, храбрость и отвагу?! И данные факты подтверждают мысль о том, что система «военно-административного» управления Русским Туркестаном

могла бы и не справиться с восстанием 1916 г., если бы оно было действительно глубоким во всех отношениях социальным движением.

Восстание 1916 г. в Туркестанском крае, казалось бы, должно было многому научить российские власти, сменившие царский режим. Однако, к сожалению, этого не случилось. Узбекский историк И. Саидов справедливо отмечает, что «Временное правительство и его Туркестанский комитет не разрешили ни одного коренного вопроса революции. По существу, и в национальной, и социально-экономической сферах продолжала проводиться прежняя политика царского самодержавия»¹. Он указывает, что «Временное правительство не имело четкой программы разрешения земельного вопроса. Оно обещало, что аграрный вопрос будет решен предстоящим Учредительным собранием... Надо сказать, что подобный подход был довольно разумным. Он предупреждал опасный разгул страстей, разжигание классового противостояния на селе»². На наш взгляд, это весьма поверхностное мнение, так как именно отказ Временного правительства решать аграрный вопрос как раз и породил «опасный разгул страстей» и «классовое противостояние» на селе, что не могло не закончиться новой революцией, если для двух предыдущих он был главным. Что же касается «довольно разумного» в аграрной политике Временного правительства, то, по сути, новая власть пилила сук, на который вознесла ее Февральская революция. Ведь реши Временное правительство хоть отчасти аграрный вопрос, Октябрьской революции бы не было. И только октябрьский переворот решил его достаточно категорично и определенно, что обусловило переход на сторону Советской власти большинства коренного населения Средней Азии и Казахстана.

Выдающийся российский востоковед профессор Н. Веселовский писал еще в позапрошлом веке: «Нам нет надобности оправдываться перед кем-либо в наших действиях в Средней Азии, и оправдываться мы ни в коем случае не будем, но всегда можем с гордостью указать на то, что происходило в Средней Азии до нас и что стало теперь»³. Эти слова и сегодня звучат актуально. Оправдываться за действия царского правительства во время подавления восстания 1916 г. так же неразумно, как и каяться в них. Глупо требовать оправданий и покаяния и от тех, кто в то время жестоко уничтожал русских людей. Но это вовсе не значит, что мы следуем гётевскому Мефистофелю, утверждавшему: «Прошло и не было – одно и то же». Надо добросовестно, ответственно, нравственно и честно изучать события восстания 1916 г. для того, чтобы сегодня разное по этническому и конфессиональному составу население стран «Центральной Азии» никогда более не оказалось в подобных трагических условиях. Нельзя не отметить и то, что русскоязычное христианское и иное население современных стран «Центральной Азии» не принимало в них участия и не подвергалось нападениям и хуле со стороны противоборствующих сторон. Думается, что его роль как миротворческой скрепы в среднеазиатских коренных социумах будет в будущем только укрепляться.

Итак, напрашивается только один главный вывод: трагедия 1916 г. никогда не должна повториться в таком прекрасном регионе, как нынешняя Средняя Азия. И в этом уже проявилась сила ее исторического оптимизма в советские времена «интернационализма». Мы убеждены в том, что и в будущем такой оптимизм будет только нарастать.

¹ Саидов И. Политическое противоборство в Туркестане по решению земельного вопроса и структурному обновлению аграрной политики после падения царского режима // Россия – Узбекистан: история и современность. Ч. VI. М., 2009. С. 84.

² Там же. С. 87.

³ Веселовский Н. Новые материалы по истории Кокандского ханства. СПб., б. г. С. 195.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Законодательные источники, нормативно-правовые акты и официальные документы

1. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской областью. 6 августа 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42372.
2. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время. 13 июля 1889 г. // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6198.
3. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О дополнении правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли. 8 ноября 1893 г. // ПСЗРИ-3. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1897. № 10033.
4. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О распространении на лиц, водворенных на казенных землях на основании узаконений 10 июля 1881 г., 17 февраля 1884 г., действия Правил 13 июля 1889 г. о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли. 28 ноября 1894 г. // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 11065.
5. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении Политического Агентства в Бухаре. 12 ноября 1885 г. // ПСЗРИ-3. Т. 5. Отд. 1. СПб., 1887. № 3274.
6. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814.
7. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета, объявленное Сенату Святейшим Синодом – О штатах Епархиального управления в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 4 мая 1871 г. // ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 1. СПб., 1874. № 49558.
8. Высочайше утвержденное Мнение Департамента государственной экономии Государственного совета – О расходе на содержание причта в сел. Чалдовар. 9 ноября 1891 г. // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 8050.
9. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О преобразовании Ташкентской приготовительной школы в кадетский корпус. 25 апреля 1904 г. // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24434.
10. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об учреждении Семиреченского Казачьего Войска. 13 июля 1867 г. // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44845.
11. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Временное Положение об управлении в областях: Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. 21 октября 1868 г. // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873. № 46380.
12. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об укреплении начал веротерпимости. 17 апреля 1905 г. // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26126.
13. Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 г. // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 350.
14. Высочайше утвержденное Положение об управлении Алатавским округом. 25 декабря 1862 г. // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39088.

15. Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 г. // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6576.
16. Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 г. // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574.
17. Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814.
18. Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета – Об увеличении русского населения в Семиреченском и Заилийском крае Западной Сибири. 25 марта 1857 г. // ПСЗРИ-2. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. № 31649.
19. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О прекращении работ Особого Вневедомственного Совещания по составлению нового Положения об управлении Туркестанским краем. 24 марта 1909 г. // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31643.
20. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства внутренних дел. 30 июля 1907 г. // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29439.
21. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об учреждении военно-полевых судов. 19 августа 1906 г. // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28252.
22. Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года Положение о военном управлении в областях Туркестанского Военного Округа // Именной, объявленный в приказе Военного Министра 14-го того же июля «Об учреждении Туркестанского Военного Округа». 13 июля 1867 г. // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44844.
23. Высочайше утвержденные Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую. 10 июня 1903 г. // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23126.
24. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – О дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем. 19 декабря 1910 г. // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34501.
25. Высочайшее Повеление, объявленное Военным министром – О наименовании Ташкентского кадетского корпуса «Ташкентским Наследника Цесаревича кадетским корпусом». 20 августа 1904 г. // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25051.
26. Высочайшее Повеление, объявленное Военным министром – О переселении в Закаспийскую область, на реку Кушку, 218 семей русских земледельцев. 5 мая 1892 г. // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8590.
27. Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – О переселении русских земледельцев в Закаспийскую область. 26 декабря 1892 г. // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 9200.
28. Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – Об образовании русских рыбацких поселений на берегах Каспийского моря и предоставлении поселенцам льгот. 26 марта 1893 г. // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9455.
29. Именной, Высочайший указ, данный Сенату – О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка. 12 декабря 1904 г. // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907.
30. Именной, Высочайший указ, данный Сенату – О разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их

- высшего гражданского управления. 26 декабря 1897 г. // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14818.
31. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – Об укреплении начал веротерпимости. 17 апреля 1905 г. // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26125.
 32. Именной, данный Сенату – О присоединении к Империи, занятой Нашими войсками территории туркменов Текинского рода и образовании из нея и земель Закаспийского военного отдела области Закаспийской с включением оной в состав Кавказского Военного Округа. 6 мая 1881 г. // ПСЗРИ-3. Т. 1. Отд. 1. СПб., 1885. № 142.
 33. Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству – Временное Положение об управлении в Закаспийском Отделе. 9 марта 1874 г. // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53233.
 34. Именной, объявленный Сенату Военным Министром – Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792.
 35. Особый журнал Совета министров от 17 февраля 1915 года – По представлению Главного управления землеустройства и земледелия от 11 февраля 1915 года об отпуске в 1915 году 369 500 рублей на работы по землеустройству Семиреченского казачьего войска // Особые журналы Совета министров Российской империи (1909–1917 гг.). 1915 год. М., 2008.
 36. Особый журнал Совета министров от 25 ноября 1909 г. – По Всеподданнейшему прошению жителей Хакентской волости о возвращении им конфискованных у них в 1899 году земель // Особые журналы Совета министров Российской империи (1909–1917 гг.). 1909 год. М., 2000.
 37. Особый журнал Совета министров от 25 ноября 1909 г. – По представлению Военного министерства от 26 октября 1909 г. за № 69080 (по Главному штабу) о введении в селении Таш-Тюбе, Семиреченской области, управления по закону об оседлых поселениях // Особые журналы Совета министров Российской империи (1909–1917 гг.). 1909 год. М., 2000.
 38. Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. СПб., 1867.
 39. ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34440 и 34441.
 40. Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. Т. 11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857.
 41. Степное положение: с объяснениями по официальным источникам. 25 марта 1891 г. / Изд. земского отдела МВД. СПб., 1891 // URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003630126#?page=7>.

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) (г. Москва)

42. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО (Департамент полиции МВД. Особый отдел). 1911. Д. 74. Т. 3 – Панисламизм.
43. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1913. Д. 20. Ч. 84 «б».
44. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84 – Сводная записка заведующего Асхабадским розыскным пунктом о положении в Закаспийской области с 1 ноября 1915 г. по 1 января 1916 г.
45. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84 – Туркестанское генерал-губернаторство. Донесения начальника Туркестанского районного Охранного отделения и заведующих розыскными пунктами в гг. Асхабаде и Верном.

**Российский государственный исторический архив (РГИА)
(г. С-Петербург)**

46. РГИА. Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 22. Д. 221 – Отчеты и рапорты командующего войсками Туркестанского военного округа и военного прокурора о расследовании причин восстания местного населения Ферганы.
47. РГИА, Ф. 565 (Департамент государственного казначейства). Оп. 1. Д. 3193 – По расследованию обстоятельств восстания туземцев в Ферганской области в 1898 г.
48. РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084 – Дело об устройстве Судебной части в Туркестанском крае и Степных областях.
49. РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Святейшего Синода). Оп. 1. Д. 2183 – Отчет о состоянии Туркестанской епархии в 1906 г.
50. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2767 – Отчет о состоянии Туркестанской епархии в 1916 г.
51. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 502 – Отчет Туркестанского епископа Софония о положении в епархии в 1872 г.
52. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1754 – Отчет о состоянии Туркестанской епархии в 1898 г.
53. РГИА. Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел). Оп. 8. Д. 612 – Об устройстве духовных дел магометан Туркестанского края.
54. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 469 – Пропаганда панисламизма и пантюркизма.
55. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 470 – О панисламистской пропаганде.
56. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 471 – Пропаганда панисламизма и пантюркизма в России.
57. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 525 – Дело о магометанских конгрессах и съездах.
58. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576 – Переписка о созыве в 1914 году Особого Совещания по мусульманским делам.
59. РГИА. Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 11. Д. 89 – О беспорядках, вызванных призывом инородцев на работы.
60. РГИА. Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 3. Д. 299 – Отчет губернатора Самаркандской области за 1898 г.
61. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 320 – Отчет губернатора Ферганской области за 1898 г.
62. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 545 – Отчет Ферганского губернатора за 1901 год.
63. РГИА. Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 194. Д. 24 – Всеподданнейший отчет Туркестанского генерал-губернатора (секретно) от 22 февраля 1917 г.
64. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 40 – Отчет губернатора Семиреченской области за 1916 год.
65. РГИА. Ф. 1396 (Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края). Оп. 1. Д. 8 – Отчет военного губернатора Самаркандской области за 1906 год (датир. 18 сентября 1907 г.).
66. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 437 – Отчет Палена (черновик).
67. РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 521. Д. 435 – Доклады министра юстиции царю.
68. РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1066 – Записка военного губернатора Ферганской области, полковника Иванова о волнениях в Туркестанском крае летом 1916 года.
69. РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1068 – Представление Прокурора Ташкентского окружного суда о привлечении к ответственности киргизов за сопротивление русским войскам.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
(г. Москва)

70. РГВИА. Ф. ВУА (Военно-ученый архив) (445). Оп. 1. Д. 35 – О сочинении афганского муллы Мухаммед Азим-хана «О священной войне (джихад)».
71. РГВИА. Ф. 81 (Мациевский Е.И.). Оп. 1. Д. 29 – Высочайше утвержденное Собрание для выработки основных начал преобразования управления Туркестанским краем (1908–1911).
72. РГВИА. Ф. 165 (Куропаткин А.Н.). Оп. 1. Д. 4995 – Вырезки из газет к вопросу о пересмотре Туркестанского Положения.
73. РГВИА. Ф. 400 (Главный Штаб. Азиатская часть). Оп. 1. Д. 2429 – О рассылке отчетов по расследованию обстоятельств Андижанского восстания (Список министерств и ведомств).
74. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3670 – По ходатайству крестьян селения Чалдовар об освобождении их от расходов на содержание церковного причта (14 марта 1908 г. – 16 окт. 1909 г.).
75. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959 – Дело о преобразовании управления Туркестанского края.
76. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4427 – По жалобе купцов Закаспийской области Мустафабекова и др. на заключение их под стражу в порядке охраны без предъявления какого-либо обвинения.
77. РГВИА. Ф. 400. Оп. 400. Д. 4286 – О пожертвованных мусульманским населением деньгах на нужды войны (1914).

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)
(г. Москва)

78. АВПРИ. Ф. 147 (Среднеазиатский стол). Оп. 486. Д. 83 «б» – Полицейское управление и полицейские чиновники в Бухаре (их деятельность и разная переписка о ней).
79. АВПРИ. Ф. 242 (Консульство в Кашгаре). Оп. 630. Д. 28 – Докладная записка драгомана Российского Императорского консульства в Кашгаре о волнениях киргизов в Семиреченской области и о бегстве их в китайские пределы (коллежского секретаря Стефановича) (1916).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)
(г. Москва)

80. РГАДА. Ф. 1385 (Остен-Сакен Ф. Р., барон). Оп. 1. Д. 688 – Записка фон Кауфмана к Ф.Л. Гейдену о возвращении записки неизвестного лица о причинах волнений в Ходженте 1872 года (14 января 1873 г.).

Архив Государственного исторического музея

81. Архив Гос. ист. музея. Ф. И-307 (Гродеков Николай Иванович). Оп. 1. Д. 42.
82. Архив Гос. ист. музея. Ф. И-307. Оп. 1. Д. 48 – Бумаги об управлении Сыр-Дарьинской областью.

**Архив Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН
(Архив СПб филиала ИВ РАН) (г. Москва)**

83. Архив СПб филиала ИВ РАН. Ф. 33 (Кун А.Л.). Оп. 1. Д. 264 – Материалы, касающиеся преобразования управления Туркестанским краем.
84. Архив СПб филиала ИВ РАН. Разр. II (Тюркские народы). Оп. 4. Д. 44 – Хроника событий в Туркестанском крае в 1914–1916 гг.

**Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ)
(г. С-Петербург)**

85. Отдел рукописей РНБ (С-Петербург). Ф. 874 (Архив С.Н. Шубинского). Оп. 2. Д. 140 – Рапорт Скобелева М.Д. (ген.-май.) командующему Туркестанским военным округом К.П. фон Кауфману о поимке Джетым-хана от 5 октября 1876 г.

Отдел редких книг и рукописей ГПБ Казахстана

86. *Сабитов Н.* Против реакционной идеологии панисламизма и пантюркизма (рукопись).
87. Восстание казахов в Семиреченской области в 1916 году (Машинопись). Инв. № 66.

Центральный государственный архив Казахстана (ЦГА Каз.)

88. ЦГА Каз. Ф. 41 (Верненское уездное правление, Семиреченской области). Оп. 1. Д. 96 – Дело об установлении надзора за мусульманским населением в связи с восстанием 1898 года в Андижане.
89. ЦГА Каз. Ф. 41. Оп. 1. Д. 136 – Дело о запрещении неутвержденным муллам исполнять мусульманскую службу (1901–1902).
90. ЦГА Каз. Ф. 44 (Семиреченское областное правление). Оп. 1. Д. 359 – Выборы муллы и старосты (1885).
91. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2495 – О съезде мусульман Семиреченской области для решения религиозных вопросов (1906).
92. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3826 – По поводу возбужденного вопроса о том, чтобы муллы в городах утверждались военным губернатором, как и муллы в киргизских волостях.
93. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 7318 – Об отзвуках Андижанского восстания в Пишпекском уезде.
94. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 8815 – По рапорту Копальского уездного начальника с копией петиции от уполномоченного мусульман Семиреченской области, войскового старшины милиции Шабдана Джантаева о разрешении издавать газету, назначать мулл и т. п.
95. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 17777 – По жалобе священника сел. Бобрикова Тихона Саса на бездействие власти сельского старосты Дмитрия Малиенко в оскорблении его на словах крестьянами Вас. Мазниченко, Петром Михайловым, Григор. Мирошниченко, Киприаном Желтяковым и Никитой Туренко (30 сент. 1915).
96. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 18521 – По ходатайству Лепсинского уездного начальника о прекращении переписки по обвинению крестьян Степана Жунтова и Федора Хмель в выбитии стекол в окне дома священника Мстислава Никольского (ноябрь 1915).

97. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 21205 – По надписи Верненского уездного начальника с препровождением рапорта Софийского станичного атамана о нанесении ему оскорблений священником Надеждиным (1872–73).
98. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 25790 – По ходатайству Туркестанской Духовной Консistorии о понуждении крестьян селения Покровского Пржевальского уезда о внесении 300 р. на содержание причта (март 1916).
99. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 26598 – О привлечении жителей сел. Казанско-Богородского к участию в расходах по содержанию дома церковного причта в выселке Любовном (ноябрь 1898).
100. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 42786 – Муромцев, священник Токмакского прихода, об аренде им земли у киргиз Тынаевской волости в 3 десятины (1902).
101. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 46123 – О пререканиях мусульман г. Лепсинска во время выборов муллы и неисполнении требований начальства.
102. ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 51840 – По жалобе уполномоченного Туркестанской Духовной Консistorии Олферьева на отказ Верненской городской управы отвода места для постройки здания для Духовной Консistorии.
103. ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 13 «в» – Переписка с Токмакским участковым приставом о распространении нелегальной литературы мусульман среди населения.
104. ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 13138 – По рапорту Заведующего розыскным пунктом о наблюдении за настроением туземного населения.
105. ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 15396 – О сходках мусульман у муллы мечети Давлеткамова.
106. ЦГА Каз., Ф. И-44. Оп. 1. Д. 15557 – По наблюдению за съездом мусульман по делам школы.
107. ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 15918 – О действиях мулл из Казани.
108. ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 17148 – Об обретении монахиней Верненского женского монастыря Аполлонией Св. иконы Божьей Матери «Скоропослушницы» в саду казака Щербатова (1914).
109. ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 25150 – По прошению общества торгующих мусульман с. Зайцевского о разрешении торговать на базаре в праздничные дни (13 марта – 28 марта 1913).
110. ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 25340 – По рапорту Пржевальского уездного начальника об отмене приговора сельского общества об отдаче мусульманам сел. Покровского ограды сельского правления под устройство молитвенного дома (июнь 1914).
111. ЦГА Каз. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 42423 – Свято-Троицкий Иссыккульский монастырь. Об аренде им одной десятины земли у киргизов Кенсуйской волости сроком на 30 лет с платой по 5 руб. в год.
112. ЦГА Каз. Ф. 51 (Верненская городская полиция). Оп. 1. Д. 81 – О выдаче метрических выписок из книг мусульманских мечетей.
113. ЦГА Каз. Ф. 64 (Канцелярия Степного генерал-губернатора). Оп. 1. Д. 5407 – Прошение мещан магометанского исповедания Лепсинской станицы об устранении муллы Хусаина Измайлова от должности.
114. ЦГА Каз. Ф. 73 (Заведующий розыскным пунктом в г. Верном Семиреченской области). Оп. 1. Д. 21 – Комитетское по мусульманскому движению.
115. ЦГА Каз. Ф. 124 (Чимкентское уездное правление (Сыр-Дарьинской области). Оп. 1. Д. 7 – Материалы дознания по вопросу тайного снабжения оружием населения ишаном Абдрахмановым.

116. ЦГА Каз. Ф. И-153 (Туркестанский кафедральный собор). Оп. 1. Д. 136 – О постройке монастырских зданий (1882–88).
117. ЦГА Каз. Ф. 267 (Казалинское уездное правление, Сырдарьинской области). Оп. 1. Д. 34 – Переписка с Сырдарьинским областным правлением о назначении Минлибаева указным муллою г. Казалинска.

Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Узб.)

118. ЦГА Узб. Ф. 1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора). Оп. 4. Д. 401 – О привлечении к ответственности муллы медресе Ходжа Ахрара Хамудханова Ашур Тубекбаева за кошунство.
119. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 4. Д. 997 – О командировании полковника Сусанина в Аулиеатинский уезд для расследования дела о столкновении крестьян сел. Александровского с киргизами.
120. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 5. Д. 392 – О скудости религиозно-нравственного воспитания в поселках Аулиеатинского уезда.
121. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 6. Д. 310 – По вопросу о совмещении должностей учителя министерской школы и приходского священника, а равно об устройстве церквей-школ в образуемых переселенцами новых селениях (1907).
122. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 13. Д. 569 – О порядке выполнения § 6 Высочайшего приказа от 12 декабря 1904 г. по вопросам, касающимся инославных и иноверных исповеданий в Туркестанском крае (1905).
123. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 13. Д. 618 – Порядок утверждения мулл в Семиреченской области, а также в других областях (1906).
124. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 17. Д. 630 – По переселенческому и земельному вопросам.
125. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 17. Д. 769 – По прошению менонитов – немцев Янцена, Шмидта и др. об оставлении за ними земли, арендованной у киргизов Биштатской волости Аулиеатинского уезда.
126. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 19. Д. 818 – Об отклонении обязанности подчинения мусульманского населения Туркестанского края Оренбургскому муфтию и обязательности исполнения предписаний последнего местными духовными лицами (1879).
127. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 251 – О мещанине Жуковском, обвиненном в оскорбительных выражениях Православной веры (1904).
128. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1084 – О настроениях среди местного населения Туркестанского края за 1915–1916 годы (1916).
129. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1114, 1132, 1136.
130. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1189 – О служебных злоупотреблениях чинов администрации Семиреченской области, связанных с волнениями киргиз в 1916 году.
131. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2560 – О деятельности Библейского общества в Туркестанском крае (1884).
132. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 100 – По отчету Протопресвитера военного и морского духовенства по обозрению церквей Туркестанского военного округа (1901).
133. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 931 – Об устройстве женской обители на участке земли (на Куйлюке), пожертвованном женой полковника Ионова (1893).
134. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 124 – Об устройстве Духовного управления в Туркестанском крае (1867).

135. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 3052 – О беспорядках, произведенных по рапорту военного губернатора Сыр-Дарьинской области.
136. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 22. Д. 117 – О маргиланском курбаши Фазыл-Илаке.
137. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 22. Д. 246 – По отношению Преосвященного Александра, Епископа Туркестанского об основании на Иссык-Куле, в местности Курменты миссионерского монастыря (1881).
138. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 612 – О поселении джемшидов.
139. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 3 – О беспорядках в Ферганской области.
140. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 9 – Донесение Ферганского областного прокурора об открытом восстании коренного населения против русских властей.
141. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 841 – С переводами статей из мусульманских газет.
142. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 920 – С перепиской по исследованию политической благонадежности Абдулкудаса Габдувалиева.
143. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1132.
144. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1187 – Восстание иомудов на персидской границе.
145. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1189 – О служебных злоупотреблениях чинов администрации Семиреченской области, связанных с волнениями киргизов в 1916 году.
146. ЦГА Узб. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 508 – О волнениях народных умов в Ферганской области.
147. ЦГА Узб. Ф. 7 (Управление земледелия и государственных имуществ в Туркестанском крае). Оп. 1. Д. 5020 – По устройству переселенцев в Туркестанском крае.
148. ЦГА Узб. Ф. 19 (Ферганское областное правление). Оп. 1. Д. 511 – По прошению жителей Андижанского уезда, Чинаровской волости об избавлении их от происков муллы Кабула на поступление к ним имамом (1880–81).
149. ЦГА Узб. Ф. 19. Оп. 4. Д. 178 – Дело по обвинению в государственной измене местных жителей г. Андижана (1916).
150. ЦГА Узб. Ф. 19. Оп. 4. Д. 183 – Донесения уездных начальников о настроениях населения (1916).
151. ЦГА Узб. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 587 – О враждебных отношениях жителей из местного населения к русским и о принятии против этого строгих мер.
152. ЦГА Узб. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2004 – О беспорядках, произведенных кокандскими муллами из-за подложного налога.
153. ЦГА Узб. Ф. И-20 (Управление начальника Самаркандского уезда, Самаркандской области). Оп. 1. Д. 11 – Копии секретных циркуляров Департамента полиции. Представления Начальника Охранного отделения о существовании в Самарканде мусульманских сообществ.
154. ЦГА Узб. Ф. 461 (Туркестанское районное охранное отделение). Оп. 1. Д. 1398 – Об обыске и аресте подполковника Николая Хана Иомудского, заподозренного в распространении панисламистских идей в крае.
155. ЦГА Узб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1468 – Циркуляры Департамента полиции, газетные вырезки и др. материалы, освещающие панисламистское движение в крае.
156. ЦГА Узб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1471 – О панисламистском движении в Туркестанском крае и немецких агентах в Мерве, военном шпионаже.
157. ЦГА Узб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1832.
158. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1023 – Сводки агентурных сведений по Туркестанскому краю о незаконном ввозе оружия киргизами для «священной войны».
159. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1025 – Дело о самовольстве киргиз в связи с заселением Семиреченской области русскими.

160. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1026 – Агентурные сведения об отчуждении киргизских земель для русских переселенцев и о сборе денег в пользу Турции.
161. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1174 – О расследовании причины сбора турецкими чиновниками денег для Турции.
162. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1175 – Брошюра «Наставление киргизской учащейся молодежи» и другие материалы, относящиеся к мусульманскому движению.
163. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1187 – О причинах и последствиях мятежа местного населения в связи с отправкой его на тыловые работы.
164. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1228 – Об обыске и изъятии у купца Абдулқудаса Габдувалиева переписки, свидетельствующей о его принадлежности к панисламистскому движению.
165. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1262 – О шпионаже и сборе денег в пользу Турции, о связях местных жителей с турками.
166. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1388 «а» – Об исследовании политической благонадежности Изнабакиева и других.
167. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1397 – О выяснении деятельности подполковника Николая хана Йомудского, заподозренного в распространении панисламистских идей.
168. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1471 – О панисламистском движении в Туркестанском крае и немецких агентах в Мерве, военном шпионаже.
169. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1472 – Месячные отчеты о панисламистском и пантюристском движении.
170. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1473 – О лицах, причастных к панисламистскому и пантюристскому движению.
171. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1481 – Сообщение поднадзорного Андрея Чумакова о недовольстве местного населения русскими и его связях с Турцией.
172. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1544 – О выяснении политической благонадежности члена-распорядителя Верненской мусульманской библиотеки-читальни Зайнутдина Тазетдинова и других, заподозренных в принадлежности к панисламистскому движению.
173. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1560 – О выяснении политической благонадежности жителей города Мерва Рабиева, Гаджи Ибрагима Ширинова и др., подозреваемых в сборе денег среди мусульман в пользу Турции для панисламистской организации.
174. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1563 – О киргизе Манке Исмаилове и узбеке Режнекаримове, заподозренных в сборе денег для Турции.
175. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1735 – О выяснении политической благонадежности Сеида Ходжи Нишанова в связи с пропагандой в пользу Турции.
176. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1744 – О появлении в Черняевском уезде воззваний, призывающих местное население к объединению с Турцией.
177. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1746 – О жителе города Андижана Турсунбае Мулле Абдувалиеве и других, обвиняемых в сборе денег в пользу Турции.
178. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1873 – О бухарских подданных киргизах, подстрекающих местное население против русских.
179. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1888 – О причинах и последствиях мятежа местного населения в связи с отправкой его на тыловые работы.
180. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1899 «а» – О выяснении причин восстания в Хивинском ханстве в 1915–1916 годах и роли в нем Начальника Аму-дарьинского отдела полковника Колосовского.
181. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1922 – Донесение русского подданного Абдулла Каримоглы на жителя г. Кубы Аббаса Салтанова.

182. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1923 – Записка о панисламистском движении в Семиреченской области.
183. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1924 – Агентурные записки о панисламистском движении.
184. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2168 – Агентурные сведения об отношении местного населения к русским.
185. ЦГА Узб. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2177 – Агентурные сведения о настроениях среди жителей края в связи с войной.
186. ЦГА Узб. Ф. 961 (Туркестанская духовная консистория). Оп. 1. Д. 1320 – Опись имущества Св. Троицкого монастыря на Иссык-Куле (1917).
187. ЦГА Узб. Ф. 1008 (Хомутов Петр Иванович). Оп. 1. Д. 2 – Отчет уездного начальника Семиреченской области майора Петра Андреевича Чайковского о состоянии Иссык-кульского уезда в 1869 году.
188. ЦГА Узб. Ф. И-1396 (Штаб Туркестанского военного округа). Оп. 2. Д. 71 – Рапорты командующего войсками Сыр-Дарьинской области о подавлении восстания бия Ута-Телау.
189. ЦГА Узб. Ф. И-2287. Оп. 1. Д. 100 – К вопросу о миссионерской деятельности в Туркестане.
190. ЦГА Узб. Ф. Р-2287 (Савицкий Анатолий Петрович). Оп. 1. Д. 15 – К вопросу о подрывной деятельности немцев в Синьцзяне и Средней Азии в 1916 г. Резюме.
191. ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 89 – Панисламистское движение в Средней Азии.
192. ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 466 – Антинародная деятельность клерикалов в Туркестане.
193. ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 466 – Суровинков В.Я. Антинародная деятельность клерикалов в Узбекистане 1916 г.

Центральный Государственный архив Туркменистана (ЦГА Тур.)

194. ЦГА Тур. Ф. 1 (Канцелярия начальника Закаспийской области). Оп. 2. Д. 2739 – Об удалении из области персидских дервишей-шиитов, занимающихся сбором пожертвований.
195. ЦГА Тур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2807 – Областной Комитет по устройству церковного быта переселенцев.
196. ЦГА Тур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 8419 – О принятии от персидского подданного Таги-ходжа Гусейн-оглы материалов на 234 руб. в дар на устройство церкви в Асхабаде.
197. ЦГА Тур. Ф. 17 (Красноводское уездное правление, г. Красноводск Закаспийской области). Оп. 1. Д. 476 – Отчет о состоянии народного здоровья и т. п.
198. ЦГА Тур. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 826 – Сведения приставств о духовных и учебных заведениях мусульман и настроениях местного населения.

Центральный государственный архив Кыргызстана (ЦГА Кыр.)

199. ЦГА Кыр. Ф. 2 (Ошское уездное правление Ферганской области). Оп. 1. Д. 3 – О праздновании 25-летия присоединения Кокандского ханства к Российской империи (1901).
200. ЦГА Кыр. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8 – О праздновании 300-летия царствования Дома Романовых (1913).

201. ЦГА Кыр. Ф. 75 (Коллекция материалов «Восстание киргизов в 1916 г. и присоединение Киргизии к России»). Оп. 1. Д. 34 – Рапорты уездных начальников Генерал-Губернатору с описанием мятежа киргиз 1916 года.
202. ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 45 – Дневник настоятеля Иссык-Кульского монастыря о восстании киргизов.
203. ЦГА Кыр. Ф. 75. Оп. 1. Д. 46 – Всеподданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области за 1916 год.

Иссык-Кульский государственный областной архив КР

204. Иссык-Кульский гос. обл. архив КР. Ф. История развития города Пржевальска.
205. Иссык-Кульский гос. обл. архив КР. Личный фонд Сторожа Ивана Филипповича. «Воспоминания».

Отдел редких книг и рукописей Государственной публичной библиотеки Казахстана (г. Алма-Ата)

206. Отдел редких книг и рукописей ГПБ Каз. Инв. № 458. Мустафин В. Относительно журнала «Тааруфуль-муслимин». 1910 (Машинопись).

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) (г. Москва)

207. ОР РГБ. Ф. 169 – Всеподданнейший доклад по военному министерству за 1892 г.

Опубликованные исторические источники

208. *А.И.* Киргизский вопрос в Государственной думе (1907) // Туркестанский сборник. Т. 447. С. 14–28.
209. *А.Т.* Из Пишпекского уезда // Туркестанские ведомости. 1902. № 4.
210. Андижанское дело // Туркестанские ведомости. 1898. № 49. 30 июня; № 51; № 55. 21 июля; № 56. 23 июля; № 62. 27 августа.
211. Беспорядки в Фергане // Туркестанские ведомости. 1898. № 37.
212. *Богданович Л.А.* Успехи русской цивилизации в Средней Азии (письмо из Лондона) // Русское обозрение. 1896. Декабрь. С. 751–766.
213. *Богословский Г.* Первые впечатления священника [села] Покровского Аулиеатинского уезда Туркестанской епархии // Туркестанские ведомости. 1894. № 92. 18 декабря.
214. *В.Г.* О землеустройстве кочевников // Туркестанский сборник. Т. 542. С. 73–79.
215. *Вега Вал.* Иссык-Кульский монастырь (Из дорожных писем) // Туркестанские ведомости. 1901. № 74.
216. *Виг.* Продажа киргизами земель // Туркестанские ведомости. 1910. № 250. 7 ноября.
217. Водворение русского элемента в Туркестанском крае // Туркестанские ведомости. 1870. № 16. 22 декабря.
218. Водка или чай (О быте русских переселенцев в Семиреченской области) // Туркестанские ведомости. 1884. № 29–31.

219. *Воронков В.* По вопросу о поземельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области // Семиреченские областные ведомости. 1908. № 12, 14, 16, 22, 24, 27, 34–35, 37–38, 40, 42–43.
220. *Воротников В.С.* Чуйские переселенческие участки в Пишпекском уезде Семиреченской области // Семиреченские областные ведомости. 1908. № 60, 62, 64, 66–69, 71–73.
221. Восточное обозрение. 1887. № 38. 24 сентября.
222. Всеподданнейший отчет Обер-Прокурора Св. Синода за 1886 год. СПб., 1888.
223. *Гаврилов Н.* Переселенческое дело в 1907 году // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 439–444.
224. *Дамаскин Дм.* Заметка об основании монастыря в Иссык-Кульском уезде в долине Курмекты // Туркестанские ведомости. 1882. № 28.
225. *Джайнаков И.* О киргизской оседлости // Семиреченские областные ведомости. 1912. № 63.
226. *Дмитриев С.Е.* Перед угрозой джута // Семиреченские областные ведомости. 1908. № 21.
227. Еще о киргизской оседлости // Семиреченские областные ведомости. 1910. № 127.
228. Закаспийское обозрение. 1912. № 144. 2 июня.
229. Землеустройство в Семиречье // Семиреченские областные ведомости. 1910. № 100.
230. Землеустройство киргиз // Семиреченские областные ведомости. 1910. № 252.
231. Из рапорта военно-окружного суда об Андижанском восстании 1898 г. // Хрестоматия по истории дипломатии Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века. Бишкек, 2007.
232. К вопросу о киргизских землях (1907) // Туркестанский сборник. Т. 428. С. 61–63.
233. К землеустройству киргиз (1907) // Туркестанский сборник. Т. 453. С. 60–61.
234. К землеустройству киргиз // Семиреченские областные ведомости. 1910. № 141.
235. *Кауфман.* Проект Всеподданнейшего отчета. СПб., 1885.
236. *К-в И.* О переселенцах в Пржевальском уезде // Туркестанские ведомости. 1912. № 59. 13 марта.
237. *Колобов М.* Свято-Троицкий Иссык-Кульский миссионерский монастырь и его окрестности // Семиреченские областные ведомости. 1905. № 16–18, 20, 25, 27, 29–30, 36, 40, 43, 46, 54, 60, 62, 64, 68, 70–72, 80, 82, 84, 90–91, 93–94.
238. *Комаров Н.* Троицкий миссионерский монастырь на озере Иссык-Куль в Туркестане // Туркестанский сборник. Т. 589. Ташкент, б. г.
239. Кугартская долина (Корр.) // Туркестанские ведомости. 1907. № 178. 17 октября.
240. *Куропаткин А.Н.* Россия для русских. Т. 2. Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой. СПб., 1910.
241. *Лыкошин Н.С.* Десятилетие андижанской резни (1898–1908) // Туркестанские ведомости. 1908. № 115, 116.
242. Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения Южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915.
243. Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Талас Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1915.
244. Материалы по киргизскому землепользованию: Сыр-Дарьинская область, Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911.
245. Материалы по киргизскому землепользованию: Сыр-Дарьинская область, Казалинский уезд. Ташкент, 1913.
246. Материалы по киргизскому землепользованию: Ферганская область, Наманганский уезд. Ташкент, 1913.

247. Местная хроника (О переводе кочевников Джамансартовской, Багишевской, Карабалтинской и Тлеубердинской волостей, Пишпекского уезда на оседлое положение) // Туркестанские ведомости. 1916. № 41.
248. Местная хроника // Туркестанские ведомости. 1916. № 151, 205, 207, 209, 210, 212, 214, 217–219, 222, 233, 234, 253; 1917. № 32, 136.
249. Местные известия // Семиреченские областные ведомости. 1914. № 243.
250. Мир ислама. 1913. Т. 2. № 1.
251. Миссионерский противомусульманский сборник. Вып. XX. Казань, 1884.
252. Мусульманин: Научно-популярный, научно-литературный и общественный журнал. 1911. № 6–7.
253. *Н.П.* Пишпек и Аламедин // Туркестанские ведомости. 1876. № 22.
254. На Алае // Туркестанские ведомости. 1911. № 133–135.
255. Новое время. 1898. № 8123. 8 октября; 1908. 12 января; 1914. № 13685. 19 апреля.
256. Обвинительный акт о туземцах Азиатской части города Ташкента (по поводу восстания 1892 года). Ташкент, 1892.
257. Обзор Семиреченской области за 1911 и 1912 годы. Верный, 1913.
258. Образование киргизских оседлых поселений в Семиреченской области // Киргизская степная газета. 1897. № 37.
259. Оседлые поселения киргизов // Киргизская степная газета. 1898. № 26.
260. Отголоски // Свет. 1899. 4 февраля.
261. Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884.
262. Ош // Туркестанские ведомости. 1904. № 40.
263. Первая киргизская оседлая волость // Семиреченские областные ведомости. 1911. № 224.
264. Переселение и кочевники (1907) // Туркестанский сборник. Т. 428. С. 64–66.
265. Переход киргиз на оседлость // Семиреченские областные ведомости. 1910. № 109.
266. Печальное положение занимают переселенцы Ферганской области // Туркестанское сельское хозяйство. 1907. № 6.
267. Пишпек // Семиреченские областные ведомости. 1908. № 128.
268. По краю // Туркестанские ведомости. 1904. № 29, 41; 1905. № 44, 136; 1907. № 3.
269. *Пономарев Н.* Оседлые поселения киргиз в Семиреченской области // Туркестанские ведомости. 1900. № 16.
270. *Р.П.* Притязания на Алай // Туркестанский сборник. Т. 478.
271. Разверстка контрибуции по Андижанскому делу // Семиреченские областные ведомости. 1898. № 68.
272. Рассмотрение законопроекта о дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем в Государственной Думе и Государственном Совете // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 252–338.
273. Родина. 1880. № 3. С. 148–161.
274. Розберг, кап[итан]. Действия против шайки Батыр-тюря в Наманганском отделе // Русский инвалид. 1876. № 29 // Туркестанский сборник. Т. 150. Ташкент.
275. Россия и кочевники // Семиреченские областные ведомости. 1911. № 174–177.
276. Русское знамя. 1912. № 63. 17 марта; 1914. № 137. 20 июня.
277. Свободные киргизские земли (выработка Правил о порядке обращения в государственный фонд земель, излишних для киргиз (1909) // Туркестанский сборник. Т. 507.
278. Селение Беловодское // Семиреченские областные ведомости. 1908. № 59.
279. Семиреченская жизнь. 1916. 9 июля.

280. Семиреченские областные ведомости. 1916. № 186.
281. Семиречье. Киргизы-крестьяне // Туркестанские ведомости. 1897. № 70.
282. *Симонова Л.Х.* Рассказы очевидцев о завоевании Самарканда и о семидневном сидении // Исторический вестник. 1904. Т. ХСVII.
283. *Ситняковский Н.Ф.* Минтюбинский ишан Мухаммед-Али // Туркестанские ведомости. 1899. № 2, 4, 8, 16.
284. *Скварский П.* Ответ (на вопрос № 17 об условиях покупки земель у киргизов) // Туркестанское сельское хозяйство. 1911. № 7.
285. Совещание о земельном устройстве киргизских областей (1907) // Туркестанский сборник. Т. 431.
286. Среднеазиатский вестник. Ташкент, 1896. Октябрь.
287. Стенографический отчет заседаний IV Государственной Думы по обсуждению запросов депутатов о восстании в Туркестане и Степных областях. 1916 г., декабря 13–15 // Кыргызстан – Россия: История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат-лов: В 2 ч. Ч. 1. Бишкек, 2007.
288. Стремление киргиз к народной жизни // Народ. 1897. № 173. 13 июня.
289. *Тимаев К.А.* Государственная Дума и туркестанские киргизы // Туркестанский сборник. Т. 542. С. 149–152.
290. *Тимаев К.* Государственная Дума и туркестанские киргизы // Туркестанский курьер. 1910. № 85.
291. *Т-ов.* Андижанское восстание и его причины // Исторический вестник. 1908. Май.
292. Токмак // Семиреченские областные ведомости. 1905. № 58.
293. Токмак // Туркестанские ведомости. 1904. № 155; 1905. № 48.
294. Туркестан и Государственная дума Российской империи: Документы ЦГА Республики Узбекистан 1915–1916 гг. (публикация Т. В. Котюковой) // Исторический архив: Науч.-публикатор. журн. 2003. № 3.
295. Туркестанец. Покупка земли для колонизации // Туркестанские ведомости. 1910. № 286.
296. Туркестанская туземная газета. 1892. № 14. 11 апреля, № 29. 25 июля; 1898. № 20. 23 мая; № 25. 28 июня; № 26; № 28. 20 июля.
297. Туркестанские ведомости. 1870. № 1. 28 апреля; 1889. № 41. 10 октября; 1892. № 27. 7 июля; 1892. № 50. 15 декабря; 1893. № 48. 23 июня; № 78. 19 сентября; № 82. 20 октября; 1894. № 3. 13 января; № 13. 20 февраля; 1897. № 36. 18 мая; 1899. № 30. 30 апреля; 1901. № 89. 8 ноября; 1904. № 13, 30, 32; 1905. № 15. 26 января; № 151. 12 октября; 1909. № 272; 1910. № 47. 2 марта; 1911. № 230; 1913. № 44. 26 февраля; 1914. № 11. 15 января; 1915. № 76. 9 апреля; № 224. 10 октября; № 231. 18 октября; 1916. № 57. 2 марта; 1916. № 205, 207, 209, 210, 212, 213, 214, 217, 222 и др.
298. Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. № 12. 15 июня; № 16. 15 августа; № 20. 15 октября; № 22. 15 ноября; 1908. № 18. 15 сентября; № 24. 15 декабря; 1909. № 4. 15 февраля; 1915. № 1. 1 января; № 14. 15 июля; 1916. № 6. 15 марта; № 17. 1 сентября; № 23. 1 декабря; 1917. № 8. 15 апреля.
299. Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1 января по 1 февраля 1910 г. Ташкент, 1910.
300. Туркестанский военный округ. Штаб. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1-го октября 1910 г. по 1-е января 1911 г. Ташкент, 1910.
301. *Успенский А.* Влияние колонизации на киргизское хозяйство // Туркестанский сборник. Т. 472. С. 152–166.
302. *Федоров Е.* Аграрные недоразумения в Туркестанском крае (инцидент между киргизами и земельно-податной комиссией) (1909) // Туркестанский сборник. Т. 510. С. 33–35.

303. *Федоров Н.* От Оша до Кашгара // Туркестанские ведомости. 1900. № 55, 58.
304. Ферганская область. Поимка последнего зачинщика бунта // Московские ведомости. 1898. № 187.
305. Ферганские областные ведомости. 1913. № 44. 23 февраля.
306. *Хворостанский П.* Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи (1909) // Туркестанский сборник. Т. 472. С. 35–36.
307. *Чиркин Г.* Землеустройство киргиз в связи с колонизацией степи // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 44–68.
308. *Чиркин Г.Ф.* Положение переселенческого дела в Семиречье: Записка командированного в Семиреченскую область летом 1908 года ревизора землеустройства Г.Ф. Чиркина. СПб.: Изд. Переселен. упр. Главн. упр. землеустройства и земледелия, 1908.
309. *Ш-в Г.* Из быта киргиз // Туркестанские ведомости. 1912. № 220.
310. *Шкапский О.А.* Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 19–52.
311. *Шкапский О.А.* Семиречье после киргизского мятежа // Туркестанские ведомости. 1917. № 136. Прибавление.
312. *Х. У. Z.* Аренда киргизских земель // Туркестанские ведомости. 1914. № 72.

Специальная литература, монографии

313. *Абай (Ибрагим) Кунанбаев.* Избранное. Алма-Ата. 1958.
314. *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе: Кыргызстан, 1991. 320 с.
315. *Абенов Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н.* Казахстан: эволюция государства и общества. Алматы, 1996.
316. *Абрамзон С.М., Антипина К.И., Васильева Г.П. и др.* Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан: колхоз имени К.Е. Ворошилова («Ала-Тоо») Покровского района Иссык-Кульской области Киргизской ССР / С.М. Абрамзон, К.И. Антипина, Г.П. Васильева, Е.И. Махова, Д.М. Сулайманов. М.: Наука, 1958.
317. *Аминов А. Бабаходжаев А.* Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966.
318. *Арапов Д.Ю.* Императорская Россия и мусульманский мир. М., 2006.
319. *Арсеньев К.К.* Свобода совести и веротерпимость. СПб., 1905.
320. *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России (Репринт. изд.). Лондон, 1990.
321. *Асфендиаров С.Д.* Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата – М., 1936.
322. *Ахмедов Р.* Материалы по истории таджикского народа. Душанбе, 2004.
323. *Балашев Н.И.* Туркестан. Ташкент, 1920.
324. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927 // Сочинения: в 9 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
325. *Баязитов А.* Отношение ислама к науке и иноверам. СПб., 1887.
326. *Белинский В.Г.* История Малороссии Николая Маркевича (М., 1842) // Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1979.
327. *Белоглазов А.В.* Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань, 2013.
328. *Брайнин С., Шапиро Ш.* Восстание казахов Семиречья в 1916 году. Алма-Ата–М., 1936.
329. *Брун А.Х.* Смутные времена: опыт большевистской России в Туркестане. Лондон, 1931.

330. *Булгаковский Д.* Иссыккульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. СПб., 1896.
331. *Валиханов Ч.Ч.* Об управлении казахами Большого жуза // Собр. соч. Т. 1. Алма-Ата, 1984.
332. *Васильев Д.В.* Бремя империи: Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Полит. энцикл., 2018.
333. *Васильев Д.В.* Форпост империи: Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М.: ИБП, 2015.
334. *Веселовский Н.* Новые материалы по истории Кокандского ханства. СПб., б. г.
335. *Владимир, Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский.* Земля потомков Патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2002.
336. *Волков И.В.* Роль России в исторических судьбах народов Средней Азии: дореволюционный период (по архивным, правовым и иным материалам): Моногр. М.: Автор. акад., 2018.
337. Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова. М.: Марджани, 2016.
338. Восстание 1916 года в Казахстане (Док. и мат-лы) / под ред. Б.С. Сулейменова; сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1947.
339. Восстание 1916 года в Казахстане [Сб. воспоминаний и рассказов участников и очевидцев восстания] / КНИИМЛ. Алма-Ата: Казгосиздат, 1937.
340. Восстание 1916 года в Киргизстане: Док. и мат-лы, собранные Л.В. Лесной / под ред. и с предисл. Т.Р. Рыскулова. М.: Соц.-экон. изд-во, 1937.
341. Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док. / сост. Г. Т. Гуля, Е. А. Романова, Б. О. Самаева; отв. ред. Э. С. Каптагаев. Бишкек, 2011.
342. Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011.
343. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / отв. ред. А.В. Пясковский. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
344. Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо; подг. к печ. Ф. Божко, С. Волин. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932.
345. Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сб. док. и мат-лов / сост.: Т.В. Котюкова. М.: Марджани, 2016.
346. Восстание 1916 года: Док. и мат-лы / под. ред. К.И. Мамбеталиева. Бишкек, 2015.
347. Восстание 1916 года: Док. и мат-лы. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015.
348. Восстание 1916 года в Туркмении (Док. и мат-лы). Ашхабад: Туркмен. гос. изд-во, 1938.
349. Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): Кол. моногр. / ред.-сост.: Т.В. Котюкова. М.: Русский импульс, 2017.
350. *Воицинин В.* Очерки нового Туркестана: Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914.
351. *Галицкий В.Ч., Плоских В.М.* Старинный Ош. Фрунзе: Наука, 1987.
352. *Галузо П.Г.* Туркестан – колония: Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935.
353. *Галузо П.Г.* Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929.

354. *Германова В.В.* Вторжение Российской империи в Среднюю Азию (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана) // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.
355. *Господа-ташкентцы* // Сочинения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Т. 4. СПб., 1889.
356. *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889.
357. Грозный 1916-й год: Сб. док. и мат-лов: в 2 т. / под ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1998 (Т. 1 – 423 с.; Т. 2 – 247 с.).
358. *Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н.* Новая история стран Азии и Африки. М., 1975.
359. *д'Анкосс Э.К.* Николай II. Расстрелянная преемственность / пер. с франц. М. 2006.
360. *Данияров К.* Взгляд в прошлое: История. Алматы, 2009.
361. XV лет Киргизской ССР. Фрунзе, 1941.
362. *Демидов С.М.* Постсоветский Туркменистан. М.: Наталис, 2002.
363. *Джамгерчинов Б.* Очерки политической истории Киргизии XIX века. Фрунзе, 1966.
364. *Диманштейн С.* Революция и национальный вопрос. М., 1930.
365. *Добролюбов Н.А.* Собр. соч. Т. 1. М. – Л., 1961.
366. *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб.: Лисс, 1898.
367. *Зеланд Н.* Киргизы: Этнологический очерк. Омск, 1885.
368. *Ибрагимов Г.А.* Ислам. Его происхождение и классовая сущность. М., 1940.
369. *Иманалиев К.* Кыргызстан: национальный путь (в поисках самоидентификации). Ада-ты. Кодекс чести. Идеологема кыргызов. Бишкек, 2009.
370. *Исакеев Б.* Киргизское восстание 1916 года (Доклад на собрании рабочих «Интергельпо» и железнодорожников в связи с 15-летием восстания 1916 года). Фрунзе, 1932.
371. Ислам в СССР: Особенности процесса секуляризации в республиках Советского Востока. М., 1983.
372. К вопросу о характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. М., 1954.
373. Казахи о русских до 1917 года / А. Букейханов, М. Дулатов, А. Байтурсун, Т. Рыскулов. Оксфорд, 1985.
374. *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980.
375. *Кастельская З.Д.* Основные предпосылки восстания 1916 г. в Узбекистане. М., 1972.
376. Киргизия в трех российских революциях. Фрунзе, 1987.
377. *Климович Л.И.* Ислам в царской России: Очерки. М., 1936.
378. *Кляшторный С.Г.* Предисловие // Бартольд В.В. Соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1968.
379. *Князев А.А.* Афганский фактор для Центральной Азии // А.А. Князев. Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии: Сб. док. и мат-лов. Бишкек, 2001.
380. *Козыбаев М.К.* Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избр. тр.). Алматы, 2006.
381. *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении...: Туркестан в преддверии драмы. М.: Науч.-полит. кн., 2016.
382. *Котюкова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России 1905–1917 гг.). М., 2008.
383. *Коэн Г.* История национализма на Востоке. Нью-Йорк, 1929.
384. *Крымский А.* Мусульманство и его будущность. М., 1899.
385. *Курманов З.К.* Об исторической самоидентификации кыргызстанцев // История и идентичность: Кыргызская Республика / Изд. фонда им. Фр. Эберта. Бишкек, 2007.
386. Кыргызстан – Россия: История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат-лов: В 2 ч. Бишкек, 2007.

387. *Лаврентьев Вл.* Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). Л., 1930.
388. *Ланда Р.Г.* Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005.
389. *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени): Моногр. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
390. *Литвинов Вяч.П.* Административная ссылка в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам): Моногр. Елец: Изд-во ЕГУ, 2010.
391. *Литвинов П.П.* Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по арх., правов. и иным мат-лам): Моногр. Елец: Изд-во ЕГУ, 2014.
392. *Литвинов П.П.* Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. (Изд. для служ. польз.). Фрунзе, 1989.
393. *Литвинов П.П.* «Военно-бюрократическое» управление в России XIX – начала XX вв. (по материалам Русского Туркестана) // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Мат-лы XII Всерос. науч.-практ. конф. М.: Изд-во РУДН, 2008.
394. *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по арх. мат-лам). Елец: Изд-во ЕГПИ, 1998.
395. *Литвинов П.П.* Государство и суды кочевого населения Средней Азии. 1865–1917 (по арх. мат-лам) // Мат-лы науч.-практ. конф. юрид. фак-та ЕГУ им. И.А. Бунина. Елец, 2000.
396. *Литвинов П.П.* К вопросу о специфике государственного управления национальными окраинами в царской России (на примере Русского Туркестана) // Вестник Елецкого гос. ун-та им. И.А. Бунина. Вып. 19. Сер.: Право. Елец, 2008.
397. *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Елец: Изд-во ЕГПИ, 1996.
398. *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам): Моногр. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007.
399. *Литвинов П.П.* Прокурорский надзор в «кочевых» судах Русского Туркестана // Вестник ЕГУ им. И.А. Бунина. Вып. 1. Сер.: История, право. Елец, 2002.
400. *Литвинов П.П.* Российское государство и судопроизводство мусульманских народов Русского Туркестана (1865–1917) // Мат-лы Первых науч.-метод. чтений ист. фак-та / ЕГПИ. Елец, 1998.
401. *Литвинов П.П.* «Татарская» политика царизма в дореволюционном Туркестане // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1996.
402. *Манджара Д.И.* Революционное движение в Средней Азии в 1905–1920 гг. Ташкент, 1934.
403. *Маркс К.* Греческое восстание // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10. М., 1958.
404. *Масов Р.* Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2003.
405. Материалы к докладу о двадцатилетии киргизского восстания 1916 г. Фрунзе, 1936.
406. Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.
407. *Машанов М.А.* Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам. Казань, 1910.
408. *Мухамедов Ш.Б.* Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917 гг.). Ташкент, 2013.

409. *Мухамедов Ш.Б.* Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии. Ташкент, 1916.
410. *Назарбаев Н.А.* Слово об Абае // Пять лет независимости: Из докладов, выступлений и статей Президента Республики Казахстан. Алматы, 1996.
411. *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913 // Мусульманская Средняя Азия: Традиционализм и XX век. М., 2004.
412. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М., 1963.
413. *Нетужилов К.Е.* Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2008.
414. *Ниязов Сапармурат Туркменбаши.* По пути возрождения. Ашгабат, 1994.
415. *Носова Е.В.* К истории взаимоотношений государства и православной церкви в Кыргызстане (конец XIX – середина XX века). Бишкек: Изд-во КРСУ, 2006.
416. *Озмитель Е.Е.* Православие в Киргизии: XIX–XX вв.: Исторический очерк. Бишкек: Изд-во КРСУ. 2003.
417. *Озмитель Е.Е.* Православные храмы Киргизии (XIX–XXI вв.). Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010.
418. *Олещук Ф.О.* О реакционной роли мусульманского духовенства. Алма-Ата. 1937.
419. «Опасные для единства нашего государства проповедники теории о единстве всего мусульманского мира»: Два отношения П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу», 1910 год. Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу», 1911 год // Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. М., 2006.
420. *Остроумов Н.П.* Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб., 1888.
421. По Туркестану. Обезд туркестанским генерал-губернатором С.М. Духовским Самаркандской и Ферганской областей в 1898 году. Ташкент, 1898.
422. *Поляков С.П.* Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989.
423. *Пржевальский Н.М.* Отчет о состоянии китайской армии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 1. СПб., 1883.
424. Программные документы мусульманских политических партий 1917–1920 гг. Оксфорд, 1985.
425. *Пропащин А.* Генерал-адъютант Константин Петрович фон Кауфман как устроитель Туркестанского края (1867–1882). Ташкент, 1913.
426. *Пругавин Л.С.* Старообрядчество во второй половине XIX века: Очерки по новейшей истории раскола. М., 1904.
427. *Пяковский А.В.* Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. М., 1958.
428. *Рашидов Ш.Р.* Знамя дружбы. М., 1967.
429. Революция в Средней Азии. Ташкент, 1929.
430. Россия и Средняя Азия. Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX в. М., 2011.
431. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XIX. Туркестанский край / сост. В.И. Массальский. СПб., 1913.
432. *Рыскулов Т.* Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г. Кызыл-Орда, 1927.
433. *Рыскулов Т.* Восстание туземцев Туркестана в 1916 году // Восстание казахов и киргизов в 1916 году / Т. Рыскулов, Г. Бройдо. Лондон, 1989 (Репринт. изд.).
434. *Сальков В.П.* Андиганское восстание в 1898 году. Казань, 1901.
435. *Сапаргалиев Г.С.* Карательная политика царизма в Казахстане. Алма-Ата, 1966.
436. *Сапармурат Туркменбаши.* Рухнама. Кн. первая. Ашхабад, 2003; Кн. вторая. Ашхабад, 2005.
437. *Сапелкин А.А.* Аграрные отношения в Киргизии в начале XX в. Фрунзе, 1977.
438. *Сатылганов Токтогул.* Избранные произведения / пер. с кирг. М., 1940.

439. *Сафаров Г.* Колониальная революция (опыт Туркестана). М.: Госиздат, 1921.
440. Сборник материалов по мусульманству. СПб., 1899.
441. *Серебрянников А.Г.* Туркестанский край: Сборник материалов для его завоевания. 1866 год. Т. 21. СПб., 1915.
442. *Смирнов Н.А.* Ислам и его классовая сущность. М.–Л., 1930.
443. *Смирнов Н.А.* Современный ислам. М., 1930.
444. *Сокол Э.Д.* Восстание 1916 в Русской Центральной Азии / пер. с англ. Г. Борубаевой. Бишкек, 2016.
445. Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в документах: В 6 т. / под ред. В.И. Нифадьева, А.Ч. Какеева. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015–2016 (Т. I. 206 с.; Т. II. 324 с.; Т. III. 228 с.; Т. IV. 240 с.; Т. V. 204 с.; Т. VI. 187 с.).
446. *Стеценко И.А.* Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX – начале XX в. (1870–1917 гг.). Душанбе, 1963.
447. *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981.
448. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии: в 3 т. Т. 1, 3. СПб., 1906.
449. *Тилле А.А., Швеков Г.В.* Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., 1978.
450. III Всероссийский мусульманский съезд. Казань, 1906.
451. Трудящиеся Киргизии в борьбе за социальное и национальное освобождение в конце XIX – начале XX в. Фрунзе: Илим, 1982.
452. Туркестан в имперской политике России: Моногр. в док. М., 2016.
453. *Туркестанский Г.* Кто такие были джадиды? Ташкент, 1926.
454. *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Госиздат УзССР, 1962.
455. *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе: Илим, 1967.
456. *Флыгин Ю.* Семиреченские события 1916 г.: ради достижения правды надо видеть проблему со всех сторон // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): Кол. моногр. / ред.-сост.: Т.В. Котюкова. М.: Русский импульс, 2017.
457. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2008.
458. *Чеканинский Ив.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле–сентябре 1916 г. Кызыл-Орда, 1926.
459. *Чокай-оглы М.* Туркестан под властью Советов (К характеристике диктатуры пролетариата). Париж: Яш Туркестан, 1935.
460. *Чукубаев А.А.* Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900–1917). Фрунзе, 1967.
461. *Эйдельман Н.Я.* Грань веков: Политическая борьба в России: Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1986.
462. *Яковлев В.А.* Из церковной жизни Туркестана. Верный, 1902.
463. *Якубовский А.Ю.* Предисловие // Бартольд В. В. Соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1963.
464. *Янчевский С.* «Русский мир» по отношению к Туркестанскому краю. Ташкент, 1875.

Мемуарная литература

465. *Вамбери Арминий.* Путешествие по Средней Азии: Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865.

466. *Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3 т. Т. 2, 3. М., 1960.
467. *Гейнс А.К.* Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан // Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. II. СПб., 1898.
468. Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34).
469. *Духовская В.* Туркестанские воспоминания. СПб., 1913.
470. Из отчета о расследовании обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г. // Кыргызстан – Россия: Сб. док. и мат-лов. Т. 1. Бишкек, 2007.
471. *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Воспоминания // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 123–124.
472. *Лялина М.А.* Путешествия по Туркестану Н. Северцова и А.П. Федченки. СПб., 1894.
473. Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.
474. *Митрополит Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни. М., 1994.
475. *Мушкетов Д.И.* Поездка в Нарынский край и в Кашгарию. Пг., 1918.
476. *Северцов Н.А.* Путешествия по Туркестанскому краю и исследовании горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русского Географического Общества. М., 1947.
477. *Станкевич Б.В.* По Памиру (Путевые заметки). СПб., 1904.
478. *Трегубов А.Л.* Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях: Впечатления и заметки по поездке летом 1909 года // Вопросы колонизации. СПб., 1910. № 5. С. 104–172; № 6. С. 122–125.
479. *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906 годы) // Исторический вестник. 1913. Октябрь, ноябрь.
480. *Шрейтер П.И.* По окраине: Путевые очерки. СПб., 1888.
481. *Шрейтер П.И.* По окраине: Путевые очерки. СПб., 1893.

Статьи в научных периодических изданиях, научных сборниках

482. *Анфимов А.М.* Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1991. № 4.
483. *Арапов Д.Ю.* А.П. Ермолов и мусульманский мир Кавказа // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2001. № 6.
484. *Бабкин М.А.* Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 3.
485. *Бижигитова К.С.* Законодательная база землепользования в Семиреченском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. Ист. и соц.-полит. науки. 2017. № 1 (52).
486. *Биюшкина Н.И.* Теория исключительного положения и Закон «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // История государства и права: Науч.-правовое изд. 2011. № 3. С. 34–39.
487. *Бордюгов Г.А.* «Свое» и «чужое» прошлое // Отечественная история. 1999. № 5. С. 3–4.
488. *Бройдо Г.И.* Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году // Восстание казахов и киргизов в 1916 году. Лондон, 1989. С. 123–168.
489. *Булдаков В.П.* Нарастание хаоса можно было сдержать – массы хотели легитимизации своих завоеваний // Отечественная история. 2007. № 5.
490. *Булдаков В.* Первая мировая война и российская ориентофобия 1914–1916 гг. // Первая мировая война и Азербайджан: Мат-лы Междунар. науч. конф. // Труды Института истории НАН Азербайджана. Спец. вып. Баку, 1914.

491. *Верховский А.М.* Публичные отношения православных и мусульманских организаций на федеральном уровне. // Ислам в России: взгляд из регионов: Сб. ст. М., 2007.
492. *Владимир, Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский.* Ангельский мир Святой Руси // Труды Института мировой культуры. Вып. 4. Война. Мир. Духовное наследие. Бишкек – Лейпциг, 2005. С. 131–136.
493. *Галиева З.* Восстание 1916 г. в Кыргызстане и Центральной Азии: новые подходы и интерпретации // Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: Сб. ст. Бишкек: Нео Принт, 2017.
494. *Галузо П.Г.* Троцкистско-колониаторская концепция истории Туркестана – колонии: Сб. ст. М. – Ташкент, 1933.
495. *Галузо П.* Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими // Революция в Средней Азии: Сб. Т. 2. Ташкент, 1929. С. 82–117.
496. *Гафуров Б.* Об Андижанском «восстании» 1898 года // Вопросы истории. 1953. № 2.
497. *Горак Славомир.* Мифы великого Туркменбаши // Вестник Евразии. 2005. № 2 (28).
498. *Грозин А.* Интернет и образы постсоветской Азии в России // Вестник Евразии. 2005. № 2 (28).
499. *Гросул В.Я.* Истоки трех русских революций // Отечественная история. 1997. № 6.
500. *Дубовицкий В.В.* Национальная идентичность русской диаспоры в Средней Азии: исторический опыт сохранения // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сб. мат-лов. Ташкент, 2008.
501. *Дьячков П.А.* Озеро Иссык-Куль и его северный берег (Из поездки в 1897 г.) // Известия Туркестанского отдела Русского Географического Общества. Т. 1. Вып. I. Ташкент, 1898. С. 1–14.
502. *Зайферт А.* Введение // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: Мат-лы междунар. круглого стола (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.). Алматы, 2008.
503. *Иванов В.А.* Россия – Средняя Азия» и роль фактора случайности в истории их взаимоотношений // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: Сб. мат-лов. Ташкент, 2008.
504. *Исхаков С.М. А.З. Валидов:* пребывание у власти // Отечественная история. 1997. № 6. С. 55–75.
505. *Ковалев П.А.* Эпизоды из истории восстания 1916 года в Туркестане (Дело Ферганского губернатора генерала А. Гиппиуса) // Труды Среднеазиатского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Вып. 150. Ташкент, 1963.
506. Краткий отчет о настроении мусульманского населения в Туркестанском крае к октябрю 1914 года // Военно-исторический журнал. 1990. № 11.
507. *Кун А.Л.* Очерк истории Кокандского ханства // Известия ИРГО. Т. 12. Вып. 1. 1876.
508. *Кунце Т., Аликберов А.К., Рахимов М.А.* Предисловие // Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2018.
509. *Курбанов С.Г.* Жизнь среднеазиатского просветителя Ахмада Дониша и его отношение к России // Просвещение – Православие – Восток: Вторая научная конференция памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славянских (Ташкент, 22 мая 2009 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 1910.
510. *Лактионова Н.Я.* Новая концепция истории и задачи укрепления российской государственности // Преподавание отечественной истории. Исторические факты и их интерпретация: Мат-лы XVIII Всерос. науч.-теорет. конф. Москва, РУДН, 15–16 мая 2014 г. М., 2014.

511. *Леонтьева Т.Г.* Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 2001. № 3.
512. *Литвинов Вл.П., Литвинов Вяч.П.* Патриархальное общество и мусульманской паломничество в Туркестане (эпоха средневековья и нового времени) // Образ жизни в России: история и современность: Мат-лы IX Всерос. науч.-практ. конф. студ., аспирант. и молодых ученых. Москва, 20 апреля 2007 г. М.: Изд-во РУДН, 2007.
513. *Литвинов П.П.* Государство и мусульманское право в Русском Туркестане // Ислам и исламоведение в современной России: Сб. докл. Всерос. исламоведческого форума. Махачкала: АЛЕФ, 2019.
514. *Литвинов П.П.* Исторический оптимизм распада: Размышления российского историка // В конце недели: Прил. к газ. «Слово Кыргызстана». 2004. 27 февраля.
515. *Литвинов П.П.* Исторический, судьбоносный // В конце недели: Прил. к газ. «Слово Кыргызстана». 2004. № 96. 10 сентября.
516. *Литвинов П.П.* О модели «военно-административного» управления в царской России (на примере Туркестана) // Диалог цивилизаций. культурно-цивилизационные мосты истории и современности. Бишкек: Наука, 2009. № 9.
517. *Литвинов П.П.* От Христа к Магомету: религиозное ренегатство в Средней Азии (конец XIX – начало XX вв.) (по арх. мат-лам) // Собор: Альманах по религиоведению. Елец: Изд-во ЕГПИ, 1999. С. 131–151.
518. *Литвинов П.П.* Переселення українців-сектантів до Середньої Азії наприкінці XIX – на початку XX ст. // Український історичний журнал. 1996. № 2. С. 47–55.
519. *Лобанова И.В.* Восстановление патриаршества в России в контексте политических событий начала XX века // Отечественная история. 2005. № 3. С. 139–143.
520. *Мадаева Ш.О.* Формирование религиозной идентичности традиционного общества Узбекистана: исторический аспект // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2010.
521. *Мансуров Т.А.* Приоритеты в казахстанско-российских отношениях на рубеже столетия // Отечественная история. 1999. № 6.
522. Маоизм без прикрас: Сб. / под ред. О.Е. Владимирова. М.: Прогресс, 1980.
523. *Матвеев А.М.* Восстание 1916 года в Средней Азии, зарубежные выходцы и сопредельные страны (июль 1916 – начало 1917 г.) // Научные труды Ташкентского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Вып. 441. Мат-лы по истории и археологии Узбекистана. Ташкент, 1973.
524. *Медушевский А.Н.* К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // Российская история. 2012. № 1.
525. *Медушевский А.Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3–27.
526. Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: Сб. ст. Бишкек: Нео Принт, 2017.
527. *Мерзляков В.М.* Об организации контрразведывательных органов России // Российские спецслужбы: история и современность: Мат-лы ист. чтений на Лубянке 1997–2000 гг. С. 60–74.
528. *Милюков П.Н.* Социологические основы русского исторического процесса // Отечественная история. 2008. № 1.
529. *Миндлин З.* Киргизы и революция // Новый Восток. 1924. Т. 5.
530. *Мишин И.О.* Восприятие высшей церковной иерархией самодержца как главы Русской православной церкви в 1905–1917 гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2018. Т. 17. № 2.

531. *Набиев Р.А.* Джадидский ислам мог бы развиваться накануне XXI века, но в новом качестве // Мусульмане России накануне XXI века: Мат-лы науч. конф. (Москва, 6 сентября 1997 г.). М., 1998.
532. *Немых А.П.* История возникновения первых православных общин на территории Иссык-Куля // Проблемы истории государства и культуры: Сб. ст. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2004.
533. Новейшая история Центральной Азии. Проблемы теории и методологии: Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2018.
534. *Носова Е.В.* Государственно-церковные отношения в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Труды Института мировой культуры. Вып. 4. Война. Мир. Духовное наследие. Бишкек – Лейпциг, 2005. С. 179–188.
535. *Озмитель Е.Е.* История Иссык-Кульского Свято-Троицкого монастыря // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: Сб. мат-лов. Ташкент, 2008.
536. *Озмитель Е.Е.* Религиозно-нравственное состояние переселенцев в Туркестане // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2010.
537. *Панфилов А.* Еще раз к вопросу о событиях 1916 года в Средней Азии и Казахстане // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI): Проблемы генезиса и трансформации: Мат-лы Междунар. конф. (г. Алматы, 5–7 июня 1995 г.). Алматы, 1995.
538. Патриарх Московский и всея Руси Алексей I (Симанский): Документы, письма, материалы. 1900–1919 гг. / М.И. Одинцов // Исторический архив. 2013. № 6.
539. *Поспеловский Д.* Русская православная церковь: испытание начала XX в. // Вопросы истории. 1993. № 1.
540. *Пуговкина О.Г.* «Туркестанские ведомости»: штрихи к портрету главного редактора Н.Г. Маллицкого // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2010.
541. *Рахимов Н.* На перепутье: Генерал-востоковед Н.С. Лыкошин и восстание 1916 года в Средней Азии // Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: Сб. ст. Бишкек: Нео Принт, 2017.
542. *Россель Ю.* Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы. 1878. Г. XIII. Кн. 7. Июль.
543. *Садовничий В.А.* Высшая школа России: традиции и современность // Безопасность Евразии. 2003. № 2 (12).
544. *Саидов И.* Политическое противоборство в Туркестане по решению земельного вопроса и структурному обновлению аграрной политики после падения царского режима // Россия – Узбекистан: история и современность. Ч. VI. М., 2009.
545. *Салиев А.Л.* Политические отзвуки восстания 1916 года // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16. № 3.
546. *Сорокин П.* Современное состояние России: К 80-летию первой публикации // Безопасность Евразии. 2002. № 4 (10).
547. Столкновение цивилизаций: перспективы и альтернативы: Мат-лы круглого стола // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 131–142.
548. *Таймасов С.У.* Роль Оренбургской экспедиции в присоединении Башкирии к России (1730-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 2.
549. Такое управление недопустимо! // Исторический архив. 1997. № 2. С. 4–22.
550. *Терентьев М.А.* Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. Т. 55. № 9–11.

551. *Тимченко С.В.* Среднеазиатский вопрос в англо-русских отношениях в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Мат-лы науч. конф. Барнаул: Изд-во АлтайГУ, 2008.
552. *Флыгин Ю.С.* Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867–1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2010.
553. *Фомин А.А.* Исторические этапы развития чрезвычайного законодательства в России (конец XIX–XX в.) // История государства и права: Науч.-правовое изд. 2006. № 3. С. 29–32.
554. *Хайитов Ш.* Некоторые вопросы истории узбекской эмиграции (1917–1945 гг.) // Россия – Узбекистан: история и современность. Ч. VI. М., 2009.
555. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России // Общественные науки и современность. 1995. № 3.
556. *Чокаев М.* Революция в Туркестане. Февральская эпоха (Публикация М.С. Исхакова) // Вопросы истории. 2001. № 2 (отд. оттиск). С. 1–15.
557. *Чокаев М.* Басмаческое движение в Туркестане // Азиатское обозрение. 1928. Апрель. Т. XXIV. С. 273–288.
558. *Шамолов А.А.* Национальная идея или идеология национальной независимости Таджикистана // Проблемы формирования национальной идеи в Республике Таджикистан: Мат-лы науч.-практ. конф., г. Душанбе, 18–19 апреля 2006 г. Душанбе, 2007.
559. *Шейшеканов Т.Б.* Восстание 1916 года в Туркестане и начало деятельности генерал-губернатора Куропаткина А.Н. // Тюрко-согдийский синтез: процессы культурогенеза и политогенеза в зоне Великого Шелкового пути // Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. 2004. Вып. 4. Сер. 1. Гум. науки. История. Регионоведение. Этнография. Религиоведение. Бишкек, 2004. С. 202–205.
560. *Шейшеканов Т.Б.* Государственная дума и восстание 1916 года в Туркестане // Тюрко-согдийский синтез: процессы культурогенеза и политогенеза в зоне Великого Шелкового пути // Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. 2004. Вып. 4. Сер. 1. Гум. науки. История. Регионоведение. Этнография. Религиоведение. Бишкек, 2004. С. 206–208.
561. *Шестаков А.В.* Восстание в Средней Азии 1916 года // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 84–114.
562. *Шигабдинов Р.Н.* Конфессиональная (исламская) школа в Узбекистане (1917–1929) // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: Сб. мат-лов. Ташкент, 2008.
563. *Ширин Акинер.* Акция насилия в Андижане 13 мая 2005 года // Вестник Евразии: Независ. науч. журн. 2005. № 4 (30). С. 259–260.
564. *Шкапский О.А.* Прошлое и настоящее Туркестана (К пятидесятилетию штурма г. Ташкента) (О земледелии кыргызов Ошского уезда) // Вестник Европы. 1915. № 6.
565. *Эргашев Б.Х.* К вопросу о младобухарцах // История СССР. 1990. № 4.
566. *Эркинов А.* Андижанское восстание и его предводитель в оценках поэтов эпохи // Вестник Евразии: Независ. науч. журн. 2003. № 1 (20), С. 111–137.
567. *Ювачев И.* Курбан-Джан-Датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. 1907. № 12.
568. *Яковлев В.И.* Сравнительные заметки о преобразованиях в Туркестане и Советской Средней Азии // Кентавр: Ист.-полит. журн. 1993. № 2.

Публикации в периодических изданиях

- 569. Жаны агым. 2015. № 60. 25 декабря.
- 570. Знание – сила. 1991. № 2.
- 571. Орлова Т. Открыть другие горизонты // МСН. 2006. № 21. 28 февраля.
- 572. Репортер-Бишкек. 2009. № 11 (57). 10 апреля.
- 573. Российская история. 2013. № 1.

Учебная, учебно-методическая литература, справочные издания

- 574. Абдирашидов З. Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883–1917). Токио, 2011.
- 575. Азия // БСЭ (Большая советская энциклопедия). Т. 1.
- 576. Алимова Д.А., Каримов Р.Х., Акилов К.А. и др. История Узбекистана (1917–1991): Уч. / Д.А. Алимова, Р.Х. Каримов, К.А. Акилов, К.К. Раджабов, И.А. Алимов, А.А. Маврулов. Ташкент, 2005.
- 577. Белан П.С. Границы Казахстана: краткая история формирования. Алматы, 2008.
- 578. Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских В. История Отечества: Краткий курс лекций по истории Кыргызстана. Изд. 3-е, доп. Бишкек, 2006.
- 579. Зозуля Т. История Казахстана: Справочник школьника. Алматы, 2006.
- 580. Ислам. Словарь атеиста. М.: Политиздат, 1988.
- 581. История ВКВ (б): Краткий курс. М., 1936.
- 582. История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней. Т. 1. Алма-Ата, 1949.
- 583. История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2. Фрунзе, 1986.
- 584. История кыргызов и Кыргызстана: Уч. для вузов. Изд. 3-е. Бишкек, 2000.
- 585. История кыргызов и Кыргызстана: Уч. пос. для вузов / под ред. Т.К. Койчуева, С.С. Даниярова, В.М. Плоских. Бишкек: Наука, 1996.
- 586. История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947.
- 587. История России с древнейших времен до 1861 года / под ред. Н.И. Павленко. М., 1996.
- 588. История СССР. Ч. 2. 1861–1917. М., 1978.
- 589. История таджикского народа. Т. II. М., 1964.
- 590. История таджикского народа. Т. IV. Душанбе, 2010.
- 591. История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ашхабад, 1957.
- 592. История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968.
- 593. История Узбекской ССР: С древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974.
- 594. Кохановский В.П. Философия и методология науки: Уч. для вузов. Ростов н/Д.: Феникс, 1999.
- 595. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М: Рус. яз., 1983.
- 596. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. М., 2009.
- 597. Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (С древнейших времен до наших дней): Уч. для вузов. Бишкек, 2008.
- 598. Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014.
- 599. Турлыгул Т., Жолдасбаев С., Кожакеева Л. История Казахстана (важнейшие периоды и научные проблемы): Уч. Изд. 2-е. Алматы, 2011.
- 600. Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000.
- 601. Юм Д. О суеверии и исступлении // Религия и общество: Хрест. по социологии религии / сост.: В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. Ч. 1. М.: Наука, 1994.

Литература на английском языке

602. *Bacon E.E.* Central Asia under Russian Rule. A study of Cultural Change. New-York, 1966.
603. *Becker S.* Russian protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva. 1865–1924. Harvard Univ. Press, 1968.
604. *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C.* Islam in the Soviet Union. London, 1967.
605. *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London, 2003.
606. Central Asia. 130 years of Russian Dominance: A historical overview / Ed. by E.A. Allworth. London, 1994.
607. Central Asia. A century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth. New-York – London: Columbia Univ. Press, 1967.
608. *Cobbold R.P.* The Innermost Asia: Travel and sport in the Pamirs. London, 1900. M., 2003.
609. *Crews R.* For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA; London: Harvard Univ. Press. 2006.
610. *Curzon G.N.* Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London, 1889.
611. *D'Fncausse H.K.* Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. London, 1988.
612. *Dobson G.* Russia's railway advance into Central Asia: Notes of a journey from St. Peterburg to Samarkand. London: W.H. Allen & Co., 1890.
613. *Edwardes Michael.* Playing the Great Game: A Victorian cold war. London, 1975.
614. *Esserton P.T.* In the heart of Asia. London, 1925.
615. *Geiss P.G.* Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Order in Change. London; New-York: Routledge Curzon, 2003.
616. *Gillard D.* The struggle for Asia. A study in British and Russian imperialism. London, 1977.
617. *Gladstone W.E.* Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan with her tracts. Leipzig, 1876.
618. Jadidism // Central Asian Review. 1964. Vol. XII. № 1.
619. *Krauder L.* Peoples of Central Asia. Indiana Univ. Press. 1963.
620. *Lattimore O.* Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia. Boston, 1950.
621. *Morrison A.* Russian Rule in Turkestan and the Example of British India. 1860–1917 // Slavonic and East European Review. 2006. Vol. 84. № 4.
622. *Pierse R.A.* Russian Central Asia. 1867–1917: A study of colonial rule. Los Angeles, 1960.
623. *Rywkin M.* Russia in Central Asia. London, 1963.
624. *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. In 2 vols. Vol. 2. London, 1876.
625. *Shirin Akiner.* Islamic Peoples of the Soviet Union. London, Boston, Melbourne and Henley, 1983.
626. *Skrine F.G., Ross E.D.* The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times. London, 1899.
627. *Sokol E.D.* The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1954.
628. *Strong A.L.* The road to the Grey Pamir. Boston, 1931.
629. The Cambridge History of Islam. Vol. 1. The Central Islamic lands. Cambridge Univ. Press, 1970.
630. *Weinerman E.* The Polemics between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russian's Role in the History of the Region // Slavonic and East European Review. 1993. Vol. 71. № 3.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 (а)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ АКТЫ О ВВЕДЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ УСИЛЕННОЙ ОХРАНЫ В ТУРКЕСТАНСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ (КРАЕ)

1. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении действия Положения об усиленной охране в Ферганской области, городе Ташкенте и Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском уездах Сыр-Дарьинской области. 19 октября 1894 г. // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 11000.
2. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении действия Положения об усиленной охране в Ферганской области, городе Ташкенте и уездах Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском Сыр-Дарьинской области. 13 октября 1895 г. // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1899. № 12068.
3. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении действия Положения об усиленной охране в некоторых местностях Туркестанского края. 19 октября 1896 г. // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13312.
4. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении действия Положения об усиленной охране в некоторых местностях Туркестанского края. 24 октября 1897 г. // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14576.
5. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Об объявлении Самаркандской области на положении усиленной охраны. 3 июля 1898 г. // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15762.
6. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении действия Положения об усиленной охране в некоторых местностях Туркестанского края и о принятии прочих временных мер по упрочению спокойствия в крае. 10 июля 1898 г. // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15786.
7. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении действия усиленной охраны в городе Ташкенте, в Ферганской и Самаркандской областях и в Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском уездах Сыр-Дарьинской области. 18 июня 1899 г. // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17266.
8. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении на один год срока действия усиленной охраны в некоторых местностях Туркестанского края. 3 июля 1900 г. // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18981.
9. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении на один год срока действия усиленной охраны в некоторых местностях Туркестанского края. 23 октября 1901 г. // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20668.
10. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об усиленной охране в городе Ташкенте, в Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском уездах, Сыр-Дарьинской области и областях Ферганской и Самаркандской. 28 ноября 1902 г. // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22153.

11. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении действия Положения об усиленной охране в некоторых местностях Туркестана. 27 октября 1903 г. // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23469.
12. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О продлении срока действия Положения об усиленной охране в некоторых местностях Туркестанского края. 29 октября 1904 г. // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25241.
13. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О продлении срока действия Положения об усиленной охране в городе Ташкенте, Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском уездах Сыр-Дарьинской области, и в областях Ферганской и Самаркандской. 4 августа 1905 г. // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26616.
14. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об объявлении Закаспийской области на положении усиленной охраны. 1 октября 1905 г. // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26759.
15. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – Об объявлении Положения усиленной охраны в Верненском, Джаркентском и Пишпекском уездах Семиреченской области и Перовском и Казалинском уездах Сыр-Дарьинской области. 6 февраля 1906 г. // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27336.
16. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – По вопросу об объявлении в положении усиленной охраны Закаспийской области. 12 марта 1906 г. // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27525.
17. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия введенного в Закаспийской области положения усиленной охраны. 3 июля 1906 г. // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909, № 28074.
18. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия Положения об усиленной Охране в некоторых местностях Сыр-Дарьинской области и в Ферганской и Самаркандской областях. 13 сентября 1906 г. // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28346.
19. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров – О продлении срока действия Положения усиленной охраны в Верненском, Джаркентском и Пишпекском уездах Семиреченской области и Перовском и Казалинском уездах Сыр-Дарьинской области. 2 декабря 1906 г. // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28647.
20. Именной, Высочайший указ, данный Сенату – О дальнейшем оставлении некоторых местностей Туркестанского края в исключительном положении. 15 сентября 1907 г. // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29562.
21. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О предоставлении военному губернатору Семиреченской области в отношении Верненского, Джаркентского и Пишпекского уездов прав, указанных в пунктах 3–4 статьи 16 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 26 сентября 1907 г. // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29587.
22. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия введенного в некоторых местностях Туркестанского края Положения усиленной охраны. 21 июля 1908 г. // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30842.
23. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – Об объявлении Ферганской области, городов Чарджуя, Самарканда, Ташкента, а также полосы отчуждения Средне-Азиатской железной дороги, за исключением пределов Закаспийской области, взамен Чрезвычайной, в состоянии Усиленной Охраны по продлению действия ранее принятых исключительных мер в некоторых местностях Туркестанского края. 29 июля 1909 г. // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32437.

24. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – Об объявлении полосы отчуждения Средне-Азиатской железной дороги в пределах Закаспийской области взамен чрезвычайной в положении усиленной охраны. 21 января 1910 г. // ПСЗРИ-3. Т. 30. 1910. СПб., 1913. № 32934.
25. Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия введенного в городе Ташкенте, в Ташкентском, Чимкентском, Аулиеатинском, Перовском и Казалинском уездах Сыр-Дарьинской области, в Верненском и Пишпекском уездах Семиреченской области, в Самаркандской, Ферганской и Закаспийской областях и во всех русских поселениях Бухарского Ханства Положения усиленной охраны. 15 июня 1910 г. // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33974.
26. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия введенного в городе Ташкенте, в Ташкентском, Чимкентском, Аулиеатинском, Перовском и Казалинском уездах Сыр-Дарьинской области, в Верненском и Пишпекском уездах Семиреченской области, в Самаркандской, Ферганской и Закаспийской областях и во всех русских поселениях Бухарского Ханства Положения усиленной охраны. 19 сентября 1910 г. // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34213.
27. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия Усиленной Охраны в городе Ташкенте, в Ташкентском, Чимкентском, Аулиеатинском, Перовском и Казалинском уездах Сыр-Дарьинской области, в Верненском и Пишпекском уездах Семиреченской области, в Самаркандской, Ферганской и Закаспийской областях и во всех русских поселениях Бухарского Ханства. 9 сентября 1911 г. // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 35827.
28. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия Положения Усиленной Охраны в городе Ташкенте, в Ташкентском, Чимкентском, Аулиеатинском, Перовском и Казалинском уездах Сыр-Дарьинской области, в Верненском и Пишпекском уездах Семиреченской области, в Самаркандской, Ферганской и Закаспийской областях и во всех русских поселках в пределах Бухарского Ханства. 27 августа 1913 г. // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 40214.

**ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ АКТЫ
О ВВЕДЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ОХРАНЫ
В ТУРКЕСТАНСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ (КРАЕ)**

1. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О правилах чрезвычайной охраны на железных дорогах. 14 декабря 1905 г. // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 27043.
2. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О замене введенного в Ферганской области положения об усиленной охране положением чрезвычайной охраны. 17 сентября 1906 г. // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28346.
3. Именной Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия введенного в полосе отчуждения Средне-Азиатской железной дороги и в прилегающих к ней городах и поселениях Положения чрезвычайной охраны. 14 марта 1907 г. // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 28989.
4. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О дальнейшем оставлении некоторых местностей Туркестанского края в исключительном положении. 15 сентября 1907 г. // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29562.
5. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия введенного в городе С-Петербурге и С-Петербургской губернии Положения чрезвычайной охраны. 30 декабря 1907 г. // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29938.
6. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия введенного в некоторых местностях Туркестанского края Положения Чрезвычайной Охраны. 13 марта 1908 г. // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30151.
7. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – Об оставлении некоторых местностей Туркестанского края в исключительном положении. 16 сентября 1908 г. // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 31006.
8. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении чрезвычайной охраны в Ферганской области и в полосе отчуждения Средне-Азиатской железной дороги и прилегающих к ней городах: Красноводске, Кызыл-Арвате, Асхабаде, Мерве, Чарджуе, Самарканде и Ташкенте. 19 марта 1909 г. // ПСЗРИ-3. Т. 29. 1909. СПб., 1912. № 31627.
9. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – Об объявлении Ферганской области, городов Чарджуя, Самарканда, Ташкента, а также полосы отчуждения Средне-Азиатской железной дороги, за исключением пределов Закаспийской области, взамен Чрезвычайной, в состоянии Усиленной Охраны по продлению действия ранее принятых исключительных мер в некоторых местностях Туркестанского края. 29 июля 1909 г. // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912, № 32437.
10. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – Об объявлении полосы отчуждения Средне-Азиатской железной дороги в пределах Закаспийской области взамен чрезвычайной в положении усиленной охраны. 21 января 1910 г. // ПСЗРИ-3. Т. 30. 1910. СПб., 1913. № 32934.
11. Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия введенного в городе Ташкенте, в Ташкентском, Чимкентском, Аулиеатинском, Перовском и Казалинском уездах Сыр-дарьинской области, в Верненском и Пишпекском уездах Семиреченской области, в Самаркандской, Ферганской и Закаспийской областях и во всех русских поселениях Бухарского Ханства Положения усиленной охраны. 15 июня 1910 г. // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33974.

**ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ АКТЫ
О ВВЕДЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ОХРАНЫ
В ОТДЕЛЬНЫХ МЕСТНОСТЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

1. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О продлении срока действия Положения об усиленной охране в местностях, объявленных в состоянии этого Положения. 26 августа 1882 г. // ПСЗРИ-3. Т. 2. СПб., 1886. № 1071.
2. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О продлении срока действия исключительных мер, указанных в Положении об охране государственного порядка и о распространении Положения усиленной охраны на город Саратов с его уездом. 27 августа 1883 г. // ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1718.
3. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О продлении срока действия Положения об усиленной охране. 13 августа 1884 г. // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887. № 2396.
4. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О продлении в некоторых местностях Империи еще на один год срока действия Положения об усиленной охране. 21 августа 1885 г. // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 3168.
5. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об утверждении Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия еще на три года и о продлении в некоторых местностях Империи срока действия об усиленной охране. 11 июля 1887 г. // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4651.
6. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об объявлении города Нижнего Новгорода с прилегающими к нему местностями, на время ярмарки (! – *П.Л.*), в состоянии усиленной охраны. 19 июня 1892 г. // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8766.
7. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О продлении действия Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия в некоторых местностях Империи и об объявлении на положении усиленной охраны, на время ярмарки, города Нижнего Новгорода и четырех прилегающих к нему уездов. 20 июня 1903 г. // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905, № 23180.
8. Именной Высочайший, данный Сенату – О продлении на шесть месяцев в городе С-Петербурге и С-Петербургской губернии срока действия положения чрезвычайной охраны. 30 декабря 1906 г. // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28719 и др.

Приложение 1 (в-1)

1. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров от 23 июня 1909 г. – О дальнейшем оставлении селения Змеиногорского и Змеиногорского уезда Томской губернии на положении усиленной охраны. 3 июля 1909 г. // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32316.

**АКАДЕМИК В.В. БАРТОЛЬД ОБ УПРАВЛЕНИИ
СИБИРЬЮ И РУССКИМ ТУРКЕСТАНОМ¹**

(Извлечения)

В Сибири расширение пределов государства было связано со стихийным движением народных масс; пионерами-землеискателями захватывались новые земли, обыкновенно скудно заселенные; только после этого являлись правительственные власти и войска и находили в завоеванном крае фактически уже установившуюся русскую власть, с которой приходилось считаться... *В Туркестане, в противоположность Сибири, русская власть имела полную возможность проводить свою политику... Туркестан, с его сравнительно густым населением и сравнительно высокой культурой, не мог быть присоединен к России теми способами, как Сибирь. Занятие Туркестана происходило по распоряжению правительственных властей, и ими же решались судьбы завоеванного края; непоследовательность и изменчивость правительственной политики объясняется не какими-либо внешними препятствиями при осуществлении начинаний правительства, но колебаниями самого правительства, происходившими от недостаточного знакомства с современной жизнью края и его прошлым (курсив наш. – П.Л.).*

¹ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения: В 9 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 293.

**О «ВОЕННО-НАРОДНОМ УПРАВЛЕНИИ»
В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ¹**

(Извлечения)

1. Военные Губернаторы областей Сыр-Дарьинской и Семиреченской по особому положению края соединяют в себе военное и военно-народное управление во вверенных им областях.
2. По обоим сим управлениям они подчиняются Командующему войсками Туркестанского Военного Округа, облеченному в звание Туркестанского Генерал-Губернатора.
3. По военной части они пользуются званием Командующего войсками в области и начальствуют сими войсками на основаниях, изложенных выше.
4. По военно-народному управлению в областях Начальники их руководствуются Особым Положением.
5. Уездами, на которые разделяются Сыр-Дарьинская и Семиреченская области, управляют Особые Начальники, которые именуются Уездными Воинскими Начальниками.
6. Обязанности, права, ответственность Уездных Начальников по местному военно-народному управлению, определяются Особым Положением о военно-народном управлении Туркестанского Округа.

¹ Высочайше утвержденное 13 июля 1867 г. Положение о военном управлении в областях Туркестанского Военного Округа // Именной, объявленный в приказе Военного Министра 14-го того же июля «Об учреждении Туркестанского Военного Округа». 13 июля 1867 г. // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44844. С. 1161–1164.

«ТУРКЕСТАНСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ» 1886 г.¹
о землях коренного населения края
(Извлечения)

1. За оседлым населением утверждаются земли, состоящие в постоянном его владении, пользовании и распоряжении (земли амляковые), на установленных местным обычаем основаниях.
2. Государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное общественное пользование кочевников, на основании обычаев.
3. Находящиеся в пользовании кочевников земли делятся на зимовые стойбища (зимовки), летние кочевья (летовки) и обрабатываемые земли.
4. Зимовые стойбища предоставляются в бессрочное пользование каждой волости отдельно, по действительному пользованию и согласно обычаям.

¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета – Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 339.

**ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА МВД
О РЕЛИГИОЗНОСТИ РОССИЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ¹**

Из доклада Заведующего Асхабадским розыскным пунктом ротмистра А.А. Фиркса от 23 октября 1915 г. товарищу министра внутренних дел, директору Департамента полиции, сенатору С.П. Белецкому (Извлечения)

Раздел: РЕЛИГИЯ И СЕКТАНТСТВО

Церквей в области сравнительно мало, из них многие закрыты за отсутствием священников, которые в действующей армии, епархиальных священников не назначают взамен ушедших. Бывали случаи в области, что некому было отслужить благодарственного молебна о даровании победы воинам. Открытые церкви посещаются преимущественно нижними чинами, горожане отсутствуют. *Сектанты в связи с этим обстоятельством проявляют свою активность и в сем году было 7 случаев тайных переходов в сектантство. Сектанты эти – баптисты, выходцы из Кавказа. 18 октября сего года состоялась первая противосектантская лекция пастырско-миссионерского противосектантского общества в Крестовой церкви г. Асхабада (курсив наш. – П.Л.).*

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84 – Туркестанское генерал-губернаторство. Донесения Начальника Туркестанского районного охранного отделения и заведующих розыскными пунктами в гг. Асхабаде и Верном. Л. 3–4, 42.

Из доклада Заведующего Верненским розыскным пунктом ротмистра Железнякова от 21 октября 1915 г. товарищу министра внутренних дел, директору Департамента полиции, сенатору С.П. Белецкому
(Извлечения)

Раздел: РЕЛИГИЯ И СЕКТАНТСТВО

Отношение русского населения к религии индифферентное и рельефно может быть охарактеризовано словом «агностицизм». Церковь посещают очень немногие и вообще религиозность отошла в область предания и если сохранилась, то исключительно лишь между женщинами. Сект религиозно-политического типа (штунда, баптизм, адвентизм) в области нет. В двух-трех местах имеются отдельные представители баптистов и меннонитов, но они своего учения не распространяют, так как самые серьезные были недавно выхвачены и преданы суду. Такое малое распространение религиозно-политических сект надо отнести к благополучию края, *ибо местное духовенство, стоя на низкой степени развития, не имеет духовного влияния на население и было бы бессильно в борьбе с распространением сектантства»* (курсив наш. – *П.Л.*).

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ АГЕНТ В БУХАРЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТУРКЕСТАНСКОГО РАЙОННОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
В СРЕДЕ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА¹**

Рутинные приемы Охранного Отделения никогда не могут дать благоприятных результатов ни в Бухаре, ни, вероятно, в Туркестанском крае. Наблюдение за мусульманами вообще очень трудное дело, требующее прежде всего основательного знания языка и достаточных денежных средств для оплаты агентов, набираемых из всех слоев населения. Требуется стройная организация, которая могла бы давать, помимо постоянного материала, и все необходимые к известному моменту сведения... Сотрудники Охранного Отделения не в состоянии дать проверенных данных. Все сообщаемые ими сведения носят характер плохо понятых базарных толков и сплетен. Скучный материал, добываемый ими в толпе, чайнях и на базарах, они дополняют своими выдумками, в зависимости от того, какие в данный момент требуются сведения. Фактических же данных, за очень редкими исключениями, они доставить не в силах.

¹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 83 «б» – Полицейское управление и полицейские чиновники в Бухаре (их деятельность и разная переписка о ней). Л. 5 об. – 6.

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ А.Ф. КЕРЕНСКОГО
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
ПО ПОВОДУ ВОССТАНИЯ 1916 г. В ТУРКЕСТАНЕ
(декабрь, 1916 г.)¹**

Председатель Совета Министров и Министр Внутренних Дел никоим образом не мог по телеграфу еще в конце июня, т. е. до опубликования в Собрании узаконений и распоряжений Правительства требовать по телеграфу от местных властей (военных. – *П.Л.*) немедленного и неукоснительного исполнения Высочайшего Повеления от 25 июня... предъявляя это требование к исполнению местным властям, Министр Внутренних Дел и Председатель Совета Министров не считал для себя даже обязательным выполнение точной воли, изложенной в Высочайшем Указе.

¹ Стенографический отчет заседаний IV Государственной Думы по обсуждению запросов депутатов о восстании в Туркестане и Степных областях. 1916 г., декабря 13–15 // Кыргызстан – Россия: История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и мат-лов. Ч. 1... С. 219.

**А.Ф. КЕРЕНСКИЙ О РОССИЙСКОМ
УПРАВЛЕНИИ ТУРКЕСТАНОМ¹**

На Западе широко распространено мнение, что в своем стремлении русифицировать мусульманское население Россия уничтожила ранее сложившуюся цивилизацию Средней Азии. Я своими глазами наблюдал результаты русского правления в Туркестане и считаю, что они делают честь России. Успех зиждился на терпимости к местному образу жизни. Русские города росли и процветали бок о бок с местным населением. Наряду с сохранением традиционной системы мусульманского обучения, открывались русские школы, которые были доступны всем. Местная судебная система, основанная на Коране, сосуществовала с открытым судебным разбирательством, принятым в России.

¹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 123–124.

О ХАРАКТЕРЕ ВОССТАНИЯ 1916 Г. В ТУРКЕСТАНЕ¹

Народно-освободительное в целом восстание 1916 г. сопровождалось, однако, и рядом кровавых межнациональных столкновений, от которых пострадала значительная часть переселенческого и коренного населения края.

Трагичными были по своим последствиям внезапные нападения восставших на переселенческие поселки в южной части Семиречья. Здесь, главным образом в Пишпекском и Пржевальском уездах, были разгромлены 94 переселенческих поселка. Нападения сопровождались убийствами и избиениями, нередко зверскими, без различия возраста, пола и занятия, насилиями и надругательствами над женщинами.

Столь же печальная участь постигла десятки русских селений по северному побережью оз. Иссык-Куль и отдельных – по южному, а также в Атбашинском и Нарынском участках Пржевальского уезда. Объектами нападений оказывались и народные школы (в сожженной ферме Пржевальской сельхозшколы погибли многие учителя, ученики и спасавшиеся там сельчане), и культовые учреждения (Иссык-Кульский монастырь (мужской. – *П.Л.*), сельские храмы и молитвенные дома), и гидротехнические посты с женским техперсоналом и т. п. Попытки нападения восставших на крупные населенные пункты (Токмак, Пржевальск) были неудачны.

В результате в Семиреченской области пострадали главным образом простые крестьяне-переселенцы, женщины, дети и старики (мужчины призывных возрастов были в армии), в то время как царская администрация во всем Семиречье понесла незначительные потери. Только в Пишпекском и Пржевальском уездах из числа мирного населения было убито 2227, ранено 834, пропало без вести и взято в плен 1364 человека, имущественно пострадали 6024 семьи переселенцев. Сравните: потери войск во всей Семиреченской области составили убитыми и ранеными всего 177 человек. Дело в том, что *повстанцы нередко видели своих угнетателей во всех пришлых русских, украинцах и др., не особенно разбирались в их социальной дифференциации и, как правило, отождествляли колониальных угнетателей со всей Российской империей и русским народом в целом* (курсив наш. – *П.Л.*).

В ходе подавления и после разгрома восстания роли поменялись. Теперь страдающей стороной стало кыргызское и другое мусульманское население. Переселенцы, провоцируемые царскими властями, при их попустительстве и даже содействии жестоко разбирались с коренными жителями, не разбираясь особо: участвовали они в восстании или нет. Расправы над повстанцами выдавались за акты справедливого возмездия.

¹ История кыргызов и Кыргызстана: Уч. пос. для вузов... (1996). С. 155–156.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Историография, источники и методология проблемы	19
Глава 2. Предпосылки восстания 1916 года	62
Глава 3. Причины восстания 1916 года в Туркестане	87
Глава 4. Основные черты мотивации повстанцев	104
Глава 5. Основные события восстания 1916 года	111
Глава 6. Мусульманское духовенство и восстание 1916 года	144
Глава 7. Злоупотребления представителей царской власти в Туркестанском крае	167
Глава 8. О позиции «туземной» элиты в восстании	177
Глава 9. Межцивилизационное сотрудничество местного и русскоязычного населения Туркестана	196
Глава 10. Русская православная церковь до, во время и после восстания 1916 года в Туркестане	215
Глава 11. Царская «охранка» в дни восстания 1916 года	254
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	300
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	312
ПРИЛОЖЕНИЯ	340

Петр Петрович Литвинов

1916 год: ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОПТИМИЗМ ТРАГЕДИИ

Редактор *К. Тимофеева*
Компьютерная верстка *А.Ш. Мельниковой*

Подписано в печать 31.01.2022
Печать офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₈.
Объем 44,5 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 1

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии ИП Мельников